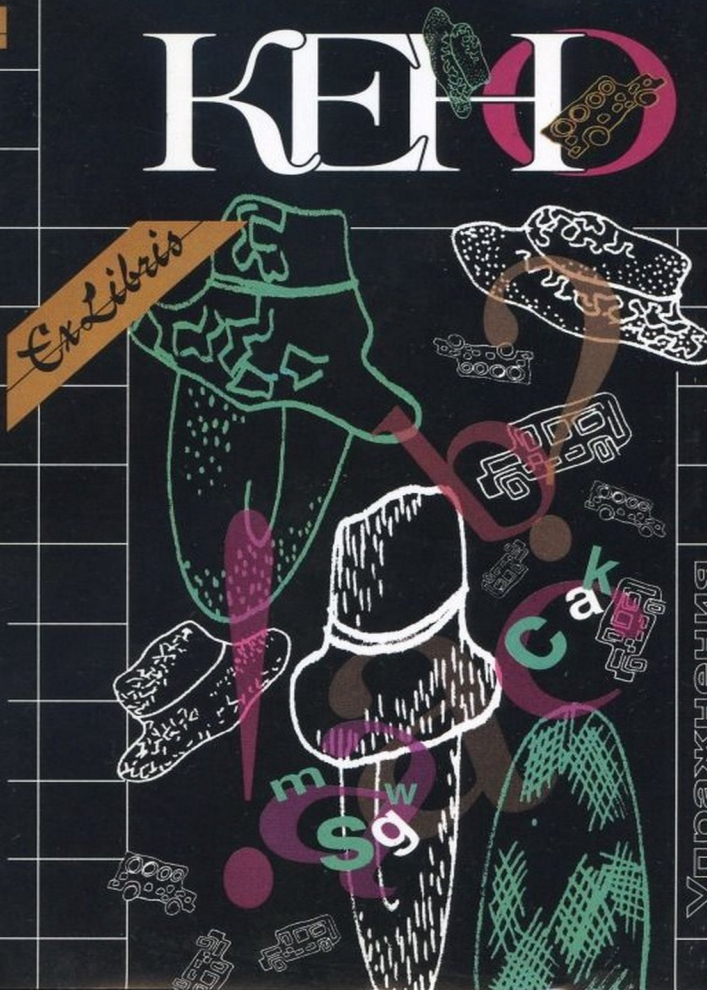
РАЙМОН КЕНО

КЕНО



Упражнения в стиле

Упражнения в стиле Раймон Кено

Аннотация
Раймон Кено. УПРАЖНЕНИЯ В СТИЛЕ
УПРАЖНЕНИЯ В СТИЛЕ. (Перевод В. Кислова)
Заметка
Вдвойне
Литота
Метафора
Наоборот
Удивление
Сон
Предсказательно
Синхиза
Радуга
Лого-ралли
Неуверенность
Точность
Субъективность
Другая субъективность
Рассказ
Сочетание слов
Отрицание
Анимизм

Анаграмма
Разница
Гомиотелевт
Официальное письмо
Аннотация
Ономатопея
Логический анализ
Настойчивость
Неведение
Неопределенная форма
Настоящее время
Совершенный вид
Несовершенный вид
Александрийский стих
Полиптота
Афереза
Апокопа
Синкопа
Лично я
Восклицание
Значит
Раздуто
Вульгарно
Допрос
Комедия
Отступления

Парехеза
Призрачно
Философично
Апострофа
Неумело
Небрежно
Пристрастно
Сонет
Обоняние
Вкус
Осязание
Зрение
Слух
Телеграфично
Ода
Перестановка растущих групп букв
Перестановка растущих групп слов
Эллинизмы
С точки зрения теории множеств
Определительно
Танка
Верлибр
Сдвиг
Липограмма
Англицизмы
Простеза

Эпентеза
Парагога
Части речи
Метатеза
Сзади — спереди
Имена собственные
Лушербем
Жаванэ
Антонимия
Macaronismy
Омофония
Итальянизмы
Dlya Anglichian
Акрофония
Ботаническое
Врачебное
Грубо
Гастрономическое
Зоологическое
Беспомощное
В стиле модерн
Вероятностно
Описание
Геометрически
По-деревенски
Междометия

Вычурно
Неожиданно
ЗАЗИ В МЕТРО. (роман). (Перевод Л. Цывьяна)
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX
ГОЛУБЫЕ ЦВЕТОЧКИ. (роман). (Перевод И. Волевич)
I
II

III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX
XX
XXI
РАССКАЗЫ
Когда разум... (Перевод В. Кислова)
Паника. (Перевод В. Кислова)
На краю леса. (Перевод А. Захаревич)
Жуть зеленая. (Перевод В. Кислова)
Несколько общих замечаний. относительно. аэродинамических свойств сложения. (Перевод

А. Захаревич)
СКАЗКА НА ВАШ ВКУС. (Перевод А. Миролюбовой)
МИМОХОДОМ. (один плюс один акт в преддверии драмы). (Перевод В. Кислова)
ПРИЛОЖЕНИЕ. (Перевод В. Кислова)
Р. Кено. ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА
Р. Барт. ЗАЗИ И ЛИТЕРАТУРА
В. Кислов. Послесловие

Аннотация

УДК 82/89
ББК 84.4 Фр
К35

Перевод с французского

Составление и послесловие
Валерия Кислова

Комментарии
Ирины Волевич, Алины Поповой, Валерия Кислова

Художник
Михаил Занько

Кено, Раймон
Упражнения в стиле: Романы, рассказы и др. /
Пер. с франц.; Послесл. В. Кислова; Комм. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.

— СПб.: «Симпозиум», 2001. — 618 с.

ISBN 5-89091-130-9

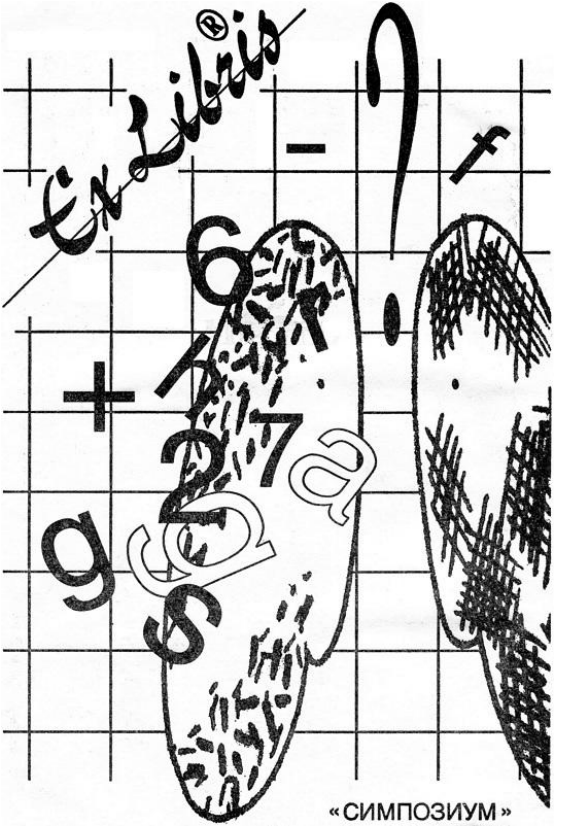
Раймон Кено (1903–1976) — один из крупнейших писателей Франции XX в., творчество которого развивалось под знаком предложенной им глубокой реформы французского языка. В настоящий том вошли программные произведения Кено, созданные после Второй мировой войны: не поддающиеся классификации «Упражнения в стиле» (1947), романы «Зази в метро» (1959) и «Голубые цветочки» (1965), а также рассказы, «Сказка на ваш вкус» и пьеса «Мимоходом».

Раймон Кено принадлежал я числу тех обыкновенных гениев, что умеют с поразительной виртуозностью сочетать в своем творчестве серьезное и несерьезное. Можно считать его великим выдумщиком, неистощимым по части изобретения литературных игр, специалистом по переводу «с французского на джойсовский». А можно — человеком, видевшим свою миссию в глубокой реформе французского языка и посвятившим этому делу всю жизнь. Один из крупнейших авторитетов в области ’патафизики, отец-ос-

нователь Цеха Потенциальной Литературы, Кено открыл перед изящной словесностью головокружительные перспективы. И произведения, собранные в этом томе, — лучшее тому свидетельство.

© Издательство «Симпозиум», 2001
© В. Кислов, составление, послесловие, 2001
© И. Волевич, А. Попова, В. Кислов, комментарии, 2001
© А. Миролюбова, перевод, 1988
© И. Волевич, перевод, 1994
© А. Захаревич, В. Кислов, Л. Цывьян, перевод, 2001
© М. Занько, оформление, 2001
® М. Занько & Издательство «Симпозиум»: серия «Ex Libris»,
промышленный образец. Патент РФ № 42170

Раймон Кено
УПРАЖНЕНИЯ В СТИЛЕ



«СИМПОЗИУМ»
Санкт-Петербург 2001

РАЙМОН КЕНО
RAYMOND QUENEAU

КЕНО

Exercices de style
Упражнения в стиле

УПРАЖНЕНИЯ В СТИЛЕ [*]

(Перевод В. Кислова)

---

[*] Примечания: *

УПРАЖНЕНИЯ В СТИЛЕ (Exercices de style) впервые опубликованы в 1943 г. в женевском журнале «Мессаж». Отдельной книгой вышли в 1947 г. в издательстве «Галлимар». Впоследствии было издано несколько измененных вариантов: в 1954 г. — в журнале «Ар», с включением двух неизданных упражнений по случаю выпуска фирмой «Филипс» пластинки с записью «Упражнений в стиле». В 1961 г. появилось издание в «каллиграфированном и литографированном» виде (художник Габриэль Пари) тиражом в 93 экземпляра. В 1963 г. книга вышла с предисловием автора и отдельным типографическим шрифтом для каждой истории; 33 упражнения были к тому же разрисованы, раскрашены, а иногда и вылеплены художником Карельманом. Это издание включало, сверх того, список из 123 придуманных, но так и не написанных упражнений. При почти постоянном сохранении символического количества упражнений (99) состав книги часто менялся. Последнее прижизненное издание вышло в 1973 г. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Заметка [*]

В автобусе маршрута S, в час пик. У одного типа лет двадцати пяти фетровая шляпа со шнурком вместо ленты и слишком длинная шея, как будто ее специально растягивали. Люди выходят. Тип, о котором идет речь, возмущается: обвиняет

---

[*] Примечания: *

Заметка. — Маршрут автобуса № 84 (бывший S) никогда не проходил перед вокзалом Сен-Лазар. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

своего соседа в том, что тот толкается всякий раз, когда кто-то протискивается мимо. Ноющий тон с претензией на угрозу. Как только увидел освободившееся место, сразу к нему бросился.

Два часа спустя встречаю его на Римской площади, перед вокзалом Сен-Лазар. Он — с приятелем, который ему говорит: «Пришил бы ты пуговицу к своему плащу». Он ему объясняет, где (разрез плаща) и почему.

Вдвойне

В середине дня, в полдень, я заходил и поднимался на заднюю площадку и платформу едва ли не битком набитого и почти переполненного общественного средства передвижения, автобуса маршрута S, который идет от площади де ла Контрэскарп до ворот Шамперре. Я увидел и заметил одного довольно смешного и изрядно гротескного молодого человека, или пожилого подростка с худым горлом и тощей шеей, на котором был головной убор, а именно шляпа, обмотанная какой-то веревкой, то есть шнурком. В толкотне и давке он говорит и произносит слезливым и ноющим голосом и тоном, что его сосед и попутчик специально и умышленно его толкает и пихает

каждый раз, когда кто-то вылезает и выходит. Высказав и проговорив это, он направляется, устремляясь, к освободившимся и опустевшим месту и сиденью.

Через два часа, спустя сто двадцать минут, я его вновь вижу и опять встречаю на Римской площади, перед вокзалом Сен-Лазар. Он в компании и в сопровождении друга-приятеля, который ему советует и подсказывает добавить и пришить еще один костяной кружок, то есть пуговицу, к его накидке, то бишь плащу.

Литота [*]

Нас было немало, и передвигались мы сообща. Один молодой человек не очень умного вида перекинулся парой слов с господином, который находился рядом с ним, после чего прошел дальше и сел. Спустя два часа я встретил его снова; он стоял со своим товарищем, они говорили о тряпках.

---

[*] Примечания: *

Литота — риторический прием, при котором лаконичное и часто ироничное высказывание подразумевает больше, чем говорится. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Метафора

В самый разгар дня прилипший к месиву из бочковых селедок, путешествующих в жестко-панцирном чудище с белесой мордой, какой-то цыпленок с ощипанной шеей прицепился к одной вполне миролюбивой рыбине и принялся сотрясать воздух своим жидким от негодования писком. Затем, клюнув на представившуюся возможность, упорхнул к освободившемуся местечку.

В тот же самый день я увидел, как на мрачном городском пустыре с него сбивали спесь по поводу какой-то пуговицы.

Наоборот

«Добавил бы ты еще одну пуговицу к своему плащу», — сказал ему приятель. Я увидел его беседующим посреди Римской площади, ранее наблюдая, как он жадно бежал к сиденью. Перед этим он возмущался поведением другого пассажира, который, по его словам, толкал его всякий раз, когда кто-то выходил. На этом худосочном молодом человеке была смехотворная шляпа. Это

происходило на площадке автобуса S, который был переполнен в середине того дня.

Удивление

И как только нам удалось втиснуться на площадку этого автобуса?! До чего же глупый и смешной вид был у того парня! Что он делал? Пытался затеять ссору с дядькой, который — так заявлял этот напыщенный юнец — его толкал! А потом не нашел ничего лучшего, как быстро занять освободившееся место! Вместо того чтобы уступить его какой-нибудь даме!

Угадайте, кого я встретил через два часа у вокзала Сен-Лазар! Того же самого пижона! Он еще получал советы по поводу своей одежды! От своего приятеля!

Просто не верится!

Сон

Мне казалось, что я погружен в какую-то перламутровую дымку вместе с окружающим меня множеством расплывчатых очертаний, среди которых все же довольно отчетливо вырисовывался силуэт молодого человека, чья слишком

длинная шея словно уже сама по себе свидетельствовала о трусливом и в то же время ворчливом характере ее владельца. Ленту на его шляпе заменяла витая веревка. Чуть позже он спорил с каким-то индивидуумом, — которого я не сумел различить, — после чего, словно испугавшись, исчез во мраке какого-то прохода.

Во второй части сна я видел, как он идет под ярким солнцем перед вокзалом Сен-Лазар. Он — с попутчиком, который ему говорит: «Пришил бы ты еще одну пуговицу к своему плащу».

Тут я и проснулся.

Предсказательно

Когда наступит полдень, ты окажешься на задней площадке автобуса, где среди толпящихся пассажиров заметишь чудаковатого юнца: костлявая шея и мягкая шляпа без ленты. Этот малый будет чувствовать себя не очень комфортно. Ему покажется, что всякий раз, когда протискиваются входящие и выходящие пассажиры, один мужчина его нарочно толкает. Он ему об этом скажет, но тот с презрением ничего не ответит. Оробев, чудаковатый юнец от него ускользнет и усядется на свободное место.

Ты увидишь его чуть позднее на Римской площади, перед вокзалом Сен-Лазар. Его будет сопровождать друг, и ты услышишь следующие слова: «Твой плащ плохо застегивается, тебе надо бы пришить еще одну пуговицу».

Синхиза [*]

В смешного молодого со человека я стоял однажды автобусе маршрута S переполненном возможно из-за растяжки с шеей удлиненной шнурком в шляпе, я заметил одного. Высокомерным и плаксивым тоном, который находится рядом с ним, выражает господина свое поведением возмущение он. Ибо раз тот всякий его толкал, выходили якобы люди когда. Садится и бросается, к месту сказав это освободившемуся. Я ему на пуговицу спустя; встречаю его одну; приятель часа советует к плащу Римской площади пришить еще два.

---

[*] Примечания: *

Синхиза — риторический прием, заключающийся в синтаксическом смешении, которое делает текст непонятным. При этом извращается нормативная структура фразы; нарушается порядок слов, управление предлогов, согласование времен и т. п. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Радуга

Однажды я стоял на площадке фиолетового автобуса. Там находился один довольно смешной молодой человек: синюшная шея, веревка на шляпе. Внезапно он начинает возмущаться поведением одного голубого господина. В частности, зеленея от негодования, обвиняет его в том, что тот толкает его всякий раз, когда кто-то выходит. Сказав это, он устремляется к желтому сиденью и садится.

Через два часа встречаю его перед оранжевым вокзалом. Он — с приятелем, который советует ему пришить еще одну пуговицу к его красному плащу.

Лого-ралли [*]

(Приданое, штык, враг, часовня, атмосфера, Бастилия, письмо.)

Однажды я стоял на площадке автобуса, который, вне всякого сомнения, являлся частью

---

[*] Примечания: *

Лого-ралли — игра, целью которой является составление связного текста по любым произвольно заданным ключевым словам. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

приданого дочери г. Марьяжа[1], вершащего судьбами Т.С.Р.П.[*] Там находился молодой человек, который выглядел довольно смешно, но не потому, что он не имел при себе штыка, а потому, что делал вид, будто его имел, на самом деле его не имея. Вдруг этот молодой человек набрасывается на своего врага, господина, стоящего за ним. Он обвиняет его в том, что тот ведет себя не так обходительно, как подобает себя вести в часовне. Накалив таким образом атмосферу, этот засранец уселся.

Через два часа я встречаю его в двух-трех километрах от Бастилии в компании приятеля, который советует ему пришить пуговицу к плащу; этот совет он мог бы изложить и в письме.

Неуверенность

Я не очень хорошо помню, где это происходило... в церкви, на свалке, в морге? Быть может, в автобусе? Там находились... что же там могло

---

[1] Примечания: 1

Mariage *(фр.)* — брак, свадьба.

[*] Примечания: *

Т.С.Р.П. — В оригинале: T.C.R.P. — Transport en Commun de la Region Parisienne (Общественный Транспорт Парижского Округа). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

находиться? Яйца, ковры, редиска? Скелеты? Да, но скелеты с еще не сгнившей плотью и живые. Полагаю, именно так. Люди в автобусе. Но среди них был один (или два?), который отличался даже не знаю, чем именно. Своей мегаломанией? Адипозией[*]? Меланхоличностью? Нет, скорее... точнее... своей молодостью, украшенной длинным... носом? Подбородком? Пальцем? Нет. Шеей и странной-престранной шляпой. Он ввязался в ссору, да-да, точно, в ссору с другим пассажиром... Мужчиной или женщиной? Ребенком? Стариком? Все закончилось тем, что... закончилось тем, что каким-то образом завершилось... Возможно, бегством одного из противников.

Кажется, я снова встретил этого персонажа, но вот где именно? Перед церковью? Перед моргом? Перед свалкой? В компании с товарищем, который о чем-то с ним говорил... но о чем? О чем? О чем?

Точность

В 12.17 в автобусе длиной в 10 м, шириной в 2,1 м, высотой в 3,5 м, выполняющем рейс по

---

[*] Примечания: *

Адипозия — тканевое ожирение. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

маршруту S с 48 пассажирами на борту, в 3 км 600 м от пункта отправления один индивидуум мужского пола, возраст 27 лет 3 месяца и 8 дней, рост 1 м 72 см, вес 65 кг, чью голову покрывала шляпа высотой в 17 см, основание которой окружала лента длиной в 35 см, адресовал мужчине, возраст 48 лет 4 месяца и 3 дня, рост 1 м 68 см, вес 77 кг, сообщение из 14 слов, формулирующих высказывание, которое длилось 5 секунд и смысл которого имел отношение к вынужденным перемещениям на расстояние от 10 до 20 мм. Затем первый индивидуум отошел от второго на расстояние 2 м 10 см. Сел.

118 минут спустя он находился в 10 м от вокзала Сен-Лазар, напротив выхода к пригородным поездам, и прогуливался, проходя расстояние в 30 м туда и обратно вместе с товарищем, возраст 28 лет, рост 1 м 70 см, вес 71 кг, который в 15 словах посоветовал ему переставить на 5 см строго по вертикали вверх пуговицу диаметром в 3 см.

Субъективность

В тот день мой внешний вид не давал мне никаких поводов для недовольства. Я как раз придумал новый наряд: в меру кокетливую

шляпу и фасон плаща, который представлялся мне весьма удачным. Перед вокзалом Сен-Лазар встретил Х, который попытался испортить мне все удовольствие, стараясь доказать, что мой плащ некрасиво распахнут и что я должен пришить еще одну пуговицу. Хорошо еще, что он не осмелился критиковать мой головной убор.

Чуть раньше я как следует осадил одного хама, который умышленно обходился со мной крайне грубо всякий раз, когда кто-то проходил мимо от входа или к выходу. Все происходило в одном из этих противных автобусонов, которые заполняются народцем именно в то время, когда я вынужден использовать сей вид транспорта.

Другая субъективность

Сегодня в автобусе рядом со мной, на площадке, стоял сопляк, из тех, что уже почти все выродились (и к счастью, потому что иначе мне пришлось бы убивать их на месте). Что до этого мальчишки лет двадцати шести — тридцати, то он меня раздражал особенно, и не столько своей длинной, как у ощипанного индюка, шеей, сколько этой дурацкой лентой на шляпе, даже не лентой, а какой-то веревкой баклажанного цвета.

Что за ублюдок! До чего же мерзкий! Поскольку к этому времени в автобусе было уже много народу, каждый раз в толкучке при входе и выходе пассажиров я локтем пихал его под ребро. В конце концов он трусливо сбежал, не дожидаясь, когда в назидание я начну отдавливать ему ноги. А еще, чтобы его как следует поддеть, я бы ему сказал, что на его плаще недостает одной пуговицы.

Рассказ

Однажды около полудня в районе парка Монсо, на задней площадке изрядно заполненного автобуса, следующего по маршруту S (сейчас ему соответствует 84-й номер), я заметил персонажа с очень длинной шеей, на котором была мягкая фетровая шляпа с витым шнурком вместо ленты. Внезапно этот человек начал приставать к своему соседу, утверждая, что тот умышленно наступает ему на ноги всякий раз, когда пассажиры входят и выходят. Впрочем, он скоро прервал выяснение отношений и поспешил занять освободившееся место.

Через два часа перед вокзалом Сен-Лазар я вновь увидел его во время оживленной беседы с приятелем, который советовал ему обратиться к

опытному портному, чтобы тот передвинул чуть выше верхнюю пуговицу и тем самым уменьшил разрез на его плаще.

Сочетание слов

Я толпотворительно автобусотрясся и заднеплощадничал в полуденно-лютецианском пространстве-времени[*], когда засоседил длинношеего кругоплетеного шляпсопляка. Который говорил одному пассажирананиму: «Вы менярошно толкаждаете разходямимо». Выплеснув это, свободоместно дорвался. В последующей пространственно-временности я увидел его вновь: он пред-сен-лазаритствовал с Х, который ему говорил: «Ты бы придопугвил свой плащ» — и прокакобразно гдебъяснял.

Отрицание

Это был не корабль и не самолет, а наземное транспортное средство. Это было не утром и не вечером, а в полдень. Это был не старик и не

---

[*] Примечания: *

...в полуденно-лютецианском пространстве-времени. — Лютеция — название галльской деревни, располагавшейся на месте современного Парижа. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ребенок, а молодой человек. Это была не лента и не веревка, а плетеный шнурок. Это была не процессия и не драка, а толчея. Это был не добряк и не злодей, а ворчун. Это была не правда и не ложь, а повод. Это был не стоймя и не лежа, а желающий сидя быть.

Это было не вчера и не завтра, а в тот же день. Это был не Северный вокзал и не Лионский вокзал, а вокзал Сен-Лазар. Это был не родственник и не посторонний, а друг. Это было не оскорбление и не насмешка, а совет по поводу одежды.

Анимизм [*]

Одна мягкая, коричневая, раздвоенная шляпа с опущенными полями, опоясанная плетеным шнуром, находилась среди прочих шляп; ее бросало в дрожь от неровностей дороги, которые передавались ей через колеса автомобильного средства, перевозящего ее, шляпу. На каждой остановке во время перемещения пассажиров она, шляпа, ощущала довольно сильные боковые толчки, что в конце концов вывело ее из себя. Она выразила свой гнев посредством человече-

---

[*] Примечания: *

Анимизм — одушевление неодушевленных предметов. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ского голоса, связанного с ней через массу плоти, структурно оформленной вокруг костной квазисферы с несколькими отверстиями, которая располагалась под ней, шляпой. Затем она, шляпа, внезапно села.

Через час или два я вновь увидел, как она, шляпа, перемещалась взад и вперед на расстоянии приблизительно одного метра шестидесяти шести сантиметров от земли перед вокзалом Сен-Лазар. Какой-то приятель советовал ей пришить дополнительную пуговицу к ее плащу... дополнительную пуговицу... к ее плащу... сказать ей такое... ей, шляпе!

Анаграмма

В тубовасе S сча кип; какой-то тукъебс (цвад дети шита тел) с линдной хуйдо ешей и пляшой, шукаренной ревеквой вместо тылен, сропил с гудрим пустневешетником, которого он ябвонил в том, что тот его локтает пицесально. Онактючив таким образом, он трусмеляется к собводному смету.

Сач супстя я савно втачесрю его на мирской лопщади, перед козвалом Нес-Залра. Он лыб с авортищем, который ему горовил: «Пширил бы

ты плодонительную поцувигу к своему щаплу». Он ему запокал где (разрез).

Разница

В автобусе (который не следует путать с автопсией опуса) я высмотрел (не замастыривая) одного персонажа (не перса с ножом), украшенного (а не ух страшенного) шляпой (но не плешью) с круговым плетеным шнурком (но не с упругой шкурной плеткой). Он был обладателем (но не бил воблой по лбу дательно) длинной шеи (а не дрянной шлеи). Поскольку толпа напирала и давила (не пердела, делая вид), один новоявленный пассажир (не вонью вяленый жиропас) двинул вышеназванного (не крышей двинутого). Тот возбух (не стух в бозе), но, увидев свободное место (не уд вдев в сдобное тесто), к нему устремился (не ус рея мылся).

Позднее я его заметил (не его зам этил) перед вокзалом Сен-Лазар (а не в загс-холле в сени лаза азарта); он беседовал с другом (не бес сетовал стругом) о пуговке на одежде (которую не следует путать с луковкой надежды).

Гомиотелевт [*]

Однажды я угодил в автомобил, который меня (как и остальных мудил-простофил) перевозил от стропил Контрэскарп до вилл Шамперре. В нем мельтешил и чудил один дрозофил: хил, субтил, инфантил, шея-шпил из одних жил. Всех смешил его стил. Нацепил на свой рыл бандурил (текстил, винил, акрил), накрутил канитил из шимшилл и удил. Какой-то горилл изо всех сил его давил и изводил: норовил уничижить его в утил. Дрозофил завопил: «Гамадрил! Дебил!», но скрыл свой пыл, отступил от перил и обезопасил свой тыл.

Спустил сто минутил я его узрил около Бастил, где он говорил с одним из кутил по поводу пуговил, пуговил, которые не пришил на свой дождевил.

Официальное письмо

Имею честь проинформировать Вас о нижеследующих фактах, беспристрастным и одно-

---

[*] Примечания: *

Гомиотелевт — повторение слога с одинаковым звучанием в конце слова или группы слов. Может считаться частным случаем парехезы. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

временно возмущенным свидетелем которых я оказался.

В тот день, приблизительно в полдень, я находился на площадке автобуса, который следовал по улице Курсель в направлении площади Шамперре. Указанный автобус был заполнен пассажирами и даже — осмелюсь заявить — более чем заполнен, ибо кондуктор впустил в салон сверхдопустимое количество претендентов на право проезда, сделав это без какого-либо законного основания, но лишь по причине чрезмерной доброты души, которая граничила с фактическим попустительством и в итоге привела к нарушению установленных правил. На каждой остановке приток и отток входящих и выходящих пассажиров создавал определенную толчею, которая вызывала протест — впрочем, не очень энергичный — одного из них. Считаю своим долгом заметить, что чуть позднее он сел, как только представилась соответствующая возможность.

К этому краткому изложению могу добавить следующее примечание: спустя какое-то время мне пришлось наблюдать этого же пассажира в сопровождении мужчины, личность которого я не сумел установить. Сюжетом их оживленной беседы являлись вопросы эстетического харак-

тера.

Принимая во внимание эти обстоятельства, прошу Вас дать рекомендации относительно выводов, которые мне следует сделать из изложенных фактов, а также поведения, которого, по Вашему мнению, предстоит придерживаться в дальнейшем.

В ожидании Вашего ответа прошу принять, сударь, заверения в моем совершеннейшем почтении.

Аннотация

В своем новом романе, написанном в свойственной ему блестящей манере, известный романист Х, перу которого мы уже обязаны столькими шедеврами, постарался изобразить чрезвычайно характерных персонажей, действующих в ситуации, понятной как взрослым, так и юным читателям. Интрига разворачивается вокруг встречи в автобусе главного героя с довольно загадочным персонажем, который вступает в конфликт с одним из появившихся пассажиров. В финальном эпизоде мы видим, как эта таинственная личность с большим вниманием слушает советы своего друга, наставника по

части дендизма. Рубило мастера дарит нам чарующее ощущение редкой и радостной гармонии.

Ономатопея [*]

Площадка щак-щак автобуса би-би дрын-дрын маршрута S (о чем шипят пресмыкающиеся, шуршащие в шелестящих камышах[*]), приблизительно в полдень дин-дон, дин-дон, один потешный недоросль тыр-пыр, на котором был головной убор из разряда ку-ку, резко развернулся (ррраз!) к своему соседу и злобно брррр забурчал бур-бур-бур: «Вы, сударь, меня специально толкаете!» Хрясь! На этом он фьють! и, шмыг, шмыгнул к свободному месту и, плюх, на него плюхнулся.

В тот же день, чуть позднее, дин-дон, дин-дон, я увидел его в компании другого пентюха, тю-тю, который с ним бубнил бу-бу-бу о пуговице на пла-

---

[*] Примечания: *

Ономатопея — художественный прием, состоящий в имитации звуковых явлений, звукоподражании. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

...о чем шипят пресмыкающиеся, шуршащие в шелестящих камышах... — В оригинале: «Pour qui sont ces serpents qui sifflent sur vos têtes?» (дословно: «Для кого эти змеи, свистящие на ваших головах?»). Эта реплика безумного Ореста из трагедии Расина «Андромаха» (V, 5) стала самым известным примером аллитерации во французской поэзии. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ще (ды-ды-ды, значит, было не так уж и тепло...).

Уф!

Логический анализ

Автобус.

Площадка.

Площадка автобуса. Это место.

Полдень.

Приблизительно.

Приблизительно полдень. Это время.

Пассажиры.

Ссора.

Ссора пассажиров. Это действие.

Молодой человек.

Шляпа. Длинная худая шея.

Один молодой человек в шляпе с плетеной лентой. Это главный персонаж.

Субъект.

Один субъект. Это второстепенный персонаж.

Я.

Я.

Я. Это третье лицо. Рассказчик.

Слова.

Слова.

Слова. Это то, что было сказано.

Свободное место.

Занятое место.

Одно свободное, затем занятое место. Это результат.

Вокзал Сен-Лазар.

Один час спустя.

Один друг.

Одна пуговица.

Другая услышанная фраза. Это заключение.

Логическое заключение.

Настойчивость

Однажды в полдень я сел в почти переполненный автобус маршрута S. В почти переполненном автобусе S был один довольно смешной молодой человек. Я сел в тот же автобус, что и он, этот молодой человек, который сел до меня в тот же автобус, что и я, в автобус S, который в полдень был почти переполнен. На голове у него была шляпа, которая показалась мне очень смешной, мне, севшему, подобно этому молодому человеку, однажды в полдень в автобус маршрута S.

Эта шляпа была обмотана витым шнурком, а молодой человек, который был в ней — в этой шляпе, на которой был этот шнурок, — находился

в том же автобусе, что и я, и автобус был набит почти до отказа, поскольку был уже полдень; так вот, под этой шляпой с витым шнурком находилось удлиненное лицо, продолжающееся длинной-предлинной шеей. Ах! До чего же длинная шея была у этого молодого человека в шляпе, обмотанной витым шнурком, ехавшего однажды в полдень в автобусе маршрута S.

В автобусе — который вез нас: меня и молодого человека в смешной шляпе на длинной шее — была сильная давка. В образовавшейся толкучке среди гула толкающихся вдруг послышался возмущенный голос, который исходил от этого молодого человека с длинной шеей, находящегося однажды в полдень на площадке автобуса маршрута S.

Было обвинение, произнесенное голосом, где звучали слезливые нотки оскорбленного достоинства из-за того, что у молодого человека, находившегося на площадке автобуса S, была длинная шея и шляпа, обмотанная витым шнурком; еще было внезапно освободившееся место в этом переполненном — так как уже наступил полдень — автобусе маршрута S, место, которое вскоре занял молодой человек с длинной шеей и смешной шляпой, место, которое он стремился

занять, поскольку не желал, чтобы его толкали в полдень на площадке этого автобуса.

Через два часа перед вокзалом Сен-Лазар я вновь увидел того самого молодого человека, которого заметил ранее, в тот же день, в полдень, на площадке автобуса маршрута S. Молодой человек был с приятелем такого же сорта, что и он сам; тот давал ему совет относительно какой-то пуговицы на его плаще. Он внимательно его слушал. «Он», то есть молодой человек с витым шнурком, обмотанным вокруг шляпы, которого я видел однажды в полдень на площадке переполненного автобуса маршрута S.

Неведение

Не понимаю, чего от меня хотят. Да, я сел в автобус S около двенадцати часов дня. Много ли было народу? Конечно, много, в такое-то время! Молодой человек в шляпе? Возможно. Я не разглядываю людей в лицо. Мне наплевать. Подобие плетеного шнура? Вокруг шляпы? Может, для кого-то это и в диковину, но я в этом ничего поразительного не вижу. Плетеный шнур... Ругался с другим пассажиром? И такое бывает.

Мог ли я его видеть снова спустя час или два?

Почему нет? В жизни случаются еще более удивительные вещи. Вот, помню, отец мне часто рассказывал, что...

Неопределенная форма

Как добраться до ворот Шамперре, если не на автобусе S? Хуже всего ездить в часы пик (это как раз мой случай), очень трудно влезть в автобус, забитый пассажирами всех сортов: молодежью, стариками, женщинами, военными. Главное — не забыть оплатить проезд; после этого заняться нечем: только глазеть в окно или разглядывать окружающих. Но, как правило, в дневном автобусе смотреть не на кого; не место и не время для сексапильных женщин (они в основном все по такси, да ближе к ночи). Разве что попытаться выискать какого-нибудь оригинала, как, например, совсем недавно — того молодого человека с чрезмерно длинной шеей и огромной шляпой. Еще бы не удивиться плетеному шнуру вместо ленты! При наплыве очередной группы пассажиров бесполезно сетовать на возникновение толчеи. Естественно, привыкнуть к подобным вещам нелегко, особенно отдельным личностям, в частности тому молодому человеку с длинной

шеей, явно не способному сдерживать недовольство в адрес своего соседа. Хотя какой мне интерес прислушиваться к раздражительным репликам и всматриваться в мрачные лица участников ссоры? Быть скандалу или не быть, вот в чем вопрос! После такого бурного начала странно констатировать довольно вялую развязку: позорное бегство молодого длинношеего человека к свободному месту.

Как всегда, на обратном пути от ворот Шамперре — традиционный проезд мимо вокзала Сен-Лазар. Каждый раз одно и то же! Смотреть тошно! И тут вдруг сюрприз! Такое невозможно даже представить: появление длинношеего типа, разговаривающего с приятелем. А тот — ему втолковывать про пуговицу над вырезом его плаща. Что потом? Законный вопрос. Потом — ничего. Лишь всеобщее желание поскорее закончить эту историю: автобусу — мчать меня дальше по маршруту, а мне — потерять их из виду, сесть на свободное место и больше ни о чем не думать.

Настоящее время

В полдень знойное марево окутывает ноги пассажиров автобуса. Одна безмозглая голова,

посаженная на длинную шею и украшенная гротескной шляпой, перегревается и раскалывается. Тут же в тяжелой массе воздуха разгорается конфликт, который довольно быстро распространяется и разносится из уст в уста в форме явных оскорблений. Распалившийся участник уходит в прохладный салон и садится там остывать.

Позднее, перед вокзалом с проходными дворами, могут задаваться вопросы по поводу пуговицы, которую уверенно теребят влажные от пота пальцы.

Совершенный вид

Наступил полдень. Пассажиры сели в автобус. Стало тесно. В толпе нашелся один молодой господин, который гордо продемонстрировал свою длинную шею и шляпу, обмотанную не лентой, а какой-то плетеной тесьмой. Затем он вменил в вину своему соседу толчки и пинки, который тот ему умышленно нанес. Как только он заметил свободное место, то поспешил к нему и сел.

Позднее я его увидел перед вокзалом Сен-Лазар. Он вырядился в плащ, а находящийся рядом приятель задал ему с укором следующий вопрос: «Ты не подумал о том, чтобы пришить еще одну

пуговицу?»

Несовершенный вид

Наступал полдень. Пассажиры садились в автобус. Становилось тесно. В толпе находился один молодой господин, который гордо демонстрировал свою длинную шею и шляпу, обмотанную не лентой, а какой-то плетеной тесьмой. Затем он вменял в вину своему соседу толчки и пинки, который тот ему умышленно наносил. Как только он замечал свободное место, то спешил к нему и садился.

Позднее я его видел перед вокзалом Сен-Лазар. Он был в плаще, а находящийся рядом приятель задавал ему с укором следующий вопрос: «Ты не думал о том, чтобы пришить еще одну пуговицу?»

Александрийский стих [*][2]

Вчера в автобусе, что мечен буквой S,
Я видел сопляка, наряженного без-
Образно, я сказал бы даже, сиволапо,
Зане была шнурком его обвита шляпа.
Он возмутил меня, негоднейший нахал,
И шеей длинною, и тем, как он пихал
Соседа, обвинив, что тот его толкает,
Когда других людей учтиво пропускает,
Которые спешат к семье, в уютный дом,
В автобус втиснувшись с огромнейшим трудом.
Однако, убоясь иль взбучки, иль скан-

---

[*] Примечания: *

Александрийский стих — двенадцатисложный стих со смежным расположением попеременно то двух мужских, то двух женских парных рифм, с ударением на шестом и двенадцатом слогах и цезурой посреди стиха. Впервые встречается в «Путешествии Карла Великого в Иерусалим и Константинополь» (конец XI в.), но свое название получает позднее, в конце XII в., с появлением «Романа об Александре», который был написан Александром де Берне именно этим стихотворным размером. Традиционно использовался французскими драматургами-классицистами. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[2] Примечания: 2

Перевод Л. Цывьяна.

дала,

Сей трус на кресло сел, что в миг тот пустовало.

Когда же через час поехал я назад,

Пижона этого вновь мой заметил взгляд:

Его какой-то хлыщ внять умолял совету,

Твердя: «Да переставь ты пуговицу эту».

Полиптота [*]

Я сел в автобус, заполненный гражданами, которые давали мелочь гражданину в гражданской униформе с маленькой сумкой на гражданском животе, который ограждал гражданское право граждан пользоваться гражданским транспортом. В этом автобусе я заметил гражданина, у которого была длинная гражданская шея и граж-

---

[*] Примечания: *

Полиптота — риторический прием, при котором внутри одной фразы повторяется несколько раз, но в разных контекстах одна и та же заданная лексема. Полиптоту можно назвать морфологическим и синтаксическим изолексизмом. При переводе мы заменили ключевое слово «налогоплательщик» на «гражданин». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

данская голова которого поддерживала обвитую шнурком гражданскую шляпу, которую ни один уважающий себя гражданин (дорожащий своим гражданством) никогда бы не надел. Внезапно вышеназванный гражданин обратился не по-граждански к соседнему гражданину и язвительно обвинил его в том, что тот специально наступает ему на его гражданские ноги каждый раз, когда другие граждане входят и выходят из гражданского автобуса. Затем раздраженный гражданин прервал гражданскую тяжбу, отошел за ограждение и сел на место для граждан, которое только что освободил другой гражданин. Через несколько гражданских часов я заметил его на Римско-Гражданской площади в компании одного гражданина, который давал ему советы гражданской элегантности.

Апереза [*]

Казался тобусе, полненный жирами метил ого ого века ной афа, ей пой ым ком. Злился ого жира, винив, тупает ги дый, да ди дили дили. Тем шел

[*] Примечания: *

Апереза — усечение слога или буквы в начале слова. В русском варианте мы позволили себе отсекать несколько букв, иногда два или даже три слога. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ел, о но дно сто.

Тившись а вом регу, дел дил да да телем, орый вал рок гантности мере ней говицы ща.

Апокопа [*]

Я оказал в авто, пере пассаж и зам одно молодо чело с длин, как у жира, ше и шля с ви шну. Он раз на другого пасса, об его в том, что тот нас ему на но каж раз, ког лю вхо и выхо. За он по и с, так как бы свобод од мест.

Очу снов на ле бер, я уви, как он ход ту сю с прия, кото да ему у элег на при верх пуг его пла.

Синкопа [*]

Я окался в авсе, пенном парами, и заил ого молока с дой, как у жирей и шлятым шнуком. Он разился на друссажира, обвив его в том, что тот настает на нои краз, когди вили и выли. Заем он

---

[*] Примечания: *

Апокопа — усечение слога или буквы в конце слова. В русском варианте мы позволили себе отсекать несколько букв, иногда два или даже три слога. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Синкопа — выпадение слога или буквы в середине слова. В русском варианте мы позволили себе вырезать несколько букв, иногда два или даже три слога. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

пел и сак кало сводно одесто.

Прожая тем жуем, но ватном налении, я внего заил: он пучал урк элентности на переповицы.

Лично я

Лично я могу это понять: когда какой-то тип упрямо давит тебе на мозоль, это может достать кого угодно, даже меня. Но когда сначала громко возмущаются, а потом тихонько усаживаются в сторонке эдаким засранцем, лично я этого не понимаю. Я сам это видел недавно на задней площадке автобуса S. Лично мне казалось, что у этого молодого человека слишком длинная шея, а еще довольно уморительная плетеная тесемка вокруг шляпы. Лично я никогда бы не отважился выйти на улицу с таким головным убором. А потом случилось вот что (уж я-то вам врать не буду): наорав на другого пассажира, который наступал ему на ноги, этот парень отошел и сел. И все. Лично я вмазал бы тому гаду, что наступил мне на ногу.

В жизни бывают забавные штуки, это я вам лично говорю, гора с горой не сходится, а вот люди... Через два часа я опять встречаю того парня. Я заметил его перед вокзалом Сен-Лазар. Я видел его вместе с приятелем того же пошиба, который

ему говорил (я сам это слышал): «Перешил бы ты эту пуговицу». Не знаю, как остальные, но я прекрасно видел, что он показывал на верхнюю пуговицу.

Восклицание

Ух ты! Уже полдень! Скорее в автобус! А народищу! Народищу-то! Ну и давка! А этот парень! Умора! Ну и физия! А шея! В полметра! Не меньше! А шнурок! Шнурок! Я сначала даже не заметил! Шнурок! Вокруг шляпы! Шнурок! Ну и умора! Просто умора! Он еще и орет! Парень со шнурком! На соседа! Что он ему выдает?! Это тому-то?! Что тот ему ходит по ногам! Ну, сейчас начнется! Сейчас подерутся! Точно! Да! Неужели нет?! Давай! Давай! Ну-ка, дай ему в глаз! Вмажь!!! Ну вот те на! Никак струсил?! Парень с длинной шеей! Со шнурком! Смылся! К свободному месту! Ну и трус!

Ну и ну! Невероятно! Нет, неужели мне это привиделось?! Опять он! Там! На Римской площади! Перед вокзалом Сен-Лазар! Разгуливает себе вовсю! Да еще и с приятелем! А тот ему что-то рассказывает! Что?! Что он должен пришить пуговицу?! Пуговицу к плащу?! К плащу?!

Значит

Подошел, значит, автобус. Я, значит, в него сел. И, значит, увидел гражданина, который сразу бросился мне в глаза. У него, значит, была длинная шея и шнурок вокруг шляпы. И принялся он, значит, поносить своего соседа, который ему, значит, наступал на ноги. А потом, значит, отошел и сел.

Позднее я его снова, значит, увидел на Римской площади. Он был там, значит, с приятелем. И тот, значит, приятель ему говорил: пришил бы ты еще одну пуговицу к плащу. Вот, значит как.

Раздуто

В час, когда начинает шелушиться кожа на розовых пальцах зари, я вознесся подобно стреле в автобус с мощным торсом и по-бычьи вытаращенными глазами, следующий извилистыми путями по маршруту S. Я отметил с точностью и зоркостью индейца, ступившего на тропу войны, присутствие молодого человека с шеей длиннее, чем шея быстроногого жирафа, и шляпой из мягкого фетра, украшенной плетеной тесьмой,

как у героя какого-нибудь упражнения в стиле. Зловещая фея Раздора с пепельной грудью и зловонным ртом, не ведающим зубной пасты, фея Раздора дохнула лукаво и тлетворно на молодого человека с шеей жирафа и плетеной тесьмой вокруг шляпы и на путешественника с ликом нерешительным и мучнистым. Первый обратился ко второму со следующими словами: «Скажите, о злодей, похоже, вы умышленно наступаете мне на ноги?!» Произнеся эту речь, молодой человек с шеей жирафа и плетеной тесьмой вокруг шляпы стремительно отошел и сел.

Позднее на Римской площади с величественными пропорциями я вновь заметил молодого человека с шеей жирафа и плетеной тесьмой вокруг шляпы в сопровождении товарища, авторитетного арбитра в вопросах элегантности[*], изрекающего критическое замечание, которое я сумел услышать благодаря тончайшему слуху, замечание, относящееся к верхнему одеянию молодого человека с шеей жирафа и плетеной тесьмой вокруг шляпы: «Тебе следовало бы уменьшить распахнутость путем добавления или

---

[*] Примечания: *

...арбитра в вопросах элегантности... — «Арбитром элегантности» называет Петрония Тацит в «Анналах» (XVI, 18). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

перемещения пуговицы круглой формы».

Вульгарно

Вот токо-токо наступил полдень, я сел в эс. Сажусь, значит, плачу, само собой, за проезд и тут, вощем, вижу одного чувака с придурковатой рожей и шеей, как кишка, а на шляпоне у ево какая-то веревка. Я, кароче, на шланга этава уставился, потому што вид у нево был придурковатый, а он, кароче, раз так! — и прицепился к другому мужику. Скажите, грит, нельзя ль поаккуратней, поаккуратней, а потом, кароче, стал канючить, вы кабут-то нарошно, а сам уж чуть ли не разнылся, хули вы мне все время по нагам. А потом, кароче, весь из себя гордый такой дал, понимаешь, деру и уселся там где-то. Как придурок, бля.

Кароче, еду уже после этова перед Римской площадью, значит, и вижу снова ево, треплется с каким-то штрихом, как и он. А тот ему и грит, значит, тыб еще одну пуговицу приделал к своему плащевальнику, бля, так прямо ему и заявил, вот такие дела.

Допрос

— В котором именно часу в тот день по направлению к воротам Шамперре проследовал автобус маршрута S, который должен был подойти в двенадцать часов двадцать три минуты?

— В двенадцать часов тридцать восемь минут.

— В указанном автобусе было много народу?

— Тьма.

— Что именно вы отметили необычного?

— Одного индивидуума с очень длинной шеей и тесьмой вокруг шляпы.

— Было ли его поведение так же необычно, как внешний вид и физические данные?

— Не сразу. Сначала он вел себя нормально, но затем оказалось, что он — ярко выраженный параноидальный циклотимик с несколько повышенным артериальным давлением и с острым приступом гастрита.

— Каким образом это проявлялось?

— Данный индивидуум обратился к своему соседу и спросил у него ноющим тоном, специально ли тот наступает ему на ноги каждый раз, когда входят или выходят пассажиры.

— Этот упрек был обоснован?

— Это мне неизвестно.

— Каким образом закончился инцидент?

— Поспешным бегством молодого человека к свободному месту, которое он и занял.

— Имел ли инцидент дальнейшее продолжение?

— Менее чем через два часа.

— В чем это продолжение выразилось?

— В повторном появлении этого индивидуума на моем пути.

— Где и при каких обстоятельствах вы его увидели во второй раз?

— Проезжая в автобусе перед Римской площадью.

— Что он делал?

— Консультировался по вопросам изящества в одежде.

Комедия

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена I

На задней площадке автобуса S, день, полдень.

КОНДУКТОР.

— Оплачивайте проезд, пожалуйста.

Пассажиры передают ему мелочь.

Сцена II

Автобус останавливается.

КОНДУКТОР.

— Не мешайте выходу пассажиров. Кто имеет право на посадку вне очереди? Один человек! Свободных мест нет! Дзинь-дзинь!

АКТ ВТОРОЙ

Сцена I

Те же декорации.

ПЕРВЫЙ ПАССАЖИР *(молодой, с длинной шеей, плетеная тесьма вокруг шляпы).*

— Сударь, похоже, вы специально наступаете мне на ноги, каждый раз, когда люди проходят мимо.

ВТОРОЙ ПАССАЖИР *(пожимает плечами).*

Сцена II

Третий пассажир выходит.

ПЕРВЫЙ ПАССАЖИР *(к зрителям).*

— Вот здорово! Место освободилось! Сейчас

сяду.

Бежит и садится.

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена I

Римская площадь.

ЮНЫЙ ЩЕГОЛЬ *(первому пассажиру, теперь пешеходу).*

— У твоего плаща слишком широкий разрез. Тебе следовало бы его уменьшить, перешив пуговицу.

Сцена II

В автобусе S, проезжающем мимо Римской площади.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАССАЖИР.

— Смотри-ка, тип, который только что ехал вместе со мной в автобусе и разругался с одним дядькой. Любопытная встреча. Сделаю из нее, пожалуй, трехактную комедию в прозе.

Отступления

Автобус подошел битком забитый пассажира-

ми. *Хоть бы влезть, вот повезло, кондуктор меня впустил.* На одном из них *ну и башка у него, а шея — до чего же длинная!* была мягкая фетровая шляпа, обмотанная какой-то веревкой вместо ленты *как это претенциозно выглядит* и вдруг он принялся *интересно, с чего бы это* поносить соседа *тот не обращает внимания на то, что ему говорят*, которого он упрекал в том, что тот специально ему наступал *похоже, провоцирует на драку, но наверняка сдрейфит* на ноги. Поскольку в глубине автобуса оказалось свободным одно место, он развернулся *ну вот, что я говорил* и побежал его занимать.

Приблизительно через два часа *странные все-таки бывают совпадения* он находился на Римской площади в компании с приятелем *таким же олухом, как и он*, который указательным пальцем тыкал в пуговицу на его плаще *и что он мог ему рассказывать*?

Парехеза [*]

[*] Примечания: *

Парехеза — повторение слога с одинаковым звучанием изначально и, как правило, на стыке слов. В тексте оригинала слог *bu* встречается в начале, середине или на конце каждого слова. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Отнюдь не буколический автобус бурлачил по зыбучим булыжникам бульвара буферноприцепленную трибуну, разбухшую от малобюджетных, но булимических бутузов и забуханных в их утробы буфетных бутербродов и гамбургеров. Один обезгаммаглобулиненный бурсак — бурлескный буффон с будкой бабуина в буклях и букетистым бугелем вокруг бутафорского бунчука — взбунтовался против бугаистого буржуа, который бутузил ему бюст и буквально бруталировал бутсами его обувь при любой буче от турбулентности карбюратора на буграх, бурунах и бурьянах. Бузотер разбуянился и разбушевался, забурился в бутылку, пробурчал и пробулькал вокабулы «Бульдог! Бультерьер! Бульдозер!», но, видя в гробу всю эту борьбу, обуделался, съебуял от бугая и отбуксовался в глубь автобусного бунгало.

В будущем он будет возбужденно бубнить с таким же амбулаторным забулдыгой и ебунько, как и он сам, бубнить о булавках, бусах, бубенчиках и прочей атрибутике на своем бушлатистом бурнусе.

Призрачно

Мы, егерь на охотничьих угодьях Плэн-Монсо[*], имеем честь сообщить о том, что в день шестнадцатый месяца мая лета тысяча семьсот восемьдесят третьего вблизи восточных ворот парка Его Королевского Высочества монсеньора Филиппа Святого, герцога Орлеанского, мы установили необъяснимое и подозрительное присутствие мягкой шляпы формы необычной и подобием плетеного шнура окрученной. После чего под означенной шляпой мы отметили внезапное явление молодого человека, исполненного шеи невероятной длины и облаченного, как сие, вне всякого сомнения, принято в Китае. Ужасный вид пришельца поразил нас как громом и предупредил наше бегство. Некоторое время субъект пребывал в недвижимости, после чего засуетился и заворчал, словно отбиваясь от других невидимых, но ощущаемых им субъектов. Внезапно его внимание обратилось на его пальто,

---

[*] Примечания: *

Монсо — парк, расположенный в XVIII округе Парижа. Изначально — маленький сад во французском стиле, разбитый при герцоге Шартрском, вошедшим в историю под именем Филипп-Эгалитэ. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

и мы услышали, как он зашептал следующее: «Не хватает пуговицы, не хватает пуговицы». Засим он пустился в путь и взял направление на Пепиньер. Влекомые вопреки нашей воле странностью сего явления, мы проследовали за ним, миновав пределы, ограничивающие нашу юрисдикцию, и втроем — вместе со шляпой и субъектом — достигли пустого огорода, засаженного салатом. На синей табличке неведомого, но явно дьявольского происхождения имелась надпись: «Римская площадь». Еще некое время субъект суетился и шептал: «Он хотел отдавить мне ноги», затем они исчезли, сначала он, а чуть позднее его шляпа. Составив рапорт об этом исчезновении, я отправился выпить стаканчик в «Петит-Полонь».

Философично

Лишь большие города способны предложить феноменологической духовности сущностность временных и маловероятностных совпадений. Философ, поднимающийся порой в ничтожную и утилитарную небытийность автобуса маршрута S, может своим ясным и мудрым теменным взором заметить в ней мимолетные и бесцветные

проявления профанирующего сознания, обремененного длинной шеей тщеславия и шляпным сплетением невежества. Эта лишенная истинной энтелехии материя, подчиняясь категорическому императиву своего жизненного порыва, иногда восстает против необерклианской ирреальности телесного механизма, облегченного отсутствием сознания. Это нравственное отношение увлекает более бессознательного из них к пустой пространственности, где он разлагается на первоначальные и цепляющиеся элементы.

Как правило, философские искания продолжаются во время случайной, но анагогической встречи того же самого существа, сопровождаемого своей несущественной и одежной двойственностью, которая ноуменально советует ему транспонировать в плоскость постижимости концепт пуговицы плаща, социологически расположенной слишком низко.

Апострофа [*]

О самописка с платиновым пером, пусть твой скорый и ровный бег прочертит на бумаге с глян-

---

[*] Примечания: *

Апострофа — стилистический прием, заключающийся в обращение к кому-либо. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

цевой оборотной стороной алфавитные глифы, которые передадут людям в сверкающих очках нарциссический рассказ о двойной автобусно предопределенной встрече. Гордый скакун, глашатай моих снов, преданный верблюд, вестник моих литературных подвигов, тонкий источник сосчитанных, взвешенных и отборных слов, опиши синтаксические и лексикографические кривые, которые графически оформят ничтожное и смехотворное изложение действий и поступков молодого человека, что однажды сел в автобус S, даже не подозревая, что он станет бессмертным героем творений, созданных тяжким трудом. Длинношеий хлыщ с нахлобученной шляпой, опутанной плетеным шнурком, ворчливый вредитель, избегающий стычки и опускающий свою так и просящую пинка задницу на сиденье из твердого дерева, мог ли ты представить этот риторический поворот судьбы, когда перед вокзалом Сен-Лазар экзальтированным ухом ты внимал портняжные советы персонажа, вдохновленного верхней пуговицей твоего плаща?

Неумело

Я не привык писать. Не умею. Я бы не прочь

написать трагедию, или сонет, или оду, но там есть правила. Это мне мешает. Для начинающих это не годится. Ну вот, начал я уже плохо. Ну да ладно. Во всяком случае, сегодня я видел то, что хотел бы изложить письменно. Мне кажется, «изложить письменно» выглядит не очень удачно. Это наверняка одно из тех готовых выражений, которые отталкивают читателей, которые читают для издателей, которые ищут оригинальность, которая им кажется необходимой в рукописях, которые издатель публикует, когда они были прочитаны читателями, которых отталкивают готовые выражения типа «изложить письменно», что я как раз и собирался сделать с тем, что увидел сегодня, хотя я всего лишь начинающий, которого пугают правила трагедии, сонета или оды, поскольку я не привык писать. Черт, не знаю, как это у меня получилось, но я опять вернулся к началу. Как теперь с этим быть? Ну и ладно. Пусть. Возьмем быка за рога. Ну вот, еще одно общее место. И потом, в том парне не было ничего бычьего. Ух ты, а ведь это совсем неплохо! Если бы я написал: возьмем балбеса за шнур от мягкой фетровой шляпы с вытянутой длинной шеей, возможно, это было бы оригинально. Возможно, это помогло бы мне познакомиться с

господами из Французской академии, из «Флоры»[*] и с улицы Себастьяна Боттена[*]. Почему бы и мне чего-нибудь не добиться. Вот это здорово получилось. Но все же должно быть чувство меры. Тому типу на площадке автобуса его явно не хватало, когда он стал поносить своего соседа под предлогом того, что тот наступал ему на ноги каждый раз, когда подвигался, пропуская входящих или выходящих пассажиров. Тем более что, возмутившись, он быстренько отошел и сел, как только увидел свободное место в глубине, поскольку боялся получить. Смотри-ка, я уже рассказал половину своей истории. Интересно, как это у меня получилось? Все-таки до чего приятно быть литератором. Но остается самое трудное. Самое тяжелое. Это переход ко второй части. Это особенно трудно, если учесть, что перехода нет. Уж лучше я на этом остановлюсь.

---

[*] Примечания: *

«Флора» — известное кафе на бульваре Сен-Жермен, в котором собирались писатели, поэты, художники. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

...с улицы Себастьяна Боттена. — В доме № 5 по этой улице располагается издательство «Галлимар», в котором сотрудничал Кено. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Небрежно

I

Сажусь в автобус.
— До ворот Шамперре едете?
— Что, читать не умеете?
— Простите.
Он теребит мои талончики на своем животе.
— Вот вам.
— Спасибо.
Осматриваюсь.
— Послушайте-ка, вы.
Вокруг его шляпы что-то вроде шнурка.
— Поосторожней не можете?
У него очень длинная шея.
— Да что же это такое, послушайте-ка, вы!
Вот он бежит на свободное место.
— Ну и ну.
Это уже я сам себе сказал.

II

Сажусь в автобус.
— До площади Контрэскарп едете?

— Что, читать не умеете?

— Простите.

Закрутилась его шарманка, и под тихий недовольный мотив он вернул мне мои талончики.

— Вот вам.

— Спасибо.

Проезжаем мимо вокзала Сен-Лазар.

— Смотри-ка, тип, которого мы только что видели.

Прислушиваюсь.

— Пришил бы ты еще одну пуговицу к плащу.

Он показывает ему где.

— У твоего плаща слишком большой вырез.

Да, действительно.

— Ну и ну.

Это уже я сам себе сказал.

Пристрастно

После чрезмерного ожидания автобус наконец вывернул из-за угла и остановился у тротуара. Несколько человек вышло, несколько других вошло; среди последних был и я. Втиснулись на площадку, кондуктор яростно дернул за шнур, и транспортное средство отъехало. Отрывая из книжечки нужное количество талонов, которые

должен прокомпостировать человек с ящиком на животе, я принялся рассматривать соседних пассажиров. Одни соседи. Ни одной женщины. А раз так, то какой интерес рассматривать? Вскоре обнаружил то, что можно было бы назвать сливками окружающего меня грязноватого общества: парень лет двадцати с маленькой головой на длинной шее, большой шляпой на маленькой голове и маленькой кокетливой плетеной тесемкой вокруг большой шляпы.

Какой жалкий тип, подумал я.

Но тип был не просто жалким, а еще и злобным. Посмел возмущаться и обвинять какого-то буржуа в том, что тот утюжит ему ноги при каждом перемещении входящих и выходящих пассажиров. Тот строго на него посмотрел, пытаясь в готовом репертуаре, проносимом через различные жизненные ситуации, найти суровую реплику, но, видимо, в тот день он запутался в своей картотеке. Что касается молодого человека, то, испугавшись возможной затрещины, он воспользовался внезапной пустотой сидячего места, бросился к нему и уселся.

Я вышел раньше, чем он, и не смог продолжать наблюдение за его поведением. Я уже пророчил ему забвение, когда через два часа из окна авто-

буса увидел его на тротуаре Римской площади, такого же жалкого, как и раньше.

Он ходил туда-сюда вместе с приятелем, должно быть его наставником по части элегантности, который с щегольским педантизмом советовал ему уменьшить разрез плаща, пришив к нему дополнительную пуговицу.

Какой жалкий тип, подумал я.

Затем мы, я и автобус, поехали дальше.

Сонет [3]

Младой наглец стоял тут в шляпе со шнурком,

С цыплячьей шеею, такой меланхоличной,

Готовясь совершить свой ритуал привычный —

В автобус влезть, хоть он в сей час набит битком.

Автобус «S» пришел, и вот юнец тотчас

Проник в него, найдя местечко на пло-

---

[3] Примечания: 3
Перевод Л. Цывьяна.

щадке,

Где неимущий люд теснится в беспорядке,

Меж тем как богачи сидели развалясь.

Но вышеназванный наш молодой жираф,

От давки в той толпе чувствительно страдая,

Усесться смог, пред тем соседа обругав.

Когда ж он вышел, друг хотел ему внушить,

Его пальто весьма пристрастно обсуждая,

Что пуговицу бы неплохо перешить.

Обоняние [*]

В этом полуденном автобусе S, не считая обычного запаха, а-а, бея, выгод, ежей, заик, кайл лемм, мен нео опер, сетей, уф! фейхоа, цэ-у, чая, шей, щей, эй, ню, присутствовала некая пахучесть длинной юношеской шеи, некое пованивание плетеной тесьмы, некая вонища злобы, некий трусливый и озадаченный шмон, настолько резкий, что, когда спустя два часа я проезжал мимо вокзала Сен-Лазар, я его вновь почувствовал и идентифицировал в косметически смоделированных и сфабрикованных ароматах, исходящих от неудачно пришитой пуговицы.

Вкус [*]

---

[*] Примечания: *

Обоняние. — «Каламбуризация» французского алфавита дает более интересный результат, чем подобная операция с русским алфавитом. В оригинале мы имеем 13 запахов (в среднем по 2 буквы на запах, поскольку во французском алфавите 26 букв), которые можно дословно перевести следующим образом: «...запах аббатов, трупов, яиц, соек, топоров, покойников, случаев, крыльев, люби ненависть под пердеж задниц, отвратительного воздуха [или мотива], голых червей, двойных WC, распиливаемых греческими помощниками тромбовок...». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Вкус. — В оригинале можно услышать явную фонетическую перекличку согласных *к*, *ш*, *т* и *г*: cacahouète (искаж. орфография cacahuète) grillée — арахис жареный; cou — шея; cacaotier — какаовый; chouigne-

gueume de la dispute (искаж. орфография chewing-gum) — чуин-гум ссоры; chataignes de l'irritation — каштаны (м. б. также затрещины) раздражения; raisins de la colère — виноград гнева; grappes de l'amertume — гроздья горечи. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

У этого автобуса был определенный вкус. Даже странно, но это, несомненно, так. У каждого автобуса свой вкус. И не только на словах, так есть на самом деле. Стоит только попробовать. Итак, у этого автобуса — скажу прямо, маршрута S — был легкий вкус жареного арахиса; больше ничего говорить не буду. Площадка имела свой специфический привкус, привкус арахиса не только жаренного, но еще и раздавленного. В метре шестидесяти от вибрирующей плоскости любой гурман — но таких там не нашлось — мог бы, лизнув языком, ощутить нечто кисловато-солоноватое, а именно мужскую шею лет тридцати. На двадцать сантиметров выше искушенному нёбу представилась бы редкая возможность дегустировать горькое послевкусье плетеного шнурка. Затем мы отведали цикория с корицей укора, риса с сыром ссоры, саке (осадка на дне) досады, перцовки ярости и грога горечи.

Два часа спустя мы смогли насладиться десертом: пуговицей от плаща... Чем не засахаренная курага в рахате?

Осязание

На ощупь автобусы — мягкие, если их зажать

между ног и поглаживать двумя руками от головной до конечной части, от капота до задней площадки. Но когда оказываешься на этой площадке, то начинаешь ощущать что-то более грубое и твердое, а именно обшивку или поручень, а иногда что-то более округлое и упругое, а именно чью-нибудь задницу. Иногда их две, тогда все согласовывается во множественном числе. Еще можно ухватить кишкообразный и подвижный предмет, из которого вылетают идиотские звуки, или же приспособление с плетеными спиралями, более нежными, чем четки, более шелковистыми, чем колючая проволока, более бархатистыми, чем канат, и более тонкими, чем кабель. А еще можно потрогать пальцем человеческую тупость, слегка вязкую и клейкую по причине жары.

Затем, если подождать час или два перед ребристым вокзалом, можно сунуть свою жаркую руку в восхитительную прохладу одежной складки выше пуговицы, которая пришита совсем не на своем месте.

Зрение

В общем, все продолговатое и зеленое с белой

крышей и окошками. Окошки изобразить не всякому по силам. Площадка — бесцветная, если уж на то пошло, серовато-коричневатая. Полно изгибов и кривых, так сказать, целое скопление S. Но в полдень, в самый час пик, еще то переплетение! Чтобы все получилось, надо из магмы выделить светло-охристый прямоугольник, приделать к одному концу светло-охристый овал, а сверху пририсовать корзинищу в темно-охристых тонах, обмотанную витой да еще к тому же и запутанной тесьмой цвета земли и жженой сиены. Затем мазнем «утиным пометом»[*], чтобы представить бешенство, намалюем красный треугольник, чтобы выразить гнев, и прыснем зеленым, чтобы передать поднимающуюся желчь и дристающий испуг[*].

Потом подрисуем вот такой маленький симпатичный плащик голубовато-зеленого цвета, а вверху, точно над разрезом, тютелька в тютельку, маленькую симпатичную пуговку.

---

[*] Примечания: *

«Утиный помет» (*фр*. caca d'oie) — желто-зеленый цвет. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Дристающий испуг — французская идиома trouille bleue (дословно: «синий страх») означает очень сильный, панический испуг, жуткий страх. «Жуть зеленая» — название одного из рассказов Р. Кено. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Слух

Автобус S с гуденьем и ревом подъехал и проскрипел тормозами перед безмолвным тротуаром. Солнечная тарелка бемольно вызванивала полдень. Пешеходы, заунывные волынки, поочередно затянули свою песню. Некоторые голоса поднялись на полтона, и этого оказалось достаточно, чтобы они понеслись к поющим аркадам ворот Шамперре. Среди пыхтящих счастливчиков присутствовал эдакий кларнетище, которому трудные времена придали человеческую форму, а извращенность шляпника нахлобучила на кимвал причудливый инструмент, похожий на гитару, которая сплела свои струны, чтобы сделать из них пояс. Внезапно на фоне минорных аккордов ведущих пассажиров и подыгрывающих пассажирок, а также блеющих тремоло кондуктора грянула бурлескная какофония, в которой яростные пассажи контрабаса смешались со злобным визгом трубы и боязливым гудением фагота.

Затем после вздоха, после тишины — паузы и повторной паузы, — раздалась торжествующая мелодия пуговицы, переходящей на верхнюю

октаву.

Телеграфично

НАБИТЫЙ АВТОБУС ТЧК ЮНОША ДЛИННОЙ ШЕЕЙ
ШЛЯПОЙ ПЛЕТЕНОЙ ТЕСЬМОЙ ОБРАЩАЕТСЯ НЕИЗВЕСТНОМУ ПАССАЖИРУ БЕЗ ЗАКОННОГО ОСНОВАНИЯ ТЧК ВОПРОС ПАЛЬЦАМ НОГАМ КОНТАКТ ПЯТКОЙ ЯКОБЫ СПЕЦИАЛЬНО ТЧК ЮНОША ПРЕРЫВАЕТ СПОР РАДИ СВОБОДНОГО МЕСТА ТЧК ДВА ЧАСА ДНЯ РИМСКАЯ ПЛОЩАДЬ ЮНОША СЛУШАЕТ СОВЕТЫ ОДЕЖДЫ ПРИЯТЕЛЯ ТЧК ПЕРЕСТАВИТЬ ПУГОВИЦУ ТЧК ОТПРАВЛЕНО ИЗ ПЛАНЕТНОЙ СИСТЕМЫ АРКТУРА

Ода

В автобус S
в автобусон
авто без мест
авто без зон
что едет чрез
и вдоль препон
садов Монсо

садов Монсон
в сей жаркий день
в сей жаркий дон
юнец смешной
юнец смешон
и шею-шланг
и шею-шлон
и свой шляпень
и свой шляпон
в автобусень
засунул он

Его шляпень
его шляпон
венчал шнурок
венчал шнурон
час пик вжимал
час пик вжимон
и сотрясал
и сотрясон
людей толпень
людей толпон
в автосалень

в автосалон
смешной юнец
был возмущен
тем что сосед
тем что сосон
его гнобил
с площадки вон
сосед не хил
сосед не хрон
оскалил рыл
оскалил брон
сверкнул резец
сверкнул резон
смешной юнец
смешной юнон
струхнул вконец
струхнул в канон
и сбавил хай
и сбавил тон
сел на места
для примадонн
для мудозвал

для мудозвон

Сидел в местах
для мудозвон
и я пиит
крутил помпон
и проезжал
со всех сторон
один вокзал
один перрон
о сен-лазар
о сен-лазон
я вдруг узрел
юнца и он
там обсуждал
свой прикидон
и другу пел
пардон, пардон
без пуговел
одел хитон
куда пропал
мой пуговон

Коль сей рассказ
сей рассказон
твой интерес
интерессон
враз захватил
пусть длится он
покуда ты
не влез в салон
в автобус S
в автобусон
и не узрел
отнюдь не сон
а явь и в ней
под стук и звон
и скрип поршней
юнца шапон
юнца шапо
и пуговон
и пугово
мчит под уклон
автобус S
автобусон.

Перестановка растущих групп букв [*]

Дыоко однаж уднян лопол ейпло азадн автоб щадке ршрут усама метил аяяза огоче молод ас-чер ловек длинн есчур йнако ойшее былаш тором бвита ляпао енным яплет ом шнурк. Нооноб вне-зап яксвое ратилс дузаяв мусосе отспец ивчтот наступ иально аногик алемун азкогд аждыйр лиилив авходи ипасса ыходил жиры. Довольн впрочем онпрерв обыстро бросилс алспори оео-своб янаперв сяместо одившее.

Очасовсп нескольк вьувидел устяявно вок-залом егоперед вовремяо сенлазар йдискусс живленно ищемкото иистовар овалемуч рыйсо-вет винутьве утьперед овицупла рхнююпуг ща.

[*] Примечания: *

Перестановка растущих групп букв. — Перестановка по типу 2143. В первом предложении переставляются группы по пять букв. Первая из таких групп встает после второй, а третья — перед четвертой. Во втором предложении — группы по шесть букв, в третьем — по семь, в четвертом — по восемь. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Перестановка растущих групп слов [*]

Около однажды на полудня площадке задней маршрута автобуса я S молодого заметил с человека длинной чересчур на шеей была котором обвитая шляпа шнурком плетеным. Обратился к внезапно он заявляя что своему соседу наступал ему тот специально каждый раз на ноги или выходили когда входили пассажиры. Он прервал спор впрочем довольно быстро первое освободившееся место и бросился на.

Вновь увидел его перед несколько часов спустя я оживленной дискуссии с товарищем вокзалом Сен-Лазар во время передвинуть верхнюю пуговицу плаща который советовал ему чуть.

Эллинизмы

В гипераетобусе, заполненном петролонавтами, я оказался мартиром микродрамы в хроностадии метафлуэнции: один скорее гипотип,

---

[*] Примечания: *

Перестановка растущих групп слов. — Перестановка по типу 2143. В первом предложении переставляются группы, состоящие из одного слова. Если пронумеровать по порядку слова в исходном варианте, второе из них ставится перед первым, а потом — четвертое и третье. Во втором предложении по тому же правилу переставляются группы из двух слов. В третьем — из трех, в четвертом — из четырех. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

чем икосапиг с петазом, перицикленным калоплегмой, и эцилиндрическим макротрахилем эмфатически анатематизирует эфемерного и анонимного утисса, который — по его псевдолегенде — ему эпиведал по биподам, но, заэрископив кенотопию, перистрофился и к ней катапельтировался.

Через одну хроностадию перед сидеродромным агиолазарическим статмом я естезирил, как он перипатничал с компсантропом, который ему симбулировал метасинезу омфальной сфинктеры.

С точки зрения теории множеств

Обозначим сидящих пассажиров автобуса S через множество A, а стоящих — через множество D. Множество лиц, ожидающих на некоторой остановке, назовем P. Пусть C — множество пассажиров, вошедших в автобус. C является подмножеством P и одновременно объединением множества C’ пассажиров, оставшихся стоять на задней площадке, с множеством C” пассажиров, которые сядут на свободные места. Доказать, что множество C” пусто.

Если Z — множество зазу[*], то {z} — пересечение множеств Z и C', сведенное к одному-единственному элементу. В результате суръекции ног z под ногами *y* (какой-то элемент множества C', отличный от z) образуется множество слов, произнесенных элементом z. Учитывая, что множество C" перестало быть пустым, доказать, что оно состоит из единственного элемента z.

Теперь пусть множество пешеходов P находится перед вокзалом Сен-Лазар; {z, z'} — пересечение множеств Z и P; B — множество пуговиц плаща, B' — множество возможных позиций указанных пуговиц по мнению z'. Доказать, что инъективное отображение B и B' не является взаимно-однозначным.

---

[*] Примечания: *

Зазу (устар. фр.) — молодой человек с вызывающе эксцентричными манерами, стилем одежды (в Париже в период немецкой оккупации 1940–1944 гг.). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Определительно [*]

В многоместном автомобиле для перевозки пассажиров, идущем по пути следования S, один молодой человек с вызывающе эксцентричными манерами, стилем одежды, с вытянутой частью тела, соединяющей голову с туловищем, и мужским головным убором с тульей и полями, обмотанными тонким шнуром, обвинил того, кто совершает поездку на поезде, пароходе или ином виде транспорта, в том, что тот наступал ему на нижние конечности, после чего отошел и сел на освободившееся пространство, которое занято или может быть занято кем-, чем-нибудь, на котором что-то происходит, находится или где можно расположиться.

Через два промежутка времени в шестьдесят минут я вновь его увидел перед зданием железнодорожной станции. Другой молодой человек с вызывающе эксцентричными манерами, сти-

---

[*] Примечания: *

Определительно. — «Определительная литература», или составление текста из определений слов, подробно описывается в более поздних сборниках УЛИПО. Основной принцип: в исходном тексте каждое существительное заменяется на его определение в словаре. Эту операцию можно проводить с различными словарями (толковыми, энциклопедическими, двуязычными и т. д.), разными частями речи и повторять несколько (сколько угодно) раз, увеличивая объем произведения до бесконечности. В переводе был использован «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (М., 1949). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

лем одежды давал ему наставление, указание, как поступить насчет того, что следует сделать с застежкой для петель одежды, обычно в виде кружка, непромокаемого пальто.

Танка

Автобус пришел
Зазу в шляпе забрался
Толкучка была
Пред вокзалом позднее
О пуговке речи текли

Верлибр

Полный
автобус
сердце
пустое
длинная
шея
плетеная
лента
плоские

ноги

плоские и расплющенные

место

пустое

И неожиданная встреча около вокзала с тысячью погасших огней

этого сердца, этой шеи, этой ленты, этих ног, этого пустого места

и этой пуговицы.

Сдвиг [*]

В автоделе маскировки Y, в частице пикетажа. У одного типуна летучек тридцати двух фиакровый шматок с шомполом вместо лепестка и слишком длинный шиизм, как будто его специально

---

[*] Примечания: *

Сдвиг — «перевод с французского на французский», или метод, получивший позднее название «S + 7». Основной принцип заключается в следующем: в исходном тексте каждое существительное (substantif) заменяется на другое, отделяемое от него 7 существительными в произвольно взятом словаре или энциклопедии. Можно варьировать правила (S + 3, или S — 2, или S — 10...) или усложнять их, заменяя и другие части речи. В данном случае первый текст «Упражнений в стиле» (*«Заметка»*) был взят за исходный и «переведен» по схеме S + 5 с помощью словаря объемом в 65–70 тысяч слов. В переводе был использован «Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова (М., 1987) объемом в 63 500 слов. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

растягивали. Люксембуржцы выходят. Типун, о котором идет решимость, возмущается; обвиняет своего сослуживца в том, что тот толкается всякий раз, когда кто-то протискивается мимо. Ноющая тонкопряха с преуменьшением на уду. Как только увидел освободившееся месторождение, сразу к нему бросился.

Восемь частиц спустя встречаю его на Ронковской[*] плутовке перед волдырем Сен-Дизье[*]. Он — с пробельщиком, который ему говорит: «Пришил бы ты пудовик к своему плебисциту. Он ему объясняет, где (разрыв) и почему.

Липограмма [*]

Эге.

---

[*] Примечания: *

Ронк — населенный пункт в департаменте Нор. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Сен-Дизье — административный центр округа в департаменте Верхняя Марна (шестая железнодорожная остановка от Парижа по дижонскому направлению). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Липограмма — сознательный отказ от какой-либо буквы, один из древнейших приемов литературной трансформации. Кено «вырезает» букву *е* — самую употребительную гласную во французском языке. В русском варианте липограмматическое письмо без *е* оказывается несложным упражнением. По этой причине в переводе был избран вариант, состоящий в исключении двух букв: *о* — самой употреби-

тельной в русском языке — и *a*. При этом в середине «Липограммы» Кено оставляет союз *et* (и), в котором есть запретная гласная. Вряд ли нарушение правила происходит по невнимательности автора: умысел очевиден. Вероятно, это следует связывать с понятием «клинамена», неизменного сбоя, погрешности, без которой, — как вслед за Демокритом и Лукрецием считают члены УЛИПО, — не может существовать ни одна система. В переводе мы также сохраняем две «дискриминированные» гласные. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Трейлер, циркулирующий для перемещения путешествующих, прибыл и приглушил движитель. Двери сместились и впустили внутрь череду нетерпеливых людей. Среди них был некий тип с длиннющей шеей и шляпенцией, чью тулью скрутил шнур. Тем временем в трейлере усилился прессинг; вдруг тип прицепился к ближнему путнику, вменяя разом ему в вину умышленные энергичные тычки, ущемляющие члены ближних (имея в виду себя). Вследствие этих передряг тип увидел в глубине пустеющее сиденье, к нему устремился и сел.

Спустя шестьдесят минут, едучи перед учреждением для убытия и прибытия быстрых (курьерских) и медленных электричек имени Сен-Не-приметил-чьих-реликвий, я увидел следующее зрелище: вышевстреченный тип гулял с приятелем, инсинуирующим ему следующее: «Перешил бы ты чуть выше эту круглую пристежку».

Эге.

Англицизмы

Однажды около миддэя я лукал одного янг мэна с биг неком и хэттом, обмотанным плэйтинговым

кейблом. Внезапно этот янг мэн рыйли крейзанулся и аккьюзил одного респектэйбельного сэра в том, что тот ему пушит тоузы и шузы. Затем он брейканул дискашн и драйванул к инноккупайдному плэйсу.

Через два хаурса я его лукал эгейн; он вакэйнствовал ап и даун перед Сэйнт-Лэйзер трэйн стэйшн. Один дэнди делал ему консалтинг энд эдвайс по поводу какого-то баттона.

Простеза [*]

Ав родин упрекрасный бдень, ув сполдень, сна гзадней яплощадке лавтобуса гне здалеко вот епарка Эмонсо ля тзаметил модного чмолодого пчеловека ус точень одлинной вшеей, скоторый гдемонстрировал ушляпу, зобмотанную плетеным яшнуром явместо бленты. Увнезапно гон побратился як ысвоему тсоседу, дзаявив, счто птот шспециально внаступает рему хна аноги хвсякий краз, окогда увходили или ювыходили спассажиры. Фон ъбыстро тпрервал успор ли збросился ок есвободному аместу.

Ннесколько счасов вспустя ця гвновь щувидел

---

[*] Примечания: *

Простеза — присоединение буквы или слога к началу слова. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

лего вперед звокзалом Осен-Клазар аво увремя ебурной вбеседы юс этоварищем, скоторый вдавал тему ксоветы чпо шповоду щпуговицы ина сего пппппппппппппппппппппплащщщщщще

Эпентеза [*]

Однаяжды окодло полдуня ноа задуней пловщадке авторбуса маршрумта С я визжу мужичину с очернь длибнной шелей и шлярпой, обмохтанной плештенным шнуриком вмесюто ленуты. Вдрузг оун обращается к свозему сосуеду, затявляя, чето тойт специрально настулпает ехму ноа ногти всяшкий рабз, когюда вхождили игли выхоздили пасстажиры. Орн быстыро прерывал супор и броспился к свободному меситу.

Несыколько часлов спурстя я виновь увиндел егно песред вокзалгом Стен-Лаздар вто вреймя буреной беследы с товармищем, косторый емцу советровал прикшить чмуть повычше верхнюю пурговицу нга плащщщщщщщщщщщщщщщщщще.

---

[*] Примечания: *

Эпентеза — вставка буквы или слога в середину слова. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Парагога [*]

Однаждым околот полдняк наг заднейс площадкен автобусай ям заметили молодогон человекал си оченью длиннойб шеейб и шляпойб, обмотаннойс плетенымь шнуркома вместол лентыш. Внезапног онь обращаетсяя ко своемул соседуб, заявляяс, чтож тото специальноч наступаетъ емул нах ногиш всякийя разы, когдад входилищ илия выходилищ пассажирыб. Она быстров прервала спорт иг бросилсяс ку свободномур месту.

Несколькол часовы спустяк яд вновья увиделъ егор переда вокзаломы Сеня-Лазаря вот времян бурнойл беседыз со товарищеми, которыйя емун советовали пришитья повышер верхнююс пуговицуг нам плащеееееееееееееееееееее.

Части речи

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ: полдень, площадка, автобус, маршрут S, парк, Монсо, мужчина, шея,

---

[*] Примечания: *

Парагога — присоединение буквы или слога к окончанию слова. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

шляпа, шнур, лента, сосед, нога, раз, пассажир, спор, место, час, вокзал, Лазарь, беседа, товарищ, вырез, плащ, портной, пуговица.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ: задний, переполненный, длинный, большой, обмотанный, плетеный, свободный, святой.

ГЛАГОЛЫ: проезжать, замечать, обращаться, заявлять, наступать, входить, выходить, прерывать, бросаться, видеть, говорить, ходить, уменьшить, переставить.

МЕСТОИМЕНИЯ: я, он, этот, свой, ему, всякий, который.

НАРЕЧИЯ: однажды, приблизительно, мимо, вдруг, специально, когда, быстро.

ПРЕДЛОГИ: в, вместо, на, к, через, перед.

СОЮЗЫ: и, что.

Метатеза [*]

Оджадны приблитизельно в подлень ан зандей плащодке атвобуса я затемил мужичну с очнеь длинной ешей и пляшой, обзяванной кокай-от вереквой. Ин с отго ин с есго но азявил, чот гео соесд псециально натсупает меу ан ноиг. Он, еж-

[*] Примечания: *

Метатеза — перестановка местами двух букв внутри одного слова. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

лая ибзежать сосры, но сутремился ан свобондое емсто.

Ечрез дав ачса я нвовь еог вуидел ерпед возкалом Нес-Зарал в копмании песронажа, коротый муе вадал восеты оп воподу такой-ко гуповицы.

Сзади — спереди

Однажды сзади приблизительно спереди в полдень сзади на задней площадке спереди почти переполненного сзади автобуса спереди я заметил сзади мужчину спереди с очень длинной шеей сзади и шляпой спереди, обвязанной какой-то веревкой сзади вместо ленты спереди. Ни с того сзади ни с сего спереди он начал поносить сзади своего соседа спереди, который, как он утверждал сзади, наступает ему на ноги спереди всякий раз, когда входили сзади или выходили спереди пассажиры сзади. Затем он отошел и сел спереди, так как одно место сзади освободилось спереди.

Чуть позднее сзади я вновь его увидел спереди перед вокзалом Сен-Лазар сзади с другом спереди, который ему давал сзади советы по поводу элегантности спереди.

Имена собственные

Однажды на задней Пласчадине Ситроэна, переполненного страдающими пассажирами, в самый пик настоящего вавилонского столпотворения я заметил одного Теодула с очень длинной Шейлой и Шапокляком, обмотанным Бикфордом вместо Лентулии. Ни с того ни с сего Теодул начал возмущаться тем, что соседствующий с ним Теодоз топчет ему Эступы всякий раз, когда входили и выходили польдевы[*]. Впрочем, Теодул быстро прервал Дискурсию ради освободившегося Сидония.

Спустя несколько Хроносов перед вокзалом Сен-Лазар я снова увидел Теодула, цицеронствующего с неким Парисом, который ему советовал зайти к какому-нибудь Версаче, чтобы переставить Пуго на три сантиметра.

---

[*] Примечания: *

Польдевы — жители мифического восточноевропейского государства Польдевии, придуманного Кено. Впервые тема польдевов возникает в романе «Мой друг Пьеро» (1942). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Лушербем [*]

Однажды около лолудняпа на задней лощадкепии летобусава я усмотрел липатка с длинной луешей и люляпошкой, обмотанной лянуршиком вместо ломентулы. Вдруг он понес на своего лосеседа за то, что тот наступал ему на логунки. Но струсил и смылся к лободносвому ластумеру.

Позднее секу его перед локзаловом Ленис-Лузаралия с каким-то липатком такого же лошибапа, который давал ему ловетосы по ловодупно луговицопы.

Жаванэ [*]

---

[*] Примечания: *

Лушербем, или лушебем (loucherbem, или louchebem) — изначально жаргон парижских и лионских мясников (bouchers), возникший предположительно во второй половине XIX в. Иногда его считают частным случаем более общего жаргона *ларгонжи* (largonji). Основной принцип заключается в трансформации (как правило, существительных), когда буква *l* (или слог, начинающийся с *l*) заменяет первую согласную (или слог), которая переносится в конец слова и ставится перед произвольно выбираемым суффиксом. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Жаванэ (javanais) — жаргон, возникший в 50-е гг. XIX в. Основной принцип: в каждое слово после каждого слога вставляется слог *av (ав)*, *va (ва)* или *ag (аг)*. В данном случае Кено отходит от общего правила и вводит другие слоги с согласной *v* (*vi, ve, ve* и т. д.) и *g* (*ga, go*). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Одивнаживдывь овуковалов повелувойдвиня вав авветобувасе мавершавервуюта эсвэ ява завмеветил мовиловидоваго чевыловеяка сив овечьевень дливинванной шевелювей и швеляпивой, обвмовтавинной верувекой вмевястов веленваты. Ведровуг овен верезовко обвороватился ково соввоевому совсеведу, утвервыждивая, чувтво тотуво навыстувопивает евиму нива новьюги. Овен бывайвостро превервавил совпорвань и поевбежавил кув освободоведившевомуйвся месвитувию.

Чевырез дивва чивайса ява вывновь увидевуль егова поверевод воквайзвиалом Сенивья-Лавизавр вий вырвевымя овживлеванной бувесвиеды с товаровищавем, квоторвый советовыевал евому обвраветивиться куево профвесвасиовеналу, чувтвобвы твевот увымеваньшивил выравезувий еговы плавьщавель, певресватавив повывашевья верхнювую пвоуговивицу.

Антонимия

Полночь. Дождь. Автобусы идут почти пустые. На капоте одного из них, маршрута AI, около Бастилии старик без шляпы, с втянутой в плечи головой благодарит даму, сидящую далеко от

него, за то, что она ему гладит руки. Затем он встает на колени господина, который по-прежнему занимает свое место.

За два часа до этого, за Лионским вокзалом, этот старик затыкал себе уши, чтобы не слышать оборванца, который не позволял себе сказать, что ему следует намного дальше перешить нижнюю пуговицу на своих трусах.

Macaronismy [*]

Sol navigatio in regionem zeniti et calorifit atmospheri magnissima. Senatus populusque parisiensis[*] sudebant. Autobi migratiobant completi. Uno autobibus sub letteræ S transportabat interno uno homo junior cum multi distantio caputi et cartuso obmotani tesmæ tricotæ. Estot junior disputat cum

---

[*] Примечания: *

Macaronismy. — Макароническая поэзия (от *um.* maccaronico) — бурлескная, шутливая поэзия (проза), в которой автор «латинизирует» окончания и/или смешивает слова родного языка с латинскими словами. Происхождение термина и самого жанра связывается с произведением итальянского поэта, бенедиктинского монаха Теофило Фоленго (известного также под именем Мерлин Кокай, 1491–1544) «Opus maccaronicum» или «Maccheronee». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Senatus populusque parisiensis. — Перефразировка выражения «Senatus populusque Romanus» (римский Сенат и народ). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

alterum hominem quid sosedus erat, et declaratit parasiticus pediculos pressovalabat specialitionem. Vacantam positionem vidente, retirovalut sibi et sedem.

Uno tempus postfactum sol in nebulo habebat transpositione.

Sancti Lazari stationem ferrotrasamobilum pre, junum excentricum cum altero ejusdem farinæ qui arbiter elegantiarum erat et qui sujet uno ex pugovonis tunicæ junioris consilium davabat vidi.

Омофония

Одна жди, приблизь зрительно в пол тень, назад к ней, ах, в топь бус! Ной плащ и ад кия! Заметь: ил, йод, дно — вот чело века! Суд ли неон? Ной, шей ей и боль сущей шля, пой о круче, ной о биче, вой. Не ожить дано, брать ил, всяк с воем усосет дукат торы, какой он уд верже дал! Ум мыши лен, но у нас туп: а ед попа лицам; завить дев, а свобод и вшей есси ямь месс. Ток — нем. У нас троп ал лился, закон — час поры.

Спусти яд в очах, сап подарка, миф факса, сала, сень лаза, равно в яви дел лета, вод, урн, явь — шлея пище. Сын, див вид, умом кот, торы и талмуда вал, сове ты поп, оводу — пуго. Вид сына

— плач шее.

Итальянизмы

Одино джиорно в полудинно я стоял на платформа аутобусси — э кель типпо я види? Я види джуниоро типпо с экстралонго горли э одина гигантиссима челяппа с ля тесьматто. Этто джуниоро типпо аккузатте уоно серьозо сеньоре, которому типпо критико ему топтанте тутти ногга, а сеньоре ему не топтанте ногга нуллиссимо, но когда типпо види уна вакканта плацца, он курьерро престо э аллегро э тамо седанте.

Через уно темпо я его рицидиво види, когда он рецептаччи консультанто уоно балбессо е пижонно на тематика уоно пуговино от плачченте.

Dlya Anglichian

Odd narshdee, okolo poloodnya, yah sell v autobus v storonoo Changparay. On bill payraypolnen, pochtee. Ja podnyalsya e weed-dale odean yuny chelloveck e-maits dleeny shay e odna shlup obmotany play-turny shnoorock. Sey mister wash all v razh proteef individum quotory ye moogh nastoo pal nah nogey. Posley chey waugth on auto-show'll e sell.

Choot pose dneye parried Sent-Lazare vox-hall yah snow wa weed-dale ye war v congpainee odd-in dandy quotory yemoogh darval sovet peyrey shit choot-choot poor go weed sou hey wore plash are.

Акрофония

Приднажды облизительно в залдень на подней авщадке плотобуса я юнидел увошу с дличень онной огреей и шомной обляпой, шмотанной шнетенным плурком. Труг этот вдип ручинает нагать коседа, соторый нопчет ему тоги. Утем он забежал к мебодному свосту.

Двустя спа чава я сноса евидел уго вереД показалом Лен-Сазар, в то кремя вак он сослушивал выветы щеного одголя.

Ботаническое

Прокартофельничав под огромным раскаленным подсолнухом, я врос внутрь баклажана на колесах, катящегося к огородам Перре. Внутри я откопал одного гибрида с длинным стеблем и головкой с нахлобученной шляпкой, обмотанной лианой. Вдруг начался настоящий капустник: этот фрукт показал шипы и принялся перечить

одному турнепсу, который топтал ему грядки и давил на пестик и тычинки. Но, испугавшись получить от овоща в репу, застеблился, поник в удобрения и отрос в сторону незасеянного пустыря.

Позднее перед парником «Осенний Розарий» я увидел его снова. Он представлял себе, как на его увитом плющом венчике вырастает луковица.

Врачебное

После короткого сеанса гелиотерапии я испугался, что попаду в карантин, но в конце концов сел в передвижную амбулаторию, забитую тяжелыми больными. Там я продиагностировал одного пациента, гастралгика, пораженного хронической гигантоманией с трахейной удлиненностью и ревматизмом, деформировавшим ленту на его шляпе. Внезапно с этим кретином случается приступ истерии из-за того, что какой-то маразматик ему трамбовал гаммофозный тилозис. Затем, выпустив желчь, он уединяется, чтобы унять свои конвульсии.

Позднее перед Лазаретом я вновь вижу его в состоянии аффекта во время консультации, которую он получает у какого-то шарлатана по

поводу фурункула, обезобразившего ему грудную область.

Грубо

После идиотского ожидания на отвратительном солнцепеке я наконец сел в похабный автобус, внутри которого мудохалась толпа придурков. Самым трахнутым из придурков был один прыщ с непомерной шеищей, который демонстрировал на своей башке гротескный колпак с веревкой вместо ленты. Этот выпендрежник начал возмущаться тем, что один старый пердун с полоумной яростью ему топтал ножищи, но быстро обделался и смылся в сторону свободного места, еще влажного от предыдущего сидельца.

Через два часа мне опять не повезло: снова попал на того придурка; он трепался с другим мудаком перед этим омерзительным памятником, который называют Сен-Лазаром. Они чесали языками по поводу какой-то сраной пуговицы. Я еще подумал: этот придурковатый говнюк может передвигать свой ублюдочный фурункул сколько угодно, но все равно останется таким же уродом.

Гастрономическое

После перетертого ожидания на раскаленном желтке в пережаренном масле я сел в фисташковый автобус, внутри которого, словно черви в перегнившем сыре, кишели пассажиры. В гуще этой каши я заметил одного молодого стручка с шеей, как макаронина, и пирожком на голове, обмотанным, будто венком из черемши, какой-то веревкой. Этот цыпленок завертелся, словно уж на сковородке, и зашипел, потому что какой-то кусок сала прижимал ему лапки (делая из него цыпленка табака). Он быстро перестал колбаситься и вжался в свободную формочку, предпочитая мариноваться в собственном соку.

На обратном пути в автобусе, проезжая мимо буфетов вокзала Сен-Лазар и переваривая обед, я снова увидел того цыпленка с каким-то фруктом, который фаршировал его пикантными советами по поводу вкуса и сервировки. Куренку явно не хватало какой-нибудь вишенки.

Зоологическое

В вольере, который в час, когда львы идут на водопой[*], перевозил нас к площади Шамперре, я заметил одного пестрого жеребца со страусиной шеей и пыжиком, обвитым ленточным червем. Внезапно этот жирафенок взбесился и стал брыкаться из-за того, что соседний зверь его лягнул и отдавил ему копыта. Но, испугавшись клыков плотоядного хищника, он поскакал к свободному загону.

Позднее, перед зоосадом, я вновь увидел того жеребца, но уже вместе с каким-то ослом, который, словно соловей, щебетал о его оперении.

Беспомощное

Как передать ощущение, которое возникает при контакте десяти прижатых друг к другу тел на задней площадке автобуса S однажды в полдень рядом с Лиссабонской улицей? Как высказать ощущение, которое появляется при

---

[*] Примечания: *

«В час, когда львы идут на водопой» — строка из стихотворения В. Гюго «Заснувший Вооз». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

виде персонажа с безобразно длинной шеей и шляпой, ленту которой — непонятно почему — он заменил на обрывок веревки? Как выразить ощущение, которое производит ссора между тихим пассажиром, несправедливо обвиненным в том, что он кому-то наступал на ноги, и этим гротескным кем-то, а именно вышеописанным персонажем? Как описать ощущение, которое вызывает бегство последнего, который скрыл свою трусость под предлогом того, что желает занять свободное место?

Как, наконец, объяснить ощущение, которое вас охватывает при повторном появлении этого джентльмена перед вокзалом Сен-Лазар через два часа в компании с элегантным другом, который рекомендует ему улучшить свой наряд?

В стиле модерн

В омнибусе однажды в полдень мне довелось присутствовать при следующей трагикомедии. Один шалопай, наделенный длинной шеей и — престранная вещь — бечевкой вокруг шляпы (мода, которая весьма пышно расцвела в последнее время и которую я осуждаю), под предлогом скопления и значительной толкотни

путешественников обратился к своему соседу с вызывающей заносчивостью, которая плохо скрывала трусливый, по всей видимости, характер, и обвинил его в том, что тот систематически наступает ему на его лакированные туфли всякий раз, когда входят или выходят дамы и господа, направляющиеся к воротам Шамперре. Но наглец отнюдь не стал дожидаться ответа, который, вне всякого сомнения, поставил бы его на место, и живо ретировался в направлении империала, где его ожидало свободное сиденье, ибо один из путешествующих в нашем автомобиле как раз ступил на мягкий асфальт тротуара площади Перейра.

Через два часа — к этому времени в тамбуре находился я сам — я заметил уже обрисованного мною молокососа, внимающего — судя по всему, не без удовольствия — речам одного молодого повесы, который давал ему фривольные советы относительно манеры носить накидку.

Вероятностно

Контакты между жителями больших городов столь многочисленны, что не стоит удивляться, если порой между ними происходят столкновения общего характера, которые, впрочем, не

влекут за собой серьезных последствий. Недавно мне довелось присутствовать при одной из таких лишенных обходительности встреч, которые обычно имеют место в часы пик в транспортных средствах, предназначенных для общественных пассажирских перевозок по парижской области. Впрочем, нет ничего удивительного в том, что я оказался свидетелем подобной сцены, поскольку для передвижения я часто пользуюсь этим видом транспорта. В тот день инцидент был незначителен, но мое внимание привлекла наружность и внешний вид одного из протагонистов этой мини-драмы. Это был еще молодой человек, но с шеей, чья длина, вероятно, превышала средние размеры, и шляпой, на которой плетеный шнурок заменял ленту. Любопытно, что через два часа я увидел его вновь в тот момент, когда он выслушивал советы одежного порядка, которые ему давал товарищ, в чьей компании он прогуливался туда-сюда, я бы сказал, с явно пренебрежительным видом.

На этот раз было маловероятно, что произойдет третья встреча, и действительно, с того дня, соответственно разумным законам правдоподобия, этого молодого человека я больше не видел.

Описание

Стил — двуногое существо с очень длинной шеей, которое встречается в автобусах маршрута S около полудня. Он особенно предпочитает задние площадки, где стоит, спрятав голову под большой гребень, обмотанный длинным, похожим на веревку отростком толщиной в палец, и пускает сопли. Имея меланхолический нрав, он охотно нападает на тех, кто слабее его, но, столкнувшись с более или менее энергичным сопротивлением, отступает и убегает в глубь салона, где старается не привлекать ничьего внимания.

Его также можно встретить, хотя и намного реже, в окрестностях вокзала Сен-Лазар в период линьки. Он продолжает носить свою старую кожу, которая защищает его от зимних холодов; часто она разодрана для того, чтобы он мог из нее вылезти. Стил вынужден запахивать это подобие плаща с помощью искусственных приспособлений. Неспособный находить их сам, стил обращается за помощью к другому двуногому существу близкого подвида, которое его обучает и тренирует.

Наблюдение и описание стила — раздел тео-

ретической и дедуктивной зоологии, которым можно заниматься в любое время года.

Геометрически

В прямоугольном параллелепипеде, перемещающемся по прямой линии, описываемой уравнением «84x + S = y», гомоид A, представляющий собой сферический сегмент, обмотанный двумя синусоидами над цилиндрической частью длиной $l > n$, имеет точку соприкосновения с тривиальным гомоидом B. Доказать, что эта точка соприкосновения является точкой изгиба кривой.

Если гомоид A встречает гомологического гомоида C, областью соприкосновения будет круг с радиусом $r < l$. Определить высоту h этой точки соприкосновения по отношению к вертикальной оси гомоида A.

По-деревенски

Не было у мене этих маленьких бумажек с номером, но я все ж туды влез, в энтот механизьм. А как очутилси на площадке тово механизьма, шо они кличут по-ихнему аутобусом, то тут же

враз меня со всех сторон зажали, запихали и затуркали. Кадысь я чуток освоилси, то давай оглядываться вокруг — и шо ж я там вижу? Длиннющего обалдуя с такой вот шеей и причудливой шляпой. Шо и говорить, шея изрядная, аж с лишком. А шляпа-то, вкруг ей тесемка увязана, шоб мне провалиться! Вдруг он, тово, возьми да как разъярись! И пошел наговаривать разных пакостей одному бедному господину, а опосля отошел в сторонку и уселси себе, обалдуй.

Да, такое токо в большом городе и случается. Ну, рази можно было представить, шо я снова ево увижу, тово обалдуя-то?! Ровнехонько через два часа перед каким-то огроменным домом, не иначе шо-то вроде дворца епископа Пантрюша, так они обзывают свой город промеж себя. Так вот там находилси тот обалдуй и шлындал туды-сюды с другим шалопутом одново с ним пошиба, — и шо ж ему говорил тот другой шалопут? Шалопут ему говорил: «Пришил бы ты эту пуговицу трошки повыше, было б красивше». Вот шо он ему говорил, длиннющему обалдую, тот другой шалопут одново с ним пошиба.

Междометия

Эй! О! А! Ай! Ой! Ух-ты! Ну и ну! Во как! Ого! Ну-у-у! Хоп! Фи! Фу!

Смотри-ка! О! Хм!

Вычурно

Это было в преддверии июльского полудня. Солнце во всей своей распустившейся красе царило над горизонтом с многочисленными сосками. Асфальт слегка плавился, источая нежнейший гудронный аромат, который наводит больных раком на некоторые наивные, но в то же время разрушительные мысли о причинах поразившего их недуга. Автобус в бело-зеленой ливрее, огербленный загадочной литерой S, подъехал к парку Монсо, чтобы подобрать небольшую группу кандидатов на проезд с влажными от потовыделений конечностями. На задней площадке этого шедевра современного французского автомобилестроения, — где словно сельди в бочке теснились забортовые пассажиры, — один бездельник, маленькими шажками приближающийся к своему тридцатилетию и несущий

в промежутке между почти змееобразно-удлиненной шеей и веревочно-окрученной шляпой тусклую свинцовую болванку, поднял голос и с неподдельной горечью, — которая, казалось, проистекала из стакана с отваром горечавки или какой-нибудь другой травы, обладающей похожими свойствами, — пожаловался на повторяющееся толчковое явление, по его мнению исходящее от другого присутствующего *hic et nunc*[4] клиента С.Т.С.Р.П.[*] Вознося свой плач, он взял кисловатый тон старого видама[*], которого ущипнули за ягодицу в веспасиановом заведении[*] и который, поражаясь, ни в коей мере не одобряет подобных знаков внимания и не желает вкушать сих сюрпризов. Обнаружив опустевшее место, он к нему бросился.

---

[4] Примечания: 4

Здесь и сейчас *(лат.).*

[*] Примечания: *

S.T.C.R.P. (Société des Transports en Commun de la Région Parisienne) — Компания Общественного Транспорта Парижского Округа. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Видам (от *лат.* vice dominus) — чиновник, заменявший служителей культа при исполнении юридических и военных обязанностей. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Веспасиановы заведения — vespasiennes *(фр.)* — будки для «публичных нужд», которые были установлены в Париже в 1834–1835 гг. по распоряжению префекта города Рамбюто. Заведения были названы

по имени римского императора Веспасиана, которому приписывают создание публичных писсуаров в Риме. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Позднее, когда солнце уже опустилось на несколько ступеней по монументальной лестнице своего небесного склона, а мне довелось снова проезжать на другом автобусе этого же маршрута, я заметил вышеописанного персонажа, перемещавшегося по Римской площади перипатетическим образом в компании индивидуума *ejusdem farinae*[5] который давал ему — на этом участке городского пространства, обреченном на автомобильное движение, — советы относительно элегантности в одежде, не шедшие дальше пуговицы.

Неожиданно

Альбер присоединился к приятелям, которые сидели за столиком в кафе. Там были Рене, Робер, Адольф, Жорж, Теодор.

— Как дела? — приветливо спросил Робер.

— Нормально, — ответил Альбер.

Он подозвал официанта.

---

[5] Примечания: 5

Ejusdem farinae (*лат.* «из той же муки») — того же сорта, того же пошиба.

— Мне — бокал пикона[*], — сказал он.

Адольф повернулся к нему:

— Ну, Альбер, что нового?

— Да почти ничего.

— Погода хорошая, — сказал Робер.

— Холодновато, — сказал Адольф.

— Хотя нет, сегодня я видел один смешной случай, — сказал Альбер.

— И все-таки тепло, — сказал Робер.

— Какой? — спросил Рене.

— В автобусе, когда ехал обедать, — ответил Альбер.

— В каком автобусе?

— В S.

— И что ты там видел? — спросил Робер.

— Пришлось пропустить как минимум три автобуса, прежде чем я смог влезть.

— В это время дня — неудивительно, — сказал Адольф.

— Так что же ты видел? — спросил Рене.

— Была давка, — сказал Альбер.

— Прекрасная возможность пощипать за ягодицы.

— Пф! — сказал Альбер. — Речь не об этом.

---

[*] Примечания: *

Пикон — марка ликера (21°), настоянного на горьких травах (горечавка, алоэ, кардамон, хинин). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Рассказывай.

— Рядом со мной стоял один странный тип.

— Какой? — спросил Рене.

— Высокий, худой, со странной шеей.

— Какой? — спросил Рене.

— Как будто ему ее вытягивали.

— Элонгация, — сказал Жорж.

— Я еще вспомнил про шляпу, у нее был странный вид.

— Какой? — спросил Рене.

— Без ленты, зато с плетеным шнурком вокруг.

— Забавно, — сказал Робер.

— А еще, — продолжил Альбер, — он оказался таким крикуном, этот тип.

— Почему? — спросил Рене.

— Начал поносить своего соседа.

— Почему? — спросил Рене.

— Заявил, что тот ему по ногам ходит.

— Специально? — спросил Робер.

— Специально, — сказал Альбер.

— А потом?

— Потом? Просто отошел и сел.

— И это все? — спросил Рене.

— Нет. Самое забавное, через два часа я его снова увидел.

— Где?

— Перед вокзалом Сен-Лазар.

— Что он там делал?

— Не знаю, — сказал Альбер. — Он гулял туда-сюда с приятелем, который ему подсказывал, что пуговица его плаща пришита слишком низко.

— Точно, именно это я ему и посоветовал, — сказал Теодор.

ЗАЗИ В МЕТРО [*]
(роман)

(Перевод Л. Цывьяна)

---

[*] Примечания: *

ЗАЗИ В МЕТРО (Zazie dans le métro). Впервые роман был опубликован в 1959 г. издательством «Галлимар» и получил «Приз черного юмора». В этом же году по роману был поставлен одноименный спектакль в театре «Труа-Бодэ» (реж. О. Гюссно). В 1960 г. вышла киноадаптация, полнометражный фильм (реж. Л. Малль).

Кено задумывал роман еще в 1945 г. (главная героиня — девочка Зази, место действия — парижское метро). Написав несколько страниц, он прервал работу над романом и возвратился к нему только в 1949 г. Согласно изначальному замыслу, Зази бродит по переходам метро и помогает своей бабушке обирать пассажиров, которых пожилая дама убивает ударом костыля.

Имя девочки связано со словом «зазу» — так во время Второй мировой войны называли молодых людей, вычурно одевающихся и страстно увлеченных американским джазом. Одной из самых ярких фигур этого круга была женщина по прозвищу Большая Заза. Не исключено, что выбор имени связан и с Зизи Жанмэром, певцом, исполнявшим большое количество песен Кено, в частности в музыкальной комедии «Прожигательница бриллиантов» (1950). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Зази
в метро
Zazie dans le métro
РОМАН
Зази в метро
Zazie dans le métro
Зази в метро
Зази в метро
Зази в метро
Зази в метро
Zazie dans le métro
Зази
етро
Zazie
dans
le
métro
ро

ὁ πλάσας ἡφάνισεν[6][*]

Аристотель

I

Дактожтутгаквоняит, мысленно негодовал Габриель. Ну и амбре — можно подумать, они вообще не моются. Ладно, предположим, в газетах пишут, что только одиннадцать процентов квартир в Париже имеют ванные, это понятно, но ведь помыться-то все равно можно. Однако, похоже, те, что меня окружают, в голову это не берут. Но, с другой стороны, не может же быть так, что сюда собрали самых немытых со всего Парижа. Такого не может быть, потому что не может быть. Это просто случайность, что все они оказались здесь. Нельзя же предположить, что те, кто ожидает на Аустерлицком вокзале, вонючей тех, кто ожидает

---

[6] Примечания: 6

Придумавший и уничтожил *(греч.).*

[*] Примечания: *

«Придумавший и уничтожил». — Фрагмент из книги Аристотеля «Гомерические проблемы». Полный текст — ὁ πλάσας ποιέτες ἡφάνισευ (поэт придумал и уничтожил). В аннотации к первому изданию «Зази» (1959) Кено объясняет: «Автор поставил в начало этой работы эпиграф из Аристотеля: значит, во всем этом должна быть какая-то мораль. Но читатель вовсе не обязан обращать на это внимание или пытаться разгадывать загадки, которых тут, впрочем, и нет». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

на Лионском. Нет, это совершенно невероятно. Но до чего все-таки жутко смердит...

Габриель извлек из рукава шелковый носовой платок цвета сирени и промокнул им рубильник.

— От кого так воняет? — громогласно поинтересовалась корпулентная особа, стоящая по соседству.

Произнося эти слова, она имела в виду вовсе не себя, поскольку была не эгоистична и на себе не зацикливалась, она подразумевала запах, исходивший вон от того мосье.

— Это, мамаш, «Топтун», одеколон от Дристиана Киора, — мгновенно отреагировал Габриель, не привыкший лазить за словом в карман.

— Да это же преступление — травить людей такими запахами, — объявила бабища, убежденная, что она в своем праве.

— Если я правильно понял, ты, мамаш, думаешь, будто сама ты благоухаешь розами. Так ты заблуждаешься, мамаш, здорово заблуждаешь-

ся[*].

— Нет, ты слышал? — обратилась бабища к стоящему около нее плюгавцу, который, видимо, имел законное право возлегать на нее. — Ты слышал, какое неуважение проявил ко мне этот жирный боров?

Плюгавец оценил габариты Габриеля и сделал мысленное заключение: здоровенный верзила, но ведь здоровенные верзилы — они добряки и силой своей не злоупотребляют, потому как с их стороны это было бы западло. И потому, расхорохорившись, он заверещал:

— Эй ты, горилла! Кончай вонять!

Габриель вздохнул. Ну вот, опять принуждают к насилию. Как ему надоело это принуждение. С превращения обезьяны в человека так оно все и

---

[*] Примечания: *

Так ты заблуждаешься, мамаш, здорово заблуждаешься. — Искаженный рефрен одного из самых известных стихотворений Кено, впервые опубликованного в 1952 г. в одноименном сборнике — его исполняла Жюльетт Греко на музыку Жозефа Косма:

Если ты думаешь,
если ты думаешь,
если, девчонка,
думаешь ты,
что так, что так,
что так будет вечно —
бездумно, беспечно,
когда бесконечно

улыбки вокруг,
и весна и цветы,
то знай, девчонка,
поверь, девчонка,
девчонка, пойми:
ошибаешься ты.

(Пер. М. Кудинова.)

(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)

продолжается. Но, в конце концов, раз надо так надо. И не его вовсе вина, что именно слабаки портят всем жизнь. И все-таки Габриель решил дать шанс замухрышке.

— Ну-ка повтори поотчетливей, — сказал Габриель.

Слегка удивленный тем, что верзила снизошел до беседы, плюгавец чуток задумался, дабы отточить ответ, каковой прозвучал в следующей форме:

— Что, повторить поотчетливей?

Плюгавец был чрезвычайно доволен найденной формулировкой. Но вся беда была в том, что громила не унимался. Он наклонился и изрек следующий однофазный пятисложник[*]:

— Тоштотысказал...

Плюгавцу стало страшновато. Самое было время отковать себе какой-нибудь словесный щит. И первое, что пришло ему в голову, оказалась александрина[*]:

---

[*] Примечания: *

Однофазный пятисложник — стихотворный метр охарактеризован термином, который употребляется обычно в применении к электрическому току. Можно понять как «единая ритмическая группа из пяти слогов». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Александрина — строка александрийского стиха (см. комм. "*Александрийский стих*"). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Послушайте, мосье, не смейте тыкать мне.

— Поносник, — с беспримерной простотой и лапидарностью ответствовал Габриель.

Он поднял руку, словно намереваясь врезать собеседнику в рыло. Тот не стал дожидаться и сам рухнул наземь под ноги к стоявшим вокруг людям. Ему жутко хотелось заплакать. К счастью, тут к перрону подкатил поезд, что кардинально изменило обстановку. Смердящая толпа устремила взоры к приехавшим, которые вывалили из вагонов, причем первыми шествовали деловые люди с портфелями, единственным их багажом, и с таким видом, словно, кроме них, никто и понятия не имеет, как нужно путешествовать.

Габриель всматривался вдаль: они небось где-нибудь в хвосте, женщины всегда плетутся в хвосте, однако нет, из толпы вынырнула девчушка и обратилась к нему:

— Я Зази, а ты, спорим, мой дядя Габриель.

— Совершенно верно, — ответил Габриель, придав голосу возвышенно-благородное звучание. — Я — твой дядя.

Девочка разлыбилась. Габриель тоже вежливо улыбнулся, взял ее, поднял на уровень губ, поцеловал, в ответ на что она тоже чмокнула его, и вновь возвратил на землю.

— От тебя красиво пахнет, — заметило дитя.

— «Топтун» от Дристиана Киора, — объяснил исполин.

— Ты мне помажешь чуточку за ушами?

— Это мужской одеколон.

— Вот это она и есть, — сообщила наконец-то появившаяся Жанна Буфера́. — Ты согласился присмотреть за ней, так что получай.

— Очень хорошо, — кивнул Габриель.

— Я могу довериться тебе? Понимаешь, мне бы очень не хотелось, чтобы ее по очереди изнасиловала вся семейка.

— Да не боись ты, мам, вспомни, как вовремя ты подоспела в прошлый раз.

— В любом случае я не хочу, чтобы такое повторилось, — объявила Жанна Буфера.

— Можешь быть спокойна, — заверил ее Габриель.

— Ну ладно. Значит, встречаемся послезавтра здесь же, поезд отходит в шесть шестьдесят.

— Но только со стороны отправления, — уточнил Габриель.

— Natürlich[7], — согласилась Жанна Буфера, побывавшая под оккупацией. — Кстати, как твоя

---

[7] Примечания: 7
Естественно *(нем.)*.

жена?

— Благодарю, нормально. А ты разве к нам не заглянешь?

— Времени не будет.

— Нормальный ход, — бросила Зази. — Каждый раз, как у нее появляется хахаль, родственники могут гореть ясным огнем.

— П'ка, дочура. П'ка, Габи.

И Жанна отвалила.

Зази прокомментировала:

— Влюблена, как кошка.

Габриель пожал плечами. Он не произнес ни слова. Потом взял чемодан Зази.

И только после этого открыл рот.

— Ну, тронули, — сказал он.

И, сметая все и вся, что оказывалось на его пути, устремился вперед. Зази рысила следом.

— Дядь, — крикнула она, — мы метром поедем?

— Нет.

— Как, нет?

И она встала как вкопанная. Габриель тоже остановился, повернулся, поставил чемодан и пустился в объяснения:

— А так: нет, и все. Сегодня никакого метро. Забастовка.

— Забастовка?

— Ну да, забастовка. Метро, этот исключительно парижский вид транспорта, замерло под землей, потому что контролеры отказались дырявить билеты своими компостерами.

— Ну, сволочи! — вскричала Зази. — Ну, гады! Такую мне пакость подстроить!

— И не только тебе, — заметил исключительно объективный Габриель.

— Да чхать мне на других! Я о себе думаю. Ведь я так надеялась, так радовалась, что смогу прокатиться на метро, и вот на тебе, такое дерьмо!

— Придется смириться, — промолвил Габриель, чьи высказывания бывали иногда отмечены несколько кантианским томизмом.

И, перейдя в плоскость косубъективности[*], он добавил:

— Нам надо поторапливаться: Шарль ждет.

— Да знаю я этого, знаю, — бросила разъяренная Зази. — Читала про него в мемуарах генерала

---

[*] Примечания: *

Косубъективность — неологизм Кено, означающий рассмотрение третьего лица (здесь Шарля) по отношению к двум другим лицам. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Вермо[*].

— Да нет, это совсем не то. Шарль — мой приятель, у него такси. Я зафрахтовал его как раз на случай забастовки. Усекла? Тогда двинули.

И он, подхватив одной рукой чемодан, другой потащил за собой Зази.

Шарль и впрямь ждал их, читая в какой-то еженедельной газетке хронику страждущих сердец. Он искал, и это продолжалось уже много лет, подходящую куколку, которой он мог бы принести в дар сорок пять вишенок своей весны. Но тех, что изливали свои сетования на страницах этой газетки, он находил либо дурами, либо малохольными. Коварными или притворами. Он безошибочно унюхивал соломинку среди бревен стенаний[*] и провидел грандиозную стерву в самой белоснежной жертвенной голубке.

— Привет, малышка, — бросил он Зази, даже

---

[*] Примечания: *

...в мемуарах генерала Вермо. — Смешение двух разных названий: «Альманах Вермо» (L'almanach Vermot) — ежегодный журнал глупейших каламбуров и шуток, выходивший во Франции с начала XX в.; «Военные воспоминания» генерала де Голля (1954–1959). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

...унюхивал соломинку среди бревен — пародия на евангельскую притчу о сучке и бревне: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?» (Лк. 6:41) *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

не взглянув на нее, и аккуратно подсунул еженедельник себе под зад.

— Ну и таратайка у него, — заметила Зази.

— Садись и давай только без снобизма, — сказал ей Габриель.

— В жопе я видела снобизм, — ответила Зази.

— А она забавница, твоя племяшка, — бросил Шарль, включая зажигание и заводя тарахтелку.

Ласковой, но мощной рукой Габриель сунул Зази на заднее сиденье, после чего и сам взгромоздился рядом с ней.

Зази выразила неудовольствие.

— Ты меня задавил, — со злостью прошипела она.

— Это еще что, — лаконично промолвил Шарль безмятежным тоном.

И тронул с места.

Они немножко проехали, и вдруг Габриель величественным жестом указал на окружающий ландшафт.

— Ах, Париж! — воскликнул он многообещающим голосом. — Какой прекрасный город! Ты только посмотри на эту красоту.

— Да в жопе я ее видела! — парировала Зази. — Я хотела только покататься на метро.

— Метро? — возопил Габриель. — Метро? Да

вот же оно!

И он указал пальцем куда-то вверх.

Зази нахмурила брови. И выказала недоверие.

— Это метро? Метро, да? — переспросила она и с презрением добавила: — Метро — это которое под землей, а вовсе не там.

— Да оно это, оно, — сказал Габриель. — Наземный участок.

— Тогда, значит, это не метро.

— Погоди, я тебе счас все растолкую, — сказал Габриель. — Иногда оно выходит из-под земли, а потом снова уходит под землю.

— Не заливай.

Габриель ощутил свое полное бессилие (жест), потом, желая сменить тему, снова указал на что-то, находящееся на их пути.

— Вон там! — взревел он. — Гляди!! Пантеон!!!

— Какой только чуши не несут пассажиры, — не оборачиваясь, бросил Шарль.

Ехал он медленно, чтобы девочка смогла обозреть достопримечательности и пополнить по дороге свой культурный багаж.

— А что, может, это, по-твоему, не Пантеон? — поинтересовался Габриель.

В его вопросе крылась изрядная доля иронии.

— Нет, — весьма уверенно отвечал Шарль. —

Нет, нет и еще раз нет. Не Пантеон.

— А что же это тогда, по-твоему?

Ироничность его тона стала уже прямо-таки оскорбительной для спрошенного, который, кстати сказать, вынужден был признать свое поражение.

— Не знаю, — ответил Шарль.

— Ну вот, сам видишь.

— И все равно это не Пантеон.

Надо сказать, Шарль был исключительный упрямец.

— Давай спросим у прохожего, — предложил Габриель.

— Все прохожие — мудаки, — объявил Шарль.

— Еще какие, — беспристрастно подтвердила Зази.

Габриель не стал настаивать. Он нашел новый объект для восхищения.

— Ты погляди! — воскликнул он. — Видишь, вон там...

Но его прервала громогласная эврикализация друга.

— Все ясно! — возопил Шарль. — Та хреновина, которую мы только что видели, само собой, никакой не Пантеон. Это Лионский вокзал.

— Может быть, — с непринужденностью бросил

Габриель. — И что из того? Проехали — и забыли. Ты лучше глянь, малышка, на этот шедевр архитектуры. Это Дом Инвалидов...

— Да ты вообще на голову упал, — сказал Шарль. — Какой же это Дом Инвалидов?

— А раз не Дом Инвалидов, — обратился к нему Габриель, — то, может, ты соблаговолишь разъяснить нам, что это?

— Точно сказать не могу, — отвечал Шарль, — но скорей это смахивает на казармы Рейи.

— Смотреть на вас, — снисходительно заметила Зази, — чистая умора.

— Зази, — приняв величественный вид, что ему далось без всякого труда, объявил Габриель, — если тебе и вправду интересно посмотреть настоящую могилу настоящего Наполеона, я тебя туда свожу.

— В жопе я видела Наполеона, — ответила Зази. — Этот кретин с его идиотской шляпой меня не интересует.

— Что же тогда тебя интересует?

Зази не ответила.

— И все-таки, — с неожиданной ласковостью осведомился Шарль, — что тебя интересует?

— Метро.

Габриель промолвил: «А-а». Шарль ничего не

промолвил. Габриель, продолжая свой дискурс, снова промолвил: «А-а».

— Когда она кончится, эта забастовка? — спросила Зази, растягивая от злости слова.

— Откуда мне знать, — отвечал Габриель, — я политикой не занимаюсь.

— Да дело тут не в политике, — пояснил Шарль, — людям жрать надо.

— А вы, мосье, — полюбопытствовала у него Зази, — тоже иногда устраиваете забастовку?

— А как же. Приходится, чтобы добиться повышения тарифа.

— С вашей колымагой вам бы надо тариф не повышать, а снижать. Ничего отвратней я в жизни не видела. Вы ее случайно не на берегах Марны подобрали?[*]

— Вот мы и подъезжаем, — примиряюще промолвил Габриель. — Вон уже и забегаловка на углу.

— На каком углу? — с нескрываемой насмешкой поинтересовался Шарль.

— На углу улицы, где я живу, — простодушно

---

[*] Примечания: *

Вы ее случайно не на берегах Марны подобрали? — В начале Первой мировой войны парижские такси доставляли на фронт резервистов, что позволило французам выиграть сражение на Марне. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ответил Габриель.

— Только забегаловка не та, — заметил Шарль.

— Как! — воскликнул Габриель. — Ты хочешь сказать, что это не та забегаловка?

— Опять заводите! — заверещала Зази.

— Не та, — ответил Шарль Габриелю.

— А ты ведь прав, — сказал Габриель, когда они проехали мимо. — В эту я ни разу не забегал.

— Скажи-ка, дядя, — обратилась к нему Зази, — ты это нарочно так придуриваешься или нет?

— Это чтобы рассмешить тебя, дитя мое, — ответил Габриель.

— Ты успокойся, — пояснил ей Шарль, — он это не нарочно.

— Жутко остроумно, — буркнула Зази.

— По правде-то сказать, иногда он нарочно, а иногда нет.

— По правде! — возвопил Габриель (жест). — Можно подумать, ты знаешь, что такое правда! Как будто кто-то знает, что это такое! Все это (жест) — сплошная липа: Пантеон, Дом Инвалидов, казарма Рейи, кафе на углу — все. Да, липа. Липа!

И, совершенно подавленный, он добавил:

— О, какая жуть!

— Может, остановимся принять апередиф?

— Мысль богатая.

— В «Подвальчике»?

— В Сен-Жермен-де-Пре? — уже заранее трепеща, воскликнула Зази.

— Да ты что, — бросил Габриель. — Что ты себе вообразила, девочка?[*] Это все уже давно вышло из моды.

— Если ты хочешь сказать, что я отстала от жизни и ничего не смыслю, — объявила Зази, — то тогда ты просто старый мудак.

— Слышал? — спросил Габриель.

— А чего же ты хочешь? — сказал Шарль. — Юное поколение.

— Можете засунуть, — заявила Зази, — ваше юное поколение себе в...

— Ясно, ясно, — остановил ее Габриель, — мы все поняли. Ну так что, заглянем в кафешку на углу?

— На правильном углу, — сказал Шарль.

— Ну да, — согласился Габриель. — А потом ты останешься с нами поужинать.

— А разве мы уже не договорились?

— Договорились.

— Тогда чего?

---

[*] Примечания: *

Что ты себе вообразила, девочка? — См. комм. "*Так ты заблуждаешься, мамаш...*" *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Ничего. Я подтверждаю приглашение.

— А чего подтверждать, если все уже договорено?

— Можешь считать, что я тебе еще раз напомнил, чтоб ты не забыл.

— Так я ж не забыл.

— Значит, ты остаешься поужинать с нами.

— Вы еще долго будете тянуть резину? — возмутилась Зази. — Мы идем в это дерьмовое кафе или нет?

Ловко и не без изящества Габриель выкарабкался из такси. Они расположились за столиком на улице. Без всякого энтузиазма к ним пришкандыбала подавальщица. И Зази тут же изъявила свое желание.

— Мне какукала, — сообщила она.

— Нету, — прозвучал ответ.

— Ну вабще! — воскликнула Зази.

Она была искренне возмущена.

— А мне, пожалуй, стаканчик божоле, — заказал Шарль.

— А мне молочный коктейль с гранатовым сиропом, — сказал Габриель. — А что тебе? — осведомился он у Зази.

— Я уже сказала: какукала.

— Так нету же.

— А я хочу какукала.

— Хотеть ты можешь сколько угодно, — Габриель с безмерным терпением попытался растолковать ей ситуацию, — но тебе же сказали, что у них нету.

— А почему у вас нету? — спросила Зази у подавальщицы.

— Ну нету (жест).

— Зази, а может, стаканчик пива с лимонадом? — предложил Габриель. — Что ты на это?

— Я хочу какукала, а никакого не пива.

Все погрузились в глубокую задумчивость. Подавальщица почесала ляжку.

— Тут рядом есть, — наконец произнесла она. — У итальянца.

— Мне принесут, наконец, божоле? — поинтересовался Шарль.

Подавальщица поплелась за божоле. Габриель молча встал. Он стремительно отвалил и вскоре вернулся с бутыльком, из горлышка которого торчали две соломинки. Бутылек он поставил перед Зази.

— Держи, малышка, — промолвил он исполненным благородства голосом.

Не говоря ни слова, Зази схватила бутылек и мигом присосалась к соломинке.

— Ну, видишь, — обратился Габриель к другу, — все не так уж и сложно. Достаточно понять ребенка.

II

— Это здесь, — сообщил Габриель.

Зази оглядела дом. Но впечатления свои оставила при себе.

— Ну и как? — полюбопытствовал Габриель. — Пойдет?

Зази сделала неопределенный жест, означающий, что она предпочитает воздержаться от высказываний.

— Я загляну к Турандоту[*], — сказал Шарль. — Мне надо ему кое-что сообщить.

— Ясненько, — кивнул Габриель.

— Чего ясненько? — спросила Зази.

Шарль спустился на пять ступенек ниже уровня тротуара, распахнул дверь кафе-ресторана «Подвальчик» и прошел к деревянной стойке, остающейся без цинкового покрытия еще со времен оккупации.

— Здрассте, мосье Шарль, — приветствовала его

---

[*] Примечания: *

Турандот — имя главной героини сказки К. Гоцци «Любовь к трем апельсинам». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Мадо На Цырлачках[*], обслуживавшая клиента.

— Привет, Мадо, — бросил Шарль, даже не взглянув на нее.

— Это она? — спросил Турандот.

— Она самая, — ответил Шарль.

— А она старше, чем я думал.

— И что?

— Ой, не нравится мне это. Я уже предупредил Габи, чтоб в моем доме никаких историй.

— Плесни мне божоле.

Турандот, погрузившись в раздумья, молча налил. Шарль заглотнул божоле, вытер усы тыльной стороной ладони и рассеянно уставился в окно. Для этого ему пришлось поднять голову, но увидеть можно было только обувку, лодыжки, обшлага брюк, а иногда при крупном везении целиком собаку, но только если это оказывалась такса. Рядом с форточкой висела клетка, обитель грустного попугая. Турандот снова налил Шарлю и сам промочил горло. Мадо На Цырлачках зашла за стойку, встала рядом с хозяином и нарушила молчание.

— Что-то вы полны меланхолией, мосье Шарль, — сказала она.

---

[*] Примечания: *

Мадо На Цырлачках — Мадо — уменьшительное от Мадлен (Магдалина). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— В жопе я видел меланхолию, — сообщил Шарль.

— Не больно-то вы вежливы сегодня, — заметила Мадо На Цырлачках.

— Уписаться можно, — с мрачным видом произнес Шарль. — Но она именно так и выражается, эта соплячка.

— Не понимаю, — недоуменно сказал Турандот.

— А чего тут не понимать, — ответил Шарль. — Она слова не может сказать, не помянув при этом жопу.

— А похабные жесты при этом делает? — осведомился Турандот.

— Пока нет, — угрюмо сказал Шарль, — но все впереди.

— О нет, — простонал Турандот, — только не это.

Он сжал голову руками с таким видом, словно собирался оторвать ее, но это был чистой воды симулякр. После чего продолжил свой дискурс в нижеследующих выражениях:

— К чертовой матери, я не желаю видеть в своем доме маленькую засранку, несущую всякую похабель. Да я уже предвижу, как она развратит весь квартал. Не пройдет и недели...

— Она пробудет тут всего два-три дня, — успокоил его Шарль.

— Два-три дня! — возвопил Турандот. — Да за два дня она успеет забраться в ширинки всем старперам, которые оказывают мне честь быть моими клиентами. Я не желаю никаких историй, никаких неприятностей, ты слышишь, не желаю!

Попугай Зеленец, обкусывавший коготь, обратил на них свой взгляд и, прервав туалет, вмешался в разговор:

— Ты говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь.

— Если подумать, он прав, — согласился Шарль. — Какого черта ты мне орешь, что не желаешь неприятностей, я-то тут при чем?

— Да клал я на него, — проникновенно произнес Габриель, — вот только одно мне непонятно, чего ради ты рассказал ему, как изъясняется малышка.

— Потому что правда для меня главней всего, — объяснил Шарль. — И потом, тебе все равно не удалось бы скрыть, что твоя племянница потрясающе плохо воспитана. Вот ты в детстве так выражался?

— Нет, — ответил Габриель, — но я ведь не был

девчонкой.

— Прошу за стол, — кротко пригласила Марселина, внося супницу. — Зази! — кротко крикнула она. — Садись за стол!

И она принялась кротко разливать содержимое супницы по тарелкам.

— О, консоме, — с удовлетворением констатировал Габриель.

— Не преувеличивай, — кротко сказала Марселина.

Тут наконец и Зази присоединилась к ним. Ничего не выражающим взглядом она оглядела стол, с неудовольствием констатируя, что проголодалась.

После бульона были поданы кровяные колбаски с картофелем по-савойски, затем паштет из гусиной печенки (каковой Габриель притаранил из ресторанчика, причем в количестве хоть задом ешь, так что можно было не ограничивать себя), затем сладчайший из десертов, а затем кофе, которого выпили по нескольку чашек, бикоз[8] Шарль и Габриель вкалывали ночью. После ожидавшегося сюрприза в виде гранатового сиропа с

---

[8] Примечания: 8
Потому что *(англ.).*

киршем[9] Шарль отвалил, у Габриеля же работа начиналась не раньше одиннадцати. Вытянув ноги под столом, так что они даже высовывались из-под него, он улыбнулся Зази, с чопорным видом застывшей на стуле.

— Как ты думаешь, малышка, — обратился он к ней, — не пора ли нам отправиться баиньки?

— Кому это «нам»? — поинтересовалась она.

— Как это кому? Тебе, разумеется, — ответил Габриель, попавшись в расставленную ловушку. — В каком часу ты там ложилась спать?

— Мне кажется, здесь и там — это две большие разницы.

— М-да, — благодушно подтвердил Габриель.

— И меня прислали сюда, чтобы здесь все было не так, как там. Или нет?

— М-да.

— Скажи-ка, дядя, ты говоришь «да», чтобы просто отбрехаться или вправду так думаешь?

Габриель повернулся к улыбающейся Марселине.

— Нет, ты посмотри, как лихо нынче рассуждают детишки. Спрашивается, на кой их мучать и заставлять ходить в школу?

---

[9] Примечания: 9
Вишневая водка *(нем.)*.

— А я вот хочу ходить в школу до шестидесяти пяти лет, — объявила Зази.

— До шестидесяти пяти? — переспросил несколько изумленный Габриель.

— Да, — подтвердила Зази. — Я хочу быть учителкой.

— Неплохая профессия, — кротко сказала Марселина. — Пенсию получишь.

Последние слова она произнесла чисто автоматически, поскольку в совершенстве знала французский.

— В жопе я видела пенсию, — сказала Зази. — Вовсе не из-за пенсии я хочу быть учителкой.

— Само собой, — кивнул Габриель. — Кто бы сомневался.

— Тогда скажи почему? — спросила Зази.

— Вот ты нам сейчас и объяснишь.

— А самому догадаться слабо?

— До чего же все-таки умные современные дети, — сообщил Габриель Марселине.

После чего обратился к Зази:

— Так все-таки почему же ты хочешь стать учительницей?

— Чтобы девчонок доставать. Всех, кому через десять, двадцать, пятьдесят, сто, тысячу лет будет столько же, сколько мне сейчас, чтоб они у меня

кровавыми слезами умывались.

— Ага, — протянул Габриель.

— Ух, какой я с ними буду сволочью. Они у меня пол будут вылизывать языками. Тряпки, которыми доску вытирают, жрать будут. Я им всю жопу истыкаю циркулем. Сапогами испинаю. Потому что я буду носить сапоги. Зимой. Высокие, вот досюда (жест). И с вот такущими шпорами, чтобы задницы в кровь изодрать.

— Понимаешь, — с невозмутимым спокойствием произнес Габриель, — если судить по тому, что пишут газеты, развитие современного образования идет в несколько ином направлении. В совершенно даже противоположном. Мы идем к воспитанию добротой, благожелательностью, мягкостью. Ведь правда, Марселина, об этом писали в газете?

— Да, — кротко подтвердила Марселина, — Зази, а тебя что, в школе обижают?

— Попробовали бы только.

— И потом, — продолжал Габриель, — через двадцать лет не будет никаких учительниц, их заменят кино, телеки, электроника и прочие такие штуки. Об этом тоже как-то писали в газете. Правда ведь, Марселина?

— Да, — кротко подтвердила Марселина.

Зази какое-то время оценивала нарисованное ей будущее.

— Тогда я стану астронавтом, — заявила она.

— Правильно, — одобрил Габриель. — Надо идти в ногу со временем.

— Да, стану астронавтом и полечу доставать марсиан, — сказала Зази.

Габриель в восторге хлопнул себя по ляжкам.

— Ну и задумки у этой девочки!

Он был восхищен.

— И тем не менее ей пора спать, — кротко сказала Марселина. — Ты не устала?

— Нет, — ответила Зази и зевнула.

— Девочка утомилась, — кротко оповестила Габриеля Марселина, — ей пора спать.

— Ты права, — признал ее правоту Габриель и стал мысленно слагать императивную фразу, по возможности исключающую любую форму отказа.

Однако он не успел сформулировать ее, потому что Зази спросила, есть ли у них телек.

— Нету, — ответил Габриель. — Дело в том, что я предпочитаю кинематограф, — солгал он.

— Можешь сводить меня в киношку.

— Уже поздно, — сказал Габриель. — И потом, у меня уже нет времени, мне к одиннадцати надо

быть на работе.

— Обойдемся без тебя, — нашла выход Зази. — Мы сходим вдвоем с тетей.

— А вот этому не бывать, — свирепо произнес Габриель, выделяя каждое слово.

Он вперился яростным взором в глаза Зази и добавил:

— Марселина без меня никуда не ходит.

Однако этим он не ограничился.

— Причину объяснять я тебе не буду, это заняло бы слишком много времени.

Зази отвела от него взгляд и зевнула.

— Я устала, — сказала она, — пойду спать.

Она встала. Габриель поднес к ней щеку. Она чмокнула его.

— А у тебя нежная кожа, — отметила она.

Марселина пошла проводить Зази в ее комнату, а Габриель достал изящный футлярчик свиной кожи с вытисненными на нем своими инициалами. Снова усевшись, он налил себе стакан гранатового сиропа, чуток разбавил его водой и принялся полировать ногти; он обожал это занятие, весьма преуспел в нем и считал, что даст сто очков вперед любой маникюрщице. При этом он напевал непристойный куплетец, потом запел

песенку о подвигах трех ювелиров[*], а закончив ее, стал насвистывать, но негромко, чтобы не разбудить девочку, сигналы, памятные ему со времен действительной службы в армии: отбой, к подъему флага, нашкапрал бабудрал и т. п.

Возвратилась Марселина.

— Уже спит, — кротко сообщила она.

После чего уселась и налила себе рюмочку кирша.

— Прямо как ангелочек, — нейтральным тоном прокомментировал Габриель.

Полюбовавшись только что обработанным ногтем мизинца, он перешел к безымянному.

— А чем мы ее займем весь день? — кротко поинтересовалась Марселина.

— Ну, с этим нет проблем, — сказал Габриель. — Первым делом я свожу ее на Эйфелеву башню, на самый верх. Завтра, во второй половине дня.

— А утром? — кротко поинтересовалась Марселина.

Габриель побледнел.

---

[*] Примечания: *

...напевал непристойный куплетец, потом запел песенку о подвигах трех ювелиров... — Фривольная песенка, на которую дальше намекает Зази: «Им бы сгодилась даже кошка. Как в песне», — рассказывает о трех ювелирах, которые совершили насилие над своими гостьями, а затем подвергли кошку Минетт крайним надругательствам. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Нельзя, — пробормотал он, — нельзя, чтобы она меня разбудила.

— Вот видишь, — кротко произнесла Марселина, — уже проблемы.

Вид у Габриеля был перепуганный.

— Дети, они же просыпаются с ранья. Она не даст мне выспаться... восстановить силы... Ты же знаешь меня. Мне необходимо восстановить силы. Десять часов сна, вот моя норма. Иначе здоровью хана.

Он посмотрел на Марселину.

— И ты даже не подумала об этом!

Марселина опустила глаза.

— Я не хотела мешать тебе выполнить свой долг, — кротко сказала она.

— Спасибо тебе за это, — важно произнес Габриель. — Но вот что придумать, чтобы я утром не слышал ее.

Они погрузились в раздумье.

— А может, — сказал Габриель, — дать ей какое-нибудь снотворное, чтобы она проспала до двенадцати, а еще лучше часов до четырех. Говорят, есть какие-то классные свечи, действуют великолепно.

— Тук-тук-тук, — деликатно постучал во входную дверь Турандот.

— Войдите, — пригласил Габриель.

Вошел Турандот в компании с Зеленцом. Без приглашения сел, клетку водрузил на стол. Зеленец с нескрываемым вожделением уставился на бутылку с гранатовым сиропом. Марселина немножко налила ему в поилку. Турандоту тоже предложили, но он отказался (жест). Габриель, завершив средний палец, переключился на указательный. Пока еще ничего не было сказано.

Зеленец выжрал сиропчик. Почистил клюв о прутья клетки, после чего взял слово и изрек нижеследующее:

— Ты говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь.

— В жопе я видел твои реплики, — раздраженно бросил ему Турандот.

Габриель оторвался от ногтя и со злостью воззрился на гостя.

— Повтори-ка поотчетливей, что ты произнес, — предложил он.

— Что произнес? — переспросил Турандот. — Я произнес: в жопе я видел твои реплики.

— Хотелось бы мне знать, что ты имел в виду, произнося это?

— Я имел в виду, что мне не нравится, что тут поселилась эта девчонка.

— Мне плевать, нравится это тебе или нет. Понял?

— Прошу прощения. Квартиру я тебе сдавал без детей, а теперь ты поселил ребенка без моего позволения.

— Знаешь, где я видел твое позволение?

— Знаю. И еще знаю, что еще немного, и ты, позоря меня, начнешь выражаться, как твоя племянница.

— Да можно ли быть таким неинтеллигентным? Ты хотя бы знаешь, кусок ты мудака, что означает «неинтеллигентный»?

— Вот оно, — отметил Турандот, — начинается.

— Ты говоришь, говоришь, — обратился к нему Зеленец, — и это все, что ты можешь.

— Что начинается? — откровенно угрожающим тоном поинтересовался Габриель.

— А то, что ты начинаешь непозволительно выражаться.

— А вот он начинает выводить меня из себя, — сообщил Габриель Марселине.

— Не надо нервничать, — кротко попросила она.

— Я не желаю, чтобы эта маленькая дрянь жила в моем доме, — с патетической интонацией заявил Турандот.

— Да в гробу я тебя видел! — заорал Габриель. — В гробу! Понял?

Он шарахнул кулаком по столу, и тот, как обычно, подломился в том же самом месте. Клетка упала на ковер, одновременно с ней свершили падение бутыль с гранатовым сиропом, бутылка кирша, рюмки и стаканы, маникюрный набор; Зеленец неистово сетовал, сироп заливал кожаный футлярчик, Габриель испустил вопль отчаяния и ринулся спасать осквернённую любимую вещицу. Стул его грохнулся на пол. И тут отворилась дверь.

— Дадут мне, в задницу, спать или нет?

В дверях стояла Зази в пижаме. Она широко зевнула и с нескрываемой враждебностью уставилась на Зеленца.

— Да у вас тут прямо зоопарк, — сказала она.

— Ты говоришь, говоришь, — обратился к ней Зеленец, — и это все, что ты можешь делать.

Несколько эпатированная, она переключила внимание с птицы на Турандота и спросила у дяди:

— А это еще кто?

Габриель краем скатерти вытирал футлярчик.

— Хана, вконец испорчен, — пробормотал он.

— Я подарю тебе другой, — кротко промолвила

Марселина.

— Очень мило с твоей стороны, — сказал Габриель, — но тогда я предпочел бы не свиной кожи.

— А какой? Из телячьего хрома?

Габриель поморщился.

— Шагреневый?

Та же гримаса.

— Из юфти?

Та же гримаса.

— А из крокодиловой?

— Чересчур дорого.

— Но зато шикарно и солидно.

— Ну, раз так, я сам схожу куплю его.

Улыбаясь во весь рот, Габриель повернулся к Зази.

— Видишь, тетя у тебя — воплощенная любезность.

— Ты так мне и не сказал, что это за хмырь.

— Домовладелец, — объяснил Габриель, — потрясающий домовладелец, друг людей и хозяин бистро внизу.

— «Подвальчика»?

— Именно, — подтвердил Турандот.

— А в вашем подвале танцуют?

— Избави Бог! — ответил Турандот.

— Фигово ему, — сказала Зази.

— Да ты не бойся за него, — утешил ее Габриель, — на прожитие он зарабатывает.

— А вот если б его кафешка была в Синжерминдипри, он башли лопатой бы греб, — сообщила Зази. — Это во всех газетах пишут.

— Неслыханное благородство так заботиться о моих делах. Я тронут, — надменно изрек Турандот.

— Да в жопе я видела благородство, — бросила Зази.

Турандот даже взвизгнул от восторга.

— Ну что, будешь продолжать отрицать? — обратился он к Габриелю. — Я собственными ушами слышал ее жопу.

— Я попросил бы тебя не произносить непристойностей, — сказал Габриель.

— Это не я, — возразил Турандот, — это она.

— Ябеда, — отметила Зази. — Надо ж быть таким гадом.

— Ну ладно, хватит, — сказал Габриель, — мне пора идти.

— Тоскливо, наверно, быть ночным сторожем, — поинтересовалась Зази.

— Работать вообще невесело, — ответил Габриель. — Ступай спать.

Турандот взял клетку и сказал:

— Мы еще продолжим наш разговор.

И с лукавой улыбкой добавил:

— И увидим его в жопе.

— А он неумен, — кротко заметила Марселина.

— Еще как, — подтвердил Габриель.

— Ну все, спокойной ночи, — все так же любезно произнес Турандот. — Я провел приятнейший вечер и рад, что провел его с пользой.

— Ты говоришь, говоришь, — выступил Зеленец, — и это все, что ты можешь.

— Какой милашка, — сказала Зази, глядя на попугая.

— Все, ступай спать, — повторил Габриель.

Зази удалилась через одну дверь, вечерние посетители[*] через другую.

Габриель дождался, когда стихли все звуки, и тоже вышел. Тихо, не шумя, как и подобает приличному квартиронанимателю, он спускался по лестнице.

И тут Марселина, обнаружив на комоде некий предмет, схватила его, выбежала за дверь, склонилась в пролет лестницы и кротко крикнула:

— Габриель! Габриель!

— Что случилось?

---

[*] Примечания: *

«Вечерние посетители» — название фильма Марселя Карне по сценарию Жака Превера (1942). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Ты забыл свою губную помаду!

III

В углу комнаты на столике Марселина поставила все необходимое, чтобы умыться, то есть таз и кувшин с водой, — прямо как в какой-нибудь захолустной деревне. Это чтобы Зази чувствовала себя в привычной обстановке. Однако Зази в привычной обстановке себя не почувствовала. Она уже не только пользовалась стационарным биде, но имела возможность познакомиться и со множеством других сантехнических чудес. Раздраженная до глубины души таким примитивизмом, Зази раза два мазнула себя смоченной ладонью по лицу и сделала вид, будто причесалась.

Потом она выглянула во двор: там ничего не происходило. В квартире тоже по всем признакам ничего не происходило. Зази прижалась ухом к двери, но не услышала ни звука. Она бесшумно вышла из комнаты. В гостиностоловой было темно и тихо. Ставя ногу перед ногой, пятку перед носком, как в игре, когда определяют, кому водить, она продвигалась вперед, ощупывая руками стены и мебель, что было страшно

забавно, особенно если при этом глаза закрыты, и так достигла второй двери, которую открыла с чудовищными предосторожностями. Во второй комнате, тоже темной и тихой, кто-то спал сном праведника. Зази закрыла дверь и двинулась назад задом наперед, что было тоже страшно забавно, и через некоторый, но ужасно длинный промежуток времени достигла еще одной, третьей двери, которую открыла с предосторожностями не меньшими, чем вторую. И оказалась в тускло освещенной прихожей: свет в нее проникал сквозь окно с красными и синими стеклами. Зази открыла еще одну дверь и оказалась у цели своих странствий — в сортире.

Сортир был на английский манер, с унитазом[*], и Зази вступила в эту обитель цивилизации, где провела добрых четверть часа. Место это она сочла не только полезным, но и приятным. Чисто, стены выкрашены. Шелковистая бумага приятно шелестит в руках. В эту пору дня там было даже светло: в форточку вливался поток солнечного света. Зази долго раздумывала, никак

---

[*] Примечания: *

Сортир был на английский манер, с унитазом... — Туалет, снабженный унитазом, в отличие от «туалета по-турецки» (отверстие в полу). Ср. упоминание о «туалете на английский манер» в «Интимном дневнике Салли Мара». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

не могла решить, потянуть за цепочку или нет. Если спустить воду, поднимется шум. Она колебалась, колебалась, наконец решилась, дернула, и раздался рев низвергающегося водопада. Зази подождала, что будет, однако, похоже, никто и ухом не повел, прямо тебе не дом, а замок спящей красавицы. Зази снова присела на унитаз и принялась фантазировать на тему вышеупомянутой сказки, включая в фантазию крупные планы знаменитых киноактеров. Она слегка запуталась в сказочных перипетиях, но, вскорости обретя свойственный ей критический дух, сказала себе, что все эти сказки — дурь собачья, и решила покинуть данное помещение.

Оказавшись опять в прихожей, она обнаружила еще одну дверь, выходящую, надо полагать, на лестничную площадку. Зази повернула ключ, оставленный хозяевами из тщетной предосторожности в замочной скважине, и оказалась, как и предполагала, на площадке. Тихонько прикрыв за собой дверь, она так же тихонько стала спускаться по лестнице. На втором этаже она остановилась — кругом царила тишина. И вот она уже на первом, и вот он коридор, впереди светлый прямоугольник — распахнутая входная дверь, и вот Зази уже на улице.

Улица тихая и спокойная. Машины по ней проезжают так редко, что на мостовой можно безбоязненно играть в классики. На улице находятся несколько магазинчиков с товарами первой необходимости, выглядящих крайне провинциально. Туда-сюда неспешным шагом ходят люди. А когда они переходят улицу, то, сочетая законопослушание с преувеличенной заботой о собственной безопасности, сперва смотрят налево, а потом направо. Зази, впрочем, ничуть не разочарована, она понимает, что находится в Париже, а Париж, как известно, большая деревня, и не все парижские улицы похожи на эту. Вот только, чтобы вполне убедиться в этом, надо отправиться дальше. Что она с самым непринужденным видом и собралась проделать.

Но тут из своего бистро неожиданно вышел Турандот и с нижней ступеньки крикнул ей:

— Эй, малышка, ты это куда?

Зази не ответила и лишь ускорила шаг. Турандот поднялся на верхнюю ступеньку, упрямо продолжая взывать:

— Эй, малышка!

Зази перешла на спортивную ходьбу и плавно повернула за угол. Открывшаяся перед ней улица оказалась куда оживленней. Теперь Зази уже

почти бежала. Ни времени, ни охоты смотреть на нее тут ни у кого не было. Но и Турандот тоже припустил. Перешел на галоп. Он догнал ее, схватил, не говоря ни слова, за руку и круто развернул к себе. Зази не сопротивлялась. Зато заорала:

— Помогите! Помогите!

Крик не преминул привлечь внимание имеющихся в наличии домохозяек и мирных обывателей. Они отвлеклись от своих персональных дел либо от ничегонеделания, дабы проявить интерес к возникшему инциденту.

Добившись такового и вполне удовлетворяющего ее результата, Зази продолжила:

— Я не знаю этого мосье, я не хочу идти с этим мосье, я не знаю этого мосье...

И теде и тепе.

Турандот, убежденный в благородстве своих намерений, проигнорировал ее излияния. Но очень скоро понял, что совершил ошибку, обнаружив, что находится в кольце суровых ревнителей нравственности.

Зази же, видя, что стала объектом внимания столь избранной публики, перешла от общих соображений к четким и детализированным персональным обвинениям.

— Этот мосье, — заявила она, — говорил мне

неприличные вещи.

— И что же он тебе говорил? — спросила некая любознательная дама.

— Мадам! — возвопил Турандот. — Эта девочка убежала из дома. Я намерен отвести ее к родителям.

Кольцо, уже полностью сомкнувшееся, заржало с нескрываемым скептицизмом.

Любознательная дама не отступала. Она нависла над Зази.

— Не бойся, маленькая, — уговаривала она, — расскажи, что говорил тебе этот грязный субъект.

— Это очень неприлично, — пролепетала Зази.

— Он предлагал тебе делать неприличное?

— Да, мадам.

И Зази шепотом сообщила на ухо доброй женщине кое-какие подробности. Та выпрямилась и плюнула Турандоту в физию.

— Какая мерзость! — бросила она ему в качестве бесплатного приложения.

После чего украсила облик Турандота новым смачным плевком.

Один из присутствующих полюбопытствовал:

— Так чего он просил ее делать?

Добрая женщина нашептала ему на ухо зазиче-

ские подробности.

— Ну? — изумился он. — А мне такое и в голову никогда не приходило.

И повторил, но уже, скорее, задумчиво:

— Никогда.

Затем повернулся к другому обывателю:

— Нет, вы только послушайте... (подробности). Просто в голове не умещается.

— Бывают же такие растленные типы, — изумился второй обыватель.

Теперь подробности расползлись по толпе. Одна женщина сказала:

— Не понимаю.

Один мужчина принялся ей объяснять. Он извлек из кармана листок бумаги и набросал шариковой ручкой эскиз.

— А-а, — мечтательно протянула женщина.

И спросила:

— А это что, и правда так здорово, как говорят?

Она имела в виду шариковую ручку.

Двое любителей заспорили.

— Вот мне лично, — заявил один, — рассказывали, что... (подробности).

— А я ничуть этому не удивляюсь, — ответил второй. — Меня, например, уверяли, что... (подробности).

Лавочница, которую вытолкало на улицу любопытство, пустилась в откровенности.

— Можете мне не поверить, — заявила она, — но однажды моему благоверному втемяшилось, чтобы... (подробности). Спрашивается, откуда он только набрался такого?

— Наверно, вычитал из какой-нибудь грязной книжонки, — предположил кто-то.

— Очень даже может быть. Но я, во всяком случае, сказала своему благоверному: значит, ты хочешь, чтобы я... (подробности). Перетолчешься на изжоге, вот что я ему на это ответила. Отправляйся к арабкам, если уж тебе так приспичило, а ко мне с такими пакостями не приставай. Можете мне не поверить, но так я и сказала своему благоверному, когда он потребовал, чтобы я... (подробности).

Все выразили единодушное одобрение.

Но Турандот не слышал этого. Он уже не строил иллюзий. Воспользовавшись общим интересом к техническим деталям, изложенным в обвинениях Зази, он незаметно слинял. По стеночке, по стеночке Турандот завернул за угол и со всех ног припустил в свое заведение, где ринулся за деревянную со времен оккупации стойку, налил большой стакан божоле, залпом заглотнул и тут

же повторил операцию. После чего вытер усы тем, что у него числилось носовым платком.

Мадо На Цырлачках, чистившая картошку, поинтересовалась:

— Что-нибудь не так?

— Только не спрашивай меня. Впервые в жизни я так струхнул. Эти кретины решили, что я сексуальный сатир. Если бы я не смылся, они бы меня разорвали.

— Это вам наука не лезть не в свое дело, — наставительно сказала Мадо На Цырлачках.

Турандот не ответил. Он включил крохотный телек, находившийся у него в черепушке, и принялся просматривать в персональных последних известиях событие, в котором он только что поучаствовал и благодаря которому чуть было не вляпался если не в персонажи мировой истории, то уж совершенно точно в герои хроники дня. Мысленно представив, чего ему счастливо удалось избежать, он содрогнулся. И пот вновь заструился у него по лицу.

— Божежтымой, божежтымой, — забормотал он.

— Ты говоришь, говоришь, — выступил Зеленец, — и это все, что ты можешь.

Турандот утер лицо и обслужил себя в третий

раз.

— Божежтымой, — повторил он.

Это выражение, как ему представлялось, наилучшим образом выражало сотрясавшие его эмоции.

— Ничего страшного, — успокоила его Мадо На Цырлачках, — вас ведь не тронули.

— Хотел бы я посмотреть на тебя на моем месте.

— Да как я могла бы быть на вашем месте? Вы и я — две большие разницы.

— Ладно, хватит спорить. У меня не то настроение.

— А вы не думаете, что надо бы их предупредить?

Черт, и правда ведь, об этом он не подумал. Турандот поставил на стойку третий стакан, из которого не выпил еще ни глотка, и пошел исполнять свой долг.

— Это вы, — кротко констатировала Марселина, занятая вязанием.

— Девчонка, — сообщил запыхавшийся Турандот, — эта ваша девчонка смылась.

Ни слова не говоря, Марселина направилась в комнату Зази. Сведения оказались верны. Комната была пуста.

— Я увидел ее, — продолжал Турандот, — попытался задержать. Как бы не так! (жест).

Марселина вошла в спальню, стала трясти Габриеля, а он тяжеленный, его с места сдвинуть трудно, не то что разбудить; спать он любит, любит от всей души, дрыхнет самозабвенно, так что разбудить его дело очень непростое.

— Ну, чего, чего? — наконец заорал он.

— Зази удрала, — кротко сообщила Марселина.

Он уставился на нее. Без комментариев. Габриель, он быстро соображает. Он очень схватчивый. Он поднялся. Обошел по контуру комнату Зази. Габриель, он любит во всем убедиться самолично.

— Может, она в сортире заперлась, — оптимистически предположил он.

— Нет, — кротко разуверила его Марселина. — Турандот видел, как она удирала.

— И что ты видел? — спросил Габриель у Турандота.

— Видел, как она уходит, ну, поймал ее и хотел привести назад.

— Это ты молодец, — одобрил Габриель. — Так поступают настоящие друзья.

— Ну да. Но девчонка переполошила народ, кричала, что я делал ей гнусные предложения.

— Это правда? Ты делал? — спросил Габриель.

— Да конечно нет.

— Никогда ж неизвестно.

— Это ты прав, никогда неизвестно.

— Дай ему рассказать, — кротко попросила Марселина.

— Тут же сбежался народ, обступили меня, собрались мне морду начистить. Эти мудаки приняли меня за сатира.

Габриель и Марселина расхохотались.

— Ну, а как только наступил момент, когда они отвлеклись от меня, я дал деру.

— Здорово перетрухал?

— Еще как. Никогда в жизни я не испытывал такого страха. Даже во время бомбежек.

— А я вот никогда не боялся бомбежек, — похвастался Габриель. — Как только англичане начали бомбить, я сказал себе: эти бомбы не для меня, а для Гансов, и потому англичан я встречал с распростертыми объятьями.

— Дурацкое рассуждение, — заметил Турандот.

— А я все равно не боялся, и можешь мне поверить, меня ни разу не зацепило даже при самых страшных бомбежках. Гансы, те с полными штанами неслись в бомбоубежища, а я плевал на опасность, оставался наверху и любовался

фейерверком. Бабах! — и цель накрыта, склад боеприпасов в воздух, вокзал в развалинах, от завода одни воспоминания, город в огне, потрясное зрелище.

Габриель вздохнул и заключил:

— В сущности говоря, не такая уж и скверная тогда была жизнь.

— А что до меня, — сказал Турандот, — война мне радости не принесла. С этим черным рынком я все никак не мог сшурупить и вечно попадал впросак. Не знаю, как это получалось, но меня вечно штрафовали, вечно что-то тащили, вечно драли, то государство, то налоговая инспекция, то контролеры какие-то, заведение мое вечно закрывали, а в июне сорок четвертого, когда я только-только чуток разжился, надо же — попадает бомба, и все, с приветом. Полная невезуха. Счастье еще, что я получил в наследство эту халупу, а то не знаю, что бы я делал.

— Скажем прямо, жаловаться тебе грех, — высказал свое мнение Габриель. — Дела у тебя тут идут нормально, и работенка такая, что не надорвешься.

— Хотел бы я посмотреть на тебя на моем месте. У меня изнурительная работа, изнурительная, а к тому же еще и вредная для здоровья.

— А что бы ты, интересно, сказал, если бы тебе пришлось, как мне, вкалывать по ночам? А спать днем. Спать днем, как бы это ни выглядело со стороны, жутко утомительно. Я уж не говорю о том, что могут разбудить с ранья, как, например, сегодня... Не хотелось бы мне, чтобы такое случалось каждое утро.

— Надо было запереть девчонку на ключ, — сказал Турандот.

— Я вот все думаю, чего это она ушла, — задумчиво пробормотал Габриель.

— Она не хотела шуметь, — кротко объяснила Марселина, — и чтобы не разбудить тебя, вышла погулять.

— Но я не желаю, чтобы она гуляла одна, — заявил Габриель. — Улица — школа порока, это всем известно.

— А может, она, как это называют в газетах, совершила побег? — высказал предположение Турандот.

— Это было б совсем ни к чему, — сказал Габриель. — Тогда придется, наверно, обращаться к легавым. И какой я при всем при этом буду иметь вид?

— А ты не думаешь, — кротко поинтересовалась Марселина, — что тебе нужно попытаться

ее отыскать?

— Нет, я отправляюсь досыпать, — сообщил Габриель.

Он устремил свои стопы к ложу.

— Ты обязан исполнить свой долг и вернуть ее, — сказал Турандот.

Габриель рассмеялся. Подражая голосу Зази, он пропищал:

— В жопе я видел свой долг.

И добавил:

— Прекрасненько сама найдется.

— А представь себе, — кротко сказала Марселина, — нет, просто представь, что ей встретится какой-нибудь сатир.

— Вроде Турандота? — пошутил Габриель.

— Неостроумно, — сказал Турандот.

— Габриель, — кротко промолвила Марселина, — ты должен преодолеть себя и найти ее.

— Вот сама и ищи.

— Я не могу, у меня кипятится белье.

— Вам бы надо отдавать белье в эти американские автоматические прачечные, — посоветовал Марселине Турандот, — все-таки работы стало бы меньше. Лично я так и делаю.

— А может, — с подколом произнес Габриель, — ей нравится самой стирать. Тебе такое не

приходило в голову? И вообще какого хрена ты вмешиваешься? Ты говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь. А эти твои американские прачечные я вот где видел.

И он хлопнул себя по заду.

— Поди ж ты, — иронически протянул Турандот. — А я-то считал тебя американофилом.

— Американофилом! — возвопил Габриель. — Ты произносишь слова, смысла которых не понимаешь. Американофилом! Как будто это мешает стирать свое грязное белье дома. Мы с Марселиной не только американофилы, но еще, запомни это, тупарь ты этакой, мы ЕЩЕ и стиркофилы. Ну как? Дошло это до твоей (пауза) тупой башки?

Турандот не нашелся что ответить. И потому вернулся к актуальной и конкретной, так сказать, хиковой и нунковой проблеме[10], которую в отличие от носильного белья не так-то легко стирать, а паче изгладить.

— И все-таки тебе стоило бы пойти поискать девчонку, — порекомендовал он Габриелю.

— Чтоб вляпаться, как ты? Чтоб меня линчевали простые люди Франции?

---

[10] Примечания: 10

От *лат.* hic et nunc — здесь и сейчас.

Турандот пожал плечами.

— Ты тоже, — презрительно бросил он, — только говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь делать.

— И все-таки сходи, — кротко посоветовала Марселина.

— Вы мне оба осточертели, — буркнул Габриель.

Он ушел в спальню, методично облачился, грустно провел рукой по подбородку, на проведение эпиляции которого у него не оставалось уже времени, тяжело вздохнул и вернулся в гостиную.

Турандот и Марселина, или, верней, Марселина и Турандот, спорили о достоинствах и недостатках стиральных машин. Габриель поцеловал Марселину в лоб.

— Прощай, — с важностью сказал он ей, — я отправляюсь исполнить свой долг.

Затем он крепко пожал руку Турандоту; чувства, переполнявшие его, помешали ему изречь какую-нибудь историческую фразу, кроме уже слышанной «я отправляюсь исполнить свой долг», но тем не менее его взгляд туманился печалью, свойственной людям, услышавшим зов судьбы.

Остальные исполнились пониманием рокового мгновения.

И вот он выходит. И вот он уже вышел.

На улице он вдохнул воздух, принюхался. Запахи были обычные, в частности те, что исходили из «Подвальчика». Поскольку улица была ориентирована с севера на юг, он остановился в нерешительности, не зная, куда направить стопы свои — на юг или на север. Однако сомнениям положил конец донесшийся до него призыв. Это из своей будки его окликнул сапожник Пьянье. Габриель подгреб к нему.

— Спорить могу, вы ищете девочку.

— Да, — буркнул без всякого энтузиазма Габриель.

— Я знаю, куда она пошла.

— Всегда-то вы все знаете, — достаточно хмуро ответил Габриель.

И всегда этот хмырь, разговаривая со мной, высвобождает мой комплекс недополноценности, определил для себя Габриель с подсказки шепотного внутреннего голоса.

— Так вас интересует? — осведомился Пьянье.

— Не может не интересовать.

— Так рассказать?

— Интересный народ сапожники, — заметил

Габриель. — Всегда за работой, можно подумать, они влюблены в нее, и, чтоб показать, что они всегда за работой, они выставляют себя в окошке, чтоб ими восхищались. Прямо как поднимальщицы петель на чулках.

— А вы, — спросил Пьянье, — где себя выставляете, чтоб вами восхищались?

Габриель почесал в затылке.

— Да, собственно, нигде, — томно ответил он. — Я ж артист. Ничего худого не делаю. И потом, сейчас не время для пустой болтовни, мне спешно девочку искать надо.

— Я заговорил об этом, потому как мне интересно, — спокойно ответил Пьянье.

Он поднял голову от подметки, в которую вколачивав гвозди.

— Ну так что, пустомеля хреновый, — спросил он, — желаете кое-чего узнать или нет?

— Я же сказал вам, что мне спешно.

Пьянье разлыбился.

— Турандот рассказал, как началось?

— Что счел нужным, то рассказал.

— Ну вас-то интересует, что было потом.

— Да, — кивнул Габриель. — И что же было потом?

— Потом? Вам мало начала? Я вам говорю, соп-

лячка рванула в бега. В бега!

— Интересная история, — буркнул Габриель.

— Вам придется сообщить в полицию.

— Перетерпим, — внезапно севшим голосом ответил Габриель.

— Сама она не вернется.

— Кто знает.

Пьянье пожал плечами.

— Ну что тут скажешь... Мне-то начхать.

— Мне, по совести, тоже, — ответил Габриель.

— А у вас есть совесть?

Пришел черед Габриеля пожать плечами. До чего же наглый тип. Габриель молча повернулся и отправился домой добирать недоспанное.

IV

Пока мирные обыватели и кумушки продолжали пылко обсуждать произошедшее, Зази дала тягу. Она свернула на первую улицу направо, потом налево и продолжала в том же духе, покуда не дотопала до одной из городских застав. Величественные небоскребы в пять, а то и в шесть этажей высились по обе стороны роскошной авеню, на тротуарах которой теснились лотки со всяким хламом. Со всех сторон на нее стека-

лись плотно-лиловые толпы. Торговка шарами Ламорсьера[*] и лошадиная музычка целомудренно тонировали вирулентную выразительность этого шествия. Зази, очарованная открывшейся картиной, не сразу заметила торчавшее неподалеку на тротуаре барочное творение из железа, увенчанное надписью МЕТРО. Но, заметив, она тут же отвлеклась от созерцания улицы и с пересохшим от волнения зевом устремилась к зеву, ведущему в подземелье. Обогнув спешным шагом защитную балюстраду, Зази обнаружила вход в метро. Однако его преграждала решетка. На ней висела грифельная доска со сделанной мелом надписью, которую Зази расшифровала без малейших затруднений. Забастовка продолжалась. Из недосягаемой бездны доносился легкий сухо-железный запашок. Глубоко уязвленная Зази расплакалась.

Слезы доставили ей столь живейшее удовольствие, что она решила сесть на скамейку, чтобы поплакать с комфортом. Правда, по прошествии некоторого времени ее отвлекло от изъявления скорби ощущение чьего-то присутствия

---

[*] Примечания: *

Торговка шарами Ламорсьера... — В 1956 г. режиссер Альберт Ламорис получил приз Луи Деллюка за фильм «Красный шар». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

рядом. Она с любопытством ждала, что из этого воспоследует. Воспоследовали же слова, произнесенные мужским голосом, а именно фальцетом, и составившие нижеследующую фразу в вопросительной форме:

— Дитя мое, ты чем-то огорчена?

Пред лицом столь неумной лицемерности вопроса Зази удвоила объем слез. В груди ее, казалось, теснилось столько рыданий, что она просто не успевала подавлять их.

— Неужто это так ужасно? — был следующий вопрос.

— Да, мсё, — прорыдала Зази.

Но, пожалуй, пора уже было глянуть на рожу этого сатира. Проведя по лицу рукой и преобразовав тем самым слезные потоки в грязные ручейки, Зази повернулась к соседу. Она просто не могла поверить собственным глазам. Могучие черные усищи, шляпа-котелок, зонт и мощные солдатские башмаки на резиновом ходу. Быть такого не может, шепнул Зази внутренний голос, ну никак не может, это какой-то актер-комик из старого времени. От изумления она даже хихикнуть забыла.

А он, скорчив нечто наподобие любезной гримасы, протянул ей безукоризненно чистый

носовой платок. Получив платок, Зази обогатила его небольшим количеством влажной грязи, засыхавшей у нее на щеках, и высморкалась, добавив щедрую порцию соплей.

— Вот и хорошо, — произнес успокаивающим тоном сосед. — Так что же у нас произошло? Тебя бьют родители? Ты что-нибудь потеряла и теперь боишься, что они станут тебя ругать?

Он выдвинул еще несколько гипотез. Зази возвратила ему изрядно увлажненный платок. Он же, не выказав никакой брезгливости, сунул его вместе с добавленными загрязнениями себе в карман. И продолжил:

— Расскажи мне все. Не бойся. Ты можешь мне довериться.

— Почему? — всхлипнув, не без коварства поинтересовалась Зази.

— Что почему? — растерянно переспросил субъект, а вернее, субчик.

И стал скрести зонтом асфальт.

— Почему я могу вам довериться? — пояснила Зази.

— Ну потому, — не переставая скрести асфальт, ответил субчик, — что я люблю детей. Девочек. И мальчиков.

— А-а, так вы старый извращенец.

— Ничуть! — воскликнул субчик с пылкостью, изумившей Зази.

Воспользовавшись полученным преимуществом, мосье предложил Зази угостить ее какой-кала, причем в первом же встречном бистро, то есть при свете дня и при всем народе, так что никакого похабного умысла в его предложении не таилось.

Не желая выдать восторга от перспективы напиться какикала, Зази стала с серьезным видом рассматривать толпу по ту сторону авеню, растекавшуюся между двумя рядами лотков.

— А чего столько народу там делают? — осведомилась она.

— Идут на блошиный рынок, — объяснил субчик, — верней, уже пришли, потому что как раз тут он и начинается.

— А-а, блошиный рынок, — протянула Зази с видом человека, которого на мякине не проведешь. — Это там, где по дешевке покупают рамбранов, потом задорого толкают их американам и с этого живут.

— Ну, там есть не только рамбраны, — сказал субчик, — но и гигиенические стельки от плоскостопия, лаванда, гвозди и даже вполне неношеная одежда.

— А американские излишки и остатки продают?

— Само собой. А еще там продают жареный картофель. Очень хороший. Утром поджаренный.

— Американские остатки — это классно.

— Можно найти и мидии. Очень хорошие. Гарантированно не отравишься.

— А в американских остатках блуджинсы бывают?

— Там много чего бывает. Даже компасы, которые в темноте светятся.

— На кой мне компасы, — сказала Зази. — Вот блуджинсы (молчание).

— Можно пойти глянуть, — предложил субчик.

— И что? — скептически произнесла Зази. — Башлей у меня все равно нету. Разве что стырить пару с лотка.

— Пойдем все-таки глянем, — сказал субчик.

Зази допила какукала. Посмотрела на субчика и сказала:

— В ваших говнодавах только и ходить.

И тут же бросила:

— Так мы идем?

Субчик расплатился, и они вступили в толпу. Зази лавировала, не обращая внимания на изготовителей номеров на велосипеды, стеклодувов,

демонстраторов галстучных узлов, арабов, торгующих часами, и цыганок, торгующих чем ни попадя. Субчик не отставал от Зази, он оказался так же проворен, как и она. В настоящий момент у нее не было намерения отрываться от него, но она уже поняла, что сделать это будет нелегко. Это был, вне всякого сомнения, специалист высокого класса.

И вдруг она встала, как рыба об лед, перед лотком с излишками американских войск. Замерев. Не шелохнувшись. Субчик резко тормознул у нее за спиной. Разговор начал продавец.

— Желаете компас? — развязно осведомился он. — Электрический фонарик? Надувную лодку?

Зази трепетала от вожделения и тревоги, поскольку не была вполне уверена, что субчик действительно лелеет в отношении нее гнусные намерения. И не решалась вымолвить трехсложное английское слово, означающее то, что она хотела сказать. Произнес его субчик.

— Есть у вас блуджинсы для девочки? — спросил он у продавца. — Ты их хотела?

— Д-да, — вышептала Зази.

— Блуджинсы? — воскликнул барахольщик. — Еще бы не быть! У меня есть блуджинсы, которым сносу не будет.

— Такие нам ни к чему, — сказал субчик. — Вы что, не понимаете, она еще растет. В будущем году она в них уже не влезет, и что ей, по-вашему, делать с ними?

— Отдать младшему братику или младшей сестренке.

— Нет у нее ни братика, ни сестренки.

— А вдруг через год появится? (смешок).

— Не надо шутить с этим, — похоронным тоном произнес субчик. — Ее бедная мамочка умерла.

— О, мои извинения!

Зази с удивлением и даже с интересом глянула на сатира, но оценку этого побочного обстоятельства решила отложить на потом. Внутри она вся трепетала и, не в силах более сдерживаться, спросила:

— Мой размер есть?

— Само собой, мадзель, — с галантностью придворного ответил барахольщик.

— А почем?

Вопрос этот задала опять же Зази. Автоматически. Потому что была бережливой, но отнюдь не скупой. Продавец сказал почем. Субчик кивнул. Как видно, он не счел цену завышенной. По крайней мере, так, судя по его реакции, сочла Зази.

— А примерить можно?

Торгован даже задохнулся: что она себе воображает, эта кривоссышка? Что она к Дристиану Киору пришла? Он лучезарно улыбнулся во всю пасть и сказал:

— Да стоит ли? Вы только посмотрите.

Он развернул штанцы и поднял их перед Зази. Она скорчила гримасу. Ей хотелось бы примерить.

— А вдруг велики будут? — сказала она.

— Да в самый раз! Они вам будут как раз по щиколотки, и обратите внимание, какие они узенькие, как будто на вас сшиты, мадмуазель, хоть вы, позвольте уж вам сказать откровенно, такая стройняшечка.

У Зази пересохло в горле. Блуджинсы. Да еще такие. Теперь пройтись в них по Парижу. Вот это был бы класс.

На лице у субчика вдруг появилось задумчивое выражение. Словно он перестал обращать внимание на происходящее вокруг.

Продавец продолжал наступление.

— Вы не пожалеете, — уговаривал он, — им же практически сносу не будет.

— Я вам, кажется, уже сказал, что мне плевать на то, что им нет сносу, — рассеянно бросил субчик.

— Но это же очень важно, — настаивал торгован.

— Кстати, — неожиданно поинтересовался субчик, — если я не заблуждаюсь и правильно понял, вы сказали, что эти блуджинсы из остатков американской армии?

— Natürlich, — подтвердил барахольщик.

— Тогда вы, может быть, разъясните мне маленькое недоумение: были ли у американцев в армии девочки?

— Все у них было, — не позволив сбить себя с толку, отвечал торговец.

Но субчика ответ, похоже, не убедил.

— Надо ж понимать, — продолжал продавец, не желавший, чтобы сделка сорвалась из-за какой-то там всемирной истории, — чтобы вести войну, нужно все и еще многое.

— А это почем? — поинтересовался субчик.

Он имел в виду очки от солнца, каковые и водрузил себе на нос.

— А это премия, которую у нас получают все покупатели блуджинсов, — сообщил барахольщик, почувствовавший, что дело слажено.

Но вот Зази не была так уверена в этом. Купит он их или нет? Чего он тянет? Чего думает? И вообще чего он хочет? Нет, это явно грязный тип,

не какой-нибудь там беззащитный страдатель, а самый настоящий грязный, растленный тип. Надо быть начеку, начеку, ой, начеку. Так что он решает с блуджинсами?...

Ну наконец-то свершилось. Он платит. Покупка завернута, и субчик сует пакет под мышку — себе под мышку. Зази взвыла в душе. Значит, еще не конец?

— А сейчас, — объявил субчик, — пойдем заморим червячка.

Уверенный в себе, он шел впереди. Зази семенила следом, косясь на пакет. Дошли до кафе-ресторана. Сели за столик. Субчик положил пакет на стул вне пределов досягаемости Зази.

— Чего будешь есть? — спросил субчик. — Мидии или жареный картофель?

— И то, и то, — отвечала Зази, чувствуя, что сейчас лопнет от злости.

— Принесите ей мидии, — невозмутимо заказал подавальщице субчик. — А мне стаканчик мюскаде с двумя кусочками сахара.

В ожидании пропитания оба молчали как вкопанные. Субчик невозмутимо покуривал. Когда принесли мидий, Зази набросилась на них, окунала в соус, полоскала в лимонном соке, вся перемазалась. Претерпевшие кипячение пла-

стинчатожаберные держались в своих раковинах с поистине меровингским упорством[*]. Зази только что не выдирала их оттуда зубами. Покончив с ними, она объявила, что не отказалась бы от порции жареного картофеля. Хорошо, сказал субчик. Свое питье он прихлебывал маленькими глоточками, точно это был горячий шартрез. Принесли картофель. Он был просто отличный, шипел и пузырился. Зази пожирала его, обжигая пальцы, но не рот.

Прикончив его, Зази залпом высосала стакан пива с лимонадом, трижды тихонько рыгнула и в полном изнеможении откинулась на стуле. Лицо ее, которое омрачали прямо-таки каннибальские тени, прояснилось. Она с удовлетворением подумала, что хоть что-то да урвала. Потом ей пришла мысль, а не настала ли пора сказать какую-нибудь любезность субчику, — вот только что? Она напряглась, и из этого напряжения родилось нижеследующее:

— Ну и долго же вы мучаете свой стопарик. Мой папаша за это время уже десяток бы прикончил.

— Твой папа здорово пьет?

---

[*] Примечания: *

...с поистине меровингским упорством. — Меровинги — династия франкских королей, правившая в VI–VIII вв. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Пил. Он умер.

— Ты очень горевала, когда он умер?

— Как сказать (жест). Времени на это не было, там такое завернулось (молчание).

— А что же произошло?

— Я бы выпила еще стаканчик, но только без лимонада, чистого пива.

Субчик заказал пива и заодно попросил чайную ложечку. Чтобы выскрести остатки сахара со дна. Пока он предавался этому занятию, Зази слизнула пену с пива, а потом задала вопрос:

— Вы газеты-то читаете?

— Случается.

— Так, наверно, помните ту швейку из Сен-Монтрона, которая разнесла топором черепушку своему мужу? Так вот, это была моя мамаша. Ну, а ее муж, натурально, был моим папашей.

— А-а, — высказался тип.

— Что, не помните?

Вид у него был не слишком уверенный. Зази вознегодовала.

— Ну надо же! А это ведь такого шуму наделало. У мамаши был даже адвокат, который специально из Парижа приехал, знаменитость, его совершенно не понять было, так заумно он говорил, одним словом, полный мудак. Но он все

равно запросто добился, чтоб мамашу оправдали, ему это было раз плюнуть (жест). Мамаше даже аплодировали в суде, люди ее только что не на руках вынесли из зала. Мы в тот день классно отметили. Одно плохо, парижский адвокат напрочь отказался, чтоб ему заплатили колбасами. Этот гад оказался жутким жадюгой. Хорошо еще, Жорж помог.

— А кто такой этот Жорж?

— Да колбасник. Весь такой круглый, розовенький. Мамашин хахаль. Это он дал ей топор (пауза) дров наколоть (смешок).

Зази подняла стакан, отпила глоточек пива, и проделала все это крайне изысканно, вот только мизинчик не оттопырила.

— Но это еще не все, — добавила она, — я лично выступала на процессе, и не просто, а на закрытом заседании.

Субчик никак не прореагировал.

— Что, не верите?

— Само собой, нет. Закон запрещает детям давать показания против своих родителей.

— Ну, во-первых, остался только один родитель, а потом, вы же ничего не знаете. Вот приезжайте к нам в Сен-Монтрон, и я покажу вам тетрадку, куда я наклеивала все газетные статьи, где писа-

ли про меня. Жорж, пока мамаша в тюряге сидела, так даже подарил мне на Рождество подписку на «Аргус прессы»[*]. Вы знаете, что такое «Аргус прессы»?

— Нет, — сказал субчик.

— Ну вот, а еще спорите.

— А почему ты давала показания в закрытом заседании?

— Что, интересно?

— Да не особенно.

— Ну и хитрюга же вы.

Зази отхлебнула глоточек пива с чрезвычайной изысканностью, вот только мизинчик не оттопырила. Субчик даже не дрогнул (молчание).

— Ладно уж, не обижайтесь, — наконец произнесла Зази. — Я счас расскажу вам всю эту историю.

— Я слушаю.

— Так вот. Мамаша, надо вам сказать, папашу терпеть не могла, а папаша от этого жутко огорчался и стал закладывать за галстук. Винище

---

[*] Примечания: *

«Аргус прессы» — существующая во Франции более ста лет служба подбора упоминаний о каком-либо событии в периодических изданиях. Подписчик указывает интересующую его тему и получает список изданий, упомянувших об этом событии, или подборку вырезок, в зависимости от стоимости услуги. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

он жрал литрами. А когда он бывал в подпитии, от него надо было держаться подальше, потому как он тогда бы и кошку не пропустил. Как в той песенке. Вы знаете ее?

— Да, что-то припоминаю, — ответил субчик.

— Отлично. Тогда я продолжаю. В тот день, это было воскресенье, я вернулась с футбола, наш «Сен-монтронский стадион» играл с «Красной звездой» из Нефлиза в первой лиге, сами понимаете. Вы хоть спортом-то интересуетесь?

— Да. Кетчем.

Оценив взглядом достаточно мелкие габариты собеседника, Зази язвительно хихикнула.

— В весе зрителя, — констатировала она.

— Шутка весьма заезженная, — холодно парировал субчик.

Зази со злостью опустошила стакан и застегнула рот на молнию.

— Ладно, не дуйся, — сказал субчик. — Что там было дальше?

— А вам интересно?

— Да.

— Значит, раньше вы врали?

— Ну, продолжай, продолжай.

— Вы только не нервничайте. Тогда вы сможете лучше оценить мой рассказ.

V

Субчик замолчал в тряпочку, и Зази продолжила свой дискурс в нижеследующих терминах:

— Папаша был дома один, совсем-совсем один, и ждал, то есть ничего особенного он не ждал, но все-таки ждал и был совсем один, или, вернее, считал, что один, погодите, счас вы все поймете. Значит, вхожу я, а надо вам сказать, папаша уже был совсем косой и начал меня целовать, но в этом ничего такого нет, потому как он мой отец, но тут он стал лезть куда не надо, и я ему, значит, говорю: «Э, нет», — я же сразу смекнула, чего он, гад, от меня хочет, и, когда я ему сказала: «Э, нет, так не пойдет», — он, значит, сразу к двери, запер ее на ключ, а ключ сунул в карман и при этом пыхтел и так вращал глазами, прямо как в кино, ну просто потрясно. «Я тебя все равно попользую, уж так попользую», — рычал он и даже отхлебнул из бутылки, когда говорил эти развратные угрозы, а потом как прыгнет на меня. Я едва увернулась. Он был уже здорово под газом и потому как ляпнется мордой об пол. Но встал. И начал за мной гоняться, короче, чистая коррида получилась. Наконец поймал меня. И снова

начал лапать где не надо. И в этот момент дверь тихонечко открывается, потому что, надо вам сказать, мамаша сказала ему: «Я пошла купить спагетти и свиных котлеток», но это она ему так сказала, чтоб глаза замылить, а сама спряталась в кладовке, где у нее уже был топор наготове, а теперь, значит, по-тихому вошла, у нее ж, разумеется, ключи все были. Неплохо задумано, а?

— Да уж, — согласился субчик.

— Так вот, значит, она тихонечко открывает дверь и неслышно входит, а у папаши-то, бедняги, в голове в этот момент совсем другое, он и внимания ни на что не обращает, и тут-то она ему и развалила черепушку. Надо признать, мамаша постаралась, от души рубанула. Это нужно было видеть, до того жутко. Даже с души воротило. У меня после этого всякие комплексы могли бы завестись. А ее все равно оправдали. Я им говорила, говорила, что это Жорж ей топор дал, но они хоб что, знай твердили, что если уж муж грязная скотина, да еще такого калибра, то единственный выход зарубить его. Я вам уже рассказывала, ее даже поздравляли. Это уж вообще, вы не находите?

— Люди, они же такие... — сказал субчик... (жест).

— Потом она на меня накинулась, кричала: «Дура ты зловредная, кто тянул тебя за язык рассказывать, откуда топор?» Но я ей ответила: «А разве это неправда?» А она снова: «Дура ты зловредная» — и хотела среди всеобщего ликования дать мне как следует. Но Жорж ее утихомирил, и к тому же она так гордилась, что люди аплодировали ей, что уже не могла думать ни о чем другом. Во всяком случае, первое время.

— А что потом? — поинтересовался субчик.

— А потом Жорж начал подкатываться ко мне. И мамаша сказала, что не может же она всех их убивать, это могут неправильно понять, и дала Жоржу от ворот поворот, короче, осталась из-за меня без хахаля. Разве это не здорово? Разве у меня не примерная мать?

— Да уж, — согласился субчик.

— Правда, продолжалось так недолго, она нашла нового и из-за него как раз прикатила в Париж, а меня, чтобы я не попалась в лапы какому-нибудь сатиру, а их просто толпы бродят, доверила на несколько дней дяде Габриелю. Похоже, с ним мне ничего не грозит.

— Почему?

— Пока не знаю. Я приехала только вчера и еще не успела разобраться, что к чему.

— А чем он занимается, этот твой дядя Габриель?

— Работает ночным сторожем. Раньше двенадцати или часу он не встает.

— Ага, а ты, пока он кемарил, удрала?

— Ага.

— Ты где живешь?

— Там (жест).

— А почему ты плакала на скамейке?

Зази не ответила. Этот субчик начат уже доставать ее.

— Ты что, заблудилась?

Зази передернула плечами. Нет, он и вправду гнусный тип.

— Ты можешь мне сказать адрес твоего дяди Габриеля?

Зази слушала, что втолковывал ей шепотом ее внутренний голос: «Нет, ну чего он всюду суется? Чего он себе воображает? Ладно, сейчас он увидит, что будет».

Она внезапно вскочила, цапнула пакет и дала деру. Нырнула в толпу и, уворачиваясь от людей и лотков, зигзагами понеслась вперед, потом стала резко сворачивать то вправо, то влево, замедляла бег, переходила на шаг, снова трусила рысцой, виляла и петляла.

Она уже в душе посмеивалась над этим олухом, представляя, какая у него теперь рожа, как вдруг поняла, что радоваться рано. Кое-кто шагал с ней рядышком. Не нужно было даже поднимать глаза, чтобы убедиться, что это тот самый субчик, однако Зази подняла: никогда ж точно нельзя знать, а вдруг это вовсе не он, а кто другой; но это был он, и, судя по его роже, нельзя было и подумать, будто случилось что-то не то, вид у него был сама безмятежность.

Зази и слова не произнесла. Опустив глаза, она исподтишка обследовала окружение. Они уже выбрались из толкучки и сейчас находились на улице умеренной ширины, по которой шествовали порядочные люди с дурацкими физиономиями: отцы семейства, пенсионеры, мамаши, выгуливающие потомство, — короче говоря, публика, о которой можно только мечтать. «Дело в шляпе», — шепнул Зази внутренний голос. Она уже сделала глубокий вдох и открыла рот, чтобы издать свой боевой клич: «Сатир!» Но и субчик, оказывается, тоже не из-под хвоста сороки выпал. Он злобно вырвал у Зази пакет и, сотрясая ее за плечо, принялся с исключительной энергией изрекать слова следующего содержания:

— Как тебе не стыдно, малолетняя ты воровка!

Не успел я отвернуться...

И тут же апеллировал к собравшейся толпе:

— Ну эти несовершеннолетние! Вы только гляньте, что она хотела у меня спереть!

Он потрясал пакетом над головой.

— Блуджинсы свистнула! — вопиял он. — Эта соплячка стырила у меня пару блуджинсов!

— Как нехорошо, — высказала мнение одна домохозяйка.

— Дурные задатки, — сказала вторая.

— Какой ужас, — сказала третья. — Неужели этого ребенка не научили, что собственность священна?

Субчик все продолжал обличать Зази.

— А если я тебя отведу в комиссариат? А? В комиссариат полиции? Тебя посадят. В тюрьму! И ты предстанешь перед судом по делам несовершеннолетних. А что в результате? Исправительная колония. Потому что тебя приговорят. И приговорят по полной программе.

Дама из высшего общества, которая случайно оказалась в этих местах в поисках всяких редкостей, соблаговолила остановиться. Она осведомилась у представителей простонародья, по какой причине поднялся такой хипеш, и, когда не без труда усекла, решила обратиться

к чувству сострадания, каковое, возможно, еще не умерло в чудном субъекте, чьи черные усы, шляпа-котелок и темные очки, похоже, ничуть не удивляли народ.

— Мосье, — обратилась она к нему, — сжальтесь над этим ребенком. Она ничуть не виновата в том, что получила, быть может, дурное воспитание. Несомненно, это голод толкнул ее на столь скверный поступок, но не надо чрезмерно, да, я еще раз повторю, чрезмерно карать ее за это. Неужели вы никогда не знали голода (молчание), мосье?

— Я, мадам? — воскликнул субчик с горечью (и в кино лучше не изобразят, подумала Зази). — Я? Не знал?? Голода??? Да я вырос в приюте, мадам!

По толпе пробежал сочувственный ропот. Субчик же, воспользовавшись произведенным впечатлением, пропорол толпу, увлекая за собой Зази и декламируя с трагедийными завываниями:

— Посмотрим, что скажут твои родители.

Когда же они чуть отдалились, он заткнулся, и дальше они шли в молчании, но вдруг субчик произнес:

— Я ж забыл в бистро свое прикрытие. То бишь зонт.

Он обращался к самому себе, да еще вполголоса, но Зази немедленно сделала соответствующий вывод из этой реплики. Это вовсе никакой не сатир, прикидывающийся лжелегавым, но самый настоящий легавый, который прикидывается лжесатиром, выдающим себя за настоящего легавого. И доказательством служит то, что он забыл свой зонт. Вывод этот показался Зази совершенно неоспоримым, и она подумала, что, если свести дядю с мусором, настоящим мусором, это была бы отменно тонкая шутка. И потому, когда субчик объявил, что пусть она не надеется, и потребовал сказать, где она живет, Зази без колебаний назвала адрес. Шутка и впрямь получилась тонкая, потому что когда Габриель открыл дверь, вскричал «Зази» и услышал жизнерадостное сообщение: «Дядь, этмусор, он хочит тибе сказать паруслов», — то враз прислонился к стенке и позеленел. Хотя, возможно, все дело было в освещении — ведь в прихожей здорово темно, так что субчик сделал вид, будто ничего не заметил. Габриель как ни в чем не бывало пригласил его войти, однако голос у него был какой-то осевший.

Они вступили в столовую, и Марселина набросилась на Зази, выказывая живейшую радость,

оттого что вновь видит девочку. Габриель сказал ей, угости чем-нибудь мосье, но тот жестом дал понять, что ничего выпивать не будет, Габриель же попросил принести литровку гранатового сиропа.

Габриель плеснул себе изрядную порцию сиропа и разбавил его капелькой холодной воды, а субчик тем временем по собственной инициативе плюхнулся на стул.

— Вы действительно ничего не хотите выпить?

— (жест).

Габриель заглотнул укрепляющий напиток, поставил стакан на стол и выжидающе уставился на субчика, но у того явно не было ни малейшего желания начинать разговор. Зази и Марселина стояли, не сводя с них глаз.

Так могло продолжаться вечность.

Наконец Габриель нашел подходец, чтобы начать беседу.

— Так значит, — как ни в чем не бывало произнес он. — вы легавый?

— Да ни за что в жизни! — самым сердечным и искренним тоном вскричал субчик. — Я всего лишь скромный торговец с блошиного рынка.

— Врет, — сказала Зази. — Он скромный мусор.

— Давайте все-таки разберемся, — слабым голосом предложил Габриель.

— Ребенок шутит, — с неизменным благодушием заверил субчик. — Я хорошо известен под прозвищем Педро-Остаточник, и меня можно найти по субботам, воскресеньям и понедельникам на блошином рынке, где я распространяю среди населения разные мелкие вещицы, которые янковская армия везла в своих обозах в процессе освобождения нашей страны.

— Вы распространяете их бесплатно? — с нескрываемым интересом осведомился Габриель.

— Шутить изволите, — парировал субчик. — Я их обмениваю на незначительные денежные суммы. За исключением данного случая.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Габриель.

— Я имею в виду всего-навсего то, что девочка (жест) сперла у меня пару блуджинсов.

— Если это действительно так, — сказал Габриель, — она их вам обязательно вернет.

— Во гад, — возмутилась Зази. — Он у меня их отнял.

— В таком случае, — осведомился Габриель, — в чем суть вашей претензии?

— Я просто информирую вас.

— Это мои блуджинсы, — заявила Зази, — Он спер их у меня. Да, да. И потом, он мусор. Дядя Габриель, ты берегись его.

Габриель, пребывающий в некотором замешательстве, налил себе еще стакан гранатового сиропа.

— Что-то я никак не могу взять в толк, — сказал он, — если вы мусор, то непонятно, в чем ваши претензии, а если не мусор, то на каком основании вы задаете мне вопросы.

— Прошу пардону, — заметил тип, — вопросы задаю не я, а вы.

— Да, вы правы, — с присущей ему объективностью признал Габриель.

— Ну привет, — сказала Зази, — счас он тебя в два счета обдурит.

— Но, может, теперь настала моя очередь задать пару вопросов? — поинтересовался субчик.

— Отвечай только в присутствии адвоката! — закричала Зази.

— Оставь меня в покое, — сказал Габриель. — Я сам знаю, что мне делать.

— Да он же заставит тебя признаться, в чем только захочет.

— Она считает меня за дурака, — любезно по-

яснил Габриель субчику. — Ох уж эти нынешние дети.

— Никакого уважения к старшим, — подтвердил субчик.

— Просто с души воротит слушать такую дурость, — заявила Зази, у которой возникла некая задняя мысль. — Все, я ухожу.

— И правильно, — обрадовался субчик. — Было бы очень неплохо, если бы лица второго пола[*] позволили себе на минутку выйти.

— И позволят, — хихикнула Зази.

Выходя, она незаметно прихватила пакет, оставленный субчиком на стуле.

— Мы вас покидаем, — кротко объявила Марселина и тоже вышла.

Выйдя, она кротко закрыла за собой дверь.

— Итак, — произнес субчик (молчание), — вы живете на доходы, которые получаете, принуждая маленьких девочек заниматься проституцией?

Габриель, похоже, намеревался распрямиться, дабы произвести театральный жест, выражающий возмущенный протест, однако, напротив того, лишь съежился.

---

[*] Примечания: *

...если бы лица второго пола... — Аллюзия на «Второй пол» (1949) — монографию Симоны де Бовуар об условиях женского существования. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Вы это мне, мосье? — пробормотал он.

— Кому ж еще? — ответил субчик. — Конечно, вам. Не станете же вы утверждать обратное.

— Стану, мосье.

— Ну вы и наглец. Все улики налицо. Девчонка ловила клиентов на блошином рынке. Я только надеюсь, что вы не предлагаете ее арабам.

— О, ни в коем случае, мосье.

— И полякам, надеюсь, тоже?

— Тоже, мосье.

— Только французам и богатым туристам?

— Никому.

Гранатовый сироп начал оказывать свое действие. Габриель понемножку приходил в себя.

— Значит, вы все отрицаете? — спросил субчик.

— И еще как.

Субчик сатанински ухмыльнулся, ну прямо как в кино.

— А скажите, милейший, — полушепотом осведомился он, — каково ваше занятие или ваша профессия, которое или которая служит вам прикрытием вашей преступной деятельности?

— Я еще раз повторяю вам, что ни в какой преступной деятельности не замешан.

— Хватит уверток! Профессия?

— Артист.

— Вы? Артист? Девочка сказала мне, что вы ночной сторож.

— Она просто не знает. И потом, детям не всегда говорят правду. Не так ли?

— Но мне вы скажете.

— Вы же не ребенок (любезная улыбка). Гранатового сиропа не желаете?

— (жест).

Габриель налил себе еще стакан.

— Итак, — не унимался субчик, — каков род вашей артистической деятельности?

Габриель скромно потупил взор.

— Танцовщица, — сообщил он.

VI

— Чего они там трындят? — поинтересовалась Зази, натянув блуджинсы.

— Очень тихо говорят, — кротко ответила Марселина, которая стояла прижавшись ухом к двери. — Ничего не слышно.

Марселина кротко соврала, потому что прекрасно слышала, как субчик высказывался в нижеследующих выражениях: «Значит, мамаша доверила вам ребенка, потому что вы гомик?»

На что Габриель ответил: «Я же вам уже сказал, не гомик я, не гомик. Да, в кабаре для педов я исполняю номер в женском наряде, но это ровным счетом ничего не значит. Это просто чтоб зрители посмеялись. Понимаете, когда я при моем-то росте исполняю этот номер, они просто подыхают от смеха. Но сам я никакой не гомик. И пожалуйста, доказательство: я женат».

Пуская от восхищения слюни, Зази любовалась собой в зеркале. Да, блуджинсы ей идут, это точно. Она провела рукой по своей тощенькой попке, обтянутой, как и положено быть, в облипочку, и глубоко вздохнула от переполнявшего ее удовлетворения.

— Ты правда ничего не слышишь? — спросила она. — Ничего-ничего?

— Ничего, — опять кротко соврала Марселина, потому как субчик излагал: «Это ничего не значит. Тем более вы не можете же отрицать, что мамаша считает вас гомиком и потому доверила вам девочку?» Что Габриель и вынужден был признать. «Да, в какомтосмысле», — пробормотал он.

— Ну и как тебе? — спросила Зази. — Правда же классно?

Марселина, отлипнув от двери, оглядела ее.

— Теперь девочки так носят, — кротко промолвила она.

— Тебе не нравится?

— Да нет. Но скажи, ты взяла пакет этого мосье... Ты уверена, что он ничего не скажет?

— Да я тебе повторяю: они мои. Ну и рожа у него будет, когда он увидит меня в них!

— Ты что, хочешь показаться ему?

— А то! Что мне, здесь киснуть?

Зази подошла к двери и прилипла к ней ухом. И услыхала, как субчик бурчит: «А где же мой пакет?»

— Теть Марселин, — спросила Зази, — ты что, глухня или за дурочку меня берешь? Отлично же слышно, что там они говорят.

— И что же они там говорят?

Решив на время не углубляться в проблему возможной глухоты тетушки, Зази опять приникла ушной раковиной к двери. Субчик как раз излагал: «Где же он? Надеюсь, его не слямзила девчонка». Габриель попытался навести его на ложный след: «А вы уверены, что он был у вас?» — « Был, был, — пробурчал субчик. — Ну, если она его стырила, я тут камня на камне не оставлю».

— Во, развонялся, — заметила Зази.

— Он что, еще не уходит? — кротко спросила

Марселина.

— Не, — ответила Зази. — Он как раз начинает на тебя вешать собак.

«У меня тут возникло большое подозрение, — трактовал в это время субчик, — не ваша ли супружница приголубила мой пакетик? Может, ей тоже захотелось пощеголять в блуджинсах». — «Нет, это исключено, — заверил его Габриель, — абсолютно исключено». — «Откуда вы знаете? — не поверил субчик. — Мало ли что может прийти в голову, если у мужа повадки гормосенсуалиста».

— А кто это такой — гормосенсуалист? — спросила Зази.

— Человек, который носит блуджинсы, — кротко объяснила Марселина.

— Рассказывай сказки, — усомнилась Зази.

— Габриель обязан вышвырнуть его за дверь, — кротко сказала Марселина.

— Отличная мысль, — поддержала ее Зази.

И тут же с сомнением произнесла:

— А не забезает?

— Сама увидишь.

— Погоди, я выйду первой.

Зази отворила дверь и ясным, уверенным голосом изрекла следующие слова:

— Дядь Габриель, как тебе мои блуджинсы?

— Немедленно сними их, — ужаснувшись, вскричал Габриель, — и верни их этому мосье!

— В жопе я видела этого мосье, — провозгласила Зази. — С какой еще стати? Они мои.

— А я вот не уверен, — раздраженно ответил Габриель.

— Точно, — сказал субчик. — Быстро давай скидывай.

— Выкинь ты его за дверь, — порекомендовала Габриелю Зази.

— Что-то я тебя не понимаю, — сказал Габриель. — То ты предупреждаешь меня, что он мусор, а теперь требуешь вышибить его.

— Ну мусор он, да бояться его чего, — в напыщенно-риторическом стиле заявила Зази. — Он грязный тип и делал мне гнусные предложения, и его будут судить, будь он хоть трижды мусор, а судьи, я-то их знаю, любят маленьких девочек и впаяют ему приговор, присудят к смертной казни, и его гильотинируют, а я буду играть его головой в корзине с опилками и плюну в его мерзкую харю!

Габриель, зажмурив глаза, содрогнулся, представив себе все эти чудовищные изуверства. Он повернулся к субчику.

— Слышали? — спросил он. — Вы все обдумали? Знаете, маленькие девочки — это опасно.

— Дядя Габриель! — возвопила Зази. — Клянусь тебе, эти блуджинсы мои! Ты должен защитить меня, дядя Габриель! Защитить! Что скажет мама, когда узнает, что ты позволил оскорблять меня какому-то шалопаю, идиоту и, может даже, полному барбосу?

«Ух ты, — шепнула она себе посредством внутреннего голоса, — да я не хуже, чем Мишель Морган в “Даме с камелиями”[*]».

И действительно, Габриель, до глубины души тронутый ее патетической тирадой, выразил свое замешательство в сдержанных словах, произнесенных медза воче[11] и, если можно так выразиться, в определенном смысле ин петто[12]:

— В общем-то неразумно поворачиваться задом

---

[*] Примечания: *

...Мишель Морган в «Даме с камелиями». — Мишель Морган действительно сыграла роль «Дамы с камелиями» (по пьесе Дюма-сына), но в американском телефильме, который не поступил во французский прокат. Во французском фильме (реж. Р. Бернар, 1952) главную роль сыграла Мишелин Прель, имя которой было позаимствовано Кено для Мишеля Преля — персонажа романа «Интимный дневник Салли Мара». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[11] Примечания: 11

Вполголоса *(ит.).*

[12] Примечания: 12

Про себя *(ит.).*

к фараону.

Субчик гаденько захихикал.

— До чего у вас все-таки испорченное воображение, — зардевшись, промолвил Габриель.

— Вы что, не понимаете, что на вас можно навесить? — спросил субчик с ухмылкой, которая с каждой секундой становилась все более мефистофельской. — Сводничество, кража в процессе полового соития, гормосенсуализм, эонизм[*], мудиакальная гипоспадия — в сумме это потянет годков на десять каторжных работ.

Затем он повернулся к Марселине.

— А вы, мадам? Очень бы желательно поиметь некоторые сведения о вас.

— Какие? — кротко спросила Марселина.

— Отвечай только в присутствии адвоката, — зачастила Зази. — Дядя не послушался меня, и видишь, в каком он теперь дерьме.

— А ты бы не заткнулась? — бросил субчик Зази и вновь обратился к Марселине: — Итак, мадам, не соблаговолите ли вы сообщить, какая у вас профессия?

---

[*] Примечания: *

Эонизм — намек на Шарля де Бомона, кавалера д'Эона, знаменитого секретного шпиона-травести (1728–1810). Ср. также эон (*др.-греч.* αιών) — согласно учению гностиков, вечные силы, исходящие от Высшего существа, Духа. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Домашняя хозяйка, — свирепо прошипел Габриель.

— В чем состоит сия профессия? — иронически осведомился субчик.

Габриель обернулся к Зази и подмигнул ей, дабы она приготовилась насладиться тем, что сейчас воспоследует.

— В чем состоит она? — произнес он, используя анафорический зачин. — Например, в выбрасывании мусора.

Габриель схватил субчика за шиворот, выволок на площадку и низверг в нижние регионы.

Донесся звук падения, правда несколько глуховатый.

Шляпа последовала тем же путем. Шуму она произвела куда меньше, хотя это был котелок.

— Здорово! — восторженно воскликнула Зази, меж тем как субчик собирал себя по частям и устанавливал на место усы и черные очки.

— Что будем пить? — спросил Турандот.

— Что-нибудь подкрепляющее, — крайне уместно ответствовал субчик.

— Дак очень же много такого.

— Мне без разницы.

Он уселся в глубине зальчика.

— Что бы мне ему налить? — терзался Турандот.

— Может, ферне-бранка[*]?

— Да его ж в рот невозможно взять, — заметил Шарль.

— Ты, наверно, никогда его не пил. Это не так уж и плохо и к тому же здорово полезно для желудка. Ты просто должен попробовать.

— Ладно, плесни на донышко, — согласился Шарль.

Турандот щедрой рукой налил ему.

Шарль омочил напитком губы, с хлюпаньем и свистом втянул немножко, вдумчиво продегустировал, погоняв во рту, проглотил, отпил снова.

— Ну как? — поинтересовался Турандот.

— Ничего.

— Еще чуток?

Турандот наполнил ему стакан и поставил бутылку на полку. Покопался там и еще кой-чего обнаружил.

— Есть еще аркебузовка[*], — сообщил он.

— Аркебузовка устарела. В наше время уж если

---

[*] Примечания: *

Ферне-бранка — дижестив (напиток, употребляемый после еды), которому долго приписывали терапевтические свойства. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Аркебузовка — напиток, изначально предназначавшийся для лечения ран от аркебузы или пищали. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

что и пить, так атомную настойку.

Эта отсылка к всемирной истории здорово всех развеселила.

— А вы тут, я вижу, веселитесь! — воскликнул Габриель, ворвавшись на всех парах в бистро. — Не то что я. Тут со мной жуткая случилась история. Налей-ка мне гранатового сиропа, да покрепче, не слишком разбавляй. Знали бы вы, что со мной произошло...

— Вот и расскажешь, — как-то скованно произнес Турандот.

— Персональный привет! — бросил Габриель Шарлю. — Ты сегодня обедаешь с нами?

— А разве мы не договорились?

— Я тебе просто напоминаю.

— Незачем напоминать. Я ж не забыл.

— Значит, я подтверждаю приглашение.

— А чего подтверждать, если все договорено.

— Короче, ты обедаешь с нами, — заключил Габриель, который любил, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним.

— Ты говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь, — прокомментировал Зеленец.

— Выпей, — сказал Габриелю Турандот.

Габриель последовал совету.

— (вздох). Жуткая история. Вы видели, как Зази

вернулась с одним типом?

— М-м-м-м, — невнятно и сдержанно ответствовали Турандот и Мадо На Цырлачках.

— Я подъехал позже, — сообщил Шарль.

— А как он вылетал, вы видели?

— Знаешь, — сказал Турандот, — у меня не было времени рассматривать его, так что я совсем не уверен, что его узнаю. Но не тот ли это тип, что сидит у тебя за спиной?

Габриель повернулся. Субчик сидел на стуле, терпеливо дожидаясь подкрепляющего питья.

— О Господи! — воскликнул Турандот. — Надо же, я про вас совсем забыл. Примите извинения.

— Ничего страшного, — вежливо ответил субчик.

— Что скажете насчет ферне-бранка?

— Если вы рекомендуете...

В этот момент, весь позеленев, Габриель медленно стал сползать на пол.

— Два ферне-бранка, — сказал Шарль, подхватывая приятеля.

— Два ферне-бранка, два, — машинально повторил Турандот.

Из-за всех этих событий он страшно разнервничался, и ему не удавалось направить струю в стаканы; рука дрожала, и он сделал несколько

коричневых лужиц, которые, выпуская псевдоподии, поползли по деревянной (с оккупации) стойке, пятная ее.

— Дайте-ка я, — сказала Мадо На Цырлачках, вырывая бутылку у взволнованного хозяина.

Турандот вытер лоб. Субчик спокойненько прихлебывал укрепляющее, которое он наконец-то получил. Шарль, зажав Габриелю нос, вливал ему сквозь стиснутые зубы напиток. Малая его часть, правда, вытекла из уголков рта. Габриель всхрипнул.

— Ну, старик... — с затаенной нежностью промолвил Шарль.

— Слабак, — бросил внутренне укрепившийся субчик.

— Зря вы так, — заметил Турандот. — Он доказал, чего стоит. Во время войны.

— И что же он такого совершил? — презрительно поинтересовался субчик.

— Его отправили на работы, — ответил трактирщик, наливая всем еще по порции ферне.

— А-а, — безразлично протянул субчик.

— Может, вы запамятовали, — сказал Турандот. — До чего ж у людей память короткая.

Принудительные работы[*]. В Германии. Не припоминаете?

— Это ничуть не доказывает, что он не слабак, — заметил субчик.

— А бомбы? — спросил Турандот. — Бомбы вы не забыли?

— И что же делал с бомбами этот ваш друг-приятель? Заключал в объятия, чтоб они не взорвались?

— Больно уж у вас остроумие тупое, — отметил уже начавший злиться Шарль.

— Не надо ругаться, — пробормотал Габриель, только-только восстановивший контакт с окружающей реальностью.

Походкой не слишком уверенной, чтобы именоваться таковой, он добрел до стола, за которым совершенно случайно сидел субчик. Габриель извлек из кармана небольшую простынку лилового цвета и вытер лицо, овеяв бистро благоуханием лунной амбры и серебристого мускуса.

— Тьфу, — сплюнул субчик. — Ну ваше бельишко и смердит.

---

[*] Примечания: *

Принудительные работы — Постановлением от 16 февраля 1943 г. правительство Виши направляло всех молодых французов (1920–1922 гг. рождения) на принудительные работы. 25 апреля 1942 г. Кено был приписан немецкими властями на принудительные работы. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Вы решили опять изводить меня? — со страдальческим видом произнес Габриель. — Это одеколон от Дристиана Киора.

— Надо быть снисходительней к людям, — успокоил его Шарль. — Некоторые хамы не выносят ничего рафинированного.

— Рафинированного! — бросил субчик. — Да не смешите меня. Такое рафинированное можно получить, разве что рафинируя говно.

— Вы даже не представляете, насколько вы попали в точку, — обрадовался Габриель. — Говорят, в парфюмерию самых лучших фирм добавляют капельку этого самого субсрата.

— Даже в одеколон? — полюбопытствовал Турандот, не без робости присоединясь к беседе этой избранной компании.

— Ну, ты иногда бываешь просто на редкость тупарем, — сказал ему Шарль. — Как будто не знаешь, что Габриель, стоит ему услышать какую-нибудь глупость, тут же, даже не попытавшись понять, повторяет ее.

— Чтобы повторить глупость, ее надо как минимум услышать, — парировал Габриель. — А что, тебе когда-нибудь случалось изречь глупость, которую ты самолично придумал?

— Не стоит преувеличивать, — бросил субчик.

— Что преувеличивать? — поинтересовался Габриель.

Но субчик не позволил сбить себя с толку.

— А вы что, никогда глупостей не говорите? — не без коварства осведомился он.

— Он в одиночку наслаждается ими, — сказал Шарль. — Жутко претенциозная личность.

— Нет, я чего-то недоуяснил, — пожаловался Турандот.

— А о чем мы вообще говорили? — спросил Габриель.

— Я сказал тебе, что ты не способен сам придумать все глупости, которые изрекаешь, — сказал Шарль.

— А какие глупости я изрекал?

— Я их что, запоминаю? Ты их столько изрекаешь.

— В таком случае тебе, наверно, не составит труда процитировать хотя бы одну.

— Ладно, — сказал Турандот, который уже окончательно перестал врубаться, — продолжайте занудствовать без меня. Народ потянулся.

Действительно, желающие отобедать валили валом, некоторые со своей жратвой. Звучал голос Зеленца, твердившего неизменное «ты говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь».

— Так о чем же мы говорили? — задумчиво промолвил Габриель.

— Ни о чем, — объяснил ему субчик. — Ни о чем.

Габриель с неудовольствием глянул на него.

— В таком случае, — поинтересовался он, — чего ради я сюда приперся?

— Да за мной, — сказал Шарль. — Забыл, что ли? Я обедаю у тебя, а потом мы везем малышку на Эйфелеву башню.

— Тогда пошли.

Габриель встал и вместе с Шарлем покинул кафе, не попрощавшись с субчиком.

Субчик подозвал (жест) Мадо На Цырлачках.

— Раз уж я здесь, — сказал он ей, — пожалуй, останусь у вас пообедать.

На лестнице Габриель остановился и доверительно спросил у Шарля:

— Как думаешь, я не слишком невежливо поступил, не пригласив его отобедать у нас?

VII

Пьянье обедал у себя в будке, чтобы не упустить эвентуального клиента, ежели таковой подгребет; правда, до сих пор в этот час ни один

ни разу не пришел. Прием пищи в будке имел, таким образом, двойное преимущество: поскольку клиентов в это время точно не бывало, Пьянье мог спокойно подзаправиться. Пищей в этот раз служила тарелка горячей картофельной запеканки, которую прямо с пылу с жару около часу дня притаранила ему Мадо На Цырлачках.

— А я-то надеялся, сегодня будут потрошки, — сказал Пьянье, наклоняясь за литровкой красного, что стояла у него в углу.

Мадо На Цырлачках передернула плечами. Потрошки? Извечный миф! И Пьянье это прекрасно знал.

— Что там этот тип? — спросил Пьянье. — Чего делает?

— Доедает. Молчит как вкопанный.

— Вопросов не задает?

— Не.

— А Турандот не заговаривает с ним?

— Не решается.

— Не больно-то он любопытен.

— Да дело не в этом, просто он побаивается.

— Ага...

Пьянье врубился в запеканку, температура которой снизилась до приемлемого градуса.

— А чего еще будете? — спросила Мадо На Цыр-

лачках. — Бри? Камамбер?

— Бри хорош?

— Так себе.

— Тогда камамбер.

Мадо На Цырлачках уже уходила, когда Пьянье поинтересовался:

— А чего он жрал?

— В точности то же, что и вы. Без вариантов.

Десяток метров, что разделяли будку Пьянье и «Подвальчик», она преодолела бегом. Ладно, придется ее еще поспрошать. Информацию, полученную от нее, Пьянье счел совершенно недостаточной, однако пребывал в процессе углубленных размышлений, пока не появился сыр, притараненный возвратившейся Мадо.

— Так что там тип? — осведомился Пьянье.

— Допивает кофе.

— И чего говорит?

— А ничего.

— Как он ел? С аппетитом?

— Скорее, да. Все подмел.

— А что он взял на закуску? Сардинку или салат из помидор?

— Я ж вам сказала: в точности то же, что и вы. Никаких закусок.

— А пил чего?

— Красное.

— Маленький или большой стакан?

— Большой. Выпил все до капли.

— Ага, — протянул с явным интересом Пьянье.

Прежде чем приняться за сыр, Пьянье задумчиво произвел привычное сосательное движение, дабы извлечь волоконца мяса, застрявшие между различными зубами.

— А в сортир? — задал он очередной вопрос. — В сортир он не ходил?

— Не.

— Даже отлить?

— Не.

— И грабки не мыл?

— Не.

— А какая у него сейчас рожа?

— Да никакая.

Пьянье вонзил зубы в здоровенный бутерброд с сыром, который он старательно приготовил, отодвинув корочку сыра к дальней части и оставив, таким образом, самое вкусное напоследок.

Мадо На Цырлачках рассеянно наблюдала за ним, не торопясь обратно, хотя рабочий день еще не кончился и кое-какие клиенты небось дожидались, когда им принесут счет, в том числе, кстати, и субчик. Она облокотилась о будку и,

пользуясь тем, что Пьянье жевал и тем самым был лишен возможности говорить, завела речь о своих личных проблемах.

— Человек он серьезный, — сказала она. — И профессия у него в руках. Очень хорошая профессия. Ведь таксист — это же неплохо, верно?

— (жест).

— И не старый. И не слишком молодой. На здоровье не жалуется. Крепкий из себя. И, наверно, что-то отложить успел. Короче, все при нем. Одна только беда: больно уж Шарль романтичен.

— Ага, — подтвердил Пьянье в промежутке между двумя откусами бутерброда.

— Меня просто трясет, когда я вижу, как он сидит, сунув нос в брачные объявления или там в переписку с редакцией в женских журналах. Да неужто вы и вправду верите, говорю я ему, будто сыщете там пташечку вашей мечты. Если уж она и впрямь такая сказочная пташечка, так она сумеет свить свое гнездышко и без всяких объявлений, ведь верно?

— (жест).

Пьянье как раз произвел последний заглот. Покончив с бутербродом, он степенно выпил стакан вина и поставил бутылку на место.

— А что Шарль? — спросил он. — Что он тебе на

это отвечает?

— Да шуточками все отделывается, мол, а тебе, пташечка, часто удавалось свить гнездышко. Короче, несерьезно ведет себя (молчание). Не хочет меня понять.

— Надо с ним поговорить.

— Да я уж подумывала, вот только оказии все никак не представляется. Например, встретимся мы на лестнице. Ну, трахнет он меня по-скорому, что называется, на ступеньках дворца[*]. Только в такие минуты я не способна поговорить, как надо бы, у меня совсем другое настроение (молчание), не для разговора по душам (молчание). Вот пригласить бы его как-нибудь вечерком поужинать... Как думаете, он не откажется?

— Во всяком случае, отказаться с его стороны было бы крайне невежливо.

— Беда в том, что Шарль не всегда бывает вежлив.

Пьянье жестикульнул, выражая несогласие. Из дверей кафе раздался крик Турандота: «Мадо!»

— Иду! — отвечала она, сообщив этому слову скорость и громкость достаточные, чтобы пре-

---

[*] Примечания: *

...на ступеньках дворца. — Народная песня, в которой главными героями являются прекрасная девушка и сапожник. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

одолеть разделяющее их пространство. — Но в любом случае, — это она уже адресовала Пьянье, и не столь громозвучно, — я все никак не могу в толк взять, чем эта баба, которую он надеется найти по объявлению, может быть лучше меня: шахна у нее из золота будет или что?

Очередной зов Турандота не позволил ей выдвинуть очередные гипотезы. Она понесла грязную посуду, а Пьянье остался наедине с ремонтируемой обувкой и улицей. Он тут же взялся за работу. Неторопливо скрутил одну из своих пяти ежедневных цигарок и степенно закурил ее. Судя по его виду, можно было даже подумать, что он над чем-то усиленно размышляет. Докурив цигарку почти до самого конца, он тщательно пригасил ее и охнарик по привычке, оставшейся со времен оккупации, спрятал в железную коробочку. И в этот миг прозвучал вопрос:

— Не найдется ли у вас случайно шнурка, а то у меня порвался.

Это оказался субчик, продолживший свое выступление в нижеследующем духе:

— Нет ничего отвратнее рваного шнурка, не правда ли?

— Ничего не могу вам ответить, — ответил Пьянье.

— Мне бы желтый. Но если вам угодно, сойдет и коричневый, только не черный.

— Счас гляну, есть ли у меня, — сказал Пьянье. — Но не гарантирую, что у меня имеются все упомянутые вами цвета.

Однако он даже не шелохнулся, ограничившись тем, что продолжил разглядывать собеседника. Тот же изображал, будто не замечает этого.

— Я ж не прошу у вас шнурков всех цветов спектра.

— Каких?

— Всех цветов радуги.

— К сожалению, в настоящий момент такие у меня отсутствуют, да и другого цвета тоже нет.

— А вон в той коробке у вас случаем не шнурки?

Пьянье почернел, как пьявка.

— Послушайте, я не выношу, когда мне указывают.

— Но вы же не откажетесь продать ботиночный шнурок человеку, которому он позарез необходим. Это же все равно что отказать голодному в куске хлеба.

— Знаете что, не берите меня на жалость.

— А пару башмаков? Вы и пару башмаков откажетесь продать?

— Ну вы совсем того! — вскричал Пьянье.

— Это почему?

— Я — сапожник, а не торговец обувью. Ne sutor ultra crepidem[13], как говорили древние. Сечете по-латыни? Usque non ascendam anch'io son pittore adios amigos amen[14][*] и тепе. Но навряд ли вы способны это оценить. Вы ж не кюре, а мусор.

— Позвольте, однако, осведомиться, с чего вы это взяли?

— Мусор или сатир.

Субчик спокойненько пожал плечами и произнес без убежденности, но и без горечи:

— Оскорбления — вот благодарность за то, что возвращаешь потерявшегося ребенка родственникам. Оскорбления.

И, тяжело вздохнув, добавил:

— Тем еще родственникам.

Пьянье оторвал задницу от стула и спросил с угрозой:

— А чем это не нравятся вам родственники? В

---

[13] Примечания: 13

Суди не выше сапога *(лат.).*

[14] Примечания: 14

Доколе не достигну я тоже художник прощайте друзья аминь *(лат., ит., исп.).*

[*] Примечания: *

...я тоже художник... — Фраза, приписываемая Корреджо. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

чем вы их можете упрекнуть?

— О, абсолютно ни в чем (вздох).

— Нет уж, выкладывайте.

— Дядюшка-то пидор.

— Неправда! — возводил Пьянье. — Неправда! Я запрещаю вам так говорить!

— Вы, голубчик, ничего не можете мне запретить. Вы мне не начальник.

— Габриель, — с эмфазой возговорил Пьянье, — честный гражданин, честный и уважаемый гражданин. Между прочим, все жители квартала любят его.

— Еще бы, обольстительная особа.

— Вы у меня уже вот где сидите с вашими оскорбительными предположениями. Еще раз повторяю, Габриель никакой не пассивник, это же яснее ясного.

— Где доказательства? — спросил субчик.

— Да ничего нет проще, — отвечал Пьянье. — Он женат.

— Это ничего не доказывает, — сказал тип. — Возьмем, к примеру, Генриха Третьего. Он тоже был женат.

— И на ком же? (улыбка).

— На Луизе де Водемон.

Пьянье усмехнулся.

— Если бы эта дамочка и вправду была королевой Франции, это было бы известно.

— А это всем известно.

— Вы небось слышали это по телеку (гримаса). И вы верите всему, что там плетут?

— Да это можно прочитать в любой книжке.

— Даже в телефонном справочнике?

Субчик не нашелся с ответом.

— Вот видите, — снисходительно заметил Пьянье.

И продолжил крылатым выражением:

— Не следует, поверьте мне, судить о людях столь поспешно. Да, Габриель танцует в ночном клубе у гомосеков в костюме севильянки. Ну и что из того? Что это доказывает? Кстати, дайте-ка мне ваш башмак, я вдену шнурок.

Субчик разулся и в ожидании конца операции по замене шнурка стоял, как цапля, на одной ноге.

— Ничего не доказывает, — продолжал Пьянье, — кроме того, что дурачье ржет. Верзила в костюме тореро может вызвать улыбку, но если тот же верзила переоденется севильянкой, все будут покатываться со смеху. Между прочим, это не все, он танцует еще «Умирающего лебедя», как в Опере. В пачке танцует. Ну, тут уж зрители со

стульев валятся. Вы мне станете говорить про человеческую глупость. Заранее согласен, но это его профессия, и она ничуть не хуже любой другой, разве не так?

— Тоже мне профессия, — сказал субчик, ограничившись лишь этими тремя словами.

— Тоже мне профессия, тоже мне профессия... — негодующе передразнил его Пьянье. — А вы всегда гордитесь своей профессией?

Субчик ничего не ответил.

(взаимообоюдное молчание).

— Держите, — сказал Пьянье. — Вот ваш башмак с новеньким шнурком.

— Сколько я вам обязан?

— Нисколько, — ответил Пьянье.

И добавил:

— Вы, между прочим, не больно-то разговорчивы.

— С вашей стороны несправедливо обвинять меня в подобном, ведь это я к вам подошел.

— Но вы же не отвечаете на вопросы, которые вам задают.

— Например, на какие?

— Любите ли вы шпинат?

— С маленькими греночками — люблю, а так — нет.

Пьянье на миг погрузился в задумчивость, после чего вполголоса выпустил очередь черных слов.

— Что-нибудь не так? — поинтересовался субчик.

— Дорого бы я дал, чтобы узнать, зачем вы явились в наши окрестности.

— Я привел потерявшегося ребенка к его родным.

— Этак вы меня и впрямь заставите в это поверить.

— И навлек на себя массу неприятностей.

— Ну, не таких уж и страшных, — заметил Пьянье.

— Я вовсе не имею в виду историю с королем сегидильи и принцессой при голубых джиннах[*] (молчание). Все куда ужасней.

— В каком смысле? — испуганно спросил впечатлительный Пьянье.

— Я привел девочку к родным и — потерялся.

— Ну, это пустяки, — молвил успокоенный Пьянье. — Повернете вон там налево, пойдете прямо и как раз упретесь в метро. Как видите,

---

[*] Примечания: *

...принцессой при голубых джиннах. — Отсылка к стихотворению В. Гюго «Джинны» из сборника «Восточные фантазии» (1829). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

совсем просто.

— Да не в этом дело. Я себя, себя потерял.

— Чего-т я вас не понимаю, — вновь встревожился Пьянье.

— А вы спрашивайте меня, задавайте вопросы и поймете.

— Но вы ж не отвечаете на вопросы.

— О, какая несправедливость! Разве я не ответил вам про шпинат?

Пьянье почесал в затылке.

— Ну, например...

Однако, смешавшись, он так и не закончил.

— Спрашивайте, — настаивал субчик, — спрашивайте же.

(молчание).

Пьянье потупил взгляд.

Субчик поспешил ему на помощь:

— Может, вы хотели узнать мое фамилие?

— Да, — согласился Пьянье, — точно, ваше фамилие.

— А я не знаю.

Пьянье поднял глаза.

— Здорово это вы, — сказал он.

— Ну не знаю я, не знаю.

— Как так?

— Как? Да вот так. Я не выучил его на память,

(молчание).

— Издеваетесь? — спросил Пьянье.

— Ну почему же?

— А что, собственную фамилию надо выучивать на память?

— Вот вы, — сказал тип, — как вы зоветесь?

— Ну, Пьянье, — ответил, не чуя ничего худого, Пьянье.

— Видите, вы знаете на память свою фамилию — Пьянье.

— Ну да, — пробормотал Пьянье.

— Но со мной-то хуже всего, — сказал тип, — что я не знаю, была ли она у меня раньше.

— Фамилия, что ли?

— Да, фамилия.

— Этого не может быть, — подавленно пробормотал Пьянье.

— Может, еще как может. И вообще, что значит не может быть, если так оно и есть.

— Выходит, у вас никогда не было фамилии?

— Очень даже похоже.

— А у вас из-за этого никогда не бывало неприятностей?

— Не слишком много.

(молчание)

Субчик повторил:

— Не слишком много.

(молчание).

— А возраст? — вдруг спросил Пьянье. — Может, вы и возраста своего не знаете?

— Естественно, не знаю, — отвечал субчик.

Пьянье испытующе воззрился на физиономию собеседника.

— Вам, должно быть, лет...

И остановился.

— Трудно сказать, — буркнул он.

— Не правда ли? Так что, когда вы зададите мне вопрос о моей профессии, а я не отвечу, виной тому будет вовсе не мое нежелание.

— Разумеется, — согласился с ним перепуганный Пьянье.

Запинающийся гул мотора заставил субчика обернуться. Мимо прокатило дряхлое такси, везущее Зази и Габриеля.

— На прогулку отправились, — заметил субчик.

Пьянье от комментариев воздержался. Ему хотелось, чтобы и субчик тоже отправился прогуляться.

— Мне остается лишь поблагодарить вас, — сказал субчик.

— Не за что, — ответил Пьянье.

— А к метро, значит, туда? (жест) — спросил субчик.

— Туда.

— Крайне полезные сведения, — заметил субчик. — Особенно во время забастовки.

— Но вы сможете свериться с планом, — сказал Пьянье.

И изо всех сил принялся колотить по подметке, а субчик ушкандыбал.

VIII

— Ах, Париж! — с энтузиазмом гурмана воскликнул Габриель. — Зази, гляди! — вдруг прервался он, указывая куда-то вдаль. — Видишь? Метро!

— Метро? — встрепенулась Зази.

И нахмурила брови.

— Разумеется, наземный участок, — благостным голосом пояснил Габриель.

И прежде чем она успела вознегодовать, он опять вскричал:

— А это видишь? Вон там! Гляди!! Пантеон!!!

— Это не Пантеон, — возразил Шарль, — а Дом Инвалидов.

— Опять начинаете, — сказала Зази.

— Да ты что? — заорал Габриель. — По-твоему,

это не Пантеон?

— Нет, это Дом Инвалидов, — стоял на своем Шарль.

Габриель повернулся к нему и спросил, глядя прямо в глаза:

— Ты уверен? Абсолютно уверен?

Шарль не ответил.

— А в чем-нибудь ты бываешь абсолютно уверен? — не унимался Габриель.

— Вспомнил! — тоже заорал Шарль. — Эта штука никакой не Дом Инвалидов, а вовсе Сакре-Кер.

— Если это Сакре-Кер, то ты у нас тогда сакрехер, — пошутил Габриель.

— От дурацких шутников вашего возраста, — объявила Зази, — мне блевать хочется.

Они молча обзирали обтресности, а потом Зази глянула, что там деется тремястами метрами ниже, если, конечно, по вертикали.

— А тут не так уж и высоко, — заметила она.

— Тем не менее, — сказал Шарль, — людей не больно-то разглядишь.

— Да, — принюхиваясь, согласился Габриель, — видно их плохо, но амбре все равно чувствуется.

— Ну, не так, как в метро, — возразил Шарль.

— Да ты ж в нем никогда не ездишь, — сказал

Габриель. — Я, впрочем, тоже.

Не желая затрагивать эту тягостную тему, Зази обратилась к дяде:

— А чего ты даже не глянешь туда? Да наклонись ты, это ж здорово интересно.

Габриель попытался бросить взгляд в бездну.

— У, черт, — сказал он, отпрянув, — у меня даже голова закружилась.

Распространяя благоухание, он вытер платком лоб.

— Все, — объявил он, — я спускаюсь. Если вам еще не надоело, я подожду вас внизу.

И испарился, прежде чем Шарль и Зази попытались удержать его.

— Я уж добрых лет двадцать не поднимался сюда, — сказал Шарль. — Хотя людей возил.

Но Зази это было до лампочки.

— Вы не больно-то часто смеетесь, — заметила она. — Вам сколько лет?

— А сколько бы ты мне дала?

— Ну, вы не больно-то молодой. Тридцать.

— Набавь еще пятнадцать.

— Значит, выглядите вы моложе. А дяде Габриелю?

— Тридцать два.

— По виду дашь больше.

— Только не говори ему этого, он расплачется.

— Почему? Потому что он занимается гормосенсуализмом?

— Откуда ты это взяла?

— Так дяде Габриелю говорил субчик, ну, тот, что привел меня. И еще он сказал, что за гормосенсуализм можно и сесть. А что это такое?

— Вранье это все.

— Да я вам говорю, он так и сказал, — отвечала Зази, крайне возмущенная тем, что кто-то смеет подвергать сомнению ее слова.

— Да нет, я не тебя имел в виду. Я хотел сказать, вранье — это то, что тип говорил про Габриеля.

— Что он гормосенсуалист? А что это значит? Что он духами обливается?

— Точно. Ты все поняла.

— За это ж не сажают.

— Само собой, нет.

Оба на секунду задумались, глядя в молчании на Сакре-Кер.

— А вы? — поинтересовалась Зази. — Вы гормосенсуалист?

— А разве я похож на педа?

— Нет, вы ж шофер.

— Вот видишь.

— Ничего я не вижу.

— Ладно, я потом тебе нарисую.

— А вы хорошо рисуете?

Шарль повернулся в другую сторону и погрузился в созерцание шпилей церкви Св. Клотильды, бессмертного творения Шера и Машера, а потом сказал:

— Может, пошли вниз?

— Скажить, — не трогаясь с места, спросила Зази, — а почему вы не женаты?

— Жизнь так сложилась.

— Но почему ж вы не женитесь?

— Не нашел никого, кто бы мне нравился.

Зази даже присвистнула от удовольствия.

— Ну, вы ничего себе сноб, — объявила она.

— Да уж какой есть. А вот ты скажи мне: когда ты вырастешь, думаешь, найдется много мужчин, за которых тебе захочется выйти замуж?

— Минуточку, — сказал Зази, — мы о чем говорим — о мужчинах или о женщинах?

— В моем случае о женщинах, в твоем — о мужчинах.

— Тут даже и сравнивать нельзя, — сказала Зази.

— А знаешь, не так уж ты и неправа.

— Смешной вы, — сказала Зази. — Сами толком не понимаете, что думаете. Это, должно быть,

утомительно. Потому вы так часто бываете серьезным, да?

Шарль соизволил улыбнуться.

— А я могла бы вам понравиться? — спросила Зази.

— Ты еще маленькая.

— Некоторые девочки выходят замуж в пятнадцать и даже в четырнадцать лет. Есть мужчины, которым это нравится.

— Ну, а я? Я понравился бы тебе?

— Ясное дело, нет, — простодушно ответила Зази.

Просмаковав сию основополагающую истину, Шарль вновь взял слово и высказался в следующем смысле:

— У тебя довольно странные мысли для твоего возраста.

— Правда, я даже сама удивляюсь, откуда они ко мне приходят.

— Вот этого я тебе не могу сказать.

— А вот почему люди говорят одно, а не другое?

— Ну, если не говорить то, что нужно сказать, люди не смогут понять друг друга.

— А вот вы, вы всегда говорите то, что нужно сказать, чтобы вас поняли?

— (жест).

— Но ведь вовсе не обязательно говорить то, что говоришь, можно сказать что-то другое.

— (жест).

— Да ответьте же, наконец!

— Ну, ты мне уже продолбала все мозги. И потом, это вовсе не вопросы.

— Нет, вопросы. Только вы не знаете, как на них ответить.

— Думаю, я еще не готов жениться, — задумчиво произнес Шарль.

— Знаете, — сказала Зази, — не все женщины задают такие вопросы, как я.

— Не все женщины! Это же надо... Не все женщины. Да ты еще малявка.

— Простите, у меня уже наступила половая зрелость.

— Прекрати. Давай без неприличностей.

— А чего тут неприличного? Это жизнь.

— Да уж, жизнь.

Дернув себя за ус, Шарль мрачно уставился на Сакре-Кер.

— Вы-то должны знать жизнь, — сказала Зази. — С вашей профессией, говорят, всякого навидаешься.

— С чего это ты взяла?

— Прочитала в «Воскресном сенмонтронце», классная газета, хоть и провинциальная, но в курсе всего: там и знаменитые любовные истории, и гороскопы — одним словом, все, так в ней писали, что шоферы такси навидались сенсуальности всякого рода и во всех аспектах. Начиная с клиенток, которые предлагают заплатить натурой. Вы часто с такими сталкивались?

— Прекрати.

— Вы только и знаете: прекрати, прекрати. Наверно, у вас комплекс подавленной сенсуальности.

— Как она мне осточертела.

— Да ладно вы, не злитесь, расскажите лучше про свои комплексы.

— Ну почему я должен все это выслушивать?

— Женщины, наверно, вас просто пугают, да?

— Все, я вниз. У меня уже голова кругом идет. И не от этого (жест). А от тебя.

Он удалился и через некоторое время находился уже всего на несколько метров выше уровня моря. Габриель сидел положив руки на широко расставленные колени и угрюмо ждал. Увидев Шарля без племянницы, он вскочил, и лицо его обрело зеленцевато-испуганный оттенок.

— Все-таки ты сделал это! — вскричал он.

— Тогда бы ты услыхал звук падения тела, — ответил Шарль и устало опустился рядом.

— Да это-то пустяки. Но оставить ее одну...

— Отловишь на выходе. Не улетит же она.

— Дело в том, что я даже не представляю, какие пакости она может подстроить мне, пока торчит там (вздох). Если б я только знал...

Шарль никак не прореагировал.

Габриель долго внимательно взирал на башню, потом завелся:

— Я вот все не могу понять, почему Париж изображают женщиной. При этакой-то торчащей штуковине. Ну, раньше, до того как ее построили, это еще куда ни шло. Но теперь... Это в точности как с женщинами, которые превращаются в мужчин от занятий спортом. В газетах печатали про такие случаи.

— (молчание).

— Что-то ты совсем языка лишился. О чем задумался?

И тут Шарль страдальчески взвыл, сжал голову руками и простонал:

— И он тоже... и он... — скорбно причитал он, — вечно про то же... вечно одна сенсуальность... на уме только одно... всегда... постоянно... отвратомерзость... гнилоразложение... Они все думают

только об этом...

Габриель благоуспокоительно похлопал его по плечу.

— Похоже, ты не в себе, — сказал он. — Что с тобой стряслось?

— Эта твоя племянница... твоя блядская племянница...

— Эй, поосторожней! — вскричал Габриель, снимая руку с его плеча, дабы воздеть ее к небу. — Это все-таки моя племянница. Так что выбирай выражения, а то я так по твоей бабушке пройдусь.

Шарль в отчаянии махнул рукой, потом вдруг вскочил.

— Вот что, — заявил он, — я отваливаю. Не желаю больше видеть эту девчонку. Прощай.

И он устремился к своей колымаге.

Габриель понесся следом.

— А как мы домой доедем?

— В метро.

— Совсем чокнулся, — пробурчал Габриель, прекратив погоню.

Таксяра укатила.

Габриель, стоя столбом, пребывал в размышлении, а потом изрек нижеследующую речь:

— Небытие иль бытие, вот в чем вопрос[*]. А человек подъемлется, спускается, приходит, и уходит, и исчезает наконец. Его такси везет и мчит метро, но башне этой безразличен он и так же безразличен Пантеону. Париж — всего лишь сон[*], и Габриель — всего лишь сновиденье (но сколь прелестное), Зази — сон сновиденья (иль кошмара), и вся эта история тем более лишь сон во сне иль сновиденье в сновиденье, а может, даже бред, что на машинке настукивает идиот писатель (извиняюсь). А там, чуть далее, совсем недалеко — на площади Республики могилы (и сколько их!) тех парижан, что были, по лестницам то вверх, то вниз ходили, по улицам сновали[*], а потом исчезли наконец. Их акушерские щипцы в мир привели, их катафалк увез, а башня все ржа-

---

[*] Примечания: *

Небытие иль бытие, вот в чем вопрос. — Во фразе скомбинировано название книги Ж.-П. Сартра «Бытие или Небытие» (1943) с известной репликой Гамлета (акт 3, сцена 1): «Быть иль не быть, вот в чем вопрос...» (пер. Б. Пастернака). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Париж — всего лишь сон... — Отсылка к названию пьесы Кальдерона «Жизнь есть сон». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

...по лестницам то вверх, то вниз ходили, по улицам сновали... — Искаженная цитата из Данте (в дословном переводе): «...так долго поднимались и спускались по лестницам, приходили и уходили по улицам и наконец исчезли» («Рай», песнь XVII). Также калька с французской пословицы: «Так долго по воду ходить, кувшин и разобьется».

(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)

веет, ветшает Пантеон куда быстрей, чем кости истлевают мертвецов в заботами пропитанной земле сего немыслимого града. Но я — я жив, и это все, что знаю я, зане о таксимене, что упорхнул в своей раздолбанной машине, и о племяннице, которая сейчас подвешена в прослойке атмосферы на высоте трехсот примерно метров, о кроткой Марселине, что осталась хранить семейный наш очаг, не знаю ничего я, и незнанье могу я лишь вложить в размер александрин: они — как мертвые, коль я совсем один. Однако что я зрю над куполами сих бесшляпных граждан, которые кольцом меня обстали?

Габриеля действительно окружали туристы, принявшие его за второго гида. Они смотрели в ту сторону, куда был направлен его взор.

— Что вы там видите? — спросил один из них, самый наблатыканный по части французского.

— Да, — поддержал его второй. — На что там нужно смотреть?

— Именно, — вступил третий. — Что мы должны увидеть?

— На ке смотреть? — подхватил четвертый. — На ке смотреть? На ке?

— На ке? — отвечал Габриель. — Ну, хотя бы (жест) на Зази, на мою племянницу Зази, которая

вышла из башни и направляется к нам.

Застрекотали кинокамеры, туристы расступились и пропустили девочку. Каковая захихикала.

— Что, дядь, бешеный успех? — спросила Зази.

— Как видишь, — не без удовлетворения ответствовал Габриель.

Зази пожала плечами и оглядела публику. Однако не обнаружила Шарля и сразу это усекла.

— Он слинял, — пояснил Габриель.

— Почему?

— Потому что кончается на у.

— Потому что кончается на у — это не ответ.

— Ну хорошо, он слинял, потому что слинял.

— Была же какая-то причина.

— Ты же знаешь Шарля (жест).

— Не хочешь мне сказать?

— Ты знаешь не хуже меня почему.

Тут встрял какой-то турист:

— Male bonas horas collocamus si non dicis isti puellae the reason why this man Charles went away[15].

— Послушай, старина, — отвечал ему Габриель, — не совал бы ты нос в чужие штаны. She knows

---

[15] Примечания: 15

Мы теряем драгоценное время, почему бы вам не объяснить девочке причину, по которой ушел этот парень Чарльз *(лат., англ.).*

why and she bothers me quite a lot[16].

— Ну, ты даешь! — воскликнула Зази. — Теперь по-заграничному лепишь?

— Я не специально, — скромно потупив глаза, сказал Габриель.

— Most interesting[17], — объявил один из туристов.

Зази же вернулась к исходному пункту.

— Но я так и не узнала, почему Шарль свалил.

Габриель впал в нервное состояние.

— Потому что ты наговорила ему вещей, которых он не понимает. Которые не для его возраста.

— Дядь Габриель, а если я тебе скажу чего-нибудь, чего ты не поймешь, чего не для твоего возраста, ты что сделаешь?

— Ну, попробуй, — с опаской предложил Габриель.

— Например, — не отставала безжалостная Зази, — если я тебя спрошу, гормосенсуалист ты или нет и что это такое, это будет для твоего возраста?

— Most interesting, — сказал один турист (тот

---

[16] Примечания: 16
Она знает почему, и она меня уже замучила *(англ.).*

[17] Примечания: 17
Очень интересно *(англ.).*

же, что и в прошлый раз).

— Бедный Шарль, — вздохнул Габриель.

— Так ты ответишь мне или нет? — закричала Зази. — Ты понимаешь это слово — гормосенсуалист?

— Само собой, — заорал Габриель. — Хочешь, чтоб я тебе нарисовал?

Крайне заинтересованная толпа ответила одобрительным ропотом. Кое-кто даже зарукоплескал.

— А слабо, — сказала Зази.

И вот тут-то свершил свой выход Федор Балванович.

— Живенько! — заголосил он. — Шнель! Шнель! Загружаемся в автобус и отъезжаем!

— Where are we going now?[18]

— В Сент-Шапель, — сообщал Федор Балванович. — Это шедевр готического искусства. Живенько! Шнель! Шнель!

Однако его подопечные, крайне заинтересованные Габриелем и его племянницей, живости не проявляли.

— Видишь, — сказала последняя первому, который так ничего и не нарисовал, — слабо тебе.

---

[18] Примечания: 18
А теперь куда? *(англ.)*

— До чего же она бывает приставучей, — выразился первый.

Федор же Балванович, уверенный, что все последуют его призыву, влез в автобус, однако обнаружил, что последовала лишь троица полных кретинов.

— Что происходит? — возвопил он. — Дисциплины, значит, больше не существует? Кой черт они там копаются?

Он несколько раз нажал на клаксон. Никто, однако, не прореагировал. И только мусор, поставленный блюсти пути тишины, обратил к нему мрачный взгляд. Но Федор Балванович не собирался вступать в звуковой конфликт с лицом подобного пошиба и потому вылез из кабины и направился к группе своих подчиненных, дабы узнать, почему дисциплина терпит швах по всем швам.

— Да это же Габриелла! — воскликнул он. — Чего ты тут поделываешь?

— Тсс, тсс, — шикнул на него Габриель, меж тем как круг его поклонников с простодушным восторгом ликовал, наблюдая эту встречу.

— Надеюсь, — продолжал Федор Балванович, — ты пришел не для того, чтобы прямо сейчас протанцевать им в пачке «Умирающего лебедя»?

— Тсс, тсс, — вновь зашикал Габриель, продолжая беседу в столь же лаконичной форме.

— А что это за девчонку ты таскаешь с собой? Где ты ее подцепил?

— Это моя племянница. Постарайся выражаться уважительно по отношению к моим родственникам, даже несовершеннолетним.

— Кто это? — поинтересовалась Зази.

— Приятель, — ответил Габриель. — Федор Балванович.

— Как видишь, — сообщил Федор Балванович, — я уже больше не зазывала, я поднялся по социальной лестнице и сейчас везу всех этих кретинов в Сент-Шапель.

— Может, ты тогда и нас подкинешь до дома? Из-за этой забастовки транспортабельников положение просто пиковое. На горизонте ни единой тачки.

— Понимаешь, сперва мне их нужно закинуть в Сент-Шапель, пока там не закрылось. Ну, а потом, — ответил он на вопрос Габриеля, — можно будет и тебя домой завезти.

— А Сент-Шапель это интересно? — спросил Габриель.

— Сент-Шапель! Сент-Шапель! — издали клич туристы и с этим ликующим кличем в едином

порыве повлекли Габриеля к автобусу.

— Он им приглянулся, — сообщил Федор Балванович Зази, оказавшейся, как и он, на задах общего порыва.

— Уж не воображаете ли вы, — спросила Зази, — что я поеду с этими кретинами?

— А мне как-то плевать, — ответил Федор Балванович.

И он уселся за баранку перед микрофоном, каковым не замедлил тут же воспользоваться.

— Живенько! — жовиально прогромкоговорил он. — Шнель! Шнель!

Поклонники Габриеля уже удобно разместили его в кресле и, вооружившись соответствующими аппаратами, измеряли давление света, дабы запечатлеть его портрет в условиях контражура. И хотя такое внимание льстило ему, он тем не менее был обеспокоен судьбой племянницы. Узнав от Федора Балвановича, что вышеупомянутая племянница категорически отказывается участвовать в совместной транспортировке по городу, Габриель прорвал восторженное оцепление ксеноговорящих, выскочил, ринулся к Зази, схватил за руку и потащил к автобусу.

Застрекотали камеры.

— Мне больно! — заверещала разъяренная

Зази.

Но и ее умчало к Сент-Шапель транспортное средство на большущих надувных колесах.

IX

— Разуйте глаза, лопухи несчастные, — вещал Федор Балванович. — Справа вы сейчас увидите вокзал Орсе. Как архитектура тоже не пальцем сделан, так что пусть вам это послужит утешением, если мы опоздаем в Сент-Шапель, а так оно, верней всего, и будет, потому как из-за этой вонючей забастовки пробки на всех улицах.

Слившись в единодушном и полнейшем непонимании, туристы отвалили челюсти. Впрочем, самые фанатичные вовсе не обращали внимания на бурчание микрофона; устроившись задом наперед на сиденьях, они с волнением созерцали архангела-путеводителя Габриеля. Он улыбнулся. И у них пробудилась надежда.

— Сент-Шапель, — пытались выговорить они, — Сент-Шапель...

— Да, да, — благожелательно промолвил он. — Сент-Шапель (молчание) (жест) — это шедевр готического искусства (жест) (молчание).

— Кончай придуриваться, — зло бросила Зази.

— Продолжайте, продолжайте! — закричали туристы, заглушая голос девочки. — Мы хотим слушать! Мы хотим слушать! — в высоком иноязычном порыве хором трындели они.

— Не поддавайся им, — сказала Зази.

Она ухватила ногтями толику плоти его ноги вместе с тканью брюк и пребольно щипнула. Боль была такая сильная, что по щекам Габриеля покатились красивые крупные слезы. Туристы, которые никогда, несмотря на свой богатый опыт космополитизма, не видели плачущего гида, забеспокоились; проанализировав, кто с помощью дедуктивного метода, а кто — индуктивного, непривычное это поведение, они пришли к единодушному выводу: нужны чаевые. Быстренько скинувшись, они возложили приношение на колени бедняги, чье лицо вновь осияла улыбка, но не столько из благодарности, так как сумма была незначительная, сколько оттого что прекратилась боль.

— Вам это, наверно, покажется странным, — несмело обратился Габриель к туристам.

Одна элегантная франкофонная дама выразила общее пожелание:

— А Сент-Шапель?

— О! — промолвил Габриель и повел рукой.

— Сейчас расскажет, — объявила полиглотическая дама своим компатриотам на их родимом наречии.

Кое-кого это подстрекнуло даже встать на сиденья, дабы не упустить ничего ни из мимики, ни из слов.

Габриель, чтобы придать себе уверенности, откашлялся. Но тут опять выступила Зази.

— Ой-ёй, — совершенно явственно произнес Габриель.

— Бедняжечка! — воскликнула дама.

— Скотина, — пробормотал Габриель, потирая бедро.

— Я смываюсь отсюда у первого же светофора, — шепнула ему Зази прямо в ушную раковину. — Ты, дядь, усек, что тебе нужно сделать?

— Но как же мы тогда вернемся домой? — простонал Габриель.

— У меня нет никакого желания возвращаться домой.

— Но они же не отпустят нас...

— Если мы не выходим, — пообещала Зази, — я им скажу, что ты — гормосенсуалист.

— Во-первых, — примирительно произнес Габриель, — это неправда, а во-вторых, они не поймут.

— А если это неправда, почему сатир так тебя назвал?

— Прошу прощения (жест). Но ведь никем не доказано, что он сатир.

— А каких тебе доказательств надо?

— Каких? Фактов!

И он с вдохновенным видом вновь широко повел рукой, что произвело неизгладимое впечатление на туристов, загипнотизированных таинственностью беседы, в которой с непонятной лексикой сочетались многочисленные ассоциации с экзотическими идеями.

— Между прочим, — заметил Габриель, — когда ты его привела, то заявила, что он мусор.

— А теперь заявляю, что он сатир. И потом, ты в этом ничего не понимаешь.

— Прошу прощения (жест), я тоже знаю, что это такое.

— Знаешь?

— И очень даже хорошо, — отвечал задетый Габриель. — Мне часто приходилось отражать приступы подобных людей. Тебя это удивляет?

Зази прыснула от смеха.

— А меня нисколько не удивляет, — объявила франкофонная дама, смутно догадываясь, что речь идет о чем-то из области комплексов. — Ни-

чуть! Ну вот ни чуточки!

И она бросила томный взгляд на Габриеля.

Габриель зарделся и подтянул узел галстука, но предварительно одним пальцем быстро и незаметно проверил, застегнута ли у него ширинка.

— Ух ты. — сказала Зази, прекратившая смеяться, — да ты, дядь, прямо настоящий примерный муж. Ну что, смываемся?

И она опять свирепо ущипнула его. Габриель подскочил и возвопил ой-ёй. Разумеется, он мог бы отвесить этой соплячке оплеуху, чтоб у нее зубы на пол повыскакивали, но что скажут на это его почитатели? Нет уж, лучше он просто исчезнет из их поля зрения, но не останется в их воспоминаниях гнусным и беззаконным истязателем малолетних. Тут как раз подвернулась подходящая пробка, и Габриель, за которым следовала Зази, беспрепятственно вылез из автобуса, с таинственным видом делая ничего не понимающим туристам успокоительные знаки, то есть прибегнул к отвлекающему обманному маневру, дабы сбить их с толку. Что же касается Федора Балвановича, его совершенно не интересовали перемещения Габриеллы; у него была одна забота: довезти своих овечек до назначенного места, прежде чем стражи музея отправятся на винопой,

ибо образовавшееся зияние в программе восполнить впоследствии не удастся, так как завтра туристам предстояло отправиться в Гибралтар, к седым камням[*]. Таков был их маршрут.

Полюбовавшись отъезжающим автобусом, Зази хихикнула, после чего по уже установившей привычке ухватила когтями вместе с тканью брюк толику плоти дядюшкиного бедра и завернула ее по спирали.

— Черт тебя подери! — возвопил Габриель. — Ты что, не понимаешь, что эти твои шуточки вовсе не смешны?

— Дядь Габриель, — спокойно ответствовала ему Зази. — Ты мне до сих пор не сказал, primo[19], гормосенсуалист ты или нет, авафторых, где ты нахватался всех этих слов на заграничном, которыми ты только что сыпал? Отвечай.

— Странные у тебя какие-то мысли для девочки твоего возраста, — убитым голосом промолвил Габриель.

— Отвечай! — И она от души пнула его по ло-

---

[*] Примечания: *

...в Гибралтар, к седым камням. — Цитата из стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль»: «В Европу вновь стремлюсь, к ее камням седым...» (пер. Н. Стрижевской). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[19] Примечания: 19

Во-первых *(лат.)*.

дыжке.

Габриель запрыгал на одной ноге, изображая, как ему больно.

— Ой, — сказал он, — ой-ёй-ёй.

Некая особа буржуазного вида, которая от не фиг делать шастала там, приблизилась к девочке, дабы изложить ей следующие слова:

— Милое дитя, ты сделала больно этому бедному мосье. Нельзя так жестоко обращаться со взрослыми.

— В жопе я видела взрослых, — объяснила Зази. — Он не хочет отвечать на мои вопросы.

— Но это не может быть уважительной причиной. Запомни, милое дитя, во взаимоотношениях с людьми следует избегать насилия. Оно достойно всяческого порицания.

— В жопе я видела порицание, — отвечала Зази. — И вообще я вроде как не спрашивала у вас, который час.

— Шестнадцать часов пятнадцать минут, — сообщила особа.

— Оставьте девчонку в покое, — потребовал Габриель, севший уже на скамейку.

— У меня создается впечатление, что вы крайне своеобразный воспитатель, — сказала особа.

— В жопе я видела воспитателей, — оповестила

Зази.

— И доказательство этому то, что вы спокойно слушаете, как она произносит гадкие слова, — продолжала особа, демонстративно выказывая живейшее отвращение.

— А не занялись бы вы своей задницей? — поинтересовался Габриель. — У меня свои представления о воспитании.

— И каковы же они? — осведомилась особа, опустив свою задницу на скамейку рядом с Габриелем.

— Ну, прежде всего, primo, относиться с пониманием.

Зази села рядом с Габриелем с другого бока и чуточку ущипнула его.

— А как насчет моего вопроса? — жеманно осведомилась она.

— Ну не могу же я утопить ее в Сене, — пробурчал Габриель, потирая ногу.

— Проявите же понимание, — обратилась к нему особа с самой очаровательной улыбкой из своего арсенала.

Зази наклонилась и сказала ей:

— Может, хватит подбивать клинья моему дяде? Он, к вашему сведению, женат.

— Мадмуазель, инсинуации подобного рода

оскорбительны для женщины во вдовствующем состоянии.

— Куда бы сбежать? — вздохнул Габриель.

— Но сперва ты мне ответишь, — объявила Зази.

Габриель возвел глаза к небесной лазури, всем своим видом изображая полнейшую отрешенность.

— Судя по его виду, он не хочет, — вполне объективно отметила вдовствующая особа.

— Придется.

И Зази сделала вид, будто собирается ущипнуть Габриеля. Тот подскочил, хотя она даже не успела дотронуться до него. Это страшно развеселило обеих представительниц слабого пола. Старшая, справившись с сотрясавшим ее смехом, выдала нижеследующий вопрос:

— А чего ты хочешь, чтоб он тебе сказал?

— Гормосенсуалист он или нет?

— Он? — переспросила особа (пауза). — Ни малейших сомнений.

— В чем ни малейших сомнений? — со вполне угрожающим видом полюбопытствовал Габриель.

— В том, что да.

Видимо, вдове это показалось до того забавным,

что она чуть не подавилась от смеха.

— Да что вы несете! — сказал Габриель, слегка шлепнув ее по спине, отчего сумочка вылетела у нее из рук.

— С вами невозможно говорить, — заявила вдова, собирая с асфальта принадлежащую ей разную мелкую собственность.

— Ты не слишком учтив с дамой, — заметила Зази.

— Уклоняться от ответов на вопросы ребенка — это не метод воспитания, — высказала свое мнение дама, вновь усаживаясь рядом с Габриелем.

— Надо проявлять больше понимания, — лицемерным голосом объявила Зази.

Габриель скрипнул зубами.

— Скажите же ей, вы да или нет.

— Нет, нет и еще раз нет, — твердо заявил Габриель.

— Все они так говорят, — заметила особа, отнюдь не убежденная ответом.

— Вообще-то я хотела бы знать, что это такое, — сказала Зази.

— Что?

— Что такое гормонсенсуалист.

— А ты, значит, не знаешь?

— Догадываюсь, но хотела бы, чтобы мне точно сказали.

— И что же ты догадываешься?

— Дядь, вытащи из кармана.

Габриель со вздохом подчинился. По улице разнеслось благоухание.

— Теперь понятно? — с хитрым видом осведомилась Зази у вдовы, которая вполголоса отметила:

— «Топтун» от Дристиана Киора.

— Совершенно верно, — подтвердил Габриель, отправляя платок обратно в карман. — Мужской одеколон.

— Точно, — в свой черед подтвердила вдова.

И обратилась к Зази:

— Ничего ты не догадываешься.

Смертельно оскорбленная Зази повернулась к Габриелю:

— Тогда почему тебя в этом обвинял субчик?

— Какой субчик? — заинтересовалась вдова.

— Но ведь он и тебя обвинял в том, что ты промышляешь на панели, — парировал Габриель.

— Чем промышляешь? — заинтересовалась особа.

— Ой-ёй! — вскричал Габриель.

— Милое дитя, не перебирайте, — с притвор-

ным сочувствием сказала особа Зази.

— Обойдемся без ваших советов.

И Зази снова щипнула Габриеля.

— Да, девочки, они поистине прелестны, — рассеянно бросил Габриель, безропотно снося мучения.

— Если вы не любите детей, — возмутилась особа, — спрашивается, почему вы посвятили себя их воспитанию?

— Ну, это долгая история, — ответил Габриель.

— Так расскажите, — предложила особа.

— Большое мерси, я уже слышала ее, — сказала Зази.

— А я нет, — сказала вдова, — я в полном неведении.

— А мне плевать на это. Так что, дядь, ты дашь ответ?

— Я ведь уже ответил: нет, нет и еще раз нет.

— А она на редкость упряма, — заметила особа, абсолютно уверенная в оригинальности этого своего высказывания.

— Да уж, настоящая ослица, — прочувствованно подтвердил Габриель.

Особа тут же изложила следующее замечание, ничуть не менее справедливое, чем предыдущее:

— Похоже, вы не слишком хорошо знаете это

дитя. Складывается впечатление, что вы еще только в процессе открывания различных ее черточек.

Слово «черточек» она заключила в кавычки.

— В жопе я видела черточки, — пробурчала Зази.

— А вы проницательны, — сказал Габриель. — Мне действительно подсунули ее только вчера.

— Я вижу.

— Чего она видит? — зло бросила Зази.

— И чего она понимает? — пожав плечами, присоединился к ней Габриель.

Оставив без внимания эту, можно сказать, уничижительную реплику, вдова продолжила:

— Значит, это ваша племянница?

— Совершенно точно, — подтвердил Габриель.

— А он — моя тетя, — ляпнула Зази, ошибочно полагая, что выдала оригинальную шуточку, что, впрочем, можно извинить ее юным возрастом.

— Хэлло! — закричали люди, вывалившиеся из такси.

Самые фанатичные туристы, придя в себя от удивления, ринулись во главе с франкофонной дамой в погоню за их архангелом-путеводителем по лютецианскому лабиринту сквозь магму автомобильных пробок, и им дьявольски повез-

ло: они настигли его. И, настигнув, выражали безмерную радость, ибо не таили злобы, и им даже в голову не приходило, что у них есть все основания гневаться. Пленив с кличем «Монжуа Сент-Шапель!»[*] Габриеля, они повлекли его к такси, весьма сноровисто затолкали внутрь и уселись на него, дабы он опять не улетучился, прежде чем продемонстрирует во всех подробностях их излюбленный памятник архитектуры. Они отнюдь не озаботились прихватить с собою Зази. Франкофонная дама, когда тачка тронулась, лишь дружески и не без иронического псевдосообщничества помахала Зази, меж тем как вторая дама, не менее франкофонная, но вдобавок еще и вдовствующая, металась на одном месте, издавая громкие вопли. Обыватели и обывательницы,

---

[*] Примечания: *

...«Монжуа Сент-Шапель!»... — Ироническое искажение старинного боевого клича французских королей «Монжуа Сен-Дени!», восходящего к XII в. Возник, вероятно, в результате контаминации: «Монжуа!» — восклицание французских паломников, которые испускали его с высоты Mons Gaudii («Гора радости», итал. название — Monte Mario), когда их взору впервые открывался Рим, цель их странствия. Сен-Дени — аббатство, покровителями которого были французские короли. Ср. из «Песни о Роланде»:

И крикнули французы: «Монжуа!»
Кто этот крик в бою слыхал хоть раз,
Тот видел тех, кому неведом страх.

(Пер. со старофранцузского Ю. Корнеева.)

(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)

оказавшиеся в зоне ее голосового воздействия, отступили на позиции, более приспособленные для отражения звукового удара.

— Если вы так будете орать, — забурчала Зази, — обязательно подвалит мусор.

— Глупенькое создание, — ответила ей вдова, — именно для этого я и кричу: гиднаппинг! Караул, гиднаппинг!

Наконец появился легавый, привлеченный воплями вдовицы.

— Что происходит? В чем дело? — спросил он.

— Вам не звонили, — сказала Зази.

— Однако вы орете, — возразил он.

— Только что здесь похитили мужчину, — сообщила запыхавшаяся вдовица. — Между прочим, симпатичного.

— Так, так, так, — плотоядно пробормотал легаш.

— Это моя тетя, — сообщила Зази.

— А он кто тебе?

— Да он и есть моя тетя. Во, тупой.

— А эта тогда кто?

Он указал на вдову.

— Эта? Никто.

Мусормен замолчал, пытаясь переварить полученные сведения. Особа же, стимулированная

зазическим определением, тут же предложила дерзкий план.

— Бежим вдогонку за гиднапперами, — сказала она, — и в Сент-Шапель освободим его.

— Дистанция велика, — чисто по-обывательски ответил страж порядка. — А я не чемпион по кроссу.

— Уж не хотите ли вы, чтобы я взяла такси да еще и оплатила его?

— Она права, — заметила Зази, отличавшаяся бережливостью. — Оказывается, она не такая дура, как я думала.

— О, благодарю вас, — поблагодарила польщенная особа.

— Не за что, — отвечала Зази.

— Нет, это было очень мило, — настаивала особа.

— Ладно, проехали, — скромно отвечала Зази.

— Долго вы еще будете расшаркиваться? — бросил легаш.

— А вас не спрашивают, — обрезала его особа.

— Вот они женщины, — воскликнул страж порядка. — Как это меня не спрашивают? Разве вы не требовали, чтобы я бежал невесть куда? Если это называется меня не спрашивали, то тогда я ничего не понимаю.

И он произнес ностальгическим тоном:

— Слова нынче имеют совершенно иной смысл.

После чего, воззрившись на носки своих говноступов, грустно вздохнул.

— Так мы дядю не вернем, — объявила Зази. — А потом скажут, будто я хотела сбежать. А это неправда.

— Не беспокойтесь, дитя мое, — успокоила ее вдовица. — Я выступлю свидетелем, дабы подтвердить вашу невиновность и ваше стремление отыскать дядю.

— Ежели кто невиновен, так ему и свидетели не нужны, — заметил страж порядка.

— Во, гад, — сказала Зази. — Я уже прямо слышу, что он будет лепить. Все они одинаковы.

— Бедное дитя, вы так хорошо их знаете?

— Ах, не говорите мне о них, мадам, — жеманно отвечала Зази. — Представляете, моя мамаша раскроила топором черепок моему папаше. Так что можете сами догадаться, дорогуша, насколько хорошо я знаю это мусорово племя.

— Да уж, — промолвил страж порядка.

— Мусора, это еще что, — сказала Зази, — вот судьи... Эти...

— Все редкостные скоты, — с исключительной

беспристрастностью отметил страж порядка.

— Короче, и мусора, и судьи, — сказала Зази, — вот где я их видела (жест).

Вдова смотрела на нее взглядом, полным восхищения.

— Ну, а меня где ты видела? — поинтересовался страж порядка.

Зази измерила его оценивающим взглядом.

— Где-то я уже видела вашу вывеску, — сказала она.

— Не думаю, — ответил мусормен.

— А почему? Почему бы я не могла уже где-то вас видеть?

— Совершенно верно, — сказала вдова. — Ребенок прав.

— Благодарю вас, мадам, — поблагодарила Зази.

— Не за что.

— Что вы. Как раз есть.

— Они издеваются надо мной, — пробурчал страж порядка.

— И что же? — промолвила вдова. — Это все, на что вы способны? Начинайте же действовать!

— Нет, я точно где-то уже видела его, — сказала Зази.

Вдова же внезапно перенесла свое восхищение

на легавого.

— Продемонстрируйте же нам свои таланты, — сказала она, сопроводив эти слова афродизиакальным и вулканическим взглядом[*]. — Такой красавец полицейский способен на многое. В рамках закона, разумеется.

— Да тюхтя он, — сказала Зази.

— Нет, нет, — запротестовала особа. — Его нужно только подбодрить. Проявить понимание.

И она вновь обволокла его влажным, жаропольным взором.

— Погодите, — изрек мгновенно встрепенувшийся мусормен. — Сейчас вы кое-что увидите. Увидите, на что способен Зашибю.

— Его зовут Зашибю! — завопила в восторге Зази.

— А меня, — скромно зардевшись, сообщила вдовица, — зовут мадам Аз. Это моя фамилия, — пояснила она.

---

[*] Примечания: *

...афродизиакальным и вулканическим взглядом. — Намек на любовную связь между Венерой (в греческой мифологии — Афродита) и Вулканом (римским божеством очистительного и разрушительного огня). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

X

По причине забастовки фуникулеров и метролейбусов количество курсирующих по улицам транспортных средств резко возросло, меж тем как утомленные или торопящиеся пешеходы и пешеходицы отчаянно голосовали в надежде, что тягостное положение в части передвижения оживит в душах транспортовладельцев еще не совсем дегенерировавшее чувство солидарности.

Зашибю тоже встал на поребрик, вынул из кармана свисток и принялся извлекать из него душераздирающие звуки.

Но машины катили своим путем. Велосипедисты что-то жизнерадостно кричали и, беззаботные, устремлялись навстречу своей судьбе. Двухколесные механические средства лишь увеличивали децибельность рева и не думали останавливаться. Впрочем, Зашибю адресовал свой свист вовсе не им.

Вдруг мостовая опустела. Должно быть, где-то гигантская пробка прекратила всякое транспортообращение. Затем показалось легковое авто, единичное, но ничем не примечательное. Зашибю выдал трель. На сей раз машина затормозила.

— В чем дело? — агрессивно вопросил шофер у приближающегося Зашибю. — Я ничего не нарушил. Я знаю правила. Меня ни разу еще не штрафовали. И все документы у меня в порядке. Так в чем дело? Сделали бы лучше, чтоб метро ходило, а не цеплялись к честным гражданам. Ах, вы еще недовольны? Получили, что заслужили.

И машина уехала.

— Браво, Зашибю! — с самым серьезным видом крикнула издали Зази.

— Не нужно его так унижать, — сказала вдова Аз. — У него совсем руки опустятся.

— Я сразу поняла, что он недотепа.

— А вам не кажется, что он симпатичный мужчина?

— Совсем недавно, — сурово обрезала Зази, — вам нравился мой дядя. Вам что, любые годятся?

Пронзительная трель вновь привлекла их внимание к достижениям Зашибю. А были они минимальные. Пробка где-то там, как видно, рассосалась, вереница машин опять медленно текла мимо мусормена, но его свистулька, похоже, ни на кого не производила впечатления. Потом снова поток поредел; видать, в каком-то пункте Х. вновь произошла закупорка.

Показалась легковая машина, единичная, но

ничем не примечательная. Зашибю выдал трель. Машина затормозила.

— В чем дело? — агрессивно вопросил водитель у приближающегося Зашибю. — Я ничего не нарушил. Права у меня есть. Меня ни разу не штрафовали. И все документы у меня в порядке. Так в чем дело? Лучше бы сделали, чтоб метро ходило, а не цеплялись к честным гражданам. Ах, вы еще недовольны? Да пошли вы...

— О! — выдохнул шокированный Зашибю.

Но грубиян уже укатил.

— Браво, Зашибю! — ликующе крикнула Зази. Ее просто распирало от восхищения.

— Он мне нравится все больше и больше, — вполголоса промолвила вдова Аз.

— Ну совсем чокнутая, — с той же громкостью промолвила Зази.

Вконец удрученный Зашибю начал уже сомневаться во всемогуществе мундира и свистка. Он тряс вышеупомянутый объект, дабы вышибить из его недр напущенные слюни, как вдруг ничем не примечательная легковая машина сама остановилась около него. Из окошка высунулась голова и с надеждой изрекла нижеследующие слова:

— Простите, мосье ажан, вы не могли бы ука-

зать мне кратчайшую дорогу к Сент-Шапель, подлинной жемчужине готического искусства?

— Да, конечно, — машинально отвечал Зашибю. — Значит, сперва повернете налево, а потом сразу направо, а когда выедете на площадь ограниченных размеров, свернете на третью улицу справа, затем на вторую налево, потом еще слегка направо, три раза налево, а там уже по прямой метров пятьдесят пять. Правда, на некоторых улицах одностороннее движение, и это вам несколько усложнит задачу.

— Да этак я туда никогда не доеду, — огорчился водитель. — А я ведь специально ради этого прикатил сюда из Сен-Монтрона.

— Не падайте духом, — ободрил его Зашибю. — Давайте я поеду с вами и покажу дорогу.

— Ну, у вас, наверно, других дел невпроворот.

— Об этом не беспокойтесь. Я свободен как птица. А не были бы вы так любезны захватить с собой еще и этих двух особ? (жест).

— А чего ж нет. Только бы успеть, прежде чем там закроется.

— Ей-ей, — сказала стоящая в отдалении вдова, — ему, похоже, наконец удалось мобилизовать автоводителя.

— Ну, потрясуха, — с присущей ей объективно-

стью высказалась Зази.

Зашибю преодолел галопом разделяющее их расстояние и без всяких дипломатических увертюк объявил:

— Быстро за мной! Он нас отвезет.

— Вперед! В погоню за гиднапперами! — вскричала вдова Аз.

— Тьфу ты! А я ведь про них начисто забыл, — признался Зашибю.

— Может, водителю лучше не говорить об этом? — дипломатично предложила вдова.

— Так везет он нас или не везет? — спросила Зази.

— Быстрей!

Зашибю и вдова Аз схватили Зази за руки, повлекли к ничем не примечательной легковой машине, в каковую и засунули.

— Я не люблю, когда со мной так обращаются! — взвыла разъяренная Зази.

— А вы здорово смахиваете на киднапперов, — шутливо заметил сенмонтронец.

— Просто случайное сходство, — заверил его Зашибю, усаживаясь рядом с ним. — Вам надо бы поторопиться, если вы хотите приехать туда до закрытия.

Машина тронулась. Чтобы помочь продвиже-

нию, Зашибю высовывался из машины и свирепо свистел. Кое-какое действие это оказывало. Провинциал ликовал.

— Теперь сворачивайте налево, — распорядился Зашибю.

Зази дулась.

— Ты что же, — притворным голосом спросила ее вдовица Аз, — не рада тому, что встретишься с дядей?

— В жопе я видела дядю, — ответствовала Зази.

— Поди ты! — воскликнул водитель. — Никак это дочка Жанны Буфера? А я ее в мужских штанах и не узнал.

— Вы ее знаете? — безразлично поинтересовалась вдова Аз.

— Еще б не знать! — ответил водила.

Желая произвести окончательную идентификацию, он обернулся и в тот же миг врезался в машину впереди.

— Черт! — отреагировал Зашибю.

— Это точно она, — подтвердил сенмонтронец.

— Не знаю я вас, — сказала Зази.

— Что, водить не умеем? — поинтересовался пострадавший, который вылез из своего транспортного средства с намерением обменяться рядом тяжких оскорблений с тем, кто его стукнул.

— А-а, провинциал... Тогда все понятно... Вместо того чтобы создавать аварийную обстановку на парижских улицах, сидели бы лучше в своей дыре...

— Мосье, — обратилась к нему вдовица Аз, — читая морали, вы нас задерживаете. А у нас срочное дело. Мы должны освободить жертву гиднаппинга.

— Чего? Чего? — забеспокоился сенмонтронец. — Это без меня. Я в Париж приехал не для того, чтобы играть в сыщики-разбойники.

— А чего вы стоите? — обратился второй водитель к Зашибю. — Почему не составляете протокол?

— Не беспокойтесь, — заверил его Зашибю, — все уже запротоколировано в наилучшем виде. Можете мне довериться.

И он изобразил легавого, чего-то чиркающего в старом замусоленном блокноте.

— Ваши права?

Зашибю изобразил, будто внимательно изучает их.

— Дипломатический паспорт имеете?

— (унылый жест отрицания).

— В таком случае все, — объявил зашибический легавый. — Можете быть свободны.

Пострадатель задумчиво сел в машину и уехал. Зато сенмонтронец и не подумал трогаться с места.

— А вы чего ждете? — вопросила у него вдовица Аз.

Позади неистовствовали клаксоны.

— Так я ж сказал вам, что в эти игры не играю. Этак сдуру и подстрелить могут.

— У нас в городе, — сказала Зази, — такие трусоватые не живут.

— Ты бы помолчала, — накинулся на нее сенмонтронец, — про тебя ж все знают: ты и среди ангелов свару устроишь.

— Во гадство, — возмутилась Зази. — Зачем вы стараетесь создать мне такую нелестную репутацию?

Клаксоны гудели все яростней, сливаясь в громовый хор.

— Да трогайтесь же! — заорал Зашибю.

— Мне дорога моя шкура, — сделал пошлое признание сенмонтронец.

— Ой, да не беспокойтесь вы, — с присущей ей дипломатичностью успокоила его вдовица Аз. — Ничего вам не угрожает. Это просто такая шутка.

Водитель обернулся, чтобы детальнее рассмотреть успокоительницу. Осмотр внушил ему

некоторое доверие.

— Вы гарантируете? — сказал он.

— А как же.

— И это не какая-нибудь там политика со всякими гнусными последствиями?

— Да нет же. Уверяю вас, это просто такая шутка.

— Ладно, поехали, — вздохнул сенмонтронец, не вполне, впрочем, убежденный.

— Раз вы говорите, что знаете меня, — поинтересовалась Зази, — так, может, вы случаем видели тут и мою мамашу? Она тоже в Париже.

Не успели они преодолеть расстояние в несколько туазов[*], как на колокольне ближней церкви, правда, церкви, построенной в неоклассическом стиле, пробило четыре.

— Все, приехали, — объявил сенмонтронец.

И он опять затормозил, чем вызвал позади новый взрыв звучноголосных сигналов.

— Дальше ехать нет смысла. Они уже закрываются.

— Напротив, вы должны поторопиться, — с присущей ей рассудительностью и стратегическим мышлением возразила вдова Аз. — Иначе

---

[*] Примечания: *

Туаз — старинная мера длины, равная 1,9 м. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

мы не сможем найти жертву гиднаппинга.

— А мне без разницы, — отвечал водила. Но клаксоны позади так неистовствовали, что он все-таки тронулся, в определенном смысле несомый вибрацией воздушного потока, порожденного единодушным негодованием приторможенных автоводителей.

— Да бросьте вы, — сказал ему Зашибю, — не стройте такую недовольную физиономию. Мы уже почти доехали. Так что вы сможете сказать своим землякам, что хоть и не повидали Сент-Шапель, но все-таки были недалеко от нее. Меж тем как, оставшись здесь...

— Ведь может же говорить, когда хочет, — заметила Зази, беспристрастно оценивая дискурс мусормена.

— Нет, он мне нравится все больше и больше, — пробормотала вдова Аз, но так тихо, что никто ее не услышал.

— А как насчет моей мамаши? — опять спросила Зази у земляка. — Раз уж вы утверждаете, что знаете меня, так, может, случайно и ее видели?

— Ну и невезуха, — вздохнул сенмонтронец. — Столько машин на улицах, так надо же, чтоб вы выбрали именно мою.

— Так мы ж не специально, — заверил его

Зашибю. — Я, например, когда оказываюсь в незнакомом городе, тоже, бывает, спрашиваю дорогу.

— Так не к Сент-Шапель же? — заметил сенмонтронец.

— Да, это нельзя не признать, — сказал Зашибю, гиперболически использовав при конструировании этого простейшего эллипсиса порочный круг параболы.

— Ладно, — смирился сенмонтронец, — едем.

— Вперед, за гиднапперами! — вскричала вдова Аз.

Зашибю, высунувшись из окна, верещал в свисток, чтобы убрать с дороги не желавших уступать оную. Продвижение происходило с умеренной медлительностью.

— Не, это не то, — сказала Зази. — Мне бы в метро...

— Ноги моей там не было и не будет, — заметила вдова.

— А вы ничего себе снобка, — сказала Зази.

— Пока у меня есть средства...

— А только что доказывали, что не в состоянии заплатить за такси.

— Так зачем? И без этого едем.

— Все прекрасно, — объявил Зашибю, обора-

чиваясь к пассажиркам в надежде снискать одобрение.

— Прекрасно, — захлебываясь от восторга, подтвердила вдова Аз.

— А чего прекрасного? — бросила Зази. — Когда мы приедем, от дяди уже и след простынет.

— Я делаю что могу, — объявил сенмонтронец и, сворачивая к стоянке, воскликнул: — Вот здорово было б, если бы у нас в Сен-Монтроне было метро! Верно, малышка?

— Вот от такой бессмысленной трепотни меня просто тошнит, — возмутилась Зази. — Да какое метро может быть в нашем захолустье?

— Настанет день, и оно будет, — сказал сенмонтронец. — Метро придет к нам вместе с прогрессом. Тогда оно будет везде. И это будет просто классно. Метро и геликоптер — вот будущее городского транспорта. Садишься в метро и едешь в Марсель, а обратно возвращаешься геликоптером.

— А почему не наоборот? — поинтересовалась вдова Аз, в которой прирожденное картезианство еще не до конца было помрачено нарождающейся страстью.

— Почему не наоборот? — используя анафорический зачин, отвечал водитель. — А из-за

скорости ветра.

И он обернулся назад, желая посмотреть, какое впечатление произвел его хитроумный ответ, вследствие чего тут же врезался в автобус, стоявший во втором ряду. В тот же миг появился Федор Балванович и завел дискурс следующего содержания:

— Что, водить не умеем? А-а, все понятно... провинциал... Вместо того чтобы создавать аварийную обстановку на парижских улицах, сидели бы лучше в своей дыре...

— Смотри ты! — воскликнула Зази. — Да это ж Федор Балванович! Вы не видели моего дядю?

— За дядей! — вскричала вдова Аз, выкарабкиваясь из тачки.

— Э, да тут не так все просто, — объявил Федор Балванович. — Надо разбираться. Видите, вы повредили мое орудие производства.

— Вы стояли во втором ряду, — защищался сенмонтронец. — Это запрещено правилами.

— Кончайте спор, — обратился к ним Зашибю, тоже выбравшийся на волю. — Разберемся.

— Не пойдет, — запротестовал Федор Балванович. — Вы приехали с ним. Вы небеспристрастны.

— Раз так, валяйте разбирайтесь сами, — бросил

им Зашибю и, обеспокоенный, ринулся на поиски вдовы Аз, которая растворилась в неизвестности, предводительствуемая девчонкой.

XI

На террасе кафе «Два дворца» Габриель, попивая пятый стакан гранатового сиропа, витийствовал перед многочисленной аудиторией, каковая внимала ему с величайшей сосредоточенностью, тем паче что франкофонная ее составляющая была крайне ничтожна.

— Так почему бы, — вопрошал он их, — не наслаждаться этой краткой жизнью, когда довольно малости любой, чтоб нас ее лишить. Ведь малостью она порождена и малостью же одушевлена, от малости малейшей убывает, ее любая малость убивает. Да кто, скажите, смог бы смиряться под ударами судьбы[*] и с униженьями, ведущими к карьере, с мошенничеством наглых продавцов и с ценами хапужных мясников, с разбавленным водою молоком, с придирками отцов и матерей, с жестокостью учителей и с грубой руганью ка-

---

[*] Примечания: *

...кто, скажите, смог бы смиряться под ударами судьбы... — Пародийное искажение известного монолога Гамлета («Гамлет», акт 3, сцена 1). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

пралов, с бесчестностью власти предержащих и стонами пред властью той дрожащих, с бескрайностью пространств молчащих[*] и с неизбывною капустной вонью иль безучастностью лошадок карусельных, когда б не знали мы, что размноженье малюсеньких злокачественных клеток (жест) иль траектория случайной пули, что пущена бестрепетной рукой какого-то бездумного субъекта, все эти мелочи, досадные весьма, нежданно во мгновенье ока в сиреневой развеять может дали? И я, сидящий перед вами, над этою проблемою не раз, признаюсь откровенно, размышлял, когда кретинам вроде вас в балетной юбочке воздушной я ляжки демонстрировал свои, что от природы крайне волосаты, но выбриты весьма профессьонально. Да, кстати, должен сообщить, что, ежели желаете, вы сможете сегодня же вечером узреть это представление.

— Ура! — вскричали польщенные туристы.

— Ну, дядь, ты пользуешься все большим успехом.

— А, это ты, — совершенно спокойно отметил Габриель. — Как видишь, я по-прежнему жив и

---

[*] Примечания: *

...с бескрайностью пространств молчащих. — Частичная цитата из Паскаля: «Молчание этих бескрайних пространств меня ужасает». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

даже преуспеваю.

— Так ты показал им Сент-Шапель?

— Им немножко не повезло. Там как раз уже закрывали, и они единственно успели пробежать стометровку мимо витражей. Вот такущие (жест) витражи. Они были в восторге (жест). Не правда ли, май дарлинг фрау?

Отмеченная туристка восторженно закивала.

— Ура! — взорали остальные.

— Хватай гиднапперов! — закричала вдова Аз, которая появилась в сопровождении Зашибю.

Мусормен приблизился к Габриелю и с почтительным поклоном осведомился о состоянии его здоровья. Габриель лаконично ответствовал, что со здоровьем у него все в полном порядке. Тогда Зашибю продолжил допрос, затронув проблему свободы. Габриель заверил собеседника, что свобода его беспредельна и что это его вполне устраивает. Разумеется, Габриель не отрицал, что поначалу имело место бесспорное посягательство на его самые неотъемлемые права, однако, адаптировавшись к новому своему положению, он изменил его настолько, что похитители стали его рабами и теперь он по своему усмотрению распоряжается их свободной волей. В заключение же он сообщил, что терпеть не может, когда полиция

сует нос в его дела, и, дабы продемонстрировать, что подобные ее действия ему отвратительны до такой степени, что хочется блевать, он извлек из кармана шелковый носовой платок цвета сирени (естественно, не белой), однако благоухающий одеколоном «Топтун» от Дристиана Киора, и утер им шнобель.

Подвергшийся газовой атаке Зашибю извинился, откозырял Габриелю, вытянувшись по стойке смирно, затем, сделав по уставу поворот кругом, удалился строевым шагом и растворился в толпе, сопровождаемый семенившей следом вдовицей Аз.

— Здорово ты его отбрил, — похвалила Зази Габриеля, усаживаясь рядом с ним. — Мне мороженое, клубничное и шоколадное.

— Кажется мне, где-то я уже видел эту харю, — пробормотал Габриель.

— Ну, а теперь, когда этот мусоршмитт улетел, ты, может, наконец мне ответишь? — поинтересовалась Зази. — Скажи-ка, дядя, гормосенсуалист ты или нет?

— Да клянусь же, клянусь, нет.

И Габриель, воздев руку, плюнул на землю, чем несколько потряс туристов. Он было уже собрался объяснить чужеземцам этот древний галльский

обычай, но Зази отвлекла его от дидактических поползновений, спросив, почему же тогда субчик обвинил его в том, что он гормосенсуалист.

— Опять двадцать пять, — простонал Габриель.

Слабо соображающие туристы начали уже смекать, что тут что-то не так, и принялись тихо обсуждать ситуацию, обмениваясь выражениями на своих родных диалектах. Одни склонялись к мнению, что девчонку следует утопить в Сене, другие же стояли на том, что ее нужно запаковать в плед и сдать в камеру хранения на каком-нибудь вокзале, предварительно плотно обложив ватой для вящей звукоизоляции. Но ежели никто не согласится пожертвовать пледом, вполне может сойти и чемодан, правда, в этом случае ее придется изрядно уминать.

Обеспокоенный этими тайными переговорами, Габриель решился пойти на уступки.

— Ладно, — сказал он, — сегодня вечером я тебе все объясню. Верней, ты все увидишь собственными глазами.

— Чего увижу?

— То, что увидишь. Обещаю тебе.

Зази передернула плечами.

— Видела я обещания...

— Хочешь, я еще раз плюну на землю?

— Не надо. А то еще в мороженое попадешь.

— Тогда не приставай ко мне. Ты увидишь, я тебе обещаю.

— А что такого увидит эта малышка? — поинтересовался Федор Балванович, завершивший урегулирование последствий столкновения с сенмонтронцем, который, кстати сказать, выказывал пылкое желание поскорей свалить отсюда, к чертям собачьим.

— Я веду ее сегодня в «Золотой петух», — отвечал Габриель (жест). — И остальных тоже.

— Минутку, — прервал его Федор Балванович. — Этого нет в программе. Мне нужно их сегодня пораньше уложить, потому что завтра утром они канают в Гибралтар, к седым камням. Такой у них маршрут.

— Во всяком случае, идея им понравилась, — сказал Габриель.

— Они не представляют, что их ждет, — заметил Федор Балванович.

— Зато им будет что вспомнить, — сказал Габриель.

— И мне тоже, — сказала Зази, вдумчиво продолжая эксперимент по сравнительному поглощению клубничного и шоколадного мо-

роженого.

— Да, но кто будет платить в «Золотом петухе»? — поинтересовался Федор Балванович. — Если надо приплачивать, они не пойдут.

— Не боись, они у меня в руках, — заверил Габриель.

— Кстати, — сказала ему Зази, — мне кажется, сейчас самое время вернуться к вопросу, который я хотела тебе задать.

— Перетопчешься, — обрезал ее Федор Балванович. — Дай поговорить взрослым.

Потрясенная Зази закрыла варежку.

Мимо как раз пробегал халдей, и Федор Балванович остановил его.

— Принеси-ка мне пивного соку, — сделал он заказ.

— В бокале или в банке? — спросил халдей.

— В гробу, — ответил Федор Балванович и знаком дал понять халдею, что тот свободен.

— Ну, классная шутка, — рискнула выразить восторг Зази. — Такого даже сам генерал Вермо не придумал бы.

Но Федор Балванович не обратил внимания на слова соплячки.

— Так ты думаешь, — обратился он к Габриелю, — их можно будет раскошелить на сверх того?

— Да я ж тебе сказал, они у меня в руках. Этим надо попользоваться. Кстати, куда ты их везешь ужинать?

— Ну, тут все уже улажено. Ужинать они будут не где-нибудь, а в «Серебряной купине»[*]. Только все это оплачивает туристическое агентство.

— Послушай. Я знаю одну ресторацию на бульваре Тюрбиго[*], где все это обойдется раз в десять дешевле. Ты пойдешь к хозяину той шикарной обжираловки и заставишь выплатить часть денег, что он получит от агентства, так что прямая выгода будет всем, и к тому же там, куда я их поведу, они нажрутся от пуза. Платить, само собой, будем из того, что они соберут на посещение «Золотого петуха». Ну а башли, которые ты выудишь в «Серебряной купине», поделим пополам.

— Ну, вы оба и ловкачи, — заметила Зази.

— Ты все неправильно понимаешь, — обиделся

---

[*] Примечания: *

«Серебряная купина» — название реально существующего бара, расположенного недалеко от издательства «Галлимар». С другой стороны, Кено пародирует название престижного ресторана «La Tour d'argent» («Серебряная башня»), который находится на той же улице, что и упомянутое издательство. На улице Линнея, где жил один из соратников Кено по УЛИПО, существует также ресторан «Buisson ardent» («Неопалимая купина»). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Бульвар Тюрбиго — В Париже нет бульвара Тюрбиго, зато есть улица Тюрбиго. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Габриель. — Все, что я делаю, я делаю только ради их (жест) удововольствия.

— Да мы ни о чем другом и не думаем, — подтвердил Федор Балванович. — Все это ради того, чтобы у них остались незабываемые воспоминания о сем достославном и достохвальном граде, нарицаемом Паруаром[*]. И чтобы они снова вернулись сюда.

— Что ж, все получается лучше некуда, — сказал Габриель. — А в ожидании ужина они смогут навестить подвал ресторации с двадцатью биллиардными столами и пятнадцатью столами для пинг-понга. Такого в Париже нигде больше нет.

— Это будет для них незабываемое воспоминание, — сказал Федор Балванович.

— Для меня тоже, — сказала Зази. — Я в это время пойду погуляю.

— Но только не на Севастопольском бульваре! — испугался Габриель.

— Да не боись ты за нее, — успокоил его Федор

---

[*] Примечания: *

...о сем достославном и достохвальном граде, нарицаемом Паруаром. — Вариация фразы «Из альмаматеринской, достославной и достохвальной академии города, нарицаемого Лютецией» (Ф.Рабле. «Гаргантюа и Пантагрюэль», книга вторая, гл. VI, пер. Н. Любимова). Этот персонаж объясняется на жаргоне, калькированном с латыни. Название города Parouart (Паруар) вместо Paris (Пари) взято из баллады, написанной на жаргоне кокийяров Ф. Вийоном. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Балванович. — Она не похожа на беззащитное существо.

— Но мать доверила мне ее не для того, чтобы она шаталась между Центральным рынком и Шато д'О[*].

— Ладно, я буду гулять туда-сюда перед этой ресторацией, — примирительным тоном сказала Зази.

— Ага, чтобы все решили, что ты вышла на заработок на панель, — ужаснулся Габриель. — Тем более в блуджинсах. Любители найдутся.

— Любители находятся на все, — заметил Федор Балванович тоном человека, знающего жизнь.

— Это не слишком лестно для меня, — жеманным голоском сказала Зази.

— Если она начнет клеиться к тебе, это вообще будет конец света, — сказал Габриель.

— Почему? — спросила Зази. — Он что, гормо?

— По этой части у меня норма, деточка, — ответил Федор Балванович. — Ну как, дядюшка, недурной каламбурчик?

И он хлопнул Габриеля по ляжке, отчего тот поежился. На них с любопытством глазели ту-

---

[*] Примечания: *

...между Центральным рынком и Шато д'О. — Этот район славится тем, что там предлагают свои услуги проститутки. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ристы.

— Похоже, они уже начали скучать, — отметил Федор Балванович. — Пожалуй, самое время везти их на биллиард, чтобы они малость развлеклись. Бедные глупыши, они думают, что это и есть Париж.

— Ты забыл, что я все-таки показал им Сент-Шапель, — не без гордости произнес Габриель.

— Дурачок, — отвечал Федор Балванович, который досконально знал французский, поскольку родился в Буа-Коломб. — Ты их сводил в Коммерческий суд.

— Разыгрываешь, да? — недоверчиво спросил Габриель. — Нет, это точно?

— Счастье еще, что Шарля тут нет, — заметила Зази, — а то до ночи бы не разошлись.

— Ну, даже если это и не была Сент-Сопель, — сказал Габриель, — там все равно было красиво.

— Сент-Сопель??? Сент-Сопель??? — обеспокоенно переспрашивали самые франкофонные среди туристов.

— Сент-Шапель, — сообщил им Федор Балванович, — неповторимый шедевр готического искусства.

— Ну помните же (жест), — сказал Габриель.

Успокоенные туристы снова заулыбались.

— Так что? — спросил Габриель. — Растолкуешь им?

Федор Балванович прочичеронил дальнейший план на нескольких чужих наречьях.

— Здорово чешет этот славянин, — с видом знатока оценила Зази.

Надо признать, туристы выразили свое согласие, с энтузиазмом выкладывая монету и подтверждая тем самым, во-первых, высокий престиж Габриеля, а во-вторых, широту лингвистических познаний Федора Балвановича.

— А вот, кстати, и мой второй вопрос, — сообщила Зази. — Когда я подошла к тебе у Эйфелевой башни, ты чесал по-иностранному не хуже его. Как это у тебя получалось? И почему сейчас ты не говоришь?

— Понимаешь, — сказал Габриель, — этого я и объяснить тебе не смогу. Бывают вещи, которые случаются непонятно как. Озарение гения.

Он допил гранатовый сироп.

— Чего ты хочешь, с артистами и не такое случается.

XII

Зашибю и вдова Аз уже некоторое время мед-

ленно шли рядом[*], однако куда глаза глядят и к тому же в молчании, прежде чем обнаружили, что они медленно идут рядом, но куда глаза глядят и к тому же в молчании. Тут они переглянулись и улыбнулись: то заговорили их сердца. Они стояли, смотрели друг на друга, раздумывая, что им друг другу сказать и на каком языке. И тогда вдова Аз предложила немедля отметить их встречу, осушив по бокалу, и с этой целью вступить в зал кафе «Велосипед» на Севастопольском бульваре, где несколько торговцев с Центрального рынка уже заливали свой пищепереварительный трактат, прежде чем катить дальше принадлежащие им овоща. Там мраморный столик гостеприимно предложит им опуститься на бархатный диванчик, и они омочат губы в стаканах, ожидая, когда мертвенно-бледная подавальщица отвалит, чтобы слова любви наконец пробились сквозь шипение пивной пены. В час, когда положено пить безградусные фруктовые соки ярких цветов и крепкоградусные бледноцветные напитки, они будут сидеть на вышеупомянутом бархатном диванчике, сплетая трепетные руки, и обмени-

[*] Примечания: *

Зашибю и вдова Аз ... медленно шли рядом... — Слегка измененный отрывок из «Госпожи Бовари» Г. Флобера. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ваться перегоняющими друг друга вокабулами, предвещающими сексуальное взаимообщение в очень недалеком будущем. Нет, нет, ответил ей Зашибю, мне нельзя, я в мундире, позвольте мне сменить прикид. И он назначил ей свиданку на предмет принять апередиф в ресторации «Сфероид» на той же улице, только чуть дальше по правую руку. Потому как проживал он на улице Рамбюто.

Возвратясь в состояние одиночества, вдова Аз испустила вздох. Я совершаю безумство, произнесла она вполголоса, говоря сама с собой. Но несколько этих слов не упали, в пошлом значении, на тротуар, дабы кануть в неизвестность, нет, они попали в ушные раковины некой особы, которую глухой никак не назовешь. Три этих слова, предназначенные для собственного употребления, немедленно вызвали нижеследующий ответ: а кто их не совершает? С вопросительным знаком, поскольку ответ был перконтативный[20]:

— Э, да это ты, — бросила вдова Аз, обнаружив Зази.

— Я только что видела вас с этим мусорменом. Вы были здорово комичны.

---

[20] Примечания: 20
Вопросительный *(лат.).*

— В твоих глазах, — сказала вдова Аз.

— В моих глазах? Что «в моих глазах»?

— Комичны, — пояснила вдова Аз. — А в других глазах вовсе не комичны.

— А те, в которых не комичны, я в гробу видала, — сказала Зази.

— Ты что, одна?

— Да, дорогуша, я гуляю.

— Но в этом квартале в такое время нельзя выпускать девочку одну гулять. А что приключилось с твоим дядей?

— С туристами связался. Повел их играть в биллиард. А я пока дышу свежим воздухом. Биллиард я в гробу видала. Но я туда вернусь подзаправиться с ними. А потом они пойдут смотреть, как он танцует.

— Кто танцует?

— Дядя.

— Этот слон танцует?

— И еще в балетной пачке, — с гордостью сообщила Зази.

У вдовы Аз отпала челюсть.

Они дошли до бакалейной лавки, торгующей оптом и в розницу; на другой стороне бульвара с односторонним движением аптека, оперирующая в той же степени распивочно и в не меньшей

мере на вынос, изливала свой зеленый свет на толпу, алчущую ромашки, деревенского паштета, леденцов, цитварного семени, камамбера и медицинских банок; на ту самую толпу, что, по правде сказать, потихоньку начинала уже редеть вследствие притягательной близости нескольких вокзалов.

Вдова Аз исторгла вздох.

— Ты не против, если я немножко пройдусь с тобой?

— Собираетесь следить, как я себя веду?

— Нет, нет, просто побуду в твоем обществе.

— На фиг мне это надо. Я предпочитаю гулять одна.

Вдова Аз вновь исторгла вздох.

— Я чувствую такое одиночество... такое одиночество... такое одиночество...

— В жопе я видела такое одиночество, — ответила девочка с использованием присущих ей языковых средств.

— Надо относиться с большим пониманием к взрослым, — жалостно произнесла вдова Аз. — Ах, если б ты знала...

— Это что, мусорилло так вас раскалилло?

— Ах, любовь... когда ты познаешь...

— Я была уверена, что в конце концов вы нач-

нете говорить мне всякую похабщину. Если вы не прекратите, я позову мусора... но другого...

— Как это жестоко, — с горечью изрекла вдова Аз.

Зази пожала плечами.

— Бедная старушка... Ладно, не зверь же я все-таки. Я составлю вам компанию, пока вы не придете в себя. Ну как, доброе у меня сердце, а?

Но прежде чем вдовица Аз успела ответить, Зази добавила:

— И все-таки... мусорилло... Мне было бы противно.

— Я тебя понимаю. Но ничего не поделаешь, так уж получилось. Может, если бы твой дядя не стал жертвой гиднаппинга...

— Я ж вам уже сказала: он женат. И моя тетя в сто раз красивей вас.

— Можешь не расхваливать своих родственников. Мой Зашибю меня вполне устраивает. Верней, устроит.

Зази пожала плечами.

— Ну, чистое кино, — сказала она. — У вас что, другой темы для разговора нету?

— Нету, — энергично подтвердила вдова Аз.

— Раз так, — не менее энергично изрекла Зази, — объявляю вам, что неделя благотворительно-

сти кончилась. Покешник.

— И все равно благодарю тебя, дитя мое, — произнесла преисполненная всепрощения вдовица Аз.

Они вместе, но по отдельности перешли бульвар и оказались перед ресторацией «Сфероид».

— Опять вы! — воскликнула Зази. — Вы что, следите за мной?

— Я была бы рада, если б тебя здесь не было, — отвечала ей вдова.

— Не, она просто прелесть. Пять минут назад я не знала, как от нее отделаться. А теперь она велит, чтоб я сматывалась. Это что, любовь так на вас действует?

— Что мне тебе сказать? Если по правде, у меня здесь свидание с моим Зашибю.

Из подвала доносился жуткий шум. Гам. Гав.

— А у меня с дядей, — сообщила Зази. — Они все там. Внизу. Слышите, как орут? В точности дикари. Я ведь вам уже говорила, где я видела этот их биллиард...

Вдова Аз внимательно изучала наполнение первого этажа.

— Вашего хахаля туточки нет, — подсказала Зази.

— Покашто, — сказала вдова. — Покашто.

— Само собой. Мусора в бистро не сидят. Им запрещено.

— А вот тут ты дала промашку, — с лукавым выражением лица поправила ее вдова. — Он пошел переодеться в цивильное.

— И вы уверены, что узнаете его?

— Я люблю его, — сказала вдова Аз.

— А пока, — откровенно предложила Зази, — спуститесь вниз, выпейте с нами по стаканчику. Вполне возможно, он уже в подвале. Может, он специально уже там.

— Не перехватывай. Он — легавый, а не тихарь.

— Да что вы о нем знаете? Он что, все вам о себе рассказал? Уже успел?

— Я верю ему, — отвечала влюбленная не то чтобы экстатически, скорей невразумительно.

Зази в очередной раз пожала плечами.

— Ладно, идемте выпьем по стаканчику... это вам немножко прочистит мозги.

— Почему бы и нет, — сказала вдова, глянув на часы и установив, что ей еще десять минут ждать своего возлюгавого.

С верха лестницы видны были шары, оживленно катающиеся по зеленому сукну, меж тем как другие шары, гораздо легче, скакали в испаре-

ниях, поднимающихся над кружками с пивом и пропотевшими подтяжками. Зази и вдова Аз усмотрели плотную группу туристов, сбившуюся вокруг Габриеля, который как раз обдумывал труднейший карамболь. Когда же таковой удался, они радостно приветствовали это достижение на разных наречьях.

— Ишь как довольны, — отметила Зази, гордясь своим дядей.

Вдова кивнула, соглашаясь.

— Какие же они все-таки кретины, — прочувствованно произнесла Зази. — Ведь главного-то они еще не видели. Вот когда они увидят Габриеля в пачке, у них еще те будут рожи.

Вдова соблаговолила улыбнуться.

— Интересно бы знать, что это значит — педик? — фамильярно, как к старой подруге, обратилась к ней Зази. — Гомик? Пидор? Жопник? Гормосенсуалист? Чем они отличаются?

— Бедное дитя, — вздохнула вдова, которая время от времени выкапывала, но лишь для чужого пользования обломки нравственности в руинах собственного морального облика, рухнувшего под воздействием чар мусормена.

Габриель, только что промазавший двойной дуплет от шести бортов, заметил их и помахал

рукой. После чего хладнокровно продолжил игру, невзирая на неудачу своего последнего карамболя.

— Я пошла наверх, — решительно объявила вдова.

— Больших вам голубых цветочков любви, — пожелала ей Зази и подошла к биллиардному столу, чтоб понаблюдать за игрой.

Забойный шар находился на f2, белый — на g3, а красный — на h4. Габриель готовился произвести удар и с этой целью мелил кий. Он заметил:

— Страшно липучая эта тетка.

— У нее жуткий флирт с тем мусорменом, который подвалил к тебе в бистро с разговором.

— Ну, это их дела. А пока не мешай мне играть. Тут не до шуток. Главное — спокойствие и хладнокровие.

И, окруженный всеобщим восхищением, он поднял кий, намереваясь нанести удар по забойному шару, дабы тот прошел по дуге параболы. Однако при ударе кий отклонился от заданного направления, прорвав в сукне прореху, рыночная цена каковой, как правило, определяется хозяином заведения. Туристы, безуспешно пытавшиеся за соседними столами добиться подобного же результата, бурно выражали восхищение. Подошла

пора поужинать.

Собрав башли на оплату издержек и четко расквитавшись по счету, Габриель созвал своих подопечных, включая игроков в пинг-понг, и вывел их на поверхность земли на предмет заморить червячка. Ресторация на первом этаже показалась ему вполне подходящей для этой цели, и он плюхнулся на диванчик, прежде чем заметил за столиком напротив вдову Аз и Зашибю. Они радостно подавали ему приветственные знаки, и Габриель с трудом узнал мусормена во франте, что корчил улыбчивую рожу рядом со вдовицей. Привыкший прислушиваться лишь к перебоям своего доброго сердца[*], Габриель жестом пригласил их присоединиться к своей свите, и приглашение это не было отвергнуто. Чужеземцы давились от восторга, наблюдая здешнее преизобилие местного колорита, меж тем как официанты, облаченные в набедренные повязки[*], разносили кружки простуженного пива и вонючую кислую капусту, перемешанную

[*] Примечания: *

...к перебоям своего доброго сердца... — Измененная цитата из М. Пруста («Содом и Гоморра»). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

...официанты, облаченные в набедренные повязки... — Реприза из стихотворения «Песнь Нелюбимого» Г. Аполлинера. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

с серыми сосисками, ёлким салом, дубленой ветчиной и проросшей картошкой, предоставляя, таким образом, посетителям возможность неосмотрительно оценить беспристрастным нёбом фсе феликолепие франфуской куфни.

Зази, отведав поданное блюдо, откровенно заявила, что это блевонтин. Мусормен, воспитанный матерью-консьержкой в строгих традициях тушеной говядины с луком и салом, вдова, знавшая толк в нефальсифицированном жареном картофеле, и даже Габриель, привычный к странным кушаньям, подаваемым в харчевнях, поспешили склонить ребенка к трусливому молчанию, каковое и дает возможность поварам уродовать общественный вкус как в плане внутренней, так и в плане внешней политики и извращать на потребу чужеземцам великое кулинарное наследие, доставшееся Франции от галлов, которым мы, как известно каждому, обязаны среди прочего штанами, бочарным ремеслом и нефигуративным искусством.

— Но вы все равно не помешаете мне сказать, — молвила Зази, — что это (жест) тошнотно.

— Ну, разумеется, разумеется, — сказал Габриель. — Я вовсе не заставляю тебя жрать это. Не правда ли, мадам, я проявляю понимание?

— Иногда, — согласилась вдова Аз. — Иногда.

— Но дело вовсе в другом, — сказал Зашибю. — Это было бы просто невежливо.

— В жопе я видела вежливость, — ответила Зази.

— А вас, — обратился Габриель к мусормену, — я попросил бы не мешать мне вести воспитательный процесс ребенка так, как я его понимаю. Ибо я отвечаю за нее. Верно, Зази?

— Точно, — подтвердила Зази. — Но все равно жрать эту гадость я не буду.

— Что угодно мадмуазель? — лицемерно осведомился порочный халдей, учуявший возможность скандала.

— Чего-нибудь другого, — отвечала Зази.

— Надо понимать, наша кислая капуста по-эльзасски не по вкусу вьюной барышне? — уточнил порочный халдей.

Этот кретин попытался вложить в свои слова иронию.

— Да, не по вкусу, — решительно и твердо подтвердил Габриель.

Секунду-другую халдей мысленно оценивал габариты Габриеля, к тому же в личности Зашибю он унюхал легавого. Столько сразу козырей в руке девочки заставили его заткнуться и не

возникать. Он уже был готов продемонстрировать изъявления покорности, но тут вмешался метрдотель, который был еще покретинистей, чем халдей. Каковой незамедлительно выступил со своим коронным номером.

— Чиво? Чиво? — зачирикал он. — Иностранцы позволяют себе хаять нашу кухню? Ну, нахальный турист пошел в этом году. Может, эти пидоры еще станут утверждать, что знают толк в харче?

И он обратился к некоторым из них (жест).

— Неужто вы думаете, что мы для того одержали победоносные победы в стольких войнах, чтоб вы припирались сюда с намерением плюнуть в наши бокалы?[*] Уж не думаете ли вы, что мы производим в поте лица ординарное красное и спиртягу только для того, чтоб вы припирались сюда и хулили их, расхваливая свою сраную кокаколу и кьянти? Знайте же, банда прохвостов, что, когда вы еще были людоедами и высасывали мозг из костей своих расчлененных врагов, наши предки-крестоносцы жрали бифштексы с жареным картофелем, причем задолго до того, как Пармантье открыл картофель, я уж не говорю про

---

[*] Примечания: *

...с намерением плюнуть в ваши бокалы... — Отсылка к роману Вернона Салливана (Б. Виана) «Я приду плюнуть на ваши могилы». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

кровяные колбаски с зеленой фасолью, которые вы никогда не были способны приготовить. Вам не нравится? Нет? Да что вы можете понимать!

Он набрал в грудь воздуха, чтобы продолжить свое выступление в нижеследующих изысканных выражениях:

— Может, вам наши цены не нравятся? Так цены у нас вполне целомудренные. Только вам этого не понять, банда вы скупердяев. Да откуда бы наш хозяин взял денег на уплату всех налогов, если бы не рассчитывал на ваши доллары, которые вы даже не знаете, куда девать?

— Слушай, может, кончишь залупаться? — обратился к нему Габриель.

Метрдотель испустил вопль ярости.

— И он думает, что говорит на французском? — взревел он.

После чего повернулся к порочному халдею и изложил ему свои впечатления:

— Нет, ты слышал, как эта куча навоза посмела обратиться ко мне на нашем родном диалекте? Если б это не было так тошнотворно...

— Да нет, он ничего говорит, — заметил порочный халдей, боявшийся получить по вывеске.

— Предатель, — бросил суровый, дрожащий от негодования метрдотель.

— Чего ты ждешь? Почему не дашь ему по морде? — осведомилась Зази.

— Тс-с, — остановил ее Габриель.

— Оторвите ему мужское достинство, — предложила вдова Аз, — чтоб знал, как разговаривать.

— Я не желаю этого видеть, — объявил позеленевший Зашибю. — Я позволю себе удалиться на то время, пока вы будете проводить эту операцию. Тем более что мне необходимо звякнуть в префектуру.

Порочный халдей врезал локтем в брюхо метрдотеля, как бы подчеркивая слова клиента. Сей же момент ветер переменился.

— Так вот, — замурлыкал метрдотель, — я хотел бы спросить, что угодно мадмуазель?

— То, что вы мне подали, это настоящий блевонтин, — сообщила Зази.

— Ошибочка случилась, — с ласковой улыбкой проинформировал метрдотель, — ошибочка. Это предназначалось соседнему столику, туристам.

— Они с нами, — сказал Габриель.

— Не беспокойтесь, — с заговорщицким видом успокоил его метрдотель, — я найду кому спихнуть эту капусту. Что бы вы желали взамен, мадмуазель?

— Другую кислую капусту.

— Другую кислую капусту?

— Да, — подтвердила Зази. — Другую кислую капусту.

— Но смею вас заверить, — сказал метрдотель, — что другая будет не лучше, чем эта. Я вам это говорю, чтоб избавить вас от необходимости повторять рекламацию.

— Короче, есть что-нибудь съедобное в вашей тошниловке?

— Мы всецело к вашим услугам, — заверил метрдотель. — Ах, если бы только не эти зверские налоги (вздох).

— Ням, ням, — заскулил один из туристов, соскребая последние лохмотья капусты со дна тарелки.

— Вот видите, — торжествующе произнес метрдотель.

И порочный халдей, подхватив тарелку Зази, поставил ее перед прожорливым туристом.

— Поскольку я вижу, что имею дело с гурманами, — продолжал метрдотель, — рекомендую вам нашу фирменную натуральную говяжью тушенку. Я самолично прослежу за открыванием банки.

— Наконец-то до него дошло, — сказала Зази. Униженный метрдотель собрался ретироваться.

Добряк Габриель, желая утешить его, спросил:

— А как у вас гранатовый сироп? Хорош?

XIII

Мадо На Цырлачках три секунды смотрела на звонящий телефон, а на четвертой решила послушать, что там происходит на другом конце провода. Сняв трупку с насеста, она тут же услыхала голос Габриеля, который объявил, что ему необходимо сказать несколько слов своей половине.

— И побыстрей, — добавил он.

— Я не могу, — сообщила Мадо На Цырлачках, — я тут одна, мсе Турандот вышел.

— Ты говоришь, говоришь, — сказал Зеленец, — и это все, что ты можешь.

— Ну, дурища, — произнес голос Габриеля. — Если никого нет, закрой лавочку, а если есть кто-то, выстави к чертовой матери. Поняла, дуреха несчастная?

— Да, мсе Габриель.

И она повесила трупку. На самом деле все было не так просто. Один клиент наличествовал. И она вполне могла бы оставить его одного, потому что то был Шарль, а Шарль не из тех, кто

тут же кинется шарить в кассе, чтобы выудить из нее несколько монет. Шарль, он честный. И доказательством служит то, что он только что предложил ей вступить в брачное сожительство.

Мадо На Цырлачках только-только принялась размышлять над этой проблемой, как опять позвонил телефон.

— Что за черт, — зарычал Шарль, — ни минуты покоя в этом бардаке.

— Ты говоришь, говоришь, — сказал Зеленец, которого тоже нервировала эта обстановка, — и это все, что ты можешь.

Мадо На Цырлачках взяла трубку и выслушала целую серию определений, одно другого нелестней.

— Не вздумай вешать, идиотка, ты ж не знаешь, куда мне звонить. И поторопись. Кстати, ты там одна или кто-то есть?

— Тут Шарль.

— Кому чего надо из-под Шарля? — с достоинством поинтересовался Шарль.

— Ты говоришь, говоришь, — сказал Зеленец, — и это все, что ты можешь.

— Это он бурчит? — осведомился телефон.

— Нет, Зеленец. А Шарль предлагает мне выйти за него.

— Значит, все-таки решился, — безразлично буркнул телефон. — Но это не помешает ему сбегать за Марселиной, если тебе неохота подниматься по лестнице. Шарль сделает это для тебя.

— Я спрошу у него, — сказала Мадо На Цырлачках.

(пауза).

— Он сказал, что не хочет.

— Почему?

— Он сердит на вас.

— Ну кретин. Скажи, чтоб взял трупку.

— Шарль! — позвала Мадо На Цырлачках (жест).

Шарль молча (жест).

Мадо в нетерпении (жест).

— Ну скоро он? — осведомился телефон.

— Да, — ответила Мадо На Цырлачках (жест).

Наконец Шарль осушил до дна стакашок, неспешно подгреб к телефону и, переняв трупку из рук своей, быть может, будущей спутницы жизни, отчеканил кибернематическое слово:

— Аллё.

— Шарль, это ты?

— Ну, я.

— Слушай, давай по-быстрому сбегай за Марселиной, мне нужно ей кое-что сказать. Это

срочно.

— Не собираюсь слушать ничьи приказы.

— Кончай выглупляться, делай, что тебе говорят. Это срочно.

— А я тебе повторяю, что ничьи приказы не намерен исполнять.

И он повесил трупку.

После чего вернулся к стойке, за которой Мадо На Цырлачках, похоже, пребывала в розовых мечтаниях.

— Так что ты мне скажешь? — спросил Шарль. — Да или нет?

— Ах, мсе Шарль, — засюсюкала Мадо На Цырлачках, — я ж вам уже говорила, это так неожиданно, я и в голове такого не держала, для меня это такое потрясение, нужно подумать.

— Как будто ты не думала.

— Ой, мсе Шарль, какой вы все-таки склептик.

И тут снова зателефонкционировал звонок.

— Да что ж это делается...

— Оставь его, пусть звоняет, — сказал Шарль.

— Нельзя быть таким, он все-таки ваш дружок.

— Ну да, но из-за этой соплячки, что подвешена к нему, все пошло наперекосяк.

— Не берите вы в голову. В таком возрасте все дети с заскоком.

Но поскольку звонок продолжал верещать, Шарль взял трупку и пристроился к ней.

— Аллё! — орал Габриель.

— Ну, — ответил Шарль.

— Перестань стругать идиота. Быстро беги за Марселиной. Ты уже действуешь мне на нервы.

— Видишь ли, — надменно произнес Шарль, — я занят.

— Это ж надо! — разорялся телефон. — Подумать только, он занят! Да чем ты таким можешь быть занят?

Шарль энергично прикрыл ладонью говорильную часть трупки и, повернувшись к Мадо, спросил:

— Ну так что: да или нет?

— Да, — зардевшись, ответила Мадо На Цырлачках.

— Точно?

— (жест).

Шарль убрал руку с говорильной части и сообщил по-прежнему наличествующему на другом конце провода Габриелю следующее:

— У меня для тебя важная новость.

— Плевать мне на нее. Беги...

— За Марселиной, я знаю.

И тут же стремительно затарахтел:

— Мы с Мадо На Цырлачках только что обручились.

— Прекрасная идея. Знаешь, я раздумал, не стоит...

— Ты понял, что я тебе сказал? Мы с Мадо На Цырлачках поженимся.

— Что поделаешь, раз уж вам охота. Да, так вот, не стоит беспокоить Марселину. Скажи ей только, что я веду малышку в «Золотой петух» посмотреть представление. Меня сопровождают самые что ни на есть иностранные туристы и несколько друзей — короче, целая компания. Так что сегодня вечером я не могу ударить в грязь лицом. Тем более Зази увидит мой номер, это для нее большая везуха. Слушай, гигантская мысль! Ты тоже должен прийти вместе с Мадо На Цырлачках, заодно отметим ваше обручение. Что ты на это? Спрыснем слегка, я плачу, к тому же представление посмотрите. И этому старому хрену Турандоту передай, пусть тоже приходит вместе с Зеленцом, если сочтет, что тому будет интересно. Да, и не забудь Пьянье. Чертов Пьянье.

На сем Габриель рассоединился.

Шарль оставил трубку болтаться на проводе и, поворотясь к Мадо На Цырлачках, произнес следующие достопамятные слова:

— Ну так что? Решено?

— И подписано, — подтвердила Мадлен.

— А мы с Мадлен женимся, — сообщил Шарль вернувшемуся Турандоту.

— Хорошее дело, — одобрил Турандот. — Ставлю вам подкрепляющего, чтобы спрыснуть это событие. Хотя мне жаль терять Мадо. Она хорошо работала.

— А я и не собираюсь уходить, — сказала Мадлен. — Что ж мне подыхать дома со скуки, пока он крутит баранку?

— Правильное решение, — согласился Шарль. — По сути дела ничего не изменится, вот только пистоны я ей теперь буду ставить на законном основании.

— В конце концов все примиряются с неизбежным, — заметил Турандот. — Чего пить будете?

— Мне без разницы, — ответил Шарль.

— На этот раз обслужу тебя я, — сказал Турандот Мадлен, галантно хлопнув ее по заду, чего он никогда не позволял себе в нерабочее время, а в рабочее проделывал лишь для подъема общего настроения.

— Шарль мог бы выпить ферне-бранка, — предложила Мадлен.

— Да его ж в рот взять невозможно, — сказал

Шарль.

— Но в полдень ты же заглотнул стакашок, — возразил Турандот.

— Да, верно. Ну, тогда мне божоле.

Чокнулись.

— Значит, за ваши законные половые пистоны, — провозгласил тост Турандот.

— Спасибо, — сказал Шарль и утер губы фуражкой.

После чего сообщил, что у него еще есть одно дело: надо пойти предупредить Марселину.

— Не беспокойся, милый, — сказала Мадлен, — я схожу.

— А чего ей до того, женишься ты или нет? — удивился Турандот. — Завтра узнает, ничего с ней не станется.

— Нет, с Марселиной совсем другое дело, — объяснил Шарль. — Габриель просил передать ей, что берет Зази с собой, и заодно пригласил всех нас, включая и тебя, к себе в заведение выпить по стаканчику и посмотреть его номер. Так что выпьем по стаканчику и, надеюсь, повторим не раз.

— У тебя вабще никаких моральных принципов, — сказал Турандот. — Ты что же, пойдешь отмечать помолвку в ночное заведение для пидоров? Не спорь со мной: у тебя никаких моральных

принципов.

— Ты говоришь, говоришь, — выступил Зеленец, — и это все, что ты можешь.

— Перестаньте спорить, — сказала Мадлен. — Я пойду предупрежу мадам Марселину, а потом переоденусь, чтобы пойти смотреть нашего Габи нарядной.

И она упорхнула. Взлетев на третий этаж, новоиспеченная невеста позвонила в дверь. Ах, ни одна дверь, в которую так грациозно звонят, не посмела бы не открыться. Так что открылась и эта.

— Здравствуйте, Мадо На Цырлачках, — кротко приветствовала Марселина.

— Дело в том... — начала Мадлен, пытаясь перевести дыхание, несколько сбившееся вследствие подъема по лестничной спирали.

— Зайдите выпейте стаканчик гранатового сиропа, — кротко прервала ее Марселина.

— Но мне еще надо одеться.

— Глядя на вас, я не сказала бы, что вы нагишом, — кротко заметила Марселина.

Мадлен зарделась. Марселина кротко промолвила:

— Я не вижу, почему бы нам не выпить по стаканчику гранатового сиропа? Как водится, в

женской компании...

— Да нет...

— У вас взволнованный вид.

— Я только что обручилась. Сами понимаете.

— Вы в положении?

— Пока нет.

— В таком случае вы не можете отказать мне выпить со мной по стаканчику гранатового сиропа.

— Ну раз вы так настаиваете...

— Я нисколько... — кротко ответила, опуская глаза, Марселина. — Заходите.

Лепеча какие-то неловкие формулы вежливости, Мадлен вошла. Когда ей предложили сесть, села. Хозяйка дома притаранила два стакана, графин с водой и литровку гранатового сиропа. Она осторожно налила изрядную порцию этого напитка в стакан гостьи, себе же нацедила не больше чем на палец.

— Я вообще-то воздерживаюсь, — кротко объяснила она с таинственной улыбкой.

Она развела сироп водой, после чего обе с изысканными гримасками стали попивать его маленькими глоточками.

— Итак? — кротко осведомилась Марселина.

— Позвонил мосье Габриель, — сказала Мадлен,

— что он повел малышку к себе в кабаре, чтоб она посмотрела его номер, и заодно пригласил нас с Шарлем отметить там нашу помолвку.

— Так значит, это Шарль?

— А кто ж еще... Человек он серьезный, и потом мы знаем друг друга.

Улыбаясь, они смотрели друг на друга.

— Скажите, мадам Марселина, — спросила Мадлен, — что бы мне наблочить на себя по такому поводу?

— На обручение, — кротко отвечала Марселина, — надевают белое средней длины с приметами серебристой девственности.

— Ну, насчет девственности я бы не преувеличивала, — заметила Мадлен.

— Так принято.

— Даже если идешь в ночное кабаре для педиков?

— Это не имеет значения.

— Да, да, конечно, конечно, но у меня нет умеренно белого платья с приметами серебристой девственности и даже завалящего костюмчика-двойки с паршивенькой блузкой и поясом для чулок — и то нет. Как же мне быть? Ну скажите же мне, скажите, что мне надеть?

Марселина опустила голову, и по всему ее виду

было ясно, что она пребывает в глубокой раздумчивости.

— В таком случае, — кротко сказала она, — почему бы вам не надеть малиновый жакетик с плиссированной желто-зеленой юбкой, которые я видела на вас на балу четырнадцатого июля?

— О, вы обратили внимание на мой жакет?

— Ну да, — кротко подтвердила Марселина. — Я обратила на него внимание (молчание). Вы были обворожительны.

— Как это мило, — сказала Мадлен. — Значит, иногда вы обращаете на меня внимание?

— Ну да, — кротко подтвердила Марселина.

— А вот я, — сказала Мадлен, — я считаю вас такой красивой...

— Правда? — с кротостью осведомилась Марселина.

— Да, чистая правда, — с убежденностью отвечала Мадо. — Вы потрясно красивая. Мне бы жутко хотелось быть такой, как вы. Вы такая вся аппетитная. И при этом такая элегантная.

— Не преувеличивайте, — кротко промолвила Марселина.

— Нет, нет, вы потрясно красивая. Но почему мы вас так редко видим? (молчание). Мы были бы рады видеть вас чаще. Я (вздох) была бы рада

видеть вас чаще.

Марселина потупила глаза и кротко зарделась.

— Так почему бы, — упорствовала Мадлен, — нам не видеться чаще? Ведь вы такая цветущая, если вы позволите мне так выразиться, и вдобавок такая красивая. Почему?

— Потому что я не люблю мозолить глаза, — кротко отвечала Марселина.

— И не надо мозолить, вы могли бы...

— Не уговаривайте, дорогая, — сказала Марселина.

И они обе замолчали, погрузившись в задумчивость и мечтательность. Время еле текло. Они слышали, как вдали, на улицах, медлительно спускают в темноте шины. В приоткрытое окно они видели, как на гриле телевизионной антенны мерцает, тихонько пощипывая, лунный свет.

— Да, пожалуй, вам пора пойти одеться, если вы не хотите пропустить номер Габриеля, — кротко сказала Марселина.

— Пора, — согласилась Мадлен. — Значит, я надеваю яблочно-зеленый жакетик с апельсинно-лимонной юбкой четырнадцатого июля?

— Да.

(пауза).

— Но все равно мне очень грустно, что вы оста-

етесь совсем одна, — сказала Мадлен.

— Ничего страшного, — сказала Марселина. — Я привыкла.

— Но все равно...

Они одновременно поднялись, словно подхваченные единым порывом.

— Ладно, тогда я пойду оденусь, — сказала Мадлен.

— Вы будете обворожительны, — заверила Марселина, кротко приблизившись к ней.

Мадлен взглянула ей в глаза.

В дверь забарабанили.

— Мы идем или нет? — проорал Шарль.

XIV

Все расселись, и Шарль тронулся. Турандот сидел рядом с ним, а Мадлен на заднем сиденье между Пьянье и Зеленцом.

Мадлен глянула на попугая и бросила в воздух:

— А вы уверены, что представление ему понравится? — Не бери в голову, — отвечал Турандот, который опустил стекло, отделяющее водителя от пассажиров, чтобы слышать все, что говорят сзади. — Ежели ему захочется, он сам найдет чем развлечься. Так что почему бы ему не посмотреть

на Габриеля?

— Никогда ж неизвестно, что у этих зверей в башке, — донес до всеобщего сведения Пьянье.

— Ты говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь, — укорил его Зеленец,

— Во, видите, — сказал Пьянье. — Они соображают куда больше, чем мы думаем.

— Это точно, — пылко подтвердила Мадлен. — Точней не бывает. Да взять нас, разве ж мы хоть в чем соображаем?

— В чем хоть? — спросил Турандот.

— Да в жизни. Иногда кажется, что все это сон.

— Перед свадьбой все так говорят.

И Турандот звучно хлопнул Шарля по ляжке, чуть не вызвав тем самым аварию.

— Не мешай, — бросил ему Шарль.

— Да не в том дело, — запротестовала Мадлен, — я думала не только о свадьбе, а вообще.

— И это единственная возможность, — изрек тоном знатока Пьянье.

— Единственная возможность чего?

— Того, что ты сказала.

(молчание).

— И все-таки существование такая тощища, — сказала Мадлен (вздох).

— Да нет, — не согласился Пьянье, — вовсе нет.

— Ты говоришь, говоришь, — выступил Зеленец, — и это все, что ты можешь.

— Однако он не часто меняет пластинку, — заметил Пьянье.

— Может, ты хочешь сказать, что он бездарь? — крикнул Турандот через плечо.

Шарль, которому Зеленец всегда был до лампочки, повернулся к хозяину попугая и вполголоса сказал:

— Спроси, как насчет женитьбы, все на мази?

— У кого спросить-то? У Зеленца?

— Не притворяйся глупее, чем ты есть.

— Уж и пошутить нельзя, — задушевно обиделся Турандот.

После чего крикнул, не оборачиваясь:

— Мадо На Цырлачках!

— Чего? — ответила Мадлен.

— Шарль спрашивает, по-прежнему ли ты хочешь его в мужья.

— Да, — непререкаемо отвечала Мадлен.

Турандот повернулся к Шарлю и спросил у него:

— По-прежнему ли ты хочешь взять Мадо На Цырлачках в жены?

— Да, — непререкаемо ответил Шарль.

— В таком случае, — не менее непререкаемым

голосом возвестил Турандот, — объявляю вас мужем и женой.

— Аминь, — подтвердил Пьянье.

— Очень глупо, — взъярилась Мадден. — Дурацкая шутка.

— Почему? — поинтересовался Турандот. — Ты хочешь или нет? Надо же знать, в конце концов.

— А я говорю, что ваша шутка дурацкая.

— Я вовсе не шутил. Я уже давно хотел поженить вас с Шарлем.

— Не копались бы в чужой заднице, мсе Турандот.

— Последнее слово принадлежит ей, — примиряюще произнес Шарль. — Потому как мы приехали. Все высаживаются. Я поставлю машину и присоединюсь к вам.

— Вот и хорошо, — сказал Турандот, — а то у меня уже шея заболела. Ты на меня не злишься?

— Нет, — отвечала Мадлен. — На дураков не злятся.

Адмирал в парадном мундире подбежал открыть дверцы.

— Уй, какая цыпочка! — воскликнул он, увидев попугая. — Она что, тоже?

Зеленец проскрежетал:

— Ты говоришь, говоришь, и это все, что ты

можешь.

— Ишь ты, — удивился адмирал, — похоже, она сердится.

И он обратился к приехавшим:

— Вы, что ли, гости Габриеллы? Это видно с первого взгляда.

— Ну ты, жопник, — обрезал его Турандот, — будь поучтивей.

— И оно тоже хочет посмотреть Габриеллу?

Адмирал смотрел на попугая с таким видом, будто от вида попугая его тянет блевать.

— А он что, тебе мешает? — спросил Турандот.

— В некотором смысле, — подтвердил адмирал. — Этот вид представителей животного мира вызывает у меня комплексы.

— А пошел бы ты к психеаннулитику, — сказал Пьянье.

— Да я уж пытался аннулизировать свои сны, — отвечал адмирал, — но они какие-то неинтересные. Ничего не получается.

— А чего вам снится? — поинтересовался Пьянье.

— Кормилицы.

— Фу, дрянь какая, — решил пошутить Турандот.

Шарль нашел место и поставил свою колы-

магу.

— Вы чего это до сих пор у входа толчетесь? — недовольно спросил он.

— Уй, какая злючка противненькая, — сказал адмирал.

— Мне такие шутки не нравятся, — заявил таксяра.

— Учту, — пообещал адмирал.

— Ты говоришь, говоришь... — встрял Зеленец.

— Ну и шум вы тут подняли, — сказал им появившийся Габриель, — Давайте заходите. Не бойтесь. Обычная клиентура еще не собралась. Только туристы. И Зази. Заходите, заходите. Сейчас вы поржете в свое удовольствие.

— Почему ты позвал нас именно сегодя вечером? — спросил Турандот.

— Ведь вы всегда, — продолжил ту же мысль Пьянье, — набрасывали стыдливый покров неведения на обстоятельства своей профессиональной деятельности.

— И вы никогда не позволяли нам восхищаться вашим искусством, — добавила Мадлен.

— Да уж, — подтвердил Зеленец, — мы совершенно не понимаем ни хик этого нунка, ни квид

этого квода[21][*].

Габриель, проигнорировав выступление попугая, ответил на предшествующие замечания в таковых вот словах:

— Ах, почему? Вы спрашиваете почему? Вопрос нелепый, коль не знаешь ни кто, ни что, ни самого ответа. Но почему? Да, почему? Вы спрашиваете почему? О нет, позвольте в сей блаженный миг напомнить вам про слиянье бытия с тем почти что почему[*], что происходит в этих тиглях задатков и закладов. Ах почему ах почему ах почему вы спрашиваете почему? Ужель не слышите вы, как трепещут глоксинии среди эпиталам?

— Ты это нам рассказываешь? — поинтересовался Шарль, который иногда был не прочь позабавиться кроссвордом.

— Нет, нет, отнюдь, — промолвил Габриель. — Но посмотрите. Посмотрите!

Занавес красного бархата магическим образом

---

[21] Примечания: 21

Здесь этого теперь, что этого что *(лат.).*

[*] Примечания: *

...ни хик этого нунка, ни квид этого квода. — Обыгрывание двух латинских изречений: hic et nunc (здесь и сейчас) и quid est quod (какова причина, по которой...). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

...почти что почему... — Шутливая отсылка к философу Владимиру Янкелевичу, автору работы «Я-не-знаю-что и почти-ничего» (1947). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

разошелся по серединной линии, явив восхищенным глазам посетителей стойку, столики, эстраду и центральный круг «Золотого петуха», этого ночного кабаре педеросеков, в каковых недостатка, как известно, нету, хотя пока что постоянные завсегдатаи еще не собрались и пустоту заведения лишь слегка оживляло противоестественное присутствие последователей чичероне Габриеля, оргией которых председательствовало и предводительствовало юное существо Зази.

— Дайте им сесть, о благородные чужеземцы, — обратился к ним Габриель.

И те, беспредельно верящие своему вожатаю, зашевелились, дабы дать возможность новоприбывшим втиснуться между ними. Произошло некоторое смешение, Зеленца установили на краю стола. Он выказывал живейшее удовлетворение, рассеивая вокруг шелуху семечек подсолнуха.

Одна шотландец, а точнее, халдей из этого заведения, глянув на Зеленца, громогласно высказала свое мнение.

— Бывают же такие извращенцы, — выразилась он. — Да я б никогда с таким зеленым...

— Слушай ты, жирная задница, — возмутился Турандот, — уж не думаешь ли ты, что выглядишь

нормальным человеком в этом своем юбчешнике?

— Не накатывай на него, — успокоил Турандота Габриель, — это его производственная одежда. А Зеленца, — обратился он к шотландцу, — пригласил я, так что заткнись и свое мнение засунь себе сама знаешь куда.

— Здорово ты ее срезал, — похвалил Турандот, победительно глядя на шотландца, и поинтересовался: — Так чем же нас тут угостят? Шампанским или как?

— Шампанское здесь входит в программу, — объявила шотландец. — Разве что закажете уиски. Если, конечно, сечете, что это такое.

— И это она мне! — вскипел Турандот. — Мне, который уже не знаю сколько в распивочнодержательном деле!

— Сразу надо говорить, — сказала шотландец, чистя юбчешник тыльной стороной ладони.

— Ладно, — распорядился Габриель, — волоки нам фирменную шипучку.

— Сколько бутылок?

— Это зависит, почем цена, — заметил Турандот.

— Я ж тебе уже сказал: плачу я, — объяснил Габриель.

— Так я ж твои интересы ублюду, — сказал Турандот.

— Ишь, противненькая, какая она прижимистая, — отметила шотландец, ущипнув Турандота за ушко, и тотчас же удалилась. — Я притараню гросс.

— Какой еще гросс? — спросила Зази, мгновенно влезая в разговор.

— Это значит дюжину дюжин бутылок, — пояснил Габриель с присущим ему размахом.

Только после этого Зази удостоила вниманием вновь прибывших.

— Эй, таксяра, — обратилась она к Шарлю, — говорят, вы женитесь?

— Говорят, — лаконично ответил Шарль.

— Значит, нашли девушку своей мечты?

И Зази влепилась взглядом в Мадлен.

— Эту, что ли?

— Здравствуйте, мадмуазель, — душевно приветствовала ее Мадлен.

— Привет, — сказала Зази.

После чего повернулась к вдове Аз, дабы оповестить ее.

— Эти двое, — ткнула она пальцем в оба предмета разговора, — женятся.

— Ах, как это волнительно! — воскликнула

вдова Аз. — А мой бедняжка Зашибю, быть может, в эту темную ночь получает смертельный удар. В конце концов (вздох), он сам выбрал эту профессию (молчание). Но было бы страшно смешно, если б я вторично овдовела, даже не успев выйти замуж.

И она сдавленно хихикнула.

— Что это за чокнутая? — спросил у Габриеля Турандот.

— Не знаю. Со второй половины дня прилепилась к нам, как дерьмо к подошве, вместе с легавым, которого она по пути подклеила.

— А кто тут легавый?

— Не, он пошел делать обход.

— Не нравится мне эта компания, — сказал Шарль.

— Точно, — согласился Турандот. — Как бы не влипнуть куда.

— Да перестаньте, — сказал Габриель. — Не о чем беспокоиться. О, вот и шипучка! Ура! Возлакайте ее, дорогие мои друзья, и туристы, и ты, возлюбленная племянница, и вы, нежные жених и невеста. Мы не должны забывать про жениха и невесту. Тост! Тост за жениха и невесту!

Растроганные туристы пропели хором хеппибредятину, а одна из служанок-шотландцев

смахнул навернувшуюся на буркалы слезу, которая могла бы попортить на ее лице штукатурку.

Габриель же, наполнив бокал пенно-газовым пойлом, что заставило всех собравшихся — таким он пользовался престижем — умолкнуть, сел верхом на стул и произнес:

— Мои барашки и вы, милые дамы, овечки мои, наконец-то вы поимеете возможность оценить мои таланты. Как вы, несомненно, знаете уже издавна, хотя некоторые из вас узнали об этом совсем недавно, именно из вымен хореографического искусства я выдаиваю свои основные доходы. Жить-то надо, не так ли? А чем мы живем, спрошу я вас. Духом времени, разумеется, — по крайней мере, частично, и, замечу я, он-то нас и убивает, — но главным образом той живительной сущностью, каковой являются башли, сиречь деньги. Сей медоносный, сладчайший и многоисходный продукт испаряется с необычайной быстротой, меж тем как добывается лишь в поте лица своего, по крайней мере, эксплуатируемыми мира сего, к которым принадлежу я и первый из которых назывался Адам, ставший жертвой, как всем известно, тиранства Элохимов. И хотя его прокорм и проживание в Эдеме обходилось им, с точки зрения современного человека, не

так уж и дорого, они услали его в колонии, дабы он орал там землю и взращивал грейфрукты, и к тому ж запретили гипнотизерам облегчить роды его супружнице, а змиев принудили взять ноги в руки. Короче, полное головозадурительство и библеистские забобоны. Но как бы там ни было, я умастил свои коленостопные суставы пресловутым потом лица своего и подобным эдемо-адамическим способом зарабатываю себе на хлеб насущный, который даждь нам днесь. Через несколько мгновений вы увидите меня в действии, но — внимание! — не совершите ошибку: то, что вы узрите, вовсе не какой-нибудь там обычный скриптиз, но искусство! Искусство с большой буквы Ы, запомните это. Ыскусство из девяти букв, а девятибуквенные слова стократ возвышенней и совершенней слов из восьми букв, не говоря уже о словах в пять, четыре и три буквы, которые привносят в язык сплошные неприличности, и еще неясно, какие грязнее. В конце моего дискурса я могу лишь выразить вам свою благодарность и бесконечную признательность за те бурные, долго не смолкающие аплодисменты, которыми вы увенчаете меня и мое высокое искусство. Благодарю вас! Заранее огромное мерси! Еще раз спасибо!

И, вскочив с места столь же неожиданно, сколь и пластично, гигант проделал несколько антраша, плавно поводя руками за спиной на предмет изображения порхатой бабочки.

Эта демонстрация таланта привела туристов в трудноописуемый восторг.

— Go[22], бабонька! — кричали они, желая вдохновить его.

— Выдай! — орал Турандот, который ни разу еще не пил такого великолепного шампуньского.

— Уй, какая шумливая, — заметила один официантка-шотландец.

И покуда новые посетители вливались потоками в заведение, подвозимые обычными для здешних климатических условий автобусами, Габриель неожиданно вернулся и с мрачным видом сел на свое место.

— Что-нибудь не так, мосье Габриель? — вежливо осведомилась Мадлен.

— Мне страшно.

— Во мудозвонец, — бросил Шарль.

— Вот такая моя невезуха, — заметила Зази.

— Ты говоришь, говоришь, — выступил Зеле-

---

[22] Примечания: 22
А ну-ка *(англ.).*

нец, — и это все, что ты можешь.

— А ведь эта скотина что ни скажет, все в строку, — отметила один официантка-шотландец.

— Не бзди, Габи, — сказал Турандот.

— Ты представь, что тут обычные посетители, — посоветовала Зази.

— Ну доставьте мне удовольствие, — кокетливо просюсюкала вдова Аз.

— А вас, — сказал Габриель, — я вообще в упор не вижу. Нет, друзья мои, — продолжил он, отвечая на пожелания остальных, — дело не только в этом (вздох) (молчание), просто мне бы очень хотелось, чтобы Марселина тоже смогла потрястись моим искусством.

И тут объявили первый номер программы: пламенную карамбу в исполнении пары миловидных мартиниканцев.

XV

Марселина задремала в кресле. Но вдруг что-то разбудило ее. Помаргивая со сна, она глянула на часы, однако ни к каким определенным выводам не пришла, пока наконец не сообразила, что кто-то тихонько стучится в дверь.

Она тут же погасила свет и замерла. Нет, то

явно был не Габриель, потому что если бы это он возвратился вместе с компанией, то они такого бы шума наделали, что проснулся бы весь квартал. Это не могла быть и полиция, поскольку солнце еще не взошло. Что же до предположения, будто какой-то громила решил посягнуть на хранящиеся в чулке Габриеля сбережения, то подобная гипотеза не могла вызвать ничего, кроме улыбки.

Наступила тишина, потом этот кто-то стал поворачивать ручку. Поскольку это не дало желаемого результата, вышеупомянутый кто-то стал ковыряться в замке. Ковыряние продолжалось некоторое время. Явно не специалист, подумала Марселина. Но в конце концов дверь открылась.

Вошел этот кто-то не сразу. Марселина дышала так тихо и осмотрительно, что вторгшийся не мог слышать ее.

Наконец он сделал шаг вперед. Зашарил рукой по стене, ища выключатель. Наконец нащупал, и в прихожей загорелся свет.

Марселина сразу узнала его силуэт: то был тип, назвавшийся Педро-Остаточник. Но когда он зажег свет в комнате, где находилась она, то Марселина сперва решила, что ошиблась: сейчас на нем не было ни усов, ни темных очков.

Он держал в руках башмаки и улыбался.

— Перетрухнули небось? — галантно осведомился он.

— Ничуть, — кротко ответила Марселина.

И покуда он, сидя в полном молчании, надевал свои солдатские башмаки на резиновом ходу, Марселина установила, что первичная идентификация отнюдь не была ошибочной. Это и вправду был тот самый субчик, которого Габриель спустил с лестницы.

Обувшись, он снова с улыбкой взглянул на Марселину.

— А вот на сей раз, — сказал он, — я бы не отказался от стаканчика гранатового сиропа.

— Почему «на сей раз»? — спросила Марселина, взяв последние слова вопроса в кавычки.

— А вы не узнали меня?

Некоторое время Марселина пребывала в нерешительности, потом подтвердила, что да (жест).

— И вы не спрашиваете, что я делаю здесь в такой час?

— Вы тонкий психолог, мосье Педро.

— Мосье Педро? Откуда это «мосье Педро»? — спросил страшно заинтригованный субчик, беря «мосье Педро» в целую вереницу кавычек.

— Но ведь именно так вы представились сего-

дня утром, — кротко ответила Марселина.

— Ах, так... — развязно протянул субчик. — А я и забыл.

(молчание).

— Ну и что? — повторил он. — Вы не спросите меня, что я намерен делать здесь в такой час?

— Нет, не спрошу.

— Жаль, — сказал субчик. — Потому что я ответил бы вам, что пришел, чтобы принять предложение выпить стаканчик гранатового сиропа.

Марселина кротко и тихо обратилась к самой себе, делясь с собою следующим умозаключением:

«Он хочет, чтобы я сказала ему, что это идиотский предлог, но я ни в коем случае не доставлю ему такого удовольствия».

Субчик огляделся вокруг.

— Он там? (жест).

И он указал на жуткого вида буфет.

Поскольку Марселина не ответила, субчик пожал плечами, встал, открыл дверцы и извлек бутылку и два стакана.

— Может, вы тоже чуточку выпьете? — предложил он.

— Боюсь, что после мне будет трудно заснуть, — кротко ответила Марселина.

Субчик не стал настаивать. Сам же выпил.

— Редкостная гадость, — как бы между прочим заметил он.

Марселина от комментариев воздержалась.

— Они еще не вернулись? — спросил субчик, чтобы что-то сказать.

— Как видите. Иначе вы были бы уже внизу.

— Габриелла, — мечтательно протянул субчик (пауза). — Смешно (пауза). Поистине смешно.

Он допил стакан и передернулся от отвращения.

— Фу, — пробормотал он.

В комнате вновь повисло молчание.

Наконец субчик решился.

— Так вот, — сказал он, — я обязан задать вам несколько вопросов.

— Задавайте, — кротко согласилась Марселина, — но отвечать на них я не буду.

— Придется, — заявил субчик. — Я — инспектор полиции Бердан Пуаре.

Марселина рассмеялась.

— Вот мое удостоверение, — обиженно сказал субчик.

И он издали продемонстрировал его Марселине.

— Оно поддельное, — сказала Марселина. —

Это видно с одного взгляда. И потом, если бы вы были настоящим инспектором, то знали бы, что расследование так не ведется. Вы даже не дали себе труда прочесть хотя бы один детектив, разумеется французский, тогда бы вы все знали. Вас можно обвинить в следующих противозаконных действиях: взлом, насильственное проникновение в квартиру, нарушение неприкосновенности жилища.

— Возможно, насильственное проникновение и еще кое-куда.

— Простите? — кротко осведомилась Марселина.

— Ну ладно, — сказал субчик, — я безумно втрескался в вас. Едва вас увидев, я сказал себе: я больше не смогу жить на этой земле, если не поимею ее, и тут же добавил: если не поимею ее как можно скорей. Я не могу ждать. Я страшно нетерпелив, такой уж у меня характер. И тогда я сказал себе: сегодня вечером я обрету свое счастье, потому что божественная[*] — это вы — будет одна-одинешенька в своем гнездышке, так как все жильцы дома этого болвана Турандота, включая и его самого, пойдут в «Золотой петух»

---

[*] Примечания: *

Божественная — прозвище пленительной и таинственной кинозвезды Греты Гарбо (1905–990). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

восторгаться дрыгоножеством Габриеллы. Габриелла! (молчание). Смешно (молчание). Поистине смешно.

— Откуда вы все это знаете?

— Но ведь я же инспектор Бердан Пуаре.

— Хватит заливать, — сказала Марселина, резко переменив словарь. — Признайтесь, что вы — фальшивый легашник.

— Вы считаете, что легашник — как вы изволили выразиться — не способен влюбиться?

— В таком случае вы просто круглый дурак.

— Что ж, не все полицейские мудрецы.

— Но вы — дурак в квадрате.

— И это все, чем вы можете ответить на мое признание? На мое признание в любви?

— Уж не воображаете ли вы, что я лягу в постель только потому, что меня попросили?

— Я искренне уверен, что в конце концов мое личное обаяние не оставит вас равнодушной.

— Сколько же глупостей приходится выслушивать в жизни.

— Вот увидите. Недолгая задушевная беседа — и сила моего обаяния подействует на вас.

— А если не подействует?

— Тогда я на вас наброшусь. Все просто.

— Что ж, набрасывайтесь. Попробуйте.

— О, время еще есть. Лишь в крайнем случае я прибегну к этому средству, которое, надо признаться, в определенной степени противоречит моему самосознанию.

— Вам следует поторопиться, потому что Габриель вот-вот вернется.

— Да нет же, сегодня он придет не раньше шести.

— Бедняжка Зази, — кротко заметила Марселина, — она ужасно устанет, а ведь ей в шесть шестьдесят надо на поезд.

— Да плевать на Зази! Соплячки мне отвратительны, такие тощие, тьфу! А вот красивая особа вроде вас, в теле...

— И однако все утро вы шастали по пятам за бедной малышкой...

— Не, так нельзя сказать. Как-никак это я ее привел к вам. К тому же я только начинал день. Но едва я увидел вас...

Ночной посетитель взглянул на Марселину, придав себе крайне меланхолический взгляд, после чего решительно схватил бутылку с гранатовым сиропом и наполнил этим напитком стакан, содержимое которого выпил залпом, поставив на стол то, что не поддалось пищеперевариванию; именно так в аналогичных

обстоятельствах поступают с косточкой отбивной котлеты или хребтиной камбалы.

— У-уй, — с отвращением передернулся он, проглотив напиток, который сам выбрал и который потребил внутрь таким манером, каким обычно потребляют водку.

Он вытер липкие губы тыльной стороной ладони (левой), а завершив эту операцию, продолжил объявленный ранее сеанс обаивания.

— Я, — как бы между прочим объявил он, — по натуре ветреник. Провинциальная девчонка ничуть не интересовала меня, несмотря на ее смертоубийственные истории. Это я про сегодняшнее утро. Но вот днем я наткнулся на бабца высокого полета, это видно было с первого взгляда. Баронесса Аз. Вдова. Она смертельно втюрилась в меня. За пять минут вся жизнь ее перевернулась. Надо отметить, что как раз тогда я был в своем самом выигрышном наряде регулировщика уличного движения. Я обожаю его. Вы просто представить не можете, как я развлекаюсь в этой форме. Больше всего я люблю свистком остановить такси и сесть в машину. Кретин водила трясется. А я ему приказываю везти меня домой. Он прямо шалеет от радости (молчание). Наверно, вы находите, что я чуточку сноб, да?

— У каждого барана свои фантазии.

— Я пока еще вас не обаял?

— Нет.

Бердан Пуаре прокашлялся, после чего продолжил в следующих выражениях:

— Да, надо бы вам знать, как я встретил эту вдову.

— А мне плевать, — кротко ответила Марселина.

— Но все равно я сплавил ее в «Золотой петух». Как вы понимаете, хореографические экзерсисы Габриеллы (Габриеллы!) мне абсолютно до барабана. А вот вы... от вас я сексуально шалею.

— Послушайте-ка, мосье Педро-Остаточник, вам не стыдно?

— Стыдно... стыдно... это слишком сильно сказано. Можно ли быть деликатным, когда злословишь? (пауза). И потом, не называйте меня Педро-Остаточником. Меня это раздражает. Эту кликуху я придумал в один миг, по наитию, для Габриеллы (Габриеллы!), но я к ней не привык и никогда не использовал ее. У меня есть много других, которые ко мне куда больше подходят.

— Например, Бердан Пуаре?

— Например. Или та, которую я использую всякий раз, когда наде***ю***сь полицейским (мол-

чание).

Похоже, что-то его смущало.

— Наде***ю***сь, — страдальчески повторил он. — Это правильно: я наде***ю***сь? Или же: я наде́юсь? Нет, говорят: наде́юсь. Что вы об этом думаете, прелестница моя?

— И не надейтесь.

— Да я вовсе не о том. Значит всякий раз, когда я надеюсь...

— Переодеваюсь в легавого.

— Нет! Ни в коем случае! Это вовсе не переодевание! Кто вам сказал, что я не настоящий легавый?

Марселина пожала плечами.

— Хорошо, вы одеваетесь.

— Надеваетесь, моя прелестница. Правильно говорят: надеваетесь.

Марселина взорвалась:

— Надеваетесь! Надеваетесь! Да вы совершенно неграмотный! Правильно будет: одеваетесь.

— Не надейтесь, что я вам поверю.

У него был обиженный вид.

— Посмотрите в словарь.

— Посмотреть в словарь? Но у меня нет с собой словаря. И дома тоже нету. Уж не думаете ли вы, что у меня есть время читать? При моей-то

занятости?

— Там у нас есть (жест).

— Ишь ты, — удивился он. — Так вы, ко всему прочему, еще интеллектуалка?

Однако с места он не стронулся.

— Хотите, чтобы я принесла? — кротко осведомилась Марселина.

— Нет, я уж сам.

С недоверчивым видом субчик направился к этажерке, не спуская глаз с Марселины. Возвратясь же с книжищей, принялся изучать ее, полностью погрузившись в это занятие.

— Так, посмотрим... Надири, персидская монета... надкостница... надраги... надхвостная железа... Нету здесь.

— Надо смотреть перед розовыми страницами.

— А что, интересно, на розовых страницах?.. Более чем уверен, пакости какие-нибудь... Ах нет, это латынь... Nach Hause... Nascetur ridiculus mus[23]... тоже нету.

— Я же вам сказала: перед розовыми страницами.

— Черт, как сложно! Ага, вот наконец-то слова, которые все знают: надбить... надворье... надгроб-

---

[23] Примечания: 23

Домой... Родится смешная мышь *(нем., лат.).*

ный... надебоширить... Ага, вот! На самом верху страницы. Надевать. Смотри-ка, даже ударение поставлено. Итак, надевать... надеваю, надеваешь... Я правильно говорил... О, вот и возвратная форма: надеваться... Но тут только один вариант — надевается... Странно... поистине странно... Ладно. А раздеваться?.. Поглядим-ка раздеваться... Значит... раздавиться... раздалбливаться... раздвоиться... а вот и раздеваться... Спрягается как одеваться... Значит, говорить надо: раздевайтесь... Ну что ж, прелестница моя, — внезапно взревел он, — раздевайтесь! Да поживей! Совсем! Догола!

Глаза его налились кровью, тем паче что Марселина столь же всецело, сколь и неожиданно, исчезла.

Держась одной рукой за выступающие камни, а в другой держа чемодан, она с необыкновенной легкостью спускалась по стене, и вот ей осталось лишь сделать несложный прыжок с высоты трех с небольшим метров, чтобы успешно завершить побег.

В следующую секунду Марселина скрылась за углом.

XVI

Зашибю снова наделся в форму мусормена. На маленькой площади неподалеку от «Золотого петуха» он меланхолически дожидался, когда закроется вышеупомянутое увеселительное заведение. Он задумчиво (с виду) посматривал на компанию клошаров, что спали на решетке вентиляционного колодца метро, пользуясь средиземноморским теплом, которое излучалось из его жерла и которое не смогла остудить даже забастовка. На несколько секунд он обратился мыслью к тщетности всех деяний людских, а равно и к зыбкости как тех планов, что строят мыши, так и тех, что строят антропоиды[*], после чего позавидовал — всего на мгновение, не станем преувеличивать — судьбе этих обездоленных, да, возможно, и обездоленных, но зато свободных от рабской покорности социальным обязательствам и светским условностям. Зашибю испустил вздох.

---

[*] Примечания: *

...зыбкости как тех планов, что строят мыши, так и тех, что строят антропоиды. — Отсылка к стихотворению Р. Бернса «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Подобно эху, ответом его вздоху прозвучало душераздирающее рыдание, и оно внесло смятение в зашибютельскую задумчивость. Чтозачерт, чтозачерт, чтозачерт, прошелестела зашибютельская задумчивость, в свой черед надеваясь в форму мусормена, и зоркий ее зрак, пронизая мрак, вмиг открыл источник звукового вмешательства в обличье неизвестной личности, сидящей на скамейке. Зашибю приблизился к оной личности, предпринимая все необходимые меры предосторожности. Клошары же продолжали дрыхнуть, чувствуя присутствие рядом ближних своих. Неизвестная личность притворялась, будто дремлет, что ни в коей мере не принесло успокоения Зашибю, но тем не менее не помешало ему обратиться к личности с нижеследующими словами:

— Что вы тут делаете? Да еще в столь поздний час?

— А вам что за дело? — отвечал некто Х.

Надо сказать, что Зашибю уже задавал этот же самый вопрос себе, когда готовил вопросы некоему Х. И впрямь, ему-то какое дело? Этого требовал профессиональный долг, да, профессиональный долг, воплощенный в его надеянии, однако после утраты Марселины ему полагалось

бы смягчить жесткую шкуру своего поведения в сперме сжигающих его желаний. Борясь с пагубной этой склонностью, он продолжил беседу в следующем духе:

— Да уж есть дело, есть.

Так он ответил.

— Раз так, — сказал неизвестный, — тогда другое дело.

— В таком случае позвольте вновь сформулирить предложение допросной формы, которое я только что предложил вашему вниманию.

— Сформулировать, — сказал неизвестный.

— Да, сформулиривать, — сказал Зашибю.

— Сформулировать, через о, — сказал неизвестный.

— Ну да, да, сформулиривать, — раздражился Зашибю. — Правильное произношение — это не самая сильная моя сторона. Столько подвохов... Ладно, проехали. Итак?

— Что «итак»?

— Мой вопрос.

— Да? — сказал неизвестный. — А я уже забыл его. Столько времени прошло.

— Так что ж, начинать все сначала?

— Похоже на то.

— О, до чего же все это утомительно.

Зашибю удержался от вздоха, опасаясь соответствующей реакции собеседника.

— А вы постарайтесь, — по доброте душевной предложил тот, — напрягитесь чуток.

Зашибю напрягся и изверг:

— Фамилия имя дата рождения место рождения номер свидетельства социального страхования номер банковского счета номер сберегательной книжки квитанция за жилье квитанция за воду квитанция за газ квитанция за свет проездной на метро проездной на автобус квитанция по кредиту паспорт холодильника ключи продовольственные карточки чистый бланк с образцом подписи пропуск папская булла и тутти-фрутти выкладывайте без звука ваши документы. Я уж не требую ничего автомашинного а именно водительские права запасной фонарь заграничный паспорт поскольку все это превосходит ваши возможности.

— Господин полицейский, видите вон там (жест) автобус?

— Ну.

— Так я его водитель.

— А-а.

— А вы не больно-то памятливы. Все еще не узнали меня?

Чуток успокоившись, Зашибю сел рядом с ним.

— Вы позволите? — предварительно спросил он.

— Разумеется.

— Дело в том, что это не совсем по правилам.

(молчание).

— Правда, — добавил Зашибю, — если говорить о правилах, то сегодня у меня все кувырком.

— Неприятности?

— И еще какие.

(молчание).

Зашибю пояснил:

— Все из-за женщин.

(молчание).

Зашибю продолжил:

— ...меня просто распирает желание исповедаться... м-да, исповедаться... короче, душу излить... я ведь такого могу нарассказать...

(молчание).

— Понятно, — сказал Федор Балванович.

Комарик по дурости полетел на свет фонаря. Прежде чем впиться в кожу очередного кормильца, он хотел малость согреться. И преуспел в этом. Его обугленный трупик медленно опускался на желтый асфальт.

— Так валяйте, — сказал Федор Балванович, — а

то я начну рассказывать.

— Не, не, — запротестовал Зашибю, — поговорим еще капельку обо мне.

Почесав участок кожи под волосяным покровом алчным до скреба и грязескребущим ногтем, он произнес слова, которым не преминул придать оттенок беспристрастности и даже некоего благородства. А слова эти были таковыми:

— Я ничего не стану вам рассказывать ни про свое детство, ни про отрочество. О воспитании своем умолчу, потому как я его не получил, об образовании тоже, поскольку оно у меня чрезмерно начальное. Уж так сложилось, и так обстоят у меня дела. И теперь мы подошли к годам моей действительной военной службы, о которых я распространяться не стану. Я холост с молодых-юных лет, и жизнь сделала меня тем, кем я стал.

Он умолк и погрузился в раздумья.

— Давайте продолжайте, — сказал Федор Балванович, — а не то я начну.

— Определенно, — сказал Зашибю, — все пошло наперекосяк... и все из-за женщины, которую я встретил этом утром.

— Этим утром.

— Ну да, этом утром.

— Этим утром. Не о, а и.

— Этим утром.

— Это что, тот бабец, что таскается за Габриелем?

— Нет, нет, не она. Кстати, она меня разочаровала. Позволила мне уйти по моим профессиональным делам, причем каким профессиональным делам, и даже не сделала вида, что хочет меня удержать. Единственно, чего ей хотелось, это увидеть, как танцует Габриелла... Габриелла... смешно... поистине смешно.

— Вы верно сказали, — поддержал его Федор Балванович. — Во всем Париже ничто не может сравниться с номером Габриеля, а уж я-то досконально знаю увеселительно-ночную жизнь этого города.

— Повезло вам, — рассеянно заметил Зашибю.

— Но позвольте уж вам признаться, я столько раз видел номер Габриеля, что сыт им по горло. И потом, он не желает придумать ничего новенького. Но тут ничего не попишешь, такой уж народ артисты. Стоит им что-то найти, и они будут эксплуатировать это до упора. И надо сказать, все они такие, каждый в своем жанре.

— А я нет, — в простоте душевной заявил Зашибю. — Я постоянно меняю свои приемы.

— Потому что вы еще не нашли то, что надо. Да,

да, вы еще в поиске. Но в один прекрасный день вы найдете что-нибудь стоящее и на том остановитесь. Потому что пока все, что вам удавалось найти, было не слишком блестящим. Да достаточно на вас поглядеть: вид у вас довольно жалкий.

— Даже в форме?

— А она ничего не меняет.

Подавленный Зашибю замолчал.

— Так к чему вы это все? — поинтересовался Федор Балванович.

— Даже не знаю. Я жду мадам Аз.

— А я всего лишь жду своих дураков, чтоб отвезти их в гостиницу, потому как ранним утром они канают в Гибралтар, к седым камням. Такой у них маршрут.

— Повезло им, — рассеянно пробормотал Зашибю.

Федор Балванович пожал плечами и не соизволил как-нибудь прокомментировать это высказывание.

Именно в этот момент прозвучали протестующие вопли: «Золотой петух» закрывался.

— Не так чтоб очень поздно, — заметил Федор Балванович.

Он встал и направился к своему автобусу. Так и ушел, без всякого спасиба и до свиданья.

Зашибю тоже встал. Потоптался в нерешительности. Клошары дрыхли. Комар погиб.

Федор Балванович несколько раз гуднул, созывая своих агнцев. Те же изливались во взаимопоздравлениях с прекрасным, чудесным вечером, который они поимели, и вовсю тарабанили на тарабарском, пытаясь перевести свои впечатления на туземное наречие. Приступили к обряду прощания. Женский элемент стремился уцеловать Габриеля, мужской не решался.

— Эй вы там, потише галдите! — крикнул адмирал.

Туристы потихоньку забирались в автобус. Федор Балванович зевал.

А Зеленец спал в своей клетке, которую нес Турандот. Зази героически боролась с сонливостью, не желая уподобляться Зеленцу. Шарль поплелся за своей колымагой.

— Ну что, шалунишка, — осведомилась вдовица Аз, увидев направляющегося к ней Зашибю, — весело провели время?

— Совсем даже наоброт, совсем наоборот, — отвечал Зашибю.

— А мы замечательно развлеклись. Мосье Габриель такой забавник.

— Благодарю, — сказал Габриель. — И все же

не забывайте про искусство. Это было не только развлечение, но и высокое искусство.

— А он не торопится со своей таратайкой, — заметил Турандот.

— А ей понравилось? — поинтересовался адмирал, имея в виду попугая, который спал, сунув клюв под крыло.

— Да, ему будет что вспомнить, — сказал Турандот.

Последние туристы забрались в автобус. Они клялись написать (жесты).

— Хо-хо! — кричал Габриель. — Адьос амигос, чин-чин, до скорого!

И автобус тронулся, увозя восхищенных чужеземцев. Уже сегодня ранним-ранним утром они отвалят в Гибралтар, к седым камням. Такой у них маршрут.

Подкатило такси Шарля.

— Народу слишком много, все не влезут, — отметила Зази.

— Не имеет значения, — сказал Габриель. — Сейчас мы идем потреблять луковый суп.

— Нет уж, спасибо, — ответил Шарль. — Я домой.

Произнесено это было довольно сухо.

— Мадо, ты едешь?

Мадлен уселась рядом с будущим спутником жизни.

— До свидания! — кричала она в окошко. — Большое спасибо за прекрасный, за чу...

Продолжения услышать не удалось. Такси умчалось.

— Если бы мы были в Америке, — заметил Габриель, — то осыпали бы их рисом.

— Ты это видел в старых фильмах, — сказала Зази. — Теперь в конце женятся реже, чем в твое время. И вообще мне больше нравится, когда под конец всех перестреливают.

— А я вот предпочитаю рис, — высказалась вдова Аз.

— Вас вроде не спрашивали, — бросила Зази.

— Мадмуазель, — вмешался Зашибю, — вам бы следовало быть повежливей со старшими.

— Ах, как он прекрасен, когда выступает в мою защиту, — вздохнула вдова Аз.

— Ладно, двинули, — сказал Габриель. — Идем в «Куруслепы». Там я шире всего известен.

Вдова Аз и Зашибю последовали за ними.

— Видел? — спросила Зази у Габриеля. — Эта тетка и мусор прямо как пришитые за нами таскаются.

— Не могу же я им запретить, — сказал Габри-

ель. — Они обладают свободой воли.

— Может, ты их пуганешь? Видеть я их больше не могу.

— В жизни в отношениях с людьми надо проявлять больше взаимопонимания.

— Мусор, он тоже человек, — заявила вдова Аз, которая все слышала.

— Я поставлю всем выпивку, — несмело объявил Зашибю.

— Отказать, — сказал Габриель. — Сегодня ночью плачу я.

— Ну всего одну выпивку, — умоляющим голосом канючил Зашибю. — Например, всем по стаканчику мюскаде. Или чего другого, что мне по карману.

— Копи приданое, — отрезал Габриель. — Вот я, к примеру, могу.

— Кстати, — сказал Турандот, — ничего ты нам поставить не сможешь. Ты позабыл, что ты легавый. Я ведь тоже кафе держу, так я ни за что не стану обслуживать легавого, который приволок с собой шайку дружков на предмет промочить глотку.

— У вас что, глаз нету? — поинтересовался Пьянье. — Не узнаете его? Да это же утрешний сатир.

Габриель склонился над Зашибю, дабы детально обследовать его. Все, включая безмерно удивленную и в то же время раздосадованную Зази, ожидали результатов инспекции. Зашибю из соображений самосохранения молчал как вкопанный.

— Куда ты дел усы? — спросил у него Габриель ровным, но в то же время грозным тоном.

— Не причиняйте ему зла, — умоляла вдовица Аз.

Габриель одной рукой взял Зашибю за грудки и поднял его поближе к фонарю, чтобы лучше рассмотреть.

— Да, — сказал он. — Так где же твои усы?

— Дома оставил, — отвечал Зашибю.

— Так ты к тому же и вправду мусор?

— Нет! Нет! — закричал Зашибю. — Я просто переоделся... для развлечения... чтобы вас развлечь... это все равно что ваша пачка... одного пола ягоды...

— Вот и отбить ему половые ягоды, — в приступе внезапного озарения предложил Пьянье.

— Не надо, не причиняйте ему вреда, — умоляла вдовица Аз.

— Он обязан объясниться, — сказал Турандот, сумевший превозмочь тревогу.

— Ты говоришь, говоришь... — пробормотал Зеленец и тут же снова заснул.

Зази помалкивала. Потрясенная происходящими событиями, борясь с сонливостью, она пыталась отыскать манеру поведения, соответствующую ситуации и одновременно распиравшему ее чувству собственного достоинства, однако не преуспела в этом.

Габриель вновь поднял Зашибю вдоль фонарного столба, внимательно всмотрелся, после чего осторожно поставил на ноги и обратился к нему с такими вот словами:

— А какого хрена ты шастаешь за нами?

— Он вовсе не за вами шастает, — сказала вдова Аз, — это он за мной.

— Да, да, — подтвердил Зашибю. — Вы же должны понимать, когда увлечешься милашкой...

— Ты что (ах, как приятно), на меня намекаешь (что он называет), гад? (меня милашкой!) — произнесли одновременно Габриель (и вдова Аз), один с яростью (другая с нежностью).

— Дура несчастная, — сказал Габриель, обращаясь к даме, — он же вам не рассказал, чем занимался.

— Еще не успел, — пролепетал Зашибю.

— Это растленный сексуальный сатир, — ска-

зал Габриель. — Сегодня утром он преследовал малышку до самого дома. С гнусными предложениями.

— Это правда? — вопросила потрясенная вдова Аз.

— Я еще не был знаком с вами, — пролепетал Зашибю.

— Он признает! — возвопила вдова Аз.

— Он признался! — возвопили Турандот и Пьянье.

— А, так ты признаешься! — голосом, подобным грому, произнес Габриель.

— Простите! — кричал Зашибю. — Простите!

— Негодяй! — верещала вдова Аз.

Эти воплеподобные восклицания навлекли из мрака двух легавых велосипидеров.

— Нарушение ночной тишины, — заорал дуэт велосипидеров, — подлунный крик, сногубительный гвалт, срединочный вопеж, рюхаете, чем это чревато?

Так изъяснились велосипидеры.

Габриель осторожненько отпустил грудки Зашибю.

— Минутку! — вскричал Зашибю, засвидетельствовав тем самым безмерную смелость. — Иль вы не распознали меня? Да воззрите же на мою

форму. Я ж легавый, вот мои крылья[*].

И он замахал своей пелериной.

— Откуда ты возник? — спросил велосипидер, который был уполномочен говорить. — Шот тебя никогда тут не видели раньше.

— Возможно, — отвечал дерзновенный Зашибю с отвагой, которую хороший писатель назвал бы не иначе как безумной. — И тем не менее я легавый и легавым остаюсь.

— А они, — с коварной ухмылкой произнес велосипидер, — они (жест) тоже легавые?

— Не подлавливайте меня. Они безобидные, как иссоп[*]. Прямо как святые.

— Шот мне это подозрительно, — сказал говорящий велосипидер. — Святостью от вас не пахнет.

Второй же ограничивался тем, что корчил рожи. Но жуткие.

— Но я прошел первое причастие, — возразил Зашибю.

— После этих слов мне ясно, что ты не легавый!

---

[*] Примечания: *

Я ж легавый, вот мои крылья. — В басне Лафонтена «Летучая мышь и две ласки»: «Je suis oiseau; voyez mes ailes» («Я — птица; смотрите на мои крылья»). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Иссоп — пряное травянистое растение семейства губоцветных с бело-голубыми цветами. Неоднократно упоминается в Ветхом завете. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— вскричал говорящий велосипидер. — Я сразу унюхал в тебе читателя подрывных статеек, которые пытаются заставить поверить в союз кропила и полицейской дубинки. А надобно вам знать (он обратился к остальным), что у фараонов кюре во где сидят (жест).

Мимика эта была воспринята довольно холодно всеми, и только Турандот подхалимски заулыбался. Габриель довольно явно пожал плечами.

— Слушь, ты, — обратился к нему говорящий велосипидер. — От тебя воняет (пауза). Майораном[*].

— Майораном! — с состраданием воскликнул Габриель. — Да это «Топтун» от Дристиана Киора.

— Ну да, — недоверчиво сказал велосипидер. — Поглядим.

И, подойдя, он стал обнюхивать пиджак Габриеля.

— Вроде бы, — почти уже поверив, протянул он. — Поглядите-ка, — обратился он к своему коллеге.

Тот тоже в свой черед принялся обнюхивать

---

[*] Примечания: *

Майоран — душистое травянистое растение с красными и белыми цветами, используется в кулинарии как пряность, в медицине и парфюмерии. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

пиджак.

Закончив, он отрицательно покачал головой.

— Вам не удастся сбить меня со следа, — объявил говорящий велосипидер. — Он воняет майораном.

— Удивляюсь, что вообще могут понимать эти мудаки, — зевая, сказала Зази.

— Вы слышали, рядовой? — сказал говорящий велосипидер. — Слышали? Это здорово смахивает на оскорбление при исполнении служебных.

— Здорово подмахивает, — сонным голосом пробормотала Зази.

И поскольку Габриель и Пьянье расхохотались, она добавила, чтоб они знали и оценили:

— Эту шутку я тоже прочла в мемуарах генерала Вермо.

— Так вот оно что, — сказал велосипидер. — Девчонка издевается над нами, как и этот майорановый.

— Да нет же, — возразил Габриель. — Еще раз повторяю: это «Топтун» от Дристиана Киора.

Вдова Аз подошла к нему и тоже понюхала.

— Это правда, — объявила она велосипидерам.

— Вас не спрашивают, — сказал ей тот, который говорящий.

— Совсем недавно я ей сказала в точности то

же самое, — пробормотала Зази.

— Не мешало бы быть повежливей с дамой, — сделал замечание Зашибю.

— А ты, — сказал ему говорящий велосипидер, — помалкивал бы в тряпочку и не возникал.

— Повежливей с дамой, — повторил Зашибю с мужеством, растрогавшим вдову Аз до глубины души.

— А тебе, несовершеннолетняя соплячка, спать давно пора.

— Ах, ах, — сказала Зази.

— А ну, предъяви документы, — обратился к Зашибю велосипидер, который умел говорить.

— Это неслыханно, — возмутилась вдова Аз.

— Закрой поддувало, старая, — сказал ей велосипидер, который не умел говорить.

— Ах, ах, — сказала Зази.

— Извольте быть вежливей с дамой, — потребовал Зашибю, проявляя безрассудную смелость.

— Вот речь, которая выдает фальшивого легавого, — сказал велосипидер, который умел говорить. — Документы, — заорал он, — да поживей!

— Ухохотаться можно, — сказала Зази.

— Это немножко странно, — сказал Зашибю. — У меня требуют документы, тогда как у них (жест) не требуют ничего.

— М-да, — сказал Габриель, — не слишком-то это красиво.

— Во поносник, — сказал Пьянье.

Но велосипидеров не так-то просто было сбить.

— Документы! — орал который умел говорить.

— Документы! — орал который не умел говорить.

— Нарушение ночной тишины, — громоподобно взревели нивестьоткудаприбывшие фараоны, укомлектованные фургоном с оконцем в клеточку. — Подлунный крик, сногубительный гвалт, срединочный вопеж, рюхаете, чем это чревато?

Наделенные безошибочным чутьем, они тут же унюхали, кто истинные правонарушители, и без колебаний запаковали Зашибю и обоих велосипидеров. И во мгновение ока умчались.

— Есть все-таки справедливость на свете, — отметил Габриель.

Вдова Аз слезно сокрушалась.

— Не плачьте вы, — сказал ей Габриель. — Ваш ухажер все-таки был жуткий притвора. И слежка его надоела. Идемте лучше с нами, навернем лукового супа. Луковый суп утишит страдания и утешит.

XVII

Слезинка капнула на горячий гренок и испарилась.

— Ну, ну, — сказал Габриель вдове Аз. — Перестаньте огорчаться. Потеряли одного, так пять найдете. Старушка вроде вас запросто подклеит какого-нибудь доходягу.

Она вздохнула, еще не вполне убежденная. Гренок скользнул в ложку, и вдова забросила обжигающий этот продукт питания в пищепровод. Каковой и обожгла.

— Вызывайте пожарную команду, — посоветовал ей Габриель.

И он вновь наполнил ее бокал. Вдова Аз каждый раз орошала проглоченное солидной порцией мюскаде.

Зази слилась в сонливости с Зеленцом. Пьянье и Турандот в молчании сражались с волокнами натертого сыра.

— Отменный тут луковый суп, — обратился к ним Габриель. — Прямо как будто ты (жест) бросил туда старые подошвы, а ты (жест) вылил воду после мытья посуды. Но как раз это я и люблю — естественность, без всяких там искусственных

ухищрений. Все только природное.

Оба закивали, но без словесных комментариев.

— Зази, а ты чего не ешь суп?

— Не тревожьте ее, пусть спит, — страдальческим голосом сказала вдова Аз. — Пусть ей приснится сон.

Зази приоткрыла один глаз.

— Смотри-ка, — сказала она, — эта старая жаба еще здесь.

— Надо иметь сострадание к несчастным, — заметил Габриель.

— Вы добрый человек, — сказала вдова Аз. — Не то что она (жест). Известное дело, дети, они бессердечны.

Она опорожнила бокал и показала знаком Габриелю, что страстно желает, чтобы тот опять наполнил его.

— Во бред несет, — сонным голосом пробормотала Зази.

— Да какое это имеет значение? — бросил ей Габриель. — Ведь верно, старая пьянчужка? — обратился он за поддержкой к предмету обсуждения.

— Вы добрый человек, — сказала предмет обсуждения. — Не то что она. Дети, известное дело. Они бессердечны.

— Долго она еще будет нудить? — спросил Турандот у Габриеля, воспользовавшись тем, что вдова совершала очередное успешное заглатывание.

— Вы все жестокие, — сказал Габриель. — Поймите, у этой антикварной древности несчастье.

— Спасибо, — проникновенно произнесла вдова Аз.

— Не за что, — ответил Габриель. — Да, кстати, насчет лукового супа. Надо признать, что это замечательное изобретение.

— Этот? — поинтересовался Пьянье, который уже управился со своей порцией и сейчас энергично соскребал ложкой со дна тарелки прилипшие к фаянсу волокна тертого сыра. — Именно этот или луковый суп вообще?

— Вообще, — решительно произнес Габриель. — Я всегда говорю только вообще. Не признаю полумер.

— Ты прав, — сказал Турандот, который тоже прикончил свою порцию, — некоторые жутко любят на дармовщинку. Доказательство: мюскаде почти не осталось, старуха все вылакала.

— Так вкусное винцо, — с блаженной улыбкой объяснила вдова Аз. — Я вот тоже, когда хочу, говорю вообще.

— Ты говоришь, говоришь, — выступил Зеленец, внезапно проснувшийся по причине, не понятной ни ему самому, ни остальным, — и это все, что ты можешь.

— Я больше не буду, — сказала Зази, отставляя тарелку.

— Погоди, — сказал Габриель, живенько подвигая тарелку к себе, — я доем. Принесите еще две бутылки мюскаде и бутылку гранатового сиропа, — объявил он для сведения официанта, который ошивался поблизости. — И не будем забывать (жест) про него. Может, он тоже чего-нибудь заглотнет.

— Эй, Зеленец, — спросил Турандот, — есть хочешь?

— Ты говоришь, говоришь, — отвечал Зеленец, — и это все, что ты можешь.

— Это значит да, — пояснил Пьянье.

— Ну вот что, не тебе меня учить, что он говорит, — высокомерно бросил Турандот.

— Да я и не думал, — пояснил Пьянье.

— А сказал, — наябедничала вдова Аз.

— Не обостряйте ситуацию, — сказал Габриель.

— Понимаешь, — втолковывал Турандот сапожнику Пьянье, — я понимаю все, что понимаешь ты, и понимаю не хуже тебя. Не такой уж я ду-

рак.

— Ну, если ты понимаешь не хуже меня, — сказал Пьянье, — то ты и вправду не такой дурак, как кажешься.

— У него дурацкий вид, потому он и кажется дураком, — пояснила вдова Аз.

— Ну наглая баба, — сказал Турандот. — Так и ждет, где подкусить.

— Так всегда бывает, если человек не пользуется уважением, — выдал приговор Пьянье. — Любая шваль плюет ему в рожу. Со мной-то она не осмеливается.

— Все люди — мудаки, — с неожиданной энергией оповестила вдова Аз. — И вы не исключение (адресовано это было Пьянье).

За что тут же получила увесистую оплеуху.

Каковую немедленно возвратила.

Но у Пьянье в запасе была еще одна, и она звонко впечаталась в Азовую физию.

— Во здорово! — заорал Турандот.

И он принялся отплясывать между столиками, неловко подражая Габриелле с его бессмертным номером «Умирающий лебедь».

Зази снова заснула. А Зеленец, явно из чувства мести, пытался выдавить свежие экскременты за пределы клетки.

Меж тем обмен оплеухами между Пьянье и вдовой Аз вовсю продолжался, а Габриель вовсю хохотал, глядя, как Турандот задирает ноги.

Однако все это оказалось не по нраву халдеям из «Куруслепов». Двое из них, специализирующиеся на подвигах подобного рода, мигом подхватили Турандота под руки и, обжимая его с двух сторон, выволокли на улицу и швырнули мордой на асфальт, прервав тем самым кружение нескольких унылых такси, которое они вершили в поисках клиентов в прохладе раннего серенького утра.

— Ну нет, — сказал Габриель. — Так не пойдет.

Он встал и, когда халдеи, довольные содеянным, возвращались, дабы приняться за свои профессиональные обязанности, схватил их и стукнул лбами так сильно и так прекрасно, что оба сукиных сына рухнули наземь, причем их головы вошли друг в друга.

— Браво! — в едином порыве вскричали хором Пьянье и вдова Аз, прекратившие для такого дела обмен посланиями.

Но третий халдей, большой спец по части мордобоя, решил одержать молниеносную победу. Прихватив сифон, он задумал врезать всей его массой по кумполу Габриеля. Однако Пьянье предвидел возможность контратаки. Другой

сифон, не менее массивный, взметнулся его стараниями в воздух и в конечной точке своей траектории причинил изрядные повреждения незначительной головенке коварного халдея.

— Во здорово! — взорал Турандот, который обрел-таки вертикальное положение на проезжей части, хотя и с ущербом для тормозов нескольких ночных колесниц, получивших к тому времени статус утренних, и теперь вновь проник в заведение, выказывая благородное желание вступить в бой. И тут со всех сторон полезли орды халдеев. Это ж уму непостижимо, сколько их там было. Они перли из кухонь, из подвалов, из служебок, из подсобок. Их плотная масса поглотила Пьянье, а затем и Турандота, осмелившегося ринуться на них. Но справиться с Габриелем оказалось не так-то легко. Подобно жуку, атакованному полчищами муравьев, подобно быку, облепленному кровососами, Габриель подпрыгивал, взбрыкивал, отряхивался, расшвыривая в разные стороны метательные снаряды в виде человеческих тел, которые крушили столы и стулья либо падали к ногам клиентов.

Шум возникшего недоразумения в конце концов разбудил и Зази. Узрев дядю, осажденного стаей халдеев, она вскричала: «Держись, дядя!»

— и, схватив графин, швырнула его, не целясь, в самую гущу схватки. О, сколь безмерен воинственный дух дщерей Франции. Следуя ее примеру, вдова Аз метала во все стороны пепельницы. О, сколь благотворно действует инстинкт подражания на менее возвышенные натуры. И тут раздался страшный грохот: то Габриель рухнул на посуду, увлекая за собой семерых разнуздавшихся халдеев, пятерых ввязавшихся клиентов и одного эпилептика.

Вскочив, Зази и вдова Аз во мгновение ока оказались рядом с человеческой магмой, клокотавшей среди опилок и фаянсовых осколков. Несколько точно нацеленных ударов сифонами лишили дееспособности нескольких особ со слабыми черепами. Благодаря чему Габриель смог подняться, разодрав, так сказать, пелену, образованную из его неприятелей, и одновременно обнаружив наличие поврежденных и поверженных наземь Пьянье и Турандота. Водогазовые струи, направленные им в рожи женской санитарной частью, привели контуженных в чувство. С этого момента исход сражения не вызывал сомнений.

И покуда пассивные или нейтральные клиенты потихоньку линяли, самые завзятые вместе с хал-

деями, изнемогая, валились под ударами сурового кулака Габриеля, стремительной длани Пьянье и яростной ноги Турандота. Зази и вдова Аз соскребали поверженных с пола и выволакивали из «Куреслепов» на тротуар, где благожелательные болельщики складывали их по доброте душевной в кучу. И только Зеленец не участвовал в гекатомбе, так как в самом начале потасовки получил осколком супницы в промежность и лежал на дне клетки, постанывая: «Очаровательный вечер, очаровательный вечер...» Так что после контузии он сменил пластинку.

Но и без его соучастия была одержана полная виктория.

Расправившись с последним неприятелем, Габриель удовлетворенно потер руки и сказал:

— А сейчас я с удовольствием выпил бы кофе со сливками.

— Отличная мысль, — одобрил Турандот и прошел за стойку, меж тем как четверо остальных бойцов облокотились на нее. — А где Зеленец?

Турандот отправился на поиски птаха и нашел его выстанывающего все те же слова. Турандот извлек его из клетки и стал гладить, именуя «миленькой зелененькой курочкой». Разнежившийся Зеленец отвечал ему:

— Ты говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь.

— Вот это верно, — сказал Габриель. — Так что там насчет кофе со сливками?

Успокоенный Турандот сунул попугая обратно в клетку и приступил к кофеварящей машине. Он попытался включить ее, но так как прежде не имел дела с подобной моделью, первым делом ошпарил себе руку.

— Ойёйёйёй, — сказал в простоте душевной Турандот.

— Лошадь неуклюжая, — сказал Пьянье.

— Бедный котик, — сказала вдова Аз.

— Только мне сливки не топленые, — сказал Габриель.

— А мне с пенкой, — сказала Зази.

— Аааааа, — отвечал Турандот, пустивший струю пара прямо себе в физиономию.

— Лучше попросить кого-нибудь из заведения, — благодушно заметил Габриель.

— Точно, — поддержал его Пьянье. — Пойду поищу.

Он пошел и выбрал в куче наиболее сохранившегося.

Какового и доставил.

— Ну ты был класс, — сказала Зази Габриелю.

— Гормосенсуалистов вроде тебя, наверно, по пальцам перечесть.

— Какое кофе желает мадмуазель? — осведомился приведенный в чувство халдей.

— С пенкой, — отвечала Зази.

— Почему ты продолжаешь называть меня гормосенсуалистом? — терпеливо спросил Габриель. — После того как ты видела меня в «Золотом петухе», могла бы усечь, что к чему.

— Неважно, гормосенсуалист ты или нет, — сказала Зази, — но ты был великолепен.

— Ну а чего ты хочешь, — отвечал Габриель, — мне не понравились их (жест) манеры.

— О мосье, — сказал халдей, на которого было указано, — поверьте, мы страшно сожалеем.

— Они оскорбили меня, — сказал Габриель.

— О, как вы ошибаетесь, мосье, — сказал халдей.

— Если бы, — сказал Габриель.

— Не принимай близко к сердцу, — посоветовал ему Пьянье. — Кто застрахован от оскорблений?

— Здорово сказано, — сказал Турандот.

— И что ты собираешься делать? — поинтересовался Пьянье у Габриеля.

— Кофе попить.

— А дальше?

— Забегу домой, а потом отведу малышку на вокзал.

— А ты на улицу выглядывал?

— Нет.

— Так сходи посмотри.

Габриель сходил.

— Да, — сказал он, вернувшись.

Только что подошли две бронетанковые дивизии ночной стражи и эскадрон альпийских спаги и заняли позиции по контуру площади Пигаль.

XVIII

Пожалуй, надо бы позвонить Марселине, — сказал Габриель.

Остальные молча пили кофе со сливками.

— Хреново, — вполголоса произнес халдей.

— Вас не спрашивают, — отвечала ему вдова Аз.

— Счас я сволоку тебя туда, где взял, — пригрозил Пьянье.

— Все, все, — сказал халдей. — Уж и пошутить нельзя.

Вернулся Габриель.

— Странно, — сказал он. — Не отвечает.

И он вознамерился выпить свой кофе.

— У, черт, — сказал он, — уже остыло.

И с раздражением поставил чашку на стойку.

Пьянье пошел взглянуть.

— Наступают, — возвестил он.

Отвалившись от стойки, все собрались вокруг него — все, кроме халдея, который спрятался под кассовым аппаратом.

— Похоже, они чем-то недовольны, — отметил Габриель.

— Ничего себе, — пробормотала Зази.

— Надеюсь, у Зеленца не будет неприятностей, — сказал Турандот. — Он-то ничего не сделал.

— А я? — спросила вдова Аз. — Что сделала я?

— Ступайте к своему Зашибю, — пожав плечами, бросил ей Пьянье.

— Да это же он! — вскричала вдова.

Перешагнув через груду останков, образовавших нечто наподобие баррикады перед входом в «Куреслепы», вдова Аз выказала недвусмысленное намерение устремиться навстречу осаждающим, которые надвигались медленно, но неукротимо. Пригоршня автоматных пуль живенько пресекла это намерение. Держа свои

кишки в руках[*], вдова Аз рухнула наземь.

— Как глупо, — прошептала она. — С моей-то рентой... — И испустила дух.

— Дело дрянь, — отметил Турандот. — Как бы Зеленца не задела шальная пуля.

Зази хлопнулась в обморок.

— Им бы следовало быть поосторожней, — гневно пророкотал Габриель. — Тут дети.

— Вот сейчас и выскажешь им свои соображения, — заметил Пьянье. — Они уже здесь.

И впрямь человеки, вооруженные до зубов, были уже перед окнами, являвшими собой защиту тем более сомнительную, что в большей части своей они были разбиты в ходе предыдущей потасовки. И эти вооруженные до зубов человеки выстроились в шеренгу на тротуаре. Некто с висящим на руке зонтом отделился от них и, перешагнув через труп вдовы Аз, вступил в ресторацию.

— Гляди ты, — сказали хором Габриель, Турандот, Пьянье и Зеленец.

Зази по-прежнему пребывала в обмороке.

— Да, — сказал некто с зонтом (новым), — это

---

[*] Примечания: *

Держа свои кишки в руках... — аллюзия на строчку «Король Рено в поход пошел, / Держа свои кишки в руках» из анонимной песни XVI в. «Стенания короля Рено». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

я, Арун ар-Рахис. Я есть сущий[*], тот, которого вы знали, но порой не узнавали. Князь мира сего[*] и окрестностей. Я люблю бродить по своим владениям в разных обличьях, облекаясь в одежды сомнительности и ложности, каковые, кстати сказать, присущи мне. Примитивный и туповатый полицейский, ночной грабитель, трусоватый преследователь вдов и сироток — все эти зыбкие образы позволяют мне без опаски подвергаться ничтожному риску показаться смешным, болтливым или излишне сентиментальным (величественный жест в сторону усопшей вдовы Аз). Совсем недавно я был истерт из вашего забывчивого сознания, но вот вновь, скажу без ложной скромности, явился победителем, во славе. Взгляните! (Новый, не менее величественный жест, но на сей раз объемлющий всю обстановку во всей ее полноте.)

— Ты говоришь, говоришь, — выступил Зеле-

---

[*] Примечания: *

Я есть сущий. — Отсылка к Ветхому завету: «И сказал Моисей Богу: вот, я прийду к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам». А они скажут мне: «как Ему имя?» Что сказать мне им? / Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий» (Исход 3:13). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Князь мира сего — перифраз, который использует Иисус для указания на Сатану. Например: «Ныне суд миру сему: ныне князь мира сего изгнан будет вон» (Иоан. 12:31). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

нец, — и это...

— А вот ему, сдается мне, самое место в кастрюле, — сказал Зашибю, то есть, простите, Арун ар-Рахис.

— Никогда! — вскричал Турандот, прижимая клетку к сердцу. — Лучше погибнуть!

С этими словами он стал проваливаться под пол, как, впрочем, и Габриель, Зази и Пьянье. Грузовой подъемник спустил их в подвал «Куреслепов». Укрытый во мраке лифтер тихо, но твердо приказал следовать за ним, да побыстрей. В руке он держал фонарик, который служил путеводной звездой и в то же время свидетельствовал о достоинствах питающей его батарейки. И покуда на первом этаже вооруженные до зубов человеки, разволновавшись, вовсю палили из автоматов в пол, маленькая группа, следуя указаниям и свету вышеупомянутого фонарика, перемещалась с примечательной скоростью между стеллажами, заставленными бутылевичами с мюскаденовым сиропом и гранаде. Габриель нес Зази, по-прежнему пребывающую в обмороке, Турандот нес по-прежнему хмурого Зеленца, а Пьянье не нес никого.

Они спустились по лестнице, потом вошли в низенькую дверцу и оказались в канализаци-

онном канале. Немножко пройдя по нему, они вошли в другую дверцу и очутились в пока еще темном и пустом проходе со стенами из глазурованной плитки.

— А теперь, — негромко сказал светоносец, — надо разбегаться в разные стороны, если не хотите попухнуть. Но у тебя, — обратился он к Турандоту, — могут быть сложности из-за твоего попки.

— Я его перекрашу в черный, — уныло предложил Турандот.

— Все это не смешно, — сказал Габриель.

— Ох уж этот Габриель, — бросил Пьянье, — вечно выдаст такое, что животики надорвешь.

— Я отведу девочку, — сказал светоносец. — Ты, Габриель, слишком бросаешься в глаза. И потом я прихватил ее чемодан. Но, возможно, что-нибудь и забыл. Я собирал второпях.

— Расскажи, как все было.

— Сейчас не время.

Вспыхнули лампы.

— Ну вот, — сказал светоносец. — Метро заработало. Ты, Пьянье, поезжай в сторону Этуаль, а ты, Турандот, к Бастилии.

— Значит, разбегаемся, и каждый выкручивается сам? — спросил Турандот.

— М-да, без гуталина даже не знаю, как ты его перекрасишь, — заметил Габриель. — Придется тебе башкой поработать.

— А если я залезу в клетку, — спросил Турандот, — а Зеленец понесет меня?

— Это идея.

— А я, — сказал Пьянье, — возвращаюсь к себе. К счастью, сапожное ремесло — одна из базовых основ общества. Но попробуй отличи одного сапожника от другого.

— Ты прав.

— Ну, ребята, покаус! — сказал Пьянье.

И он удалился в направлении площади Этуаль.

— Ну, ребята, покаус! — сказал Зеленец.

— Ты говоришь, говоришь, — выступил Турандот, — и это все, что ты можешь.

И они упорхнули в направлении площади Бастилии.

XIX

Жанна Буфера внезапно проснулась. Она глянула на часики, лежащие на ночном столике: было шесть с хвостиком.

— Пора бежать.

Однако она постояла еще несколько секунд,

разглядывая своего хахаля, который лежал совершенно голый и похрапывал. Она оглядела его оптом, потом в розницу, причем дольше всего ее безразличный и невозмутимый взгляд удерживал тот самый объект, который так занимал ее в продолжение двух ночей и одного дня, но сейчас объект этот больше смахивал на вялого малыша, отвалившегося от материнской груди, чем на бравого гренадера.

— К тому же он такой дурак...

Жанна быстренько оделась, побросала в сумку разные вещички, подмазала лицо.

— Только бы не опоздать. А то ведь не найду дочку. Знаю я Габриеля. Они явно придут тютелька в тютельку. Если только с ней ничего не случилось.

И она прижала тюбик помады к сердцу.

— Только бы с ней ничего не случилось.

Теперь Жанна была полностью готова. И она еще раз взглянула на своего хахаля.

— Ну, если он сам ко мне придет... Если будет уговаривать... Тогда, может, я и не откажу. Но сама за ним бегать не буду.

Она осторожно прикрыла дверь.

Хозяин гостиницы вызвал такси, и в половину Жанна была уже на вокзале. Чуть позже

появилась Зази в сопровождении какого-то типа, который нес ее чемодан.

— Ой! — сказала Жанна Буфера. — Марсель!

— Как видите.

— Да она же на ходу спит.

— Мы немножко гульнули. Так что ее можно извинить. Прошу извинить и меня: я бегу.

— Да, понимаю. А что Габриель?

— С ним сложности. Он скрывается. До свиданья, малышка.

— До свиданья, мсе, — с отсутствующим видом пробормотала Зази.

Жанна Буфера помогла ей подняться в вагон.

— Как повеселилась?

— Так себе.

— В метро прокатилась?

— Нет.

— А что ты вообще делала?

— Старела.

ГОЛУБЫЕ ЦВЕТОЧКИ [*]
(роман)

[*] Примечания: *
ГОЛУБЫЕ ЦВЕТОЧКИ (Les fleurs bleues). Роман был опубликован издательством «Галлимар» в 1965 г. Название романа отсылает к голубым цветочкам в произведении Новалиса «Генрих фон Офтердинген». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

(Перевод И. Волевич)

Известная китайская притча гласит:

Чжуан-цзы снится, что он — мотылек, но, быть может, это, наоборот, мотыльку снится, что он — Чжуан-цзы? То же самое происходит и в романе: герцогу д'Ож снится, что он — Сидролен, но не Сидролену ли снится, что он — герцог д'Ож?

Мы встречаемся с герцогом д'Ож, путешествующим во времени, каждые 175 лет. В 1264 году он едет ко двору Людовика Святого, в 1439-м покупает пушки для своего замка, в 1614-м привозит к себе алхимика, в 1789-м увлекается одним любопытнейшим занятием в пещерах Перигора. И наконец, в 1964 году он знакомится с Сидроленом, который — в его снах — живет на своей барже, стоящей на приколе у набережной, живет, пребывая в приятном ничегонеделании. Сидролен, в свою очередь, видит во сне... Единственное его занятие состоит в том, что он непрерывно закрашивает оскорбительные надписи, которыми неизвестный злопыхатель покрывает загородку перед его баржей.

И, как в настоящем детективном ро-

мане, читатель под конец узнает, кто же этот неизвестный. Что же касается голубых цветочков...

Ὄναρ ἀντί ὀνείράτος[24][*]

I

Двадцать пятого сентября одна тысяча двести шестьдесят четвертого года нашей эры, с утра пораньше, герцог д'Ож взобрался на самую верхушку своего д'ожнона[*], дабы прояснить для себя, хоть самую малость, историческую обстановку. Обстановка была, прямо сказать, черт знает какая. Там и сям виднелись остатки исторического прошлого, все вперемешку. На берегах ближайшей речушки разбили вдребезги лагерь двое гуннов; неподалеку от них какой-то галл,

---

[24] Примечания: 24

Сон за сон *(др.-греч.).*

[*] Примечания: *

«Сон за сон» — слова из платоновского диалога «Теэтет», где Теэтет, молодой математик, пытается дать определение знанию и каждый раз Сократ разбивает его рассуждения. Диалог заканчивается тем, что настоящее определение так и не найдено. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Герцог д'Ож взобрался на самую верхушку своего д'ожнона. — Игра слов: донжон — сторожевая башня. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

вернее всего эдуй[*], бесстрашно вымачивал ноги в холодной проточной воде. На горизонте смутно маячили силуэты старообразных римлян, старозаветных сарацинов, старорежимных аланов[*] и старых франков[*]. Было и несколько нормандцев — те попивали кальвадос.

Герцог д'Ож вздохнул, но вздох не помешал ему все так же внимательно изучать эти отжившие свое феномены.

Гунны готовили гуляш под соусом «тартарары»; галл, за отсутствием галлок, считал ворон; римляне ваяли греческие статуи; сарацины разучивали сарабанду; франки искали отложения солей[*]; аланы же уподоблялись осетинам. Нормандцы попивали кальвадос.

— Столько истории! — сказал герцог д'Ож гер-

---

[*] Примечания: *

Эдуи — кельтское племя на территории древней Галлии. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Аланы — ираноязычные племена сарматского происхождения, предки осетин. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Франки — группа германских племен, в V–VI вв. завоевавших Галлию. Франк, новый и старый, — денежная единица Франции. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Соль — старофранцузская золотая монета. Весь этот отрывок — пародия на школьное сочинение по истории. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

цогу д'Ож. — История на истории — и все ради нескольких жалких каламбуров, ради пары анахронизмов! Какое убожество! Будет этому когда-нибудь конец или нет, хотел бы я знать!

Увлекшись, он еще несколько часов кряду наблюдал эти ошметки прошлого, сопротивлявшиеся распаду, потом, без всякого явного внешнего повода, покинул свой наблюдательный пост и спустился на нижний этаж замка, впадая по дороге в настроение, которое можно назвать убийственным.

Он не убил свою супругу, поскольку та сама уже усопла, зато побил своих дочерей числом три, сбил спесь со служанок, выбил пыль из ковров и дух из конюших, перебил посуду и отбил чечетку. Вслед за чем незамедлительно принял решение совершить краткосрочное путешествие и наведаться в столичный город Париж с небольшой помпой и небольшой свитой в лице одного только пажа Пострадаля.

Среди своих скакунов он выбрал самого любимого — першерона, носящего имя Демосфен, ибо тот умел говорить человеческим голосом, даже и

с уздечкою в зубах[*].

— Эх, славный мой Демо! — уныло сказал герцог д'Ож. — Видишь, как я печален и меланкалечен.

— Опять древняя история? — осведомился Демо, он же Сфен.

— Увы! Она убивает во мне всякий вкус к жизни, — отвечал герцог.

— Выше голову, мессир, выше голову! Садитесь-ка лучше в седло, поедем прогуляться.

— Именно таково и было мое намерение, и даже более...

— Чего же вам еще?

— Я решил уехать на несколько дней.

— Ваше решение меня радует, мессир. Куда прикажете вас доставить?

— Далеко! Как можно дальше отсюда![*] Здесь даже грязь и та усеяна нашими цветочками...

— Да-да, знаю, «цветами голубыми риторики высокой». Так куда же?

---

[*] Примечания: *

...ибо тот умел говорить человечьим голосом, даже и с уздечкою в зубах. — Намек на афинского оратора Демосфена, — который совершенствовал ораторское искусство, произнося речи с камешками во рту. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

«Далеко! Как можно дальше отсюда!» — Почти точная цитата из стихотворения Ш. Бодлера «Moesta et Errabunda». Кено заменяет «pleurs» (слезы) на «fleurs» (цветочки). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Выбирай сам.

И герцог д'Ож уселся на своего любимого конька Демо, который внес следующее предложение:

— А не проехаться ли нам в столичный город Париж, взглянуть, насколько продвинулось строительство собора ихней Богоматери?

— Как! — вскричал герцог. — Разве оно еще не завершено?

— Вот в этом-то нам и предстоит удостовериться.

— Если они будут так валандаться, то в конце концов вместо этого замечательного собора возведут замечетельную мечеть.

— Или забуддутся до того, что воздвигнут буддуар. А то и вовсе оконфузятся, соорудив какую-нибудь конфуциальню. Но не будем гадать на кофейной гуще, которой все равно пока нет, мессир. В путь! А заодно воспользуемся нашим путешествием, чтобы воздать феодальные почести Людовику Святому, девятому королю, носящему это имя.

И, не дожидаясь ответа хозяина, Сфен затрюхал к подъемному мосту, который с большим подъемом опустился им навстречу. Пострадаль, не проронив ни словечка из опасения схлопотать зуботычину латаной-перелатаной

рукавицей господина, следовал за ним верхом на Стефане, названном так за свою неразговорчивость. Поскольку герцог все еще упивался душевной горечью, а Пострадаль, верный своей выжидательной политике, упорно помалкивал, Демосфен весело разглагольствовал в одиночку; попутно он бросал ободряющие шуточки всем встречным — галлам галлюцинирующего вида, римлянам кесарева вида, сарацинам сарабандитского вида, гуннам гулящего вида, аланам осетинского вида и франкам солирующего вида. Нормандцы попивали кальвадос.

Низко-пренизко кланяясь своему горячо любимому сюзерену, вилланы одновременно бурчали страшные-престрашные угрозы, не переходящие, впрочем, в действия и не выходящие за пределы усов, буде они таковые носили.

Выбравшись на большую дорогу, Сфен перешел на галоп и наконец замолк, так и не найдя себе достойного собеседника, ибо дорожное движение как таковое отсутствовало; он не хотел беспокоить своего всадника, чувствуя, что тот задремал; поскольку Сфен и Пострадаль разделяли эту предосторожность, герцог д'Ож кончил тем, что крепко заснул.

Он жил на барже, стоявшей на приколе у набе-

режной в большом городе, и звали его Сидролен. Ему подали омара сомнительной свежести под майонезом сомнительного цвета. Выламывая ракообразному клешни с помощью щелкушки для орехов, Сидролен пожаловался Сидролену:

— Не фонтан, совсем не фонтан. Ламелия никогда не научится прилично готовить.

И добавил, по-прежнему обращаясь к самому себе:

— Однако куда ж это я ехал верхом на коняге? Никак не вспомню, хоть убей. Вот они — сны-то! Ведь в жизни своей не садился на лошадь. На велосипед я, правда, тоже никогда не садился, и вот поди ж ты, во сне на велосипеде не езжу, а на лошади почему-то езжу. Тут наверняка что-то кроется. Нет, этот омар явно не фонтан, о майонезе я уж и не говорю, а что, если научиться ездить верхом? В Булонском лесу, например? Или лучше на велосипеде?

— И тогда водительские права не нужны, — замечают ему.

— Ладно, ладно.

После омара ему приносят сыр.

Твердый, как гипс!

Потом яблоко.

Червивое, как гриб!

Сидролен вытирает губы и шепчет:

— Опять фиаско!

— Ничего, это не помешает тебе, как всегда, задрыхнуть после обеда, — замечают ему.

Сидролену нечего возразить: шезлонг уже ждет его на палубе. Он накрывает лицо носовым платком и... не успевает сосчитать до трех, как оказывается под крепостными стенами столичного города Парижа.

— Чудненько! — воскликнул Сфен. — С прибытием вас!

Герцог д'Ож пробудился от сна со смутным ощущением чего-то несвежего в желудке. В этот момент Стеф, скакавший молчком с самой провинции, почувствовал желание высказаться и высказался в следующих словах:

— О, город альмаматеринский и достославный!

— Тише ты! — прервал его Сфен. — Если нас с тобой услышат, то нашего доброго господина обвинят в колдовстве.

— Б-р-р! — сказал герцог.

— И его пажа itu[25].

— Б-р-р! — сказал Пострадаль.

---

[25] Примечания: 25
Также *(вульг. лат.).*

И Сфен, желая напомнить Стефу, как следует выржаться приличному коню, заржал.

Герцог д'Ож остановился в «Кривобокой сирене», которую как-то порекомендовал ему прохожий грубадур.

— Фамилия, имя, степень знатности? — спросил хозяин заведения Мартен.

— Герцог д'Ож, — ответил герцог д'Ож, — имя мое Жоашен, и сопровождает меня преданный паж Пострадаль, сын графа де Прикармань. Конь мой зовется Сфен, второй же зовется Стеф.

— Место жительства?

— Замок Ковш-Эг, недалече от моста.

— Ну, с анкетой вроде бы все в ажуре, — заключил Мартен.

— Надеюсь! — отозвался герцог. — Ибо ты уже начал раздражать меня своими идиотскими расспросами.

— Нижайше прошу простить меня, мессир, но таков приказ короля.

— Уж не собираешься ли ты еще выведывать у меня, с какой целью прибыл я в столичный город Париж?

— А чего тут выведывать?! Мессир прибыл, дабы спознаться с нашими шлюхами, самыми красивыми во всем христианском мире. Наш

святой король ненавидит их от всей души, но они так пылко участвуют в финансировании предстоящего крестового похода...

— Много болтаешь, дурак! Я прибыл, дабы проверить, как обстоят дела со строительством собора вашей Богоматери.

— Южная башня сильно продвинулась, скоро начнут возводить северную и галерею, которая их соединит. А еще там перебирают кровлю, чтобы она давала побольше света.

— Заткнись! — взревел герцог. — Если ты все выболтаешь, мне ничего не останется, как вернуться домой, к чему я отнюдь не расположен.

— Так же, как и я, мессир, а потому спешу подать вам ужин.

Герцог крепко поужинал, затем отправился на боковую и с большим аппетитом поспал.

Он еще и не думал кончать спать, как вдруг его разбудила громким окликом с берега парочка кочевников. Сидролен ответил им знаками, но они явно ничего не уразумели, ибо спустились с откоса, прошли по мосткам и взобрались на баржу.

Одна из особей была мужского пола, другая, наоборот, женского.

— Эскьюз ми, — сказала особь мужского пола, — но ми есть заблудшие.

— Нашел с чего начать! — заметил Сидролен.

— Начхать? Пуркуа? Ми есть заблудяги... или, как это... забулдиги.

— Очень печально!

— Кемпинг, пожалюста! Битте... кемпинг пасарáн? Но пасарáн?

— Эх, хорошо говорит! — прошептал Сидролен, — только вот понять бы, на каком наречии: староевропейском или нововавилонском?

— А! О! — вскричала мужская особь, выказывая живейшее удовлетворение. — Ви ферштеять европейски?

— Йес, натюрлих, — отвечал Сидролен. — Но снимите же свою поклажу, благородные чужестранцы, и выпейте по стаканчику, перед тем как уйти.

— А! О! Стаканшик! Брависсимо!

Просияв, благородный чужестранец скинул рюкзак, затем, с полнейшим пренебрежением к мебели, предназначенной для сидения, сложился втрое и опустился на пол, весьма ловко подсунув под себя ноги. Сопровождавшая его юная особа сделала то же самое.

— Может, они японцы? — спросил себя вполголоса Сидролен. — Да нет, волосы-то белокурые. Финны, наверное.

И он обратился к мужчине:

— Вы не финн, случайно?

— Чайна? Ноу Чайна! Моя есть маленьки друг на весь мир.

— Ясно. Космополит, значит?

— Йяволь. Где есть ваша стаканшик?

— Ишь ты, космополит, а про стаканчик не забыл.

Сидролен хлопнул в ладоши и позвал:

— Ламелия! Ламелия!

Приход последовал незамедлительно.

— Ламелия, налей-ка по стаканчику этим благородным чужестранцам.

— Чего им?

— Укропной настойки с минералкой, чего же еще!

Уход последовал незамедлительно.

Сидролен наклонился к кочевникам:

— Итак, птенчики мои, вы, значит, заблудяги?

— Да, мы блудим, — ответила девушка, — очень много блудим.

— Да вы, милая моя, никак француженка?

— Не очень: канадка.

— А ваша стаканшик? — спросил скрюченный кочевник. — Надо шнель чин-чин.

— Вот зануда! — сказал Сидролен.

— Ну нет, он славный парень.

— И вы, конечно, направляетесь на туристическую турбазу для туристов?

— Мы ее ищем.

— Вы почти у цели. Надо пройти вверх по реке еще каких-нибудь пятьсот метров.

— А! Финиш? Прибивати? — воскликнул парень, резво вскочив на ноги. — Только пятьсот километр! Алле, шнель!

Он взвалил себе на спину рюкзак, который, судя по внешнему виду, весил не меньше тонны.

— Мы ждем укропную настойку с минералкой, — заметила девушка, не двинувшись с места.

— Уэлл, си!

Он сбросил со спины свою тонну и вновь уселся на пол в непринужденной позе «глотос».

Сидролен улыбнулся девушке и одобрительно заметил:

— Ну и дрессировочка!

— Дрессировочка? Я не понимает.

— Я хочу сказать: слушается с полуслова.

Девушка пожала плечами:

— Вы что, слабы на голову? Он остался, потому что он свободен, а вовсе не потому, что дрессирован. Если бы он был дрессирован, он тут же отправился бы на туристическую турбазу для

туристов. Но он остался, потому что он свободен.

— А в этой юной головке кое-что есть, — прошептал Сидролен, с новым интересом вглядываясь в канадку, особенно в светлый пушок на ее ногах и в подметки ботинок. — Ей-богу, кое-что есть!

Тут как раз принесли укропную настойку с минералкой. Все выпили.

— А каким манером вы кочуете? — спросил Сидролен. — На повозке, на велосипеде, на машине, на вертолете? Пешком, верхом, вплавь?

— Стопами, — ответила девушка.

— Автостопами?

— Конечно, автостопами.

— Я-то сам иногда кочую на автотакси. Правда, это менее экономично.

— Я плевает на деньги.

— Понятно. А как вам моя укропная настойка?

— Неплохой. Но я предпочитает чистую воду.

— Здесь она никогда не бывает чистой. Речная пахнет помойкой, водопроводная — хлоркой.

— Вы не хотите, чтобы он спел?

— Это еще зачем?

— Чтобы отблагодарить вас.

— За укропную настойку?

— За гостеприемство.

— Очень мило с вашей стороны. Спасибо.

Девушка повернулась к своему спутнику и скомандовала:

— Спой!

Парень порылся в своем имуществе и извлек на свет Божий крошечное банджо. Попробовав струны и взяв несколько вступительных аккордов, он открыл рот, и они услышали следующие слова:

— «Люблю Пемполь, люблю его утесы и колоколен звон многоголосый...»[*]

— Где он это выучил? — спросил Сидролен, когда песенка была спета.

— В Пемполе, конечно, — ответила канадка.

— Ну и глуп же я! — сказал Сидролен, хлопнув себя по лбу. — Мог бы и сам сообразить.

Минибанджо вернулось в рюкзак. Парень опять принял вертикальное положение и протянул Сидролену руку.

— Сэнкью, — сказал он, — и ори буар[26]!

Затем он обращается к девушке:

— Шнель! Ти идьот или не идьот?

Девушка грациозно встает и в темпе засупо-

---

[*] Примечания: *

«Люблю Пемполь» — отрывок из песни Теодора Ботреля «Пемполез». Пемполь — город на Атлантическом побережье Франции. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[26] Примечания: 26

Буар (boire) — пить *(фр.)*.

нивается.

— Ну и дрессировочка! — заметил Сидролен.

Юный кочевник тут же запротестовал:

— Найн! Найн! Нет трессировотшка: швобода! Либертад! Марширен нах кемпинг бикоуз иметь швобода марширен нах кемпинг!

— Ясно, ясно.

— Прощайте! — сказала девушка, в свою очередь протягивая руку Сидролену. — Еще раз спасибо, мы к вам зайдет как-нибудь, если будет время.

— Милости просим, — ответил Сидролен.

Он посмотрел, как они карабкаются вверх по косогору со всем своим снаряжением.

— Для силачей работка, — прошептал он.

— Они вернутся? — спросила Ламелия.

— Не думаю. Нет, они никогда не вернутся. Да и что они мне? Они едва ушли, а я о них уже почти забыл. А ведь они существуют, они, без сомнения, заслуживают права на существование. Но они никогда больше не вернутся в лабиринты моей памяти. То было мимолетное знакомство. Бывают такие сны, похожие на мимолетное знакомство, — наяву они наверняка прошли бы мимо сознания, и однако, эти сны волнуют, когда припоминаешь их утром, пока тычешься без толку в

сомкнутые ставни век. Может, я и сейчас спал?

Ламелия не ответила ни утвердительно, ни отрицательно — по той простой причине, что она не дослушала его монолог до конца.

Сидролен взглянул на часы в кубрике и не без удовольствия констатировал, что встреча с кочевниками пробила весьма несущественную брешь в том отрезке времени, который он отводил своей сиесте, и что эта последняя вполне может быть продолжена еще на несколько минут. Вот почему он разлегся в своем шезлонге, и ему опять удалось заснуть.

II

— Что я вижу! — воскликнул король, сидящий под своим заветным дубом. — Уж не припожаловал ли к нам наш горячо любимый герцог д'Ож!

— Он самый, сир, — отвечал герцог, склоняясь долу перед королем, и добавил: — Мое вам нижайшее!

— Счастлив тебя видеть в добром и цветущем здравии, — сказал король. — Как там твоя семейка?

— Моя супруга умерла, сир.

— Надеюсь, это не ты ее укокошил? С тебя ведь

станется!

Тут король изволили милостиво улыбнуться собственной шутке, и тотчас окружающая свита прямо-таки зашлась от восхищения.

— Стало быть, с наследником дело по-прежнему швах? — осведомился король.

— Увы! — вздохнул герцог. — У меня только мои тройняшки, и это для меня тяжкий крест, государь, тяжкий крест!

— Кстати, о кресте! — воскликнул король. — Я очень рад твоему приезду. Мы тут снаряжаемся в новый крестовый поход и очень рассчитываем, что ты составишь нам компанию.

— Не очень-то мне это по вкусу, государь.

— Ну-ну-ну! Не спеши с отказом, ты ведь еще не знаешь подробностей. Во-первых, на сей раз мы отправляемся не в Египет (вот тебе на́, сэр!). Нынче мы берем курс на Карфаген.

— А это мне совсем уж не по вкусу.

— Карфаген-то? Да нет, ты сперва вникни, мой добрый д'Ож, одни только исторические воспоминания чего стоят!.. Блаженный Августин... Югурта... Сципион... Ганнибал... Саламбо... Неужто тебе это ни о чем не говорит?!

— Совсем ни о чем, сир. Моя читай книжки мало-мало.

— Ах, д'Ож, мой добрый д'Ож, и все-таки тебе необходимо сопровождать меня, дабы выпотормошить этих поганых нечестивцев.

— И не уговаривайте, сир, на сей раз я с вами не в деле и не в доле.

— Стало быть, у тебя нет желания разделаться с приверженцами Магомета?

— Судите сами, сир: я живу отшельником в своем скромном загородном замишке с д'ожноном, я воспитываю там дочерей, коими Господу угодно было удручить мою старость, и лечусь от неизлечимой болотной лихорадки, которую подцепил в Дамьетте и прочих отдаленных колониях нашей метрополии, там же некий святой человек, он же капеллан, он же аббат Онезифор Биротон, заботливо ведет меня по пути истинному к очищению души, — так с какой же стати, сир, скажите сами, с какой же стати мне срываться из моей мирной провинции?! Неужто для того, чтобы год спустя меня доставили туда же засоленной тушей в бочонке?!

Святой король испустил тяжкий вздох.

— Короче говоря, — заключил он, — против Эль Мостансер Биллаха[*] ты бы не пошел?

---

[*] Примечания: *

Эль Мостансер Биллах — тунисский халиф, против которого Людовик IX выступил в поход в 1270 г. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Да пошел он сам куда подальше, сир, вот вам мое последнее слово!

— Ох-хо-хо! Вижу я, трудненько мне будет провести этот восьмой крестовый поход.

И добрый святой король совсем было впал в уныние.

— Ну-ну, не горюйте, сир, — утешил его герцог д'Ож. — Вы уж как-нибудь собьете себе команду из всяких коммандос, они охотно составят вам компанию в кампании на тех далеких берегах.

— Надеюсь, надеюсь, — печально молвил король.

— Могу ли я просить Ваше Величество отпустить меня?

Король дал ему свое отпущение.

Герцог совсем было собрался удалиться, как вдруг ему в лицо, не в бровь, а в глаз, градом посыпались протухшие яйца и прокисшие помидоры: окружающие, услыхав речи короля под заветным дубом, сочли, что названный святой король выказал непростительную слабость перед этим трусливым вассалом, который предпочел комфортную жизнь в своем уютном загородном замишке с д'ожноном тяжким превратностям христианнейшей экспедиции в сторону Би-

зерты[*]; тем более что им самим — биржуа, мастеровым и вилланам — ни с какого боку не светил поход к некогда карфагенским берегам, где всегда есть шанс схлопотать удар ятаганом или подцепить какую ни на есть неизлечимую хворь.

— Ату, ату его! — вопили они. — Ах ты продажная тварь, ах ты мерин недохолощенный, жирный трус, свинячье рыло, дрейфусар пархатый, патриот брюхатый, хряк поганый, стервец окаянный, подлец беспардонный, болтун пустозвонный, хиляк убогий, урод кривоногий, притворщик двуликий, предатель великий, как ты смеешь оставлять гробницу Господа нашего Иисуса Христа язычникам на поругание, да притом еще перечить нашему святому королю! Да здравствует Людовик из Пуасси! Ату его, ату! Ах ты продажная тварь!

И они продолжали закидывать герцога еще тепленькими коровьими лепешками и пахучими конскими яблоками, так что он наконец даже занервничал. Выхватив меч из ножен, он широкими взмахами расчистил себе путь, обратив в

---

[*] Примечания: *

Бизерта — портовый город в Тунисе. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

бегство вилланов[*], мастеровых и биржуа, которые опрометью кинулись врассыпную, не без того чтобы потоптать друг друга, отчего сколько-то дюжин из них отдали Богу души, за каковые души наш святой король впоследствии помолился столь усердно, что результат, конечно, не замедлил сказаться.

Герцог с омерзением в душе направился в купальню, дабы очиститься от последствий публичной к нему неприязни.

— Вот сволочье! — бурчал он. — Какие уж тут свобода, равенство и братство, коли эта мразь во все сует поганый нос. Он-то, мой Людовик-богословик, небось не позабыл, как верно я служил ему и в Дамьетте, и в Мансуре[*]. Колониальные войны... уж мы-то с ним знаем, что это за штука. Он-то, мой Людовик-богословик, задумал туда вернуться... ну уж это его проблемы. Он-то, мой Людовик-богословик, не то что я, — он человек

---

[*] Примечания: *

Вилланы — в средневековой Франции крестьяне, лично свободные, но зависящие от феодалов в качестве держателей земель. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Дамьетта, Мансура — города в Египте, близ которых в XIII в., во время Седьмого крестового похода, армия короля Людовика IX была разбита, а сам он попал в плен к сарацинам. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

святой; кончится тем, что его пропечатают во всех календарях, а вот какого черта нужно этим мерзавцам, что улюлюкают мне вслед? Святые мощи отвоевать? Да плевать они на них хотели! А нужно им вот что: увидеть своими глазами, как эти паршивые карфагенские боши повыпускают кишки благородным сеньорам вроде меня, чтобы потом экспроприировать наши замки, дуть кларет из наших погребов и невозбранно — а почему бы и нет?! — брюхатить наших матерей, наших жен, наших дочерей, наших служанок и наших овец.

— И наших кобыл, — добавил Сфен.

Какой-то прохожий даже подпрыгнул от изумления.

— И наших кобыл! — громогласно подхватил герцог.

И нагнулся к незнакомцу:

— Это я сам сказал «и наших кобыл». Я и никто иной, понял, мерзавец?

Герцог так угрожающе вращал глазами, что прохожий весьма учтиво и торопливо согласился:

— Отнюдь не спорю с вами, мессир.

Вслед за чем скрылся из виду, не очень-то убежденный.

— Давно пора нам покинуть этот город, — решил герцог. — Мы уже поглядели, как идет работа в соборе Парижской Богоматери, полюбовались часовней Сент-Шапель, этой жемчужиной готического искусства, засвидетельствовали должное почтение нашему святому королю. Это все, конечно, прекрасно, только, сдается мне, здешний народец сильно поплошал, так что после купанья мы завернем пообедать в какую-нибудь таверну пошикарнее, дабы утешиться вполне, а после сразу же прочь отсюда, домой!

Пока герцогу отчищали одежду, а сам он упревал в горячей воде, его сморил сон.

Прикрыв за собой дверцу, Сидролен первым делом поглядел, по-прежнему ли хулиганские надписи оскверняют загородку, отделяющую бульвар от косогора рядом с баржой. Надписей не было. Закончив осмотр, он решил перейти бульвар и взглянуть, как идут работы напротив: там готовились возводить жилой дом, пока же на этом месте зиял котлован.

Приняв все необходимые предосторожности, Сидролен, живой и невредимый, очутился по ту сторону шоссе. Он опасливо приблизился к забору, на коем было начертано: «Опасная зона! Берегись грузовиков!». В глубине стройки экска-

ватор сгребал в кучу обломки былых строений, чтобы наполнить ими один из тех самых грузовиков, чей выезд объявлялся столь опасным для окружающих. Повсюду сновали люди в белых касках. В углу что-то разгружалось. Для профессионального строителя картина стройки не должна была представлять загадки.

К Сидролену присоединился какой-то прохожий, и они на пару принялись любоваться, как загружают кузов. Когда грузовик был набит доверху, он выбрался по крутому склону из котлована. Сидролен благоразумно посторонился. Выехав на ровное место, грузовик рванул по бульвару; прохожий отпрыгнул назад под визг уаттомобильных тормозов.

— Видали? — воззвал к Сидролену побледневший прохожий. — Этот сукин сын чуть не задавил меня.

— Но ведь не задавил же, — ответил Сидролен, стараясь быть объективным.

— Как же! Он сделал все, что мог!

— Так вас же предупреждали. Видите, написано: «Опасная зона! Берегись грузовиков!». Когда я ходил в школу, я часто думал, зачем нас учат читать; теперь-то я понял: чтобы спасаться от грузовиков.

— Может быть. Представьте себе, я тоже выучился читать в школе, правда, на другом языке, не на вашем. Так что ж теперь, меня за это давить надо?!

Мимо ехал на мопеде какой-то господин; резко тормознув, он соскочил с седла и, таща свою машину за один рог, подошел к беседующим. Господин был одет в длинную черную сутану и того же цвета сомбреро с отогнутыми вверх полями.

— Ad majorem Dei gloriam![27] — возгласил он, простерев вперед руку.

— Этот господин не понимает по-французски, — сказал Сидролен.

— Sed tu?[28]

— А я понимаю, но неважно.

— Ладно, ладно.

Он снова уселся на мопед, проехался в нарушение дорожных правил по тротуару и чуть дальше вырулил на шоссе, влившись в поток уаттомобилей.

— Ишь, мироносец, несется что твой миноносец! — заметил прохожий.

Сидролен зевнул.

---

[27] Примечания: 27
К вящей славе Господней! *(лат.)*

[28] Примечания: 28
А ты знаешь? *(лат.)*

— Спать хотите? — осведомился прохожий.

— Нет, хочу есть. Обедать пора. Прошу прощения, но я желал бы продолжить свой дотрапезный променад, дабы завершить обычный маршрут.

— Я вас уже информировал о том, что я иностранец, — ответил прохожий несколько раздраженным тоном. — Вы еще не забыли тот грузовик?

— Так вы что, из этих, из кочевников? — вежливо поинтересовался Сидролен.

— Я? Отнюдь! Я живу в гостинице...

— А я вон на той барже...

— И даже в роскошной гостинице...

— Пришвартованной...

— С унитазом в ванной...

— У набережной...

— Где есть лифт...

— И я мог бы даже иметь телефон...

— И телефон прямо в номере...

— И синий номер с цифрами, как на настоящем доме...

— И автомат для международных звонков. Вы набираете номер...

— Номер двадцать первый...

— Первый этаж, где есть бар...

— И я мог бы удить прямо из окна...

— Прямо как в Америке...

— Да, я мог бы удить, если бы я удил, но я не люблю удить.

— И вы абсолютно правы, — согласился прохожий, внезапно вняв речам своего собеседника. — Рыбная ловля — такое же жестокое занятие, как бой быков.

— Мне и в голову не приходило такое сравнение, — скромно заметил Сидролен.

— А вы поразмыслите хотя бы минут пять. Ведь эти удильщики с их удочками — настоящие садисты и маньяки. Они совершенно незаслуженно пользуются репутацией добрых философов. Ну скажите откровенно, разве вы не считаете рыболовный крючок оружием еще более коварным, порочным и варварским, чем бандурилья?

— Бандурилья?

— Ну, знаете, такая штука, которую втыкают в шею быку.

— А вы уверены, что она называется именно так?

— В данный момент я называю ее именно так, значит, она именно так и называется, а поскольку вы в данный момент беседуете именно со мной,

вам придется принять мои слова на веру[*].

— Признаюсь, что верю вам безраздельно.

— Вот видите! Ну ладно, покончим с этой темой и будем считать, что мы добились начатков взаимопонимания, которое во время ООНо сулило народам всеобщий мир. С вашего позволения, я продолжу свою прогулку. Рад был с вами познакомиться.

И прохожий удалился под трели мастера, свистевшего на обеденный перерыв. Сидролен совершил обратный переход шоссе с удвоенной осторожностью, ибо наступил тот вечерний час, когда уаттомобили едут утолять жажду. Выбравшись живым и невредимым на противоположный тротуар, он вновь констатировал, что загородка и дверца в ней девственно чисты от всякой мазни.

Укропная настойка с минералкой, литровка с красным и баночка с горчицей уже поджидают Сидролена к обеду. На сей раз ему подают паштет из анчоусов, деревенскую кровяную колбасу под картофельной шубой, рокфор и три ромовых бабы. Анчоусы серы и слякотны, как осенний день,

---

[*] Примечания: *

...вам придется принять мои слова на веру — перефразировка заявления Шалтая-Болтая, одного из героев сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

кровяная колбаса малокровна, картофельная шуба вся в прорехах, рокфор скрипит под ножом, а ром в дряблых бабах может претендовать самое большее на звание воды.

Сидролен вздыхает и шепчет:

— Опять фиаско!

— Ну и что же подают в вашей люкс-таверне? — осведомился герцог д'Ож.

Хозяин ответил:

— На первое — боршч, это такой шлавянский швекольный шуп, на второе — рубцы «Украшение воина», и все это идет под вино с виноградников Сюрена.

— Господи Боже, и еды-то на один коренной зуб! — презрительно фыркнул герцог.

— А мессир когда-нибудь пробовал боршч? — возразил трактирщик, оскорбленный в своих трактирщицких чувствах до такой степени, что стал наглым.

— Черт меня побери! — воскликнул герцог, обращаясь к Пострадалю. — За какого сосунка он меня принимает? Да я знаю про боршч еще со времен королевы Анны[*]!

---

[*] Примечания: *

Королева Анна (1024–1075) — дочь киевского князя Владимира, вышедшая замуж за французского короля Генриха I. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Потрясенный трактирщик тут же отвесил герцогу низкий поклон.

— Судя по твоей роже, — продолжал герцог, — ты и слыхом не слыхал, кто такая королева Анна.

— Я, право, мессир...

И в самом деле, похоже было, что трактирщику об этой даме ровно ничего не известно.

— Ах, Пострадаль! — посетовал герцог. — Смотри, как быстро народ забывает о своих добрых королях и прекрасных королевах! Каких-нибудь несчастных двести лет прошло, и вот этот презренный трактирщик уже знать не знает, кто такая Анна Владимировишня, что, впрочем, не мешает ему подавать своим постояльцам боршч. Ладно, Бог с ним совсем!

И, пользуясь достигнутым моральным перевесом над хозяином, герцог продолжал в таких словах:

— Для начала, трактирщик, я выпью перед боршчом штаканчик какого-нибудь экштракта, к примеру, укропной наштойки. Можешь ты подать мне укропной наштойки?

— Ах, мессир! — вскричал трактирщик, чуть не плача. — Нижайше прошу вас, не извольте позорить герб моего трехзвездного заведения!

И он опять принялся отвешивать поклон за поклоном.

— Ну и кривляка, — заметил герцог, — извивается что твой маг или магометанин.

— Могу ли я подать вам укропной настойки?! — продолжал трактирщик душераздирающим голосом. — Мессир, я держу укропные настойки не одной, а десятков марок!

— Ишь ты! Ну так неси самую лучшую. И пускай моим лошадям зададут самого лучшего овса, самого лучшего сена и подстелят самой лучшей соломы.

Слуги засуетились вовсю. Герцог раздавил великое множество стаканчиков укропной настойки. Двое дюжих мускулистых молодцов внесли громадный котел с борщчом, но тут в таверну с ужасными воплями ужаса ворвался некто. Он трясся как осиновый лист, и его желто-багровая физиономия с зелеными прожилками постепенно белела как мел.

— Ой-ой-ой! — запричитал он, подпрыгивая на месте. — Ой-ой-ой!

— Эктор! — вскричал трактирщик. — Не стыдно ли тебе, не позорно ли тебе нарушать своим воем покой моего питейно-трапезного заведения?! Да я тебя сейчас палкой отколочу, ей-Богу! Это мой

слуга, конюх, — разъяснил он герцогу.

— Ой-ой-ой, Иисусе сладчайший! — причитал без умолку слуга-конюх. — Ой-ой-ой, какого я страху натерпелся, во всю мою несчастную служебно-конюшенную жизнь я так не пугался, как нынче! Ой-ой-ой, как боязно!

— Да расскажи, что стряслось-то?

— Нельзя ли мне сперва стаканчик укропной настойки для укрепления сил?

Эктор потянулся было к бутылке на столе герцога, но тот крепко треснул его по пальцам.

— Ай! — взвизгнул Эктор.

— Да ты будешь говорить или нет?

Хозяин прямо из себя выходил от волнения.

— Дадут мне здесь, наконец, боршч или нет? — со зловещей ухмылкой вопросил герцог. — Пускай эти дюжие и мускулистые молодцы ставят котел на стол и...

— Его конь разговаривает! — взвыл вдруг Эктор. — Конь вот этого мессира, — уточнил он, крайне непочтительно тыча пальцем в герцога, — он разговаривает, как вы и я! Ой-ой-ой!

— Вот болван! — отозвался герцог.

— Ну, гляди у меня! — угрожающе сказал трактирщик. — Если ты соврал...

— Да я побожусь, что это правда! Побожусь,

что не вру! Мессиров конь разговаривает!.. он болтает!.. он хвастается!..

— Тогда это дьявольские козни! — вскричал трактирщик.

При этих словах дюжие и мускулистые молодцы выронили большой котел, и его содержимое хлынуло на пол. Все присутствующие бухнулись на колени прямо в боршч, обжигая ноги и крестясь так часто, что в глазах зарябило; «Патеры» и «ностеры»[*] так и загудели со всех сторон.

— За неимением боршча, — сказал герцог спокойно, — мы могли бы отведать рубцов «Украшение воина».

Но повар, зараженный всеобщей паникой, только что уронил блюдо с рубцами в очаг.

— Опять фиаско! — взревел герцог.

Тем временем по близлежащим улицам уже разнесся слух, что в таверне «Три звезды» объявился говорящий конь, и простолюдины столичного города Парижа вовсю замололи языками, обсуждая эту замечательную новость. Вот что, в частности, говорилось:

— Конь словцо уронит, душу черт схоронит.

---

[*] Примечания: *

«Патеры» и «ностеры». — «Pater noster» — латинская католическая молитва, начинающаяся словами «Отец наш небесный...». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Петух ночью пропоет, фасоль вонью изойдет.

— Заболтает устрица, хворь тотчас напустится.

— Рыба речи поведет, боров кровью изойдет.

— Коли зебра петь «до» станет, сатана уж вас достанет.

И прочие ширпотребные поговорки, изошедшие из таинственного, столь же сомнительного, сколь и плутотворного источника весьма средне вековой мудрости островитян столичного города Парижа.

— Мессир, — шепнул герцогу Пострадаль, — похоже, дела наши, как вы и предвидели, сильно поплошали. Не вернуться ли нам поскорее домой?

— Без обеда?

Снаружи послышались крики:

— На костер его, негроманта! На костер чародеятеля!

— Ты прав, — согласился герцог. — Боюсь, что рейтинг наш в этом квартале сильно упал.

Он встал из-за стола и в сопровождении Пострадаля направился в конюшню; народ, толкаясь и визжа, тут же пустился наутек.

— Ах, мой милый Демо! — сказал герцог. — Ну какого дьявола тебе вздумалось демонстрировать

свой дар речи какому-то конюху? Теперь вот вся эта горластая сволочь докучает нам и грозится поджарить на костре.

— Что поделаешь, мессир! — отвечал Сфен. — Мерзавец конюх решил поживиться и не дал мне ни зернышка овса. Вы предпочли бы, чтобы я ему спустил это?

— Нет, нет, мой добрый Демо, ты был прав. Пускай этот негодяй подохнет со страху, он это заслужил. В путь!

На улице их поджидала довольно большая толпа.

— Эй! Эй! — вскричали многие благочестивые прихожане. — Это тот самый проклятый вельможа, что открестился от крестового похода. Этот альбигоец[*], как пить дать, молится Магомету, а коняга его уж верно сам сатана!

На герцога и Пострадаля градом посыпались булыжники, за ними последовали горящие головешки и говёшки, табуреты и табуретки, черепа и черепицы. Герцог был еретиком, аристократом и провинциалом, — иначе говоря, обладал всеми теми качествами, которые приводят в ярость

---

[*] Примечания: *

Альбигойцы — участники еретического движения в южной Франции XII–XIII вв. Были осуждены Вселенским Собором 1215 г. и разгромлены в альбигойских войнах. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

добрых людей, но — что вы хотите! — Бастилию берут не каждый день, особливо в тринадцатом веке.

Выхватив меч из ножен второй раз за день, герцог Жоашен д'Ож врезался в толпу и мигом прикончил двести шестнадцать человек — мужчин, женщин, детей и прочих, из коих двадцать семь были патентованными биржуа, а двадцать шесть вот-вот должны были таковыми стать.

Чтобы выбраться из города, им пришлось, сверх того, сразиться еще и с лучниками.

III

— Эй! Эй! послышался крик.

Но Сидролен недвижим, его сонное дыхание мерно вздымает носовой платок, которым он покрыл лицо.

— Эй! Эй! — слышится еще громче.

— Опять какая-нибудь канадка со своим игроком на банджо, — бормочет Сидролен под платком.

— Эй! Э-э-эй!

Крик явно приближается.

— Она одна. Ну и настырная же!

Сидролен решает прервать сиесту. Зевнув, он

встает. У сходен действительно топчется какая-то девица в полном туристском облачении.

— Извините, месье, — говорит она, — как я пройти на туристическая турбаза для туристов?

На вопрос Сидролен отвечает также вопросом:

— А вы, случайно, не канадка?

Да, верно, она канадка, и отнюдь не случайно, а скорее по необходимости, поскольку она родилась канадкой и пока что не вышла замуж за иностранца (она, впрочем, вовсе не утверждает, будто она еще девица), а также не приняла ни руманского, ни занзибусского подданства. Приглядевшись к ней повнимательней, Сидролен замечает, что пригляделся к ней недостаточно внимательно, ибо, не будучи расистом, сразу не просек, что она краснокожая.

— Я вас удивляет? — жеманно осведомилась девица.

— Никоим образом, — ответствовал Сидролен.

— Я есть ирокезка, — заявила девица, — и я этим гордится!

— Ну что ж, есть чем.

— Это есть ирония?

— Нет, нет, я не иронизирую над ирокезами.

— Я вас имела разбудить?

— Я бы солгал, ответив отрицательно.

— Значит, вы надо мной сердиться?

— Голубушка, для чужеземки вы изъясняетесь чересчур вычурно.

— А эта туристическая турбаза, — вы наконец расположены говорить мне, где она есть расположена?

Сидролен, прилежно жестикулируя, уточнил месторасположение данного объекта с точностью до десяти сантиметров.

— Я вас благодарит, — отвечала ирокезская канадка, — и я вас просит простить за то, что я имела потревожить ваша сиеста, но мне говорили, что все французы такие любезнательные, такие услужительные...

— Н-да, есть такое мнение...

— Вот почему я и разрешилась...

— Решилась!

— Решилась? Но... как же... без префикса?!

— А вы еще верите в префиксы? Так же искренне, как в любезнательность и услужительность моих соотечественников? Не слишком ли вы легковерны, мадемуазель?

— О Боже! Да разве можно не верить французская грамматика?.. Такая нежная... такая чистая... очаровательная... обаятельная... замечательная...

— Ну-ну, мадемуазель, не стоит лить слезы из-за

пустяков. Лучше поднимайтесь ко мне на баржу да пропустите стаканчик укропной настойки, чтобы взбодриться.

— Ах, вот оно что! Вы есть сатир! Меня также говорили это. Все французы...

— Мадемуазель, поверьте, я...

— Если вы, месье, надеетесь достигнуть своих грязных, гривуазных целей, расточая мне свои любострастные любезности, чтобы завлечь в свой вероломный вертеп меня, бедную простушку, нет, более того, — бедную ирокезушку, то вы глубоко заблудились, месье, да, вы глубоко заблудились!

И, круто развернувшись, юная девица вскарабкалась на косогор, выставив при этом на обозрение весьма гармонично развитую мускулатуру своих нижних конечностей.

— Еще одна канадка, которой мне больше не видать! — прошептал Сидролен. — А ведь сколько я их перевидал, этих канадок, — целые кучи докучных канадок: канадки-загадки, канадки-верхоглядки, канадки-ретроградки, канадки-психопатки, но все, как одна, в куртках без подкладки: а впрочем, что ж тут странного, — ведь вижу-то я их летом. Или по весне. Или по осени. Эх, не сообразил, что бы мне сказать

ей: какой, мол, нынче погожий осенний денек! — может, она хоть на это не рассердилась бы.

Он зашел в кубрик глянуть, который час, и в результате сего демарша вновь разлегся на своем шезлонге, дабы достойно завершить прерванную сиесту.

Когда он вновь открыл глаза, то узрел вокруг все, что видел каждый Божий день: стены своей спальни, стрельчатое окно, едва пропускавшее свет, и скорчившегося в ногах постели, на охапке соломы, верного пажа Пострадаля в окружении нескольких псов, причем они носили такие имена: Ату, Ату-у, Ату-у-у, Улюлю и Прочь. Привычное зрелище сильно утешило герцога, и он, поднявшись с постели, разбудил всю компанию пинками, чем вызвал хныканье одного и лай других.

Облегчив душу утренним патерностером, а мочевой пузырь — на лестнице, герцог направился в часовню, дабы прослушать там мессу, отправляемую его капелланом Онезифором Биротоном. Онезифор Биротон был, что называется, аббат-наставник: стоило герцогу наставить ему синяк, как аббат наставлял ему два; вот почему герцог горячо любил своего духовного пастыря и нынче утром спешил потолковать с ним о нескольких

весьма важных вещах. Не успел аббат Биротон отмессироваться, как герцог д'Ож потащил его к купели, где и сказал:

— Слушай меня внимательно, Онезифор, у меня появилось множество забот, коими я намерен поделиться с тобой по секрету.

— У вас были неприятности в столичном городе Париже?

— Не о том речь, — ответил герцог раздраженно. — А кстати, ты что-то разнюхал или это просто домыслы?

— Хм... хм... — хмыкнул Онезифор. — Должен вам сказать, что за время вашего отсутствия дочери ваши упорно вели себя покорно.

— Ладно, ладно, об этом позже. А сейчас я хочу задать тебе три вопроса, а именно: primo — что ты думаешь о снах, secundo — что ты думаешь о языке животных, и tertio[29] — что ты думаешь о всеобщей истории в общем и об общей истории в частности? Я слушаю.

— Хм... хм... — хмыкнул Онезифор. — Distinguo...[30]

— Никаких «distinguo»! — гаркнул герцог, топ-

---

[29] Примечания: 29
Во-первых, во-вторых, в-третьих... *(лат.)*

[30] Примечания: 30
Я различаю *(лат.)*.

нув ногой. — Слыхал? Никаких там «distinguo», никакой диалектики, хватит с меня этой мути! Я желаю ясности! Слушаю тебя!

— Хм... хм... — хмыкнул Онезифор. — Но я не могу ответить на все три вопроса одновременно: моя речь, как и всякая человеческая речь, линейна.

— Не пойму, к чему ты клонишь.

— А вот к чему: мне следует ответить сперва на один вопрос, потом на второй и, наконец, на последний. С какого вам желательно начать?

— Со второго.

— Optime![31] А какой был второй вопрос?

— Ах ты, осел тупоумный, ты уже перезабыл мои вопросы? Может, тебе еще угодно, чтобы я их повторил, а, дурья башка?

И герцог сопроводил свои слова крепким тычком в правое ухо аббата. На что аббат отвесил герцогу плюхи — с пылу по рылу, с жару — еще пару.

— Ну ладно, — сказал герцог д'Ож, выплюнув резец, — начинай с любого. Например, с первого.

— Я забыл не ваши вопросы, а их порядок.

— Тогда начинай с какого сам хочешь.

---

[31] Примечания: 31
Превосходно! *(лат.)*

— Я начну со снов.

— Прекрасно! Говори, что ты думаешь о снах.

— Одни из них посылает Господь, другие — диавол.

— А ты, случаем, не из альбигоев?

— Никоим образом, мессир; вот послушайте, сколь католично я лично рассуждаю: существует два рода снов: одни посылает Господь, другие — диавол.

— А как их различить?

— О, это и слепому видно.

— Как, я тебя спрашиваю? Каракатица ты вонючая, как ТЫ их различаешь? Я вот их не различаю.

— А между тем это очень легко. Если вы видите небеса, ангелов или даже просто пташек — при условии, что это не ночные пташки, — то сон сей ниспослан Господом, если же вы видите языки пламени, чертей или даже просто всяких ползучих тварей, особенно змей, значит, сон сей исходит от диавола.

— Да я никогда ничего такого не вижу.

— А что же вы видите, мессир?

— Мне часто снится, будто я живу на какой-то барже, полеживаю в шезлонге, накрываю лицо носовым платком и совершаю недлинную

сиесту.

— Баржа... шезлонг... сиеста... Это что еще за чертовы слова? Я их не постигаю.

— Эти слова я придумал сам для обозначения вещей, которые мне снятся.

— Так вы, стало быть, увлекаетесь неологизмами, мессир?

— Ну, ологизмами или не ологизмами, это не твое собачье дело, а моя герцогская привилегия! Итак, я беру латинское «sexta hora»[32] и образую из него слово «сиеста»; или же, взяв из вульгарной латыни слово «barga»[33], которое нахожу и впрямь вульгарным, преобразую его в «барку» или в «баржу»; что же касается шезлонга, то я просто-напросто слил два самых что ни на есть французских слова в одно, руководствуясь самыми что ни на есть общепринятыми и диахроническими законами лингвистики.

— Ох, мессир, далеконько же вы ушли от премудрой и наихристианнейшей онирологии! Ваша семантическая наука сильно попахивает ересью.

— Какая же это ересь — видеть во сне баржу?!

— Ну, я, конечно, признаю, что во сне редко

---

[32] Примечания: 32
Шестой час *(лат.).*

[33] Примечания: 33
Лодка *(вульг. лат.).*

увидишь ангелов и святых. Судя по моему личному скромному опыту, чаще всего снятся мелкие происшествия повседневной жизни.

— Ну, а они, каракатица ты вонючая, посылаются дьяволом или Богом?

— Ни тем, ни другим. Они безразличны. Положительно безразличны. Ad primam respondi[34].

— Ишь ты какой шустрый! Нет, аббатишка, так легко тебе не отделаться! Не для того я тебя держу, чтобы выслушивать эдакие пустяшные отговорки, каких я и сам напридумаю сколько хочешь. Неужто ты надеешься по-прежнему получать от меня ежедневный харч за подобные благоглупости? Я требую вразумительного ответа!

И герцог, нацелясь в правую берцовую кость аббата, применил добрый старый прием — выпад ногой, достигший своей цели. Онезифор вознамерился ответить, лягнув герцога в живот, но промазал и растянулся на полу. Тотчас же герцог вспрыгнул на него и принялся топать с криком:

— Отвечай, дурья башка! Отвечай!

Тот сделал знак, что согласен.

— Итак? — спросил герцог, спрыгивая со своей жертвы.

---

[34] Примечания: 34
На первый я ответил *(лат.).*

— Итак, — сказал аббат, поднимаясь на ноги, — это все сны из того промежуточного мира, что населен троллями, феями, гномами, домовыми, эльфами, лешими, духами, карликами, ундинами и водяными — существами, которые ни Богу свечка, ни черту кочерга, ибо они не привержены ни добру, ни злу.

— Ишь ты как заговорил: ни вашим, ни нашим. Интересно, что скажет на это Святая Инквизиция!

— Optime! Таков мой ответ на ваш вопрос. Ad secundam[35], касающийся языка животных...

— Что-то ты больно заторопился, любезный!

— ...скажу вам, что отнюдь не всеми признается, будто Адам, преступив Господний запрет, увлек за собою, в падении своем, и животных тварей. Самые именитые богословы оспаривают этот тезис. С другой стороны, поскольку они явно не участвовали в строительстве Вавилонской башни, ничто не мешает им понимать друг друга.

— Кому, богословам?

— Нет, мессир, тварям.

— Ишь ты умник какой! Я же тебе толкую не о тех животных, что говорят между собой, а о тех,

---

[35] Примечания: 35
На второй... *(лат.)*

которые говорят человеческим языком, а ты мне тут болтаешь невесть что.

И герцог размахнулся, собираясь влепить аббату затрещину, но тот, опередив собеседника, врезал ему прямым в челюсть, заставив слегка покачнуться.

— Ad tertiam, respondeo[36], — поторопился сказать капеллан.

— Погоди, погоди! — прервал его герцог, водворяя на место свернутую челюсть. — Не так быстро! Я бы желал послушать твое мнение о животных, говорящих в моих снах. Эти-то от Бога или от черта?

— Никакого значения! Без разницы. Ad tertiam...

— Погоди, погоди! Ты мне только что сказал, что в снах ползучие твари есть дьявольское наваждение.

— Dixi[37].

— А если они говорят?

— Bis diabolici[38].

---

[36] Примечания: 36
Отвечаю на третий *(лат.).*

[37] Примечания: 37
Я сказал *(лат.).*

[38] Примечания: 38
Вдвойне дьявольское... *(лат.)*

— А если с ними говорят?

— Ter diabolici[39].

— А если они отвечают?

— Quater[40].

— Ладно. Это меня вполне устраивает, ибо я никогда не беседовал во сне со змеями, не в пример праматери нашей Еве.

— Но она-то беседовала вовсе не во сне.

— А что видел во сне Адам, когда Господь Бог усыпил его, чтобы вытащить ребро?

— Это уже четвертый вопрос, который мы можем отложить на завтра. Ad tertiam, respondeo...

— Погоди, погоди. Я еще не покончил с говорящими животными. Вот, например, уаттомобили — они от Бога или от дьявола?

— Уаттомобили? Понятия не имею, что сие.

— Это такие вертлявые визгливые твари, они бегают туда-сюда на круглых лапках, не едят никакой твердой пищи, а пьют только олеум[*]. И глаза у них светятся в темноте.

---

[39] Примечания: 39

Втройне... *(лат.)*

[40] Примечания: 40

Вчетверо *(лат.)*.

[*] Примечания: *

Олеум — старинное название нефти. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— В жизни такого не видывал.

— А вот я так частенько вижу их в снах. Тысячами, миллионами, легионами. Они заполняют все улицы и дороги. И это от них доносится с набережной ко мне на баржу тот ровный, несмолкаемый гул...

Поскольку пересказы снов не интересовали аббата Биротона, он немедленно заснул.

— К вящей славе Господней!

Сидролен обернулся.

— О, прошу прощения, — сказал человек, одетый в серо-стальной безупречного покроя костюм. — Я вас знаю, и мне не хотелось лишний раз беспокоить... Вы ведь местный?

— Я живу на барже, там, напротив, — сказал Сидролен.

— Достаточно. A Dieu![41]

Квазисвященник оседлал свой мопед и покатил к туристической турбазе для туристов. Сидролен, глазевший на прилежно трудящихся строителей, продолжил свою прогулку в том же направлении. За оградой из колючей проволоки множество альбионцев, брабантцев, нидерландцев, финнофонов, пиктов, галлов, остзейцев и норвегов с

---

[41] Примечания: 41

Господь с вами! *(фр.)* — созвучно слову «адьё».

упоением предавались своим занятиям, каковые состояли в беготне от автокаравана или палатки к туалетам, от туалетов к душевым, от душевых к столовой, а от столовой к автокаравану или палатке в ожидании новых дорог и маршрутов, ведущих к Эльсинору, Зальцбургу, Упсале или Абердину. Это суетливое кишение сопровождалось разноголосой музыкой: назойливое нытье десятков транзисторов временами заглушалось хоровым пением на иностранных языках под аккомпанемент волынки, рожка или окарины. Особо жизнерадостные особи испускали восторженные вопли и колотили себя кулаками в грудь, изображая барабанную дробь.

Рядом с Сидроленом толпились другие зеваки; один из них заметил:

— Дивимся на них, как на заморских зверюшек, а ведь это все же не зоопарк.

— Почти, — сказал Сидролен.

— Ну, не станете же вы утверждать, будто это не люди, а животные.

— Докажите! — сказал Сидролен.

— Они разговаривают.

— А попугаи? — сказал Сидролен. — Разве они не разговаривают?

— Попугаи не понимают, что говорят.

— Докажите! — сказал Сидролен.

— Ну и зануда же вы! С таким занудой никакого душевного разговора не получается.

— Однако же он получился, и очень даже душевный. Признайте, что не каждый день вид туристической турбазы для туристов вызывает соображения, достойные того, чтобы записать их на магнитофон.

— Засунь свой магнитофон знаешь куда? — сказал с омерзением зевака и удалился, недовольно ворча.

Тот же квазисвященник издали помахал Сидролену. Сидролен весьма учтиво ответил ему тем же, после чего вернулся к себе. Загородку и дверцу на откосе вновь осквернили ругательные надписи. Достав банку с краской и кисть, Сидролен принялся их замазывать.

IV

На террасе кафе влюбленные парочки упражнялись в поцелуях типа «засос»; слюна текла рекой по их влюбленным подбородкам; среди самых оголтелых «засосочников» находились Ламелия и ее гортранспортист; особенно увлеклась Ламелия, а гортранспортист все же не забывал

время от времени поглядывать на часы, памятуя о своих профессиональных обязанностях. Ламелия же, закрыв глаза, с поистине религиозным пылом предавалась изучению чужого языка.

Но вот настал миг расставания, и гортранспортист медленно приступил к процессу расстыковки; успех достигнутого ознаменовался смачным всхлюпом. Гортранспортист утерся тыльной стороной руки и сказал:

— Надо сваливать.

И он увлажнил пересохшую слизистую рта глотком пива.

Ламелия поглядела на него обалдело. Гортранспортист вынул из кармана монеты и, постучав ими по столику, довольно громко позвал:

— Гарсон!

Ламелия обалдело на него поглядела.

Гарсон приходит, чтобы получить по счету. В этот момент Ламелия кидается на своего гортранспортиста и повторяет трюк с засосом. Молодой человек вынужден объясняться жестами, весьма, впрочем, красноречивыми. Гарсон сгребает монеты. Зрелище засоса отнюдь не засасывает его. Он удаляется.

Гортранспортист предпринимает новую расстыковку. Он действует мягко и грациозно,

результат опять сопровождается смачным всхлюпом. Затем он вытирает губы тыльной стороной руки и говорит:

— Теперь и вправду пора сваливать.

И, осушив залпом кружку, проворно встает.

На него обалдело Ламелия глядела. Она также встала, говоря:

— Мне спешить некуда, пройдусь-ка я с тобой.

— Да знаешь, счас час пик, я буду психовать из-за опоздания, так что трепаться с тобой все равно некогда.

— Ничего, я погляжу, как ты крутишь свою билетную машинку, послушаю, как ты выкликаешь остановки, и буду счастлива.

— Еще вопрос, влезешь ли ты в автобус. Народищу будет!..

И его-таки было! Двести семнадцать человек топтались на остановке, образуя очередь в полном соответствии с официальными предписаниями. Ламелия встала в очередь, начало очереди вошло в автобус, автобус переполнился, а она все еще торчала в хвосте, среди несостоявшихся пассажиров, когда ее красавчик элегантным жестом крутанул лицом к ним табличку с надписью «местнет» и прозвонил к отправлению. Автобус отчалил, гортранспортист помахал рукой, ад-

ресуясь, вероятно, к кому-то, затерявшемуся в очереди потенциальных пассажиров, которая непрерывно удлинялась. Ламелия круто повернулась и попыталась пробиться сквозь этот хвост, что шел в рост. Она двигалась против течения, а кругом говорили:

— Эй, цыпочка, сама не знаешь, чего хочешь!

— Ишь куда прет, как будто тут без нее горя мало!

— Ох уж эти бабы, семь пятниц на неделе!

— Прет поперек очереди, и ей еще слова не скажи!

Какая-то дама вдруг заголосила:

— Вы чего толкаетесь! Не видите, что ли, мой живот?

— Если вы беременны, — огрызнулась Ламелия, — то и становились бы вперед, где вам положено.

Тут какой-то гражданин, с ходу не разобравшись в этом диалоге, разорался вовсю.

— Расступитесь! — кричал он. — Расступитесь, беременной женщине плохо!

— Расступитесь! О Господи, вам что, непонятно? Тут беременная!

— Да расступитесь же! Почет беременным и слава материнству!

— Расступитесь! Расступитесь!

— Расступитесь пошире!

Ламелию выбросило из толпы сострадателей, словно пучок водорослей на нормандский пляж. Она удалилась. Вновь прошла мимо кафе: парочки на террасе как присосались друг к другу, так с тех пор и не отлипли. Вконец исполненная меланхолии, Ламелия добрела до набережной.

Так, мало-помалу, она добралась и до «Ковчега».

Сидролен отдыхал на корме; удобно растянувшись в шезлонге, он не спал и не дремал, просто глядел вдаль. Появление Ламелии ровно никак не повлияло на его дефицит активности. И только когда ему принесли укропную настойку с минералкой, он вышел из транса, приняв разом сидячее положение и решение сообщить следующее:

— Заходил инспектор по судовым налогам.

— А я ехала в автобусе, — было ему ответом.

— Осмотрел все, от носа до кормы.

— Кондуктор был ну прямо умора.

— И я удостоился его поздравлений.

— Он каждому пассажиру отпускал шуточки.

— Он счел, что «Ковчег» достоин двух якорей в категории «А».

— Ну, он и меня не пропустил.

— Два — это, конечно, еще не три. Но тоже неплохо...

— Вы, говорит, чертовски складненькая, даже складнее, чем талонная книжечка, и уж куда пухлее, чем проездной билет.

— Конечно, за два якоря мне придется платить налог повыше, но престиж дороже.

— Ну вы даете! Ну вы вообще!.. — вот так я ему и отрезала.

— Он отметил одну вещь...

— Но на меня все равно смех напал.

— Вы, говорит, называете это «Ковчегом», а на борту нет ни одного животного, вот парадокс! Это верно, ответил я ему, но на каждый парадокс есть свой ортодокс. Ладно, ладно, — это он мне, — мое дело было сказать. А я ему: и мое тоже. С тем он и ушел. Он остался доволен собой, а я собой. В общем, если не считать еды, денек выдался вполне удачный, правда, он пока не кончился. Всякое еще может случиться.

— Этот тип... он мне нравится.

— Кто, инспектор?

— Кондуктор четыреста двадцать первого автобуса.

— Да там их небось не один и не два.

— Тот, с кем я познакомилась.

— Ну, я-то с ним не знаком.

— Я же тебе только что рассказала.

— Так тебе не интересно, что «Ковчегу» присвоили два якоря в категории «А»?

— Есть чему радоваться! Почему же не три? Зря, что ли, я его драю с утра до вечера?

— Терпение! Когда-нибудь дадут и три.

— А почему бы уж сразу не четыре?!

— Ладно, ладно.

И Сидролен потянулся к бутылке с укропной настойкой, собираясь подлить себе в стаканчик.

— Ты слишком много пьешь, — предостерегли его.

Сидролен пожал плечами и щедро плеснул себе из бутылки.

— Ну так что там с твоим кондуктором? — спросил он.

— От укропной настойки с ума сходят, так написано в газетах.

Сидролен сдвинул брови, раздвинул их, чтобы осушить стакан, и снова старательно сдвинул. Переносицу его перерезали четыре глубокие морщины. Он пробурчал:

— Все удовольствие мне испортила. Опять фиаско!

Бутылка, минералка и стаканы уносятся прочь.

— Ну так расскажи про своего кондуктора.

— У меня дел полно.

— Я возьму банку с краской?

— Да нечего там замазывать.

Это верно, а потому Сидролен заново разваливается в своем шезлонге и устремляет взор на горизонт.

На горизонте показался Особый Монархический Отряд Ненасильственных Операций; дозорный поспешил сообщить о нем герцогу д'Ож, который отдал необходимые приказы таким трубным голосом, что аббат Биротон незамедлительно проснулся.

— ОМОНОвцы идут! — провозгласил герцог, потирая руки. — Сейчас мы их вздуем как следует!

— Что происходит? Откуда здесь ОМОНОвцы?

— Ах да, я же тебе еще не рассказывал. Я там пристукнул парочку биржуа, которые мне проходу не давали.

— Гнев — плохой советчик, мессир. Не пришлось бы вам раскаяться!

— Да ради Бога, но только у этих паршивцев намерения куда более коварные.

— Наш святой король не любит шутить с осту-

пившимися сеньорами.

— Н-да, он нас принимает всерьез, — ответил герцог самодовольно.

Теперь на горизонте виднелись уже не один, а несколько отрядов; они со всех сторон двигались к замку.

— Плохо дело, — прошептал аббат, — дело плохо!

— Не волнуйся, я же тебе сказал: пусть они только пальцем нас тронут, я их всех до одного ликвидну.

— Господи Боже, вы решили вдобавок еще и мятежником стать?!

Тем временем ОМОНОвцы брали замок в кольцо; самый геройльдический из них приблизился к подъемному мосту и жестами — сколь героическими, столь же и геройльдическими — дал понять, что намерен вручить послание сеньору данного владения.

Аббат запричитал:

— Ну и история! Ох, и история!

— Да, в самом деле, ты мне еще не ответил на мой третий вопрос о всеобщей истории в общем и об общей истории в частности.

Но тут приводят геройльда, который принимается объяснять герцогу, что святой король им

крайне недоволен, что гробить биржуа по таким мелким поводам давно уже не принято: знатным сеньорам надлежит усвоить раз и навсегда, что людям не вышибают мозги так просто, за здорово живешь, вследствие чего Жоашен, герцог д'Ож, обязан выплатить из своей казны по сотне турских экю чистейшего, без примеси, золота за каждого жмурика, что составит весьма весомую сумму, тем более что есть еще и такие, что пока не совсем откинули копыта, хотя вполне могут, и пусть Жоашен, герцог д'Ож, узнает, что сумма сия не целиком будет направлена на возмещение убытков вдов, вдовцов и сирот, но главным образом пойдет на финансирование ближайшего планируемого крестового похода.

Сверх того Жоашен, герцог д'Ож, обязан прочесть шесть тысяч шестьсот пятьдесят семь «Pater», столько же «Ave» и в три раза меньше «Confiteor»[*], а также заказать мессу по каждому усопшему, на каковых мессах ему надлежит присутствовать босым, в одной рубашке и с обнаженной головой, посыпанной пеплом, холодным или горячим — это уж на его усмотрение.

И к сему: пусть Жоашен, герцог д'Ож, хорошень-

---

[*] Примечания: *

«Pater», «Ave», «Confiteor» — католические молитвы. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ко усвоит, что святой король охотно повесил бы его за оба уха вплоть до того, как воспоследует смерть, если бы названный святой король не изволил помнить об услугах, оказанных Жоашеном, герцогом д'Ож, делу христианства — как в Дамьетте, так и в Мансурахе.

И наконец, последнее: Жоашен д'Ож имеет полную возможность оставить при себе свои турские экю чистейшего, без примеси, золота и вполовину сократить число назначенных ему «Pater» и число назначенных ему «Ave», хотя число сие и нечетное, а также на четверть — число назначенных ему «Confiteor», хотя четыре не есть кратное число от двух тысяч двухсот девятнадцати, при том, что число месс должно остаться неизменным, хотя герцогу даруется позволение присутствовать на них одетым и обутым по своему усмотрению; но все это при одном простом, невинном, необременительном и извинительном условии: названый герцог должен присоединиться к своему святому королю, дабы выпотормошить проклятых сарацинов в ближайшем планируемом крестовом походе.

— Никогда! — вскричал герцог д'Ож. — Я уже растолковал ему, что ноги моей больше не будет в этой распроклятой африканской дыре. Один

крестовый поход — еще куда ни шло, но два — это уж слишком!

— Стало быть, мессир, — вопросил геройльд, — вам никак не угодно вырвать Гроб Господень из грязных лап неверных?

— Да в гробу я его видал, этот Гроб, Чайльдгерольд ты мой несчастный! Мы ведь опять вернемся оттуда без Гроба, если не гробанемся прямо там. Даже наш Святой Отец и тот больше не верит в успех сего предприятия. Вот уже двести лет, как мы тужимся, чтобы отвоевать его, этот Гроб, а Гроб и ныне там, в руках у неверных.

В ужасе, горé возведя очи, геройльд закрестился что есть мочи.

— Кстати, каким же это манером, — продолжал герцог д'Ож, — мы вырвем из рук неверных этот самый Гроб, отправясь в Тунис? Ха! Тунис! А почему бы нашему святому королю не наведаться к гундусам или к кидайцам? Почему не снаряжает он корабли на море-океан, к Тюленьим островам, — может, он и там откроет какую ни на есть неведомую землю, заселенную неверными, чтобы и их выпотормошить под тем же предлогом?

— Воздержитесь, мессир, воздержитесь! — шепнул аббат Биротон.

В ужасе, горе возведя очи, геройльд крестился

что есть мочи.

— Нет, нет и нет! — заключил герцог д'Ож. — Моя не идти крестовый поход. Я готов прочесть всю эту чертову уйму патеравеконфицеоров, я отстою все эти пеплоусыпательные мессы, я расстанусь с прекрасными турскими экю чистейшего, без примеси, золота, но тащиться к черту на кулички, за тридевять земель, в сторону Сирта[*], — нет, нет и нет! Таков мой ответ. А засим позволю себе заметить, что святой король запретил нам, знатным сеньорам, имеющим привилегию чеканить свою монету, хождение оной монеты, экю и солей, за пределами наших владений, — тем не менее он почему-то изъявляет желание увидеть цвет нашего золота. А в заключение, геройльд, я призываю тебя очистить наши земли от твоего мерзкого присутствия, а также от не менее мерзкого присутствия твоих приспешников. Я сказал.

— Я здесь не задержусь, мессир, но мне невозможно отбыть, не взыскав сперва маленький задаточек в счет наложенного на вас денежного взыскания, а задаточек сей исчисляется... так-с,

---

[*] Примечания: *

В сторону Сирта — аллюзия на роман М. Пруста «В сторону Свана». Большой Сирт — Ливийский залив на Средиземном море. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

сейчас поглядим... семью тысячами двумястами турских экю чистейшего, без примеси, золота, плюс двенадцать парижийских солей на расходы по регистрации означенной суммы, плюс четыре лиара на марку.

— А разве мне не положена скидка как ветерану седьмого крестового? — спросил герцог с бледной улыбкой, той самой бледной улыбкой, к которой всегда прибегал в том случае, когда кто-нибудь зарился на его экю.

Но геройльд ответил непреклонно:

— Нет. Счет верен.

И добавил:

— Он может только возрасти, но уменьшиться — никогда.

Герцог д'Ож смолк и сделал вид, будто размышляет.

Капеллан догадался, что герцог подумывает об открытом мятеже. Геройльд догадался о том же. Герцог догадался, что эти двое догадались. Капеллан догадался, что герцог догадался, что он догадался, но никак не мог догадаться, догадался ли и геройльд, что герцог догадался, что он догадался. Геройльд же, со своей стороны, никак не мог догадаться, догадался ли капеллан, что герцог догадался, что он догадался, но он догадывался,

что сам герцог догадался, что он догадался.

Эта напряженная ситуация располагала к молчанию, что и позволило каждому из них расслышать, как Белюзина и Пиранелла распевают «Песню пряхи», как ржут лошади, лают собаки, маршируют ОМОНОвцы и блеет Фелица.

— Черт побери! — воскликнул наконец герцог. — Решение мое принято: не видать святому королю, как своих ушей, моих турских экю чистейшего, без примеси, золота, не буду я отстаивать пеплоусыпательные мессы, не желаю читать уйму патеравеконфицеоров и уж вовсе не подумаю пускаться в крестопохождения. Вон отсюда, подлый ОМОНОвец! Прочь — и ты, и тебе подобные — от стен моего замка, иначе я вас попотчую кипящим маслом и расплавленным свинцом, — это превосходное угощение для Особых Монархических Отрядов, которым скорее пристало идти в крестовый поход, нежели докучать доблестным и знатным сеньорам вроде меня. Если эти Капеты[*] и дальше будут так с нами обращаться, то очень скоро всех аристо-

---

[*] Примечания: *

Капеты — презрительное прозвище французских королей (Капетингов), род которых происходил от Гуго Капета. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

кратов отправят на фонарь[*]. Ты слышал меня, геройльд? Я сказал: прочь из замка и моих владений, а если ты не поторопишься, я тебе сам брюхо зубами выем, вот так-то!

От ужаса, горé возведя очи, геройльд вновь закрестился что есть мочи и поспешно сделал необходимое количество шагов вспять, дабы исчезнуть из поля зрения герцога. Подъемный мост опустился, дал геройльду пройти и торопливо поднялся вновь.

— Кипятите масло! — взревел герцог. — Плавьте свинец, и пусть все бурлит и клокочет, живо!

— Не слишком ли вы горячитесь, — робко увещевал его капеллан. — В конце концов, не так уж это страшно — молитвы, мессы...

— Да, но он еще посягает на мое золото, этот Капетишка!

— Ах, подумайте сами, мессир, нельзя же вымещать свое убийственное настроение на добропорядочных биржуа и несчастных вилланах, не платя хоть маленького возмещения их вдовам и сиротам.

— Маленькое возмещение — да пожалуйста,

---

[*] Примечания: *

...очень скоро всех аристократов отправят на фонарь. — «Аристократов на фонарь!» — слова из «Карманьолы», песни времен Великой Французской революции. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ради Бога! Пускай приходят за ним сюда, ко мне. Но зачем им получать его через короля, который попутно загребет часть себе?

— О, вы клевещете на вашего сюзерена, мессир.

— Да нет, дело не в нем. Бедняга... он парень неплохой. Но его судейские и казначеи как пить дать прикарманят мои полновесные, блестящие, новенькие турские экю чистейшего, без примеси, золота. Так что нечего мне тут зубы заговаривать! Эй, вы там, а ну, живо подрумянивайте свинец и готовьте масляный соус погорячее!

И герцог довольно потер руки, а Особые Монархические Отряды тем временем, удалившись на благоразумное расстояние от замка, начали помаленьку прибирать к рукам съестные припасы, предназначенные для герцога, его чад, домочадцев и скота.

Когда аббат Биротон обратил внимание герцога на эти коварные действия неприятеля, тот лишь хлопнул себя по ляжкам и весело рассмеялся.

Я давно уже принял меры предосторожности. Мои запасы позволят нам продержаться все то время, что наш христианнейший король будет пропадать в своем крестовом походе плюс дорога туда и обратно, если, конечно, найдется кому

возвращаться.

— Боже, храни короля! — сказал машинально аббат.

— Ну а коли припрет, будем есть человечину. Вареную, конечно, — говорят, и в ней есть своя прелесть. А ежели захочется свеженьких овощей или фруктов, сделаем вылазку и поколошматим этих подлых ОМОНОвцев. Мне заранее приятно думать о том, как прекрасно их трупики удобрят мои грядки с редисом, до которого я большой охотник. А теперь, аббат, ты ответишь на третий из моих вопросов, а именно: что ты думаешь о всеобщей истории в общем и об общей истории в частности. Момент, как мне кажется, сейчас самый подходящий. Итак, я слушаю.

V

— Ну, ты идешь? — спрашивает Бертранда.

— Ох, и тощища! — говорит Йолант. — Ох, и мучение!

— Ты на мне женился не для одного только удовольствия. Давай-давай, пошли, живо!

— С твоей сестрой я повидаюсь охотно, но папаша твой, знаешь ли...

— Что это я должна знать?

— Ничего, проехали.

— Надеюсь, что проехали.

— Уж я-то знаю, что имею в виду.

— Вот и знай себе на здоровье. И подойди, я тебе перевяжу галстук. Ты даже галстук себе прилично повязать не способен.

У них назначена встреча с Сигизмундой и Люсетом.

— Надо же! — замечает Сигизмунда. — У вас новый уаттомобиль?

— Совершенно не к чему это замечать, — говорит Люсет, — это и так заметно.

— Садитесь! — предлагает Йолант.

— Мы поедем на своем, — отвечает Люсет.

— Надо же! — восклицает Бертранда. — У вас тоже новый уаттомобиль?

— Ничего сверхъестественного! — возражает Йолант. — У всех всегда новые уаттомобили.

— Главное, не устраивайте гонки! — предостерегает Сигизмунда.

Нет, гонок они не устраивают, но к «Ковчегу» подоспевают почти одновременно. Сидролен занят перекрашиванием загородки вдоль набережной. Ламелия поджидает гостей на барже, она уже приготовила укропную настойку, минералку и стаканы. Женщины спускаются с пригорка.

Мужчины — оба — задерживаются возле Сидролена, наблюдая, как он наносит последние мазки; наблюдают они молча, с видом знатоков.

— Неплохая работка, — говорит наконец Люсет.

— Прекрасный труд! — говорит Йолант.

— Ну а баржа, — спрашивает Люсет у Сидролена, — ее вы тоже собираетесь перекрашивать?

— В будущем году, — отвечает Сидролен. — Раз в два года. В прошлом году красил. Ну вот и все.

Прихватив банку с краской, он спускается с пригорка.

— Не расквасьте себе физиономии, — советует он. На мостках он добавляет: — Осторожно, не бултыхнитесь в воду.

Их ждет укропная настойка; женщины тем временем беседуют о телевидении.

— Надо бы тебе купить телевизор, — говорит Бертранда Ламелии. — Чем ты занимаешься вечерами? Наверное, дохнешь со скуки.

— Терплю пока, — говорит Ламелия. — Не вечно же мне здесь торчать.

— А что ж ты собираешься делать?

— Ну, выйду замуж, черт возьми.

— У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Да как сказать...

И она жеманно улыбается.

— Скучно вам будет, когда она свалит отсюда, — говорит Люсет Сидролену.

— Ну, я, знаете ли... Мне, чтобы заскучать, много надо...

— Он всегда найдет чем бы не заняться, — говорит Ламелия. — Живет по принципу: где бы ни работать, лишь бы не работать.

— Да уж мы его знаем так же хорошо, как и ты, — хором поддакивают Бертранда и Сигизмунда.

— Конечно, — говорит Сидролен, — я бы предпочел, чтобы она осталась на барже, но надо же и ей свою жизнь устроить, этой малышке, это нормально.

— Это нормально, — говорит Бертранда.

— Это нормально, — говорит Сигизмунда.

— Так у тебя есть кто-нибудь на примете? — спрашивает Бертранда.

— Как сказать... — говорит Ламелия.

И она жеманно улыбается.

— А правда, — вступает вдруг в разговор Люсет, — почему это у вас нет телевизора? Все-таки развлечение.

— Да и просвещает, — говорит Йолант.

— Ну так как же, Ламелия, — говорит Сидролен, — пока ты не замужем, хочешь развлекаться или

просвещаться?

— Нет, папа, я хочу только одного — заниматься любовью.

— По телевизору любовью никогда не занимаются, — замечает Люсет.

— То есть вообще никогда не занимаются, — говорит Йолант.

— Как вы глупы, — говорит Бертранда, — это ведь потому, что его смотрят ребятишки.

— Ты своим позволила бы смотреть сколько хочется? — спрашивает Сигизмунда.

— Только то, что просвещает, — отвечает Йолант. — Особенно новости. Так они узнают историю Франции и даже всеобщую историю.

— Это как же? — спрашивает Люсет.

— А вот как: ведь сегодняшние новости — это завтрашняя история. По крайней мере именно ее им предстоит учить в школе, поскольку они уже будут ее знать.

— Ну, старик, ты говори, да не заговаривайся, — возражает Люсет. — История никогда не была новостями, а новости — историей. Не смешивай Божий дар с яичницей.

— Да нет, вот именно, что надо смешивать. Давай разберемся. Представь, будто ты сидишь перед телевизором и видишь — я подчеркиваю,

именно видишь — живого Люсьена Бонапарта[*], что звонит в колокольчик, его брата в углу, орущих депутатов, врывающихся гренадеров, — словом, ты присутствуешь при девятнадцатом брюмере. После чего ты отправляешься на боковую, спишь сто лет без просыпу, просыпаешься, и вот в этот момент девятнадцатое брюмера стало для тебя историей и тебе вовсе незачем копаться в книгах, чтобы вбить себе в башку всю эту брюмерзость.

— Ну ты даешь! — говорит Сигизмунда. — Ведь в то время телевизоров-то не было.

— Согласен, — говорит Йолант, — тогда возьмем кинохронику: иногда нам показывают старую. И вот там ты видишь, как царь Николай пожимает руку Пуанкаре, такси на Марне[*], Вильгельма II, кронпринца, Верден, — что это как не история? А ведь когда-то это было новостями.

— Было и есть, — говорит Люсет. — Доказательство — то, что ты смотришь это в кино и что тебе объявляют: это новости.

---

[*] Примечания: *

Люсьен Бонапарт (1775–1840) — брат Наполеона I, подготовивший государственный переворот 18 брюмера. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

...такси на Марне. — «Такси на Марне» — один из первых немых фильмов. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Ну и глупо, — говорит Йолант. — Тогда что же такое история?

— Это когда она написана.

— И верно, — говорит Бертранда.

— Он прав, — говорит Сигизмунда.

— Тысячу раз прав, — говорит Ламелия.

Йолант хлопает по столу.

— Эй, поаккуратней, не опрокиньте укропную настойку, — предупреждает Сидролен.

Йолант хлопает по столу поаккуратней, стараясь не опрокинуть укропную настойку. К жесту он присоединяет слово:

— Ну что вы тут все — безмозглые, что ли, не доходит до вас, что я хочу сказать?!

— Мы все прекрасно поняли, — говорит Бертранда, — только все равно это идиотство.

— Да ты поразмысли хотя бы минут пять, напряги мозги! В один прекрасный день, например, в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году, некие люди подписали перемирие...

— Ну, предположим.

— ...и это засняли киношники. В тот день данное событие было новостью, а потом, после, теперь, к примеру, оно стало историей. Ясно, нет?

— Нет, — говорит Люсет. — Никак не выходит: потому что эти твои новости — ты их видишь не

в тот момент, когда дело происходит. Ты видишь их иногда неделю, иногда две недели спустя. Есть даже такие кинотеатрики, где тебе покажут «Тур де Франс» в ноябре месяце[*]. Так вот, при этих условиях — в какой же момент новости становятся историей?

— Да тут же, сразу! Тотчас же, presto subito![42] Телевидение — это новости, которые застывают, как желе, и становятся историей. Сделано — сказано.

— А когда еще не было телевидения, — спрашивает Сигизмунда, — не было, значит, и истории?

— Вот видишь, — говорит Люсет, — это тебе и крыть нечем.

— Может, выпьете еще укропной настойки? — предлагает Сидролен.

— Ну а ты, папа, — говорит Ламелия, — ты что об этом думаешь?

— Я? У меня телевизора нет.

— Знаем, знаем, — говорит Бертранда, — потому-то мы и объясняем Ламелии, что тебе следовало бы подарить ей телевизор, — так она

---

[*] Примечания: *

Тебе покажут «Тур де Франс» в ноябре месяце. — Велогонка «Тур де Франс» проводится в июле. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[42] Примечания: 42

Почти сразу же *(ит.).*

будет меньше скучать.

— Да, но раз она только и думает о том, как бы ей заняться любовью... — возражает Сидролен.

— По телевизору, — говорит Люсет, — любовью никогда не занимаются.

— То есть вообще никогда не занимаются, — говорит Йолант.

— Как вы глупы, — говорит Бертранда, — это ведь потому, что его смотрят ребятишки.

— Ты своим позволила бы смотреть сколько хочется? — спрашивает Сигизмунда.

— Только то, что просвещает, — отвечает Йолант. — Особенно новости. Так они узнают историю Франции и даже всеобщую историю.

— Это как же? — спрашивает Люсет.

— А вот так: ведь сегодняшние новости — это завтрашняя история. По крайней мере именно ее им предстоит учить в школе, поскольку они уже будут ее знать.

— Вот умора! — говорит Сидролен. — Мне кажется, вы пошли по второму кругу, — все это я уже как будто слышал.

— И однако, — возражает Люсет, — то, что здесь говорилось, не каждый день услышишь. Не думаю, чтобы вам часто доводилось послушать рассуждения на столь высоком философско-мо-

ральном уровне.

— Особенно в том кругу, где вы жили, — говорит Йолант.

Бертранда пинает его в голень.

— Ай! — взвизгивает Йолант.

— Вам больно? — осведомляется Сидролен.

— Зверюга! — отзывается Йолант.

— Ну, как бы то ни было, — говорил Сидролен, — а я очень рад был повидаться с вами. Вы вели себя крайне любезно.

— Ты что, выставляешь нас? — спрашивает Бертранда.

— Похоже на то, — говорит Сигизмунда.

— Вовсе нет, — отвечает Сидролен. — Только вот какое дело: когда вы начинаете бегать по кругу, у меня голова кругом идет, и я предпочитаю остановить эту карусель разом, а не то совсем собьюсь с панталыку и попаду в прошлое, или в будущее, или сам не знаю куда, может, и вообще в никуда, одним словом, страсти-мордасти да и только.

— Слушай, — говорит Йолант Люсету, — а что, если скинуться да и подарить ему телевизор на день рождения, — меньше думать будет.

— Посмотрим, — говорит Ламелия. — А пока что самое лучшее — дать ему вздремнуть: его

любимое кино — сиеста.

От ОМОНОвцев остались лишь едва заметные, одетые мхом могилы; позабыты-позаброшены были ОМОНОвцы, павшие в бою времен короля Людовика, девятого по счету, носящего это имя.

Герцог д'Ож открыл один глаз и вспомнил, что аббат Биротон должен был ответить ему на некий третий вопрос и что он этого не сделал. Открыв свой второй и последний глаз, герцог д'Ож не зафиксировал в поле зрения вообще никакого аббата Биротона.

— Ах, монах! Ох, жох! Ай, лентяй! — заворчал герцог. — Держу пари, что он отбыл на Вселенский собор в Базель[*], а может, в Феррару или во Флоренцию, черт их там разберет. Во всяком случае, я-то остался с носом.

Он встает и входит на площадку д'ожнона своего замка, дабы хоть самую малость прояснить для себя историческую обстановку.

Ни одного годдэма в поле зрения, ни одного воина с тех или иных берегов, той или иной чужбины. Горизонт был почти пуст. Лишь несколько вилланов копались там и сям в худородной земле,

---

[*] Примечания: *

...на Вселенский собор в Базель. — Базельский церковный собор (1431–1449) провозгласил верховенство решений соборов над решениями папы. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

но, едва различимые глазом, не портили окружающий пейзаж.

Герцог мутным взором окинул эту веселенькую картинку и вздохнул, потом спустился в кухню, чтобы закусить рагу из жаворонков, — так просто, для затравки. Заболтавшиеся поварята, вовремя не заметившие герцога, получили здоровенные пинки, разметавшие их по углам, кого направо, кого налево. Повар, съевший собаку на кормлении своего господина, поспешил подать ему желанное рагу. И вот герцог лакомится рагу, обсасывает все косточки, облизывает все пальчики, осушает все кубки и прямо-таки цветет от удовольствия. Потом с плотоядной улыбкой заявляет:

— Восхитительно! Но вряд ли вкуснее пятилетнего ребеночка, зажаренного на вертеле.

И давится со смеху.

— Мессир, мессир! — взывает к нему повар. — Нижайше умоляю вас, не шутите столь жестоко!

— А я и не шучу, я серьезно.

— Ну тогда, мессир, лучше шутите!

— Так чего ж ты, шеф-повар, добиваешься? Чтобы я шутил или чтобы я говорил серьезно?

— Ах, мессир, я полагаю, лучше нам вообще не затрагивать эту тему: в наше время людоеды

не очень-то популярны. Особенно людоеды-дармоеды.

— Тебе-то уж должно быть известно, что я не ем человечины. Господин твой, герцог д'Ож, с людоедом вряд ли схож, а дармоедов ты не трожь!

— Ах, мессир, всем известно, что ваша преступная слабость к...

— Еще чего! Уж не хочешь ли ты упрекнуть меня в том, что я храню верность доброму старому соратнику, благородному сеньору Жилю де Рецу[*]?!

— Ох, мессир...

— Еще чего! Я, локоть к локтю со своим другом, порубил кучи годдэмов[*], сражаясь за правое дело нашего короля под командованием Жанны-девственницы, так неужто же я покину его теперь, когда он попал в беду?! Нет, нет и нет! Это было бы крайне неблагородно.

— Но ведь все говорят, что он гнусный злодей.

---

[*] Примечания: *

Жиль де Рец (1404–1440) — маршал Франции, соратник Жанны д Арк. Покинув двор в 1435 г., занялся в своем замке черной магией и колдовством, замучил и убил сотни похищенных для этой цели детей, за что был осужден и казнен. Послужил прототипом персонажа сказки «Синяя борода». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Годдэм — презрительная кличка, данная французами англичанам во времена Столетней войны (от англ. goddam — черт подери!) *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Бабьи сплетни! Подлые россказни, выдуманные для того, чтобы очернить благородных сеньоров вроде него или меня. Король Карл, седьмой по счету, носящий это имя, теперь кое-как выиграл Столетнюю войну, которая длится куда более ста лет; вообще, замечу тебе попутно, наши добрые короли, при всей своей хитрости, вечно валандаются и тянут с победой... так что, бишь, я говорил-то?.. ах, да, теперь, когда благодаря энергичным мерам, принятым Капетингами, поражение годдэмов уже не за горами, нам, наверное, осталось потерпеть каких-нибудь лет пятнадцать, не больше... да, и вот нынче, когда наш король больше не нуждается в нас, дабы завершить изгнание англичан, он, насколько я подозреваю, начнет принимать антифеодальные меры с целью укоротить нам руки и поставить на место. Он ведь коварен, как дьявол.

— Ай-ай, мессир, не поминайте, прошу вас, врага рода человеческого!

— И процесс нашего доброго друга Жиля ясно свидетельствует об этих антифеодальных злодейских мерах, направленных на то, чтобы укоротить нам руки и поставить на место.

— Мессир, вы повторяетесь.

— Во-первых, ты неточен: я не повторяюсь уже

потому, что добавил еще одно прилагательное, а во-вторых, узнай, тупая скотина, что повтор есть один из наиблагоуханнейших цветков искусства риторики.

— Я бы охотно усомнился в этом, мессир, коли бы не побаивался ваших колотушек.

Спровоцированный подобным образом, герцог вскакивает, хватает скамейку и ломает ее об спину повара.

— Молчи, ты возбуждаешь во мне отвращение, а кроме него — аппетит. Подай-ка сюда засахаренных фруктов, они хорошо снимают жир с зубов.

Герцог жадно поедает засахаренные фрукты, затем возвращается к своим баранам:

— Итак, шеф-повар, ты полагаешь, что это справедливо — суд над маршалом Франции?

— Ах, мессир, это поистине очень дурно и очень-очень жестоко.

— Они просто затаили злобу против этого прекраснейшего человека. Ну, предположим, он употребил с десяток мальчишек и укокошил двоих-троих из них, так неужели из-за таких пустяков нужно бичевать маршала Франции, да притом соратника нашей доблестной Жанны из Лотарингии, которую англичане сожгли в Руане?!

— Мессир, говорят, их было одна тысяча три.

— Одна тысяча три — чего?

— Маленьких детей — замученных, задушенных и съеденных этим злым и безжалостным маршалом. Это ужасно, поистине ужасно!

И повар заревел как теленок, а герцог глядел на него скорее удивленно, нежели разъяренно.

— Ты, случайно, не начитался ли романов Круглого Стола? — спросил он его кротко.

— Мессир, я вообще не умею читать.

— Так, может, твоего слуха ненароком достигло нытье какого-нибудь безродного труверишки?

— Вот именно, мессир, вот именно: один прувер смутил мою душу[*] своею весьма мстительной песнью, в которой он взывал к справедливости христианнейшего короля Франции в пользу несчастных родителей, чьих малышей погубил безжалостный маршал.

— О, времена, о, нравы! — вздохнул герцог д'Ож. — Ну так знай: я сию же минуту, вот как есть или, вернее, не как есть, а верхом на моем добром коне Демо, поспешу к нашему мудрому королю Карлу, седьмому по счету, носящему это имя, дабы ис-

---

[*] Примечания: *

...один прувер смутил мою душу. — Игра слов: Ж. Превер — современный французский поэт, труверы — придворные поэты и певцы в XII–XIII вв. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

просить у него полной и безоговорочной свободы для Жиля, маршала де Реца, его немедленного освобождения из темницы и, сверх того, сурового наказания для всех этих латинизирующих легистов, которые, точно навозные мухи, собираются загадить честь доблестного всадника, храброго солдата и, что уж вовсе большая редкость, солдата-победителя. Эй, где там мой конюший Пострадаль? Пускай готовится в путь и седлает моего доброго Демо!

Итак, оседлал Сфена Пострадаль, и отбыл герцог в столичный город Париж, сопровождаемый этим мальцом верхом на Стефе. По дороге на герцога напала говорливость.

— Ну-ка, подъезжай поближе, Пострадаль, я сообщу тебе цель нашего путешествия.

Пострадаль заставил своего коня трусить ноздря в ноздрю со скакуном своего господина, но притом держался от него елико возможно подальше, дабы вовремя увернуться от нежданной оплеухи.

— Ну, ближе, ближе! — понукал герцог.

— Я тут, мессир, я тут.

— Еще ближе, бездельник, — скомандовал Сфен, — ты же видишь: наш герцог нынче в добром расположении духа.

— Вот это верно, — подтвердил герцог, — приблизься же!

Пострадалю ничего другого не осталось, как подъехать к герцогу впритирку.

— Знаешь ли ты, дружок, — спросил его герцог, — для чего отправился я в столичный город Париж?

— Не знаю, мессир.

— Угадай!

— Чтобы посетить купальню?

— Вполне возможно, что заодно и посещу. Думай дальше.

— Чтобы развлечься со шлюхами и потаскухами?

— Вполне возможно, что заодно и развлекусь. Думай дальше.

— Чтобы полюбоваться великолепным порталом церкви Сен-Жермен л'Оксеруа в стиле пламенеющей готики, с порталом, который только что достроил мэтр Жеан Госсель?

— Вполне возможно, что заодно и полюбуюсь. Думай дальше.

— Бесполезно! — вмешался Сфен. — Он все равно никогда не угадает, и вы его поколотите. Разве не забавнее огорошить его сразу?

— Ты у меня мудрый коняга! Итак, слушай вни-

мательно, Пострадаль: я еду к королю Франции, дабы испросить у него милости для моего друга и соратника Жиля де Реца, маршала Франции.

— Как! Для этого жестокого злодея?!

И Пострадаль тут же покатился в дорожную пыль. Стеф останавливается. Сфен спрашивает герцога:

— Мне тоже постоять?

— Еще чего! Вперед, он нас догонит. Этот малый действует мне на нервы, даже беседовать с ним расхотелось.

— Значит, я могу попеть?

— Пожалуйста, мой славный Демо!

Сфен тут же принялся во всю свою лошадиную глотку исполнять любимый репертуар. Он уже было затянул то самое рондо, что предстояло написать Карлу Орлеанскому[*]: «Зима, старуха злая...», как вдруг они завидели вдали ворота укрепленного города, охраняемые вооруженными биржуа. Осторожный Сфен тут же щелк — и смолк, и остаток пути прошел в полнейшей тишине.

---

[*] Примечания: *

Карл Орлеанский (1391–1465) — герцог Франции, поэт, собравший при своем дворе в Блуа лучших поэтов, певцов и музыкантов. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

VI

В то время как Пострадаль врачевал свои шишки и ссадины у местного эскулопа, герцог д'Ож ждал ужина в таверне Монталамбера, заглатывая, пока суп да дело, паштет из угрей и орошая каждый кусок добрым глотком кларета. Это привело его в прекрасное расположение духа, тем более что каждая минута приближала его к тому вожделенному мигу, когда должна была начаться собственно трапеза. Вот почему он весьма благосклонно встретил некоего индивида весьма изысканного вида, который приветствовал герцога столь грациозными реверансами и курбетами, что тот пригласил его к себе за стол. Юный аристократ не ломаясь принял приглашение и отрекомендовался Адольфом, виконтом де Голодрань.

Наконец появился Пострадаль, перевязаный эскулопом, и вся компания села за ужин, который начался с трех супов различных цветов: первый — вегетарианский, второй — пейзанский, третий — гурманский. Затем они полакомились жарким с двумя соусами: первый — с почками (нераспустившимися), второй — с мускатным

орехом. Попутно осушались кубки. Тут подоспело второе жаркое, и, поскольку оно было сильно наперчено, делать нечего — пришлось осушать дополнительные кубки; завершилась трапеза усахаренными фруктами и прочими усладостями. Правда, на прилегающих к таверне улицах царил голод, но что поделаешь — надо же было закончить обед как положено!

— Мой юный друг, — сказал герцог виконту де Голодрань, — не доводилось ли вам слышать о благородном сеньоре Жиле де Реце, маршале Франции?

— Как же, как же, мессир!

— Он был моим соратником на войне! И стал маршалом Франции в двадцать пять лет. Что вы об этом скажете?

— Скажу, что для маршала это прекрасный возраст.

— Не правда ли! А знаете ли вы, что с ним теперь приключилось?

— Я слышал, будто его заключили в тюрьму.

— Верно, и даже собираются обезглавить.

— Это меня безмерно удручает, мессир.

— Так вот, мой юный друг, знаете ли вы, зачем я покинул свой замок с д'ожноном и собираюсь провести несколько дней в столичном городе

Париже?

— Мне это неизвестно, мессир.

— Так вот, мой юный друг, я собираюсь испрашивать у короля помилования маршала. Я полагаю, что негоже поступать так с освободителем Франции. Неужто оттого, что он поджарил на вертеле парочку младенцев, нужно забывать, какие услуги оказал он своей стране?!

— Ах, не говорите так громко, мессир, общественное мнение настроено весьма неблагосклонно к маршалу.

— Плевать! Я все равно поеду к королю.

— Куда же, мессир?

— Как это куда? В Париж, разумеется!

— Но короля там нет.

— Что за шутки! Короля нет в его Луврском дворце, вход в который охраняет его недремлющая стража? Так где же он?

— На берегах Луары.

— Ну вот, стоило трудиться и освобождать столичный город Париж от годдэмов, чтобы король туда потом ни ногой!

— Мессир, я никогда не позволю себе критиковать нашего короля Карла, седьмого по счету, носящего это имя.

— Ну а я себе позволю! Я ведь герцог и имею

полное право быть казненным на виселице о восьми столбах. И я прямой потомок Меровингов, а это значит, что Капеты мне в подметки не годятся. Что он себе воображает, этот Капетишка! — без нас да пасту́шки[*] (не будем забывать о пастушке!), без нас, повторяю, здесь до сих пор хозяйничали бы англичане. А посему я лично нахожу весьма предосудительным тот факт, что король не находится в своем столичном городе Париже, когда я пожаловал к нему сюда собственной персоной.

— Мессир, не вы один так думаете.

— Вы меня удивляете. Обычно я один думаю то, что я думаю.

— Да, но в вопросе о короле Франции вы найдете себе единомышленников.

— Надеюсь, что так! Любой высокородный сеньор испытал бы то же самое при подобном нанесенном ему афронте.

— И возжаждал бы мести, не так ли?

— Верно, черт подери, но с местью дело несколько затрудняется. Попробуйте-ка отомстить, когда у короля большая регулярная армия, плюс вольные лучники, плюс целохранители, плюс эта

---

[*] Примечания: *

Пастушка — имеется в виду Жанна д'Арк. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

чертова артиллерия братцев Бюро!

— Кстати, о братьях Бюро: не кажется ли вам, что наш король слишком уж приближает к себе всяких худородных людишек вроде таких Бюро, или Жака Кёра, или Этьена Шевалье...

— Ей-богу! — воскликнул герцог д'Ож. — Вы говорите как по писаному, словно книг начитались.

— По-моему, я читал это в книгах, — ответил Сидролен. — Бродячие братья-монахи водились еще в средние века.

— А сестры-монахини — те бродят и клянчат на каждом шагу, — сказал прохожий, — уж не знаю, средние ли это века или еще какие.

— Ну, все мы вышли из средних веков, — откликнулся Сидролен. — По крайней мере, мне так кажется...

— Этот самый мотосвященник, — сказал прохожий, — по-моему, всего-навсего жулик.

— Меня он ни разу не обжулил, — ответил Сидролен, — потому что я ему ни разу не подал.

— Но вы могли бы подумать о других, — сказал прохожий, — о тех, кого он, вполне вероятно, обжулил.

— Я никому зла не желаю, — сказал Сидролен.

— Это вы так утверждаете.

Сидролен глядит на прохожего, чье лицо ровным счетом ничего не выражает, и в этот момент их окликают.

— Это к вам обращаются, месье, — говорит прохожий Сидролену.

— Здравствуйте, мадемуазель, — говорит Сидролен.

— Это к вам обращаются, месье, — говорит девица прохожему.

— Если я правильно понял, мадемуазель, — говорит прохожий, — вы путешествуете автостопами.

— О да, я есть туристка и канадка, и я...

Прохожий щелкает пальцами, и к тротуару подкатывает огромный шикарный уаттомобиль, — для таких больших уаттомобилей всегда находится место у тротуара; из него выходит шофер в ливрее, он распахивает дверцу, девица садится в машину, а прохожий говорит Сидролену:

— Видали, как эта малышка с ходу учуяла большой уаттомобиль?

Он тоже садится в машину, и все это вмиг исчезает. Сидролен обращается к Сидролену:

— Сколько же здесь прохожих? Факт есть факт: либо их гораздо больше, чем хотелось бы, либо это один и тот же прохожий, который размножа-

ется почкованием. Что же до мотосвященника — это уж точно тот же самый... насколько можно судить; но вот канадки... нет, нет, эти, несомненно, разные, ведь среди них встречаются и язычницы, и многоязычницы. А может, нам еще предстоит увидеть и других — лиловых или серо-буро-малиновых и говорящих на черт знает какой тарабарщине. Эта, последняя, была подозрительно черновата, а, впрочем, может, они все и одинаковы. Как прохожие. Вот этот уж точно не настоящий прохожий, на нем форма. Что вам угодно, месье?

— Не могли бы вы мне указать, где тут стоит на якоре мадемуазель Ламелия Сидролен?

— Да вот здесь прямо и стоит, — отвечает Сидролен.

— А вы имеете какое-нибудь отношение к этой юной особе? — подозрительно спрашивает прохожий.

— Еще бы нет! — отвечает Сидролен. — Я ей отец.

— Вот здорово! — восклицает тот с самой искренней радостью. — А я как раз пришел просить ее руки.

— Ну, вы везучий, как я погляжу: с ходу попали на нужного человека.

— Так да или нет? Я, знаете ли, не очень-то к этому стремлюсь, но подумал-подумал и решил: а почему бы и нет, в конце концов; ну а потом, еще она мне намекнула, что у нее уже животик с секретом, как говаривал мой дед, а он был тоже большой ходок по этой части, — судите сами: у меня не менее семидесяти двух побочных кузенов или детей данных кузенов, но поскольку я — человек чести (хотя, заметьте, в нашем деле ничего не стоит наделать детей на каждой остановке по всему маршруту; один мой коллега ухитрился даже обилетить пассажирку младенчиком между улицей Пти-Жан и Оперой), то я хочу сказать, что этот вопрос мне знаком, и не было бы ничего удивительного, если бы я, как говорится, проехал мимо, но я решил иначе и сделал остановку, так что призываю вас воспользоваться случаем. Ну и к тому же я не прочь пожить на барже.

— Вот на это не рассчитывайте, — говорит Сидролен.

— Да у вас на борту вроде бы не тесно.

— Мои дочери, — заявляет Сидролен, — выходя замуж, покидают баржу. Такая у нас семейная традиция.

— Неужели вы нас вышвырнете в какую-нибудь паршивую многоэтажку?

— Ну, дорогой мой, это уж ваши проблемы, — отвечает Сидролен. — Замечу вам, что кроме многоэтажек есть еще домики в предместье, комнаты для прислуги (шестой этаж без лифта), автоприцеп на приколе и масса всякого другого жилья.

— А все же у вас на барже места предостаточно.

— Вы на ком собрались жениться, — спрашивает Сидролен, — на Ламелии или на барже?

— Баржу-то я еще не видел.

— Должен вам сказать, — заявляет Сидролен, — что эта баржа — всем баржам баржа, красивей не сыщешь. Желаете взглянуть?

— Боюсь, что расстроюсь, как подумаю, что мне не суждено здесь жить.

— Ну-ну, не горюйте, — утешает его Сидролен, — зато вы всегда сможете зайти сюда опрокинуть стаканчик укропной настойки. Кстати, приглашаю на стаканчик.

Сидролен указывает дорогу, они спускаются по склону, вступают на мостки, и гортранспортист едва не срывается с них в речную тину.

— Сразу видно, что вы никогда не служили на речных трамваях, — любезно говорит ему Сидролен.

Потом кричит:

— Твой ухажер явился!

Слова эти предназначаются Ламелии; появление следует незамедлительно.

— Кто этот господин? — спрашивает Ламелия у Сидролена.

— Да вроде бы твой суженый.

— Первый раз вижу, — заявляет Ламелия. — Но если он хочет выпить стаканчик укропной настойки, могу ему предложить.

— Уже предложено! Давай неси ее сюда.

Ламелия удаляется, дабы провести в жизнь сей проект.

— Ну, дорогой, — говорит Сидролен гортранспортисту, — как вы находите мою баржу?

— Очень миленькая, — рассеянно отвечает тот. — А что, ее правда зовут Ламелия?

— Нет, ее зовут «Ковчег».

— Вашу дочь зовут «Ковчег»?

— Мою дочь зовут Ламелия.

— Вы уверены?

— Да вы что, не узнаете ее?

Гортранспортист демонстративно громко чешет в затылке.

— Да прямо не знаю... не знаю... ей-богу, не знаю. Нет, скажите, ее и вправду зовут Ламелия?

— Факт!

— Сомневаюсь, чтобы другая Ламелия — моя то есть — жила на другой барже в этом же месте.

— Почему бы и нет?!

— Хм... но... по теории вероятности...

— Эта ваша теория — только предлог для гаданий и парадоксов. Может, всех девушек на всех баржах у всех причалов зовут только Ламелиями.

Гортранспортист принимает скептический вид.

— Я имею в виду только те баржи, что стоят на приколе, — уточняет Сидролен.

Гортранспортист принимает почти убежденный вид. Но он бы ошибся, поверив в это окончательно, ибо Ламелия, принесшая укропную настойку, обращается к нему так:

— Ну что, лапочка, здорово я тебя напугала?

— Конечно, это она! — ликующе восклицает лапочка.

— Ты уже поговорил с папой?

— Да, — говорит лапочка.

— Он согласен?

— Спроси сама.

— Папа, ты хочешь, чтобы я вышла замуж за гортранспортиста?

— Да, — говорит Сидролен и не без грусти добавляет: — Ну вот, как говорится, и с плеч долой.

Они чокаются. Беседуют. Обсуждают проблему будущего жилья, поскольку вопрос о поселении на барже не стоит; впрочем, гортранспортиста эта перспектива не так уж и манит, — известное дело, на реке сыро, того и гляди, ревматизм подцепишь, а он, гортранспортист, боится ревматизма пуще смерти. А потом, малыш — поскольку вопрос стоит о малыше — рискует свалиться в эту зловонную сточную жижу, окружающую баржу, так что лучше уж подыскать домик в предместье, но вот только спрашивается, на какие шиши. Сидролен также спрашивает себя, на какие шиши.

Гортранспортист не осмеливается спросить это у Сидролена.

Н-да, с домиком в предместье, как видно, придется обождать.

Но спросить-то все-таки можно.

— Сколько же вы за ней дадите? — спрашивает гортранспортист.

— Сколько — чего? И кому? — интересуется Сидролен. — В денежных вопросах я, знаете ли...

— Ну как же! — говорит гортранспортист. — Ну как же, приданое-то, ну, то есть то, что раньше называли приданым, кошелек, так сказать, в

корзинку новобрачной.

— Что-то не пойму, о чем вы тут толкуете, — говорит Сидролен.

— А разве вы Ламелии к свадьбе ничего не подкинете?

— Ничего, — говорит Сидролен.

— Вообще ничего?

— Вообще ничего.

— Ну как же... у вас ведь небось кой-какие деньжата водятся?

— Конечно, но мне же предстоят расходы.

— Какие расходы?

— Расходы по замене. Как вы думаете, могу я жить без хозяйки? Неужели я сам себе буду чистить башмаки, готовить жратву и прочее? Стало быть, мне придется раздобыть себе другую хозяйку. А это станет недешево.

— Позвольте, позвольте, — нервно говорит гортранспортист, — но Ламелия, надеюсь, не ваша хозяйка, она вам дочь или кто?

— Не беспокойтесь, тут все в порядке, — веско заверяет его Сидролен, — Ламелия — последняя из тройни, которую моя покойная супруга произвела на этот свет, перед тем как отправиться на тот.

— Я об этом ничего не знал, — говорит вконец

подавленный гортранспортист.

— Да вы не сокрушайтесь так, это ведь даже шикарно — жениться на тройняшке. То-то будете форсить перед приятелями!

— Это-то верно.

— А что касается денег, то что вы от меня хотите! — мне ведь нужен кто-нибудь, чтобы драить палубу, поднимать флаг на мачте по большим церковным праздникам и так далее. Не самому же этим заниматься, — вот и понадобится монета, чтобы платить какой-нибудь редкой пташке, а вам, следовательно, шиш.

— В таком случае, — говорит гортранспортист, — я прямо не знаю... прямо не знаю...

— Вспомни о нашей страстной любви! — говорит Ламелия.

— Ну-ну! — говорит Сидролен. — Не стройте из себя корыстолюбца.

— Да, конечно... и потом, тройняшка... да, тройняшка — это вещь; может, мне повезет и мое фото попадет в газеты или даже по телевизору в новостях покажут, как вы считаете?

— Без всякого сомнения! — веско заявляет Сидролен.

— Прекрасно! — восклицает гортранспортист. — Разрази меня гром, я беру Ламелию, с деньгами

или без!

— Молодец парень! — говорит Сидролен. — Ну а как вам понравилась моя укропная настойка?

— Первоклассная! — говорит гортранспортист. — Первоклассная!

Пауза.

— Хорошо, — говорит наконец гортранспортист, — значит, по рукам. А теперь, с вашего позволения, я возвращусь домой, чтоб мать оповестить.

— Я вам прямо скажу, — возражает Сидролен, — если вы собираетесь подсунуть мне свою мать вместо Ламелии, чтобы скрести полы и начищать руль, то она мне и даром не нужна!

— Да я и не собирался ей это предлагать.

— Ну и слава Богу!

Сидролен встает, за ним встает и гортранспортист. Сидролен говорит Ламелии:

— Я его проведу по сходням, а то у него голова слабая.

И он берет гостя за руку, чтобы тот не свалился в тину; потом они взбираются вверх по склону.

— Ну-с, до свиданья, — говорит Сидролен гортранспортисту.

Он смотрит на изгородь и дверцу, сплошь покрытые надписями.

Гортранспортист замечает:

— Не понимаю типов, которых тянет всюду писать. Это что, все про вас?

— До свиданья, — отвечает Сидролен.

Пока гортранспортист медленно удаляется, Сидролен идет за банкой с краской; старательно и любовно водя кистью, он кладет гладкие зеленые мазки на букву «У»; он так усердствует, что названная буква явственно проступает благодаря щедро наложенному слою краски; затем переходит к букве «Б» и замазывает ее с тем же неубывающим пылом. Он больше не слышит шагов прохожего, проходящего мимо, ни проходящих по бульвару тысяч и тысяч уаттомобилей. Виконт де Голодрань вполголоса беседует с герцогом д'Ож. Ла-Тремуй, Дюнуа и герцог Алансонский собираются поставить на место этого Капетишку и научить его поучтивее обращаться с высокородными сеньорами. К ним присоединился и кое-кто поважнее. Герцог д'Ож осведомляется, кто бы это мог быть, и добавляет, что понятия ни о чем не имеет. Поломавшись для приличия, юный виконт признается, что этот «кое-кто» не кто иной, как сам дофин.

— Как! — восклицает герцог д'Ож. — Тот самый знаменитый Людовик Одиннадцатый?

— Он самый, — отвечает виконт де Голодрань, — но, заметьте, он пока еще никакой не одиннадцатый.

— И он замышляет заговор против родного папы?

— Это не заговор, мы просто защищаем свои законные права.

— С этим я согласен, ну а что же в результате будет с моим добрым другом Жилем де Рецем?

— Мы освободим его из тюрьмы.

— Если это случится, я подарю вам целую сотню гвоздичных палочек. А пока давайте тяпнем!

И они тяпнули.

VII

Караульный заприметил двух неизвестных верхом на мулах — они направлялись к замку с д'ожноном. Герцог д'Ож был тотчас оповещен. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это аббат Биротон и сопровождавший его дьякон Рифент.

— Сейчас сыграем с ними отличную шутку! — сказал герцог д'Ож. — Сперва выпалим по ним из бомбарды, а следом пару раз вдарим из кулеврины. Не забудьте потом сходить собрать ядра.

Новоиспеченные артиллеристы были не слишком уверены в успехе, ибо им предстояло впервые опробовать эти недавние приобретения герцога. Бомбарда сработала вполне удовлетворительно: ядро врылось в землю меньше чем в трехстах метрах от Онезифора, который, так же как и дьякон Рифент, даже не понял, что произошло.

Но когда ядра помельче, выпущенные из кулеврины, упали в непосредственной близости от аббата, тот соскочил с мула и бросился ничком на землю, воззвав к Господу о защите; дьякон Рифент последовал его примеру. Ствол кулеврины треснул, и герцог велел прекратить стрельбу, не желая из-за простой шутки рисковать орудием, которое обошлось ему довольно дорого.

Пока оставшиеся в живых артиллеристы собирали ядра, аббат Биротон и сопровождавший его дьякон Рифент предстали перед герцогом.

— Ничего себе встреча, мессир! — сказал аббат Биротон. — Я знаю, что вы не питали дурных намерений, но мы едва избежали гибели.

— Да, результат оказался лучше, чем я думал.

— Так, стало быть, вы, мессир, также обзавелись этой дьявольской бомбой?

— Что делать, приходится защищаться, мой дорогой. Я со дня на день поджидаю королевских

ОМОНОвцев и, поскольку вовсе не собираюсь дать себя растоптать, принял все необходимые предосторожности и запасся самыми современными новоизобретенными новинками.

— У вас опять разногласия с королем?

— А они и не прекращались. На сей раз из-за моего доброго друга Жиля де Реца.

— Ох, гнусный злодей!

— Молчи, долгополый! Где же твое христианское милосердие? Мой добрый друг Жиль де Рец был бесславно казнен, точно простой виллан, — это он-то, высокородный сеньор и бесстрашный воин, а ведь Столетняя война еще даже не кончилась. И поскольку мне это не понравилось, я присоединился к другим высокородным сеньорам и бесстрашным воинам, дабы достойно проучить короля; знаешь ли ты, кто с нами заодно?

— Да где уж мне угадать!

— Дофин!

— Как! Знаменитый Людовик Одиннадцатый?

— Ну, пока он еще не одиннадцатый. Не стану вдаваться в подробности; дело кончилось тем, что высокородные сеньоры повели себя как трусливые бабы, а дофин предал нас, и вот в результате я остался один против короля Франции и числюсь

в открытых мятежниках. К счастью, теперь у меня есть мои миленькие пушечки. Кстати, раз уж ты здесь, давай-ка не ленись и освяти мне их.

Аббат Биротон, не переча герцогу, исполнил приказание. Когда он кончил, герцог сердечно хлопнул его по спине, осведомился о здоровье и наконец спросил:

— Ну как там прошел церковный собор?

— Он низложил Эугена Четвертого и заменил его Амедеем, и теперь король Франции собирается опубликовать Прагматическую Санкцию, защищающую независимость галликанской церкви.

— Если я правильно понял, ты взял сторону короля.

— Не сердитесь, мессир, я был там в качестве простого наблюдателя.

— Ха! А мне сдается, что ты простой изменник и предатель!

— Мессир! Ну какой же я предатель — обычный наблюдатель!

— Можешь болтать все, что угодно, а я взял тебя на заметку; наверное, это мой ангел-хранитель подсказал мне приветствовать твое возвращение несколькими пушечными залпами. Я-то сам

гвельф и феодал[*]. И если мой капеллан начнет увлекаться современными идеями, мне ничего иного не останется, как привязать его к жерлу бомбарды и послать по частям в небеса.

Аббат Биротон остерегся развивать эту тему, и в тишине, последовавшей за речью герцога, ясно послышались голоса Пиграннеллы и Белюзины, распевавших рондо, которое предстояло написать Карлу Орлеанскому: «Зима, старуха злая...». В конюшне Сфен и Стеф аккомпанировали им, насвистывая тот же мотивчик.

— Ваши дочери, кажется мне, нынче в веселом расположении духа, — заметил аббат Биротон, пытаясь таким образом отвлечь внимание герцога от своей персоны.

— Да, — ответил герцог, — я их выдаю замуж.

— Всех трех?

— Всех трех.

— И даже Фелицу?

— И даже Фелицу. Видишь ли, Биротон, с тех пор как я овдовел, мои малышки совершенно лишены общества. Но теперь, благодаря интригам,

---

[*] Примечания: *

Я-то сам гвельф и феодал. — Гвельфы — представители политического течения в Италии XII–XV вв., поддерживавшие папскую власть в отличие от гибеллинов, сторонников императора. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

в которые я замешался, у меня появились друзья и союзники; конечно, все они — трусливые бабы, как я тебе уже говорил, но среди самых трусливых из этих баб я выбрал троицу молодых дураков, коим и всучил свою тройню: Пигранеллу — сиру де Сри, Белюзину — графу де Коси, а Фелицу — видаму де Плакси. Ну, и, как говорится, с плеч долой! Надеюсь, нам удастся сыграть свадьбу до прихода королевских ОМОНОвцев.

— Коих вы намереваетесь поколошматить?

— Теперь, когда у меня завелись пушки, я никого не боюсь!

И герцог д'Ож потер руки, выказывая признаки живейшего удовлетворения, как вдруг лицо его омрачилось.

— Ну так как же с этой всеобщей историей, о которой я тебя спрашивал давным-давно, — я ведь до сих пор не получил ответа.

— Что именно хотите вы узнать?

— Что ты думаешь о всеобщей истории в общем и об общей истории в частности. Я слушаю.

— Ох, как я утомился дорогою! — сказал капеллан.

— Потом отдохнешь. Вот скажи-ка мне насчет этого собора в Базеле, — относится ли он ко всеобщей истории?

— О да! Это всеобщая история в общем.

— А мои пушечки?

— Это уже общая история в частности.

— А свадьба моих дочерей?

— Ну, это разве что история событийная. Микроистория, так сказать.

— Чего-чего? — взревел герцог д'Ож, — Это еще что за микрохреновина? Ты, часом, не напился ли на радостях?

— Благоволите простить меня, мессир. Я, видите ли, устал. Да и перенервничал тоже. Эти ваши ядра ужасны, — поистине дьявольское изобретение!

— Да ты же их только что освятил, бездельник!

— Пушки — да, но не ядра.

— Ах ты, мерзкий лицемер! Прочь с глаз моих, не то я тебя зарежу!

Онезифор исчезает.

Герцог обходит дозором укрепления, оглядывает горизонт, свободный от неприятеля, поглаживает бомбарды и кулеврины, поздравляет вояк. И даже произносит коротенькую речь:

— Если капеллан вздумает убеждать вас, что это, мол, дьявольское изобретение, отвечайте ему так: имей мы артиллерию во времена крестовых походов, Гроб Господень давным-давно перешел

бы в руки христиан.

Сказав это, он было спускается в кухню, чтобы взглянуть, не осталось ли там чего-нибудь вкусненького, но по дороге внезапно меняет маршрут и приказывает позвать пред свои очи дочерей.

Эти три юные особы тотчас являются к нему. Сперва они горячо благодарят отца за веселое развлечение, которым он их потешил, бомбардируя и кулеврируя аббата Биротона и дьякона Рифента, затем почтительно осведомляются об отцовских намерениях в отношении даты их бракосочетания. В ответ герцог осведомляется, кончат ли они когда-нибудь болтать, чтобы он мог открыть наконец рот. Пусть они насчет замужества не беспокоятся, продолжает он, все уже готово, сеньоры женихи спешат сюда во весь опор, что же до королевских солдат, то для их встречи припасены миленькие пушечки, и, если враги осмелятся явиться под стены его замка с д'ожононом, их сокрушительное поражение лишь украсит собою свадебную церемонию. Сочтя, что сказано вполне достаточно, герцог приказывает тройняшкам немедленно осчастливить его своим отсутствием, а иначе горе им, после чего возобновляет начальный маршрут. Пока он взбирается на верхушку д'ожнона, дабы

проверить, не появились ли по соседству с замком королевские лучники, его дочери спешат на поиски капеллана, которого и обнаруживают на кухне, где он укрылся с целью ободрать и съесть несколько вяленых сельдей, орошая их при этом кларетом. Девицы жадно интервьюируют аббата, но тот вынужден признаться, что бессилен пролить свет на интересующий их вопрос и может лишь порекомендовать им поручить свои души Господу, творя благочестивые молитвы.

— Бе-е-е! — произносит Фелица.

Это означает, что она согласна.

Когда девицы удаляются, шеф-повар предлагает капеллану подкрепиться еще немного, съев круглый пирог, приправленный бараньим салом и корицей, — он как раз доспевает в печи.

— Покорнейше благодарю, — говорит Онезифор. — Бр-р-р, как вспомню эти ядра, летающие, точно мухи, вокруг моей тонзуры!.. Поистине, тяжкое испытание для священника- пацифиста!

— Но, однако, капеллан, — замечает шеф-повар, — вас как будто побоями не испугаешь.

— Ты так думаешь? Ну, значит, я не изменился...

— Во всяком случае, мое такое мнение, что кулевринада, которую вы претерпели, это толь-

ко цветочки. Очень скоро у нас тут пойдет дым коромыслом. Как только наш христианнейший король Карл Седьмой расправится с годдэмами, а может, и того раньше, он возьмется проучить нашего герцога, который играет в бунтовщика; к тому же эта история с защитой гнусного злодея и людоеда Жиля де Реца сильно понизила популярность нашего господина. Во всяком случае, в моих глазах: я лично против каннибализма, хоть в шутку, хоть всерьез. Кроме того, я против огнестрельного оружия, этой чумы нашего времени. Конечно, необходимо убивать, свежевать и потрошить животных, с этим я согласен, — жить-то ведь надо, а потом, у них нет души, верно, мессир капеллан?

— Конечно, нет, — такое могло бы прийти на ум разве что какому-нибудь альбигойцу, а их, хвала Господу, больше не осталось.

— Ну тогда я несу вам мой пирог, приправленный бараньим салом и корицей.

Онезифор отведывает пирога.

— Вот, — говорит он, — вот что утешает меня в моем возвращении в сей замок с д'ожноном, а ведь я вполне мог бы подцепить себе какое-никакое епископство, поинтриговав на соборе, — увы, я не интриган. И все же мы здесь, похоже, крепко

влипли: сидим, как мыши в мышеловке. Да еще эти три свадьбы, — скажи, ты веришь, что они состоятся?

— Никоим образом, — отвечает шеф-повар, — ведь у нас ничегошеньки не готово, поставщики не извещены, а запасов в кладовой не хватит и на тридцать знатных особ, не говоря уж о том, чтобы выдержать осаду.

— И по-моему, наш герцог напрасно строит иллюзии насчет своей артиллерии. Эти самые ядра попадают куда угодно, только не в цель, — нет, это далеко не абсолютное оружие, а потом, пушки есть и у короля. Взять несколько ядер потяжелее да расколошматить подъемный мост — и королевские лучники войдут в замок как к себе домой.

— Ага, теперь этот бездельник-монах занимается стратегией! — вскричал герцог, который тем временем крадучись вошел в кухню. — Да еще вдобавок стратегией пораженческой! Просто не знаю, что меня удерживает от того, чтобы повесить тебя за железы внешней секреции!

И герцог в сердцах выкручивает аббату ухо. Возмущенный Биротон верещит что есть мочи, но, поскольку это не останавливает герцога, он хватает шпиговальную иглу и прижигает ею ру-

ку-мучительницу. Герцог испускает ужасающий вопль и, выпустив аббатово ухо, трясет обожженной культей. Освобожденный Онезифор трубным голосом выражает свой гнев:

— Обойтись так со мною! С представителем Господа на земле! С наблюдателем Базельского собора! С членом апостольской, римской и галликанской Церкви! На колени, Жоашен, герцог д'Ож! Моли о прощении, иначе я отлучу и прокляну тебя, и тогда уж не мечтай ни о каких свадьбах, причастиях и прочая и прочая! На колени, Жоашен, герцог д'Ож!

— И он же еще сердится! — ворчит герцог, намазывая свежее масло на свой ожог. — Я так и знал, что он бунтовщик, эти попы всем хотят заправлять самолично.

— На колени, Жоашен, герцог д'Ож! — продолжает голосить аббат Биротон. — Моли о прощении за свою непочтительность к святой матери Церкви! На колени, говорю я, и поживее! Я уже вижу, как вокруг тебя пляшут чертенята, кои только и ждут подходящего момента, чтобы утащить твою душу в ад.

— Да у него еще вдобавок и видения начались.

— И помни: никакого причастия, никакой свадьбы, ничего более!

Пожав плечами, герцог вздыхает и опускается на колени.

— Извиняюсь, — бурчит он.

— Не слышу раскаяния в голосе! — отрезает капеллан. — А ну, побольше пыла... побольше веры...

Герцог старается вложить в свои слова елико возможно больше сокрушения.

— Молю о прощении мою святую мать Церковь и не менее святого отца аббата Онезифора Биротона.

Наконец ему даруют прощение.

— Понимаешь, — объяснял позже герцог Пострадалю, — не хотелось мне рисковать и идти в ад из-за капелланова уха. Заметь, что в чертенят этих я ни капельки не верю. Да и верит ли в них он сам?! В общем, не могу же я ссориться со всеми подряд, — хочешь жить, умей вертеться. Ладно, нужно бы отвлечься от неприятностей. Поохочусь-ка я на крупную дичь, на тура или на зубра например. Седлай лошадей и вели готовить сворy... Да прихвачу-ка я с собой кулеврину... Правда, если я бабахну из нее в дичь прямой наводкой, от зверя мало что останется... мало что...

Когда Сидролен вновь открывает глаза, оранжевое солнце уже садится за многоэтажки

предместья. Он встает, принимает изрядную дозу укропной настойки, чистит свой самый шикарный костюм и облачается в него. Перед уходом оглядывает изгородь, дабы убедиться, что она не осквернена ругательными надписями, потом запирает дверцу. И вот он уже шагает к остановке автобуса. Он выбирает тот, что идет в центр столичного города Парижа, а там пересаживается на другой и едет в квартал поскромнее — того же города. Закат еще не угас, но кафе и магазины уже засветились огнями, словно вокруг кромешная тьма; правда, нужно признать, что в квартале поскромнее всегда царит кромешная тьма — с утра и до ночи.

Сидролен поглядывает во все стороны, заходит во все кафе, словно ищет кого-то или просто подбирает себе местечко и столик по вкусу. Побродив эдак по улице, он наконец входит в «Хмель-бар» — бар, старающийся выглядеть так же, как все соседние бары. Сидролен садится. Клиентов, кроме него, только двое; стоя у стойки, они беседуют о бегах. За стойкой хозяин в полном бездействии слушает рассуждения о шансах на выигрыш; его голову украшает квадратная полукруглая овальная каскетка из сукна в белый горошек. На черном фоне. Горошки отличаются

эллипсоидной формой, в длину каждый из них имеет (по большой оси) пять миллиметров, в ширину (по малой оси) — четыре, иначе говоря, площадь поверхности одного горошка равняется примерно шестидесяти трем квадратным миллиметрам или чуть меньше. Козырек сделан из той же ткани, зато горошки на нем явно меньшего размера и почти круглые, следовательно, площадь их поверхности не превышает тридцати двух квадратных миллиметров. На третьем горошке слева, ближе к краю — если стоять лицом к владельцу каскетки, — пятно. Пятно от укропной настойки. Оно невелико, но, несмотря на скромные размеры, сохраняет цвет, изначально присущий данной субстанции, иными словами, слегка смахивающий на цвет мочи, — нечто среднее между ультрафиолетовым и инфракрасным. Внимательно вглядевшись в соседний горошек, второй — опять же, если стоять лицом к владельцу каскетки и считать слева, но уже ближе к краю козырька, — можно различить еще одно крошечное пятнышко, обязанное своим происхождением попавшей на него капельке все той же укропной настойки, но его размеры таковы, что это вполне можно принять за разлохмаченный конец нитки окружающего горошек драпа,

которая выцвела и пожелтела под воздействием неонового света, кое-как пробивающегося из трубоподобной трубки; и в самом деле, устройство это функционирует с перебоями: иногда даже кажется, что оно подает сигналы на той самой азбуке, изобретенной знаменитым американским художником, который родился в Чарльстоне (штат Массачусетс) в 1791 году и умер в Поукипси в 1872 году[*]. По некоему странному совпадению, как раз над головой Сидролена висит репродукция, на которой изображен умирающий Геракл кисти Сэмюэля-Финли-Бриза Морзе, каковое произведение было удостоено в 1813 году золотой медали Общества изящных искусств Адельфи.

Поскольку репродукция подвешена как раз над головой Сидролена, он не может видеть ее непосредственно, хотя она и отражается в огромном зеркале, занимающем всю противоположную стену; не может он видеть ее и опосредствованно, ибо один из посетителей необычайно высок ростом и полностью заслоняет собой умирающего Геракла кисти Сэмюэля-Финли-Бриза Морзе.

---

[*] Примечания: *

...знаменитым американским художником, который родился в Чарльстоне и умер в Поукипси. — Сэмюэль-Финли-Бриз Морзе — американский художник и физик, изобретатель электрического телеграфа и специального алфавита, носящего его имя (азбука Морзе). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Второй посетитель значительно ниже своего собеседника, его рост не превышает одного метра сорока трех сантиметров; он время от времени поглядывает на репродукцию, имея возможность прямого обзора, поскольку стоит, прислонясь к стойке, почти спиной к хозяину, который внезапно замечает присутствие нового клиента и, не двинувшись с места, даже рукой не помахав и, еще менее того, не приподняв каскетку, издалека спрашивает у Сидролена, чего ему охота выпить. Вопрос отнюдь не застает Сидролена врасплох: он ожидал его с минуты на минуту и готовился ответить; таким образом, ответ его не заставляет себя ждать. Он представляет собою последовательность слов, образующих грамматически безупречно построенную фразу, смысл которой не вызывает никаких затруднений в восприятии даже у хозяина бистро, — восприятии таком затрудненном, каким только может быть восприятие того, кто держит бар под названием «Хмель-бар». Хозяин еще с минутку прислушивается к соображениям двух клиентов по поводу бегов, а затем приносит Сидролену требуемый напиток, а именно: укропную настойку, правда, слегка тепловатую, с малой толикой минералки. Сидролен изображает на лице широкую улыбку,

призванную продемонстрировать его сердечную, бесконечную и вечную благодарность за внимание и точность исполнения, но человек в каскетке черного сукна в белый горошек, сохраняя все ту же невозмутимость, величественно удаляется к себе за стойку.

Проходит несколько минут, в течение которых двое клиентов пытаются разрешить загадочные тайны бегов, назначенных на следующее воскресенье; один из них очень высокого роста, второй стоит вполоборота, опираясь на стойку, что позволяет ему время от времени бросать взгляд на репродукцию произведения Сэмюэля-Финли-Бриза Морзе. Время от времени он поглядывает и на человека, что сидит за столиком и вроде бы смакует свою укропную настойку. Человек, видимо, не вызывает у него особого интереса, ибо взгляд второго клиента задерживается на этой личности без особых примет не более чем на три-четыре секунды. Клиенту явно больше нравится умирающий Геракл кисти Сэмюэля-Финли-Бриза Морзе. Когда его собеседник заявляет, что исчерпал все возможные комбинации и варианты, он ловко поворачивается вокруг своей оси, вынимает мелочь из кармана и платит за два стакана, которые еще стоят, будучи уже осушенными, на стойке.

Затем он пожимает руку хозяину и выходит в сопровождении своего товарища, человека очень высокого роста. Дверь за ними закрывается.

Человек в каскетке протирает стаканы. Он не заговаривает с Сидроленом.

И Сидролен не заговаривает с ним.

Вот тут-то и входит Альбер.

VIII

При виде Сидролена Альбер воздерживается от чрезмерных проявлений удивления, узнавания или радости. Он спокойно усаживается, пожимает Сидролену лапу и спрашивает у хозяина бокал шампанского. Наполнив бокал, человек в каскетке черного сукна в белый горошек скрывается за стойкой, где ему удается стать совсем уж незаметным.

Альбер и Сидролен беседуют вполголоса.

— Ну как, дела идут? — спрашивает Альбер.

— Вроде бы.

— Привыкаешь к воле?

— Да ничего, свыкаюсь помаленьку.

— Все живешь на своей барже?

— Да.

— Там небось спокойно.

— Да вроде бы. Если не считать того, что с некоторых пор какой-то гад нашел себе развлечение: малюет всякие гадости на загородке вдоль бульвара. Вот я и занимаюсь тем, что замазываю их. На загородке, значит.

— Зря психуешь из-за такой малости. Надписи, — подумаешь, велика важность! Всего лишь один из литературных жанров.

— Конечно, но все же я предпочитаю их замазывать.

— Ну а что еще не ладится?

— В остальном порядок. Выдаю дочь замуж. Последнюю.

— Поздравляю. Небось доволен, а? Теперь они у тебя все пристроены.

— Признаюсь тебе, я и не думал, что ей это удастся.

— Вот видишь, никогда не надо отчаиваться.

— А я и не отчаивался. Просто за нее переживал.

— Понятное дело.

— Вот так-то. Теперь останусь на барже совсем один.

— Надо бы заглянуть к тебе на днях, но, знаешь, при моих делах...

— Вот как раз об этом я и хотел с тобой потол-

ковать.

— Странно, с чего это тебе вздумалось толковать о моих делах.

— Сейчас поймешь.

— Да уж хотелось бы!

— Так, значит, теперь я останусь на барже совсем один. Придется самому стряпать, стирать белье, штопать носки, драить палубу, — словом, заниматься такими делами, от которых меня воротит, поскольку дела эти в чистом виде бабьи. Понимаешь, куда я клоню?

— Хотелось бы поподробнее.

— Ты, случаем, не знаешь какую-нибудь молодую особу, ну, не первой, конечно, молодости, которая смогла бы заняться всем этим — кухней, бельем, носками, палубой? Заметь, я вовсе не собираюсь трахаться с ней, — нет, нет, она нужна только для таких вот дел, как я тебе уже сказал: сварганить чего пожрать, выгладить да починить шмотье, баржу содержать в полном ажуре. На флоте, сам знаешь, — чистота первое дело.

— А почему бы тебе не обратиться в бюро по найму?

— При той репутации, что мне приписали?!

— Ты думаешь, об этом еще кто-нибудь помнит? Да все уже быльем поросло.

— Видать, не поросло, коли нашелся гад, что пишет гадости на моей загородке.

— Да ну, выдумки.

— Какие же выдумки! Там ясно написано.

— Я бы тебе все же посоветовал бюро по найму.

— А я подумал: небось среди твоих знакомых девиц немало найдется таких, что предпочли бы мою баржу аргентинскому борделю или нефтяному гарему.

— Вот и промахнулся. Какое будущее ты можешь им предложить? Их же тошнит от одного только слова «работа», уж можешь мне поверить.

— Не скажи, не скажи! Я ничего такого страшного не требую: надраить бак и ют, связать пуловер, поставить выварку на плиту да купить картошки в супермаркете, всего и делов-то! Думается мне, это будет приятнее, чем пропускать через себя целые кучи гаучо или ублажать занудливого шейха-многоженца.

— И опять же промахнулся. Из всех этих девчонок, что проходят через мои руки, я иногда оставляю некоторых здесь и подыскиваю им настоящую синекуру...

— Ну вот и одна из них!

— ...но они буквально в ногах у меня валяются, чтобы я отправил их куда подальше. Прямо колонизаторши какие-то!

— Да не колонизаторши они, а идиотки, эти твои бабы. Ты им сам мозги пудришь. Ну хоть один-то разок постарайся, найди мне такую, которой ты скажешь правду, а именно, что моя баржа — «приют невинный и священный»[*], и жить на ней в тысячу раз приятнее, чем заниматься стриптизом в какой-нибудь тропической дыре.

— Стоп, стоп! Я тропические дыры не снабжаю. Поставляю контингент только в самые что ни на есть престижные кабаре.

— Ну а моя баржа — местечко престижнее некуда. Тут на днях заходил инспектор по судовым налогам, так он меня обнадежил, что очень скоро «Ковчег» перейдет в трехъякорную категорию «А».

— Поздравляю! — восхищенно говорит Альбер,

— Ты мне друг или не друг? — спрашивает Сидролен.

— Ты можешь в этом сомневаться? — возмуща-

---

[*] Примечания: *

...моя баржа — «приют невинный и священный». — Аллюзия на слова арии Фауста из одноименной оперы Гуно: «Привет тебе, приют невинный, привет тебе, приют священный!» *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ется Альбер.

— Тогда подыщи то, что требуется.

— Трудновато будет.

— Да чего там! Пойдешь на авеню дю Мэн...

— Еще учить меня будешь!

— ...высмотришь девицу, которая выходит из Авраншского поезда, и скажешь ей: «Мадемуазель, у меня есть на примете одна баржа — не баржа, а конфетка! — там надо будет слегка прибираться да кой-чего сварить, зато сможете целыми днями загорать на солнышке и глазеть на гребцов из спортклуба, — красивые парни!» И это будет чистая правда, а ей не придется потеть на борту какого-нибудь либерийского сухогруза, что плывет к чертям на кулички.

— То, о чем ты меня просишь, как-то не вяжется с моими принципами.

— Что для тебя важнее: принципы или дружба?

— Ладно, ладно. Эй, где ты там, Онезифор?

Человек в каскетке черного сукна в белый горошек медленно осуществляет ротацию на тридцать семь градусов вокруг собственной оси.

— Дай-ка нам пузырек шампуня, — приказывает Альбер, — моего личного. Это, видишь ли, то самое, — разъясняет он Сидролену, — что пьют

Ротшильды, Онассисы и прочие люди нашего круга.

Онезифор открывает крышку погреба и исчезает.

— Вот еще что, — говорит смущенно Альбер, — мы с тобой не затронули вопрос...

— Ну, ясно, тебе не придется раскошеливаться, — заверяет Сидролен, — я заплачу за импорт ровно столько, сколько ты получил бы за экспорт.

— Ладно, я тебе сделаю двадцатипроцентную скидку.

— Ты настоящий друг!

Они выпивают.

Онезифору также полагается бокал, и он тоже пьет, но молча, не вмешиваясь в обрывки завершающейся беседы.

— Постарайся, — просит Сидролен, — чтобы она была не слишком страшная и стервозная, эта девица.

— Постараюсь, — говорит Альбер. — Что касается мордашки, то тут я толк знаю, а вот стервозинку — ее сразу и не просечешь.

— Ладно, надо топать, — говорит Сидролен.

— Мой шофер тебя отвезет, — предлагает Альбер.

— Нет, спасибо, — отвечает Сидролен. — Пред-

почитаю автобус.

— Грустные воспоминания, а?

Сидролен не отвечает. Он пожимает Альберу лапу, вежливо кивает человеку в каскетке черного сукна в белый горошек, едет на одном, потом на другом автобусе, добирается до своей баржи, открывает банку печеночного паштета и сооружает себе бутерброд. Затем выпивает три с половиной стаканчика укропной настойки, после чего ложится и засыпает. И тут же оказывается лицом к лицу с мамонтом, самым настоящим.

Герцог хладнокровно созерцает зверя и говорит Пострадалю:

— Я собирался поохотиться на зубра или бизона, но не на эту зверюгу. Я думал, они в моих владениях давно уже повывелись. Артиллеристы! Живо, орудие к бою! Заряжай! Цель: мамонт.

Мамонт, набрав в грудь воздуха, мелкой рысцой поспешает к нападающим.

— Спасайся кто может! — ржет Сфен, до того мирно пощипывавший мох у подножия дерева.

— Ишь ты, раскомандовался! — снисходительно замечает герцог.

— Спасайся кто может! — лепечет Пострадаль.

— И ты, Брут, туда же!..

Герцог д'Ож собирается пнуть пажа, но тот уже

удрал, равно как и артиллеристы, свора и лошади. Это паническое бегство отнюдь не пугает герцога; он расчехляет свое собственное орудие и наводит его на зверя, но тому в высшей степени наплевать на боевого соратника Жанны д'Арк и Жиля де Реца. Мощным ударом ноги он вбивает кулеврину в землю и во весь опор мчится дальше, в романтической надежде стереть в порошок всю ту мелкую нечисть, что встала на его пути; однако он опоздал: гончие уже попрятались на псарне, лошади — в конюшнях, артиллеристы успели добежать до подъемного моста. Один лишь герцог д'Ож остается на месте происшествия — целый, невредимый, слегка озадаченный, но неизменно величественный. Он с грустью глядит на орудие, сплющенное в лепешку: это надо же — лишиться сразу двух кулеврин в один день! — дорогонько ему обойдется современная техника! Зачехлив свое собственное орудие, он решает прояснить для себя, хоть самую малость, историческую обстановку.

На данный момент обстановка эта была лесной и безлюдной. Деревья росли в тишине, животное царство ограничивало свою жизнедеятельность безмолвными и темными делами. Герцог д'Ож, обычно уделявший созерцанию природы мини-

мум личного времени, решил отыскать более населенные края; для этого он счел самым разумным вновь пойти по дороге, которая привела его сюда и, стало быть, естественно, должна была вернуть к замку с д'ожноном.

Без всяких колебаний он определяет тропинку, которая кажется ему самой подходящей, и бодрым шагом идет по ней примерно с час. После чего замечает, что тропинка эта какая-то хайд'егерская[*]. Весьма озадаченный, герцог разворачивается на сто восемьдесят градусов и бодрым шагом идет обратно примерно с час, в надежде отыскать лужайку с растоптанной кулевриной, забитой по самое горло перегноем и палой листвой. И он действительно выходит на лужайку, но не обнаруживает там никаких следов своего мини-орудия. Тщательно проанализировав исходные данные, герцог заключает, что случилось одно из двух — либо это не та лужайка, либо scirus communis и fineola biselliella[43] сожрали его кулеврину. Согласно тому, что про-

---

[*] Примечания: *

...тропинка эта какая-то хайд'егерская. — Намек на теорию немецкого философа М. Хайдеггера о бренности человеческого существования. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[43] Примечания: 43

Белки и лисы обыкновенные *(лат.).*

поведовал несколькими пятилетками раньше Буридан[*], подобная дилемма могла привести только к голоду, а герцог д'Ож смерть как боялся скудных трапез и, тем более, трапез вовсе не существующих. Прибегнув к вероятностному методу, он избрал направление сколь случайное, столь же и спорное и проблуждал так до наступления сумерек.

— Теперь мне ясно, — заявил герцог вслух, чтобы составить самому себе компанию, — что следовало бы бросать на всем пути следования камешки, но, во-первых, у меня их под рукой не случилось, а во-вторых, что толку от них было бы сейчас, когда наступает ночь, да притом темная ночь.

И верно, наступала ночь, да притом темная ночь. Герцог упрямо шагал вперед, но то и дело плюхался в ямы или расквашивал себе нос о столетние дубы, испуская яростные вопли и бранясь самыми черными словами, без всякого почтения к ночной красоте окружающей природы. Он уже начал выдыхаться, да-да, всерьез выдыхаться,

---

[*] Примечания: *

Буридан Жан (1300–1366) — философ, схоласт, известный в связи с притчей об осле, который, находясь на равном расстоянии от охапки сена и ведра воды, не может решить, с чего начать, и в результате умирает от голода и жажды. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

как вдруг завидел огонек, блеснувший на черном бархате тьмы.

— Сейчас поглядим, что там такое, — сказал герцог вслух, чтобы составить самому себе компанию. — Может, это всего-навсего больших размеров светляк, но я так голоден, что охотно закусил бы даже светляком.

Нет, то был не светляк, то была хижина.

— По-моему, я все еще пребываю в пределах своих владений, — прошептал приободрившийся герцог, — и тот, кто живет в этой развалюхе, должен быть моим подданным. Наверное, дровосек. Будь со мною Сфен, он бы сказал мне его имя, ему знакома вся округа, но он, паразит, сбежал, а я брожу один по лесу, как бедный мальчик-с-пальчик, — вот что значит ходить на пушечную охоту без съестных припасов, портулана[*] и списка подданных!

Он пытается открыть дверь (разве он не у себя дома?!), но та не поддается — заперта. Тогда герцог колотит в нее рукояткой меча, колотит крепко и одновременно представляется:

— Отворяй, мужик, я твой герцог!

Он ждет, но, поскольку в окружающей об-

---

[*] Примечания: *

Портулан — компасная карта. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

становке не намечается никаких изменений, повторяет:

— Отворяй, мужик, я твой герцог!

И так много-много раз. Результат по-прежнему нулевой.

Поразмыслив, герцог формулирует свою мысль — вслух, для самого себя:

— Он, верно, боится, бедняга. Небось принимает меня за какого-нибудь лесного духа. Где ж ему взять храбрости — он ведь слишком худороден, — но может, он уступит из жалости. Прибегнем-ка к уловке...

И он кричит жалобным голосом:

— Я голоден!

Тотчас же дверь отворяется *как по волшебству*, и герцог видит пред собою *чудное видение*.

Указанное видение представляет собой юную невинную девицу, неописуемо грязную, но с точки зрения эстетики неописуемо прекрасную.

У герцога просто *в зобу дыханье сперло*.

— Ах, бедный мой господин, — говорит юная особа *ужасно мелодичным голосом*, — входите, присаживайтесь у очага и разделите со мною *скромную похлебку* из каштанов и желудей.

— И это все, что у вас есть на ужин?

— Увы, все, мессир. Мой папа ушел в город,

чтобы купить несколько унций копченой трески, но еще не вернулся, а значит, теперь не вернется до утра.

Слова эти приводят герцога в приятное расположение духа, что, в общем-то, странно: ему вовсе не нужна целая ночь, чтобы расправиться с миской скромной не скоромной похлебки, особенно если похлебку эту придется делить с *милой крошкой*, которая теперь глядит на него с *боязливой робостью весьма хорошего тона*. Герцог внимательно разглядывает ее.

— Ишь какая смазливенькая, — говорит он.

Девица делает вид, будто *не понимает комплимента*.

— Садитесь, садитесь же, мессир. Хотите, добавлю в похлебку перца? У меня есть один пакетик, — крестная подарила на прошлое Рождество. Он привезен из Малабара, этот перец, и не поддельный, а самый что ни на есть настоящий.

— Ну что ж, — говорит герцог, зардевшись, — не откажусь. Несколько зернышек...

— Весь пакет, мессир! Весь пакет! Это вас подкрепит.

— А что, разве у меня такой уж жалкий вид?

— Ваша милость, конечно, бодрится, но ей, верно, довелось пережить большие волнения.

— Еще бы, черт возьми!.. Лишиться пушки просто так, за здорово живешь!..

— Пушки? Так у вас есть пушки?

— И даже несколько штук, — гордо заявляет герцог.

Девушка подпрыгивает от радости и хлопает в ладоши.

— О! У вас есть пушки! Я обожаю пушки! Это так современно!

И она принимается вприпрыжку кружить по комнате, напевая: «Отпляшем Карманьолу и хором все споем; отпляшем Карманьолу под пушек гром».

— Она просто очаровательная, эта крошка, — бормочет герцог д'Ож, — однако ее куплеты мне ровно ничего не говорят.

И спрашивает у девушки:

— Кто научил тебя этой песенке, моя милая?

— Папа.

— А чем занимается твой папа?

— Он дроворуб.

— А чей он подданный?

— Высокородного и могущественного сеньора Жоашена, герцога д'Ож.

— Иными словами, мой. Прекрасно: я велю его повесить.

— А с какой стати вы хотите повесить моего папу, господин герцог?

— А с такой, что он учит тебя всяким мерзостям.

— Как?! Разве вам не нравится гром пушек? Я спела это, чтобы доставить вам удовольствие!

— Мне эта громаньола не нравится.

— Фу, как вы неучтивы! Я вас впустила в дом, а вы хотите повесить папу. А как же закон гостеприимства?

— Я здесь у себя дома, моя крошка, ибо все это принадлежит мне: и лес, и дроворуб, и хижина, и ты, девушка.

— Ишь какой вы шустрый, господин герцог. Если вы и вправду решили повесить моего папу, я сейчас выплесну котелок в огонь.

— Ради всего святого, не делай этого!

— Тогда обещайте, что не причините папе никакого зла.

— Обещаю, обещаю!

— Я вам не верю. Вы ведь известный обманщик. Сперва вы съедите мои желуди, каштаны и перец, а потом возьмете и поступите по-своему.

— Нет, нет! Я обещал, и кончим этот разговор. Давай-ка неси сюда свою чудесную перченую похлебку, ты меня совсем заморила!

— Это вы сейчас такой сговорчивый, оттого что голодны. А потом...

— Ну чем иным я могу тебя убедить?

— Можно было бы, конечно, взять с вас расписку, но и она не дороже вашего слова.

— Ишь ты, расписка! Скажите пожалуйста! А может, у тебя здесь и пергамент припасен, и перо с чернилами? Ну, умора, ей-богу!

— Ах, как это жестоко — насмехаться над нашей темнотой, господин герцог!

— Но не над твоей же стряпней! А ну-ка, неси сюда эту ароматную перцовую похлебочку. Ну же, неси скорей! Цып-цып-цып!

И герцог, внезапно вскочив на ноги, кидается к очагу с риском обжечь пальцы, но девушка не спускает глаз со своего господина. Он уже готовится схватить котелок, как вдруг — бух! — каштаны, желуди и перец опрокидываются в огонь. Где мгновенно превращаются в уголья.

— Опять фиаско! — шепчет герцог, у которого даже нет сил отлупить дочку дровосека.

Понурясь, он садится обратно на скамейку и начинает причитать:

— Ох, как я голоден! Как голоден! Ох, как я хочу есть!

И бранит девушку:

— Что ж ты натворила, дурочка! Во-первых, еду выбрасывать грешно, во-вторых, я теперь не связан никакими обещаниями, а в-третьих, ты нарушила закон гостеприимства, да-да, какое уж тут гостеприимство!

И он глядит вокруг:

— Неужели здесь больше нечего съесть?

И взгляд его вдруг застывает.

— Конечно, здесь имеется эта юная особа. Мой друг и боевой соратник Жиль де Рец не колебался бы ни минуты, но я — я и так уже достаточно скомпрометирован. Народ меня не поймет. Да и будущим зятьям это может не понравиться. А потом... без перца...

И он погружается в мрачное раздумье, переходящее в дремоту. Земля уходит у него из-под ног, хижина словно уплывает куда-то, герцога покачивает, тянет улечься в шезлонг на палубе, но тут девушка будит его:

— Монсеньор герцог! Монсеньор герцог!

— А?.. Кто?.. Где?..

— Что, если нам поиграть в одну игру в ожидании рассвета и прихода папы?

— В какую игру?

— В игру.

— В какую выгру?

— На папину жизнь.

— Прекрасная мысль! — вскричал повеселевший герцог.

И они проиграли до самого рассвета.

IX

С тех пор как Сидролен отсидел полтора года в тюрьме, он ни разу не заходил в один из тех изысканных ресторанов, которые некогда посещал. Боялся, что его там узнают. Временами он покупал «Неделю гурмана» — бюллетень, публиковавший список лучших ресторанов города; встречались там такие, которые Сидролен и не знал; он охотно посетил бы тот или иной, но все никак не решался.

Поскольку пауза между Ламелией, ставшей отныне мадам Кастрюльон, и протеже Альбера, которую ему еще только предстояло увидеть, а тому — найти, как он и предвидел, затягивалась, и затягивалась на весьма неопределенный срок, Сидролен счел разумным воспользоваться данным обстоятельством и провести эксперимент в одном доселе ему неизвестном, особо рекомендуемом «Неделей гурмана» ресторане-люкс: он решил наконец устроить себе пир.

Не успел он войти в этот гастрономический вертеп, как его вопросили о намерениях, которые, между прочим, и так нетрудно было угадать. Скромно и вполне объективно ответив, что он пришел пообедать, Сидролен услышал следующий вопрос: заказал ли он себе столик. Поскольку ничего такого он не заказал, ему было объявлено, что свободных мест нет. Ничего иного, как ретироваться, не оставалось, что он и сделал, разглядывая по пути выставленные напоказ закуски и десерты весьма аппетитного вида.

— Опять фиаско! — прошептал Сидролен, очутившись на улице.

Он стоял в раздумье, спрашивая себя, не поэкспериментировать ли ему где-нибудь в другом месте, как вдруг увидел своих дочерей и зятьев, выходящих из двух уаттомобилей. Молодежь была в полном комплекте: присутствовал даже гортранспортист по фамилии Кастрюльон. Пока Йолант и Люсет припарковывали свои машины неведомо где, все остальные уверенной поступью вошли в ресторан-люкс.

— Хорошо устроились, — вполголоса заметил Сидролен, — справляют свадьбу без меня.

— Что вы сказали? — спросил прохожий.

Сидролен взглянул на него: нет, это был другой.

Или тот же, но совершенно неузнаваемый.

— Ничего, — ответил он. — Разговаривал сам с собой. Такая, знаете ли, привычка вырабатывается, когда долго живешь один.

— Вам следовало бы с ней расстаться, — сказал прохожий, — а то окружающие думают, будто вы их о чем-то спрашиваете, с удовольствием готовятся ответить, и вот тут-то оказывается, что вам ничего не надо, — поневоле чувствуешь себя уязвленным.

— Прошу меня извинить. Весьма сожалею о случившемся.

— Так что вы говорили-то?

— Что я говорил? Да, в самом деле, что же я говорил?

Он сделал вид, будто вспоминает, и даже старательно сдвинул брови, как оно и принято в подобных случаях. Потом ответил так:

— Я говорил: они справляют свадьбу без меня.

— И что же вы под этим разумеете?

— Ну, я признаю, что фраза моя двусмысленна, и я действительно вложил в нее два смысла: первый — пожрать как следует, а второй — справлять свадьбу, но я не собираюсь пудрить вам мозги своими делами.

— Ну почему бы и нет? — спросил прохожий с

поощрительной улыбкой.

— Потому что не собираюсь, и все тут, — ответил Сидролен.

— В таком случае, — сказал тот, ничуть не обидевшись, — не стану отнимать у вас время.

— Всех благ!

Освободившись от собеседника, Сидролен попал на глаза своим зятьям, которые успели припарковать уаттомобили, но не успели сделать вид, будто не заметили тестя. Они поздоровались с ним — приветливо, но несколько свысока.

— Ай-яй-яй! — сказал Йолант. — На кого же вы бросили свою баржу?

— Ну так ведь погодка-то какова, — сказал Люсет, — только и гулять!

— А вы оба, — спросил Сидролен, — гуляете, значит?

— Ну... да, гуляем. Проходили, знаете ли, мимо.

— Ну и проходите. Пока, до скорого!

Сидролен стоит как вкопанный. Оба зятя делают несколько шагов. Потом оборачиваются и прощально машут ему.

Сидролен машет в ответ, но с места не трогается.

— Что будем делать? — спрашивает Люсет. — Пойдем обратно или как?

— Если он видал, как наши входили в ресторан, — говорит Йолант, — то мы влипли.

— Не упускать же из-за него такой классный закусон!

— Глянь-ка, он еще стоит там?

— Как столб.

— Наверняка видал, как наши входили, и теперь потешается над нами.

— Да уж, влипли так влипли! Надо что-то придумать.

— Давай пригласим его.

— Нет, он обидится.

— Но ведь должны же мы пообедать.

— Еще бы! Тем более, здесь вон как шикарно. Видал: ресторан-люкс. Звездочек пять, не меньше. Вот нажремся-то!

— Ну так налево кругом?

— Давай. И разъясни ему ситуацию.

— Вечно на меня все валят!

Сидролен бесстрастно глядит, как они возвращаются. Первым заговаривает Йолант:

— Очень кстати повстречались. У Ламелии ведь свадьбы не было, так вот мы решили хорошенько пообедать в честь ее бракосочетания. Раз уж и вы тут оказались, то, по справедливости, вам следовало бы составить нам компанию.

— А кто платит?

— Каждый за себя.

— Гляди-ка, а вы, оказывается, богачи. Не в какую-нибудь забегаловку пошли. И гортранспортист может себе такое позволить?

— Его предупредили. Все-таки люди не каждый день женятся.

— Но они же не сегодня поженились, а неделю назад, верно?

— Для доброго дела никогда не поздно.

— И все-таки странная затея. Очень даже странная.

— Так идете или нет? — спрашивает нетерпеливо Люсет. — Нас ждут.

— Вас, но не меня. Меня никто не ждет.

— Да ладно вам дуться!

— А потом, я и столик себе не заказал, — говорит Сидролен.

— Зато мы заказали.

— Нет, — говорит Сидролен. — Я там только что был, для меня места не нашлось.

— А разве вы собирались тут пообедать?

— Почему бы и нет? — говорит Сидролен.

Оба зятя замолкают.

— Хотел как следует ублажить себя, — говорит Сидролен. — Ладно, до другого раза.

Он садится в автобус; на углу, у набережной, покупает хлеб, — все другие лавочки уже закрыты. Впрочем, на барже остались кое-какие консервы. Загородка опять осквернена ругательными надписями. Сидролен кладет хлеб и отправляется за банкой краски. От тщательно закрашивает надписи на загородке. Ему хочется есть, но он усердно работает. Праздные кочевники останавливаются, чтобы поглазеть, как он трудится. Они молча созерцают Сидролена. Его это не смущает. Он давно привык и к перекрашиванию, и к кочевникам. Он не вступает с ними в разговоры. И, в нарушение широко распространенного обычая, не поет и не насвистывает. Когда он заканчивает, кочевники удаляются.

Сидролен водворяет на место банку с краской, затем наливает себе стаканчик укропной настойки.

— Я слишком много пью, — шепчет он. — Ламелии уже нет, и удержать меня некому.

Он идет на камбуз поглядеть, что там осталось из консервов. Если не слишком роскошествовать, на пару недель запасов должно хватить. Сидролен не знает, подыщет ли ему кого-нибудь Альбер за эти две недели. Если нет, придется самому заботиться о продуктах; на горизонте

вырисовывается мрачный призрак цинги. А пока он выбирает банку филе тунца в арахисовом рафинированном масле. К банке приложен ключ для интеллигентного вскрытия, и Сидролену нет нужды прибегать к помощи молотка или стамески, как он привык. Потом он разрезает батон по горизонтали, раскладывает содержимое банки на обеих половинках и старательно совмещает их, дабы восстановить первоначальную форму батона, с той лишь разницей, что теперь из надреза сочится масло. Когда все съедено, Сидролен шепчет:

— Не так уж плохо. Только не надо увлекаться, а то цинги не миновать.

Он вытирает рот и руки тряпкой множественного назначения и поднимается наверх поглядеть, как там его загородка. Новые надписи пока отсутствуют, зато какой-то болван, облокотившись на нее, вляпался пиджаком в свежую краску. Он окликает Сидролена:

— Эй, вы там, это ваша баржа? Это ваша загородка? Вы что, не могли написать «Осторожно, окрашено»? Хоть это-то можно было сделать?! Мой пиджак теперь только и годится что для перекраски. А кто мне оплатит счет, вы, что ли?

— Ну разумеется, — отвечает Сидролен. —

Сколько я вам должен?

— И вдобавок еще насмехаетесь! Ну и народ пошел!

— Заметьте, — говорит Сидролен, — что вы смазали краску, которую я только что наложил. Мне придется все начинать сначала, а у меня и других дел полно.

— Например?

— Например, сиеста.

Будущий клиент одной из многочисленных красилен города задумчиво глядит на Сидролена. Потом удаляется.

Сидролен идет за банкой с краской и исправляет повреждения, затем изготавливает табличку «Осторожно, окрашено!» и заботливо прилаживает ее на видное место.

После чего располагается наконец в шезлонге. И шепчет:

— Эх, забыл сказать Альберу, чтоб не присылал несовершеннолетних!

Он закрыл глаза. И добавляет шепотом:

— Интересно, какая она будет из себя.

— Скоро мы это увидим, — говорит сир де Сри своим шуринам — графу де Коси и видаму де Плакси.

— Какая разница! — отвечает граф де Коси.

— Пускай женится хоть на кобыле, это его личное дело, интересно другое: какое возмещение убытков он нам предложит.

— Если предложит, — говорит сир де Сри.

— Да, интересно поглядеть, — говорит де Плакси, поглаживая усики.

Пострадаль проводит их в столовую и предлагает слегка подкрепиться. Сир де Сри оценивающим взглядом обводит мебель.

— Так-так, — говорит он, — чистейший Людовик Тринадцатый.

— Господин герцог — модернист, — объясняет паж, который и сам теперь модернизировался в виконта де Прикарманъ.

Подали кабаний паштет и прочие легкие утренние яства; в бокалы венецианского стекла наливают укропную настойку.

— Да тут денег куры не клюют! — шепчет сир де Сри и добавляет, обращаясь к видаму, который ест руками: «Пользуйтесь же вилкой, черт возьми!»

Ибо на столе лежат вилки, да притом серебряные.

— Никак не привыкну! — отвечает де Плакси. — Во-первых, я считаю, что эти приборы негигиеничны. Кто мне скажет, где они до этого

валялись? А вот про собственные пальцы всегда знаешь, куда ты их совал.

— Нужно идти в ногу со временем, — говорит де Коси, неловко орудуя одной из вилок.

— Господа, — говорит де Сри, — если вы поедете ко двору...

— Мы туда не собираемся, — говорит де Плакси.

— Кто знает, — говорит де Сри.

В ожидании герцога они продолжают лакомиться кабаньим паштетом и прочими легкими утренними яствами, попутно осушая многочисленные кубки с кларетом.

— Скажите-ка мне, Прикарманъ, — внезапно спрашивает де Плакси плаксивым голосом, — герцог подумал о нас?

— Н -не знаю, — отвечает осторожно Прикарманъ, — но мне кажется, вас ждут хорошие новости.

— Я прям сгораю от нетерпения, — говорит де Коси.

— Я слышу шаги, — говорит де Сри.

Он услышал их, несмотря на шум жевания и начинающегося или уже завершенного пищеварения. И верно, появляется герцог в сопровождении аббата Биротона, дворецкого и нескольких

лакеев.

— Приветик, господа! — возглашает герцог. — Как вы находите мою бородку? Я велел доставить цирюльника из города, чтобы он привел меня в божеский вид.

Зятья ахают от восторга: бородка великолепна!

Герцог тычет пальцем в Онезифора.

— Глядите на него, глядите хорошенько! — говорит он. — Теперь он у нас епископ in partibus[44] в Сарселлополисе[*].

Зятья ахают от восторга и кидаются целовать епископов перстень, но целовать пока нечего: епископ Сарселлополисейский таковым еще не обзавелся.

— А теперь взгляните на меня, — продолжает герцог. — Перед вами человек, получивший от Ее Величества триста тысяч ливров на свадьбу.

Зятья ахают от восторга и кричат: «Да здравствует королева! Да здравствует маршал д'Анкр[*]!»

---

[44] Примечания: 44

Здесь: почетный, т. е. заочный *(лат.).*

[*] Примечания: *

Сарселлополис (Сарсель) — ныне один из «спальных» пригородов Парижа. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Маршал д'Анкр (настоящее имя Кончите Кончини; ?–1617) — фаворит вдовы Генриха IV Марии Медичи. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Герцог сияет от счастья и потирает руки. Мимоходом он хватает паштет и начинает заглатывать его, не прибегая к помощи вилки.

— А как же мы? — спрашивает граф де Коси.

— Да, как же мы? — вторит ему видам де Плакси.

— А как же я? — интересуется сир де Сри.

Герцог продолжает смеяться, одновременно заглатывая паштет. Смех во время еды весьма опасен: герцог давится, и в него приходится вливать кубок за кубком.

— Интересно, что он решит? — шепчет де Сри на ухо де Плакси.

— А что, если он ничего не получил на нашу долю? — плаксиво бормочет де Плакси. — Хэ, жизнь — копейка!

— Я изнемогаю, изнемогаю, изнемогаю! — вздыхает де Коси.

Голод и жажда герцога слегка улеглись, а кашель погашен укропной настойкой. Он принимает серьезный вид и явно собирается заговорить о делах, объявив добрые новости, на кои намекал виконт де Прикарманъ. Как вдруг, к величайшему отчаянию зятьев, ему приходит в голову совершенно новая мысль.

— А где мои дочери? — осведомляется он.

Ну разумеется, на дамской половине.

— Пускай придут сюда! — приказывает герцог. — Я не собираюсь произносить речь дважды.

Зятья совсем извелись от нетерпения и в ярости едва не намочили штаны, но делать нечего, приходится смириться. Герцог велит принести другие лакомства: блинчики с молодой кабанятиной, суфле с печенью трески, поросячьи ножки в сухарях. Он требует, чтобы гости не увлекались укропной настойкой, а наливали себе ипокраса[*] и хмельного меда. Он учтиво расспрашивает зятьев — каждого по очереди, — как они доехали, и те отвечают ему со скрежетом зубовным. Но поскольку их ответы не интересуют герцога, он поворачивается к аббату Биротону и напоминает ему, что сам заплатит за его аметистовый перстень, хотя Онезифор получил вполне достаточно на свои епископские расходы. Наконец, осведомляется о местонахождении Сарселлополиса. Издевательский интерес герцога ясно показывает зятьям, что он напрочь забыл о них, и это не предвещает ничего хорошего. Монсеньор Биротон понятия не имеет, где находится его епископство, да и иметь не желает, поскольку не

---

[*] Примечания: *

Ипокрас — красное столовое вино с пряностями. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

собирается туда ехать; итак, монсеньор Биротон начинает ответ с благочестивого вранья, сообщая герцогу, что Сарселлополис находится далеко — на Ближнем Востоке.

— Стало быть, он в руках у турок?

— Вы сказали, мессир.

Герцог мечтательно задумывается.

— А что, если организовать крестовый блиц-походишко и отбить у них твое епископство?

Зятья в ужасе: им уже представляется, как папина казна ухнула в Дарданеллы.

Но благоразумный Онезифор увещевает герцога:

— Весьма благое намерение, мессир, весьма благое, но Богу угодно, чтобы мое епископство было in partibus, да будет на то воля Его.

— Ты правда не хочешь? Гляди, другого такого случая не представится.

— Нижайше вас благодарю, мессир, нижайше благодарю.

Зятья прямо вспотели от переживаний. Теперь они переводят дух. Сир де Сри решается сострить:

— Вы настоящий донкихот, — говорит он герцогу с тонкой улыбкой.

— Чего-чего? Какой еще ход?

— Я говорю: Дон Кихот. Это бестселлер тысяча шестьсот четырнадцатого года. Я прочел его в переводе Сезара Удена.

Герцог глядит на сира де Сри с состраданием.

— Вот ум-то до чего доводит, — бормочет он.

Но тот не слышит, ибо все заглушает женское кудахтанье. Впрочем, войдя в залу, женщины умолкают и почтительно склоняются перед отцом. Когда присутствующие рассаживаются, герцог д'Ож перечисляет все наместничества, бенефиции и привилегии, которых по договору в Сент-Мену он добился для своих зятьев, а следовательно, и для дочерей.

— Бе-е-е! — блеет Фелица, выражая таким образом общее удовлетворение.

Итак, зятья восприняли без неудовольствия новость о том, что их тесть женится вторым браком на девице Руссуле Пеке́, дочери виллана и дроворуба.

Сидролен вздрогнул и проснулся: ему почудилось, будто звонят в дверь, выходящую на набережную. Он встал и выглянул наружу: никого. Уже давно стемнело. Сидролен вгляделся в загородку — нет ли там новых надписей, но ничего не увидел. Тогда он спустился вниз, оделся как можно приличнее, запер все двери на барже

и направился в бистро на углу набережной и перпендикулярной к ней улицы.

Здесь еще сидели несколько парочек, чересчур увлекшихся поцелуями типа «засос», гортранспортисты поедали сандвичи и осушали пивные кружки, обсуждая мелкие дневные происшествия по службе. Сидролен заказал укропной настойки с минералкой, приобрел телефонный жетон и перелистал справочник. Прождав семнадцать минут, пока парочка, забравшаяся в кабину, завершит засос и соблаговолит выйти, Сидролен связался по телефону с тем же самым рестораном-люкс, из которого его выставили днем.

— Я бы хотел заказать столик на сегодняшний вечер.

— На сколько персон?

— На одну. На одну персону.

Сидролен сразу почувствовал, как трубка охладела у него в руке: вероятно, на другом конце провода им были недовольны. Не следовало говорить так прямо.

— Но я ем за четверых! — поторопился он добавить.

Трубка вновь потеплела. У него спросили фамилию.

— Дроленси. Месье Дроленси. Передаю по бук-

вам: д'Ож, Рифент, Онезифор, Ламелия, Египет, настойка, остальное как слышите.

— Дюпон. Я правильно записал? Столик для месье Дюпона?

— Все верно.

Войдя в ресторан-люкс, он тотчас заметил, что напрасно потратил время на заказ: ресторан был пуст. Здесь обычно устраивались деловые обеды, а вот на ужин клиенты заглядывали куда реже. Тем не менее метрдотель высокомерно осведомился, заказан ли столик. Сидролен отвечал, что да, заказан. На чье имя?

— Дюпон. Месье Дюпон.

— Благоволите пройти сюда, месье Дроленси.

Сидролен приготовился к тому, что его усадят на сквозняке или рядом с сервировочным столом. Ничего подобного. Он увидел прекрасный просторный стол, щедро заставленный посудой и приборами. Сидролен был приятно поражен. Метрдотель протянул ему меню площадью примерно в сто шестьдесят квадратных сантиметров и спросил, не желает ли клиент аперитив. Сидролен склонился к укропной настойке.

— Какую марку предпочитает месье?

— «Белую лошадь», — ответил Сидролен официанту по винам.

Затем он с видом знатока проглядел меню. Метрдотель кончиком карандаша указывал фирменные и дежурные блюда. Когда Сидролен решил начать обед с крупнозернистой икры свежего посола, беседа их стала прямо-таки задушевной. И уж совсем сердечной сделалась она после того, как он заказал вслед за икрой кулебяку с лососиной, а за ней — жареного фазана с гарниром из перигорских трюфелей. По некотором размышлении Сидролен, весьма охочий до слоеных пирожков, пришел к мысли, что недурно было бы включить один такой — волован с капустой под названием «Радость финансиста» — в программу, между кулебякой и фазаном. А после сыра он полакомится суфле с двенадцатью ликерами.

Официант уже нес укропную настойку в бутылке, к которой была надежно приклеена этикетка «Белая лошадь»; обратно он ушел с заданием доставить к столу графин русской водки разлива 1905 года, бутылочку «Шабли» разлива 1925 года и «Шато д'Арсен» разлива 1955 года.

Пока все это заказывалось, метрдотель скромно держался в сторонке, дабы не мешать коллеге, но как только тот направился в погреб, наклонился к Сидролену и в высшей степени любезно попро-

сил у него допуск.

— Допуск? Какой еще допуск?

— Соцстраховочный допуск.

— Допуск к чему?

— Месье изволит шутить. Месье наверняка хорошо известно, что нам невозможно подать ему блюда больше чем на три тысячи калорий без специального допуска соцстраха, а ваш заказ тянет на все шесть тысяч.

Сидролен, конечно, видел цифры в меню против каждого блюда, но счел, что это цены.

— Месье, разумеется, знает, какую роковую роль играют несварение желудка и энтериты в дефиците баланса социального страхования. Пришлось срочно принимать меры, но может быть, месье и не платит взносы в соцстрах? Хотя по виду месье очень похож на какого-нибудь генерального директора-администратора.

И метрдотель льстиво улыбнулся.

Сидролен, конечно, платил соцстраховские взносы — как бывший заключенный, но новый закон был ему абсолютно неведом. И он не представлял, каким образом может обойти его. Он лишь прошептал:

— Опять фиаско!

— О нет, месье, ни в коем случае! — вскричал

жалостно метрдотель. — Никогда не спешите бросать начатое дело. Вспомните пословицу: «Топорище-то пора бросить раньше топора».

— После, — поправил Сидролен.

— После? Как после?!

И метрдотель растерянно заморгал.

— Положено говорить: топорище-то пора бросить после топора, — разъяснил Сидролен.

— Вы уверены?

— Абсолютно уверен.

— А вообще, что оно значит, это выражение? И откуда взялось?

— Это стародавняя присказка, — сказал Сидролен.

— Но я ее не понимаю. Скажешь вот так иногда: топорище-то пора бросить после топора, а потом вдруг подумаешь: в чем тут смысл? — и не понимаешь. Ах, месье, как это ужасно — размышлять над такими вещами!

— Ну так и не размышляйте!

— Легко сказать! Мне же хочется понять, в чем смысл. Отчего «после»? Если выбрасывают топор, то и топорище вместе с ним. Вместе — но не после. Нет, я решительно не понимаю.

— Сейчас я вам объясню. Жил-был один дровосек...

Тут Сидролен смолк и погрузился в раздумье.

X

Сфен изгрыз всю свою уздечку. Герцог настоятельно попросил его помалкивать, ибо путешествовал с большой свитой и не желал, чтобы по поводу его коня ходили сплетни. Впрочем, он и сам грустил не меньше Сфена, ибо весьма ценил веселую его болтовню. Итак, Сфен трусил вперед, замкнувшись в мрачном молчании, хотя и не утратил при этом обычной выдержки.

Лишившись собеседника в морде Сфена, герцог болтал с виконтом де Плакси. Созыв Генеральных Штатов исполнил его ликования: прекрасный повод для того, чтобы прошвырнуться в столичный город Париж. Юная Руссула, новая супруга герцога, также не прочь была вкусить столичных радостей жизни и так энергично настаивала на этом, что герцогу пришлось задать ей хорошую взбучку.

— По-моему, вы пересолили, мессир, — сказал виконт.

— Какое твое-то дело, чичисбей несчастный! Ты что, втрескался в герцогиню?

— Боже меня упаси, мессир!

— Значит, ты не галантный кавалер. А я-то надеялся, что ты в нее втрескался, в герцогиню то есть.

— Никоим образом, мессир.

— А ты, случайно, не лицемер?

— Уверяю вас, мессир...

— Ладно, ладно, но уж поверь мне, что если я и пересолил, то никак не больше ее отца. Ведь речь шла о моем авторитете. Не мог же я допустить, чтобы она сочла мою трепку менее суровой, чем лупцовку какого-то дроворуба...

— Месье, месье, — деликатно окликнул Сидролена метрдотель, — так что же дальше?

— ...и у него топор соскользнул с топорища да и упал в пропасть.

— В пропасть?

— Да, так говорится в сказке, — ответил Сидролен. — И он никак не мог его оттуда достать.

— Ну еще бы! — сказал метрдотель. — Из пропасти-то!..

— Тогда опечаленный дроворуб...

— Кто-кто?

— Ну, дровосек...

— Еще один архаизм. Вот объясните мне, месье, почему некоторые слова вдруг выходят из употребления? Я сам лично знаю массу слов, которые

за одну только мою жизнь напрочь исчезли из оборота: синематограф, таксиметр, капельмейстер и так далее.

— Вы хотите узнать конец сказки?

— Я его уже угадал, — сказал довольный своей сообразительностью метрдотель. — Опечаленный дровосек — или дроворуб, как вы изволили выразиться, — сам бросился в пропасть. Вот почему про дураков и говорят: туп, как топорище. Топорище ухнуло в пропасть вслед за топором.

— Интересный вариант, — невозмутимо сказал Сидролен. — Но нет, на самом деле дроворуб всего-навсего бросил в пропасть топорище. Вслед за топором. Так что не осталось у него ничего. А ведь топорище-то вполне могло еще пригодиться.

— Вот глупости! — возразил метрдотель. — На кой черт ему топорище? Поди-ка раздобудь топор в те времена! Нет, глупый конец у вашей сказки. Мой вариант лучше.

— Может, и глупый, — невозмутимо сказал Сидролен, — но, во всяком случае, вы узнали много нового.

— Да-да, благодарю вас. А вот и ваша крупнозернистая икра свежего посола и сверхвысшего сорта, доставленная сегодня днем сверхзвуковым самолетом: великолепная закуска к сверхохла-

жденной водке!

Да, закусил Сидролен действительно великолепно.

Поскольку ресторан был практически пуст, метрдотель время от времени подходил проверить, все ли в порядке. Сидролен отдал должное кулебяке и с аппетитом отведал волован с капустой. В ожидании следующей перемены он опять перемолвился словом с метрдотелем.

— Я знаю людей, которые обедали здесь днем.

— Днем у нас был большой наплыв народу, — ответил тот важно.

— Моих было шестеро. Три пары.

— Днем у нас была занята масса столов на шесть персон.

— Там были три молодые дамы, три сестры. Они не похожи как три капли воды, но если приглядеться, сразу видно, что близняшки.

— То есть тройняшки? Что-то не припомню. Странно, вообще-то я прекрасный физиогномист.

— А кавалеры, наоборот, ничем не примечательны.

— Ну тогда я знаю, о ком вы говорите. Довольно вульгарная компания.

— Вы так думаете?

— Смею вас уверить. Они не вкушали пищу

— вот как вы, месье, — они просто жрали. И у них не было гастрономического допуска. Более того, они даже не знали, что это такое: сразу видно, не привыкли ходить по ресторанам и наедать больше чем на три тысячи калорий... Вы и вправду с ними знакомы?

— Немного. И как же вы поступили с ними, когда обнаружили, что у них нет допуска?

— Ну что ж мне было с ними делать, — поступил так же, как и с вами: я их обслужил.

Метрдотель тонко улыбнулся и, пока его подчиненные ставили на стол трюфели и фазана, продолжал так:

— Должен вам признаться, месье, что гастрономический допуск, якобы выдаваемый соцстрахом, есть в чистом виде фикция. Такого просто не существует. Я сам выдумал его и позволяю себе развлекать клиентов столь остроумной шуткой. Некоторые поддаются на эту удочку, но тогда мой розыгрыш теряет всю соль. Я-то сразу понял, что вы, месье, не лыком шиты, но те люди, ваши знакомые, так рассердились, что чуть ресторан не разгромили. Прямо смеху подобно.

— Вы же сказали, что под конец обслужили их.

— Конечно, конечно... после того как успокоил... намекнул, что в знак особого расположения...

только для них. Ну да вы знаете, что говорят в таких случаях глуповатым клиентам.

— Понятно, — сказал Сидролен.

— И все-таки чаевые они дали нищенские. Ну и людишки! Не вашего круга, месье, нет, не вашего круга. А уж дамы — те прямо-таки низкого пошиба. Так вы говорите, тройняшки? Любопытно. Никогда бы не подумал. А ведь я прекрасный физиогномист.

Неожиданное появление пары клиентов избавило Сидролена от назойливого шутника и позволило ему спокойно расправиться с дичью и представителями грибной флоры, затем на свободе угоститься ломтиками разнообразнейших сыров, в полнейшей безопасности посмаковать суфле с двенадцатью ликерами и, наконец, совершенно безмятежно заложить за галстук стаканчик зеленого шартреза. Потом он спросил и оплатил счет, добавив несколько франков, чтобы не разочаровать метрдотеля, который поклонился ему чуть ли не в пояс. И только очутившись на улице, Сидролен впал наконец в экстаз.

— Невероятно! — сказал он вполголоса. — Высший класс!

— Что вы сказали? — спросил прохожий.

Поскольку стояла кромешная тьма, Сидролен

не мог признать, тот ли это самый.

— Ничего. Я разговаривал сам с собой. Привычка, знаете ли...

— Знаю, знаю, — раздраженно прервал его прохожий, — я вам уже советовал с ней расстаться, с этой вашей привычкой.

— Ну, не каждый же день у людей праздник.

— Так у вас нынче праздник? В честь чего?

— Я классно поужинал.

— Ну и что же?

— Я уж и не припомню, когда со мной такое бывало. Либо еду вообще в рот не возьмешь, либо хоть одно блюдо да ухитрятся испоганить. А сегодня все было в полном ажуре. Перед каждой переменой блюд я дрожал от страха. Я говорил себе: нет, это невозможно, так не бывает. Что-нибудь да сорвется. Но нет! Фазан был сочный и отлично прожаренный. Трюфели — целенькие и в меру пропеченные. Сыры — первостатейные. Тогда я подумал: ну уж суфле-то с двенадцатью ликерами — с двенадцатью, месье! — оно наверняка опадет. Ничего подобного: кругленькое, как воздушный шар, маслянистое, восхитительное. Ни к чему не придерешься. Даже шартрез — и тот оказался настоящий.

— Пф! — фыркнул прохожий. — Не вижу, чему

тут радоваться. Прилично поесть в дорогом ресторане — это не штука. Вы попробуйте поесть так в бистро!

— Есть дорогие рестораны, где только свиней кормить. Нет, я и впрямь поражен до глубины души. Что-то тут неладно... но я не собираюсь пудрить вам мозги своими делами.

— Почему бы и нет?

— Потому что не собираюсь, и все тут.

— В таком случае, — заявил прохожий, ничуть не обидевшись, — не стану отнимать у вас время... уже поздно.

— Всех благ!

Сидролен прогуливает свое изумление по ночным улицам. Подумать только — удалось! Он просто в себя не может прийти. Он бредет вроде бы наугад, но как-то незаметно оказывается возле «Ковчега». Взяв электрический фонарик, который он обычно прячет в почтовом ящике, Сидролен осматривает загородку и не обнаруживает на ней надписей.

Он охотно открыл бы рот, чтобы констатировать необычность данного факта, но не хочет рисковать: не дай Бог, опять нарвешься на того прохожего! На барже все спокойно, все на своих местах.

Сидролен принимает еще стаканчик укропной настойки, чтобы разбавить ужин — все-таки чуточку тяжеловатый для него. Он размышляет, не лечь ли ему спать, или же, для лучшего пищеварения, стоит сесть в лодку и немного погрести? Но тут же отказывается от столь гигиенического излишества и решает отдать предпочтение сну. И тут к нему обратился конь.

— Можно хоть словечко-то молвить? — спросил Сфен. — Тут ведь все свои.

И в самом деле, рядом с герцогом ехал один лишь Пострадаль на Стефе. Проводник скакал в ста туазах впереди, остальная свита держалась сзади на почтительном расстоянии.

— Говори, славный мой Демо! — с любовью сказал герцог.

— Вы никогда не подумывали о собственной статуе?

— Черт возьми! — воскликнул герцог. — Мне и в голову не приходило...

— Так почему бы и нет?

— В самом деле! — ответил восхищенный герцог. — Почему бы и нет?!

— Разумеется, я говорю о конной статуе, — как у славного короля Генриха Четвертого, которую мы осматривали вчера.

— Ишь размахнулся — конная статуя! Я все-таки не король Франции.

— Мне, — заявил Сфен, — она видится именно конной.

— Теперь я понимаю: тебе хочется иметь собственную статую.

— А разве я ее не заслужил? Такого коня, как я, после Ксанфа мир не видал. Да и Ксанф-то говорил только с голоса Геры, а вот мне подсказчиков не надо, я и сам найду что сказать.

— А кто такой Ксанф? — спросил Пострадаль.

Сфен даже пукнул в знак презрения к темноте Пострадаля. Однако все же соблаговолил ответить:

— Один из скакунов Ахилла. Второго звали Балиос.

— Сфен только что перечитал всего Гомера — за три дня! — пояснил герцог.

— А мне поставят статую? — спросил Стеф.

— Во всяком случае, он вполне ее заслуживает, — сказал Сфен, который был верным другом. — В «Илиаде» Балиос не разговаривает, говорит один Ксанф, а Стеф у нас наделен даром речи, значит, и ему полагается статуя.

— Но нельзя же ваять меня сразу на двух конях, — возразил герцог.

— Опытному скульптору это раз плюнуть, — ответил Сфен, большой оптимист. — Во всяком случае, давайте начнем с меня и вас. А Сфен подождет. Правда, Сфен?

Сфен не ответил, а Стеф не стал продолжать, поскольку проводник, поджидая их, приостановился. Вдали они узрели строительные работы.

— А неплохая, между прочим, мысль! — сказал герцог Пострадалю. — Я все время чувствовал, что мне чего-то не хватает; теперь понял, чего именно: конной статуи. Как только вернемся в Париж, примемся за поиски скульптора.

Они нагнали проводника. Подоспела мелким галопом и свита.

— Благородные сеньоры! — провозгласил напыщенно их чичероне. — Перед вами акведук — парижская достопримечательность, наиболее посещаемая сегодня, — разумеется, после статуи нашего славного короля Генриха Четвертого. Работы были начаты по приказу Ее Величества королевы-матери.

— Да здравствует королева-мать! — вскричал герцог.

— Да здравствует королева-мать! — вскричали остальные.

— По окончании строительства акведук бу-

дет иметь двести тридцать один фут в длину и девяносто четыре фута в высоту. Сооружением руководит архитектор господин Саломон де Брос...

— А статуи он, случайно, не изготавливает? — спросил герцог.

— Понятия не имею... и главный инженер флорентиец Томазо де Франчини.

— И он тоже нет? — спросил герцог.

— Что «тоже»? Я вас не понимаю.

— Я спрашиваю: он тоже делает статуи или он тоже их не делает? Тоже НЕ делает?

— Понятия не имею.

— Как только мы вернемся в Париж, вы меня поведете к самым знаменитым столичным скульпторам.

— Слушаю и повинуюсь, мессир.

— Разве что я выпишу себе какого-нибудь итальянца...

Вернувшись к своим баранам, гид предлагает благородным сеньорам спешиться и посмотреть на работы вблизи.

— Идите, если хотите, господа, — говорит герцог, — я уже нагляделся всласть.

Пока все осматривают акведук, герцог отправляется на поиски укромного и уютного местечка. Куда ни глянь, повсюду лужайки, сады и огороды.

Герцога привлекает грядка порея, которую, по его мнению, не мешало бы унавозить. Итак, он располагается на ней со всеми удобствами, как вдруг небо заволакивает тучами, поднимается ветер, разражается буря и льет проливной дождь. Герцог, едва успевший выполнить свою задачу, спешно ищет укрытие. Рядом ничего такого нет, зато вдали виднеется домик. Герцог кидается к домику, скользит по раскисшей земле, в лицо ему хлещет дождь, а потому он бежит точь-в-точь как какая-нибудь бресская пулярка, удирающая от повара. Все же в конце концов он добирается до укрытия, то есть до этого домика. Но для того чтобы домик и впрямь стал укрытием, нужна открытая дверь. Дверь же не открывается. Тщетно герцог колотит в нее: результата никакого, а дождь по-прежнему льет ему за воротник.

Потом дождь усиливается и смывает с герцога всю грязь: никогда еще не бывал он таким чистым; впрочем, факт этот, стань он известным герцогу, не доставил бы ему никакого удовольствия. Герцог все колотит в дверь ногами, бьет в нее плечом; наконец замок и петли уступают силе: дверь описывает траекторию в девяносто градусов и падает наземь, а сверху на нее падает промокший и разъяренный герцог.

Который, впрочем, тут же поднимается, недовольно ворча. Встряхнувшись, он озирается и видит, что попал не то в стойло, не то в конюшню, а может, в погреб или на чердак. Все погружено в полутьму, свет еле сочится через выбитую дверь, черные тучи по-прежнему застилают небо. Наконец герцог определяет, что попал в дровяной сарай — прекрасный, битком забитый дровами дровяной сарай. Да и уголь здесь тоже имеется. Герцог тут же разрабатывает план действий.

— Разожгу-ка я огонь да просушу штаны, камзол и шляпчонку.

Герцог ищет очаг, но такового не обнаруживает. Зато в глубине сарая он видит дверь и потихоньку отворяет ее. Сперва он ничего не может разобрать, но вдруг некто, склонившийся над горнилом, выпрямляется и кричит ему:

— Назад, неосторожный! Ты весь мокрый, а сырость загубит мою последнюю операцию!

— Фу ты, ну ты! — парирует герцог. — Ты потише, я не привык, чтобы со мной разговаривали таким тоном! Мне нужно высушить одежду и обсушиться самому.

— Назад, говорят тебе! Рубиновое дерево уже превратилось в зеленую канарейку, и ее клювик начинает собирать зернышки золота.

— Золото? — вскричал герцог. — Ты говоришь, здесь есть золото?

Но человек, не удостоив его ответом, вновь склонился над тигелем и вдруг испустил вопль отчаяния.

— Проклятье! — вопил он. — Зеленая канарейка превратилась в свинцовую курицу. Все придется начинать сначала!

— Ну и прекрасно! — легкомысленно сказал герцог. — Начинай сначала, зато я избегну простуды.

— Начать сначала, мессир?! Да ведь это двадцать семь лет упорного труда! Двадцать семь лет — псу под хвост! В этом тигеле вот-вот должно было появиться золото, если бы не ваше грубое, неуместное вторжение.

— Да-да, все это очень интересно, но что ж теперь делать, смиритесь. А я пока высушусь.

И герцог принимается стаскивать с себя штаны и камзол; он развешивает их над очагом, а затем и сам усаживается рядом, но не вплотную, чтобы не подгореть. И от него, и от одежды валит густой пар.

Человек продолжает охать и причитать:

— Эта сырость проникнет теперь повсюду!

И он бросается закупоривать бутыли и зама-

зывать глиной горлышки реторт, не переставая притом бурчать:

— Все ингредиенты придется полностью высушивать заново. Погиб многолетний труд! — да нет, что я говорю, — не погиб, загублен. И кем! — каким-то мужланом неотесанным, который не знает, куда ему приткнуться в дождь.

— Фу ты, ну ты! — посмеиваясь, говорит герцог. — Скажите на милость! Да знаешь ли ты, с кем говоришь, жалкий стеклодув?

— А знаешь ли ты, с кем говоришь, мужлан?

— Ну вот, заладил: мужлан да мужлан! Я герцог д'Ож, представитель знати моей провинции в Генеральных Штатах.

— Подумаешь! А я Тимолео Тимолей, единственный алхимик во всем христианском мире, кому ведом подлинный и наивернейший способ получения жидкого и твердого золота, не считая множества прочих чудес.

— Это каких же?

— Я умею ходить по потолку, как муха, и по воде, как наш Христос-спаситель; умею находиться одновременно здесь и в Новой Испании, путешествовать, подобно пророку Ионе, в чреве кита, плавать верхом на дельфинах не хуже Ари-

она[*], бегать быстрее Аталанты[*], передвигаться в экипаже без лошадей и летать по воздуху стремительней орла и ласточки...

— Как вижу, ты питаешь слабость к средствам передвижения.

— Просто я излагаю свою тему последовательно. Желаете из другой серии? — пожалуйста! Я могу: понимать язык пчел; говорить на диалекте тупинамбуров[*], не изучая его; беседовать с человеком, находящимся за тысячу миль от меня; слышать музыку небесных сфер; без труда разбирать секретные письмена; наизусть пересказывать тысячи и тысячи книг; вести диспут с любым оппонентом на любую тему, даже не ознакомившись заранее с ней.

— Все это гроша ломаного не стоит, а вот золото — совсем другое дело, — сказал герцог, принимаясь одеваться.

---

[*] Примечания: *

Арион — греческий поэт и музыкант (ок. VII в. до н. э.) По преданию, был сброшен в море матросами-грабителями с корабля и спасен дельфином, зачарованным его пением. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Аталанта — нимфа, обещавшая стать женой того, кто превзойдет ее в беге. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Я могу... говорить на диалекте тупинамбуров... — Игра слов: тупинамба — древнее индейское племя на территории Бразилии, топинамбур — род брюквы. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Из эссенции, которая вот-вот должна была сублимироваться у меня в тигле, я мог бы получить даже не унции, а ливры, да что там ливры! — целые бочки золота, но вторжение господина герцога все погубило. Мне опять предстоит трудиться двадцать семь лет над дистилляцией; правда, теперь мне поможет приобретенный опыт.

— Сколько же времени понадобится тебе на этот раз?

— Ну, как сказать... — замялся Тимолео Тимолей, — годика три-четыре.

— Значит, через три-четыре года ты надеешься получить философский камень?

— Надеюсь.

— И эликсир долголетия?

— Dito[45].

— Хорошо, — сказал герцог, теперь уже окончательно одетый. — Очень даже хорошо.

Дождь кончился. Герцог подошел к двери и увидал в сотне туазов от дома искавшую его свиту. Он повернулся к алхимику:

— Тимолео Тимолей, что ты скажешь, если я приглашу тебя жить у меня в замке и алхимичить

---

[45] Примечания: 45
Конечно *(лат.)*.

для меня? Я оплачу все твои расходы, защищу от чересчур любопытных попов, буду кормить по-королевски, а взамен получу от тебя золото и эликсир. Ну как, согласен?

— Покинуть Аркёй? Трудно сказать... Нужно как следует подумать.

— Да чего там думать-то! Вот отсижу на Генеральных Штатах, велю перевезти в замок всю твою стеклянную дребедень вместе с дровами, и дело с концом.

Заметив герцога, Сфен рысцой поспешил к домику и круто затормозил перед хозяином, которого мягко упрекнул:

— Ну можно ли это, мессир, где вы пропадали?

— О-о-о! — простонал алхимик, побледнев как полотно. — Го... гов... говорящая... ло... лош... лошадь!..

— Вот видишь, — успокоил его герцог, — у тебя будет неплохая компания.

И, вскочив на Сфена, галопом умчался прочь.

Ошеломленный Тимолео Тимолей попятился, споткнулся о полено и без чувств рухнул на кучу угля.

XI

Среди ночи Сидролен просыпается: у него очень болит желудок и очень болит низ живота. Он выходит на палубу и перегибается через борт: может, вырвет? Но при мысли о счете за ужин в ресторане и о том, что такая великолепная трапеза пропадет втуне, он отказывается от своего намерения и идет в уборную, чтобы облегчиться другим путем; вскоре он слышит всплеск: сейчас что-то поплывет по реке до ближайших полей орошения, а то и до самого синего моря.

Сидролен укладывается в постель, но у него по-прежнему очень болит желудок и очень болит низ живота. Вот идиотство-то! — именно в этот раз, когда все было так безупречно! Он терпит изо всех сил. Нет, больше он терпеть не может. Снова встав и одевшись, Сидролен берет одеяло, спускается в лодку и отвязывает ее от баржи; и вот он гребет.

По бульвару, вдоль набережной, время от времени еще проходят грузовики, едут они и по мосту. На соседних баржах все спят. Сидролен перестает грести и пускает лодку по течению, разве иногда подправит ее веслом в нужном на-

правлении. Лодка тихо скользит вниз по реке; в паузах между прохождением грузовиков иногда слышно, как всплывает наверх рыба или лопается пузырь, поднявшийся со дна, из гниющего ила, и раздавленный двумя мелкими волнами, рожденными порывом ветра.

Время от времени Сидролен, сморенный дремотой, клюет носом. Он поворачивает лодку к берегу и привязывает ее к колышку, оставленному каким-то рыболовом. Закутавшись в одеяло, он глядит в начинающее светлеть небо. Ни желудок, ни низ живота у него больше не болят, но заснуть никак не удается. Так он и лежит с открытыми глазами. Ну да ничего, он устроит себе сиесту подлиннее после обеда.

На набережной, как и на мосту, движение оживляется. А вот и первые рыболовы. Члены спортклуба — сверхранние пташки — вышли на греблю. Проходит баржа — настоящая, самоходная, — волны от нее разбегаются в обе стороны, совсем слабея к берегу. Сидролен видит, как качаются вверх-вниз отраженные в воде перевернутые кроны деревьев.

Отвязав лодку, он гребет, теперь уже против течения. Это дело потруднее, и обратный путь занимает гораздо больше времени. Наконец

он причаливает — прогулка окончена. Положив одеяло на место, Сидролен прохаживается взад-вперед по палубе и потирает руки — то ли оттого, что слегка озяб, то ли в знак некоторого удовлетворения. Пройдясь эдак раз десять, он взбирается вверх по откосу с банкой краски в руке. Он смотрит, не намалевали ли опять на загородке оскорбительные надписи, но таковые отсутствуют. Сидролен несколько озадачен; он рассеянно и бестолково возит кистью по чистой стенке.

Какой-то тип, проходящий мимо, говорит ему:

— Ну, это не работа!

— Верно, — отзывается Сидролен, — это как раз развлечение. Бесплатное развлечение.

— Мало же вам надо, чтобы развлечься.

— Да, немного. Вот это, к примеру.

И он указывает на дом, строящийся по другую сторону бульвара.

— Вот там идет работа, — говорит прохожий.

— Я так и сказал.

Некто, проезжавший на мопеде, лихо тормознул и окликнул их.

— К вящей славе Господней! — так он сказал, простерев к ним руку.

— Что вы имеете в виду? — неприязненно спро-

сил прохожий.

— Ничего, ничего, все в порядке! Я не собираюсь дискутировать с вами.

И он уехал — тщательно одетый, смутно смахивающий на священника.

— И это тоже не работа, — сказал прохожий. — Не так он берется за дело: вряд ли много насобирает.

— Ну, на бензин-то для мопеда наберет.

— Значит, вы полагаете, что он собирает эти деньги не во славу Господню?

— Ничего я не полагаю, — ответил Сидролен. — Может, он просит на бедных.

— Ха! На бедных! Да где вы их видели, этих бедных? У нас богатая, процветающая коммуна. Вот эта баржа — ваша?

— Моя.

— Тогда вам не на что жаловаться. Если он и собирал денежки, то уж, во всяком случае, не для вас.

— Кто знает. Может, он вообще жулик. Представьте: вот вы ему подали и ушли, а он дождется, пока вы уйдете, и поделит выручку со мной.

— Правильно я сделал, что остерегся, — сказал прохожий. — До свиданья, месье.

Сидролен поглядел ему вслед, затем, повер-

нувшись в противоположную сторону, завидел на горизонте женский силуэт. Женский силуэт на горизонте дополнялся силуэтом чемодана, а потому приближался не слишком быстро.

— По-моему, это ко мне, — вполголоса сказал Сидролен.

Он спустился на баржу и, прибрав банку с краской, разлегся в шезлонге в ожидании дальнейших событий. События развиваются следующим образом: дойдя до дверцы, ведущей от баржи к бульвару, женский силуэт, дополненный силуэтом чемодана, продолжает свой путь дальше, по прямой.

— Вот балда! — говорит Сидролен. — Готов спорить, что это и есть посылка от Альбера.

Он встает с шезлонга и поднимается по склону на набережную, желая поглядеть, что будет дальше. Действительно, женский силуэт, дополненный силуэтом чемодана, о чем-то справляется десятью баржами дальше. Потом поворачивает назад. Держит курс прямо на него. Приближается. Сближается. Подходит вплотную. Вот она. Ставит чемодан и спрашивает:

— Это вы будете тот человек, про которого говорил месье Альбер?

— Скажите, что он говорил, тогда я узнаю, я

это или нет.

— Не пойму, о чем вы. И потом, вопросом на вопрос не отвечают. Это невежливо.

— К кому вас посылал месье Альбер?

— Еще один вопрос! Вы что, не можете ответить сперва на мой? На вопрос то есть.

— А какой был ваш вопрос?

— Опять двадцать пять! Вы, видно, ничего не умеете, кроме как задавать вопросы.

— Откровенно говоря, не думаю, чтоб это было в моем характере.

— Значит, вы сами себя не знаете.

— Поскольку вы тоже меня не знаете, остается только спросить, кто же меня знает.

— Месье Альбер.

— Вот это верно.

— Так, значит, вы тот самый человек, что ищет девушку — наводить порядок на барже?

— Именно.

— А это и есть ваша баржа?

— Да.

— Ничего, очень даже миленькая.

— Ну, не будем преувеличивать.

— В августе сплаваем на ней в Сен-Тропез?

— Нет, она не на ходу.

— Жаль. Зато, я вижу, там есть лодка. Ваша,

что ли?

— Моя.

— Значит, можно будет кататься?

— При случае.

— Я, знаете ли, умею грести, так что не волнуйтесь, я сама буду вас катать.

— Ну, на такое я даже не надеялся.

— А вы меня не расхолаживайте, не надо.

Сидролен чешет в затылке.

— Вы совершеннолетняя?

— Хотите поглядеть мой документ?

— Хотелось бы.

Да, она была совершеннолетней. Сидролен тщательно проверил, не подделана ли дата рождения. Как будто нет. Сидролен вернул удостоверение личности и взялся за чемодан.

— Пошли, будете располагаться.

— А вы уже позавтракали?

Сидролен отрицательно мотнул головой.

— Осторожно, — сказал он, — не расквасьте себе физиономию.

Склон был довольно крутой.

— И не шлепнитесь в воду.

Они проходили по мосткам над прибрежной тиной. Совершеннолетняя девица заметила:

— Издали-то довольно миленько, а вблизи

— жуть!

— Да, на вид вода грязновата, но не застойная. Так что грязь то и дело меняется. Иногда я разгоняю ее палкой, и она уплывает по течению. Но с той стороны и вправду сильно пованивает.

И продолжал:

— Не стукнитесь головой. Вот, это будет ваша каюта, здесь жила моя дочь. Тесновато, конечно, но на судах, сами знаете, место всегда ограничено. Если не считать океанских теплоходов, какие показывают в кино.

— Кстати, телевизор-то у вас есть?

— Нет.

— А как же моя многосерийка?

— Что вы хотите, чтобы я вам ответил?

— Н-да, тут еще надо подумать.

— Я вас понимаю. Разве Альбер вас не предупредил?

— Не будете же вы утверждать, что у вас нет денег на телевизор?

— Я вас не уговариваю. Вынести вам чемодан наверх?

— Ладно, Бог с вами. Тем хуже для многосерийки. Вообще-то, по правде сказать, ничего хорошего в ней нет. Но, сами понимаете, привычка. Шестьдесят шесть недель я уже ее отсмотрела.

Тем хуже.

— Ну тогда я пошел. Ванная вон там, туалет рядом.

— Не скучайте. Через пять минут я буду готова и займусь вашим завтраком.

Сидролен поднялся на палубу и разлегся в шезлонге в ожидании дальнейших событий, но очень скоро глаза его закрылись.

— Мой благородный супруг, — сказала Руссула, почтительно целуя руку герцога, — я хочу сообщить вам великую и радостную новость: скоро у вас будет наследник.

— Браво, моя дорогая! Представляю, какую рожу скорчат мои зятья! Но... скажите, любезная Руссула, откуда вы знаете, что будет именно наследник?

— Так мне сказал астролог.

— Какой астролог?

— Астролог, с которым я консультировалась. Я поселила его в замке, чтобы он наблюдал звезды во время родов. Разумеется, при вашем благосклонном согласии, благородный супруг.

— Черт подери! — пробурчал герцог себе в бороду. — А я еще приволок алхимика, ничего себе компания!

— Неужто мое решение вам неугодно? — спро-

сила, потупившись, Руссула.

— Угодно, моя милая, очень даже угодно. Как говорится, нашему уроду все в угоду. Что ты на это скажешь, Пострадаль? Не правда ли, я привез в нашу провинцию самый что ни на есть изысканный дух двора? Разве не вернулся я из столицы остроумцем до мозга костей? Берегись теперь, сир де Сри: я его закаламбурю так, что с него живо спесь слетит. А где епископ? Привести сюда епископа, я представлю ему алхимика! А мой наследник, да, мой наследник! Где же мой наследник?

И герцог делает вид, будто ищет наследника. Потом хлопает Руссулу по животу:

— Ах, вот он где, мой наследник! Вот он где прячется! Ох, хитрец, нашел себе тепленькое местечко! Ну, Руссула, ты меня осчастливила, и поэтому я тебя сейчас тоже осчастливлю.

— Слушаю вас, благородный супруг.

— Я собираюсь заказать свою статую. И притом конную, черт возьми. Ее воздвигнут у большого вяза перед подъемным мостом. Сьёр Франкавилла уже срисовал с меня портрет, а, надо вам знать, этот сьёр Франкавилла — знаменитый скульптор и даже каким-то боком участвовал в создании статуи Генриха Четвертого, которая теперь стоит

на Новом мосту.

— Ах, как жаль, что я ее так и не увидела, — вздыхает Руссула.

— Не бойся, жена, никуда она не денется. На следующие Генеральные Штаты я возьму тебя с собой, и ты на нее полюбуешься. С этим задержки не будет, ибо королева-мать весьма нуждается в деньгах, а стало быть, и в налогах.

— Тысячу раз благодарю вас, благородный супруг, — говорит Руссула, делая реверанс герцогу.

— Но вернемся к моей статуе. Значит, я буду сидеть на коне, — разумеется, на Сфене, с которого сьёр Франкавилла также срисовал весьма похожий портрет. Сфен очень им доволен: когда показали, он даже заржал от радости. Хорошо ржет тот, кто жрет последним.

— Ах, ах! — восхитился Пострадаль.

— И у него тоже будет статуя, — сказал герцог Руссуле, тыча пальцем в Пострадаля. — Маленькая. Пока я там был, заодно срисовали портрет и с него. Не ради него, конечно, — новый указующий жест, — а для того, чтобы не обидеть славного Стефа.

— А я как же? — спрашивает, потупившись, Руссула. — С меня разве статую не сделают?

— Ну разумеется! Я и о вас подумал, жена. В

нашей часовне вам воздвигнут великолепную гробницу — еще красивее, чем у моей покойной Элоди. А сверху установят статую, высеченную из камня. Сам же я предпочитаю бронзу.

Руссула склонилась было перед герцогом, но тот остановил ее:

— Не надо меня благодарить, это вполне естественно. А вот, кажется, и астролог пожаловал. Подойди. Как тебя зовут?

— Дюпон, к услугам вашего сиятельства.

— И ты умеешь узнавать судьбу по звездам?

— Да, к услугам вашего сиятельства.

— И по ним ты прочел, что у меня будет наследник?

— Да, к услугам вашего сиятельства.

Герцог повернулся к Руссуле и сказал:

— По-моему, ваш астролог болван.

И он продолжал беседу с Дюпоном:

— Ты наблюдал звезды нынешней ночью?

— Да, к услугам вашего сиятельства.

— И что же они тебе сказали?

— Gloriam Dei, мессир, Gloriam Dei.

— И это все?

— Как, мессир, — вскричал вдруг астролог величественным, чисто ораторским жестом простерев руки вверх, — разве вы не находите, что слава

Господня — это уже предостаточно?!

— Для славы Господней я держу у себя епископа, он большой спец в этом вопросе. А ты говори о своем ремесле.

— Я слышу музыку сфер.

— Ну и как она звучала?

— Божественно, мессир, просто божественно!

Герцог с отвращением отвернулся и обратился к Руссуле:

— Да он же дурак набитый!

И, возложив руку на живот своей благородной супруги, вновь заговорил с астрологом:

— Ну-ка скажи, кто оттуда выскочит: девчонка-коза или наследник?

— Наследник, мессир.

— Ты в этом уверен и убежден?

— Светила не лгут.

— Ну, сам-то ты на светило никак не похож. А какому человеку не приходилось лгать?! Мы лжем на каждом шагу, лжем так часто, что ложь стала одним из главных грехов катехизиса. Будь здесь монсеньор Биротон, епископ in partibus Сарселлополисейский, он бы подтвердил мои слова. А тебе сейчас врать выгодно. Ты нашел здесь приют и пропитание и живешь на мои денежки припеваючи. Тебе, верно, показалось,

что ты напал на простофилю неотесанного, доверчивого, как баба (жест в сторону Руссулы), а ты стоишь перед лицом благородного сеньора, который только что провел шесть месяцев при дворе, в столичном городе Париже, и брал слово на заседаниях Генеральных Штатов, а уж коли брал, то пусть теперь попробуют отнять! Короче говоря, пошел вон, Дюпон!

Тут Руссула кидается герцогу в ноги и умоляет его в следующих выражениях:

— Благородный супруг, я так гордилась тем, что завела собственного астролога подобно королеве Екатерине. Я ведь пеклась о вашем престиже... о вашем standing[46]...

— Но, дорогая моя, — ответил герцог, начиная слегка раздражаться, — я ведь уже привез алхимика из столичного города Парижа, точнее, из Аркёя. А я не собираюсь кормить целую ораву негромантов. Лично я предпочитаю алхимика: когда он получит философский камень...

— Какое шарлатанство! — вскричал Дюпон.

— Ну, ты плохой товарищ! — возмутился герцог. — Какая подлость — хулить ремесло своего собрата! Ты мне не нравишься!

---

[46] Примечания: 46
Положение, престиж *(англ.).*

Тут появился монсеньор Биротон в сопровождении аббата Рифента. Оба удостоились горячих объятий герцога, который немедленно разъяснил епископу ситуацию и попросил совета.

— Гоните обоих, — посоветовал Онезифор.

— Ну вот, вечно ты преувеличиваешь! — воскликнул герцог, — один из них мне нужен.

— Мне тоже, — сказала Руссула.

Капеллан нерешительно почесал в затылке.

— Ну так как же? — спросил герцог. — Кого из двух — астролога? алхимика?

— Все это сильно попахивает костром, — ответил Биротон.

Астролог тут же обратился к нему.

— Я добрый христианин, — заявил он, — разве не был я у вас на исповеди?

Но герцог смотрел на него с растущим отвращением.

— Какой мерзкий подхалим этот человечишка! Нет, он мне решительно не нравится.

— Но ему не откажешь в благочестии, — сказал Онезифор, — и потом, в конце концов, церковь не запрещает смотреть на звезды.

— Я даже нахожу, что это весьма поэтическое занятие, — просюсюкала Руссула.

— И кроме того, — добавил аббат Рифент, — сьёр

Дюпон не разделяет еретического учения пресловутого поляка Коперника. Это очко в его пользу.

— Коперник — попам соперник, — рассеянно срифмовал герцог.

— Ах, ах! — восхитился Пострадаль.

— Солнце вращается вокруг земли! — возгласил астролог. — И только безумный или коварный еретик может утверждать обратное.

— Ой, до чего ж он ученый! — просюсюкала Руссула. — У меня непременно родится наследник.

— Они все решили обвести меня вокруг пальца, — мрачно пробормотал герцог.

— Алхимия — темная и сомнительная наука, — продолжал Онезифор, видя, что герцогиня и ее колдун взяли верх. — Огни горнила алхимика сильно смахивают на адское пламя, а жажда золота — вещь весьма предосудительная. Что же до эликсира долголетия, то это напоминает мне слова диавола, обращенные им к нашим прародителям: eritis sicut dei[47], сопровождающие совет съесть пресловутое яблоко, также сулящее им бессмертие...

— Гм! — хмыкнул аббат Рифент.

— ...и все вы знаете, что с ними потом приклю-

---

[47] Примечания: 47

Будете как боги *(лат.)* — слова из Книги Бытия (3: 5).

чилось.

— Аминь! — закричал Дюпон.

— Аминь! — повторили за ним Руссула, Пострадаль и аббат Рифент.

Герцог молчит. Он злобно глядит на астролога, начиная беситься, но пока не выказывая этого. Дюпон же, считая, что дело в шляпе, распускает язык вовсю:

— О силы небесные, что управляете мирскими делами, я вижу, как вы приносите дары свои и благословения драгоценному наследнику, коего предстоит зачать в самом скором времени высокородному и прославленному герцогу д'Ож...

— То есть как! — вскричал высокородный и прославленный герцог д'Ож. — То есть как это предстоит? Эй, жена, вы, значит, совсем не беременны?

— Пока нет, благородный супруг, но вы об этом позаботитесь.

И Руссула, зардевшись как маков цвет, скромно потупилась.

Высокородный и прославленный герцог д'Ож вцепляется Дюпону в глотку и начинает душить его своими мощными руками. Астролог выкатывает глаза прочь из орбит и высовывает бледный язык, пока Жоашен изливает на него злость и

презрение к наглецам подобного рода.

Он трясет его все сильней и сильней. Руссула кидается в ноги герцогу, моля о пощаде. Онезифор просит аббата Рифента принести ему все необходимое для последнего причастия жертвы. Виконт де Прикарманъ твердо держится политики невмешательства.

— Пощадите его, благородный супруг! — вопит герцогиня. — Пощадите его!

— В самом деле, довольно, мессир, — говорит с кротким упреком Онезифор, — умерьте свои порывы, а то я не успею дать ему последнее напутствие.

Дюпону суждено было пережить это тяжкое испытание. Герцог наконец выпустил его из рук чуть живого, и он сполз наземь, точно перезревший сыр; окружающие поспешили убрать его прочь, а тем временем вошедший алхимик низко кланялся своему господину. Герцог мог быть доволен: он одержал верх.

XII

Сидролен открыл глаза: кто-то шептал ему что-то на ухо. То была Лали, а шептала она, что обед готов.

— Ничего себе вы придавили! — добавила она. — Проспали завтрак, — не могла же я позволить вам спать весь день; вставайте, я приготовила вкусный обед.

Сидролен растерянно таращился на Лали: она появилась так недавно, что он не сразу ее и признал.

— Мне снились сны, — прошептал он почти про себя.

— Только не вздумайте их рассказывать.

— Это почему же? — с интересом спросил Сидролен.

— Так не принято.

— Как не принято?

Но Лали ограничилась призывом:

— К столу, к столу!

Стояла еще довольно теплая погода, и стол был накрыт на палубе. Прибор уже ждал Сидролена.

— А вы-то сами пообедали? — спросил он.

— Да, месье.

— В следующий раз дождетесь меня и накроете на двоих.

— Мерсимесье, очень даже мило с вашей стороны.

Сидролен направился на камбуз. Лали кинулась следом.

— Вам что-нибудь нужно?

— Укропной настойки.

— Вы что ж это — решили набраться укропной настойки перед обедом?

— Как обычно.

— Да это же вредно.

Сидролен слегка усмехнулся.

— Нет, правда, — повторила Лали, — очень вредно.

— Может, вам угодно пойти и собрать вещички, — сказал Сидролен, — так я возражать не стану. Готов даже заплатить вам за месяц вперед, если вы отчалите незамедлительно.

— Да ладно уж, держите свои денежки при себе, — сказала Лали.

Сидролен приносит бутылку укропной настойки и наливает себе четверть стаканчика, разбавив его до краев минералкой. Попивая эту смесь, он рассеянно следит за тренирующимися гребцами.

Когда стаканчик осушен, Лали спрашивает:

— Теперь можно подавать?

— Валяйте.

Она приносит хлеб и банку филе тунца в рафинированном арахисовом масле. Стоит и смотрит, как Сидролен ест.

— Меня раздражает, когда на меня глазеют за едой, — говорит Сидролен. — Ну-ка, садитесь и рассказывайте мне какие-нибудь истории.

— Вы меня спутали с Шехерезадой, — говорит Лали.

— Фу ты, ну ты, какие мы ученые! — говорит Сидролен.

— Ученость жить не мешает. Вы не находите?

— Полностью с вами согласен.

— Вот то-то, — говорит довольная Лали.

— У вас есть образование, — говорит Сидролен, — а в придачу к нему — принципы: не пить укропную настойку до обеда, не рассказывать сны. А все-таки, почему нельзя рассказывать сны?

— Это невоспитанно, — говорит Лали.

— Впервые слышу, — говорит Сидролен.

— Каждый человек, — разъясняет Лали, — воображает про себя невесть что: и все, что он делает, — чудо, и что он из себя представляет — тоже чудо. Прямо пуп земли. А если еще позволить людям рассказывать сны, тогда вообще хоть караул кричи.

— Мои сны крайне интересны, — говорит Сидролен.

— Все так думают. Но доказать это невозможно, потому как их нельзя сравнить.

— Ну, мои!.. — говорит Сидролен. — Если бы я их записал, получился бы целый роман.

— А вам не кажется, что романов и так предостаточно?

— Не беспокойтесь, — говорит Сидролен, — я не принадлежу к труженикам пера.

— А я и не беспокоюсь, еще чего!

— Видите ли, — говорит Сидролен, — когда вы сказали, что нельзя рассказывать сны, я подумал, что это из-за психоанализа и психоаналитиков.

— Чего-чего?

— Психоанализ. Вы разве не знаете, что это такое?

— Нет.

— А я думал, вы получили образование.

— Ну нельзя же знать все! — отвечает Лали.

— Как это верно!

И поскольку Сидролен покончил с тунцовым филе, он осведомился о продолжении в следующих словах:

— Что же будет на второе?

— Банка печеночного паштета. Устраивает?

— Не хочу вас обидеть, — говорит Сидролен, — но сготовить такой обед и я бы сумел.

— Месье Альбер уверял меня, что вы человек сговорчивый, а вы только и делаете, что вор-

чите.

— Ба! — говорит Сидролен. — Нельзя уж и покритиковать слегка.

— Ладно, забудем это.

И она приносит банку печеночного паштета.

— Мне сесть? — спрашивает она.

— Конечно.

Сидролен молча и меланхолично намазывает на хлеб печеночный паштет.

— Ну так что ж это за штука? — спрашивает Лали. — Та, что со снами.

— Психоанализ?

— Вот-вот.

— И психоаналитики?

— Ну-ну.

— Значит, так, — говорит Сидролен, прилежно жуя свой сэндвич, — это такие люди, которые толкуют сны. Они копают глубоко и в конце концов докапываются до сути, эти самые люди. Ну а среди нас есть такие, что опасаются их и не хотят, чтобы до их сути кто-нибудь докопался, — вот они-то никогда и не рассказывают свои сны.

— Подумаешь, тоже мне потеря! — говорит Лали.

— Значит, вы решительно против?

— Против чего?

— Против того, чтобы рассказывать сны.

— Я уже сказала: на мой взгляд, это невоспитанно и даже как-то неприлично.

— Ладно, учту.

Сидролен приканчивает паштет, рассеянно поглядывая на другой берег, где какой-то рыболов, привязав лодку к колышку, готовит свою снасть; рядом сидит собака, она тоже смотрит на него.

— Вы рыбу ловите? — спрашивает Лали у Сидролена.

По справедливости ей следовало бы задать этот вопрос человеку с того берега, но тогда ей понадобился бы рупор.

— Нет, — отвечает Сидролен (а не рыболов с того берега, который, ясное дело, не слышал вопроса, а если бы услышал, то, конечно, ответил бы «да»). — Мне рыбная ловля не нравится. Я считаю, это жестокое занятие.

— А главное, глупое, — сидеть вот так вот сложа руки...

— Ну-с, что у нас на десерт к этому превосходному обеду?

— Кусочек сыра и остатки варенья.

— Прелестно! — заключает Сидролен.

Рыбак на том берегу закинул удочку в воду; он закуривает сигарету и дымит, отрешенно глядя

вдаль. Собака, свернувшись калачиком, спит.

— Ну вот, скоро и сиеста моя начнется, — замечает Сидролен про себя.

Лали приносит завершение превосходного обеда и садится — на сей раз по собственной инициативе.

— Итак, Шехерезада, — говорит Сидролен, усиленно жуя прогоркший сыр и предчувствуя, что варенье наверняка окажется заплесневелым, — вы не хотите порассказать мне какие-нибудь историйки?

— Правдивые или придуманные?

— Бойтесь придуманных историй! Они обнаруживают вашу сокровенную суть. Совсем как сны. Придуманные истории и правдивые сны — почти одно и то же.

— Правдивые истории так же прекрасно обнаруживают вашу суть, вы не находите?

— Тогда, может, расскажете историю о ком-нибудь другом?

— С чего это я стану ее рассказывать, если она меня не интересует? А если интересует, то, значит, она как будто про меня.

— Стало быть, ничего не желаете рассказывать?

— Да не знаю я! Какой же вы настырный, ей-

богу, — ни капельки не похожи на то, как вас описывал месье Альбер, — такой, мол, солидный отец семейства, совсем не занудный и не вредный.

— Ага, вот, кстати, о месье Альбере: расскажите-ка мне, как вы с ним познакомились. Но сперва позвольте вам заметить, что варенье, как я и предвидел, заплесневело.

— Вот видите, я права: вы все время ворчите.

— Ну что ж, опять фиаско; да я уже привык.

— Вы еще заплачьте из-за какого-то варенья.

— Ладно-ладно. Ну, так о месье Альбере...

— Не хотите ли чашку кофе?

— Нет, нет! — в ужасе воскликнул Сидролен. — Только не кофе!

— Боитесь, что я сварю вам бурду?

— Нет, но моя сиеста! Кофе помешает мне спать.

— Вы опять собрались спать? Да вы же проспали с утра до обеда!

— Вот я сейчас устроюсь в шезлонге, а вы мне расскажете, как познакомились с месье Альбером.

— Чтобы вам легче было делать баиньки?

— Если я закемарю, вы остановитесь и продолжите в следующий раз.

— Н-да, не сказать, чтоб вы меня очень обнадежили.

— Итак, Шехерезада, я вас слушаю: история Альбера.

— Ладно, так и быть. Я — единственная дочь бедного лесоруба...

— Где-то я уже это слышал... дочь дроворуба...

— Вы так и будете прерывать меня на каждом слове? Тогда уж лучше спите.

Сидролен не преминул тут же доставить ей это удовольствие. Герцог верхом на коне прогуливался по лесу, молчаликий и одиновый. Сфен тоже помалкивал, но, поскольку прогулка затягивалась, а с нею и герцогская молчаликость, он разомкнул уста, чтобы спросить, можно ли ему говорить.

— Говори, славный мой Демо, говори! — сказал герцог, любовно потрепав коня по холке.

— Мерсибо! — ответил Сфен, весьма довольный удачным словцом.

Он сделал вид, будто размышляет, перед тем как задать давно уже вертевшийся у него на языке вопрос.

— Гм... гм, — сказал он наконец, — ну как там наша статуя?

— Ей-богу, не знаю, — ответил герцог.

— Разве она еще не отлита?

— Да что-то последнее время о ней ничего не слыхать.

Сфен не скрыл своего разочарования. Он даже пукнул от возмущения.

— А вам не кажется, — спросил он, — что следовало бы этим поинтересоваться?

— Пока что меня это не волнует.

— А как же ваша слава? О ней вы забыли? Неужто вы не думаете о грядущих поколениях, что будут толпами стекаться со всех сторон, дабы узреть вас навечно отлитым в бронзе подле заветного феодального вяза? Неужто в вас не пробуждается гордость при мысли о том, что статус статуевоздвиженца позволит вписать ваше имя во все истории искусств, весьма малочисленные, конечно, в наше время, но чье количество неизмеримо возрастет в последующие века. Черт побери, ей-богу, я уже пророчествую!

И, разволновавшись от собственной речи, Сфен пустился вперед дробной рысцой.

— Тихо, тихо! — остановил его герцог.

Сфен вернулся к прежнему прогулочному шагу и, соответственно, к прежней теме:

— Мои аргументы вас не убедили?

— Да-да, конечно, убедили, мой славный Демо.

Я пошлю Пострадаля разузнать, как там дела с моим изваянием.

— Прекрасная мысль! Заодно пускай разведает, движется ли и его собственное со Стефом.

— Его отъезд, мне кажется, опечалит герцогиню — грустно молвил герцог.

— А почему бы и ей не проехаться туда же? Она так мечтала побывать в столичном городе Париже.

— Тогда пойдут сплетни.

— А вы пошлите с ними за компанию аббата Рифента, и пусть эту экспедицию возглавит монсеньор Биротон. А вы избавитесь от всех разом на пару месяцев.

— Хорошо бы! Надоело мне слушать каждый день их уговоры да выговоры. Спасибо, еще не донесли на меня как на атеиста или колдуна.

— О, вся эта болтовня лишь для проформы, — такое уж у них ремесло, но если вашему алхимику все-таки удастся изготовить эликсир долголетия, я думаю, они тоже не откажутся выпить стаканчик.

— Пока что до эликсира далеко: в настоящий момент мы изготавливаем взрывчатый порошок.

— Ну и как, получается?

— Конца не видно!

Помолчав несколько минут, Сфен вновь заговорил в таких выражениях:

— Я начинаю сомневаться, Жоашен, мудро ли вы поступили, приведя к себе в замок Тимолео Тимолея. С тех пор как он живет у вас и жжет огонь под своими ретортами, вы, Жоашен, сделались мрачны и молчаливы, а вдобавок растратили почти все свои денежки, полученные по договору в Сен-Мену. Разве я не прав?

— Ох, прав! Сундуки мои опустели, и скоро мне придется разбить копилку моего будущего наследника. Это наводит меня на мысль, что правильнее было бы оставить у себя астролога. Он обошелся бы куда дешевле, да и герцогиня была бы довольна.

— Ба! — ответил Сфен. — Все эти людишки стоят друг друга.

— Так ты сомневаешься в них, мой Демо?

— Хотите, я скажу вам откровенно: не верю я во все эти гороскопы.

— Да и я ничуть не верю.

— И в философский камень — тоже ни капельки.

— Ну, знаешь ли! — вскричал герцог. — Скажи это не ты, а кто-нибудь другой, я бы ему морду

набок свернул!

— Я в них не верю, — повторил Сфен, — но вам верить не запрещаю.

— Надеюсь! Ах, если бы ты видел нас — Тимолео и меня — среди всех этих реторт и тиглей, колб и алембиков, пеликанов и змеевиков, перегонных кубов и прочих сосудов; если бы ты видел, как мы смешиваем соли с металлами — одни фиолетовые, другие синие, одни голубые, другие зеленые, одни желтые, другие оранжевые, а некоторые так даже красные, не говоря уж о белых и черных; смешиваем и наблюдаем, как один цвет переходит в другой, твердые вещества превращаются в жидкие, а жидкие — в твердые, осязаемые становятся неосязаемыми, а неосязаемые — осязаемыми, а ведь я описываю тебе лишь внешнюю сторону наших манипуляций, — так вот, если бы ты видел это, славный мой Демо, ты бы сразу понял, что твой хозяин и алхимик трудятся не напрасно. Настанет день, когда ангелы увенчают успехом наши усилия, и тогда я прикажу отлить свою статую не из бронзы, а из чистого золота.

— НАШУ статую.

Герцог даже не расслышал этой поправки и снова впал в меланхолию, из которой Сфен не осмелился его вывести. Таким образом они одоле-

ли еще одно лье в полном молчании, после чего Сфен решил возвратиться, но только по другой дороге; герцог, по-прежнему молчаливый, нахмуренный, унесшийся мыслями неведомо куда, не противоречил ему. Он вздрогнул лишь тогда, когда услышал, что его окликают: в этот миг они пересекали лужайку, где работали дроворубы, — они заготавливали топливо для печей Тимолео Тимолея. Что же до голоса, окликнувшего его, то он принадлежал одному из дроворубов, который спрашивал его в таких выражениях:

— Благородный сеньор, как поживает моя единственная дочь-герцогиня?

Сидролен вздрогнул и открыл глаза.

— А ваши братья и сестры? — спросил он.

— Ну вот, выспались! Я же вам сказала, что я единственная дочь!

— Гм... значит, ваш отец был дроворубом...

— Я только что кончила рассказывать, как познакомилась с месье Альбером и как он послал меня сюда.

Сидролен зевнул.

— А вы не хотите рассказать еще разок? — спросил он.

— Еще чего! — сказала Лали. — Надо было слушать, а не спать.

— Ну ладно, тем хуже, — сказал Сидролен, — оставим до другого раза.

— Никакого другого раза не будет, хватит с вас.

— Я учту, — сказал Сидролен.

Он потянулся и встал. Рыболов на другом берегу все еще сидел на месте; пес, свернувшись калачиком, по-прежнему дремал в лодке.

— В общем-то, не так уж они и жестоки, — сказал Сидролен, — ведь они никогда ничего не ловят.

Лали глянула на рыбака, не сказав ни слова. Она сидела, но теперь тоже встала.

— Я не хотела портить вам обед и сиесту, — сказала она, — но на вашей загородке кто-то намалевал целую кучу надписей. И препротивных, более чем.

Сидролен молча отправился за банкой краски и кистью.

— Там ругательства, — сказала Лали, — и оскорбления.

Сидролен направился к мосткам.

— Это что, про вас? — спросила Лали.

— Ну да, — отозвался Сидролен.

— Что ж вы такого натворили?

— Я вам расскажу, когда вы заснете.

Сидролен взбирается вверх по откосу. Он даже

не смотрит на надписи, а прямо начинает замазывать их. Лали отправляется мыть посуду. Целая компания кочевников с турбазы останавливается рядом, желая что-то спросить у Сидролена: они даже знают, как по-французски «метро». Про метро-то они у него и спрашивают. Он отвечает жестами.

— Ну вот, уже начинают мигрировать, — говорит Сидролен, глядя им вслед. — Осень наступает. «Моя вечная осень, томленье души!..»

— Что вы сказали? — спросил прохожий.

— Я цитировал, — ответил Сидролен.

— Кого ж это?

— Поэта, конечно. Вы что, не услышали анапеста?

— Не обратил внимания. Я думал, вы хотите что-то у меня узнать. Время, например.

— Да ничего я от вас не хотел, — сказал Сидролен.

И он продолжал красить, а прохожий молча наблюдал.

Подошла новая группа кочевников; эти тоже знали, как по-французски «метро», и обратились с соответствующим вопросом к прохожему. Тот жестами изобразил незнание.

— Есть здесь поблизости метро? — спросил он

у Сидролена.

Сидролен указал кочевникам дорогу, они горячо поблагодарили его и удалились.

Сидролен вновь взялся за кисть и вполголоса промолвил:

— Так я и думал. Они начинают мигрировать. Осень подходит.

И он продолжал молча трудиться.

— А где конец? — спросил прохожий.

— Конец чего?

— Конец цитаты.

— Экий вы нетерпеливый! Я еще и не начинал цитировать.

— Значит, это ваши собственные слова: «Они начинают мигрировать. Осень подходит»?

— Мои собственные.

— А те слова, что вы сейчас замазали, они чьи?

— Какого-нибудь прохожего, я полагаю.

— Это вы меня обвиняете?

— А вы что, единственный прохожий на свете?

Не слыша ответа, Сидролен оглянулся на прохожего: тот стоял к нему спиной и притворялся, будто разглядывает завершавшееся строительство дома напротив. Сидролен делает еще несколько мазков... так, теперь все в порядке. Он опускает кисть в банку и поднимает банку с

краской за ручку — тоненькую металлическую ручку, которая слегка врезается в пальцы.

Прохожий исчез.

XIII

Часы на деревенской колокольне давно уже отзвонили пять, когда герцог д'Ож выехал из замка в сопровождении Пешедраля, самого младшего из братьев виконта де Прикарманъ, недавно поступившего на службу к герцогу. Оба они ехали верхом — герцог на Сфене, а паж на Стефе. Герцог молчал, и Сфен скакал молча; Стеф и Пешедраль делали то же самое. Проезжая по городской площади, они повстречали группу местных нотаблей, которые низко им поклонились.

— Ну как, господа, — спросил рассеянно герцог, — в добром ли мы здравии?

— В превосходном, — отвечал бальи[*], — в превосходном.

— А кроме этого есть ли что-нибудь заслуживающее нашего внимания?

— Мы идем сейчас выбирать делегатов в Генеральные Штаты, — отвечал бальи.

---

[*] Примечания: *

Бальи — административная должность, существовавшая до Великой французской революции. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Ах да, Генеральные Штаты...

И герцог не стал развивать эту тему.

— Мы начали составлять книгу жалоб, — продолжал бальи. — Монсеньор Биротон и аббат Рифент присоединятся к нам, и, ежели господин герцог соблаговолит оказать нам свою милостивую помощь, мы смогли бы отослать в Париж общий перечень претензий от всех трех судебных округов, что показало бы Его Величеству единство и сплоченность французов перед лицом священной особы короля.

— Да здравствует король! — вскричали нотабли. — Да здравствует король!

— Да здравствует король! — счел нужным заорать и Пешедраль.

Оплеуха герцога тотчас отправила его в дорожную пыль, откуда он медленно выбрался, чтобы вновь, с обалделым видом, вскарабкаться в седло. Нотабли благоразумно воздержались от комментариев.

— Ну что ж, — сказал повеселевший герцог, — желаю успехов в работе, господа.

И он резвым галопом поскакал в направлении кладбища. Там он спешился и бросил Сфеновы поводья Пешедралю, который еле успел их подхватить.

— Ну ты, макака! — сказал герцог. — Кто тебе позволил кричать: «Да здравствует король»?

— Я как все! — прохныкал Пешедраль.

— Так вот, запомни... но сперва сойди с коня.

Когда паж спешился, герцог схватил его за ухо и, довольно сильно выкручивая последнее, повел свою речь в таких словах:

— Запомни же, дорогой мой пажонок, макака, попугай несчастный, что ты должен поступать не как все, а как твой господин, уразумел? — как твой господин. Ясно?

— Нет. Ничего не ясно.

Герцог взялся за другое ухо пажа и, накручивая его, продолжал в таких выражениях:

— Вот я — что я сделал? Кричал ли я: «Да здравствует король!»? Нет, не кричал. Понял теперь?

— Да, конечно... но разве нам не велено во всех случаях кричать: «Да здравствует король!»?

— Может быть, — ответил герцог, выпустив пажеское ухо, ставшее пунцовым, и впадая во внезапную задумчивость. — Может быть, — повторил он спустя несколько минут.

И направился к кладбищу.

Когда Пешедраль счел, что герцог отошел достаточно далеко, он принялся растирать себе уши, ворча:

— Ух, горилла, как больно дерется! И за что! За здравицу королю! Как будто в тысяча семьсот восемьдесят девятом году нашей христианской эры запрещено кричать: «Да здравствует король». Ну так вот, я буду, буду кричать: «Да здравствует король», буду и все тут!

Что он тотчас же и сделал, но только шепотом.

— Вам, юноша, этого не понять, — сказал Сфен. — Просто наш герцог не занимается политикой.

— Господи Иисусе! — завизжал паж. — Конь заговорил.

— Да, лучше уж сразу ввести вас в курс дела, это окончательно облегчит наши отношения. Впрочем, я не один такой: Стеф тоже говорит. Правда, Стеф?

— Да, — лаконично молвил Стеф.

— Ну-ну, не дрожите же так, — сказал Сфен Пешедралю, — чего вы испугались? Накануне революции бояться не велено.

— Революции? — воскликнул Пешедраль, стуча зубами от ужаса. — Ка-ка-какой ре-ре-во-во-люции?

— Той, что грядет, — ответил Сфен.

— Господи, он еще и пророчествует, — вскричал Пешедраль голосом сколь придушенным, столь же и душераздирающим. — Пророчествует, что

твоя Валаамова ослица.

— Нет, это не конюший, это семинарист какой-то, — презрительно изрек Сфен. — Подумать только, он сравнивает меня с ослицей! Да ты глянь мне под брюхо!

Шутка эта так развеселила Сфена, что сам он, а за ним и Стеф засмеялись, а потом прямо заржали от восторга, и хохот их окончательно деморализовал несчастного Пешедраля, который рухнул наземь, горько плача. Выплакав добрую пинту слезной жидкости и слегка успокоившись, паж встал, по-прежнему дрожа, и увидал, что Сфен и Стеф мирно и молча выискивают самые лакомые травки среди луговой флоры. Это их занятие, вполне, однако, орфогиппическое, доконало Пешедраля: в целях безопасности он счел самым разумным искать спасения под крылышком у своего господина. Вот почему он также вошел на кладбище и в конце аллеи увидел герцога, в глубокой задумчивости стоящего перед могилой, из которой двое могильщиков выгребали чьи-то кости; они складывали их в две кучки перед герцогом. Зрелище это вселило в пажа такой ужас, что он со всех ног кинулся прочь и вскоре очутился на террасе замка, где несколько особ, беседуя о том о сем, попивали кофе и ликеры, в

частности, укропную настойку.

— Пешедраль! — воскликнул его брат. — Что с тобой стряслось? Отчего ты покинул высокородного и могущественного сеньора Жоашена, герцога д'Ож?

Все засмеялись — все, но не Пешедраль, который плаксиво высказал свое самое заветное желание:

— Я хочу домой, к маме!

— Ну-ну, Пешедраль, — сказал его брат, — неужто высокородный и могущественный сеньор посягнул на твою честь?

Все засмеялись — все, но не Пешедраль, который продолжал причитать:

— Это не герцог! Это не герцог! Это лошади!

— Не болтай ерунды, Пешедраль, никогда не поверю, что наши славные коняги питают слабость к маленьким мальчикам.

Все засмеялись — все, но не Пешедраль, который, дрожа, объявляет:

— Они говорят! Они говорят!

— До чего же он глуп! — восклицает герцогиня, любуясь пажом.

— Болван! — кричит ему разгневанный брат. — Неужто ты веришь в эти затхлые средневековые сказки?!

— Я читал о таком в рыцарских романах, — говорит с усмешкой монсеньор Биротон, — во времена последнего или предпоследнего крестового похода, кажется...

— Седьмого, — уточняет аббат Рифент.

— Ах, какая эрудиция! — восклицает герцогиня, поигрывая веером.

— Итак, во времена Седьмого крестового похода, — продолжает Онезифор все тем же ироническим тоном, — конь герцога д'Ож повергал в ужас сарацинов, осыпая их ругательствами.

— Какая нелепица! — фыркнул виконт де Прикармань. — Виданное ли дело, говорящее четвероногое!

— Ну как же, — возразил аббат Рифент, — одно-то было. Валаамова ослица.

— Сфен пророчествует точь-в-точь как она, — сказал робко Пешедраль.

— Ты не слишком-то силен в катехизисе, — строго заметил ему Рифент. — Валаамова ослица вовсе не пророчествовала, она открыла рот лишь затем, чтобы воспротестовать против побоев хозяина, ибо узрела ангела Господня. И это было чудо.

— В общем, — заключил Пешедраль, — я хочу домой, к маме.

— Ты останешься здесь, — ответил ему брат. — Это приказ.

— Если бы мама знала, что здешние лошади говорят, она бы велела мне ехать домой сию же минуту.

— Но ведь тебе уже сказали, что говорящих лошадей не бывает, — втолковывал ему аббат Рифент. — Разве что это чудо.

— А чудеса в наши дни стали редки, — вздохнул монсеньор Биротон.

— Это что ж такое, Пешедраль? — сказал незаметно вошедший герцог. — Так-то ты сторожишь лошадей? Можешь возвращаться домой к матери!

Даже не поблагодарив, Пешедраль тут же исчез.

— Твой братец болван, — сказал герцог виконту де Прикарманъ, наливая себе укропной настойки.

Несколько мгновений он молча разглядывал напиток, потом добавил:

— Рецепт Тимолео Тимолея. Увы, бедняга Тимолео! Я опять ходил скорбеть и размышлять на его могиле.

— Ах, да забудьте вы этого знахаря, этого шарлатана! — сказал Онезифор. — Кто в наши дни

еще верит в эликсиры долголетия и философские камни?!

— Зато вы верите в то, что мир был создан точно в четыре тысячи четвертом году до Рождества Христова.

— Господин герцог, — возразил аббат Рифент, — у нас есть веские основания верить в это.

— Какие же? — спросил герцог.

— Ах, как вы скучны, Жоашен! — сказала герцогиня. — Теперь вы заделались богословом.

— Да уж не прогневайтесь, милочка, — ответил герцог, вновь наполняя опустевший стакан. — Итак, аббат, ваши основания?

— Святое Писание, господин герцог, — сказал аббат Рифент.

— Хорошо сказано, Рифент, — заметил монсеньор Биротон.

— Оно противоречиво, ваше Святое Писание, — отрезал герцог. — Стоит только сунуть туда нос, как это сразу бросается в глаза. А вот что нам делать — тем, кто логически мыслит? К четыре тысячи четвертому году до Рождества Христова мир просуществовал уже тысячи и тысячи лет.

— Абсурд! — вскричал Онезифор.

— Ах, Жоашен никогда не был силен в астрономии, — вздохнула герцогиня, — то есть, я хотела

сказать, в астроногии.

— В хронологии, — уточнил аббат Рифент. — Ну а люди, — спросил он иронически у герцога, — люди, по-вашему, тоже существовали за тысячи и тысячи лет до сотворения Адама?

— Конечно.

— А какое доказательство можете вы сему представить, господин герцог?

— Ага! — возликовал монсеньор Биротон. — Вот когда нашего преадамита приперли к стенке!

— Да, какое же доказательство, Жоашен? — спросила в свою очередь герцогиня.

— Вы ввели его в затруднение, — заметил виконт де Прикармань, который до сих пор не осмеливался вмешиваться в дискуссию.

— Нисколько! — спокойно ответил герцог. — Доказательства непременно где-нибудь да существуют, остается лишь найти их.

— Прекрасный ответ, — усмехнулся аббат Рифент. — Господин герцог, надеюсь, не прогневается, если мы сочтем, что он уклонился от разъяснений.

— Рифент, — сказал монсеньор Биротон, — вы его посрамили.

— Жоашен, — сказала герцогиня, — ты напрасно уперся: где уж тебе вести богословский диспут

с аббатом! Кишка тонка.

— Я бы, например, не рискнул, — подтвердил виконт тоном заправского остроумца.

— Черт подери! — вскричал герцог, энергичным пинком подкинув в воздух стол. — Да вы меня за придурка, что ли, держите?

От китайского кофейного сервиза эпохи Мин осталась лишь фарфоровая пыль, а от бутылок и стаканов — стеклянная. Герцог стоя оглядел сверху вниз присутствующих особ и враждебно вопросил их:

— Вы, сволочи, уж не биржуа ли какие-нибудь, что так измываетесь надо мной? Я гляжу, эти чертовы кюре вообразили, будто им все дозволено. Не знаю, что меня удерживает от того, чтобы задать трепку этим долгополым.

— Жоашен! — вскричала герцогиня, — ты просто темный феодал!

— А ты, милочка, заслуживаешь хорошей порки!

И герцог хватает герцогиню за руку. Руссула сопротивляется. Герцог хватает ее за другую. Руссула вырывается. Герцог тащит ее к чулану, где хранятся плетки. Лакей собирает осколки фарфора и стекла. Монсеньор Биротон и аббат Рифент удаляются с оскорбленным видом. Герцог все так

же упорно тащит свою супругу, которая все так же энергично тормозит; ее каблуки высекают искры из булыжников.

Виконт де Прикарманъ решает вмешаться.

— Господин герцог, — говорит он голосом таким же упавшим, как китайский фарфор, — при всем моем почтении к вам...

— Как ты смеешь лезть в мои дела, олух? — в ярости кричит герцог.

Выпустив герцогиню, которая шлепнулась задом оземь, он влепил виконту такую пощечину, что тот пошатнулся. Виконт, скорее инстинктивно, нежели от храбрости, выхватил шпагу. Герцог обнажил свою, и вот уже Прикарманъ распростерт на земле, продырявленный насквозь и совершенно мертвый. Герцогиня с горестными воплями бросается на его труп. Герцог вытирает шпагу о юбку Руссулы и вкладывает смертоносное оружие в ножны. Затем изучает сложившуюся ситуацию.

А вот и еще кто-то робко приближается к нему, чтобы изучить ту же ситуацию.

— Вы убили его, — шепчет Пешедраль.

В руке у него узелок с пожитками, он уже собрался домой, к маме.

— Он и вправду умер? — спрашивает Пе-

шедраль.

— Если до сих пор не умер, то теперь-то уж точно помрет, — отвечает герцог, — эта дама его наверняка задушит.

Герцогиня по-прежнему вопит во все горло. Наконец она возглашает:

— Он умер! Он умер!

— Ну вот, — говорит герцог Пешедралю, — теперь ты проинформирован.

— Значит, я стал виконтом де Прикарманъ? — спрашивает Пешедраль.

— Ну разумеется! — восхищенно говорит герцог.

— Вот здорово!

На вопли герцогини сбежались кюре и прислуга.

— Господи! — воскликнул монсеньор Биротон. — Ну, с вами не соскучишься!

— Насколько я понимаю, имела место дуэль, — сказал аббат Рифент.

— Вне всякого сомнения, — подтвердил Онезифор. — Взгляните, Прикарманъ еще сжимает шпагу в руке.

— Убить человека на дуэли — немалый грех, — сказал аббат Рифент, — но все же куда меньший, нежели неверие в христианский календарь.

— Господин герцог, — заявил епископ in partibus Сарселлополисейский, — вы должны покаяться в содеянном и сделать значительный взнос церкви за ваши преадамитские убеждения.

— Как видите, — сказал аббат Рифент, — суд Божий куда более суров, нежели суд людской, который простит вам сей грех.

— Сомневаюсь, — ответил герцог д'Ож, — и, по здравом размышлении, предпочитаю убраться подальше, может быть даже и за границу. Я не желаю сидеть тут и дожидаться сержантов короля и милости помянутого короля. Закатали же моего превосходнейшего друга Донасьена в Бастилию[*] за какие-то пустяковые проделки. Мой бедный Донасьен среди бастильских стен! Каково я срифмовал, а?

— Посредственно, — отозвался аббат Рифент.

Герцог тут же выхватил шпагу с твердым намерением не сходя с места пришить аббата; тот благоразумно описал сложную траекторию, дабы укрыться за спиной Онезифора, однако герцог сдержался и вложил шпагу в ножны.

---

[*] Примечания: *

Закатали же моего превосходнейшего друга Донасьена в Бастилию... — Донасьен-Альфонс-Франсуа, маркиз де Сад (1740–1814) — французский писатель; был заключен в Бастилию за «развратные и жестокие нравы», описанные им в своих произведениях. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Утешьте Руссулу, — велел он обоим священникам. — Я, так и быть, не стану ее пороть, хотя рука у меня так и чешется наподдать ей как следует. Итак, прощайте, господа.

— А Генеральные Штаты? — спросил монсеньор Биротон. — Разве вы не собираетесь на них присутствовать?

— Вздор! Сейчас меня больше интересует моя свобода.

И он обратился к Пешедралю:

— Иди седлай Сфена и Стефа, виконт, я беру тебя с собой. Вот тебе случай повидать дальние края.

— Тысячу раз благодарю вас, господин герцог, но эти говорящие лошади...

— Надеюсь, ты не собираешься затыкать рот Демосфену?

— Я не уверен...

Герцог повернул Пешедраля спиной к себе и метким пинком послал его прямо в цель. Описав грациознейшую параболу, но так и не выпустив узелка из рук, Пешедраль приземлился у ворот конюшни.

Когда герцог несколько минут спустя вернулся с вещами, все было готово. Они тотчас отбыли.

Терраса опустела. Герцогиня исчезла, исчез и усопший Пострадаль. У подножия лестницы

монсеньор Биротон и аббат Рифент ожидали сеньора замка. Они весьма почтительно поклонились ему.

— Вы хорошенько все обдумали, мессир? — спросил монсеньор Биротон. — Не слишком ли опрометчиво вы поступаете?

— И потом, вы не сможете присутствовать на заседаниях Генеральных Штатов, — добавил аббат Рифент.

— Друзья мои, — сказал герцог с видом крайнего удовлетворения, — вы так и не поняли, почему я уезжаю.

— Почему? — хором вопросили оба священника.

— Я еду за доказательствами.

— За какими доказательствами?

— За доказательствами вашего невежества. И да здравствуют преадамиты!

— Да здравствуют преадамиты! — хором подхватили оба коня, к которым осторожный Пешедраль присоединился с некоторым опозданием.

И все четверо галопом вылетили из замка.

В тот день они одолели длиннейший перегон и, совершенно разбитые, добрались наконец до таверны «Первобытный человек» в Сен-Жену-Турну

— довольно большом городе, расположенном в округе Везина-о-Бум близ Шампурд-ля-Рож.

— Черт подери! — сказал герцог, садясь за стол. — Мы заслужили добрую трапезу. Эй, подать сюда вина и свиных колбас! Эге, малютка! — добавил он, обращаясь к служанке и похлопывая ее по спине. — У меня руки так и чешутся наподдать тебе по заду как следует.

— Покорно благодарю! Я не имею такого желания.

— Но как же! От руки герцога...

— От руки грязной свиньи, — ответила та, увернувшись.

— Вот видишь, — весело сказал герцог Пешедралю, — тут уже республиканским духом пахнет. Ладно, мы еще поглядим, чья возьмет.

И он жадно накинулся на свиную колбасу.

— А что ты теперь скажешь о Сфене? — спросил он с набитым ртом. — Разве он не веселый попутчик?

— Еще бы! — ответил Пешедраль. — Не пойму, как я мог испугаться его болтовни в первый раз. Теперь я нахожу ее вполне естественной.

— Ну, естественно! Нет ничего более естественного, чем естественное. Таков девиз моего превосходнейшего друга Донасьена.

— Скажите, господин герцог, а кто такие преадамиты?

— А, это просто дразнилка для нашего славного Онезифора. Они не существуют. А вот коли бы существовали, наш славный Онезифор сел бы в лужу.

— Но кто же они?

— Это люди, жившие до Адама.

— Фу, какой вздор!

— Ты изъясняешься точно как аббат Рифент. Не заставляй меня жалеть, что я взял тебя с собой.

— С вами трудно беседовать, господин герцог: вы утверждаете, что они не существуют, и в то же время гневаетесь, когда я называют это вздором.

— Несуществующая вещь вовсе не обязательно есть вздор. Ах, ах, капуста с салом! Как я люблю жирненькое!

— Прочь лапы, старая свинья! — сказала служанка герцогу, который на минутку спутал гастрономию с анатомией. — В следующий раз я вам блюдо на голову надену. А в нем будет горячее рагу.

— Не слишком-то она сговорчива!

— Как это вы дозволяете столь грубо обращаться с собою, господин герцог?

— Не забудь: я путешествую инкогнито, и да-

вай-ка уберем эту капусту с салом!

Они молча убирали капусту, как вдруг появился форейтор, одетый форейтором и открыто выказывающий все признаки самого низменного страха. Он вопил:

— Невероятно, но факт! В конюшне... конь... и он говорит!

Все расхохотались от чистого сердца, герцог — первый; один лишь Пешедраль, весьма обеспокоенный, сохранял серьезность.

— Опять нализался, — сказал хозяин. — И не стыдно тебе спьяну скандалить?

— Оставьте, оставьте его, — вмешался какой-то проезжий. И обратился к форейтору: — Так что же сказал этот конь?

— Увидев, что я вхожу в конюшню, он крикнул: «Да здравствуют преадамиты!»

— Вот чокнутый! — бросил кто-то.

И все расхохотались от чистого сердца, герцог — первый; один лишь Пешедраль, еще более обеспокоенный, сохранял серьезность.

XIV

В третий раз все расхохотались от чистого сердца, когда форейтор кончил изливать свои чувства

в таких выражениях:

— И конь добавил: «Ты, верно, ушам своим не веришь, а?»

Один лишь Пешедраль, крайне обеспокоенный, сохранял серьезность.

— Что верно, то верно, — продолжал форейтор, — я и впрямь своим ушам не поверил, вот почему я сбежал оттуда, и вот я здесь и, хоть убейте, не собираюсь возвращаться в эту чертову конюшню. Эй, трактирщик, подай-ка мне кувшин кларета, чтоб мозги на место встали!

— И не подумаю, — сказал трактирщик, — ты и так уже нализался.

— Черт побери, да я трезв как стеклышко. Сходи в конюшню, глянь сам!

— Боже меня упаси! Да чей же это конь-то?

— Мой, — заявил герцог.

Все повернулись к нему.

— И он действительно говорит. А кроме того, умеет читать. В настоящее время, например, он читает «Путешествие юного Анахарсиса по Греции», и оно ему очень нравится. Трактирщик, подайте же кувшин кларета господину форейтору, — он и в самом деле не пьян.

Эта короткая речь была встречена одобрительным шепотом; люди говорили друг другу: «Какой

остроумный человек»!

— А ты зря перепугался, — сказал герцог Пешедралю. — Гляди, как мало им нужно, чтобы развеселиться. Знаешь, в один прекрасный день кто-то наконец скажет: во Франции смех убивает. Вот форейтор — он уже почти убит. Но, надо сказать, Сфен ведет себя весьма неосторожно, он не умеет держать язык за зубами.

— А что, если полицейские ищейки начнут расследовать это дело?

— Пф! В лучшем случае это будет местный кюре, не больше.

Тем временем служанка принесла пулярку, с которой оба путешественника расправились без всякого труда, так же как с последующими блюдами полегче, с сырами и сладостями на десерт. А еще они осушили несколько кувшинов кларета, после чего отправились на боковую и тотчас заснули, сморенные усталостью и сытной трапезой.

Лали и Сидролен замигали, когда зажегся свет, и вышли из кинотеатра слегка ошарашенные.

— Выпьем по стаканчику, а потом домой, — предложил Сидролен.

Лали согласилась.

— Люблю фильмы плаща и шпаги, — сказал

Сидролен.

— Вы думаете? — спросила Лали.

— Я не думаю, я уверен.

— Нет, я хотела сказать: вы думаете, это был фильм плаща и шпаги?

— Конечно. Если мне это не приснилось.

— Мне-то кажется, что это был вестерн. Но у меня тоже такое впечатление, будто я спала.

— А может, стоит вернуться и проверить, что там показывали?

И они вернулись к кинотеатру. Афиши и фотографии повествовали о борьбе Спартака и Франкенштейна против Геракла и Дракулы.

— Наверное, это программа на будущую неделю, — предположила Лали.

— Бог его знает, — ответил Сидролен. — Во всяком случае, вы как будто рассказали мне сон. Хотя вы и против их пересказа.

— Жаль, если так.

— Ладно, пошли выпьем.

Бистро на углу уже опустело, официанты сдвигали столики. Посетителям осталась лишь стойка, у которой они стойко выпили стоя настойки.

— Нет, мне здесь не нравится, — сказал Сидролен. — Пошли-ка на «Ковчег».

— А почему вы назвали баржу «Ковчегом»?

— спросила Лали.

— Да именно потому, что на ней нет ни одного животного, — ответил Сидролен.

— Не поняла.

— Н-да, эта шутка действительно не сразу доходит. Ну, скажем так: когда я ее купил, она уже так называлась.

— Дорого купили?

— Да не так чтобы очень.

— А знаете, она мне нравится, ваша посудина. Признаться, я очень довольна, что сменила мюзик-холл на место домотравительницы. Спасибо месье Альберу за добрый совет.

— Как же он вас уговорил?

— Хорошим пинком. Вот уж, можно сказать, он вам преданный друг.

— Надеюсь, он не слишком поусердствовал?

— Ну... нельзя сказать, чтобы он поленился... впрочем, я оказалась понятливой.

— Значит, не жалеете о своем мюзик-холле?

— Я же вам сказала: мне нравится ваша посудина.

— А что ж вы в мюзик-холле-то собирались делать?

— Хотела стать стрип-герл. Я ведь неплохо танцую, ну и фигурка у меня ничего себе, а еще

я хотела петь, но месье Альбер посчитал, что все это без толку.

— И что же, у вас намечались ангажементы?

— Да, но я никак не могла выбрать между Занзеби и республикой Козерога, — сами понимаете, такие дальние страны! Нет, мне больше нравится жить на сорок девятой широте. Северной, конечно.

— Я гляжу, вы и в географии поднаторели.

— А как же: я ведь готовилась к этим дальним путешествиям. Жалко, что ваша баржа не на ходу.

— Да, ее с места не сдвинешь. Разве что на буксире.

— Ну что ж, маленький буксирчик — это ведь, наверно, не так уж дорого?

— И все-таки мне не по карману.

— Ладно, будем считать, что я ничего не говорила.

Некоторое время они шагали молча, потом их обогнала группа великовозрастных бойскаутов. Один из них остановился и спросил:

— Кемпинг?

Сидролен жестом показал, что нужно идти прямо, никуда не сворачивая.

Тот жестом показал, что благодарит за указа-

ние.

Великовозрастные бойскауты продолжили свой путь в ускоренном темпе.

— Их еще полно здесь, — сказал Сидролен, — а ведь уже осень. Вот ведь настырные! — скоро даже зимой будут сюда наезжать, собьются в кучу и станут спать прямо под снегом.

— А что вы делаете, когда баржу заносит снегом?

— Да просто сгребаю его и — в воду! Иногда и летом вода покрывается чем-то белым вроде снега, но это не снег, а какой-то налет, он похож на мыльную пену или мокрую вату; эту дрянь приносит сверху, там уаттомобильный завод. Я так думаю, они там моют свои колымаги перед тем, как спихнуть их клиентам. Вот мы и пришли.

Сидролен вытащил из почтового ящика фонарик и обследовал загородку.

— Ничего не написано, — сказала Лали, — вы ведь небось надписи ищете?

— Да.

— Значит, это не в первый раз?

— Нет. Чуть ли не каждый день.

— Кто ж это хулиганит?

— Не знаю. Осторожно, не расквасьте физиономию, тут скользко.

— Вы должны как-нибудь ночью спрятаться, подстеречь этого типа и, когда он появится, задать ему хорошую взбучку; кстати, узнаете, кто он такой.

— Осторожно, не сверзитесь в воду. Ну вот, добрались.

— А куда это вы отправились?

— Пойду возьму укропную настойку, минералку и пару стаканов.

— А я на что? Это уж мое дело, а вы садитесь.

— Ладно, — сказал Сидролен. — Выключатель справа.

— Знаю.

Сидролен уселся. На палубе вспыхнули лампочки.

— Свежо становится, — сказал он Лали, когда та вернулась с укропной настойкой, минералкой и стаканами. — Надеюсь, вы не собираетесь торчать на палубе всю ночь?

— Наденьте каскетку. И еще один пуловер.

— А вы что же не пьете?

— Терпеть не могу укропную настойку.

— Конечно, это старомодно, я признаю. Ну, выпейте чего-нибудь другого.

— Спасибо. Мне и так хорошо.

Лали поглядела, как Сидролен наливает себе, и

вернулась к прежней теме:

— Значит, вы боитесь провести ночь на улице, чтобы подстеречь этого гада?

— Да нет, не боюсь, просто предпочитаю спать.

— И видеть сны.

— Вот-вот, и видеть сны.

— Ну раз так, ладно! — я сама его подстерегу.

— И сами вправите ему мозги? А если он не один, а с дружками?

— У вас нет револьвера или карабина?

— Нет-нет, никакого оружия на борту не держу.

Сидролен так взволновался, что снова налил себе укропной настойки.

— Вы слишком много пьете, — заметила Лали.

— Все мне это говорят.

Лали опять вернулась к прежней теме:

— Я спрячусь, и, когда этот тип — или эти типы — начнет малевать свои гадости, я завою страшным голосом, чтобы нагнать на них страху. Могу даже простыню на голову накинуть. После такого они уже больше не вернутся. Или он не вернется. По-моему, это один человек. Интересно, с чего это он так на вас взъелся?

— Не знаю, — ответил Сидролен бесстрастно, — понятия не имею.

— Но ведь должна же быть какая-то причина! — не унималась Лали.

— Надеюсь, вы не верите тому, что там написано? Я не убийца. И не ублюдок. Ничего похожего. Ничем не провинился. И все же мне пришлось два года отсидеть в предварилке. А потом они признали, что я невиновен. Я думал, на том дело и кончится. Но не тут-то было, теперь вот появился этот тип со своей мазней, как я выражаюсь, или со своими гадостями, как вы выражаетесь... Надо сказать, мне нравится малярничать, а поскольку дел у меня немного, я этим и занимаюсь помаленьку. Зато моя загородка всегда выкрашена лучше всех на этой пристани. Я вам все рассказываю, хотя, в общем-то, мало об этом думаю. Меня это не трогает. Во всяком случае, не очень.

— И вам не интересно узнать, что он из себя представляет, этот тип?

— Ничуть.

— И все-таки вы должны были бы поинтересоваться.

Сидролен делает вид, будто глубоко размышляет, потом, выдержав долгую паузу, спрашивает:

— Значит, вам хочется, чтобы я провел ночь на улице?

— Похоже, что тот тип трахался на кушетке и

каждый раз трахался башкой об спинку, — замечает Лали.

— В общем, идеи у вас неплохие.

Сидролен встал и пошел за одеялом. Он прихватил с собой также бутылку рома, электрический фонарик и палку от метлы — единственное оружие, которое имел в своем распоряжении, если не считать опасно наточенных кухонных ножей.

Снаряженный таким образом, он спрятался, следуя указаниям Лали.

И крикнул ей:

— Гасите свет на палубе!

Что она и сделала.

Сидролен знал один подходящий уголок для засады — там он и расположился, закутавшись в одеяло. Выпил глоток рома и не замедлил крепко уснуть.

Пешедраль подскочил от испуга, когда Сфен шепнул ему на ухо:

— Хозяин идет!

Новоиспеченный виконт де Прикарманъ дремал под сенью пышнолиственного древа, а рядом с ним оба коня выискивали лакомые травки и прекраснейшим образом стерегли самих себя. Герцог же несколько часов как растворился в природе; теперь он внезапно материализовался,

держа в поводу одолженного у трактирщика мула, нагруженного тяжкой поклажей.

— Ну вот, дело сделано! — крикнул герцог еще издали.

— Вы закончили? — учтиво спросил Пешедраль, когда его господин подошел поближе.

— Все, дело в шляпе. Завтра отправляемся в Монтиньяк. Тут один малый порассказал мне много интересного об этом местечке. А пока вернемся в Плазак!

И он сел на Сфена, на Стефа же сел Пешедраль, ведя за собою в поводу одолженного у трактирщика мула, нагруженного тяжкой поклажей.

Караван двигался быстро, и Сфен не был расположен к беседе. Под конец герцог даже удивился его неразговорчивости.

— Отчего это, славный мой Демо, — спросил он, — мы сегодня так молчаливы?

— Признаться откровенно, сеньор, — ответил Сфен, — я немного скучаю по нашему замку и частенько думаю: когда ж завижу я родной конюшни стены — мой отчий кров, любезный сердцу Сфена?!

— Увы! — отвечал герцог. — Ничем не могу помочь твоей печали. У меня нет никакого желания отдать себя в руки королевской стражи,

а кроме того, я еще не завершил свои работы в этом районе.

— Ну вот, так я и думал, — вздохнул Сфен, — что мы не скоро вернемся в родные пенаты.

— Ты явно страдаешь от ностальгии, — заметил Стеф, которого немногословие товарища подстегнуло к болтовне.

— Ностальгия? — удивился Сфен. — Это слово мне неизвестно.

— Оно появилось в обиходе сравнительно недавно, — сказал Стеф наставительно. — И происходит от греческих слов «ностос», что означает «тоска», и «альгос», что на том же языке значит «возвращение». Следовательно, термин этот вполне приложим к твоему случаю.

— А к твоему случаю приложим термин «логоррея», — парировал Сфен.

— Логоррея? — удивился Стеф. — Это слово мне неизвестно.

— Еще бы! — сказал Сфен. — Я его только что придумал. Оно происходит от греческих слов «реос», что означает бессвязная речь, и...

— Ясно, ясно! — прервал его Стеф. — Я тебя понял.

— А ты уверен, что понял правильно? — хихикнул Сфен.

Тут кони принялись препираться, и перебранка их длилась до самого Плазака. В таверне «Золотое солнце», где герцог остановился под именем господина Эго[*], сидел какой-то священник, осушая кружку за кружкой и беседуя с трактирщиком о политике. Оба были целиком и полностью за немедленные реформы, но обоих немного беспокоило превращение Генеральных Штатов в Учредительное Собрание и отставка Неккера.

— Трактирщик! — крикнул господин Эго, входя в залу, где находились оба вышеописанных гражданина, — чем вести диспуты о современной истории, приготовил бы лучше ужин. Месье, — добавил он, обращаясь к священнику, — я вас не знаю.

И снова обратился к трактирщику:

— Я умираю от жажды, подай-ка холодного вина.

Как только хозяин нырнул в погреб, герцог воскликнул:

— Случайно ли вы здесь, аббат, или же шпионите за мной?

---

[*] Примечания: *

...где герцог остановился под именем господина Эго. — «Эго» на латыни означает «я», а по-французски «Равные»: намек на девиз Французской революции «Свобода, равенство и братство». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Господин герцог...

— Месье Эго!

— Ах, вот как, вы желаете...

— Говорю вам, зовите меня месье Эго!

— Месье Эго, я привез вам хорошие новости.

— Сильно сомневаюсь, но это доказывает одно: ты обнаружил мое местонахождение. Какой дьявол тебе помог?

— О, я мог бы ответить вам, благочестиво солгав...

— Не трудись!

— ...но я скажу вам правду: молодой Прикарманъ писал письма своей маме.

— Ах он бездельник! Ах он предатель! Да я ему уши с корнем выдерну!

— Вы не имеете права наказывать его за сыновнюю любовь. Прошу вашего снисхождения и милости, как мы испросили у Его Величества снисхождения и милости для вас.

— Кто это «мы»?

— Монсеньор Биротон, который нынче заседает в Учредительном Собрании...

— Это еще что за Учредительная чертовщина?

— Так переименовали себя Генеральные Штаты. И ваше присутствие безотлагательно требуется в Париже. В рядах знати очень не хва-

тает делегата от округа д'Ож, а кроме того, Его Величество желает простить вас лично: в конце концов, вы всего-навсего защищали свою честь. Но при одном условии...

— Ах, при условии!

— Оно не столь уж обременительно: при условии, что вы займете свое место в Учредительном Собрании.

— Ну нет, на это не рассчитывайте. Сейчас у меня других дел хватает.

— Можно узнать каких?

Тут появился трактирщик с несколькими кувшинами вина.

— Оставь нас, трактирщик! — приказал ему господин Эго, — ты видишь, я исповедуюсь. Вернись к своим кастрюлям и приготовь нам шикарный ужин, сегодня я угощаю господина аббата.

Трактирщик исчез, но вместо него вошел Пешедраль. Он только что кончил заниматься лошадьми и прибирать тяжелую поклажу. Он воскликнул:

— Господин аббат!

От изумления он никак не мог прийти в себя.

— А ну-ка, поди сюда, бездельник! Предатель! — загремел господин Эго. — Так-то можно тебе доверять? Да я тебе сейчас такую порку задам!

И он поднялся, готовясь исполнить свою угрозу.

— А что я такого сделал? — завизжал Пешедраль, пятясь к двери.

— Ты мог с головой выдать меня королевской страже.

— Ничего не понимаю. Что я такого сделал?

— Ты писал графине де Прикармань!

— Ну и что из этого? Господин герцог, что плохого в том, что я писал своей мамочке?

— И вдобавок он зовет меня господином герцогом!

Герцогские руки уже потянулись к Пешедралевым ушам, когда аббат Рифент вскричал:

— Пощадите его, месье Эго! Пощадите этого юного левита![*] Поверьте, графиня строго блюла тайну!

— Чего не скажешь о ее сыночке!

— Не будем больше об этом!

— Нет, будем! — упрямился герцог.

— Нет, не будем! — властно перебил его аббат Рифент. — И давайте вернемся к нашим баранам, а вернее, к вашим планам.

— Ладно уж, — сказал господин Эго Пешедралю,

---

[*] Примечания: *

Пощадите этого юного левита! — «Левит» здесь означает «слуга, прислужник». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— садись да промочи горло этим вот кларетом, но только запомни на будущее, что я ненавижу предателей.

— Ну, если писать маме письма — предательство, — вскричал Пешедраль в порыве раскаяния, — то я больше никогда не буду!

— Это мы еще поглядим, — сказал господин Эго и спросил аббата Рифента: — Какие такие планы?

— Да ваши, ваши, месье Эго!

— Ага! Тут я вам приготовил хорошенький сюрприз! Но сперва расскажите-ка мне о моей супруге Руссуле.

Аббат Рифент выложил новости о герцогине, каковые оказались весьма скверными, ибо названная дама скончалась от полного упадка сил через месяц после гибели Прикарманя. Сообщив это грустное известие, аббат встал, дабы сотворить короткую молитву, каковую герцог и Пешедраль завершили словом «аминь».

Потом все трое обильно и роскошно поужинали и, будучи сильно усталыми, бух в постель — и заснули.

XV

Видролен открыл один глаз; утро еще не наступило. Он открыл оба глаза: была еще ночь. Он вздрогнул, что навело его на мысль глотнуть рома, потом взглянул на набережную: никого, если говорить о прохожих. Лишь изредка по шоссе быстро проезжал уаттомобиль. Спустя какое-то время Сидролен понял, что если даже по тротуару и шли прохожие, темнота все равно не позволяла разглядеть их. Он снова вздрогнул и выпил еще глоток рома.

Тихонько встав, он беззвучно подкрался к загородке, внезапно зажег электрический фонарь и описал им широкую траекторию. В поле видимости никого не оказалось. Он подошел еще ближе, пытаясь разглядеть, не намазюкал ли трусливый аноним свои оскорбительные надписи тайком: но нет, трусливый аноним не приходил этой ночью и, может быть, уже не придет.

— Жаль, — прошептал Сидролен, — мог бы выспаться по-человечески.

Он обернулся: ему почудилось, будто кто-то ходит по тротуару рядом с достроенным, но еще не заселенным домом. Сидролен направил туда

свой фонарик, но тот был слишком слаб, чтобы осветить предполагаемый силуэт. Фары проезжавшего мимо уаттомобиля оказались сильнее, и Сидролен смог убедиться, что силуэт не представляет для него никакого интереса.

Погасив фонарь, он сделал несколько шагов.

— Вот что, — сказал он вполголоса, — пойду-ка я погляжу на туристическую турбазу для туристов, — интересно, как она выглядит ночью, перед рассветом.

Он подождал еще немного, но ни один прохожий так и не появился. Обозрев горизонт, Сидролен действительно не увидел никаких прохожих. Тогда он продолжил свой маршрут и вскоре прибыл по назначению. Спокойный, примолкший, угомонившийся туристский народец мирно почивал — кто в автоприцепе, кто в палатке, а кто, наверное, и в спальном мешке, но не под открытым небом, так как небо было покрыто тучами, а под таким, какое Бог послал.

Но вскоре Бог разверз это самое небо, и пошел дождь — осенний, холодный, частый.

— Вот дерьмо! — сказал Сидролен. — Я же вымокну, как пес!

— Заходите погреться, месье.

Это благородное предложение исходило от

сторожа туристической турбазы для туристов.

Сидролен подскочил от неожиданности. Сторож продолжал:

— Я, так же как и вы, решил совершить небольшую ночную прогулку, но теперь, раз уж пошел дождь, иду к себе. А вы только что бормотали, что боитесь промокнуть, как пес.

— Вы очень любезны, — сказал Сидролен и проследовал за сторожем в его будку.

Сторож зажег ночник и жестом пригласил Сидролена сесть. Он принялся набивать трубку, попутно рассеянно роняя изречения типа «вот и осень... народишко разбегается... скоро ни одной собаки не останется... только автоманьяки да эти фанатики-на-земле-лежатики», потом, когда ему удалось наконец пережечь часть своего табака на золу, он внезапно сказал:

— А ведь я вас знаю, вот оно как! Каждую вторую неделю месяца я работаю днем и тогда вижу вас. Вы приходите поглазеть на наших клиентов, будто здесь зоопарк. Не пойму, что в них интересного. Уж поверьте мне, ровным счетом ничего. Вот я гляжу на вас и думаю (ибо я думаю, месье, да-да, я думаю!): ба! вот еще один, которому не хрена делать в этой жизни. Я часто гляжу, как вы полеживаете да дремлете в шезлонге у себя на

барже, и думаю (вы небось посчитаете, месье, будто я хочу изобразить дело так, что я непрерывно думаю, но это правда, я думаю куда больше, чем в среднем думают люди, я все время думаю): ба! вот еще один, которому хрен есть чем заняться на этом свете. Или же я вас вижу за столиком на палубе, когда вы наливаетесь укропной настойкой, и тогда я думаю (вы сочтете, будто я преувеличиваю, но я должен все-таки вам признаться, хотя минуту назад поскромничал, что это чистейшая правда: я никогда не перестаю думать), так вот, я думаю: ба! еще один, который злоупотребляет.

— Меня частенько в этом упрекают, — сказал Сидролен.

— Ваша дочь, наверное. Та, что вышла замуж за гортранспортиста. Ну и как она, счастлива?

— Не знаю, я ее с тех пор не видел. Разве только издали.

— Вас не удивляет, что я так хорошо знаю ваше семейство?

— У меня еще две дочери.

— Не больно-то часто они вас навещают.

— Да так, время от времени.

Констатация этого факта как будто погрузила сторожа в раздумье.

Сидролен продолжал:

— Ну а как вам понравилась моя новая домоправительница?

— Да я ее почти и не видел. Разве только издали. И тогда я подумал...

Тут сторож запнулся.

Сидролен подбодрил его:

— Не бойтесь, говорите. Что же вы подумали?

Сторож с утомленным видом потряс головой:

— Я подумал...

— Ну-ну?

— Ах, месье, если бы вы знали, как это утомительно — думать! При вашем образе жизни вы — на мой взгляд — не должны слишком страдать от этой пытки, но я, месье, повторяю вам, я никогда не даю роздыха моему серому веществу, даже когда иду в санузел. Вы даже представить себе не можете... Какой вихрь мыслей!

— А сны вы видите? — спросил Сидролен.

— Никогда, месье. Этого я не могу себе позволить. Ведь нужно же мне когда-нибудь и отдыхать!

— А вот я вижу много снов, — сказал Сидролен. — Надо сказать, интересное это занятие — видеть сны.

— Не знаю. Ничего не могу сказать по этому поводу.

— Например, многосерийный сон. Встанешь утром, припомнишь его, а на следующую ночь он продолжается. Так что получается одна длинная сплошная история.

— Месье, я глух к вашим словам.

— И вот так я прожил во сне жизнь во времена Людовика Святого...

— Ах, этого... сына Бланки Кастильской...

— ...Людовика Одиннадцатого...

— ...с человеком в клетке...

— ...Людовика Тринадцатого...

— ...с тремя мушкетерами...

— ...Людовика Четырнадцатого...

— ...на гильотину!..

— ...нет-нет, пока я остановился лишь на первых заседаниях Учредительного Собрания. Если бы мне не вздумалось сегодня совершить эту ночную прогулку, я, быть может, доспался бы и до Четырнадцатого июля.

— Месье, во мне ваши речи ровно ничего не пробуждают.

— Хотите, я расскажу мой последний сон?

— Простите, если я извинюсь, но спрошу: не кажется ли вам неприличным рассказывать свои сны?

— Вот так же думает и моя домотравительница.

Она, знаете ли, тоже думает.

— О месье, я не мешаю думать другим, если они, конечно, на это способны.

— Ну так как же... насчет моей домотравительницы?

— Поскольку вы настаиваете, месье, то вот что я подумал, и подумал в вопросительной форме (не знаю, в курсе ли вы, месье, но мысль может быть и вопросительной), — так вот, я подумал: где это он ее выкопал, эту особу?

— Да на тротуаре, который вел от Бретани к Занзибару, а то и в Республику Козерога.

— Весьма дальние края. Если я правильно понял...

— Вы правильно поняли.

— ...то вы совершили доброе дело.

— И оно длится уже целые сутки.

— Поживем — увидим.

Сторож вытряхнул пепел из трубки на пол и добавил:

— Эту поговорку не я придумал, но она ясно выражает то, что хочет выразить.

Сидролен поглядел в окно.

— Дождь-то кончился, — сказал он. — Пойду к себе. Спасибо за гостеприимство.

— Не за что, — ответил сторож, вновь набивая

трубку. — Простите, если я извинюсь, но, может быть, вы позволите мне не провожать вас?

— Позволю, — сказал Сидролен, вставая.

Открыв дверь, он оглядел землю, превратившуюся в сплошную топь, и сказал сторожу:

— Ваши клиенты небось вымокли, как собаки.

— Им это нравится, — ответил сторож, запаляя табак, набитый в трубку, сделанную из вересового корня, добытого в Сен-Клод, расположенном в горном массиве Юра́ при слиянии Такона и Бьенны, впадающей в Эн.

— Вы думаете? — рассеянно спросил Сидролен.

— Я часто думал (надеюсь, месье, вы признаете, что я не употребляю глагол «думать» кстати и некстати), — так вот, я часто думал, говорю я, что если бы им не нравилась непогода в тех или иных ее проявлениях, будь то грозы или засуха, ливни или сирокко, мороз или жара, словом, если бы они, продолжаю я, не любили все это, то наверняка устраивали бы свои турбазы где-нибудь в пещерах, которые природа как будто специально создала для этих целей, поскольку они нашли бы там себе убежище, где поддерживается, что зимой, что летом, не говоря уж о промежуточных периодах вроде весны или осени, — итак, где поддерживается, заканчиваю я, в высшей степени

ровная температура, чем мудро пользовались наши доисторические предки, которые, как известно каждому и наверняка известно вам, месье, — итак, которые, стало быть, сделали пещеры своим излюбленным местом жительства.

— В этом пункте не все сходятся, — миролюбиво заметил Сидролен. — Теперь специалисты считают, что доисторические люди не обязательно были троглодитами.

— Ишь, какой вы ученый!

— Да, я читал про это в газетах.

— Образование... ох, месье, вот видите, что значит образование! Выучишь что-нибудь в школе, выучишь с трудом, даже с большим трудом, а потом, двадцать лет спустя или даже раньше — куда что подевалось! — все изменилось, все наши знания развеялись в прах, так стоило ли стараться?! Вот почему я предпочитаю думать, нежели учиться.

— Пожалуй, пора идти, — сказал Сидролен.

И, прикрывая за собой дверь, добавил:

— Еще раз спасибо!

Оказавшись на улице, он зевнул, и его пробрала дрожь.

— По-моему, я схватил простуду, — сказал он вполголоса.

Дверь будки отворилась. Сторож крикнул:

— Что вы сказали?

— Пойду сварю себе грог, — крикнул в ответ Сидролен.

— Вы слишком много пьете! — крикнул сторож.

— Заткнитесь там! — крикнули на многих иностранных языках несостоявшиеся троглодиты — кто из автоприцепа, кто из палатки, а кто и из спального мешка, иначе говоря, из луж, где они мирно в спальных мешках плавали.

Сидролен с трудом перебрался через зловонную топь, отрезавшую будку сторожа от выхода с турбазы. Выйдя на тротуар, он зашагал быстрым шагом — но не настолько, однако, быстрым, чтобы не угодить под новый ливень. Подойдя к «Ковчегу», он забыл поглядеть, не испачкана ли перегородка свежими надписями. То и дело плюхаясь в грязь, он забрал одеяло и бутылку рома, брошенные под кустом, за которым он нес ночную вахту, но оставил на месте палку от метлы.

Его трясло все сильнее и сильнее. Благополучно одолев мостки, он проглотил множество порошков разного цвета, перемежая их глотками рома. Потом улегся в постель. На улице занимался весьма среднего качества рассвет.

Покончив со своей мессой и выйдя из церкви, аббат Рифент встретил поджидающего его герцога.

— Сейчас позавтракаем и тотчас же отправимся в путь, — сказал герцог тоном, не терпящим возражений.

Аббат взглянул на солнце — июльское солнце, уже довольно высоко поднявшееся над горизонтом.

— Вы боитесь жары? — спросил герцог. — Не беспокойтесь: там, куда я вас везу, будет прохладно. К столу!

— Какова сегодняшняя увеселительная программа? — спросил мимоходом Сфен у Пешедраля, который ретиво кинулся к столу.

— Будем прогуливать аббата, — ответил Пешедраль и нырнул в таверну.

— Надеюсь, не на моей спине, — вздохнул Стеф. — У меня нет никакого желания беседовать с аббатом: он такой отъявленный спорщик — спит и видит, как бы посадить вас в лужу.

— Ты всегда можешь сбросить его в эту самую лужу, — посоветовал Сфен.

Стеф щелк-и-смолк. Сфен чих-и-стих.

Младший конюх из таверны, никчемный бездельник, подвел и привязал рядом с ними хо-

зяйского мула; мул был уже взнуздан. Как только парень ушел, Сфен сказал Стефу:

— Вот видишь, нечего было расстраиваться заранее!

— Кто тебе сказал, что этот мул не предназначен Пешедралю? А мне подсунут кюре.

— Слушай, ты мне действуешь на нервы! Принимай жизнь такой, какая она есть. А поскандалить всегда успеешь.

— Все равно меня тошнит при одной мысли о том, что на меня взгромоздится священник. Ох, вот уж не везет так не везет! Что ты хочешь, — не могу я смирить свой нрав, ты ведь меня знаешь.

Мул с восхищением внимал им, — сам он владел лишь несколькими словами на лимузенском диалекте и не хотел позориться перед столь блестящими знатоками классического лангдойля[*]. Обед, без сомнения, оказался чересчур обильным, ибо прошло не менее двух часов, прежде чем герцог, паж и аббат сели наконец в седло и — прощайте, милые друзья!

Проехав почти два лье, они спешились в чистом поле. Лошади и мул были поручены Пешедралю,

---

[*] Примечания: *

Лангдойль — региональный вариант французского языка, распространенный в северной части Франции. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

который тут же развалился под деревом.

— Дальше мы пойдем пешком, — объявил герцог.

— А что это у вас в руках? — осведомился аббат.

— Фонарь.

— Фонарь — среди бела дня?

— Пока это мой маленький секрет.

Озадаченный аббат благоразумно воздержался от расспросов по поводу веревки, которую герцог также прихватил с собой.

Они шли через поля, через луга, через леса, через пустоши, через вересковые заросли. Аббат недовольно ворчал и, будучи мало расположенным к созерцанию природы, на все корки бранил Жан-Жака Руссо, крапиву и чертополох, а попутно обдирал ноги о камни, число которых возрастало с каждым туазом. Потом пришлось одолевать довольно крутой склон, и наконец запыхавшийся аббат Рифент догнал герцога возле какой-то расщелины в скале.

— Ну а теперь, аббат, — сказал герцог, с трудом подавляя довольный смешок, — смотрите, что вы сейчас увидите.

— Ох, господин герцог, — кисло-сладким тоном отозвался Рифент, — вот уж прогулка, которой я

никак не одобряю.

— Войдем, — сказал герцог.

Аббат поглядел вокруг.

— Туда, — сказал герцог, указав на щель.

И он начал протискиваться в узкий лаз.

Аббат круто развернулся и поспешил назад, к своему мулу, а там и к таверне «Золотое солнце», что в Плазаке.

— Эй, вы! — заорал герцог. — А ну-ка вернитесь!

Аббат остановился. Он услышал громовой хохот герцога.

— Уж не боитесь ли вы? — крикнул ему герцог.

Обернувшись, аббат видит герцога, уже наполовину скрывшегося в щели. Аббат находит это зрелище скорее комичным, нежели пугающим. Он кричит в ответ:

— Господин герцог, вам надлежало бы занимать свое место на скамье Генеральных Штатов, а не валять дурака в Перигоре.

Герцог вновь хохочет. Аббат исправляет один пункт в своей речи:

— Я хотел сказать, на скамье Учредительного Собрания.

Он опять поворачивает назад, по направлению к своему мулу, а там и к таверне «Золотое солнце»,

что в Плазаке; видя это, герцог выкарабкивается из щели, ставит наземь фонарь и бежит вслед за аббатом. Невзирая на тучность, он без труда нагоняет его, хватает за шиворот и за штаны и водворяет на прежнее место. И вот они опять стоят перед расщелиной в скале.

— Так бесцеремонно обращаться с духовной особой! — верещит запыхавшийся аббат. — Этого я вам никогда не прощу, господин герцог.

— А нас никто не видел, — спокойно парирует герцог, — и я никому не расскажу. Давайте лезьте!

— Вы намерены убить меня? — восклицает Рифент.

Герцог опять хохочет.

— Ах, как же я не подумал раньше! — лепечет аббат. — Именно так: он хочет меня убить! Он хочет меня убить!

Герцог добродушно спрашивает:

— Да за каким чертом ты мне сдался — кончать тебя?

— Наверное, чтобы я не выдал вашего убежища.

— Ну, хватит, Рифент, успокойтесь, не собираюсь я вас убивать. Забудем на минуту современные дрязги и обратимся к нашему прошлому, а

может быть, даже и к богословию. Следуйте за мной!

И герцог снова принялся протискиваться в щель.

— Уж не адские ли это врата? — спросил, слегка успокоившись, аббат. — Однако же современное богословие помещает ад вне пределов земли, в противоположность верованиям наших предков. Ньютонова физика позволила нам отбросить их суеверия, близкие к материализму. Что, впрочем, отнюдь не доказывает, что ада нет. Хвала Господу!

— Кончайте свои проповеди, все равно вы попали пальцем в небо.

Теперь на поверхности торчала лишь герцогская рука; схватив Рифента, она повлекла его в глубь расщелины. Рифент исчез.

— Держитесь за веревку, — послышался голос герцога, — и смелей вперед!

Аббат хватается за веревку и следует за герцогом, держащим в руке фонарь. Они безмолвно продвигаются вперед.

В безмолвной тьме продвигаются они вперед.

В темном безмолвии продолжают они продвигаться вперед.

Без забот и без хлопот — тут веревка подмогнет,

там фонарь осветит ход — продвигаются вперед, как воды набравши в рот.

Правда, безмолвие не совсем полное, ибо раздается все же шум шагов. И тьма тоже не совсем кромешная, ибо в руке у провожатого хоть и слабо, но светит фонарь.

Итак, продвигаются вперед, как воды набравши в рот. И вдруг:

— Господин герцог...

— Не бойтесь ничего, аббат, вы же видите, я здесь, с вами.

— Господин герцог, вы не находите, что я неробкого десятка?

— Эй, Рифент, я вижу, недра земные пробудили в вас тщеславие?

— Вполне простительный грех, принимая во внимание настоящую ситуацию. Вы меня, возможно, ведете в ад или к смерти, а я иду, глазом не моргнув. Разве это не замечательно?

— Эй, Рифент, это уже даже и не тщеславие, а гордыня. Вспомните, гордыня — смертный грех и заводит, как вам известно, весьма далеко.

— Признай вы мои заслуги сразу, господин герцог, мне не пришлось бы настаивать.

— Ладно, сейчас поглядим, — отозвался герцог.

Эта загадочная фраза на несколько секунд за-

ткнула аббату рот. Герцог продвигается вперед, как воды набравши в рот, а за ним аббат идет, без забот и без хлопот, — где веревка подмогнет, где фонарь осветит ход, и свет этого фонаря в конце концов привлекает внимание аббата, который возобновляет беседу в таких выражениях:

— Какой стойкий свет у вашего фонаря, господин герцог.

— Очень.

— Я бы назвал его холодным, неколебимым и неугасимым.

— Таков он и есть.

— Вы шутите, господин герцог.

— Никоим образом.

— Не хочу вас обидеть, но мне что-то не верится.

— Гляди!

Герцог остановился, повернулся и сунул фонарь под нос аббату, чье лицо стало теперь единственным светлым пятном в гротескном мраке. Фонарь озарил тонкие губы аббата Рифента, его огромный нос, пронзительные черные глазки, щетинистые брови и бычий лоб. Рифент внимательно вгляделся, но ничего не понял. Поскольку он не любил выглядеть дураком, он рискнул высказать следующую гипотезу:

— Какое-нибудь современное изобретение?

— Не угадали.

— Изобретение господина Лавуазье? или господина Вольта? или господина аббата Нолле?

— Повторяю вам: не угадали.

Рифент, в ярости от бессилия разрешить загадку, уже начал жалеть, что затеял этот разговор. Состроив пренебрежительную гримасу, он бросил:

— Игрушка!

— Игрушка?! — загремел герцог д'Ож. — Да это просто-напросто неугасимый философский свет — последняя тайна и щедрый дар Тимолео Тимолея.

— Ах, этого...

Аббат уклонился от света фонаря и, оказавшись в тени, услыхал смех герцога, который отвернулся от него и вновь зашагал вперед. Аббат решил, что без крайней надобности он больше рта не раскроет. Наконец смех затих, а ходьба во тьме все продолжалась.

Но даже ходьбе во тьме приходит конец. Герцог объявил:

— Мы пришли!

И остановился. Аббат Рифент последовал его примеру.

— Как вы полагаете, где мы находимся? — спросил герцог.

— Во мраке.

— А что мы сейчас увидим?

— Ничего особенного.

Аббат Рифент был в дурном расположении духа. Но герцог не обратил на это ни малейшего внимания. Он продолжал свою речь в таких торжественных выражениях, произнесенных торжественным тоном:

— В пещере этой некогда обитали преадамиты.

Аббат Рифент, преисполненный презрения, не отозвался ни звуком.

Герцог поднес фонарь к стене пещеры и сказал:

— Смотрите!

Аббат Рифент, преисполненный презрения, искоса глянул на стену.

— Видите? — спросил герцог.

— Д-да, — неохотно ответил аббат.

— И что же вы видите?

XVI

Окончательно преисполненный презрения, аббат Рифент ответил:

— Детскую мазню.

— Браво, аббат! Преадамиты отличались детской наивностью и потому, разумеется, рисовали как дети. Я вас за язык не тянул, аббат, вы сами льете воду на мою мельницу. Люди, создавшие эти рисунки, нет, эту живопись, — обратите внимание, что изображение цветное, — или эти гравюры, — обратите внимание, что на скале сделаны насечки, — итак, люди эти жили еще до первородного греха и были как дети, о которых Иисус толкует в Евангелии. Эти преадамиты и есть авторы данных рисунков — свидетельства их существования. Они, стало быть, жили в этих пещерах, где находили кров и убежище против катаклизмов, сотрясавших нашу землю, такую же молодую, как они сами.

Герцог поднес фонарь к лицу Рифента и спросил, что он обо всем этом думает.

— Господин герцог, — сказал иронически аббат, — я задам вам всего лишь один вопрос.

— Задавайте мне ваш всего лишь один вопрос, аббат.

— Если преадамиты жили в этой пещере, каким же образом они освещали ее? Может, у них уже тогда был ваш «философский свет», или они видели в темноте?

— У них были кошачьи глаза, — ответил герцог. — Вы опять льете воду на мою мельницу. Поскольку у них не было философского света, они могли полагаться лишь на свое собственное кошачье зрение.

Аббат, уязвленный тем, что сам подсказал герцогу ответ на вопрос, который считал неразрешимым, решил, однако, так просто не сдаваться:

— А как же вы объясните тот факт, что никто никогда не упоминал о них, и в первую очередь Священное Писание?

— Прошу прощения, аббат, а те гиганты, о коих говорится в Книге Бытия, глава шестая, стих четвертый? Ага! Нет, вам меня не сбить!

— Стало быть, по вашему мнению, многие тысячелетия назад гиганты с кошачьими глазами забавлялись тем, что малевали, как малые дети, картинки на стенах пещеры Перигора?

— Смейтесь, смейтесь, аббат, но я вас разбил по всем пунктам. Впрочем, пещера не одна — их множество. Я вам все покажу.

— Эти пещеры должны быть очень велики, чтобы вмещать ваших гигантов.

— Глядите же!

Герцог направил луч фонаря вверх, к сводам, и свет затерялся в вертикальном колодце, которо-

му не было конца. Потом он повел фонарем во все стороны, и аббат Рифент смог убедиться, что они находятся в необъятном, поистине бескрайнем подземном зале.

Его охватил священный трепет.

— Ну что? — спросил герцог. — Не правда ли, здесь так же красиво, как в Сен-Сюльпис[*]? Ну а рисунки эти... по-моему, вы слегка поторопились объявить их детскими. Взгляните-ка на этого мамонта... на этих туров... на эту лошадь... на этого оленя. Грёз — и тот не нарисовал бы лучше.

— Давайте договоримся, — возразил Рифент. — Только что вы настаивали на том, что ваши гиганты были чисты и невинны, теперь же изображаете их опытными живописцами — ну прямо тебе академики!

— Если дети больше не могут быть такими же опытными, как академики, — парировал герцог, — то исключительно по вине Адама, его ребра, его яблока и его падения. А до того...

И он глубоким вздохом почтил прекрасный преадамитский союз чистоты и мастерства. Водя фонарем вдоль стены, герцог продолжал показ:

---

[*] Примечания: *

...здесь так же красиво, как в Сен-Сюльпис. — Церковь Сен-Сюльпис в Париже расписана внутри Э. Делакруа. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Глядите... глядите... эти бегущие лошади... пасущиеся олени... нападающие зубры... эти мамонты... прямо слышишь, как они трубят.

— Должен признать, что все это достаточно любопытно.

— Ага! — довольно вскричал герцог. — Вы, я вижу, человек прямодушный.

— В конце концов, почему бы им и не существовать — этим гигантам-художникам с кошачьими глазами, коль скоро вы оставляете мне Адама с его падением?!

— Ничего я вам не оставляю. Я употребил слово «прямодушный» в качестве стилистического оборота.

— Господин герцог, я начинаю сомневаться, можно ли назвать прямодушным вас.

— Но вы же признали факт существования преадамитов...

— Погодите, погодите, я ведь сказал: коль скоро вы мне оставляете...

— Да будет вам торговаться! Ничего я вам не оставляю, аббат, вы уже стали преадамитофилом. Впрочем, сейчас я вам представлю другие доказательства в других пещерах. Пошли!

Они выбрались наверх; аббат протер глаза и, взглянув на окружающий пейзаж, сказал:

— Господин герцог, теперь, когда я вижу это небо, деревья, траву и камни, этих порхающих птичек, я спрашиваю себя, не фантасмагория, не сон ли все, что я увидел в пещере. И я сильно подозреваю, что ваш фонарь скорее магический, нежели философский. Вы позволите мне осмотреть его?

Герцог протянул фонарь аббату, и тот вынужден был признать, что не обнаружил в нем ровно ничего магического, а всего лишь кое-что философское.

— В путь! — скомандовал герцог, забирая фонарь у аббата.

Отыскав Пешедраля, мула и лошадей, они отправились из Руфийяка в Тайяк, где и заночевали после осмотра новых пещер. На следующее утро они продолжили свой путь в Монтийяк, подле которого осмотрели то, что герцог величал Сикстинской капеллой преадамитов. Ужинать вернулись в Плазак.

Сидя в таверне, они попивали молодое винцо — для затравки, в ожидании плотной заправки. Аббат проявлял все признаки активного размышления, а герцог изо всех сил подавлял улыбку — отчего лицо у него сморщилось, как у обезьяны, — и заранее молча торжествовал победу.

На третьем стакане кларета аббат взял слово и сказал так:

— Все это очень смутно.

— Погодите, настоящая смута еще и не начиналась, — возразил герцог д'Ож. — Вот когда я объявлю о моем открытии всему свету, Церковь зашатается на своих устоях, а Папа задрожит от ужаса. Когда же весь свет признает мое открытие, Церковь и вовсе рухнет, а Папа, чтобы заработать на хлеб, сам к себе пойдет первым хлебодателем.

— Господи Боже мой! — прошептал аббат Рифент. — Куда мы идем?!

Только что герцог собрался ответить на этот вопрос, как в таверну ворвался Пешедраль, а следом за ним всадник — пеший, но в костюме всадника.

— Господин герцог! — вскричал Пешедраль. — Господин гер...

— Кто тебе разрешил прерывать меня? Я, правда, и не говорил, но намеревался сказать фразу, представляющую огромный интерес для аббата Рифента в частности и для всего духовного мира в целом.

— Новости из Парижа, господин герцог! — продолжал Пешедраль, даже и не подумав извиниться.

— Ну и что?! Подумаешь, важность — новости из Парижа! Самые интересные новости теперь здесь. И исходят они от меня.

— Это как посмотреть, — нагло заявил Пешедраль. — Они взяли Бастилию.

— Кто это «они»?

— Народ Парижа, — ответил всадник — пеший, но в костюме всадника. — Все узники освобождены, а король вновь призвал господина Неккера. Отныне государственные цвета Франции — белый, красный, синий.

— Опять фиаско! — шепчет герцог. — Кому теперь нужны мои преадамиты!

— Церковь спасена! — ликующе восклицает аббат, складывая ладони для благодарственной молитвы.

Все эти реплики сильно озадачили всадника — пешего, но в костюме всадника. Он сказал:

— Господа, хотя ваши речи мне и непонятны, я вижу, вы люди благородные. Позвольте представиться: сир де Сри.

— Черт побери! — воскликнул герцог. — Да это же мой зять! А я вас не признал. Мы так редко видимся. Да и брюхо вы нагуляли порядочное. Ну а как моя дочь Пигранелла, — часто ли она нагуливала себе брюхо?

— Она умерла бесплодной, — отвечал сир де Сри с легким отвращением.

— Бедняжка! — промолвил герцог и, повернувшись к аббату, добавил: — Ну, аббат, можете помолиться за нее, поскольку молитвы, по-видимому, еще некоторое время будут действительны.

Потом вновь обратился к де Сри:

— А как вы очутились здесь? Меня разыскивали?

— Отнюдь. Я эмигрирую.

— Вы что — ласточка?

— Я сказал не «мигрирую», а «эмигрирую». К Европе не стремлюсь, к ее камням седым...[*] Мне очень не нравится то, что здесь творится, а народ Парижа, по-моему, готов перерезать всех аристократов; я уж не говорю о крестьянах, которые начали жечь наши замки. И вот я пробираюсь окольными путями в Байонну, а там отплыву в Англию.

— Почему именно в Англию?

— А почему бы и нет?

Герцог призадумался, затем сказал:

— В общем-то, Сри, это не такая уж плохая

---

[*] Примечания: *

К Европе не стремлюсь, к ее камням седым... — перефразировка строки из стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» (см. комм. "*...в Гибралтар, к седым камням*."). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

мысль. Что до меня, то я отправлюсь в Испанию, где меня примет мой превосходнейший друг граф Альтавива-и-Альтамира.

— А я, — вмешался аббат, — вернусь в Париж, к моему доброму народу, который, сам того не зная, спас Церковь, что убедительно доказывает наличие некоего чуда.

— Ну а ты? — спросил герцог Пешедраля. — Поедешь со мной?

— Я? Я лучше вернусь к маме. Я не хочу, чтобы у нее сожгли замок.

— Ну и дурак! — возгласил герцог. — Неужто у тебя нет желания повидать дальние страны?

— Есть, господин герцог.

— Вот видишь! Сри, мы поедем на рассвете все втроем, а аббата оставим его погромщикам. Кстати, не слыхали ли вы чего нового о моем превосходнейшем друге Донасьене? Его-то хоть освободили?

Тут принесли заправку. За беседою, в которой одни беседовали с другими, они плотно поужинали, и поскольку все эти треволнения весьма их утомили, то они тут же — бух в постель и задали храпака.

Рано поутру Сидролен, питавший крайнее отвращение к этой мерзкой процедуре, все же за-

сунул себе в задний проход термометр. Некоторое время спустя он бережно извлек его оттуда и убедился, что температура у него подскочила выше некуда; впрочем, ему даже не требовалось справляться с градусником, чтобы констатировать болезнь, ибо чувствовал он себя препаршиво, но, поскольку ему все равно предстояло обратиться к помощи человека искусства, он боялся, как бы тот не разбранил его за то, что он, Сидролен, не может проинформировать его с точностью до одной десятой градуса о своей термической неуравновешенности. Потом Сидролен подождал. Спустя довольно долгий период времени, который вылился примерно в час, у него явилось желание опорожнить мочевой пузырь. Кашляя, дрожа и хрипя, он встал; пошатываясь, качаясь и вихляясь, вышел из каюты. Лали заметила, что он направился в туалет.

— Гляди-ка! — весело крикнула она ему. — Как вы сегодня раненько! Кофе уже готов!

Сидролен не ответил.

По возвращении, когда она вторично пригласила его отдать должное завтраку, он опять не ответил. Вернулся к себе в каюту. Примерно через час в дверь к нему постучали.

Он приказал войти, и Лали исполнила приказ.

— Что-нибудь не ладится? — спросила она.

— Да, не слишком.

— Это я виновата, из-за меня вы простудились этой ночью.

— Вот-вот.

— Наверное, даже дождь шел.

— Проливной.

— Надо было уйти домой.

— Я и пошел.

— Но слишком поздно.

— И я так никого и не увидел.

— Надо было мне помолчать.

— Не переживайте.

— Вы на меня сердитесь?

— Ничуть.

— Значит, и правда неважно ваше дело.

— Неважно.

— Я сбегаю за врачом.

— Хватит с меня и порошков. Сходите в аптеку, там вам что-нибудь дельное присоветуют.

Лали потрогала у Сидролена лоб.

— Ого, да вы горите как в огне.

— Да, я уж тут намерил тридцать девять и девять.

— Сбегаю-ка я за врачом.

И она тут же скрылась.

Сидролен вздрогнул и задремал.

Вскоре Лали появляется вновь. Врач спрашивает, какая у больного температура. Сидролен отвечает, что у него где-то в районе тридцати девяти и девяти десятых. Врач пишет что-то на листке бумаги и исчезает.

Лали появляется.

Сидролен напихивается лекарствами.

Он закрывает глаза, но снов не видит.

Пьет какие-то горячие штуки.

Сквозь густой пар от горячих штук до него доносится голос Лали:

— Вы не говорили месье Альберу, что вам нужна сиделка.

Она смеется. Сидролен изображает бледную улыбку и закрывает глаза.

Герцог д'Ож, сир де Сри и виконт де Прикармань, в просторечье именуемый Пешедралем, подъезжают к Байонне.

Время от времени Сидролен открывает глаза.

Глотает время от времени лекарства.

Чувствует себя каким-то размякшим и размокшим.

Кстати, именно поэтому самое тяжкое для него — ходить в туалет. Ползет туда чуть ли не на карачках. Лали хочет поддержать его. Он отказы-

вается. Она говорит:

— О, я-то знаю, что это такое.

Сперва Сидролену стыдно, потом, опростав-шись, он об этом забывает.

В общем-то, жизнь у него не такая уж плохая.

Он спрашивает себя, как там Лали выходит из положения, ведь она — новичок на барже. Но судя по всему, она из положения выходит, так что Сидролен успокаивается и закрывает глаза.

Ему случается и засыпать.

В Байонне трое спутников расстаются. Герцог д'Ож и виконт де Прикарманъ, в просторечии именуемый Пешедралем, продолжают свой путь в Испанию. Контрабандисты наверняка помогут им перейти границу.

Сидролен чувствует себя получше. В иллюминатор заглядывает солнечный лучик. Приятно сознавать, что на свете есть хорошие медики и хорошие медикаменты. Лали приносит ему очередную горячую штуку для питья и порошки, — это не последние, но, вполне возможно, предпоследние.

Лали говорит:

— Вам как будто начинает легчать.

— Вроде бы.

Сидролен пока осторожничает в своих про-

гнозах.

Октябрь близится к концу. Все и вся провозглашают:

— Необыкновенная осень!

Термометр, погруженный в атмосферную тень, показывает почти летнюю температуру.

Сидролен выбирается на палубу — полежать в шезлонге и погреться на солнышке.

И тут они наконец являются узнать, как его дела. Теперь-то, конечно, дела идут как нельзя лучше. Они — то есть дочери — с любопытством разглядывают Лали. Они не третируют ее, нет. Но на своего отца тоже смотрят с любопытством.

— А на вашей загородке опять надписи, — сообщает Люсет.

— Зачем тебе понадобилось огорчать его?! — говорит Сигизмунда.

— Хотите, я пойду замажу их? — предлагает Йолант.

— Ты испачкаешь свой совсем новый костюм, — говорит Бертранда.

— Спасибо, — говорит Сидролен, — сам справлюсь.

Лали пошла принести чего-нибудь — промочить горло дамам и господам.

Бертранда говорит Сидролену:

— Ты должен купить ей телевизор. Ей же скучно будет сидеть тут с тобой. Особенно по вечерам.

— Откуда ты знаешь? — говорит Люсет Бертранде.

— Не дури! — говорит Сигизмунда Люсету.

— Он не так уж не прав, — говорит Йолант Сигизмунде.

— Оставьте же папу в покое, — говорит Бертранда всем троим, а потом обращается к Сидролену: — Послушай меня, купи ей телевизор!

Лали возвращается с напитками, потом тактично исчезает.

Бертранда одобрительно замечает:

— А она ничего, эта малышка.

— В ней есть класс, — говорит Люсет.

— Вот балда, — говорит Йолант, — можно подумать, ты в этом что-нибудь смыслишь.

— Подфартило тебе! — говорит Сигизмунда Сидролену.

— Ну, теперь, когда мы убедились, что все в порядке, — говорит Бертранда, — можно и домой.

Они сидят еще немножко, допивая напитки. Потом возвращаются к разговору о телевизоре. Бертранда настаивает:

— Купи ей телек. Заодно и сам развлечешься.

— Да и просвещает, — говорит Йолант.

Они так увлеклись разговором о телевидении, что уходят не очень скоро.

На следующий день объявляется Ламелия.

— Бертранда сказала мне, что ты болел. Но я гляжу, ты уже пошел на поправку. Кто ж за тобой ухаживал?

Легким кивком Сидролен указывает на Лали, которая драит палубу.

— А она ничего, эта малышка. Тебе повезло.

Сидролен изображает на лице нечто вроде: да, мол, похоже на то.

Затем он произносит два слова, в вопросительной форме:

— А ты?

— Ты хочешь знать, как мои дела — с замужеством и прочее?

— Да.

— С Бубу?

— С кем?

— С моим мужем. Ему дали отпуск на неделю. Мы съездили в свадебное путешествие.

— Куда?

— В Перигор. Не из-за трюфелей, а по более глубоким причинам: чтобы повидать всякие доисторические дыры. Мы их все осмотрели: Ласко, Руфиньяк, Эйзи, Фон-де-Гом и другие. Здорово

они все-таки рисовали — эти палеолитики. Их лошади, мамонты, ну, в общем... ясно, да? (жест).

— Фальшивые.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Все фальшивые.

— Ну, если бы они были настоящие фальшивые, это бы стало известно.

— Мне известно.

— Откуда ты это знаешь?

— Знаю.

— Во сне, что ли, видел?

— Один тип в восемнадцатом веке нарисовал все это.

— С чего вдруг он стал бы все это рисовать?

— Чтобы утереть нос кюре.

— Ты шутишь, папа. Или грезишь. Лучше купил бы себе телевизор, это очень просвещает.

— Знаю.

— Ну, теперь, когда я убедилась, что все в порядке, можно и домой.

Поднявшись на набережную, Ламелия подает Сидролену знаки — не для того, чтобы попрощаться, а потому, что на загородке появились новые граффити. Лали увидела это; бросив швабру, она достает кисть и банку с краской.

Сидролен ложится в свой шезлонг. Он глядит на

Лали, взбирающуюся на откос. Закрывает глаза.

И вот он скачет на коне бок о бок со своим превосходнейшим другом графом Альтавива-и-Альтамира. За ними следует Прикарманье. Алчные роялисты-контрабандисты за бешеные деньги перевели их через границу.

— Вы правильно поступили, приняв решение эмигрировать, Жоашен, — говорит граф на том изысканном французском, на котором изъяснялся в те времена всякий интеллигентный европеец. — Вспомните только ночь на четвертое августа, когда французские аристократы наделали, осмелюсь сказать, таких кромешных глупостей.

— Не стану с вами спорить, — отвечает герцог.

— Ну а как вы собираетесь проводить время в Испании, Жоашен, пока не окончатся все эти беспорядки? В нашей стране нравы суровые, и кроме коррид вам вряд ли сыщется тут какое-нибудь развлечение.

— Займусь живописью.

— И в самом деле приятная забава. Мне никогда не приходило в голову заняться живописью. А как пришла эта мысль к вам?

— Во сне.

— Я не ослышался: во сне?

— Да, вы не ослышались: во сне. И в этом сне Фелица, младшая из моих дочерей — та, слабоумная, — как будто вернулась из Рима и рассказала мне, что видела там Сикстинскую капеллу; и тогда я сказал себе: да ведь я тоже художник![*]

— Что же вы пишете, Жоашен? Натюрморты? Цветы? Баталии?

— Пещеры.

— То есть искушение Святого Антония?

— Нет! Я пишу на стенах пещер.

— Но, Жоашен, кто же тогда увидит ваши труды?

— Преисторики.

— Это французское слово мне незнакомо. Что оно означает?

— Я объясню вам позже. Скажите, нет ли у вас подходящего местечка в том же роде, где я мог бы поупражняться в живописи?

— Именно что есть — и как раз в моих владениях, — ответил граф Альтавива-и-Альтамира.

---

[*] Примечания: *

...да ведь я тоже художник! — Фраза, приписываемая Корреджо, см. комм. "*...я тоже художник...*". *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

XVII

Выздоровев, Сидролен вновь занялся окрасочными работами.

Положив последний мазок, он отступил на пару шагов, дабы иметь лучший обзор результатов своего труда. От этого обзора он получил некоторое удовлетворение; вот тут-то он и услыхал, что его окликают. Он обернулся. У тротуара стоял уаттомобиль с прицепом, чуть позади и сбоку виднелся другой уаттомобиль, буксирующий за собой закрытый фургон. Судя по номерным знакам, весь караван явился из провинции. Водитель первого уаттомобиля высунулся из него с вопросом:

— Извините, где тут туристическая турбаза для туристов?

— Это очень просто. Все прямо и прямо, примерно в пятистах метрах отсюда.

И Сидролен добавил:

— Знаете, в это время года она, наверное, уже закрыта.

— Поеду все же взгляну. Спасибо.

И водитель, втянул голову под свой панцирь, включил зажигание.

Но перед тем как отъехать, он крикнул Сидролену:

— А ведь я тоже художник!

Сидролен поглядел вслед машине с фургоном. Он подождал с четверть часика, а потом и двадцать минут, чтобы посмотреть, не вернется ли, случайно, этот караван, найдя туристическую турбазу для туристов закрытой. Прождав час и так никого и не увидев, Сидролен спустился по склону и пошел прибрать банку с краской и кисть. Лали чистила картошку. Сидролен спросил:

— Будете жарить?

— Нет, запеку картофель с сыром.

— Я предпочитаю жареный.

— А сегодня будет запеченый картофель с сыром.

— Ладно, — сказал Сидролен. И добавил: — Пойду прогуляюсь. В сторону туристической турбазы для туристов. Туда еще народ едет.

— Интересно поглядеть.

— Так что, никак нельзя жареный?

— Ну и тиран! Ладно, будет вам жареный.

— Так, чтобы одни ломтики были мягонькие, а другие твердые, как древесная кора.

— А для меня, — сказала Лали, — среднее между тем и этим.

— А может, половину картошки запечь с сыром, а другую половину пожарить — одну так, другую эдак, а третью часть — среднее между тем и этим?

Лали не ответила.

— Ладно, — сказал Сидролен, — пойду погляжу, что там делается.

Туристическая турбаза для туристов почти опустела, но все же пока функционирует, хотя и довольно вяло. Сидролен не находит там того, что искал, — обнаруживает он это в ста метрах дальше. Обе машины с прицепом стоят вдоль тротуара; рядом, на тротуаре, толкуют о чем-то двое мужчин и две женщины. Сидролен подходит, потом минует эту маленькую группку; водитель головной машины не узнает его. Сидролен удаляется метров на пятьдесят, потом возвращается назад. Поравнявшись с той же группой, он обращается к человеку, что расспрашивал его о турбазе:

— Знаете, это вон там (жест). Она как будто еще открыта.

— Месье, — говорит тот, — по-моему, я вашего мнения не спрашивал.

— Однако совсем недавно спрашивали, — парирует Сидролен, — и я еще не кончил вам его

высказывать.

С этими словами Сидролен продолжает свой путь.

— Месье! — кричат сзади.

Он останавливается. Водитель догоняет его. Он говорит:

— Эти олухи... они не принимают нас из-за лошадей. Почему, скажите на милость, мои лошади не могут заниматься туризмом?

Сидролен не отвечает.

Тот переспрашивает:

— Вы согласны?

Сидролен отвечает:

— Мы с вами друг другу не представлены.

— Это верно.

Караванщик протягивает руку и представляется:

— Ож.

— Сидролен, — представляется Сидролен.

Они пожимают друг другу руки. Ож добавляет:

— Как видите, я попросту. Если вы маляр, то я герцог.

— Я не маляр, — говорит Сидролен, — я арматор. Владею баржой и лодкой.

— Я вовсе не хотел вас обидеть, — говорит герцог. — Всякий труд почетен. Как я вас недавно

информировал, я также в свое время имел дело с красками, что, в общем-то, неординарное занятие для герцога — участника крестовых походов. Я даже специализировался по стенным росписям. Это занятие в вашем духе, если угодно.

— Угодно, — отзывается Сидролен.

— Пойдемте, я представлю вас своей дочери. Фелица, познакомься, это господин Сидролен.

— Бе-е-е! — отвечает Фелица.

— А это мой тренер и друг Прикарманъ. Виконт де Прикарманъ.

— Сидролен, — представляется Сидролен.

— И его мама.

— Привет! — говорит графиня де Прикарманъ.

— Лошадям я вас представлю как-нибудь в другой раз, — говорит герцог. — Ну ладно, теперь, когда лед тронулся и мы познакомились — не близко, но вполне достаточно для того, чтобы наладить контакты в социальном плане, — контакты явно поверхностные, но — кто знает? — многообещающие и плодотворные как для одной стороны, так и для другой, сам пока не знаю, в какой области, — впрочем, вполне возможно, вот в какой: месье Сидролен, не могли бы вы, будучи местным жителем, указать нам такую обитель, не слишком удаленную от центра города, где мои

лошади, моя дочь, Прикарманъ, его мамаша и я могли бы сочетать туристические радости со столичными утехами?

Тут герцог повелительным жестом воспретил Сидролену отвечать незамедлительно.

— Откровенно говоря, — продолжил он, — я хоть и принадлежу к знатному роду, тем не менее являюсь провинциалом, о чем свидетельствуют мои номерные знаки. Я сельский помещик, дворянин во крестьянстве, так сказать, и потому предпочитаю свежий воздух всяким там ванным и туалетам городских отелей.

— Ваше право, — ответил Сидролен. — Что же до пожеланий, которые имели быть высказаны вами не далее как несколько секунд назад, я, признаться, не вижу, чем вам можно помочь. Здесь, в округе, есть конюшни, и вы могли бы на время сдать туда своих лошадей.

— Никогда! — отрезал герцог.

— Как же вы поступали раньше?

— Да не было никакого «раньше»! Это мой дебют в туризме.

— Не сказал бы, что он удачен.

— Месье Сидролен, которого я пока так мало знаю, — надеюсь, вы не хотели меня обескуражить, вернее, обезгаражить?

— Сами видите: ваш кураж не помог найти гараж.

— Месье Сидролен, которого я пока так мало знаю, — по-моему, вы резонируете совсем как аббат Рифент.

— Аббат Рифент... — промолвил, нахмурясь, Сидролен, — аббат Рифент... это имя мне что-то напоминает.

— Это имя прославили газеты, — сказал герцог. — Он полжизни провел под землей.

— Ах да! — воскликнул Сидролен. — Тот самый знаменитый преисторик.

— Мой бывший капеллан, — уточнил герцог.

— Черт возьми! — удивился Сидролен. — У вас есть средства содержать личного капеллана?

— Разумеется, — ответил герцог. — Но я его уволил — по причине атеизма. Моего личного атеизма, хочу я сказать. Хотя и сам он... ну, в общем... а впрочем, займемся лучше нынешней ситуацией. Итак, месье Сидролен, где бы я мог расположиться — на природе, но поблизости от центра города?

— Трудно сказать, — сказал Сидролен. — Скверы у нас для туристов закрыты.

— О Боже! — вздохнул герцог. — Где то золотое времечко, когда при каждой таверне имелась

своя конюшня! В современных гостиницах даже гаражей нет.

— Почему же, бывают и огараженные отели, — ответил Сидролен.

— Вот видите, я был прав! — сказал герцог. — Вы резонируете совсем как аббат Рифент.

Сидролен пропустил мимо ушей это обидное сравнение и, извинившись за нескромный вопрос, спросил, почему герцог обременяет себя этими двумя лошадьми. Разве не лучше им было бы пастись на каком-нибудь нормандском или беррийском пастбище?

— Им нравится город, — пояснил герцог. — И время от времени у них возникает потребность приобщиться к городской жизни. Они так давно не видели столичного города... и теперь им интересно побывать в новых кварталах и полюбоваться достопримечательностями — по крайней мере теми, что достойны их внимания.

— Странно как-то мне вас слушать, — сказал Сидролен.

— Я устраню эту странность, — ответил герцог. — Поскольку вы, месье Сидролен, невзирая на свое стремление помочь, явно бессильны указать мне туристическую турбазу для туристов-лошадей, мы продолжим свой путь и расположимся

где-нибудь на опушке того леска, что виднеется там, на горизонте.

— Это сад для публичного гулянья, — возразил Сидролен, — берегитесь, там штрафанут!

— Наплевать мне на этого штрафанута! — отрезал герцог. — Прощайте, месье. Эй, вы, в путь!

И герцог садится за руль головной машины, рядом с ним Прикарманъ. Графиня ведет вторую машину, рядом с ней Фелица. Все отъезжают. Сидролен замечает головы лошадей. Они вполне похожи на лошадиные головы.

Он неторопливо возвращается домой. Дойдя до загородки, он рассеянно вглядывается в достраиваемое здание напротив — там еще ведутся работы в подвале и на крыше. Кто-то машет Сидролену с той стороны шоссе; Сидролен ловко переходит последнее, не дав ни одному уаттомобилю сбить или хотя бы зацепить себя.

— Вот вы-то, наверное, и можете дать мне справку, — говорит Сидролен.

— Я думаю! — отвечает сторож. — Но вы, наверное, удивлены, увидав меня здесь. Мне предложили место консьержа в этом доме. Я зашел поглядеть, подходит ли оно мне.

— Ну и как, подходит?

— Я думаю! Значит, теперь я ваш сосед.

— Так вот какую справку я хотел у вас получить...

— Слушаю вас, — говорит сторож.

— Тут одних людей выставили с вашей турбазы.

— Да она через пару дней закроется.

— Нет, не в том дело. Их выставили, потому что с ними две лошади.

— Цыгане, что ли?

— Вовсе нет. Герцог, графиня, виконт и слабоумная девица.

— И две лошади?

— И две лошади. В фургоне. Вы, случайно, не знаете, где они могли бы приткнуться? Не слишком далеко от центра, потому что их лошади очень давно не видали столичного города и теперь им интересно побывать в новых кварталах и полюбоваться достопримечательностями — по крайней мере теми, что достойны их внимания.

— Это что — сон? — спрашивает сторож.

— Вы думаете? — спрашивает Сидролен.

— Я вижу, вы запомнили этот мой грешок! — сказал сторож с улыбкой. — Ну да, я думаю. Как только встаю, так сразу начинаю думать. Как только ложусь, так тоже сразу начинаю думать. И в промежутке все думаю, думаю. Значит,

подумайте... вот видите, я уже навязываю свою маленькую манию другим... итак, подумайте, нуждаюсь ли я в отдыхе после целого дня усиленной работы моего головного мозга. И я даю ему покой, я засыпаю и сплю без снов. Что касается ваших лошадей в фургоне, которые желают посетить столицу, то я склонен думать — поскольку вы спрашиваете моего мнения, — итак, я склонен думать, что вы увидели их во сне.

— Значит, вы не знаете такой турбазы, где бы их приютили?

— Вы увидели это во сне!

— Недалеко от центра.

— Вы видели это во сне!

— Для всех них: герцога, машин и прочего.

— Вы видите это во сне!

— А вот и они, — сказал Сидролен.

Герцог затормозил. Сторож побледнел, попятился и исчез.

— Он не ценит экспериментальный метод, — вполголоса констатировал Сидролен.

— Что вы сказали? — переспросил прохожий.

— Вы были правы! — крикнул герцог.

— В другой раз, — сказал Сидролен прохожему, который немедленно испарился.

Сидролен подошел к машине.

— Там действительно полно фараонов, в этом леске, — сказал герцог, — прямо с души воротит.

Он высунулся из машины и взглянул на дом.

— Вы живете здесь? — спросил он.

— Нет, напротив, на барже. Не хотите ли выпить со мной?

— Я, ей-богу...

— Вон там есть место для стоянки, пользуйтесь случаем. И приходите, попробуете мою укропную настойку.

— Не откажусь.

Караван покатил к стоянке, расположенной чуть поодаль. Сидролен осторожно и ловко перешел шоссе и встал у загородки, дожидаясь своих гостей.

Они спустились по склону — Сидролен во главе шествия, непрестанно повторяя:

— Осторожно, не расквасьте себе физиономии.

Когда они проходили по мосткам над зловонной тиной, он сменил пластинку:

— Осторожно, не сверзитесь в воду.

Графиня заметила:

— Издали-то довольно миленько, а вблизи — кошмар!

— Да, вода на вид грязновата, — ответил Сидролен, — но не застойная. Так что грязь то и дело

меняется. Иногда я разгоняю ее палкой, и она уплывает вниз по течению. Но с той стороны и вправду сильно пованивает.

— Что пованивает? — спросил герцог.

— Отбросы, — пояснил Сидролен.

И добавил:

— Не стукнитесь головой. Вот здесь у меня кубрик, или, по-вашему, салон.

— Ничего, вполне! — оценила графиня.

Сидролен позвал:

— Лали!

На зов явился некто — не то персона, не то персонаж, — скорее, женского пола, но облаченный в штаны, закатанные до колен, бело-голубую тельняшку и каскетку с названием судна; в руке этот некто сжимал швабру.

— Привет! — сказала графиня.

Остальные промолчали. Сидролен попросил как можно быстрее принести стаканы, минералку и бутылку укропной настойки.

— А какая у вас марка? — спросил герцог.

— «Белая лошадь», — ответил Сидролен.

Когда Лали скрылась, герцог прокомментировал эту проблему в таких выражениях:

— Конечно, я предпочел бы ту, что гоню из укропа, с моих земель, по рецепту Тимолео Тимолея...

— Это имя мне что-то напоминает, — пробормотал Сидролен.

— Знаменитейший алхимик. Знаменитейший по крайней мере для тех, кто его знал. В словарях он не упоминается.

— А вы его знали?

— Ну еще бы! Работал под его руководством. Был у него лаборантом — не смотри что герцог! Видите ли, когда дело доходит до дела, я не строю из себя невесть что.

— Ну и как, открыли вы философский камень или эликсир долголетия?

— Хотите откровенно? — спросил герцог.

— Хочу, — ответил Сидролен.

— Ни черта мы не открыли, — признался герцог.

— Одну только укропную настойку? — спросил Сидролен.

— Ну, ее-то хоть пить можно, — сказала графиня.

— Бе-е-е! — отозвалась Фелица.

Лали проворно внесла большой, заставленный посудой поднос.

Налив всем присутствующим, она уселась со стаканом в руке. Сидролен сказал гостям:

— Позвольте представить вам мою невесту.

Потом обратился к Лали:

— Герцог д'Ож... виконт де Прикарманъ... мадам... э-э-э...

— Графиня де Прикарманъ, — сказала графиня де Прикарманъ.

— И мадемуазель... э-э-э...

— Мадам, — поправил герцог, — мадам де Плакси.

— Привет, — говорит Лали.

— Бе-е-е! — отзывается Фелица.

— А знаете, — говорит герцог, — она совсем недурна — ваша укропная настойка.

— Вполне достойна одобрения, — говорит Прикарманъ.

— Не слабо! — говорит его мамаша.

Одна лишь Фелица не выражает удовольствия, поскольку пьет не настойку, а минералку.

— Надо бы напоить лошадей, — говорит герцог.

— Я схожу, — вызывается Прикарманъ.

— Ведро найдете на корме, — говорит Лали.

— Сфен и Стеф, верно, совсем потерялись в догадках, куда это мы делись, — говорит герцог.

— А вы всегда держите их в курсе своих дел? — спрашивает Сидролен.

— Так им больше нравится, — отвечает герцог.

— Они что — циркачи? — спрашивает Лали у Сидролена.

— Не знаю, — отвечает Сидролен Лали. — Во всяком случае, они туристы. Их не пустили на турбазу из-за лошадей.

— Из принципа не пустили? — спрашивает Лали. — Или потому что старые клячи?

— Прекрасные кони! — возражает герцог.

— Ну, выпить мы выпили, — говорит графиня, — что дальше будем делать? Эмигрировать?

Герцог не ответил, он рассеянно поглядел вокруг, потом негромко сказал:

— На этой барже, должно быть, довольно много места.

XVIII

Жоашен д'Ож проснулся в превосходном настроении: он спал всю ночь крепким сном без снов. Приведя себя в презентабельный вид, он поднялся на палубу; никто из пассажиров на барже еще не встал. Герцог помочился в реку, от души наслаждаясь веселым журчанием струи, разбивавшейся о поверхность вод. На другом берегу уже рассаживались рыбаки. Ранние пташки — гребцы — стрелой пролетели мимо баржи. Гер-

цог оглянулся: Сфен и Стеф выщипывали лакомые травки из чахлой растительности, покрывающей косогор. По набережной с монотонным жужжанием вихрем проносились уаттомобили.

Герцог ступил на твердую землю и подошел к лошадям:

— Ну что, мой славный Сфен, как вы себя здесь чувствуете?

— Для полного счастья нам следовало бы превратиться в горных козлов.

— Ничего, привыкнете. Зато какая тренировка!

— А мы еще долго тут пробудем?

— Не знаю, — ответил герцог. — Возможно, что мы уже прибыли к месту назначения.

— Мы со Стефом предпочли бы, чтобы это место было более плоским.

— Какой-нибудь ровный лужок, — добавил Стеф.

— И потом, — продолжал Сфен, — тут и закусить-то как следует нечем.

— Скоро Пешедраль принесет вам сена.

— Когда это еще будет! Лодырь он, ваш Пешедраль. Не мешало бы задать ему хорошую трепку.

— Терпение, терпение, мой славный Сфен! Да-

дим невинным душам покой и сон.

— Ладно, дадим, — согласился Сфен. — Ну а вы как себя чувствуете на борту этого недвижного судна?

— Всю жизнь спал и видел поселиться на барже, — ответил герцог. — И теперь доволен сверх меры.

— Рад за вас, — сказал Сфен. — Вот нам бы побольше сена да овса...

— Терпение, терпение, мой славный Сфен!

На палубе появилась Лали.

— Кофе? Чай? Шоколад? Бульон? — крикнула она герцогу.

Герцог радостно вскинулся.

— Очень крепкий черный кофе, — ответил он, — тосты с очень толстым слоем масла, очень густой английский джем, очень хорошо зажаренную яичницу и очень острые свиные сосиски.

Черт возьми, жизнь на воде возбуждает аппетит!

Лали исчезла, никак не прокомментировав заказ.

На палубе появляется Пешедраль.

— Лошади заждались! — тотчас кричит ему герцог. — Надеюсь, в фургоне еще остались овес и сено?

— Если нет, — отвечает Пешедраль, протирая глаза, — я схожу на рынок. Хорошо ли спалось господину герцогу?

— Превосходно. Признаюсь, наш десант прошел весьма удачно.

— А мой завтрак? Где и когда я могу позавтракать?

— Сперва накорми Сфена и Стефа. Там, наверное, еще осталось чем им заморить червячка.

Пешедраль исчезает в направлении фургона.

На палубе появляется графиня де Прикарманъ.

— Хорошо ли вам спалось, сестрица? — спрашивает герцог.

— Привет! — отвечает ему графиня.

Появляется Фелица. Она целует своего папу.

— Бе-е-е! — говорит она.

Лали кричит:

— Подано!

Все собираются в кубрике и весело рассаживаются. Вскоре к их команде присоединяется и Пешедраль. На столе аппетитно дымится горячий-прегорячий кофе. Тут же, рядом, тосты толсты и нетолсты, джемы и масленки с маслом.

— А яичницы нет! — замечает герцог.

— А яичницы нет, — подтверждает Лали.

— И сосисок нет! — замечает герцог.

— И сосисок нет, — подтверждает Лали.

— Ну и ладно! — беззаботно говорит герцог.

Он уже заглотнул семь тостов вместе с жировыми и фруктово-ягодными субстанциями, намазанными на них сверху.

— А месье Сидролен еще не встал? — спрашивает он.

— Вот он я, — отвечает Сидролен, садясь за стол.

— Я прекрасно выспался, — сообщает ему герцог. — И весьма благодарен вам за гостеприимство, хотя оно и не сопровождалось сосисками.

— Мы примем к сведению, — отвечает Сидролен. — Правда, Лали?

— Не сопровождалось сосисками, — подтверждает Лали, — и яичницей тоже.

— А как поживают лошади? — спрашивает Сидролен.

— Они находят ваш косогор слишком крутым, — отвечает герцог. — И не очень расположены карабкаться по нему, точно горные козлы.

Тут Пешедраль, хотя ему никто не предлагал говорить, вмешивается с такими словами:

— А вот по поводу...

— По какому поводу? — осведомляется герцог.

— По поводу лошадей. Когда я нес им сено из

фургона, я заметил, что на дверце у месье Сидролена кто-то написал ругательства.

— В мой адрес? — спрашивает герцог, грозно хмуря брови.

— Нет-нет, успокойтесь, — говорит Сидролен. — В мой.

— Кто-то имеет на вас зуб? — спрашивает герцог.

— Вполне возможно. С тех пор как я здесь поселился, кто-то упражняется в остроумии на моей загородке и дверце. Я замазываю краской. А он пишет поверх.

— И вы не знаете кто?

— Представления не имею.

— А вам не приходило в голову подстеречь его?

— Однажды ночью я сел в засаду. И подхватил жуткий вирусный бронхит, вот и весь результат.

— Пешедраль! — торжественно возгласил герцог. — Вот подходящий подвиг для нас, рыцарей, — мы избавим господина Сидролена, нашего хозяина, от его писуна.

— Ох, ну зачем же! — сказал Сидролен. — Вы слишком любезны.

— Мы схватим его на месте преступления, — продолжал герцог, — и повесим на первом же

дереве этого бульвара.

— Вы знаете, — прервал его Сидролен, — вы знаете... тогда у нас будут неприятности.

— Это еще почему?

— Неприятности с полицией.

— Как! — вскричал герцог. — Да неужто вы не в своем феодальном праве вершить правосудие, казнить и миловать?! Не вы ли, после Господа Бога, властелин и хозяин на своей барже?!

— Да, но деревья на бульваре не относятся к моей барже.

— Тогда мы бросим этого паршивца в воду. Крепко связанного, конечно.

— Боюсь, что это тоже...

— Ну ладно, просто отрежем ему уши.

— Нет... не стоит...

— Ну хотя бы несколько пинков в задницу?..

— Это можно... при необходимости...

— Но тогда, месье Сидролен, на меня не рассчитывайте. Пинки в задницу какого-то писуна! Да никогда в жизни я не унижусь до того, чтобы пачкать об него подошвы моих сапог. Опуститься до такого!..

— Господин герцог, господин Прикарманъ, я, право, очень тронут вашим предложением, но, в конце концов, до сих пор я как-то выходил из

положения, пусть же оно так дальше и идет. Это ведь самая мелкая статья моего бюджета: одна банка краски в месяц, ну и, конечно, одна кисть в год. Потом, опять же, для меня развлечение, а иначе что бы я малевал?!

— Вообще-то я знаю еще несколько пещер... — мечтательно промолвил герцог. — Но оставим это.

Внезапно он треснул кулаком по столу и заорал:

— Ну так что, Пешедраль, неужто мы проявим слабодушие?! Нет, тысяча чертей, нет! Пусть месье Сидролен болтает что угодно, а мы изловим этого писуна — и поглядим, как с ним поступить.

— Слово Прикарманя! Изловим!

— Изло́вите! — крикнула графиня де Прикарманъ.

— Бе-е-е! — отозвалась Фелица.

Словом, шуму получилось предостаточно.

— Ну а пока, — сказал Сидролен, — пойду-ка поработаю кистью.

И он вышел в сопровождении Лали. Лали спросила:

— Когда они уедут?

— Не знаю, об этом разговора не было.

— Так что же, подавать им завтра утром яични-

цу и сосиски?

Сидролен достал банку с краской и кисть.

— Если это не слишком сложно, — ответил он. — Покажем себя щедрыми вельможами.

И Сидролен ступил на мостки.

— Раз мы жених и невеста, — сказала Лали, — может, стоило бы перейти на «ты»?

— У вельмож принято обращаться на «вы».

Лали возвращается к своим обязанностям. Сидролен проходит мимо Сфена и Стефа. Он смотрит им в глаза.

— До чего ж у них умный вид! — замечает он вполголоса. — Только что не говорят.

— Это почему же мы не говорим? — обижается Сфен. — Ах, черт! — добавляет он, топнув оземь правым передним копытом. — Ведь Жоашен советовал мне не открывать рта.

Сидролен опомнился лишь на тротуаре. По дороге он пролил немного краски из банки.

— Странно, — говорит он вполголоса, — действительно странно.

— Что вы сказали?

Этот вопрос исходит от остановившегося прохожего.

— Так что же «действительного странно»?

Сидролен принимается замазывать краской

дверцу.

— Да так, — отвечает он.

— Месье! — разъяренно восклицает прохожий. — Вы непозволительно оскорбляете любопытство людей: интригуете их, а потом молчите. Нет, месье, так, знаете ли, не поступают!

И удаляется, сердито размахивая руками.

Сидролен никак не комментирует этот инцидент.

Потом он слышит, что его окликают. Это консьерж из дома напротив — не совсем законченного, но и не совсем незаконченного. Консьерж стоит перед своей дверью, на противоположном тротуаре. Сидролен отвечает на приветствие и продолжает работать.

Немного погодя появляются его гости. Они обсуждают план действий. Пешедраль должен закупить сено и овес на рынке Инно, герцог посетит Дворец алхимии, дамы отправятся к портному. Это все в первой половине дня. Пообедают в городе, в каком-нибудь ресторане-люкс. Вторая половина дня будет посвящена осмотру различных достопримечательностей, планируется также посещение кинотеатра. Затем ужин — опять в ресторане-люкс, но уже в другом. Вернутся не слишком поздно и займутся поимкой

писуна.

— А лошади? — спрашивает Сидролен. — Они разве не собираются гулять по городу?

— Завтра, — отвечает герцог. — Когда изловим вашего типа.

И тут лицо его омрачается.

— А ведь верно, — шепчет он. — Бедняга Сфен, бедняга Стеф! Они так мечтали полюбоваться красотами столичного города Парижа! Неужто я стал эгоистом? Месье Сидролен, я краснею от стыда! У вас доброе сердце, месье Сидролен. Вы абсолютно правы, я не должен обрекать своих друзей на скуку заточения, пока сам развлекаюсь. Пешедраль, мы отправимся в Инно верхом, а дамы пускай возьмут машину. Пешедраль, иди за Сфеном и Стефом.

Лошади приведены, они дуются.

— Мой славный Демо! — говорит герцог.

Сфен по-прежнему дуется.

— Ну-ну, славный мой Демо! — повторяет герцог. — Я ни на минуту не забывал о тебе. Мне просто нужно было побеседовать с месье Сидроленом. Я и не думал оставлять вас здесь и лишать удовольствия любоваться вместе с нами красотами столичного города. Не правда ли, месье Сидролен?

Внимательно вглядевшись в лицо Сидролена, легко понять, в какую корнелевскую ситуацию он угодил: соврать ли коню, как сивому мерину? уличить ли во вранье гостя?

Сидролен находит весьма элегантный выход из положения. Он говорит герцогу:

— Вы обращаетесь к нему так, словно он понимает человеческий язык. Но разве бывают говорящие лошади? Наверное, только во сне. Или в сказках.

Герцог же не находит элегантного выхода из положения. И говорит:

— Какого черта вас волнует мое обращение с конем? Я от вас жду только одного — правды. То есть подтверждения, что я ни на минуту не забывал о тебе, славный мой Демо.

— Господин д'Ож, — сказал Сидролен, — выслушайте эту антимему, чтобы не сказать — силлогизм: если конь разумеет человеческую речь, значит, он очень умен. А если он очень умен, то он уже раскусил, в чем тут дело. С другой стороны, если он умен, значит, он добр, а если он добр, значит, он найдет в себе силы простить обыкновенную рассеянность хозяина и этот пустяк не омрачит вашей дружбы.

И, повернувшись к Сфену, Сидролен спросил:

— Не правда ли, Сфен?

Сфен улыбнулся — чуточку грустно — и пукнул.

— Милый мой Демо! — сказал герцог.

И сел в седло. Пешедраль последовал его примеру, и они ускакали; за ними отправились дамы на машине, предварительно отцепив от нее фургон; отцепиться помогала Фелица. Сидролен продолжал красить загородку. Консьерж исчез.

Потом показалась Лали, она собралась на рынок.

— Ну так что — решено? Покупать сосиски?

— Будем щедры, как истинные вельможи, — ответил Сидролен.

Итак, Лали уходит на рынок. Сидролен докрашивает загородку. Затем, положив на место банку и кисть, отправляется в кубрик — прилечь до обеда. На обед подаются свиные сосиски. Ровно в пятнадцать часов тридцать две минуты Сидролен сообщает Лали:

— Спал почти без снов. Всего лишь один и увидел: коротенький и малоинтересный. Рассказать?

— Нет, — отвечает Лали.

— Совсем коротенький.

— Тем более. И потом, мне пора в парикма-

херскую.

Возвращается она лишь к ужину. Сидролен тем временем наведался на туристическую турбазу для туристов и констатировал, что на сей раз она закрыта окончательно и бесповоротно. Он вернулся домой. В сумерках взял шест и отогнал к центральному течению реки вонючие отбросы, скопившиеся между баржей и берегом. Потом стал ждать ужина.

На ужин подаются свиные сосиски.

Затем Лали закуривает сигарету и достает колоду карт, завернутую в зеленую салфетку, спертую в каком-то бистро. Она раскладывает пасьянс, сощурив правый глаз из-за дыма бычка, который зажала в зубах. Потом гасит бычок. В первый сеанс пасьянс не вышел. Лали закуривает вторую сигарету и начинает раскладывать вторично. Сидролен молча глядит, как она управляется. Во второй сеанс пасьянс вновь не вышел. Лали начинает снова, и так повторяется много раз. Перед ней вырастает груда окурков. Скоро уже будет двадцать три часа семь минут. В двадцать три часа семь минут возвращаются гости; они рассаживаются в кубрике. Лали заканчивает свой пасьянс и только после этого приносит укропную настойку.

— Надо поднабраться сил для поимки вашего писуна, — весело говорит герцог.

— Вы уверены, что вправду должны... — начинает Сидролен.

— Ну-ну-ну! Что за церемонии! Сейчас малость отдохнем — и в засаду.

— Я пойду с вами.

— Ах, оставьте! Мы с Пешедралем прекрасно справимся сами.

— Привет! — говорит графиня.

Этим она желает сказать, что ей пора ложиться спать.

— Бе-е-е! — говорит Фелица.

Этим она желает сказать, что ей тоже пора ложиться спать.

И обе они действительно идут ложиться спать.

— Все прошло благополучно? — спрашивает Сидролен у герцога, который, судя по его виду, не слишком расположен отправляться в засаду.

— Что именно?

— Ваше турне по столице.

— Сфен и Стеф просто в восхищении.

— А вы сами? А месье Прикарманъ?

— Ну... порой нам приходилось тяжко, — столица очень изменилась.

— А вы давно здесь не бывали?

— Да уж больше века, — спокойно ответил герцог.

Пешедраль кашлянул.

— Я хочу сказать: сто лет здесь не был, — поправился герцог. — Вот, к примеру, уличное движение: у нас получились неприятности с этим уличным движением. Сфен и Стеф не привыкли к таким скоростям. А городские сержанты вручили нам целую кучу каких-то бумажонок, с которыми я не знаю, что и делать.

И, вынув бумажки из кармана, герцог разорвал их на мелкие клочки.

— Но самая большая кутерьма случилась при осмотре этой вашей железной башни, — продолжал герцог. — Сфен непременно пожелал взойти на четвертый этаж, но ему удалось добраться лишь до второго. К счастью, там оказались какие-то люди с киноаппаратом, и благодаря им все уладилось. Стоит появиться киношникам, как и невозможное возможно, и дорога долгая легка, но тем не менее Сфену не удалось подняться выше второго этажа.

— А другой? — спросил Сидролен.

— Что «другой»?

— Другой конь?

— Стеф? Он вообще не захотел подниматься. У

него от высоты голова кружится.

— По-моему, вам пора уже в засаду, — сказала Лали.

— Еще глоточек укропной настойки, и мы идем, — сговорчиво ответил герцог.

— Ну а ресторан? — спросил Сидролен.

— Да так себе, — ответил герцог. — Порции мизерные — больной птичке разок клюнуть! — а в меню ни одного из тех блюд, что я так любил «встарь и до нынешних времен»[*]: соловьиный паштет с шафраном, торт из каштанов на мышином сале, заливной кабан с подсолнуховыми семечками, и ко всему этому — жбан доброго вина.

И герцог допил свой стакан, сопроводив питье следующим замечанием:

— Что мне нравится в укропной настойке, так это то, что она ни с чем не рифмуется. Я имею в виду слово «укропная».

— Разве только взять ассонанс, — заметила Лали.

— Это недопустимо! — отрезал герцог.

— А вы еще и поэт? — спросил Сидролен.

— Гм... гм... — замялся герцог, — ну, случается

---

[*] Примечания: *

...«встарь и до нынешних времен» — аллюзия на сборник П. Верлена «Встарь и отныне». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

иногда сляпать шансонетку...

— Вот это для меня новость! — воскликнул Пешедраль. Нарушив таким образом свое почтительное молчание, он тут же отлетел по параболе в другой конец кубрика, сшибая по пути стаканы. Пока он поднимался, охая и потирая ту часть тела, что расположена между ухом и затылком, герцог как ни в чем не бывало заканчивал фразу, обращенную к Сидролену:

— ...но, главное, я живописец. Как вы.

Потом он воскликнул:

— Послушайте, что мне пришло в голову: если мы так или иначе помешаем вашему писуну писать, то что же вы будете тогда замазывать? Ведь без такого дела вы почувствуете себя совсем неприкаянным.

— Я учту, — говорит Сидролен. — Я это учту.

— Ну ладно, жребий брошен, andiamo![48] — как говорил Тимолео Тимолей. Пешедраль, ты осмелился перебить меня, но я тебя прощаю. Следуй за мной, и давай покажем месье Сидролену, на что мы способны. Чао! — как говорил все тот же Тимолео Тимолей.

И они выходят.

---

[48] Примечания: 48
Пошли! *(ит.)*

— Собираетесь их дожидаться? — спрашивает Лали.

— Так будет приличнее, — отвечает Сидролен.

Лали гасит сигарету, собирает карты в футляр и заворачивает его в зеленую салфетку. Потом встает и говорит:

— Что это за люди, хотела бы я знать.

Сидролен пожимает плечами. Потом отвечает:

— Это нас не касается.

Лали возражает:

— Ну, это не ответ. И потом, наоборот, это вас касается.

Сидролен говорит:

— Мне иногда чудится, будто я видел их во сне.

— Это ничего не проясняет.

— Просто у меня такое ощущение.

— Вам лучше знать. Я — и сны... ничего общего!

На пороге Лали еще раз спрашивает:

— Значит, будете их дожидаться?

— Придется, — говорит Сидролен.

Лали выходит.

Сидролен разворачивает зеленую салфетку и достает карты. Он принимается раскладывать пасьянс.

Вновь появляется Лали.

— Ну а лошади? — спрашивает она.

— Что «лошади»?

— Странные истории творятся с этими лошадьми.

— Еще более странные, чем вы думаете, Лали. Одна из этих лошадей — говорящая. Я сам слышал, как она говорит.

— И что же она рассказывает?

— Она было выругалась, но я не стал задерживаться и дослушивать.

— А вы не во сне ли это увидели?

— О, в моих снах лошади говорят очень часто, и ничего странного в этом нет.

Лали опять садится. И говорит:

— Подожду-ка я вместе с вами.

Она берет карты и спрашивает:

— Сыграем?

— Неплохая мысль, — спокойно говорит Сидролен.

И они проиграли до самой зари.

XIX

На рассвете снаружи поднялся гвалт.

— Застукали голубчика! — сказала Лали.

Сидролен ничего не ответил.

Гвалт усилился, к нему присоединились всевозможные ругательства, оскорблятельства и проклятельства.

— Большой шухер в лавочке! — констатировала Лали. Гвалт приближался; наконец дверь распахнулась, какой-то человек влетел в нее и рухнул прямо на стол, очистив его от карт, скатерти, стаканов, бутылки и пепельницы. Зашвырнув свою жертву внутрь, герцог и Пешедраль заботливо и крепко заперли за собою дверь. Человек восстановил было вертикальное положение, но тут же должен был сесть, силою принужденный к тому обоими своими противниками.

— Вот так! — сказал довольный герцог. — Неплохая работенка?

— Я протестую! — завопил пойманный. — Это похищение! Это консьержнаппинг! Нет, консьержехищение! На помощь! На выручку! Это ошибка, ужасная ошибка! Я хотел застукать тех, кто пачкает вашу загородку, а эти типы навалились на меня! Может, они-то на ней и пишут!

— Ах ты, гнусный клеветник! — вскричал герцог и, размахнувшись, отвесил крикуну оплеуху.

— Караул! Позор! Рецидив! Оскорбление личности! Послушайте, месье, вы-то меня знаете!

Сидролен говорит герцогу и его конюшему

приспешнику виконту:

— Сядьте, пожалуйста, давайте послушаем объяснения этого господина, я его и в самом деле знаю.

Затем он обращается к консьержу, он же бывший сторож туристической турбазы для туристов:

— Месье, я и правда знаю вас в лицо, но мне неизвестно ваше имя.

— Луи-Антуан-Бенуа-Альбер-Леопольд-Антуан-Нестор-Серж Ла-Баланс.

— Длинновато, — замечает Сидролен.

— А почему два Антуана? — спрашивает герцог.

— Один в честь отца, второй — в честь деда. Что касается длины, то обычно все это сокращается до Ла-Баланс-бис.

— А еще покороче нельзя? — спрашивает Сидролен.

— Вообще-то меня зовут Лабаль.

— Так вот, месье Лабаль... — начинает Сидролен.

— Оставьте Лабаля в покое, так будет совсем коротко.

— Ну так вот, месье...

— А по какому праву вы меня допрашиваете,

месье Сидролен?

— Дайте ему в ухо, — вполголоса советует герцог.

— Нет у меня никаких прав, — говорит Сидролен, — а вы имеете полное право не отвечать мне.

— И он им воспользуется, — вставляет герцог.

— Ладно, — говорит Лабаль, — при таких условиях я согласен рассказать вам свою историю.

— Ах ты, Боже мой, историю! — говорит герцог в сторону.

— Это краткая, но потрясающая история.

Лабаль перевел дух, собрался с духом и повел свою речь в таких выражениях:

— Имя, которое я ношу, господа, обрекло меня на необыкновенную судьбу. Баланс, как вам известно, свойствен весам, иначе говоря, символу правосудия, и всю свою жизнь я стремился способствовать его торжеству на земле, — разумеется, в меру своих слабых сил. И если общество наделило меня столь знаменательным именем, то природа, со своей стороны, одарила серым веществом головного мозга необычайной активности, и я уже с младых ногтей отчетливо понял, что официальное правосудие — это не что иное, как звук пустой, и дал себе клятву своими

личными усилиями компенсировать упадок и ничтожество государственных судебных органов. Таким образом, я сам, лично, укокошил от трехсот до четырехсот человек, приговоренных, по моему мнению, к чересчур мягкому наказанию; если эта цифра удивляет вас, то я вам признаюсь, что меня интересуют лишь самые тяжкие преступления, и единственной контрмерой против судебных ошибок я считаю смертную казнь. Не беспокойтесь — я действую лишь после того, как долго обдумываю интересующий меня случай. Вот это, господа, как раз и отличает меня от обыкновенных судей: я думаю. А мысль — это тяжкое бремя, господа, тяжкое бремя, всю тяжесть которого вам невозможно даже оценить, но на эту тему я не собираюсь сейчас распространяться, поскольку однажды вечером уже обсудил ее с месье Сидроленом. Как бы то ни было, я нанялся — по причинам, которые вас не касаются и которые долго объяснять, — я нанялся, повторяю, ночным сторожем на туристическую турбазу для туристов и, возвращаясь домой на рассвете, часто замечал оскорбительные надписи на загородке отрезка набережной перед баржей, на борту коей вы нынче находитесь, да и я сам также нахожусь, правда против воли. Упорство,

с которым возобновлялись эти надписи, навело меня на мысль — а вы, верно, уже убедились, что, когда я говорю «мысль», я не употребляю это слово всуе, — итак, оно навело меня, повторяю, на мысль, что их автор, быть может, такой же борец за правосудие, как и я сам, то есть в некотором роде мой конкурент. И это мне не понравилось. Если все пожелают вершить правосудие на свой лад, начнется такая неразбериха, что только держись; я — единственный квалифицированный специалист в этой области. Итак, я провел небольшое расследование и узнал о ваших прошлых неприятностях, месье Сидролен, и о тяжкой несправедливости, жертвою коей вы стали. Невинный человек два года проводит в предварительном заключении! Тем более гнусным показалось мне преследование, которому вы подвергаетесь ныне. Желая разоблачить негодяя, что донимает вас своей неоправданно-жестокой местью, я нанялся консьержем в дом, строящийся по ту сторону шоссе. И каждую ночь я подстерегал его, но так никого и не обнаружил. Как вдруг сегодня я увидел две подозрительные тени. Их было двое, я — один. И все же я отважно приблизился к месту их действий — без сомнения, преступных. Это был первый срыв в моей карьере, ибо в

результате я сам угодил к вам в руки. Ну а касательно моей невиновности в вопросе о надписях, она, как мне кажется, вполне подтверждается тем фактом, что при мне не обнаружено никаких приспособлений для живописных, письменных, а равно и гравировальных работ.

Он смолк, и тут все услышали ровное похрапывание герцога д'Ож, который мирно заснул в самом начале повествования.

Сидролен почесал в затылке. Он увидел, что Пешедраль не спит, а всего лишь дремлет, и спросил его, правда ли, будто у их пленника не оказалось при себе никаких приспособлений для живописных, письменных, а равно и гравировальных работ.

Пешедраль, с трудом продрав глаза, ответил:

— Этот человек сказал правду.

— Стало быть, обвиняемый невиновен, — заключил Сидролен.

— Ну это еще как посмотреть!

— Мадемуазель не согласна? — вызывающе спросил Лабаль.

— Нет, — ответила Лали. — Все, что вы здесь наплели, доказывает, как дважды два, что вы заступник хреновый, правосудец фиговый, Монте-Кристо ерундовый, Зорро дерьмовый, Робин

Гуд трухлявый, завистник гунявый, пачкун слюнявый, маньяк мозглявый, — одним словом, патентованный экзальтированный антисидроленист!

— Мадемуазель, — спокойно возразил Лабаль, — позвольте мне сообщить вам, что вы рассуждаете как полная бестолочь, не видите дальше собственного носа и совершенно не умеете пользоваться своим серым веществом. Пораскиньте мозгами хоть на минутку, — я намеренно не говорю «подумайте», это слово вас скорее всего напугает, — я прошу вас всего лишь пораскинуть мозгами. Я даже не требую, чтобы вы раскинули карты, что для вас куда привычнее, — ведь мне известно, что юные девицы чаще увлекаются...

— И ты его спокойно слушаешь! — говорит Лали Сидролену. — На твоем месте я бы ему морду в кровь разбила. Если бы герцог не спал, он бы давно уже заткнул пасть этому гаду.

— Но он спит! — заявил Лабаль. — А я продолжаю: пораскиньте мозгами, мадемуазель! Ну стал бы я рассказывать вам всю свою жизнь — достойную, впрочем, лишь восхищения! — будь я виновником этого маниакального преследования? Ведь это же абсурд! Поверьте, мадемуазель, я — стопроцентный сидроленист.

Лали не отвечает.

— Месье Лабаль, — говорит Сидролен, — прошу вас извинить моих гостей, они были движимы самыми благородными побуждениями.

— Я буду великолепен и великодушен, как Эрнани[*]! — заявляет Лабаль. — Я стану выше этого.

— Интересно будет поглядеть, — говорит Лали.

— Привет! — восклицает графиня, входя в кубрик.

— Бе-е-е! — вторит ей Фелица.

— Вы позволите мне удалиться? — спрашивает Лабаль.

И он исчезает.

— А завтрак еще не готов? — осведомляется Пешедралева мамаша.

Вопрос, однако, задан столь любезным тоном, что Лали даже не на что обидеться. Графиня продолжает:

— Кто был этот господин? Тот, кого хотели поймать?

— Вышла ошибка, — говорит Сидролен.

Графиня воздерживается от комментариев, чтобы не смущать сон своего сына, в свою оче-

---

[*] Примечания: *

Эрнани — герой одноименной драмы В. Гюго (1829). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

редь заснувшего; впрочем, учуяв запах жареных свиных сосисок, все быстренько открыли глаза.

— Ах, какое приятное пробуждение! — возгласил герцог. — Какое аппетитное явление! Поистине, щедрая награда для таких рыцарей, как мы! А куда же подевался наш мошенник? Я так понимаю, месье Сидролен, что вы, невзирая на свои мирные помыслы, все же швырнули его в реку, предварительно утяжелив несколькими слитками свинца?

— Нет, — отвечает Сидролен. — Я его отпустил.

— Ну, будет мне наука, как совершать благородные поступки! — вскричал возмущенный герцог.

— Поступок оказался скверным, — спокойно ответил Сидролен. — Этот человек не имел никакого отношения к ругательным надписям.

— Провели Сидролена, как последнего простофилю, — заметила Лали.

— Нисколько не сомневаюсь, — подтвердил герцог, — впрочем, теперь наплевать. Предоставляю вам малярничать сколько влезет, месье! Предоставляю вам малярничать сколько влезет!

Тем не менее за весь день Сидролену так и не представился случай помалярничать; к тому же, как и накануне, он весь день не видел своих гостей. Вернулись они лишь после ужина. Сид-

ролен играл в карты с Лали. Лали, играя в карты, курила.

Герцог и Пешедраль сели рядом и налили себе укропной настойки. Графиня и Фелица прямиком отправились по каютам.

— Все в порядке? — вежливо спросил Сидролен.

— А у вас? — оживленно спросил герцог. — Как там наша мазня?

— Сегодня чисто.

— Понятно. Ну а мы нынче ударились в архитектуру: решили доставить удовольствие его (жест) маме и прошвырнулись по всем что ни на есть церквухам подряд; сдохнуть можно, сколько их понастроили здесь, в столице!

— А вы, случайно, не антиклерикал, господин герцог? — спросил Сидролен.

— Архиантиклерикал! Только, ради Бога, не величайте меня господином герцогом! Теперь, когда мы познакомились покороче, можете звать меня запросто: Жоашен.

— А с какой стати мне звать вас Жоашеном?

— Да потому что это мое имя.

— И мое тоже, — ответил Сидролен. — Не представляю, как это я буду звать сам себя, обращаясь к чужому человеку.

— Чужой да княжой! — беззлобно отпарировал герцог. — Ладно, раз уж мы оба Жоашены, зови меня Олендом — это мое второе имя.

— И мое тоже.

— Ну, ничего, у меня в запасе еще четыре: Анастаз Ше...

— ...рюбен Еме...

— ...рик Нор...

— ...бер.

— В таком случае, — вскричал герцог, совсем развеселившись, — вернемся к отправной точке: зовите меня д'Ож... или нет, Джо, а я вас буду звать Сид.

— Мне больше нравится Сидролен, — сказал Сидролен.

— Ладно, пусть будет Сидролен, коль Сидроленом быть желаешь, но тогда я стану обращаться к тебе на «ты».

— Я не против.

— И ты тоже обращайся ко мне на «ты», — добавил герцог, от души добавив себе укропной настойки.

— Хорошо, буду обращаться к вам на «ты».

— Так вот, Сидролен, — продолжал герцог весьма повышенным тоном, — т-т-ты меня не уважаешь! Я п-п-понял это нынче утром, когда

румяная заря осветила б-б-бегство нашего пленника. Стоило трудиться, сказал я себе, и всю ночь студить себе задницу, стараясь угодить нашему хозяину, чтобы потом названный хозяин повел себя как глупая стыдливая недотрога; однако Сфен разъяснил мне, что ты, в конце концов, лучше меня разбираешься в этих делах и, возможно, имел веские причины отпустить этого типа, чью физиономию я, хоть убей, никак не могу припомнить. Будь я на твоем месте, мне бы не понравилось его соседство. А засим — доброй ночи!

Вслед за этим внезапным заявлением он встал, что незамедлительно проделал и Пешедраль, но тут вмешалась Лали:

— А кто этот месье Сфен, что отпускает вам замечания по его (жест) адресу?

— Это не месье, это конь, — ответил герцог.

— Ваш конь делает замечания?

— По этому поводу, — продолжил Жоашен, оставив без внимания последний вопрос, — у меня тоже есть одно замечание. Я обнаружил, что французы с их ска́чками тоже стали алхимиками.

Ни Лали, ни Сидролен даже глазом не моргнули, и еще менее того — Пешедраль.

— Да-да, — подтвердил герцог, — они все наде-

ются извлечь золото из лошадей. Ну-с, теперь и вправду доброй ночи!

И он исчез, хотя тут же появился снова.

— Мое замечание наверняка показалось вам странным. Я признаю, что оно и в самом деле оригинально: не все то золото, что из коня.

И он вновь исчез; его удалявшийся хохот наконец затих вдали.

— Посидите с нами еще, — сказала Лали Пешедралю, который не успел исчезнуть вместе с герцогом.

— Не могу. Я должен помочь герцогу стащить сапоги.

— Да на нем нет сапог!

— Есть — моральные.

— А ваши лошади тоже носят сапоги?

— Моральные? Конечно!

Вдали послышался продолжительный рев.

— Вот, слышите? — воскликнул Пешедраль. — Герцог гневается.

И он поспешно исчез.

— Ладно, — сказала Лали, — пойду-ка и я снимать свои моральные сапоги.

— А я еще посижу, — сказал Сидролен.

Оставшись один, он разложил пасьянс. Затем потушил свет.

Текут минуты, в тишине только и слышно, как по бульвару шныряют лунатики-уаттомобили.

Потом вдруг раздается дикий шум, крики и даже, кажется, ругательства. Дверь кубрика распахивается, вспыхивает свет, и Лабаль зашвыривает внутрь человека, которого он застиг за писанием оскорбительных надписей на загородке. Человек садится, переводит дух и наливает себе укропной настойки. Прибегает вскочившая с постели Лали в поспешно накинутом халате. Все прочие обитатели баржи спят глубоким сном. Они теперь всегда спят глубоким сном — с тех самых пор, как перестали или почти перестали видеть сны.

Прибежавшая Лали видит Сидролена, который наливает себе укропной настойки. Лабаль уселся и молчит, вид у него озадаченный до крайности.

Лали в замешательстве, она не знает, что спросить.

Сидролен пьет свою укропную настойку, потом обращается к консьержу:

— Надеюсь, вы не простудились, поджидая меня. Вы заслужили стаканчик укропной настойки.

И с бледной улыбкой говорит Лали:

— Месье — опытный сыщик.

Лали садится.

— Хотелось бы мне знать, — говорит Лабаль, — что вы теперь будете делать. Я, конечно, понимаю: меня это не касается, но, поскольку, ввиду недавних событий, ответственность моя неизмеримо возросла, вы должны признать, что я имею право задать подобный вопрос себе, а также и вам.

Сидролен не отвечает, и Лабаль добавляет:

— В общем-то, вы можете продолжать в том же духе.

И добавляет еще:

— Теперь-то уж я следить за вами не стану. Миссия моя выполнена, и я могу подать в отставку с должности консьержа и покинуть ваш квартал в поисках новых приключений.

Он поворачивается к Лали и заканчивает:

— Я не желаю месье Сидролену никакого зла, но после того небольшого инцидента мне, естественно, хотелось доказать свою полную и непреложную невиновность. Месье Сидролен может считать, что ему еще очень и очень повезло, что я не укокошил его за подобное издевательство над людьми и надо мной. Спасибо за любезность, я никогда не пью укропную настойку. А теперь позвольте мне удалиться.

— Сделайте милость, и побыстрее, — отвечает Лали.

Лабаль выходит, аккуратно прикрыв за собою двери кубрика.

— Пойду спать, — говорит Лали.

— Да-да, — откликается Сидролен, — доброй ночи.

Лали выходит, аккуратно прикрыв за собою двери кубрика. Когда на рассвете герцог заглядывает в кубрик, чтобы поглядеть, не готов ли завтрак, он обнаруживает там Сидролена, подремывающего над своим стаканом.

— Ку-ку! — кричит герцог. — Уже встал или еще не ложился? А невеста небось почивает? Интересно, остались ли сосиски в холодильнике? Что-то погоду на дождь тянет.

Появляется Пешедраль.

— Готовь завтрак, — приказывает ему герцог. — Я голоден как волк.

— А лошади, господин герцог?

— Да, верно.

Пешедраль идет обихаживать лошадей. Герцог садится против Сидролена.

— Придется ждать пробуждения невесты. Что бы мне пока на зуб положить? Нет, только не укропную настойку, слишком рано. Тем более что

твоя настойка — не первый сорт, хоть и зовется «Белой лошадью». Она и в подметки не годится той, что я гоню по рецепту моего алхимика Тимолео Тимолея. Вот, кстати, еще одна связь между алхимией и лошадью. Лошалхимия. Ничего словцо, а? Хотя нет, не фонтан. Когда-то у меня бывали и удачнее... раньше... в старину...

И герцог зевнул во весь рот.

— Черт возьми, Сид, что-то ты нынче неразговорчив!

— Хочу сообщить вам новость.

— Мы что ж, больше не на «ты»?

— ...тебе сообщить.

— Слушаю.

— Консьерж из дома напротив изловил типа, который малевал на загородке.

— Настоящего?

— Настоящего.

Герцог оглушительно расхохотался и вымолвил лишь несколько минут спустя:

— Значит, застукал он тебя?

— Ну да.

— Подумаешь, какая важность!

— Да нет, кажется, это важно.

— Не может же он помешать тебе малевать и замалевывать надписи, коли тебе это по душе.

— Меня не он волнует.

— Что-то она долго не встает нынче утром, — заметил герцог.

— Не знаю, — сказал Сидролен.

— Ну раз так, — заявил герцог, — пойду-ка прогуляю лошадей; мы позавтракаем в городе. Например, в «Кривобокой сирене». Передай нашим дамам, чтобы шли туда.

— Непременно передам, — сказал Сидролен.

И герцог вышел, громко хлопнув по рассеянности дверью кубрика.

XX

Сидролен слегка прибрал в кубрике. Потом вышел на палубу. Графиня и Фелица потребовали на завтрак сосисок; в соответствии с инструкциями герцога, дамы получили указание отправляться в «Кривобокую сирену» и послушно удалились. Ровно через шестнадцать минут после их ухода на палубе появилась Лали. Она несла чемодан.

— Прощайте, — сказала Лали.

И, поставив свою ношу наземь, протянула Сидролену руку.

Из чего Сидролен вынужден был заключить, что Лали покидает его; желая облечь свое откры-

тие в слова, он спросил:

— Вы уезжаете?

— Как видите.

— У вас есть серьезные причины для отъезда?

— Я не люблю психов.

— Кого вы имеете в виду?

— Я к вам так привязалась! Думала, вас и вправду преследуют.

И она расплакалась.

— Ну-ну, не надо, — сказал Сидролен. — Вы на меня очень сердитесь?

— Ага, — всхлипнула Лали. — Вы насмеялись надо мной.

— Да ни над кем я не насмеялся. Просто придумал себе такое занятие. Все-таки какое-то развлечение в жизни, — развлечение, и ничего больше.

— Свихнуться надо, чтобы делать такие вещи.

— Но все же это лучше, чем просиживать штаны в бистро.

— И, кстати, вы слишком много пьете.

— Да разве я когда-нибудь бываю пьян?

— Чтобы малевать такие гадости, надо набраться укропной настойки по самое горлышко. Оскорблять самого себя! Почему бы уж заодно не расхаживать с голым задом, людям на смех?!

— Это не мой жанр, — ответил Сидролен. — И потом, вы, кажется, путаете разные вещи.

— Какие еще вещи?! Опять вы собираетесь спорить по пустякам.

И она заплакала еще горше.

— Ну-ну, не надо, — сказал Сидролен. — Никогда себе не прощу, что так огорчил вас.

— Нашли время любезничать!

Лали осушила платочком влажные щеки и энергично высморкалась.

— Я ухожу, — добавила она, поднимая чемодан.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил Сидролен. — Опять пойдете к месье Альберу? Станете искать работу? Или вернетесь домой?

— Вам-то какое дело, раз я исчезаю из вашей жизни?!

Эти слова вызвали у самой же Лали новый приступ рыданий — таких бурных, что ей пришлось опять поставить чемодан наземь.

— Ну, раз это вас так расстраивает, не исчезайте из нее! — сказал Сидролен.

— Если это все, что вы можете мне сказать...

Она опять утерла слезы, подхватила чемодан, повторила свое «прощайте» и удалилась твердым шагом. Сидролен смотрел, как она взбирается

по косогору, распахивает дверцу загородки и уходит.

В бистро на углу Лали зашла выпить кофе. На террасе парочки целовались взасос и энергично обжимались, перед тем как отправиться на работу. Это зрелище подвигло Лали на пролитие новых слез, которые она украдкой подбирала платком. Внутри, в бистро, алхимики, вооруженные пинцетами и карандашами, колдовали над программой скачек. Среди них толокся и давешний борец за справедливость. Лали поспешила выпить кофе и удалиться.

На вокзале, где Лали некогда повстречала месье Альбера, она сдала чемодан в камеру хранения и пошла выпить вторую чашку кофе, дабы за это время прояснить для себя, хоть самую малость, сложившуюся ситуацию. Она села на террасе пивной — просторной террасе с кучей посетителей, кучей официантов и кучей метрдотелей. По тротуару сновали кучи прохожих, по шоссе катили кучи уаттомобилей. Мимо террасы бегал орущий продавец с кучей газет, какая-то дама-алхимичка звонила в колокольчик, пытаясь сбыть кучу лотерейных билетов.

Лали — подавленная, растерянная — сидит там добрый час, а еще точнее, час четыре мину-

ты; потом вдруг вскакивает на ноги, поспешно расплачивается, бежит к автобусу и доезжает до «Хмель-бара», по-прежнему старающегося выглядеть так же, как все соседние бары. Она входит и садится. Зал пуст: ни клиентов, ни хозяина. Открытый люк свидетельствует о том, что этот последний, верно, занят в погребе, но чем именно? Пользуясь одиночеством, Лали тихонько плачет.

Внезапно на уровне пола появляется полувысокая-полусплющенная каскетка из потертого сукна в черно-белую клеточку. Лали утирает гляделки и то, что под ними, платком, который уже хоть выжимай, а из подземелья тем временем медленно поднимается кратковышеописанный головной убор. За ним возникает и голова, а следом все остальное, от плеч до подошв шлепанцев, полудлинных-полукоротких шлепанцев из потертого сукна в черно-белую клеточку. Когда все это убирает трап, оно поворачивается на тридцать семь градусов, в результате какового маневра замечает юное создание, безрадостно созерцающее в зеркале отражение репродукции «Умирающего Геракла» кисти Сэмюэля-Финли-Бриза Морзе.

— Что надо? — осведомляется хозяин. — Здесь

одиноких дам не обслуживают. Вы что это себе воображаете?

— Я жду месье Альбера, — говорит заискивающе Лали.

— Альбера... какого еще месье Альбера? Вы думаете, я знаю по имени всех своих клиентов?

И он обводит зал взглядом, свидетельствующим о размахе своего заведения, — размахе, о коем красноречиво свидетельствует царящее в данный момент безлюдье. Лали настаивает:

— Ну как же, вы должны знать! Месье Альбер... вспомните, — месье Альбер! Я к нему не с претензиями, мне просто нужно с ним поговорить. Я хочу его дождаться.

Онезифор приподнимает каскетку и скребет темя с такой энергией, что челюсти у него периодически размыкаются и смыкаются, пропуская — в первом случае — следующие слова:

— Ах, да... месье Альбер... если это тот... кого вы ищете... так он в тюряге.

— Не может быть!

— Похож я на вруна?

И он угрожающе надвигает каскетку на лоб.

— Вот уж не везет, так не везет, — шепчет Лали.

— Да таких Альберов, всех цветов и размеров,

на каждом углу навалом, коли тебе надо устроить свои дела.

— Нет, ему я доверяла.

И Лали опять заливается слезами. Онезифор старается утешить ее.

— Перекрой фонтан, хватит воду лить, — говорит он. — Теперь ты своего месье Альбера долгонько не увидишь. Очень даже долгонько. Так что кончай сырость разводить... утрись...

Лали с трагическим видом встает и выходит, тщательно прикрыв за собой дверь, в то время как хозяин ударяется в слезы у себя за стойкой.

И вот бредет Лали своей дорогой, которую и дорогой-то не назовешь, поскольку она никуда не ведет, хотя кругом не лес дремучий, — бредет наугад, хорошо еще что не унесенная ветром, ибо дует ветер, стоит ноябрь и даже идет дождь, а Лали все бредет и бредет под этим дождем, в конце концов вымокнув до нитки, так что ей приходится зайти в подворотню, и по лицу ее стекают капли — не то дождя, не то слез.

— Ого! — восклицает графиня. — Здорово же вас намочило!

— Бе-е-е! — вторит ей Фелица.

Лали изумленно таращится на них.

— Что-нибудь не ладится? — спрашивает гра-

финя. — Вы на нас вылупились так, будто мы с того света явились. Эй, да вы нас узнаете ли?

— Здравствуйте, мадам, — говорит Лали не слишком компрометирующим тоном.

— Привет! — отвечает графиня.

— Бе-е-е! — вторит ей Фелица.

— А мы прячемся от дождя, — объясняет графиня. — Как только хоть немного развиднеется, рванем к нашей тачке, она там (жест), на углу. Поехали вместе с нами! Мы уговорились обедать вместе с Жожо и Пепе. Составьте нам компанию. Мы тут наладились в ресторан-люкс, — он трехзвездный, но заслуживает целого созвездия. Так что уж поверьте, мы там за столом не соскучимся, правда, Фелица?

— Бе-е-е! — отвечает Фелица, и по подбородку у нее текут слюнки.

— Ну вот, дождь как будто стихает. Пошли?

— Нет, спасибо, мадам, — шепчет Лали.

— Ну-ну, пошли, не упрямьтесь!

И она тащит Лали за руку. Фелица семенит сзади.

— Но если вы обедаете с нами, кто же ему-то приготовит жратву? — спрашивает герцог, когда они встречаются в сверхзвездном супер-люксе.

— Я ему больше готовить не собираюсь, — го-

ворит Лали. — Только не я. Больше никогда. Я уезжаю. Между нами все кончено.

И она начинает рыдать самым жалостным образом.

— Ну нет, только не это! — вскричал герцог. — Не вздумайте портить нам обед!

— Расскажите, что с вами случилось, — отважно попросил шепотом Пешедраль.

— Не люблю психов, — проговорила Лали сквозь слезы.

— Кого это вы имеете в виду? — спрашивает герцог.

— Сидролена, — отвечает, сморкаясь, Лали, — знаете, ведь это он сам...

— Знаю, знаю, — говорит раздраженно герцог. — Ну и что с того?!

— Это ненормально! — заявляет Лали.

Ответ вызывает у герцога улыбку, и он продолжает диалог в таких выражениях:

— Вы питаете к нему слабость?

— Питала.

— Да вы же его просто-напросто любите.

— Ага, любила.

— А разве это было нормально?

Лали удивленно молчит. Герцог продолжает:

— И, пари держу, любите до сих пор.

Лали не отвечает.

— Что, разве не правда?

— Правда.

— А разве это нормально?

Лали не находится с ответом.

— Вот видите, — заключает герцог. — На свете нет ничего вполне нормального.

И добавляет:

— Так что после обеда возвращайтесь-ка домой и помиритесь с Сидроленом. Обещаете?

— Ага, — шепчет Лали.

Герцог повернулся к графине со словами:

— Вот видите, не так уж это трудно.

Затем он хлопнул в ладоши и возгласил:

— Метрдотель! Мы откроем обед свиными колбасами, затем, метрдотель, мы продолжим обед свиными колбасками, а завершим мы обед, метрдотель, сладостями — не свиными, но иными, — с винными и не винными напитками. Вот что я называю хорошо составленным меню. И плевать мне на икру и прочие москверности! Эй, подать сюда шампанского!

Итак, они вдоволь полакомились свиными колбасами, свиными колбасками и иными, не свиными, яствами, орошая их винными и не винными напитками. Однако Лали не терпелось

вернуться на баржу. После кофе, пока герцог приступал к девятой бутылке шампанского, она незаметно улизнула.

Обе лошади были привязаны на улице, под табличкой с запрещением парковаться. Увидев их, прохожие на несколько мгновений превращались в зевак, а потом вновь обретали свою обычную пешеходную природу. Группка полицейских вяло обсуждала проблему. Всего этого было явно недостаточно, чтобы образовать толпу. Лали не стала задерживаться — она была едва знакома со Сфеном и Стефом. Позволив себе роскошь взять такси, она остановила его перед бистро на углу, чтобы купить сигарет. Несколько парочек все так же прилежно совершенствовали технику «засоса», а алхимики терпеливо дожидались того мига, когда маленький черный аппаратик одобрит технику их дистилляций.

Лали вышла из бистро; проходя по бульвару на набережной, она еще издали завидела толпу, а подойдя ближе, разглядела полицейские фургоны и пожарные машины.

— Мать твою!.. — сказала она вполголоса. — Что еще там стряслось?

— Строящийся дом рухнул, — сообщил прохожий, шедший ей навстречу. — Он, конечно, был

не заселен именно потому, что строился. Там находился один только консьерж. Его как раз выкапывают сейчас из-под обломков. Вас заинтересовало мое разъяснение?

— Слабо, — ответила Лали.

— Ну, на вас не угодишь! — бросил прохожий и с оскорбленным видом удалился.

Бульвар был перегорожен.

— Я там живу, — сказала Лали. — Вон на той барже.

Ее пропустили.

Лали ищет Сидролена. Но Сидролена на барже нет. Лали садится в кубрике, закуривает сигарету, стелет на стол зеленую салфетку и принимается раскладывать пасьянс. А Сидролен тем временем торчит на набережной в толпе зевак. Возле дома кипит работа: расчищают шоссе, пытаются извлечь из-под развалин консьержа, снимают для кино- и фотохроники. Поскольку начинает темнеть, военные подвозят прожекторы. Это весьма великодушно с их стороны, но прожекторы уже не нужны. Наконец из-под обломков извлекают нечто — труп Ла-Баланса в весьма плачевном состоянии. Его увозят — так же скрытно, как и быстро. Шоссе расчищено, движение восстановлено, зеваки рассасываются в поисках других

зрелищ, вновь проходят прохожие — по-прежнему редкие, но теперь еще и ночные. Полицейские, пожарные и военные тоже уходят в ночь.

Стоя у дверцы своей загородки, Сидролен наблюдает, как мало-помалу затихает вся эта хроникально-документальная кутерьма. Повернувшись, он видит на борту баржи свет.

— Гляди-ка! — говорит он вполголоса. — Гости мои, что ли, вернулись?

Ни один прохожий ему на это не ответил.

Сидролен спустился по косогору, перебрался по мосткам на баржу и вошел в кубрик. Лали загасила окурок в переполненной пепельнице и улыбнулась.

— Ну как пасьянс — вышел? — спросил Сидролен, садясь напротив.

Лали не ответила, перевернула новую карту, потом следующую и вдруг, хлопнув себя по лбу, воскликнула:

— А мой чемоданишко! Я же забыла его в камере!

— Я съезжу за ним. На каком вокзале?

— Не берите в голову. Завтра съезжу сама.

— Как желаете.

После короткого молчания Лали проговорила:

— За мое отсутствие здесь много чего случи-

лось.

— Да ничего особенного. Дом напротив упал на голову консьержу.

— И что же стало с нашим правдоискателем?

— Погиб.

— А вы? Как ваши малярные работы?

— Я безработный.

— Значит, за мое отсутствие все-таки много чего произошло.

После короткого молчания Сидролен проронил:

— Бедняга.

— Кто бедняга?

— Консьерж.

— Почему же это он бедняга? Он зануда и убийца.

— Но ведь он погиб.

— Конечно, смеяться здесь не над чем, но мы прекрасно без него обойдемся. Мы-то ни при чем.

Лали закурила новую сигарету. И добавила:

— Вряд ли этот дом так уж плохо строили. Не мог он рухнуть вот так, сам по себе. Разве нет?

После короткого молчания Сидролен ответил:

— Я не архитектор, я маляр.

Он печально улыбнулся и заключил:

— Но что правда, то правда, мы тут ни при чем.

Лали погасила в пепельнице едва начатую сигарету и сказала:

— Пойду приготовлю ужин.

— В холодильнике еще остались сосиски, — ответил Сидролен, — но у меня не хватило духу идти за хлебом. Если хотите, я схожу.

— Не надо, обойдемся и так.

Лали встает, складывает карты и салфетку; когда она уже переступает порог, Сидролен предлагает:

— А не сходить ли нам после ужина в кино?

Вернувшись, они обнаружили на палубе баржи лошадей, а в кубрике гостей. Сидролен идет узнать, как у них дела.

— Ну и влипли же мы! — бодро закричал при виде его герцог. — Наш фургон раздавило в лепешку: на него рухнула бетонная плита. Вы не могли бы пока приютить Сфена и Стефа в трюме?

— Можно попробовать, — сказал Сидролен.

— И это еще не все, — продолжал герцог так же бодро. — Несколько обломков повредили мой уаттомобиль: теперь он целиком и полностью немобилен. А поскольку колымага Пешедралевой мамы сегодня днем сломалась сама по себе, я

просто не знаю, на чем нам ехать домой.

— А вы собрались домой? — спросил Сидролен.

— Этим же двоим, — добавил герцог, игнорируя последний вопрос, — покорежило их велосипедишко.

— Вернее, тандем с мотором, — поправил аббат Рифент.

Посчитав как следует, Сидролен констатировал, что число гостей возросло с четырех до шести.

— Прекрасная была машина, — вздохнул монсеньор Биротон.

— Лучше не бывает, — отозвался аббат Рифент.

— Итальянской марки, — сказал монсеньор Биротон.

— Мы купили ее в Тренто, — добавил аббат Рифент.

— Да-да, — подтвердил герцог. — Они там заседали на Соборе.

— И защитили несколько тезисов о монотеизме доисторических народов... — сообщил монсеньор Биротон.

— ...о коем неопровержимо свидетельствует их настенная живопись, — закончил аббат Рифент.

— А как ваша невеста? — спросил герцог у Сидролена, позабыв об обоих церковниках. — Разве ее здесь нет?

— Да-да, она здесь, — сказал Сидролен. — Но она пошла спать. Устала.

— Ну еще бы, я понимаю, — вздохнул герцог. — Столько переживаний!..

— Именно, — ответил Сидролен и поторопился добавить: — Сейчас займусь вашими животными.

И вышел.

Перед тем как открыть трюм, он принимает позу мыслителя, но не сидячего, а стоячего, и выдерживает ее столь долго, что, наконец, слышит чей-то голос:

— Вам нужно просто положить доску пошире, и мы съедем по ней вниз.

Сидролен повернулся: на него глядели две лошади, а больше никто.

— А как вы подниметесь обратно? — спрашивает он.

— Вот для этого понадобятся тали и подпруги, — отвечал Сфен. — И некое количество силы, единица которой отныне будет носить мое имя, в тысячу раз более популярное, нежели имя Ньютона.

— Смотрите, спуститесь вниз, да так там и застрянете.

— Ничего, вы что-нибудь придумаете. А пока

что у нас нет ни малейшего желания ночевать под открытым небом, тем более уже и дождь накрапывает. Ты согласен, Стеф?

Поскольку Сидролен все еще не двигался с места, Сфен продолжил в таких выражениях:

— Время уже позднее. Поищите-ка хорошенько, я уверен, вы найдете достаточно широкую доску. Например, ту, что служит вам мостками.

Сидролен сделал так, как сказал ему Сфен. Пристроив лошадей в трюме, он пошел спать.

XXI

Когда на следующее утро Сидролен вышел на палубу, он увидал следующую картину: герцог кухонным ножом рубил швартовы, а Пешедраль и оба священника, кряхтя, отталкивали баржу от берега шестами.

— Можно узнать, чем это вы занимаетесь? — вежливо спросил Сидролен.

— Я возвращаюсь домой, — сообщил герцог.

Сидролен вознамерился задать несколько дополнительных вопросов, но герцог властно оборвал его:

— Позже поговорим!

Почесав в затылке, Сидролен отправился на

камбуз, где застал Лали за поджариванием свиных сосисок.

— Ну что? — спросила она. — Мы, кажется, отправляемся в путешествие?

— Похоже на то.

Больше они не обменялись ни словом. Сидролен пошел в кубрик. Там он обнаружил множество не то дам, не то девиц, которые молча дожидались завтрака. Вернувшись на палубу, он заметил, что гостей сильно прибыло. Герцог отдавал приказы, окликая вновь явившихся. Последний канат был уже перерублен, и баржа отваливала от берега. Сидролен развернулся и снова направился на камбуз. Окружающие не обращали на него ни малейшего внимания. Он схватил Лали за руку и потащил на палубу.

Баржа тихонько плыла по течению. Герцог встал к штурвалу: казалось, занятие это доставляет ему огромное удовольствие. Он заметил Сидролена и Лали, которые, сев в лодку, отвязывали ее от баржи; вскоре они достигли берега и исчезли.

И тогда пошел дождь. Он шел день за днем, день за днем. Стоял такой густой туман, что невозможно было понять, движется баржа вперед, назад или стоит на месте. Наконец она причали-

ла к верхушке д’ожнона. Пассажиры вышли на площадку, Сфен и Стеф тоже, — впрочем, не без труда: эти бедняги совсем отощали и выбились из сил. Вода отступила и вернулась в обычное русло; назавтра, когда герцог проснулся, солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Герцог подошел к зубчатому парапету д’ожнона, чтобы прояснить для себя, хоть самую малость, историческую обстановку. Земля была еще покрыта толстым слоем тины, но из-под нее то там, то сям пробивались и расцветали прелестные голубые цветочки.

РАССКАЗЫ

Рассказы
Lorsque l' esprit
Panique
Quelques remarques sommaires relatives aux propriétés aérodynamiques de l' addition
Une trouille verte
A la limite de la forêt

Когда разум... [*]
(Перевод В. Кислова)

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Первый том Собрания сочинений Q., которое весьма недвусмысленно нацелено на ВОССОЗДАНИЕ науки, выводит в свет основопорождающий текст.

Опубликованный в 1929 году (а на самом деле в говнябре месяце 56-го) в журнале, который можно назвать бельгийским, — так же как и «Сокровище Иезуитов», отдраматургированное гг. Арагоном и Бретоном, — этот неоценимый сборник открыл перспективы, столь далекие от конечных, что никто на это даже не обратил внимания. И только сегодня, после развития во всех направлениях теории Каноника Леметра[*] (который в то вре-

---

[*] Примечания: *

КОГДА РАЗУМ... (Lorsque l'esprit...). Рассказ написан в 1928–1929 годах. Впервые опубликован в 1929 году. Затем был напечатан с «Предуведомлением» в коллекции Q 'Патафизического коллежа (1955). Включен в сборник рассказов «Сказки и присказки» («Contes et propos». P., Gallimard, 1981). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Леметр Жорж (1894–1966) — бельгийский математик и астрофизик. Создатель относительной модели расширения Вселенной (1927) и первой космологической теории о взрывном характере расширения Вселенной (1931). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

мя был всего-навсего простым аббатом, но уже врожденно и математически ярко выраженным бельгийцем, как и Бос де Наж[*], наш Староста), а также и больше, насколько это вообще возможно, после странных волнений, произведенных позднее теориями *Галактической и экстрагалактической турбуленции*, которые в этом году всех нас, а Господиниуса Сенмона в особенности, будоражат, лишь только сегодня, заявляю я, после стольких пречудовратностей мы, озаренные Астрономией, прошедшей с момента открытия Хабблом[*] дверей бесконечности в 52–1925 годах от логико-механической до математико-смещенной стадии, можем оценить глубину и ощутить трансцендентную липкость интуитивных пророчеств, заставляющих, подобно дрожжам, набухать эти страницы и являющихся в некотором смысле иллюстрацией самой Космической Клейкости, на которую не перестают

---

[*] Примечания: *

Бос де Наж — павиан, «усвоивший из человеческой речи лишь “ха-ха”, персонаж из книги А.Жарри «Деяния и мысли доктора Фостролля». Староста Патафизического Коллежа. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Хаббл Эдвин Пауэлл (1889–1953) — американский астрофизик. В 1923–1924 гг. установил существование других галактик, в 1929 г. сформулировал эмпирическую закономерность разлета галактик. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

обращать взоры самые дерзкие исследователи нашего времени. Патафизика предвосхищает всегда и намного.

Октав Вотка[*1]
Сменяемый (временно) Модератор
Корпуса Сатрапов

I

Когда разум, отказываясь от исследований непосредственно практического характера, отдается изучению

МИРА ФИЗИЧЕСКОГО,

его разнообразие обескураживает до такой степени, что для объяснения вышеуказанного разнообразия не находится других принципов, кроме относительности и перечисления; причем притяжательное прилагательное его относится в равной степени как к исследующему разуму, так и к (ис)следуемым физическим данным. В

---

[*] Примечания: *

Октав Вотка и Жан-Хьюг Сенмон. — При их непосредственном участии и в их личном присутствии 22 палотена 75 года (11 мая 1948 года по обычному календарю) был основан 'Патафизический Коллеж. Позднее О.Вотка становится первым сатрапом, Ж.-Х.Сэнмон — Генеральным Замещающим Проведитором и Ходатарем. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

основе физики и химии лежит классификация, делящая все на живое и неживое, поскольку закон падения тел, демонстрируемый на перьях или свинце, никогда не использует в качестве примера морскую свинку или улитку. Почему опыты, устанавливающие законы притяжения, никогда не проводились на живых существах, например: на голубях или орлах? В этом вопросе физики ведут себя нечестно. С другой стороны, поскольку большинство предметов не падает

(пыль, парящая в атмосфере,
птицы,
облака,
воздушные шары,
аэропланы,
планеты,
звезды,
археоптериксы (в свое время),
и т. д.),

значит, нет никакой причины и для падения всех остальных. В действительности предмет направляется к центру (?) Земли (??)[*] только в

---

[*] Примечания: *

...предмет направляется к центру Земли... — Ср.: «Вместо того чтобы выводить закон падения тел к центру, не предпочтительнее ли взлет пустоты к периферии?» (А. Жарри. «Деяния и мысли доктора Фостролля, патафизика»). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

том случае, если он наталкивается на

ТАМПОН

Тампон — невидимое, обманчивое и воображаемое существо, которое выслеживает предметы, не имеющие материального основания, и цепляется к ним. Потом оно летит к земле и, возложив там предметы, вновь улетает. Таким образом, создается иллюзия падения, но на деле это не так: имеется лишь некое транспортное средство, я бы даже сказал, вид передвижения.

На следующем этапе мы изучим тампоны, специализирующиеся на листопадах, и тампоны, принимающие облик старости и смерти.

II

МИР

есть таблетка, упавшая в стакан воды.

ВОЗДУХ И ВОДА

идентичны по отношению к земле; эфир и вода — по отношению к миру; горы получаются в результате разложения земли под воздействием воздуха.

ПЛАНЕТЫ

получаются в результате разложения солнца под воздействием воды *(эфир).*

СПУТНИКИ

суть заключенные в таблетку пузырьки воздуха, которые вырываются из нее в момент разложения и увлекают за собой некоторые твердые частицы. Метеориты и кометы, похоже, имеют вид исключительно твердый, а характер — взрывной.

Таким образом,

ЛУНА —

полая.

На дне мира находится таблетка, которая, распадаясь, разбрасывает по небу звезды.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТИХ

Звезда на самом дне, и небо из воды.

тоже на дне; это она — если угодно — создает звезды.

ЧАСТИЦЫ

вылетая, опадают и возвращаются на круги своя — старые места обитания. Такое же происхождение имеют острова и континенты.

Земля — это корабль, который затонул,
Луна — утопленник,
кометы — обломки кораблекрушения.

ТАБЛЕТКА

есть вулкан, его собственное распадение — лава, частицы А — дым, частицы Б — пемза.

А еще это смерть, которая падает в муниципальную кладбищенскую землю, частицы А — отчаянные стоны хоронимого, который еще дышит, частицы Б — самые проворные и пресыщенные черви, которые несутся к поверхности, чтобы подышать свежим воздухом у подножия таких близких кипарисов. Самец тростинкой шелк сучит, и самка в форме веера подушки

вышивает.

АСТРОНОМИЯ

есть наука неудавшаяся, а Солнце продолжает вращаться вокруг Земли. Проблемы, связанные со световыми годами, никогда никого не интересовали, не считая популяризаторов, неисчислимое же, судя по всему, количество звезд не имеет ничего общего с бесконечностью.

Астрономия, наука хилая и хромая, находит приют в учреждениях скабрезной формы, называемых обсерваториями: купол, расколотый на два полушария, между которыми зажат телескоп.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЛУНЕ

есть концепт в форме груши.

Таким же образом,

КОНЦЕПТ СОЛНЦА

имеет форму яйца.

Луи-Филипп — король-луна.
Людовик XIV — король-яйцо.

Форму ГРУШИ имеют:
королевство,
Лига Наций,
буржуазия,
Гражданский кодекс,
целостность территорий,
знамя.

Форму ЯЙЦА имеют:
папа римский,
христос,
неизвестный солдат,
крещение,
обрезание,
ватикан.

Война есть концепт в форме ножа для обрезания сигар;

рассвет — в форме черепа (будильник, к примеру, держится на двух берцовых костях);

зонтик — в форме пишущей машинки.

Имеются также концепты в форме консервных банок с сардинами: ребусы, дома, языки мертвые, языки живые.

БЕСПОЛЕЗНО

углубляться еще дальше,
мне достаточно отворить ворота
будущим и зубастым исследователям
(ибо концепт исследования
имеет форму
ЗУБА).

Паника [*]

(Перевод В. Кислова)

«Вот ведь веселое занятие, да еще и в Вербное Воскресенье!» — ворчало неопрятное существо женского пола, подбирая собачьи какашки перед входной дверью; потом оно или она поплелось (лась) за тряпкой и водой, чтобы уничтожить последние следы сучьего издевательства. В это время в гостиницу вошел мужчина лет сорока.

— Я по поводу комнаты, — сказал он, вежливо поприветствовав подневольное создание, которое потащилось с докладом к г-же управляющей.

Та, почуяв крупную дичь, уже улыбалась входившему:

— Желаете снять комнату?

---

[*] Примечания: *

ПАНИКА (Panique). Рассказ написан и впервые опубликован в 1934 г. Включен в сборник «Сказки и присказки». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Да, мадам.

— Номер одноместный или двухместный?

— Одноместный. Я один.

— Надолго?

— Не меньше чем на три месяца.

Вот это уже интересно.

— У меня освобождается шестой на втором этаже и тридцатый на третьем.

— Мне нужна очень тихая комната.

— О, месье, у нас здесь очень тихо! Очень тихий район, и очень тихие постояльцы; семья из Бреста — люди очень приличные, монахиня...

— Вы действительно гарантируете спокойствие в вашей гостинице?

— Разумеется, месье.

Она даже усмехнулась, чтобы показать, насколько это очевидно, как будто очевидность смешна.

— Хотите посмотреть шестой и тридцатый?

И она повела его по лабиринту коридоров. Гостиница оказалась допотопным частным пансионом, основанным еще во времена Священного

Союза[*].

Из окон тридцатого (их насчитывалось два) можно было видеть двор, утыканный каштанами, на которых весна — по оценкам, поздняя — еще не раздула почки. Посетитель принюхался к легкому запаху плесени, пощупал подушки («перьевые», — отметил он низким голосом), бросил беглый взгляд в сторону туалетной комнаты, потрогал большим и указательным пальцем правой руки нижнюю губу. Он ничего не сказал по поводу комнаты и попросил показать другой номер.

Шестой был еще занят, но освобождался к вечеру. Проживающий в нем постоялец, похоже, потреблял ошеломляющее количество воды «Виттель». И еще одна любопытная особенность: окно в туалете выходило на улицу.

— Если шум машин вас беспокоит, вы можете закрыть дверь в туалет, — сказала хозяйка. — Очень удобно.

Посетитель молча огляделся. Кашлянул, открыл и закрыл окно. Потом пощупал подушки.

---

[*] Примечания: *

Священный Союз — политическое объединение в составе России, Австрии, Пруссии и Франции, созданное в 1815 г. в целях борьбы с революционным движением и сохранения равновесия сил в Европе. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

— Перьевые, — произнес он.

Хозяйка ничего не ответила, полагая, что подобное заявление оспариванию не подлежит.

— А их можно убрать? — спросил он.

— Убрать?

— Да, эти перья меня смущают. Нельзя ли убрать из моего номера эти подушки?

Г-жа управляющая абсолютно ничего не понимала в происходящем, но дело свое знала хорошо.

— Разумеется, месье. Разумеется, их уберут.

Он еще раз осмотрелся. Внимательно изучил туалет. Вернулся в комнату. И наконец решился:

— Я предпочитаю этот.

— Замечательный номер. Комната тихая, окна выходят во двор. Если будет мешать уличный шум, закройте дверь в туалет, и все. Очень удобно.

— Да, очень хорошо.

— Так вы останетесь на три месяца?

— Не меньше. Надеюсь, вы предоставите мне скидку.

Они продолжали обсуждать этот вопрос, спускаясь по лестнице. А дойдя до кабинета, окончательно договорились. Управляющая грузно опустилась на стул, тот жалобно застонал.

— Попрошу вас заполнить формуляр.

Он проделал это быстро, не задумываясь; видимо, привычка. Платить вперед отказался, предпочитая дождаться следующего дня. И вышел, глубоко раскланявшись с управляющей.

Заполненный формуляр не представлял никакого интереса. Г-жа управляющая присовокупила его к остальным; остаток дня она слушала Радио Тулузы.

Около семи часов постоялец появился снова. При этом он конфузливо улыбался:

— Я передумал. Если это вас не затруднит, я бы предпочел другую комнату, с окнами во двор.

— Вы правы; она, конечно же, поспокойнее.

— Я не хотел бы вас ставить в затруднительное положение.

— Это ничуть меня не затруднит. Сегодня вечером в нее должен был заехать брат полковника, так я дам ему шестой. Ему все равно, на одну-то ночь.

— А какой номер у комнаты, что со стороны двора?

— Тридцатый.

— Тридцатый. Очень хорошо.

— Как войдете, выключатель под зеркалом, справа.

Он поклонился и вышел.

— Эй, перенесите-ка чемодан из шестого в тридцатый.

Неряха горничная поволокла чемодан по запутанным коридорам.

— Ну вааааще, — высказалась она на обратном пути. — Булыжники у него там, что ли...

И отправилась хлебать причитающуюся ей похлебку.

К одиннадцати часам постоялец из тридцатого вернулся. Снял с доски свой ключ и поднялся в номер. Г-жа управляющая посмотрела на него, но ничего особенного не заметила. Она добралась до своей пустой — по причине вдовства — постели; грязнуля горничная докарабкалась до своей мансарды. Гостиница постепенно засыпала: брат полковника, монахиня, семья из Бреста.

* * *

Г-жа управляющая вставала в шесть тридцать; в семь, сидя за письменным столом, она уже читала газету. Этого промежутка времени хватало на ее туалетные надобности, труды по одеванию и весь комплекс мер по приему утренней пищи. В тот самый момент, когда она с дрожащим пенсне на носу смаковала заметку об убийстве консьерж-

ки в банях Плезанс, тихое, но все же решительное тук-тук прервало ее чтение. Это был постоялец из тридцатого.

— Здравствуйте, месье, — сказала она, растягивая рот в добротно сделанной улыбке.

— Приношу свои извинения, мадам, я уезжаю.

Рот мадам съехал набок.

— Уезжаете?

— Да, я не могу здесь оставаться.

— Вас беспокоил шум?

— Да нет, было очень тихо, очень тихо.

— Так в чем же дело? Что-то здесь не так. Если что-то случилось, так вы скажите.

— Ничего.

На какую-то секунду его лицо исказилось гримасой, после чего приняло свое обычное выражение.

— Значит, подушки! — воскликнула г-жа управляющая. — Забыли их убрать. Ну конечно же, из вашего номера забыли убрать подушки.

— Нет, мадам, их убрали.

— Тогда не понимаю. Я просто не понимаю. Вы же мне сами сказали, что останетесь на три месяца. И комната очень тихая, ведь так?

— Так. Очень тихая. Но я испытал некое ощущение. Понимаете? А когда испытываешь

ощущение...

Он сделал жест, который показался г-же управляющей начисто лишенным какого-либо смысла. В ответ она глупо и неловко улыбнулась.

— Сколько я вам должен? — спросил он.

— Одна ночь, тридцать франков.

Он молча вынул стофранковую купюру, потом забрал сдачу. Г-жа управляющая продолжала на него смотреть. Он повторил жест:

— Понимаете, я не могу остаться. Очень сожалею.

— Я тоже. До свидания, месье.

— Ну, вот...

Он резко подхватил свой чемодан, махнул на прощание шляпой и вышел. Помедлил. Ни одного такси. Он перешел улицу и скрылся за углом.

Замарашка горничная, натирающая мебель, воскликнула: «Ну, этот вааааще!»

— И не такое бывает, — сказала г-жа управляющая.

— Чокнутый какой-то.

— Наверняка психбольной. Даже лучше, что он уехал.

— Булыжники у него были в чемодане, — усмехнулось раболепное существо. — Булыжники!

Отлив таким образом свои размышления в

словесную форму, оно или она с еще большим усердием принялось (лась) натирать мебель, выполняя — старательно-бестолково — мудрые распоряжения г-жи управляющей.

На краю леса [*]

(Перевод А. Захаревич)

I

На краю леса два спутника расстались. Один пошел направо, другой взял курс налево, в направлении деревни. Деревья кончились, по обе стороны дороги выплыли поля, приблизились дома. Оставшийся в одиночестве странник прибыл с наступлением сумерек, и лампы зажглись в гостинице в тот момент, когда он входил в ресторанчик. Тут начался дождь; странник сел, положив на пол свой дорожный мешок.

Подошла служанка — справиться, чего он желает. Он думал о своем спутнике, растаявшем где-то в тучах. И ответил: вермут, пожалуй, а еще

---

[*] Примечания: *

НА КРАЮ ЛЕСА (A la limite de la forêt). Рассказ написан в 1940 г., впервые опубликован в 1947 г. в журнале «Фонтан». Театральная постановка осуществлена Аньес Капри в 1949 г. Включен в сборник «Сказки и присказки». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

хотелось бы комнату на ночь. Ну, это к хозяину, — сказали ему, — хозяин скоро придет, надо подождать, не волнуйтесь, будет вам комната.

Хозяин пришел, когда стакан оставался полон примерно наполовину. Служанка сидела в глубине комнаты и читала роман в крошечном переплете. Странник думал: где теперь его спутник? Вымок до нитки? Или укрылся в шалаше, в погребе, в хижине, в лачуге? Или петляет между каплями, умудряясь оставаться сухим? Тут хозяин спросил:

— Желаете комнату, месье?

— Да, на одну ночь.

— Нет ничего проще, турист в это время редок, можете выбрать самую хорошую.

— Несомненно, но вот... цена?

— Двадцать франков за комнату, месье, и я уже сказал: можете выбрать самую хорошую — какую летом я сдаю за пятьдесят. Займете ту, что больше понравится. Постоялец для меня, месье, это лицо, у которого все права, и я даже лучше скажу, месье, — изрек хозяин, — постояльца я сильно уважаю.

— Вы меня удивляете, — признался странник, — для вашей профессии это редкость.

— Месье, вы нашего брата не ругайте. Понятно, что таких, как я, раз-два и обчелся, и все же, месье,

солидарность...

— Я не хотел вас обидеть.

— И не обидите, поскольку, повторяю, постоялец для меня, так сказать, как бы это выразиться, ну, в общем, это святое.

— Черт побери, — сказал странник. И взглянул на хозяина.

Славный толстяк: лицо лоснящееся, румяное, рост внушительный. Он стоял, уперев руки в бока, гладя сквозь стены своих владений; он заполнял собой зал, но думал о чем-то запредельном. Хозяин сказал:

— Допустим, я не такой, как другие. — И улыбнулся.

— Допустим, — сказал странник, — я возьму лучшую комнату, за двадцать франков, чтобы сделать вам приятное.

— Вы здесь раньше не бывали? — спросил хозяин.

— Нет. До вчерашнего дня я не знал о существовании Сен-Сертен-сюр-Крэш[49]. Я направляюсь в Кугоньяк из Глоглотка.

— В это время года?

— Я беру отпуск именно в этот период. В Куго-

---

[49] Примечания: 49

Приблизительно это название можно перевести как Святой-Нектов-Яслях.

ньяке есть красивая церковь, верно?

— Так говорят, месье. Ну, я вас оставлю. Занимайте номер один. Гортензия, приготовьте для месье номер один.

И пробормотал:

— Странно, опять обознался.

Странник проводил его взглядом. Поскольку Гортензия мгновенно послушалась приказания, гость остался в одиночестве и долго-долго сидел перед стаканом, опорожняя его короткими глотками, а рядом хлестал в окно проливной дождь. Проехал автомобиль, разбрызгивая грязь. Еще один. И все, больше смотреть было не на что; пустую дорогу развозило на глазах у наблюдавшего.

Неизвестно, сколько это длилось, но вот вернулся хозяин с какой-то бумагой в руке и вежливо попросил странника заполнить формуляр, что и было сделано.

Странник, опять в одиночестве, продолжал смотреть то на дождь, то, обернувшись, на зал. Наступила ночь. Вернулась горничная. Она повернула два-три выключателя, и кафе осветилось. После чего девушка снова ушла.

Странник побыл в одиночестве еще некоторое время; вода звенящими крупицами бежала по

стеклу. Стакан был теперь пуст. Странник глядел по сторонам.

В какой-то неопределенный момент одну из дверей, ведущих в зал, толкнули; странник не заметил, чтобы кто-то вошел; он с любопытством перегнулся через стол и увидел, что вошедшим был пес.

Пес, явно беспородный, смахивающий на фокстерьера, с коричневатой шерстью, исследовал ножки двух-трех столов и стульев, два-три раза покружился на месте, втягивая воздух, а потом не без опаски, боком подошел к незнакомцу. Тот губами издавал короткие посвистывания — так ищут расположения животного; ну, а оно уверенным и ловким движением запрыгнуло на стул напротив странника и уселось.

Они посмотрели друг на друга.

— Что, мой песик, сахарку хочешь? — спросил странник.

— Я не *ваш* песик, — отозвался четвероногий. — Я не принадлежу никому, кроме самого себя. Я не домашний пес; если хозяин так думает, он глубоко заблуждается. Что до сахара, то я его люблю и не отказался бы съесть кусочек. Кстати, на комоде стоит полная сахарница; не хочу вас обидеть или побеспокоить, но вы проявили бы

большую любезность.

Первое мгновение странник сидел неподвижно и молча, однако на его лице не заметно было следов удивления или страха. Потом он встал, принес кусочек сахара и дал псу, а тот принялся его грызть.

Облизнув морду, пес сказал:

— Меня зовут Дино. Это моя кличка. Дино.

— Очень приятно, — сказал странник. А я Амедей[*] Губернатис, самый молодой депутат во Франции.

— Весьма польщен, — откликнулся пес. — У вас итальянские корни?

— Как и у многих порядочных французов, — ответил депутат.

— Не обижайтесь, пожалуйста, месье Амедей, — сказал пес, — я не расист[50], хотя по линии отца могу претендовать на солидную родословную.

Он улыбнулся и серьезно добавил:

— Вам здесь, наверное, скучно.

— Мне? Вовсе нет, — ответил Амедей. — Мне

---

[*] Примечания: *

Амедей — имя графов и герцогов Савойи, области на юге Франции, граничащей с Италией и связанной с ней исторически. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[50] Примечания: 50

Кено употребляет слово «raciste» («расист»), образованное от «race» со значениями и «раса», и «порода», и «происхождение».

вообще не бывает скучно.

— Только животным не бывает скучно, — отозвался пес, — или тем индивидам, которые недалеко ушли от естественного образа жизни. Но слышать это от депутата странно.

— У меня в голове всегда какой-нибудь проект, — сказал Амедей, — какой-нибудь план, соображение, закон, декрет.

— Вы, наверное, переутомляетесь, — сказал пес, качая головой.

— Что значит утомляться? Ведь я с тринадцати лет непрестанно работаю, от двенадцати до шестнадцати часов в день.

— Представишь — вздрогнешь, — признался пес. — Вас не затруднит, если я вас опять побеспокою и попрошу еще кусочек сахара?

— Охотно принесу, — ответил Амедей.

Зверь сгрыз сахар, беседа возобновилась.

— Зачем вы столько работаете? — спросил пес.

— Я специалист. Специалист по бюджетным и финансовым вопросам. Я доктор права, закончил факультет политнаук, у меня еще и степень по естествознанию. Таких, как я, не найти; это мое сильное место... одно из моих сильных мест.

— Э, да у вас честолюбие... — заметил пес, перестав облизывать морду.

— Честолюбие... честолюбие... не спешите с выводами... честолюбие.

— Вы думаете о благе народа? подчиненных?

— Безусловно. Ради них я и стал специалистом. В конце концов, не все могут быть такими же сведущими, как я: чтобы им лучше жилось, я сосредоточил в руках такие возможности. Это мое оружие в борьбе за их благо.

— Хм, — хмыкнул пес. — Хм.

— Можете называть это честолюбием, — согласился Амедей. — Сейчас я все равно в отпуске.

— Один?

— До нынешнего момента. Я расстался со своим спутником. Путешествую по этим местам пешком. Очень познавательно. А сколько впечатлений!

Пес зевнул и спрыгнул со стула. Описал два-три круга, обнюхал два-три предмета, толкнул вторую дверь и был таков, даже не соизволил попрощаться. Почти тотчас же в дверь вошла горничная и спросила у Губернатиса, не хочет ли он поужинать.

Он хотел бы поужинать.

Что?

Один постоялец, его и кормить-то нечем.

Но Губернатис в еде был неприхотлив.

Горничная расстелила перед ним скатерть, накрыла на стол и вскоре вернулась с супницей. Ужин состоял из супа, омлета, салата и фрукта. Все было проворно подано и не менее быстро съедено. Горничная слегка поприжималась к клиенту, но тот не проявил к ней ни малейшего интереса — по крайней мере, виду не показал. Не успел странник очистить яблоко, как вошел одноглазый старик в бархатных штанах.

— Гортензия, пикон, погорячее, — громко объявил он.

И взглянул на странника своим единственным глазищем.

— Ну что, скрипим, месье Бланди? — сказала служанка. — Скрипим себе, пока скрипится, старый сморчок.

Странник понял, что посетитель глухой. Служанка подала пикон с горячей водой, да так и осталась стоять, почесывая ягодицу.

— Неплохо поживаем, Гортензия, — заговорил одноглазый старик. — Ревмашка не отпускает. Ну, да это пустяки. Ерунда. Эх, какой дождь сегодня. Улитки повылезают.

Он взглянул на странника.

— Не для прогулок погодка, — заверил старик. — Не повезло вам нынче с погодой.

Странник не ответил, хотя фраза была явно обращена к нему.

— Грибы погниют, — продолжал одноглазый, — да и виноградникам плохо будет, это как пить дать. Г-грибочки были, да сгнили, виноградинки сбили г-градинки, вот что получится.

— Ах ты, старый сморчок, — улыбаясь, сказала Гортензия.

Она подтянула корсет, который впивался ей в ягодицы.

И продолжала стоять как истукан. Странник расправился с фруктом.

— Кофе?

— Нет, спасибо.

— Потом не уснуть будет, — встрял старик.

— Не лезь не в свое дело, старый пень, — сказала Гортензия; и пояснила страннику: — Это мой дядя. Он выжил из ума.

— Давай, давай, — отозвался одноглазый, который вовсе не был глухим. — Болтай. Если бы не ревмашка, я был бы как огурчик. Точно, как огурчик.

— Он у нас слегка тронутый, — сказала Гортензия. — Но, несмотря на возраст, еще пыхтит. Кое-кто думает, что он колдун. Он вправляет кости и заговаривает огонь. Знает, как называются

все растения и для чего они служат. Раньше даже поговаривали, что он вызывает души умерших.

— Басни, — сказал одноглазый.

— У него дома есть говорящая голова, которая рассказывает обо всем, что происходит в мире, — продолжала Гортензия, убирая со стола и между делом не пропуская ни одной возможности прижаться упругой грудью к плечу мужчины или потереться бедром о его руку, — ее никто не видел, только я, один раз, когда была маленькой, и конечно же перепугалась. Некоторые говорят, что это радио, ничего подобного — когда я была маленькой, радио еще не существовало, — вообще-то я не старая, месье, мне двадцать; ну, а мне говорят, что все почудилось. Но я видела эту голову, точно.

— Надо же, — сказал одноглазый.

— А еще у него есть шпионы — два ворона. Они летают повсюду, садятся на подоконники, подглядывают, а потом рассказывают все, что видели. Несколько раз местные ребята пытались их убить, но не тут-то было, все наоборот: пацаны то ранили себе что-нибудь, то ломали.

— Это точно, — сказал одноглазый.

Гортензия шевельнулась:

— В нашей семье он один такой.

Странник закурил трубку.

— Вы путешествуете пешком, месье, — сказал ему старик. — Это куда более познавательно, чем по ж-железке или на всяких там авто-мото. Можно увидеть то, чего не замечаешь на скорости, ведь так?

— Действительно.

— Здесь заночуете?

— Да.

— Приходите ко мне завтра утром, я покажу вам кое-что интересное. Вы ведь смыслите в цифрах, а? В этих, в ста-атистиках?

— Откуда вы знаете?

— Гортензия вам все рассказала: один из моих воронов видел, как вы шли и бормотали цифры — ни громко, ни шепотом.

Странник улыбнулся:

— Никак не могу избавиться от этой привычки.

— Приходите завтра, — продолжил одноглазый, поднявшись. — Пиконом угощает месье, — добавил он.

И вышел.

— Старый пень, — пробурчала Гортензия, — чокнутый, совсем чокнутый. Но говорящую голову я и правда видела, когда была маленькой.

Наступила тишина.

— Я провожу вас в комнату, — сказала Гортензия.

Странник хотел было пойти за ней, но тут вернулся хозяин:

— Хорошо поужинали, месье Губернатис? А ты можешь отправляться спать, когда закончишь с посудой. Хорошо поужинали, месье Губернатис? В это время года мне нелегко готовить, учитывая малое, я бы сказал, ничтожное количество клиентов, а также учитывая, что я не умею стряпать, — омлет не стряпня... У меня нет ни продуктов, ни поваров. И все-таки, хорошо поужинали, месье Губернатис?

— Вполне. Я не обжора.

— Ага, сказано с укором.

— Ну что вы. Я прекрасно поужинал.

— Омлетик удался?

— На славу.

— Хм.

Он рассматривал странника.

— Если верить тому, что написано в вашем формуляре, вы — месье Губернатис?

— Он самый. Вы в этом сомневаетесь?

— Нисколько. Депутат?

— Да.

— Ваш визит — честь для моего заведения, месье депутат. И... ну... кстати: вы здесь никогда не бывали?

— Никогда.

— Вы уверены?

— Несомненно. Абсолютно уверен.

— Никогда здесь не бывали?

— Никогда. Я же сказал.

— Даже во сне?

Губернатис задумался.

— Даже во сне, — ответил он.

И заметил:

— Странные расспросы.

Толстощекий малый, который расспрашивал посетителя с маской беспокойства на лице, вновь принял любезный вид.

— Простите меня, месье депутат, вы ведь простите? В этом отношении я того, чересчур... Готов рассказать вам одну историю, да-да, целую историю.

И он обратил к своему клиенту взгляд, в котором была слабая мольба — словно хотел, чтобы гость попросил его рассказать эту самую историю. Но тот, вероятно утомленный обилием историй (автобиографических), которые уже были рассказаны за вечер, просто ответил:

— Каждому есть что рассказать.

Это замечание, казалось, потрясло толстяка — его охватило возбуждение, близкое к маниакальному.

— Раз... — сказал он, — решите, месье депутат, позвольте, моя история не похожа ни на одну другую, нисколько. Начнем с того, что в ней нет ничего необычного, во-первых. А во-вторых, она не обычная.

В этот момент одна из дверей, ведущих в зал, неслышно открылась, и Губернатис увидел входящего пса. Несколько секунд животное побродило кругами, затем ловким и решительным прыжком взобралось на стул между хозяином и странником — и уселось.

— Это ваш пес? — спросил Амедей.

Хозяин посмотрел в ту сторону, где сидело животное, словно проверяя.

— Да. Его зовут Дино.

— У него тоже небось своя история, — сказал Губернатис.

Он взглянул на пса, но тот притворился, что не слышит, закрыл глаза и зевнул; затем вновь принял невозмутимый вид.

— Хорошенький песик, — рассеянно сказал хозяин. — Моя история, месье депутат...

— Расскажите же.

— Она проста, коротка, правдива. Слушайте. Меня зовут Рафаэль Денуэт. Мой отец занимался гостиничным делом, дед был поваром, месье депутат, а прадед даже написал книгу об оформлении стола. Так что, сами видите, мы представляем в некотором роде ремесленную аристократию. Я говорю это не для того, чтобы задеть ваши чувства, месье депутат, мне известно, что вы радикал-социалист. В общем, как уже сказано, родился я в профессиональной среде, в ней вырос и к ней же испытывал отвращение: я хотел стать мореплавателем. И даже пошел моряком в торговый флот. Но когда мой отец умер, я посчитал своим долгом вернуться к нашей профессии — ради того, чтобы скрасить старость моей матери, которая была горничной и уважала семейные традиции. И вот десять лет тому назад я поселился здесь. Мать умерла два года спустя. Я стал сиротой, прошу заметить. Я уже подхожу к моей истории. Я прожил здесь уже пять лет — то есть это случилось пять лет назад, обратите внимание, месье депутат, — и в один прекрасный день, очень похожий на этот, появился странник, который, как и вы, путешествовал пешком. Это был человек довольно высокого роста, не иначе как спортсмен, с очень

красивым лицом, месье депутат, а глаза — глаза — глаза светились ярко-ярко. Он просидел здесь час, пока не выпил бутыль красного вина. О чем он мне рассказывал — ведь я подсел к нему, чтобы побеседовать, — уже не помню. Совершенно не помню, — простонал он. — Прошло минут десять после его ухода, как вдруг я понял, что меня посетила... обезьяна.

— Обезьяна? — переспросил Губернатис.

Пес закрыл глаза и чуть свесил голову набок.

— Понимаю, что шокирую вас до глубины души, месье депутат, — сказал Денуэт.

— Да нет, что вы, — пробормотал Губернатис.

— Да, да, я знаю. Обезьяна! Обезьяна! И все же — да, обезьяна почтила меня визитом, и с тех пор я жду, что она вернется, и каждый гость мною в некотором роде почитаем, уважаем. Вот вы, месье депутат, вы, в частности, как и все прочие, разве не можете быть тем существом, которое должно сюда вернуться?

— Вы уверены, что она вернется?

Хозяин гостиницы улыбнулся без тени сомнения:

— Наверняка, месье депутат, наверняка.

Пес приоткрыл глаза.

— С одной стороны, — недоумевал Губернатис,

— вы будто бы точно знаете, как она выглядит, а с другой — готовы обнаружить ее в ком угодно. Я хочу сказать: вот я, например, по-моему, не имею никакого сходства с вашей обезьяной, однако вы расспрашивали меня так, словно я мог ею оказаться.

— В самом деле. Здесь нет противоречия, месье депутат: я п-просто думаю, что она может менять внешность, принимать любой облик.

— В таком случае, как вы ее узнаете?

— По признаку[51]. Любому.

— И вы совсем не помните, что она вам сказала?

— Совсем. С тех пор я много раз пытался вспомнить, но все впустую. Впустую.

Через паузу:

— Хотите выдержанного кальвадоса? Он у меня отменный. Пойду принесу.

И поспешил прочь.

Едва он оказался по другую сторону двери, пес сказал:

— Что вы думаете об истории хозяина?

— Ничего особенного. Я не привык к разговорам в таком духе. Я живу среди более точных

---

[51] Примечания: 51

Слова «обезьяна» (singe) и «знак» или «признак» (signe) во французском языке являются анаграммами.

понятий.

— Да, наш хозяин мечтатель, правда?

— Он мечтатель, я честолюбец, быстро вы навешиваете людям ярлыки, месье Дино. Сам-то вы кто такой?

— Пес.

Но тут вернулся хозяин, и Дино умолк.

Кальвадос был ядреный, и Губернатис несколько раз похвалил хозяина; хозяин же собрал похвалы без лишней гордости, но и без лишней скромности. На этот раз он молчал, как и его пес. Казалось, у него пропало всякое желание рассказывать истории.

На безлюдной улице послышались приближающиеся шаги, и вскоре дверь приоткрылась. Дино спрыгнул со стула и залаял. В проеме возникла голова — голова одноглазого старика.

— Ведь вы зайдете ко мне завтра утром, господин странник? — спросила голова.

— Непременно.

— Доброй ночи.

Голова исчезла, дверь закрылась. Дино успел вновь забраться на стул.

— Вы с ним уже познакомились? — спросил Денуэт.

— Он только что был здесь. Только вот кто он,

собственно, такой?

— Откуда мне знать? Кто вообще это знает? Одержимый старик, вот и все.

Пес искоса взглянул на странника и улыбнулся. Потом зевнул, спрыгнул со стула, уверенно направился к двери, толкнул створку и тоже исчез.

Над головой послышались шаги.

— Горничная готовит вам комнату, — сказал хозяин.

— Об этом одноглазом мне рассказывали удивительные вещи.

— Кто же?

— Ваша горничная.

Хозяин пожал плечами:

— Пф-ф, в этих краях все такие суеверные. Это россказни, порой довольно глупые. Кое-кто вам даже скажет, что мой пес умеет говорить.

Губернатис рассмеялся: да уж, надо такое придумать!

— Или может стать невидимым.

— В другие времена его бы сожгли, и вас вместе с ним.

— Меня? Меня? Месье депутат, я ни в чем не повинен. Какое отношение я имею к этим глупостям?

— Одноглазого старика тоже сожгли бы.

— Сумасшедшего? Он же сумасшедший!

— Теперь сумасшедших не тащат на костер.

— Нет.

Хозяин умолк и вновь онемел. Над головой стало тихо, стаканы опустели.

— Пойду-ка я спать, — сказал Губернатис, вставая. — Спасибо за чудесный кальвадос.

Он взял свой дорожный мешок.

— Комнату найдете? — спросил Денуэт, продолжая сидеть. — Прямо напротив лестницы. Номер один.

— Доброй ночи, месье Денуэт.

— Доброй ночи, месье депутат.

Встать он не пожелал.

Губернатис толкнул дверь; на лестнице еще горел свет; он заметил, что внизу на груде лохмотьев спит Дино. Гость тихонько поднялся, дерево скрипнуло, пес не проснулся.

Он вошел в комнату — в постели, разумеется, была Гортензия.

II

На следующее утро Амедей, свежий и бодрый, проснулся с первыми лучами солнца. Сделал гимнастику (ежедневную и методичную), умылся, привел себя в порядок. Затем спустился вниз — в

столовую; дорожный мешок его был готов, и сам он готов был отправляться.

— Месье желает чего-нибудь? — спросила Гортензия с порога кухни.

— Черный кофе, хлеб, масло, варенье.

За окном было деревенское утро: хлопотали какие-то люди, а также — лошади, машины, тележки, бороны; кошки, собаки; дети; все вели себя сдержанно, даже если что-то выкрикивали. Кофе с хлебом-маслом-вареньем был подан; Амедей выпил его с наслаждением и радостью, сначала сидя один, поскольку Гортензия, вся расхристанная после сна, убежала на кухню, а затем в компании Дино, который, едва закрылась дверь, вскочил на стул напротив постояльца. Странник предложил ему сахару.

— Охотно, — ответил пес и принялся хрустеть.

— Хорошее сегодня утро, — сказал Амедей.

— Неплохое, — отозвался пес, облизывая морду, еще мокрую от слюны.

— Хорошая погода будет мне в дорогу, — сказал Амедей.

— Погода может перемениться, — заметил пес.

— За полдня?

— Здесь она вечно меняется. Зайдите к дядюшке.

— Ах да, обязательно. Вообще-то я его не забыл.

— А Гортензия?

— Я ее выгнал. Она влезла ко мне в постель!

— И правда, выгнали. Она страшно обижена.

— Вы, верно, думаете, что я стану портить себе карьеру интрижкой со служанкой?

— Найдется немало политиков, у кого были любовницы... интрижки... приключения.

— Фу. Это не в моем духе. Мне себя упрекнуть не в чем ни с этой точки зрения, ни с точки зрения работы. В этом моя сила... одно из моих сильных мест; другое — моя ученость.

— Такая ли это сила? — спросил пес. — Насколько я знаю, в министрах вы не ходили.

— Погодите еще. И потом, если ты в чем-то силен, не обязательно кричать об этом на каждом углу.

— Уж не масон ли вы?

— Вот невидаль. Это действительно сила, но она чахнет. Впрочем, я в самом деле F. M.[52].

— Вам это помогло?

— Мало. Предпочитаю узнавать тайны других, нежели окружать таинственностью себя самого.

— Это несколько противоречит тому, что вы

---

[52] Примечания: 52

Начальные буквы французского слова franc-maçon.

только что говорили.

— Ничуть, ничуть. Подумайте сами.

Депутат приветливо взглянул на пса.

— Вы мне нравитесь, — сказал он, — и я с большим удовольствием увидел бы вас своим спутником. Я купил бы вас у месье Денуэта, если бы не боялся, что после этого вы перестанете говорить.

— Почему это вдруг?

— Так или иначе, я знаю, что собаки не умеют говорить. Наверняка под этим столом вставлены микрофоны, а мой настоящий собеседник находится в соседней комнате. Он слышит меня, отвечает мне. Кстати, пользуюсь возможностью сказать ему, что был бы рад познакомиться с ним в живом виде.

— Ну и ну! — сказал пес. — Вот вы какой, однако. Видите говорящего пса и не верите в это?

— Вас хорошо выдрессировали, только и всего.

— Хе-хе, а если я скажу, что у меня есть и другие таланты?

— Какие же?

— Например, я могу делаться невидимым.

— Покажите.

— Сперва расскажите, как было дело ночью с Гортензией.

— Очень просто. Я попросил ее уйти. Она решила, что я шучу. Но в конце концов поняла. Ушла. Мне было и вправду жаль так ее унижать, но что поделаешь... мой жребий...

— Да-да, — задумчиво произнес пес.

— Вам весьма небезразлична эта особа?

— Мы были с ней очень близки, — сказал пес, стыдливо пуская голову.

— А-а, — осторожно произнес Амедей.

Они замолчали.

— Как насчет невидимости? — спросил странник.

— Ах да, невидимость. Что ж, хотите длительно и постепенно или мгновенно и целиком?

— Ну, знаете...

— На ваш выбор.

— Скажем, длительно и постепенно.

Дино тотчас же спрыгнул со стула и начал описывать самый большой круг, какой только можно было очертить в комнате, не задев ни одного стула. Почти дойдя до исходной точки, пес изменил направление и описал другой круг, чуть меньшего радиуса, в то время как его собственные размеры пропорционально уменьшались, и, рисуя таким образом спираль, он в результате превратился в малюсенький собачий атом, вра-

щающийся с возрастающей скоростью вокруг оси симметрии намеченной геометрической фигуры; наконец этот вертящийся зародыш достиг бесконечно малого размера и исчез.

— Занятный фокус, — пробормотал странник. — Но я встречал фокусников и посильнее. Черт, снова я сам с собой разговариваю; отвратительная привычка, надо от нее избавляться.

Он положил свой заплечный мешок возле кассы, но не стал никого беспокоить и вышел. На улице приятная теплая влага стала пощипывать ему нос; в бодром расположении духа он отправился на поиски дома одноглазого дядюшки и вскоре нашел его.

Жуть зеленая [*]

(Перевод В. Кислова)

Среди прочих призраков отмечу
Певчего Дризда!
Ален[*]. «Читая Диккенса», стр. 41

---

[*] Примечания: *

ЖУТЬ ЗЕЛЕНАЯ (Une trouille verte). Рассказ написан и впервые опубликован в 1947 г. издательством «Минюи». Включен в сборник «Сказки и присказки». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Ален (настоящее имя — Эмиль Шартье; 1868–1951) — французский философ. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

С самого раннего возраста я постоянно опасался того, что может каким-то образом мне навредить; так, я боялся поочередно Бабы-Яги, восковых фигур в музеях Дюпюитрен, мест, кишащих машинами, хулиганов, цветочных горшков, падающих на голову, лестниц, гонореи, сифилиса, гестапо, управляемых ракет «Фау-2». И разумеется, наступивший мир не избавил меня от тревожных переживаний: ем я как-то вечером каштановое пюре и начинаю представлять себе, что я в джипе и водитель не успевает свернуть в сторону, и я вижу, как перед нами вырастает огромная колонна, и говорю себе: «Мы сейчас врежемся», и тут мы врезаемся, все меркнет; в полном мраке я говорю себе: «Я мертв», я говорю себе: «Значит, вот какая она, смерть», а потом просыпаюсь — живот чудовищно раздут и сильно бьется сердце. Я зажигаю свет, смотрю на часы — два часа, два часа ночи, еще рано, — встаю и иду писать. Так как горшком я не пользуюсь, приходится тащиться в туалет. Туда ведет длинный коридор. Я прохожу по нему, продолжая мысленно себя изводить: «А если то, а если се». Мне удается себя основательно взвинтить; пробравшись в сортир, я захлопываю за собой дверь и радуюсь, что здесь могу почувствовать себя в

родных стенах, за закрытой да еще и запертой дверью.

Писаю.

Спускаю воду.

Когда гигиеническое буль-буль умолкло, я учуял в коридоре презентативность небытия без амбиентности экзистенции, отчего моим зубам стало жарко, ногтям — холодно, просто ужас — повсеместное вставание волос дыбом. Подлый страх овладел моей душой; обхватив голову двумя руками, я уселся на стульчак и застонал от обиды на судьбу-злодейку. Презентативность небытия без амбиентности экзистенции была несомненно (непорочно зачатым) плодом моего воображения, увлекшего рассудок на самое дно глубочайшего засирания под воздействием каштанового пюре. Подобное объяснение, приемлемое с точки зрения различных измов, могло, разумеется, сполна удовлетворить мою склонность к философским наукам, но, увы! никак не могло помешать экзистенции небытийных амбиентностей презентативности, которые, изголодавшись по разврату и ушной сере, бродили по коридору и распухали от своей бесцельности и неуместного онанизма.

Прошел час.

Я чувствовал, как амбиенты, распухшие от небытия своей презентативной экзистенции, трутся о дверь клозета и растирают по ней свой омерзительный гной, выдавленный дверной ручкой, подобно тому как распятый лимон растекается цитрусово-кислой кашей по острию соковыжималки. Они вызывали во мне глубочайшее отвращение. Сидя на сортирном стульчаке, я стонал от обиды на судьбу; размывались слезами параллелепипедические очертания и пушисто-перьевая мяготь постели, в которой я, сновиденчески катаясь на джипе, расквасил себе рожу.

Я был бы и рад вновь оказаться в кровати, попытаться заснуть, но из-за бродящей по коридору амбиентности непрезентативной и внебытийной экзистенции никак не мог простым вращением на 180° придать дверному запору первоначальное положение и тем самым сделать первый шаг на пути к ложу, на котором я надеялся вновь задрыхнуть. Конечно, я пуглив — я уже говорил и признаю это снова, — но никогда не старался увильнуть от горькой прозы жизни, всегда смотрел ей прямо в глаза. Поскольку я уже третий час торчал в месте, называемом иногда и совсем по-детски укромным, ничего не оставалось, как

смириться и основать в нем поселение, в котором мне пришлось бы стать одновременно и Робинзоном и Пятницей; как и герой британского романа, получивший в дар от благосклонного моря и подданного Нептуна по имени Дефо сундуки с инструментальными сокровищами, я обнаружил в шкафчике первый элемент своей робинзонады, принявший форму ящика, прилично укомплектованного гвоздями, молотками, плоскогубцами, шурупами, скобами и ко всему прочему сантиметром в двенадцать дециметров длиной — археологическим свидетельством цивилизации, построенной на двенадцатеричной основе.

Но внебытийные презентативности амбиентной экзистенции продолжали бродить, распуская по коридору слюни — улиточные нюни, безвольные, слабо различимые, до-внеклеточные.

Пять часов пробулькало в водопроводной трубе, которая по странному стечению архитектурных ухищрений соединяла сливной бачок с соседскими курантами в стиле ампир.

Обнаруженный ящик с инструментами придал мне решительности. Я встал, писанул еще разок, спустил вышеупомянутую воду и приступил к забиванию в стену гвоздей, занятию в тот момент

для меня совершенно бесцельному. Таким образом и в свою очередь, я просто заявлял о своей амбиентной презентативности экзистентного небытия.

И так как, переев накануне каштанового пюре, поднявшись посреди ночи с явным желанием пописать и подойдя к двери, ведущей в коридор, я не без удивления отметил глухой стук молотка, производимый в сортире презентативным небытием экзистенциальной амбиентности, мне пришлось развернуться и, ужимая ягодицы, отправиться в спальные свояси.

Несколько общих замечаний относительно аэродинамических свойств сложения [*]

(Перевод А. Захаревич)

Сколько ни пытались доказать, что 2 + 2 = 4, никем при этом не принималась во внимание

---

[*] Примечания: *

НЕСКОЛЬКО
ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО АЭРОДИНАМИЧЕСКИХ СВОЙСТВ СЛОЖЕНИЯ (Quelques remarques sommaires relatives aux propriétés aérodynamiques de l'áddition). Рассказ написан и впервые опубликован в 1950 г. Включен в сборник «Сказки и присказки». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

скорость ветра.

А ведь сложение целых чисел возможно лишь в достаточно тихую погоду, чтобы поставленная первой цифра 2 находилась на месте, пока к ней не добавится плюс, вторая цифра 2, две перекладины (на них обычно садятся и думают) и, наконец, результат. После этого ветер не опасен, два и два уже дали четыре.

Но стоит подняться ветру, и первое число падает. Если на этом не остановиться, то же самое произойдет со вторым. Каково же будет тогда значение 2 + 2? Современная математика не в состоянии нам ответить.

Если ветер переходит в бурю, улетает первая цифра, затем плюс, и так далее. Но предположим, что после исчезновения плюса ветер стихает — в этом случае написанное свелось бы к абсурду: 2 = 4.

Ветер не только уносит, он может и приносить. Единица — число исключительно легкое, достаточно самого слабого ветерка, чтобы его переместить, так что оно может свалиться, например, на сложение, где ему делать совершенно нечего, а считающий этого даже и не заметит. Вот о чем шепнула интуиция русскому математику Достоевскому, когда он решился заявить, что

испытывает слабость к 2 + 2 = 5.

Правила десятичного исчисления доказывают также, что нашу аксиому более или менее бессознательно сформулировали индусы. Ноль легко катится, поддается малейшему дуновению. Его не учитывают, когда он стоит слева от числа: 02 = 2, поскольку ноль всегда вылетает до завершения действия. Значимым он становится только справа, — в этом случае предыдущие цифры удерживают его и не дают улететь. Вот почему 20 ≠ 2, если скорость ветра не превышает нескольких метров в секунду.

Теперь сделаем некоторые практические выводы из этих наблюдений; если активность воздушных сфер превышает норму, стоит придать примеру аэродинамическую форму. Рекомендуется также писать его справа налево и начинать как можно ближе к краю листа. Если пример начнет вдруг улетать, то его легко можно будет поймать, пока он не добрался до кромки. Даже буря в день равноденствия не окажет воздействия на такой результат:

СКАЗКА НА ВАШ ВКУС [*]

[*] Примечания: *

СКАЗКА НА ВАШ ВКУС (Un conte à votre façon). Написана и опубликована в 1967 г. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

(Перевод А. Миролюбовой)

Желаете ли вы услышать сказку о трех провор-

ных горошинках?

Если да, переходите к 4.

Если нет, переходите к 2.

2. Может быть, вы предпочитаете сказку о трех длинных и тощих жердях?

Если да, переходите к 16.

Если нет, переходите к 3.

3. А может, о трех заурядных, среднего роста кустиках?

Если да, переходите к 17.

Если нет, переходите к 21.

4. Жили-были три горошинки; они носили зеленые платьица и мирно спали у себя в стручке. Их круглые-круглые рожицы вдыхали озон в обе дырочки; раздавался приятный, мелодичный храп.

Если вы предпочитаете другую заставку, переходите к 9.

Если эта вас устраивает, переходите к 5.

5. Им ничего не снилось. В самом деле, эти крохотные существа никогда не видят снов.

Если вы предпочитаете, чтобы они видели сны, переходите к 6.

Если нет, переходите к 7.

6. Им снились сны. В самом деле, эти крохотные существа всегда видят сны, и ночи их овеяны прелестными грезами.

Если вы желаете узнать, каковы эти грезы, переходите к 11.

Если для вас не это главное, переходите к 7.

7. Они погружали свои крохотные ножки в теплые носочки и надевали в постель черные бархатные перчатки.

Если вы предпочитаете перчатки другого цвета, переходите к 8.

Если такой цвет вас устраивает, переходите к 10.

8. Они надевали в постель голубые бархатные перчатки.

Если вы предпочитаете перчатки другого цвета, вернитесь к 7.

Если такой цвет вас устраивает, переходите к 10.

9. Жили-были три горошинки; они день-деньской катались по проезжим трактам. Измученные и усталые, они засыпали, едва наступал вечер.

Если вы желаете знать, что случилось дальше, переходите к 5.

Если нет, переходите к 21.

10. Всем троим снилось одно и то же: в самом деле, они так нежно любили друг друга, что, как сиамские близнецы, всегда видели одни и те же сны.

Если вы желаете знать, какой они видели сон, переходите к 11.

Если нет, переходите к 12.

11. Им снилось, что они отправились в столовую за бесплатным супом и, открыв котелки, обнаружили там чечевичную похлебку. В ужасе они проснулись.

Если вы хотите знать, почему они проснулись в ужасе, справьтесь в словаре, что такое чечевица, и оставим этот разговор.

Если вы не считаете целесообразным углублять свои знания, переходите к 12.

12. «Ой-ой-ой! — закричали они, открыв глаза. — Ой-ой-ой! Что это пригрезилось нам!» — «Дурной знак, — сказала первая». — «Да-да, — сказала вторая, — да-да, конечно, вот мне уже и грустно». — «Не переживайте так, — сказала третья, самая смышленая, — главное осмыслить а не прочувствовать; короче, я вам это сейчас истолкую».

Если вы немедленно желаете знать токование этого сна, переходите к 15.

Если вы, напротив, жаждете узнать реакцию окружающих, переходите к 13.

13. «Глупости городить, — молвила первая. — С каких это пор ты толкуешь сны?» — «Да, с каких пор?» — включилась вторая.

Если вы желаете знать, с каких, переходите к 14.

Если нет, все равно переходите к 14, потому что в любом случае не узнаете.

14. «С каких пор?! — вскричала третья. — Откуда же мне знать! Но факт остается фактом — я это делаю. Вот поглядите!»

Если вы тоже хотите поглядеть, переходите к 15.

Если нет, все равно переходите к 15, потому что вы ничего не разглядите.

15. «Ну-ка, ну-ка! Поглядим», — промолвили сестры. — «Ваша ирония не нравится мне, — возразила третья, — и вы ничего не узнаете. И потом, разве несколько оживленный тон нашей беседы не смягчил чувства страха? Не уничтожил его? Так зачем же погрязать в трясине вашего бобового подсознания? Не лучше ли искупаться в источнике и поприветствовать это веселое утро в чистоте тела и священном восторге души?» Сказано — сделано: вот они скользнули из стручка, тихонько выкатились на землю и мелкой рысью весело двинулись к месту своих омовений.

Если вы желаете знать, что произошло на месте их омовений, переходите к 16.

Если вы этого не желаете, переходите к 21.

16. Три длинные жерди уставились на них.

Если три длинные жерди вам претят, переходите к 21.

Если они вам подходят, переходите к 18.

17. Три заурядных, среднего роста кустика уставились на них.

Если три заурядных, среднего роста кустика вам претят, переходите к 21.

Если они вам подходят, переходите к 18.

18. Убедившись, что на них выкатили зенки, три проворные горошинки, которые были крайне стыдливы, обратились в бегство.

Если вы хотите знать, что они сделали дальше, переходите к 19.

Если вы этого не желаете, переходите к 21.

19. Они быстро-быстро побеждай назад к стручку, залезли в него, закрылись изнутри и снова уснули.

Если вы хотите знать, что было дальше, переходите к 20.

Если вы этого не желаете, переходите к 21.

20. Дальше ничего не было, сказке конец.

21. Равным образом и в этом случае — конец сказке.

МИМОХОДОМ
(один плюс один акт в преддверии драмы) [*]
(Перевод В. Кислова)

Действующие лица
ИРЕНА
ЖОАШЕН
ПРОХОЖИЙ
НИЩАЯ
САБИНА
ЭТЬЕН
НИЩИЙ
ПРОХОЖАЯ

Переход в метро. На заднем плане у стены стоит нищая с протянутой рукой. Прохожий дает ей монету в двадцать сантимов.

НИЩАЯ *(раздраженно).* Молодец! Поделился объедками от щедрот своих.

---

[*] Примечания: *

МИМОХОДОМ (En passant). Пьеса написана и опубликована в 1943 г. издательством Барбеза «Арбалет», Лион, ограниченным тиражом в два экземпляра. Напечатана коммерческим тиражом в 1947 г. Первая театральная постановка — на сцене театра «Монпарнас» в 1947 г. Включена в сборник «Сказки и присказки». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ПРОХОЖИЙ. Извините! Я не хотел вас обидеть.

НИЩАЯ. Ничего страшного.

ПРОХОЖИЙ. Что ж вы хотите?! Я просто проходил мимо.

Он выходит, но вернется снова. Это будет все тот же прохожий — он просто сменит головной убор. В этот раз на нем была, допустим, фетровая шляпа.

Пауза.

Появляются женщина и мужчина с большим чемоданом.

ИРЕНА *(останавливается в изнеможении).* Как мне все это надоело!

ЖОАШЕН *(ставит чемодан).* Как меня все это достало!

ИРЕНА *(презрительно).* Что именно?

ЖОАШЕН. Я же тебе сказал: хватит с меня этого. Твой чемоданчик-пушинка весит двадцать кило, не меньше. Чем ты его набила?

ИРЕНА. Как будто все дело в этом!

ЖОАШЕН. А в чем тогда?

ИРЕНА. Это ты у меня спрашиваешь?

ЖОАШЕН. А у кого же еще?

ИРЕНА. Как я устала.

ЖОАШЕН. А я?

Появляется Прохожий. На нем треуголка служащего Банка Франции. Пройдя три четверти сцены, он останавливается.

ПРОХОЖИЙ *(любезно).* Ну и выпал же мне сегодня денек... но я просто проходил мимо.

Выходит.

ИРЕНА *(Жоашену).* Ты меня любишь?

ЖОАШЕН. Нашла место для подобных вопросов. Мне кажется, здесь сквозняк.

ИРЕНА *(очень серьезно).* Ты меня любишь?

ЖОАШЕН. Все-таки интересно, что ты туда напихала? *(Приподнимает чемодан.)* Я больше не могу. *(Ставит чемодан.)*

ИРЕНА *(еще серьезнее).* Ты меня любишь?

ЖОАШЕН. Да, конечно. Еще хорошо, что прочный, иначе все вывалилось бы наружу.

ИРЕНА. Я не уверена, что ты меня любишь.

ЖОАШЕН. Я даже рад, что ты потеряла тот, другой, ну, помнишь, саквояж из свиной кожи; тот я не смог бы даже тащить по земле.

ИРЕНА. Иногда я смотрю на тебя, и мне кажется, что я вижу сквозь тебя, как если бы тебя вообще больше не было.

ЖОАШЕН. Неудивительно. Например, в эту минуту у меня такое чувство, будто я совершенно

прозрачный. Усталость меня опустошила.

ИРЕНА. Ты меня не любишь.

ЖОАШЕН. Да люблю же, люблю. Только дай немного передохнуть, а то сил никаких нет.

Появляется Прохожий в цилиндре. Он торопится.

ПРОХОЖИЙ *(на ходу, Нищей).* На ходу даже в карман жилетки не попасть. В другой раз.

НИЩАЯ. Вы очень добры, мой господин.

ПРОХОЖИЙ. Понимаете, я просто проходил мимо.

Выходит.

Ирена тяжело вздыхает.

ЖОАШЕН. Ну? Тебе нехорошо? А мне каково? Придется поднапрячься, чтобы дотащить твой сундук.

ИРЕНА. Я хочу, чтобы ты меня выслушал. Я должна сказать тебе что-то очень важное.

ЖОАШЕН. Здесь?

ИРЕНА. Здесь.

ЖОАШЕН. Здесь? На сквозняке, между чемоданом и побирушкой?

ИРЕНА. Да.

ЖОАШЕН *(садится на чемодан).* Я тебя слу-

шаю.

ИРЕНА. Ты меня не любишь.

ЖОАШЕН. Это утверждение, вопрос или отрицание?

ИРЕНА. Ты меня не любишь. Это видно.

ЖОАШЕН *(вскакивает).* О, Господи! Это видно? И как же это видно?

ИРЕНА. Ты меня не любишь! Ты меня не любишь! Ты меня не любишь! *(Нервничает и вот-вот расплачется.)* Ты каменная глыба, истукан, пустозвон, ненужная кочерга, разбитая мостовая, исчерканная страница учебника по арифметике, все, что угодно, но только не влюбленный.

Появляется Прохожий в фуражке. Руки в карманах. Насвистывает модную песенку. Проходит мимо. Уходит.

ИРЕНА. Жизнь с тобой скучна до невозможности. Ты давишь на меня своей серостью, вокруг тебя все коченеет. *(Жоашен поднимает чемодан и с трудом подносит его к Нищей. Садится на него и внимательно слушает.)* Я умираю от холода! Я умираю от скуки! О! Любой другой мужчина сердечнее тебя! Отвечай же.

ЖОАШЕН. Что ты хочешь от меня услышать?

ИРЕНА. Чурбан. *(Пауза.)* Любой мужчина был

бы таким нежным, таким страстным...

ЖОАШЕН. Фантазии!

НИЩАЯ. Этого нам, женщинам, не занимать.

ЖОАШЕН. А вас не спрашивают.

ИРЕНА. Любой другой мужчина...

ЖОАШЕН *(хватается руками за голову).* С тобой, пожалуй, еще тяжелее, чем с чемоданом.

ИРЕНА. Любой другой мужчина...

Появляется Прохожий с непокрытой головой.

ИРЕНА. Эй!

Прохожий останавливается.

ИРЕНА. Прохожий!

Прохожий вопросительно показывает на себя пальцем. Ирена утвердительно кивает. Прохожий подходит.

ИРЕНА. Э-э... не подскажете, который час?

ПРОХОЖИЙ *(смотрит на наручные часы).* Четыре часа тридцать пять минут.

ЖОАШЕН *(сидя на чемодане).* Вы уверены?

ПРОХОЖИЙ *(к Ирене).* Ну да, самому не верится. *(Внимательно смотрит на часы.)* Но все же это так.

Ирена смотрит на часы.

ПРОХОЖИЙ. Да. Четыре часа тридцать пять минут.

ЖОАШЕН *(сидя на чемодане).* Это невозможно.

ПРОХОЖИЙ *(Ирене).* Вы так думаете?

ИРЕНА. Ваши часы, наверное, остановились.

Прохожий подносит часы к уху. Внимательно слушает.

НИЩАЯ. Тик-так, тик-так, тик-так.

ПРОХОЖИЙ. Кажется, идут.

ИРЕНА. Нет, это эхо.

ПРОХОЖИЙ. Вы так думаете? *(Вслушивается.)*

НИЩАЯ. Тик-так, тик-так, тик-так.

ИРЕНА. Вы же знаете... Точно так же, как мы видим свет звезд, погасших миллионы лет назад...

Прохожий вновь слушает свои часы.
Нищая замолкает.

ПРОХОЖИЙ. И правда. Они остановились.

ИРЕНА. Ну и ладно.

ПРОХОЖИЙ. Я могу спросить, который час, у этого господина.

ИРЕНА. Не надо. Это мой муж.

ПРОХОЖИЙ. И у него нет часов?

ИРЕНА. Есть.

ПРОХОЖИЙ. И они тоже не идут?

ИРЕНА. И знать не хочу.

ПРОХОЖИЙ. Вы не хотите, чтобы я у него спросил?

ИРЕНА. Прошу вас... не надо.

ПРОХОЖИЙ. Разрешите откланяться... Почел бы за счастье иметь возможность исполнить любое из ваших желаний и, бесконечно сожалея о невозможности предоставить запрошенные вами сведения, я прошу вас, Мадам, принять заверения в моем совершеннейшем почтении. *(Кланяется.)*

Ирена кланяется в ответ.

Прохожий делает вид, что собирается уходить.

ИРЕНА *(удерживает его).* Сударь!

ПРОХОЖИЙ *(тотчас возвращается).* Сударыня?

ИРЕНА. Эти часы...

ПРОХОЖИЙ. Да?..

ИРЕНА. Они такие красивые.

ПРОХОЖИЙ. Вы находите?

ИРЕНА. Даже элегантные.

ПРОХОЖИЙ. Они квадратные.

ИРЕНА. Шикарное не значит обязательно круглое.

ПРОХОЖИЙ. Я всегда думал что-то подобное.

ИРЕНА. Они у вас давно?

ПРОХОЖИЙ. Сейчас припомню... *(Припоминает.)* Уже порядочно... *(Припоминает.)* Так сразу и не сказать... Ну откуда мне знать?

ИРЕНА. Это подарок?

ПРОХОЖИЙ. Да.

ИРЕНА. Вашей жены?

ПРОХОЖИЙ. Нет.

ИРЕНА. Вы женаты?

ПРОХОЖИЙ *(Отступает на два шага, чтобы рассмотреть Ирену — особенно ноги. Ирена должна быть одета в очень короткую юбку. Оценил).* Нет.

Он подходит ближе. Пауза.

ИРЕНА. Подарок вашей подруги?

ПРОХОЖИЙ. Нет.

ИРЕНА *(с воодушевлением).* Семейная реликвия?

ПРОХОЖИЙ *(решительно).* Нет. Подарок моего массажиста.

ИРЕНА. Интересно, что за марка.

ПРОХОЖИЙ *(рассматривает часы).* Здесь написано: «Электра». Наверное, так и есть.

ИРЕНА. Швейцарские?

ПРОХОЖИЙ. Флажка не вижу.

ИРЕНА. Ну и ладно.

ПРОХОЖИЙ. А вам хочется, чтобы они были швейцарские?

ИРЕНА. Нет, вовсе нет.

ПРОХОЖИЙ. Они все равно не идут.

ИРЕНА. Может быть, вы забыли их завести?

Прохожий самозабвенно вращает головку часов.

НИЩАЯ. Есть люди, которые не любят, когда часы не идут.

ЖОАШЕН. Есть и такие, которые выходят из себя. Они доходят до того, что начинают от злости скрипеть зубами, и из-за этого сильно опаздывают.

ПРОХОЖИЙ *(устав крутить головку часов).* Кажется, механизм сломался. Впрочем, не помню, чтобы они когда-нибудь шли. Я на них никогда не смотрел. Если бы вы не обратили мое внимание...

ИРЕНА *(словно для поддержания светской беседы).* Все же от часов большая польза.

ПРОХОЖИЙ. Да. Они служат для измерения времени.

ИРЕНА. И это только все осложняет.

ПРОХОЖИЙ *(также светским тоном).* Говорят, есть такие часы, которые указывают дни, месяцы и даже годы.

НИЩАЯ *(Жоашену).* Я такие видела на барахолке.

ЖОАШЕН. В следующий раз возьмете меня с собой?

ИРЕНА *(Прохожему).* Если хотите, пойдем вместе. Там можно найти симпатичные вещички.

ПРОХОЖИЙ. И такие причудливые. Однажды я нашел там клочок бумаги. Да. Просто маленький клочок бумаги. И больше ничего. *(Задумчиво.)* Странно, не правда ли? *(Внезапно.)* Но... вы сказали «пойдем вместе»?

ИРЕНА. Да, я действительно сказала «пойдем вместе».

НИЩАЯ. Сегодня уже поздно.

ЖОАШЕН. Конечно.

ПРОХОЖИЙ. В таком случае нам нужно договориться о встрече?

ИРЕНА. Ну да.

ПРОХОЖИЙ *(кланяется).* Я был бы очень рад.

ИРЕНА. Обычно туда ходят в воскресенье.

ПРОХОЖИЙ. А сегодня какой день?

ИРЕНА. Четверг.

НИЩАЯ. Пятница.

ЖОАШЕН. Суббота.

ПРОХОЖИЙ *(глядя вверх).* Я недостаточно подкован по части астрономии... *(Оживляется.)* Вы любите смотреть на звезды?

ИРЕНА *(смущенно).* Да-а.

ПРОХОЖИЙ. Нам будет так хорошо вдвоем!

ИРЕНА. Иногда я смотрю на них так пристально, что у меня начинает кружиться голова, и тогда мне кажется, что я упаду в небо.

ПРОХОЖИЙ. А ведь оно — не что иное, как большая яма, овраг, пропасть, которых пруд пруди.

ИРЕНА. Но... вы сказали: «Нам будет так хорошо вдвоем»?

ПРОХОЖИЙ. Да, я действительно сказал: «Нам будет так хорошо вдвоем».

ИРЕНА *(мечтательно).* Нам...

ПРОХОЖИЙ. Да, нам.

ИРЕНА. Нам и звездам.

ПРОХОЖИЙ. Это уже слишком. Их очень много.

ИРЕНА. Сотни.

ПРОХОЖИЙ. Тысячи.

ЖОАШЕН. Миллионы.

НИЩАЯ. Миллиарды.

ИРЕНА. Вы так думаете?

ПРОХОЖИЙ. Так говорят специалисты. Но меня

больше интересует беспорядок их расположения.

ИРЕНА. Они разбросаны в пространстве, как игральные кости на зеленом сукне.

ПРОХОЖИЙ. И никто никогда не выигрывал.

НИЩАЯ. Так у них ничего не получится.

Пауза. Нищая толкает заснувшего Жоашена.

ЖОАШЕН. Ну, как они там?

НИЩАЯ. Немного запутались.

ЖОАШЕН. Уже?

ИРЕНА *(для поддержания беседы, которая вновь становится очень светской).* Сударь, вы играете в карты?

ПРОХОЖИЙ. Так себе! Иногда с удовольствием перекинусь в белот.

ИРЕНА. Я обожаю покер.

ПРОХОЖИЙ *(бессовестно привирает).* Я тоже.

ИРЕНА. Правда?

ПРОХОЖИЙ. Да. Готов поспорить, что вы любите жульничать.

ИРЕНА. Да.

ПРОХОЖИЙ. Нам будет очень хорошо вдвоем; я тоже люблю.

ЖОАШЕН. Подведем итоги: посещение барахолки утром, партейка в покер вечером, созерцание

звездного неба ночью, вот уже довольно плотное расписание. Но они еще не знают, что делать днем.

НИЩАЯ. Они могли бы прогуляться.

ИРЕНА. Если ему захочется.

ЖОАШЕН. Они могли бы сходить в кино.

ПРОХОЖИЙ. Если ей захочется.

ЖОАШЕН и НИЩАЯ *(вместе).* Так чего же им захочется?

ИРЕНА и ПРОХОЖИЙ *(вместе).* Прогуляться.

ИРЕНА. Да, да.

ПРОХОЖИЙ. Мы поедем в метро.

ИРЕНА. Воскресный день. Мы встретимся с родителями, которые едут показывать бабушек взгрустнувшим внукам.

ПРОХОЖИЙ. Мы поедем в первом классе. Плачу я.

ИРЕНА. Мы проедем все остановки. И выйдем на конечной.

ПРОХОЖИЙ. Там нам придется вернуться на землю. Мы выберемся на поверхность и оглядимся.

ИРЕНА. Что мы увидим? Пригородные бульвары… крепости…

ПРОХОЖИЙ. Трава растет на склоне… Граждане отдыхают… Расстегнув жилеты, они подставляют

солнцу животы.

ИРЕНА. Девушки носят огромные шиньоны и маленькие красные передники.

ПРОХОЖИЙ. От заставы отправляются дилижансы, запряженные горячими жеребцами.

ИРЕНА. А рядом — конвой из вооруженных всадников. Дороги небезопасны.

ПРОХОЖИЙ. Мы не сразу выберем дилижанс, раздумывая, садиться ли в голубой до Орлеана или в зеленый до Океана.

ИРЕНА. Мы поедем в зеленом. Радуясь отправлению, всадники гарцуют и стреляют из пистолетов в воздух.

ПРОХОЖИЙ. Справа и слева проносятся поля и деревни. Вскоре на дороге, что расстилается перед нами, не останется никого, кроме нас. Нас одних.

ИРЕНА. Доехав до песчаного берега, мы искупаем лошадей в морской воде.

ПРОХОЖИЙ. В лучах заката.

ИРЕНА. Если к берегу приблизится лодка, мы доплывем до нее безупречным кролем, и моряки подберут нас.

ПРОХОЖИЙ. Это будет большой трехмачтовый парусник, идущий к Антильским островам, с джаз-оркестром и изрядным количеством виски на борту.

ИРЕНА. Целыми днями мы будем лежать на корме между канатами, и когда летучие рыбы начнут падать на палубу, капитан, сидящий за маленьким столиком напротив нас, будет играть одну за другой бесконечные партии в лексикон, обильно приправляя ругательствами каждый проигрыш.

ПРОХОЖИЙ. С наступлением ночи чернокожие музыканты забарабанят по своим высушенным тыквам и задуют в свои медные трубы, и это будет продолжаться до тех пор, пока на горизонте не забрезжит рассвет, вытягивая из сумерек докрасна раскаленный шар.

ИРЕНА. Мы будем заплывать в страны, о которых раньше могли только мечтать, осматривать города необъятнее Парижа, проспекты, расцветающие пальмами пышнее крестного хода в Вербное Воскресенье, такси из серебра и метро из чистого золота.

ПРОХОЖИЙ. На улицах львицы будут пить из кропильниц, наполненных молоком[*], а на праздничных площадях змеи будут увиваться

---

[*] Примечания: *

На улицах львицы будут пить из кропильниц, наполненных молоком... — Перифраз строки стихотворения Виктора Гюго «Заснувший Вооз» (см. комм. "*В час, когда львы идут на водопой*"). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

вокруг зеркальных колонн.

ИРЕНА. Мы будем одни среди веселой пестрой толпы, оглашающей воздух громкими криками и звуками губных гармоник.

ПРОХОЖИЙ. С утра наши тела погрузятся в озеро счастья и к опускающемуся вечеру законсервируются, нетленно.

ИРЕНА. Мы будем рассказывать друг другу о детстве, из которого неминуемо всплывут далекие сны и грезы.

ПРОХОЖИЙ. Любой предмет будет незаметно казаться нам уже знакомым, любой жест — промахом, любое слово — оговоркой.

ИРЕНА. Наше будущее раскрошится у нас в руках, и мы останемся неизмеримо молодыми... молодыми... молодыми.

ПРОХОЖИЙ. Больше не будет ни летних вечеров, ни зимних утр, и наши заходы солнца будут неправдоподобно наступать в полдень.

ИРЕНА. Мы сохраним счастливые обрывки нашего прошлого и вновь будем переживать их: настойчиво, нескончаемо, навечно.

ПРОХОЖИЙ. Ты будешь моей крылатой сандалией, моим ковром-самолетом, моим волшебным словом.

ИРЕНА. Ты будешь моей высокой стеной без

афиш, моей набережной туманов[*], моим путешествием без возврата...

ПРОХОЖИЙ. Мы будем существовать вместе.

ИРЕНА. Мы существуем вместе.

ПРОХОЖИЙ *(заключает ее в объятия).* Я люблю тебя.

ИРЕНА. Я люблю тебя.

Раздается пронзительный вой сирены.

НИЩАЯ. Ага, лавочка закрывается.

ЖОАШЕН *(просыпается).* Что такое?

НИЩАЯ. Выметаемся.

ЖОАШЕН. Выметаемся?

НИЩАЯ. Последний поезд, бестолочь.

Она уходит. Снова вой сирены. Ирена и Прохожий смотрят друг другу в глаза. Они не двигаются. Жоашен встает, берет чемодан и отходит вправо. Зовет.

ЖОАШЕН. Ирена!

Тон очень естественный, ровный, без повелительных интонаций, как будто говорится что-то само собой разумеющееся.

---

[*] Примечания: *

...моей набережной туманов. — «Набережная туманов» — роман Пьера Мак-Орлана (1927), по которому был снят одноименный фильм Марселя Карне (1938). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

Ирена не двигается с места.

ЖОАШЕН. Ирена!

Ирена не двигается. Вой сирены.

ЖОАШЕН. Ирена! Ты слышишь? Последний поезд.

Она вздрагивает.

ИРЕНА. Что?

ЖОАШЕН. Говорю тебе, это последний поезд.

ИРЕНА. Ах! *(Прохожему.)* Сударь... *(Отстраняется.)* Сударь... Извините меня... но вы понимаете... *(Отдаляется от него.)* ...последний поезд.

Подходит к Жоашену. Они уходят вместе. Прохожий отходит в сторону.

ИРЕНА *(оборачивается и виновато разводит руками).* ...последний поезд...

ПРОХОЖИЙ *(с не меньшим сожалением тоже разводит руками).* ...Что я могу поделать? ...Я просто проходил мимо.

Они выходят со сцены в разные стороны.

ЗАНАВЕС

Тот же переход в метро.

На заднем плане у стены стоит нищий с протянутой рукой. Прохожая дает ему монету в один франк.

НИЩИЙ *(раздраженно).* Одна монета! И что, по-вашему, мне с ней делать? *(Возмущенно.)* Нет, ну скажите на милость, что мне делать с одной монетой!

ПРОХОЖАЯ *(робко).* Экономить.

НИЩИЙ. Хоть плачь от подобных софизмов!

ПРОХОЖАЯ. Извините меня, я просто проходила мимо.

Она выходит, но вернется снова. Это все та же прохожая — она просто сменила наряд. В этот раз на ней будет, допустим, какая-нибудь шляпка.

Появляются мужчина и женщина. Мужчина несет большой чемодан.

САБИНА. Ты не можешь идти чуть быстрее?

ЭТЬЕН *(ставит чемодан).* Что ты хочешь, чертовски тяжелый чемодан.

САБИНА *(презрительно).* Тяжелый? Легче пуха!

ЭТЬЕН. Хотел бы я на тебя посмотреть.

САБИНА. Как это, на меня посмотреть? Нести бремя — это ваша, мужская, обязанность.

ЭТЬЕН. Готов ее тебе уступить.

САБИНА *(иронично).* А тебя никто и не спрашивает. Ничего не поделаешь.

ЭТЬЕН *(задумчиво).* Да... Да... *(Беспристрастно.)* И все равно он тяжелый.

САБИНА. Дохлятина!

Появляется Прохожая. У нее на голове косынка очень яркой расцветки, красно-желтая. Пройдя три четверти сцены, она останавливается.

ПРОХОЖАЯ. Приключения отложим на завтра. Впрочем, я просто проходила мимо.

Выходит.

ЭТЬЕН *(Сабине).* Ты меня любишь?

САБИНА. Нашел место для подобных вопросов! Прямо на сквозняке!

ЭТЬЕН *(очень спокойно).* Ответить-то ты можешь. Ты меня любишь?

САБИНА. Ну? Несешь или нет? Ты что, еще не отдохнул?

ЭТЬЕН *(еще спокойнее).* Ты меня любишь?

САБИНА. Надо было взять второй чемодан.

ЭТЬЕН. Я не уверен, что ты меня любишь.

САБИНА. Какая я дура, что тебя послушалась. Надо было взять еще тот маленький, ну знаешь, саквояж из свиной кожи. В этот не все вещи по-

местились, и мне будет их так не хватать.

ЭТЬЕН. Иногда мне кажется, что я для тебя всего лишь тень, призрак.

САБИНА *(смеется).* Это точно! Мускулов не бывает только у призраков!

ЭТЬЕН. Ты меня не любишь.

САБИНА. Да люблю же, люблю. Ну сколько можно? Ладно, бери чемодан и вперед.

ЭТЬЕН *(поднимает чемодан и тут же роняет его).* Ну и тяжесть!

САБИНА *(поднимает руки к небу и топает ногой).* Ой, мама, мама! И сосватала же ты мне муженька!

Входит Прохожая. Одета великолепно, в меховой шубе. Торопится.

ПРОХОЖАЯ *(на ходу, Нищему).* На ходу даже не открыть сумочку. В следующий раз.

НИЩИЙ *(подобострастно).* Ну разумеется, Ваша Светлость, разумеется!

ПРОХОЖАЯ. Что я могу поделать? Я просто проходила мимо.

Выходит.

Этьен тяжело вздыхает.

САБИНА. Ну что еще? Тебе плохо? Только этого

не хватало для того, чтобы я выглядела полной дурой.

ЭТЬЕН. Я хочу, чтобы ты меня выслушала. Я должен сказать тебе что-то очень важное.

САБИНА. Здесь?

ЭТЬЕН. Здесь.

САБИНА. Прямо здесь? На сквозняке между чемоданом и попрошайкой?

ЭТЬЕН. Да.

САБИНА *(садится на чемодан).* Я тебя слушаю.

ЭТЬЕН. Ты меня не любишь.

САБИНА. Ты это говоришь, чтобы я рассмеялась или заплакала?

ЭТЬЕН. Я же вижу, что ты меня не любишь.

САБИНА. Вот простофиля! Как будто ты можешь видеть что-то еще, кроме того, что я тебе показываю!

ЭТЬЕН. Может быть. Я же вижу, что для тебя я значу еще меньше, чем маникюрные ножницы, спущенная петля на чулке, каблук туфли, адрес портного, неработающий лифт...

Напевая, сцену пересекает Прохожая. На этот раз она выглядит как бродяга.

ЭТЬЕН *(с отсутствующим видом).* В твоем присутствии я чувствую, как постепенно пре-

вращаюсь в подобие тумана, что-то вроде серой дымки, которая едва держится в воздухе и развеивается порывом ветра, в эдакое ничто.

САБИНА. Ты начинаешь действовать мне на нервы. Если ты не хочешь нести чемодан, давай понесу я. *(С трудом поднимает чемодан, делает несколько шагов.)* Я сама понесу.

Она вынуждена поставить чемодан на землю, возле Нищего.

Затем садится на него.

НИЩИЙ. Сударыня, если вы надеетесь, что я предложу вам свои услуги и потащу этот тяжелоемкий багаж, вы глубоко заблуждаетесь. Даже за значительное вознаграждение! *(С гордостью.)* Я, сударыня, нищий и работать не собираюсь!

САБИНА. С вами не разговаривают.

ЭТЬЕН *(вдаль).* Рядом с ней я умираю от холода, любовь, которую я недополучаю... Наша совместная жизнь... разве это любовь?

САБИНА *(Нищему).* Нет, вы только послушайте!

НИЩИЙ. Может быть, ему нездоровится?

ЭТЬЕН. ...любовь... любовь...

САБИНА. Когда на него находит, он становится таким болваном.

НИЩИЙ. А часто находит?

ЭТЬЕН. Любая другая женщина...
САБИНА. Хотела бы я на это посмотреть.
НИЩИЙ. Ревнуете?
ЭТЬЕН. Любая другая женщина.
САБИНА. Просто смешно.

Появляется Прохожая, с непокрытой головой, с развевающимися на ветру волосами.

ЭТЬЕН. Сударыня!

Она проходит, не останавливаясь.

ЭТЬЕН. Сударыня...

Она останавливается и оборачивается.

ЭТЬЕН. Сударыня...
ПРОХОЖАЯ. Сударь?
ЭТЬЕН. Сударыня... э-э... вы не скажите... какая сейчас погода?
ПРОХОЖАЯ. Первый раз в жизни ко мне вот так пристают.
ЭТЬЕН. Сударыня, умоляю вас, не судите обо мне превратно. Я действительно хотел узнать, какая сейчас погода.
ПРОХОЖАЯ. Ответить на ваш вопрос проще простого. *(Она открывает сумочку и достает плоский круглый предмет, чуть больше наручных*

часов. Смотрит.) 776 миллиметров ртутного столба. Ясно.

НИЩИЙ *(имитируя вой ветра).* Уууууууууууу... ууууууууу...

ЭТЬЕН. Слышите?

ПРОХОЖАЯ. Однако стрелка стоит на отметке «Ясно».

НИЩИЙ. Уууууууууууу... ууууууууууууу...

ЭТЬЕН. Ветер переходит в бурю.

ПРОХОЖАЯ. Может быть, испортился механизм?

НИЩИЙ. Уууууууууууу... УУУУУУУУУУУУ".

ЭТЬЕН *(поднимая голову).* Облака несутся по небосклону, как сломяголовые борзые.

НИЩИЙ. Уууууууууууу...

ПРОХОЖАЯ. Прошу прощения. Он сломан.

ЭТЬЕН. Ну и ладно.

ПРОХОЖАЯ. Вы могли бы спросить у этих людей.

ЭТЬЕН. У этого попрошайки?

НИЩИЙ. Попрошу без грубостей.

ПРОХОЖАЯ. А у этой дамы?

ЭТЬЕН. Бесполезно.

ПРОХОЖАЯ. Она не знает?

САБИНА. Нет.

ПРОХОЖАЯ. Тысяча извинений... Сударь,

поскольку я не в состоянии дать удовлетворительный ответ на вопрос, который вы изволили мне задать, я умоляю вас любезно разрешить мне удалиться. *(Делает реверанс.)*

ЭТЬЕН *(кланяется).* Сударыня...

Прохожая делает вид, что собирается уходить.

ЭТЬЕН *(окликает ее).* Сударыня...

ПРОХОЖАЯ *(тотчас возвращается).* Сударь?

ЭТЬЕН. Этот прибор...

ПРОХОЖАЯ. Да?

ЭТЬЕН. Это ведь барометр?

ПРОХОЖАЯ. Так точно.

ЭТЬЕН. Тогда... он показывает ту погоду, которая будет, а не ту, которая есть.

ПРОХОЖАЯ. Вы уверены?

ЭТЬЕН. Меня этому учили в школе.

ПРОХОЖАЯ. Но ведь вам наверняка объясняли, что узнать будущее невозможно...

ЭТЬЕН. Да. Во что же тогда верить?

ПРОХОЖАЯ *(безнадежно).* Даже не знаю.

ЭТЬЕН *(с настойчивостью).* Если ваш барометр показывает хорошую погоду в будущем, возможно, он не сломан?

ПРОХОЖАЯ *(вынимает из сумочки прибор).* 748

миллиметров. Дождь.

ЭТЬЕН *(торжествующе).* Видите?! А ведь никакого дождя нет! Значит, в эту минуту погода хорошая!

ПРОХОЖАЯ. Да, но... скоро пойдет дождь.

ЭТЬЕН. Не будем об этом думать.

САБИНА. Старая песня.

ЭТЬЕН *(оживляется).* Очень изящный предмет.

ПРОХОЖАЯ. Вы находите?

ЭТЬЕН. Да. Такой плоский. Интересно, как он работает?

ПРОХОЖАЯ. О! Очень простой и совершенный механизм.

ЭТЬЕН. Подарок?

ПРОХОЖАЯ. Да.

ЭТЬЕН. Э-э... от мужчины?

ПРОХОЖАЯ. Да.

ЭТЬЕН. Он... выше меня?

ПРОХОЖАЯ. Н-да.

ЭТЬЕН. ...Изящнее?

ПРОХОЖАЯ. Нн-да.

ЭТЬЕН. Красивее? Моложе? Богаче?

ПРОХОЖАЯ. Мнн-на.

ЭТЬЕН. Ах!

НИЩИЙ. На его месте я все же не терял бы надежды.

САБИНА. Еще не хватало, чтобы вы давали ему советы.

ПРОХОЖАЯ. Этот мужчина... видите ли, я его не видела уже два года и пять месяцев.

ЭТЬЕН. Вы по-прежнему его любите?

ПРОХОЖАЯ *(словно для поддержания светской беседы).* Цифры очень красивые, не правда ли?

ЭТЬЕН. Да, и буквы тоже.

ПРОХОЖАЯ. «Буря»... «Переменно»... «Ясно»... Если бы стрелка была закреплена, она бы никогда не перемещалась, но она все время крутится... в любое время... и в любую погоду.

ЭТЬЕН. Это вас огорчает?

ПРОХОЖАЯ. Немного.

ЭТЬЕН. Меня тоже.

САБИНА. А меня нет.

НИЩИЙ. А меня вся ваша пороша вообще не колышет.

ПРОХОЖАЯ *(очень по-светски).* Барометр, знаете ли, очень полезная вещь.

ЭТЬЕН. Да. *(Как ученик, отвечающий урок.)* Как мы только что отметили, он предсказывает погоду.

ПРОХОЖАЯ. И это все осложняет.

ЭТЬЕН. Вся эта мешанина кучевых облаков, антициклонов, изобар, куча мала! Попробуй раз-

берись во всем этом!

ПРОХОЖАЯ. Снег, солнечные лучи, радуга, туманы — какое разнообразие!

ЭТЬЕН. Мы еще не учитываем термометрический аспект вопроса.

ПРОХОЖАЯ. Сударь, вы интересуетесь метеорологией?

ЭТЬЕН. Немного. У меня имеется зонт.

ПРОХОЖАЯ. Говорят, есть барометры в виде домика, из которого выходит человечек с зонтиком, если будет дождь, и человечек в купальных трусиках, если будет солнечно.

НИЩИЙ. Я такие видел на барахолке.

САБИНА. В следующий раз возьмете меня с собой?

ЭТЬЕН *(Прохожей).* Если хотите, пойдем вместе. Там можно найти очаровательные вещицы.

ПРОХОЖАЯ. И такие забавные. Однажды я нашла там маленький кусочек какого-то предмета. И больше ничего. *(Задумчиво.)* Чудно, не правда ли? *(Внезапно.)* Но... Вы сказали «пойдем вместе»?

ЭТЬЕН. Да, я действительно сказал «пойдем вместе».

НИЩИЙ. Сегодня уже поздно.

САБИНА. И очень хорошо.

ПРОХОЖАЯ. В таком случае нам нужно договориться о встрече?

ЭТЬЕН. Я не осмеливаюсь...

ПРОХОЖАЯ. Ну отчего же...

ЭТЬЕН. Обычно туда ходят в воскресенье.

ПРОХОЖАЯ. И в хорошую погоду.

ЭТЬЕН. А какая погода нас ожидает?

НИЩИЙ. Отвратительная!

САБИНА. Мерзкая!

ПРОХОЖАЯ. Чудесная!

ЭТЬЕН. Великолепная!

НИЩИЙ. Если мне не верят, пусть посмотрят на свой барометр.

САБИНА. Совсем голову потеряли.

ЭТЬЕН *(глядя вдаль).* На горизонте — ни облачка. Значит, будем надеяться.

ПРОХОЖАЯ. Я верю.

ЭТЬЕН. Жаль, что я не страдаю ревматизмом, а то мог бы предсказать погоду.

ПРОХОЖАЯ. Это могут делать и лягушки.

ЭТЬЕН. Курицы в пыли.

ПРОХОЖАЯ. Ласточки в полете.

ЭТЬЕН. Перевернутые листья боярышника.

ПРОХОЖАЯ. Опущенные язычки на воротничке гриба-дождевика.

ЭТЬЕН. Закрывшиеся лепестки вьюнка.

ПРОХОЖАЯ. Сударь, вы любите ездить за город? Цветы, животные, природа?

ЭТЬЕН *(пылко).* Да.

САБИНА. Нагло врет.

ПРОХОЖАЯ. Нам будет так хорошо вдвоем.

ЭТЬЕН. Да... я люблю живность... большую и малую... деревья... вековые и карликовые... камни... скалы и булыжники...

ПРОХОЖАЯ. Я люблю сильные грозы на морском берегу... яркое солнечное сияние на горных вершинах...

ЭТЬЕН *(прерывая ее).* Но вы сказали: «Нам будет так хорошо вдвоем»?

ПРОХОЖАЯ. Да. Я действительно сказала: «Нам будет так хорошо вдвоем».

ЭТЬЕН *(мечтательно).* Нам...

ПРОХОЖАЯ. Да. Нам...

САБИНА *(пожимает плечами).* Им!

ЭТЬЕН. Да. Нам.

ПРОХОЖАЯ. Уедем.

ЭТЬЕН. Уедем вместе.

НИЩИЙ. Как-то они уж очень решительно.

САБИНА. Хотела бы я на это посмотреть.

ПРОХОЖАЯ. Мы выйдем на улицу и обретем друг друга ночью.

ЭТЬЕН. Будет луна, звезды... звезды крупнее,

чем обычно... ярче, чем обычно...

ПРОХОЖАЯ. Мы пойдем прямо.

ЭТЬЕН. Мы пересечем тихие предместья, отягченные нелегкими трудами, и на заре дойдем до опушки огромного леса.

ПРОХОЖАЯ. В кронах его гигантских черных деревьев вьют гнезда невиданные птицы.

ЭТЬЕН. Мы проникнем в глубь этого леса. Время от времени мы будем встречать там полчища кабанов, их преследуют исчезающие за стройными соснами охотники, которых мы не увидим больше никогда... мы встретим работающих дровосеков, которые годами не читали газет...

ПРОХОЖАЯ. ...или пастуха, который на большой поляне присматривает за своим стадом. Он-то уж знает, какая будет погода! А еще он знает, как заговаривать раны...

ЭТЬЕН. ...или доброжелательных и пугливых краснолицых карликов, которые разбегутся при нашем приближении.

ПРОХОЖАЯ. Мы будем держаться перелесков, где спят валуны и под сводами листьев дремлют тропинки.

ЭТЬЕН. Чтобы переходить бурные потоки, нам придется идти по мокрым булыжникам.

ПРОХОЖАЯ. Мы поднимемся по другому склону

долины, продираясь через кустарник и поросль.

ЭТЬЕН. Мы будем идти, не считая дней, иногда распевая...

ПРОХОЖАЯ. Но чаще — молча.

ЭТЬЕН. Однажды, на закате, мы ступим на посыпанную мелким песком тропу, по которой до нас еще никто не проходил.

ПРОХОЖАЯ. И вот пред нами появится...

ЭТЬЕН. Замок.

ПРОХОЖАЯ. Белый и зубчатый.

ЭТЬЕН. Подъемный мост опустится сам собой.

ПРОХОЖАЯ. Мы войдем внутрь.

ЭТЬЕН. Весь мир будет заключен в его бесчисленных залах, и там начнет протекать существование каждого из нас.

ПРОХОЖАЯ. Этот коридор — путь Солнца, по которому карабкается сороконожка его лучей, сливающиеся дороги наших жизней.

ЭТЬЕН. Эта прихожая — ледяной лемех мира, равнина и пустыня, связующая колыбель наших желаний.

ПРОХОЖАЯ. Эта гостиная — отдых людей, спокойствие предметов, ночь пространств, мир наших отношений.

ЭТЬЕН. Эта кухня — беспрестанное бурление океанов, поглощение планет, впитывание туман-

ностей, красная лава наших страстей.

ПРОХОЖАЯ. Это окно выходит на скопление кристаллов, а то — на превратности наших судеб.

ЭТЬЕН. Эта дверь — утренняя заря, та — корона.

ПРОХОЖАЯ. Мы станем хозяевами, одни посреди сумятицы атомов, и нас никогда не разлучат изощренные изгибы лабиринта.

ЭТЬЕН. Покоренный нами мир не сможет восстать против великолепия наших уз.

ПРОХОЖАЯ. Мы бережно пронесем наше двойное бытие через любое перевоплощение, любое становление.

ЭТЬЕН. Ты будешь моим неугасимым светочем, моей прекрасной тревогой, моим заколдованным дворцом.

ПРОХОЖАЯ. Ты будешь моей тысяча и второй ночью, моим зарождающимся днем, моим вечерним гостем.

ЭТЬЕН. Мы будем существовать вместе.

ПРОХОЖАЯ. Мы существуем вместе.

ЭТЬЕН *(заключая ее в объятия).* Я люблю тебя.

ПРОХОЖАЯ. Я люблю тебя.

Раздается пронзительная сирена.

НИЩИЙ. Ага! Лавочка закрывается.
САБИНА *(просыпается).* Кажется, я заснула.
НИЩИЙ. Выметаемся.
САБИНА. Выметаемся?
НИЩИЙ. Последний поезд, дуреха.

Он уходит. Снова сирена. Этьен и Прохожая смотрят друг другу в глаза. Они не двигаются. Сабина встает.

САБИНА *(сухо).* Этьен!

Этьен не двигается.

САБИНА. Этьен!

Этьен не двигается. Снова сирена.

САБИНА. Этьен, ты слышишь? Последний поезд!

Он вздрагивает.

ЭТЬЕН. Что?
САБИНА. Я тебе говорю, это последний поезд.
ЭТЬЕН. Ах! *(Прохожей.)* Сударыня... Сударыня... извините меня... но вы понимаете... *(Делает несколько шагов назад.)* ...последний поезд... *(Поднимает чемодан и уходит с Сабиной. Оборачивается и виновато разводит руками.)* ...последний

поезд.

ПРОХОЖАЯ *(с не меньшим сожалением тоже разводит руками).* Что я могу поделать? Я просто проходила мимо.

Расходятся.

ЗАНАВЕС

ПРИЛОЖЕНИЕ
(Перевод В. Кислова)

Р. Кено.
ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА [*]

Что такое потенциальная литература? Прежде всего, я бы сказал, что это то, чем занимается группа, основанная Франсуа Ле Лионнэ[*] три года назад[*]. Она насчитывает десять членов и носит название Цеха Потенциальной Литературы:

Цех, потому что подразумевается работа;

Литература, потому что речь идет о литературе;

Потенциальная — слово должно пониматься в

---

[*] Примечания: *

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА (Littérature potentielle). Текст доклада, который Кено сделал на Семинаре по количественной лингвистике М. Ж. Фавара 29 января 1964 г. Опубликован в сборнике «Палочки, цифры и буквы» («Bâtons, chiffres et lettres». P., Gallimard, 1965).

Подробнее о деятельности УЛИПО можно прочесть в статье: В. Кислов. «Улипо» // Митин журнал, СПб., 1997, № 54. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Ле Лионнэ Франсуа — французский математик, один из основателей УЛИПО, автор многих работ и статей, в частности: «Французская увертюра: e4-e6» в книге «Теория дебютов» (1932); антология «Приз за шахматную красоту» (1939); «Основные течения математической мысли» (1948); «Похвала фальсификации» (1955); «Метод в современной науке» (1958); монография «Шахматы» в коллекции «Что я знаю?»

(1972); «Шах и Мат: Марсель Дюшан, игрок в шахматы, и еще немного математики» (1977); «Математический словарь» (1979). В 1946 г. в журнале «Мессаж» публикует сонет без существительных, глаголов и прилагательных «Là, rien que la toute là» («Здесь, вся только здесь») и посвящает его Кено. В 1961 году в № 17 «Досье 'Патафизического Коллежа» были напечатаны его «Poèmes booléens» («Булевские стихи, пересечение и симметричная разница у Корнеля и Бребефа»). Написал послесловие к книге Кено «Сто тысяч миллиардов стихотворений» (1961). Автор первого и второго манифестов УЛИПО. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

...основанная три года назад. — Официальной датой рождения УЛИПО считается ноябрь 1960 г., местом рождения — коллоквиум «Декада Кено» в Серизи, на котором Кено прочел доклад «Новая защита и прославление французского языка». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

различных значениях, которые, как я надеюсь, будут раскрыты в этом докладе.

Сокращенно: УЛИПО.

Какова цель наших работ? Предлагать писателям новые «структуры» математического характера или выдумывать новые искусственные или механические приемы, помогающие литературной деятельности: если можно так выразиться, подпорки вдохновению или, в некотором смысле, помощь в творчестве.

Чем УЛИПО не является?

1. Это не движение и не литературная школа. Мы ставим себя по эту сторону эстетических ценностей, но это не означает, будто мы от них отмахиваемся.

2. Это и не научный семинар, не «серьезная» (в кавычках) исследовательская группа, хотя в нее входит преподаватель филологического факультета и преподаватель факультета точных наук. Поэтому я просто представлю присутствующим результаты нашей работы, не замахиваясь на большее.

3. И наконец, речь не идет об алеаторной (произвольной) или экспериментальной литературе (в том виде, в каком они практикуются, напри-

мер, группой Макса Бензе[*] из Штутгарта).

А теперь я скажу, чем УЛИПО является, или, скорее, чем, по нашему мнению, оно должно быть:

1. Наши исследования наивны (я употребляю здесь слово «наивный» в его околоматематическом смысле, как говорят о наивной теории множеств). Мы идем вперед, не теряя времени на оттачивание. Мы пытаемся обкатывать наши принципы по ходу дела.

2. Они носят кустарный характер — что совсем не принципиально. Мы сожалеем, что в нашем распоряжении нет вычислительных машин — это причина непрерывных ламентаций, звучащих на наших собраниях.

3. Они занимательны — по крайней мере, на наш взгляд. Некоторые находят их «тошнотворно скучными», но это не должно вас отпугнуть, поскольку вы пришли сюда не развлекаться.

Однако я хотел бы остановиться на определе-

---

[*] Примечания: *

Бензе Макс (1910–1990) — немецкий ученый и философ, один из основоположников «информационной эстетики», автор ряда работ, в частности четырехтомной «Эстетики» (1954–1960), «Теории текстов» (1962), «Семиотики» (1967). Исследовал возможности математического взгляда на музыку и литературу. Предлагал для обсуждения вопросов эстетики и формы математические параллели и терминологию. Подчеркивал техническую сторону творческого процесса, предложил понятие «методик творчества», интересовался генерацией текстов при помощи компьютера. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

нии «занимательный». Кому-то некоторые из наших работ могут показаться просто шутками или «игрой ума», наподобие «салонных игр».

Вспомним, что топология и теория чисел своим рождением отчасти обязаны тому, что некогда называлось «занимательной математикой» или «математическими утехами». В связи с этим я хотел бы отдать дань памяти Баше де Мезирьяка[*], автора «Занятных и увлекательных задач, что составляются из чисел» (появившихся в 1612 году, а не в 1613-м, как пишут в словаре «Ларусс»), одного из первых членов Французской академии. Вспомним также, что, как замечает Бурбаки в исторической справке к брошюре номер XXI об интегралах, теория вероятностей поначалу была всего лишь набором «забав». До работ фон Нейма-

[*] Примечания: *

Баше де Мезирьяк Клод-Гаспар (1581–1638) — французский литератор, эрудит, знавший иврит, греческий, латынь, итальянский, испанский и увлекавшийся математическими науками. Сочинял стихи на французском, латинском и итальянском языках. Пользовался таким уважением, что был принят во Французскую академию заочно (1635). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

на[*] это же относилось и к теории игр.

Поскольку у нас еще не появился свой Колмогоров[*], я попробую рассказать о наших забавах и привести несколько примеров. Мы уже определили около шести десятков вопросов, которые нас интересуют. Но в этом докладе я ограничусь специально сделанной подборкой. Прежде всего, расскажу об исследованиях, касающихся наших предшественников (поскольку они у нас есть).

Часть нашей деятельности связана с историей: она заключается в поисках чего-то подобного, имевшего место в прошлом. Это обширная тема, и я приведу лишь два примера.

Первый липограмматический — не улипограмматический! — от греч. λείπω «отсутствовать» и γράμμα «буква». Слово λιπογράμματος можно

---

[*] Примечания: *

Фон Нейман Джон (Янош) (1903–1957) — американский математик, автор работ, посвященных функциональному анализу и его приложениям в классической и квантовой механике. Нейману принадлежат исследования по математической логике и по теории топологических групп. Создатель математической теории игр, один из основоположников современной кибернетики. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Колмогоров Андрей Николаевич (1903–1987) — выдающийся советский математик. Мировая научная общественность признает его крупнейшим математиком своего времени. Автор новаторских работ по применению математических методов к анализу литературных произведений: занимался стиховедением (анализ метрики и ритмики, методика вычисления сложности рифмы), разработал теорию оценки

сложности литературного текста, исследовал распределение сложности между формой и содержанием. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

найти в словаре Байи[*].

Вот определение, данное Г. Пене[*] в «Забавной поэтике» [оно приведено в его книге «Филологические забавы, или Смесь из всех жанров» (опять слово «забава»), 2-е издание — 1825 год, 3-е издание — 1842]: «липограммагия — это искусство писать прозаические или поэтические произведения, не используя ту или иную букву алфавита».

Можно обходиться и без нескольких букв, но мы ограничимся случаем, где n = 1. Итак, мы запрещаем себе употреблять какую-то одну букву.

Разумеется, текст должен быть достаточно длинным для того, чтобы операция оказалась не слишком легкой.

Сам Г. Пене сочинил 26 катренов александрийским стихом — в первом из них он не употребляет букву A, во втором — букву B и т. д.

В III или IV веке Нестор из Ларанды написал липограмматическую «Илиаду»: в первой песне

---

[*] Примечания: *

Словарь Байи — греко-французский словарь Анатоля Байи (1894), переиздан издательством «Ашетт» в 1950 г. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Пене Г. (1767–1849) — французский литератор, один из основателей библиографического дела во Франции. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

нет буквы А и т. д. В VI веке Фульгенций[*] в книге «De aetatibus mundi et hominis» сделал то же самое «из наивного любопытства», как пишут в старом «Ларуссе» (мнение, которое мы совершенно не разделяем). Может показаться, что липограмматические тексты составлялись только компиляторами, или людьми ограниченными. Ничего подобного. Как и его учитель Ласос из Гермиона[*], Пиндар написал оду без S, а Лопе де Вега — пять новелл, первую без А, а остальные соответственно без E, I, O, U.

Неужели все это — лишь «наивная» литературная акробатика, как написано в «Ларуссе», лишь «безделица», как пишет Пене? Почему бы не сравнить это с действиями логиков, которые пробуют обойтись без того или иного логического знака и

---

[*] Примечания: *

Фульгенций Фабиус Плансиадес — латинский грамматик и мифолог, живший в VI в. Оставил после себя четыре трактата: «Expositio sermonum antiquorum» — толкование старых и малоупотребительных слов; «De aetatibus mundi et hominis» — переложение, с помощью жесткой формальной структуры, отдельных отрывков из Священного Писания и некоторых сюжетов из всемирной истории; «Mythologicarum», или «Mythologicon libri III» — аллегорическое объяснение языческой мифологии; «Virgiliana continentia» — аллегорическое объяснение «Энеиды» Вергилия и «Тебаиды» Стация. Часто Ф. отождествляют со св. Фульгенсом (468–533), епископом из Руспы (Африка), который оставил после себя догматический трактат «De fide». *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Ласос из Гермиона — греческий поэт и музыкант, живший во второй

половине VI в. до н. э. Его перу приписывается первое литературное произведение о музыке. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

испытывают огромное удовлетворение, когда им удается записать любое логическое выражение, пользуясь из всех операций одним лишь «штрихом Шеффера»[*]?

Если рассмотреть вопрос с более современной точки зрения, можно вычислить «липограмматическую сложность» текста как произведение частоты исключенной буквы на количество слов в данном тексте.

Естественно, если в тексте используются все буквы алфавита, его липограмматическая сложность равна нулю. Частота буквы W (в английском языке) = 0,02; сложность текста в 100 слов без буквы W равна 2. Частота буквы E = 0,13; сложность текста в 100 слов, в котором нет буквы E, равна 13.

Машинописная страница в 300 слов без буквы E имеет сложность 39. А как составить текст сложностью в 10413?

Именно таково достижение Эрнеста Винсента Райта, опубликовавшего в 1939 году роман «Гэд-

---

[*] Примечания: *

Записать любое логическое выражение, пользуясь из всех операций одним лишь «штрихом Шеффера». — Любое выражение, использующее различные операции булевой алгебры, можно выразить с помощью единственной логической операции (штриха Шеффера). Этот результат играет важную роль в проектировании ЭВМ, поскольку позволяет строить необходимые схемы, используя разные комбинации однотипных элементов. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

сби» объемом в 267 страниц, в котором он ни разу не употребил букву E (см. J. R. Pierce «Symbols, Signals and Noise», где приводятся и другие образцы липограмматических текстов). Мы еще не сумели раздобыть этот роман, но отрывок, который цитирует Пирс[*], не создает ощущения чрезмерной искусственности: «It is a story about a small town. It is not a gossipy yarn; nor is it a dry, monotonous account, full of such customary “fill-ins”, as “romantic moonlight casting murky shadows down a long, winding country road”. Nor will it say anything about tinklings lulling distant folds, robins carolling at twilight nor any “warm glow of lamplight” from a cabin window, No»[53].

Естественно, он не мог бы написать «Yes».

Во времена Кантора[*], разумеется, находились

---

[*] Примечания: *

Пирс. — Полное название книги американского инженера-исследователя Джона Робинсона Пирса — «Ап Introduction to Information Theory: Symbols, Signals and Noise» («Введение в теорию информации: символы, сигналы и шум», 1961). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[53] Примечания: 53

«Это история крохотного городка. Мы отказались как от праздных выдумок и болтовни, так и от скучных однообразных описаний, полных угрюмых штампов, ну помнишь: “полная луна украсила мрачными силуэтами уходящую в никуда дорогу”. Отказались и от огромных стад, сонно позвякивающих колокольчиками вдали, и от поющих в закатный час дроздов, и от “уютного абриса настольной лампы” за окном одного из домиков. Ни за что, никогда!» *(Приблиз. перевод с англ. А. Поповой.)*

[*] Примечания: *

Кантор Георг (1845–1918) — немецкий математик, профессор университета в Галле. Один из основателей теории множеств, автор важнейших результатов в области бесконечных множеств, повлиявших на развитие математики в целом. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

геометры, которые считали «детской забавой» Канторову кривую, заполняющую двумерный континуум, или Канторово триадическое множество. Подобно тому как Бурбаки[*] начал с занятий тератопологией[*], возможно, лингвисты смогут не без пользы чуть внимательнее изучить эти примеры потенциальной... предпотенциальной литературы. Интересно проверить, насколько далеко простираются (потенциальные) возможности языка.

Другой областью литературы, близко связанной с УЛИПО, являются стихотворения с фиксированной формой, которые следует отличать от стихотворений ограниченного размера, таких как эпиграмма или эпитафия, — различие, которого не делает Буало[*] во второй песне своего

---

[*] Примечания: *

Бурбаки. — В 1934 г. бывшие ученики высшей Нормальной школы, математики Анри Карту, Клод Шевалле, Жан Дельсарт, Жан Дьедонне и Андре Вей, основали математическое общество с целью изложения и систематизации различных математических теорий с позиций формального аксиоматического метода. Согласно установленным правилам, кандидаты отбирались по результатам голосования, а члены исключались в обязательном порядке в день своего 50-летия. За время существования общества было издано 45 монографий, подписанных вымышленным именем Никола Бурбаки. Коллективные труды: «Основы математики», 1939; «Основы истории математики», 1960). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Тератопология — иронический неологизм Кено. «Тера» — приставка,

обозначающая умножение в 10^{12} раз. Топология — раздел математики, изучающий наиболее общие свойства геометрических фигур, не изменяющиеся ни при каких обстоятельствах. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Буало (Буало-Депрео) Никола (1636–1711) — писатель и поэт, имитирующий Горация в своих стихах «Сатира» (1666) или нравоучительных поэмах «Эпистолы» (1669), один из литераторов, причастных к знаменитому «спору древних и новых» — полемике о сравнительных достоинствах писателей античности и века Людовика XIV, вылившейся в резкие дебаты между классиками и романтиками. Выразил литературные идеалы классицизма в своих самых известных книгах «Поэтическое искусство» (1674), а также «Аналой» (1674–1683). Вторая песнь «Поэтического искусства» посвящена правилам для малых жанров. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

«Поэтического искусства», хотя эта маленькая погрешность ничуть не умаляет достоинств одного из величайших шедевров французской литературы.

В стихотворениях ограниченного размера, например в мадригале, четко определены только количество строк и тема. Стихотворения с фиксированной формой подчиняются строгим правилам, относящимся к длине строк, порядку, чередованию и повторяемости рифм, слов и даже целых строк.

Самые известные среди них — триолет[*], вирелe[*], рондель[*], вилланель[*] и т. п. Почти все они вышли из обихода — поэтического обихода — за исключением сонета, который используется и в наши дни. Почему выжил только сонет? Это уже

---

[*] Примечания: *

Триолет — фиксированная поэтическая форма с рифмовкой по схеме АЬАААЬАЬ. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Вирелe — фиксированная поэтическая форма (XIII в.), часто рассматривается как балладная песня или одна из форм рондо. С формой вирелe связываются «Cantigas de Santa Maria» Альфонса ле Сажа, а также некоторые итальянские laudi XIII в. В XIV в. мастером жанра считался Гийом де Машо. В типичной структуре начальный рефрен вклинивается после двух рифмованных строк: R AA R BB R и т. д. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Рондель — фиксированная поэтическая форма (XIV в.), один из вариантов рондо. Первые примеры отмечены у Жана Ренара в «Романе Гийома

де Доль» (XIII в.). Может быть монодическим или полифоническим, светским и церковным, очень часто использовался в литургических драмах. Самая распространенная структура включает восемь стихотворных строк. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Вилланель — фиксированная поэтическая форма (XVI в.): последовательность терцетов с чередующимися рефренами, которые задает первый терцет; эти рефрены образуют две последние строки финального катрена. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

проблема литературной социологии или, скорее, проблема лингвистического и математического порядка, поскольку сонет оптимально удовлетворяет потребность поэта в строго определенной форме и отвечает его осознанным или неосознанным эстетическим потребностям.

Структура триолета не лишена изящества:

A

B

A’

A

A”

B’

A

B

Строка A повторяется трижды, строка B — дважды. Рифма *a* повторяется пять раз, рифма *b* — три раза:

Триолет, который, как мы видим, не зря получил такое название, возник в средние века. Парнасцы[*] пытались его возродить; в качестве примера обычно приводят триолет, написанный Альфонсом Доде. Среди современников — даже тех, кто интересуется фиксированными формами, — я не знаю никого, кто попробовал бы снова ввести его в обращение.

Разумеется, я пришел сюда не для того, чтобы заниматься восхвалением стихотворений с фиксированной формой; и мои намерения и интересы УЛИПО от этого далеки. Мне предстоит описать нечто, в чем заложены еще большие потенциальные возможности, чем в триолете и даже в сонете, устройство которого якобы всем известно. На самом же деле существует очень мало правильных сонетов. Сонет — «изобретение столь же ученое, сколь и занимательное», по

[*] Примечания: *

Парнасцы. — «Парнас» — литературная группа середины XIX в. во Франции (Ш. Леконт де Лиль, Т. де Банвиль, Ж.-М. де Эредиа, Сюлли Прюдом, Ф. Коппе), стоявшая на позициях «искусства для искусства» и проявлявшая особый интерес к вопросам формы. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

словам Дю Белле[*] (точно так же «занятны и увлекательны» задачи Баше де Мезирьяка), — требует выполнения *двух* правил; первое относится к чередованию рифм:

FMMF	MFFM
FMMF	MFFM
или	
M'M'F'	F'F'M'
M''F'M'	F''M'F''

второе запрещает повторять одинаковые слова. Но в сонете вовсе не обязательно использовать александрийский стих. (В скобках отмечу элементарное влияние арифметики: чтобы писать александрийским стихом, даже самому невосприимчивому к математике поэту приходится считать до двенадцати.) Да, сонет не обязан использовать александрийский стих, он может быть и моносиллабическим. Кстати, один из нас обнаружил, что сонет может быть «азиатским», поскольку читается сверху вниз как китайское

[*] Примечания: *

Дю Белле Жоашен (1522–1560) — поэт и теоретик, один из самых известных представителей поэтической школы «Плеяда», автор ее новаторского теоретического манифеста «Защита и прославление французского языка» (1549) и сборников «Олива», «Лирические стихи» (1550), «Древности Рима» (1558), «Сожаления», «Сельские забавы» (1558). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

письмо.

Вполне потенциальной кажется мне секстина. Она состоит из шести строф по шесть строк в каждой и одной полустрофы из трех строк, на которой я не буду останавливаться, чтобы не усложнять дело — это могло бы стать высшей школой потенциальной литературы.

Секстина пишется предпочтительно александрийским стихом.

Первая строфа состоит из шести строк, которые заканчиваются, например, на следующие рифмующиеся слова:

Feuillages	1
Soleil	2
Volages	3
Rivages	4
Vermeil	5
Sommeil	6

Я использую пример, приведенный Теодором

де Банвилем[*] в «Малом трактате о французской поэзии». Казалось бы, рифмы — довольно посредственны, чего нельзя сказать об их использовании. Каждая из пяти других строф построена с этими же рифмующимися словами, и каждый раз применяется одинаковая подстановка.

Вторая строфа:

Sommeil	6
Feuillages	1
Vermeil	5
Soleil	2
Rivages	4
Volages	3

и так далее, а седьмая строфа совпадает с первой. Нетрудно убедиться, что речь идет об элементе 6-й степени симметрической группы этой же степени, то есть порядка 720.

Считается, что секстину открыл Арнаут Да-

---

[*] Примечания: *

Банвиль Теодор де (1823–1891) — французский поэт, испытавший влияние В. Гюго, Альфреда де Мюссе и Теофиля Готье. Автор поэтических сборников «Экстравагантные оды», «Кариатиды», «Сталактиты» и целого ряда стихотворных и прозаических комедий. Его «Малый трактат о французской поэзии» посвящен стихотворной технике. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ниэль (1180?–1210)[*]. Ее использовал Петрарка (1304–1374). Она была возрождена графом Фердинандом де Грамоном (1815–1897)[*]; он переводил Петрарку (1842), а потом опубликовал свои секстины в сборнике «Песнь Прошлого» (1854), ставшем, по словам Теодора де Банвиля, библиографической редкостью, а также в «Олиме» (1882).

В краткой литературной истории Фердинанд де Грамон не может считаться неизвестным автором; он причастен к созданию юношеских произведений Бальзака, в частности, рассказа «Дон Хигадас» (1840), это он придумал гербы аристократов из «Человеческой комедии», целую геральдику, опубликованную Фернандом Лоттом год назад в книге, вышедшей в издательстве

---

[*] Примечания: *

Арнаут Даниэль (1180?–1210?) — известный провансальский поэт, трубадур, предпочитавший так называемую trobar clus («замкнутую манеру») — поэтический стиль, требующий сложной метрики и изощренной рифмовки. Среди почитателей таланта Арнаута Даниеля были Данте, Петрарка, а в XX в. — Э. Паунд и Т. С. Элиот. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Грамон Фердинанд де (1815–1897) — французский писатель и поэт. Автор прозаических, поэтических и критических произведений, в частности: «Сонеты» (1840), «Книга Иова» (стихотворное переложение, 1843), «Как происходит женитьба» (1852), «Песни прошлого» (1854), «Секстины» (с предисловием, где прослеживается история секстины в романских языках, 1872), «Песни и припевы детства» (1878), «Олим» (секстины и сонеты, 1882). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

«Гарнье».

Вернемся к секстине. Мы уже говорили о том, что она основана на последовательных степенях одной и той же подстановки.

$$\begin{array}{cccccc} 1 & 2 & 3 & 4 & 5 & 6 \\ 6 & 1 & 5 & 2 & 4 & 3 \\ 3 & 6 & 4 & 1 & 2 & 5 \\ 5 & 3 & 2 & 6 & 1 & 4 \\ 4 & 5 & 1 & 3 & 6 & 2 \\ 2 & 4 & 6 & 5 & 3 & 1 \\ \hline 1 & 2 & 3 & 4 & 5 & 6 \end{array}$$

Отметим также, что

$$E = \begin{array}{c} 134256 \\ 134256 \end{array} \qquad A^3 = \begin{array}{c} 134256 \\ 526314 \end{array}$$

$$A = \begin{array}{c} 134256 \\ 652143 \end{array} \qquad A^4 = \begin{array}{c} 134256 \\ 413562 \end{array}$$

$$A^2 = \begin{array}{c} 134256 \\ 341625 \end{array} \qquad A^5 = \begin{array}{c} 134256 \\ 265431 \end{array}$$

Таким образом, существуют две системы импримитивности. Значит, мы имеем дело с импри-

митивной подгруппой симметричной группы.

Имеется 36 возможных подстановок, дающих две группы импримитивности, а именно: 6 — 2-й степени, то есть должно было бы быть всего две строфы, 18 — 4-й степени и 12 — 6-й.

Таким образом, можно было предложить 12 типов секстин. Почему граф де Грамон использовал именно этот тип? Возможно, он представляет собой оптимальное решение. Питал ли граф де Грамон особенное пристрастие к математике? Этого я не знаю[54], и наверняка не узнает уже никто, поскольку архивы семьи Грамон пропали во время Второй мировой войны. Мы видим, что можно было бы также писать *октины*.

Например:

[54] Примечания: 54

Из каталога Национальной Библиотеки я узнал, что в 1867 году он опубликовал «Арифметику мадемуазель Лили». *(Прим. автора.)*

1347	2568
8652	1743
3471	8256
6528	3174
4713	6825
5286	4317
7134	5682
2865	7431
1347	2568

Но является ли это оптимальной подстановкой?

Мы видим, сколь обширное поле деятельности нам предлагается. Теория групп предоставляет бесконечную серию структур для стихотворений с фиксированной формой.

Я не могу покинуть область стихотворений с фиксированной формой, не упомянув о *пантуне*[*]. Эта форма малайского происхождения появляется в примечании к «Восточным моти-

[*] Примечания: *

Пантун был использован Бодлером в стихотворении «Harmonie du soir» («Вечерний покой») *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

вам» (1828)[*]. Говорят, что ее разрабатывали Шарль Асселино[*], Теодор де Банвиль и Сифер[*].

Пантун состоит из ad libitum[55] катренов (буквы обозначают целые строки, одна и та же буква с апострофом или без — одну и ту же рифму:

---

[*] Примечания: *

«Восточные мотивы» — сборник стихотворений В. Гюго (1828). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

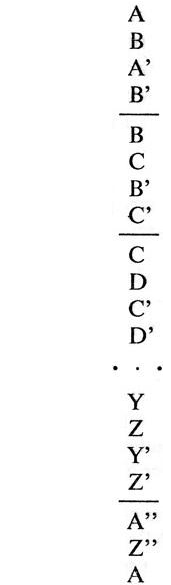
Асселино Франсуа-Александр-*Шарль* (1821–1874) — французский писатель, критик. Автор целого ряда работ, в частности: «История сонета» (1855), «Комментарии по истории литературы и искусства» (1855), «Ад библиофила» (1859), «Рай литераторов» (1861), «Избранное из романтической библиотеки» (1867), «Романтическая библиография» (1872), «Семь смертных грехов литературы» (1872). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Сифер Луиза (1845–1877) — французская поэтесса. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[55] Примечания: 55

Здесь: произвольного количества *(лат.)*.



Чтобы получить совершенный пантун, необходимо, чтобы «от начала и до конца поэмы движение в двух направлениях происходило параллельно», одно — в двух первых строках каждой строфы, другое — в двух последних. То есть А в конце поэмы обязано поменять семантическую область. И здесь существует указание на потенциальное многообразие.

Теперь перейдем непосредственно к самим ра-

ботам УЛИПО. Я выбрал три примера, из которых третий до некоторой степени покидает область потенциальной литературы и затрагивает количественную лингвистику — ради чего мы, в общем-то, здесь и собрались.

Эти три примера выбраны из сорока возможных; я могу лишь вскользь упомянуть антирифму[*], антерифму[*], пересечение романов[*], касание сонетов[*] и т. д. и ограничусь следующими примерами:

1) избыточность у Малларме,

2) метод S + 7 (принадлежит Жану Лескюру),

3) изоморфизмы (общую теорию разработал Франсуа Ле Лионнэ).

1. Избыточность у Малларме

Возьмем сонет Малларме[*]:

---

[*] Примечания: *

Антирифмы (Antirime; *неолог.*) — прием, предложенный Франсуа Ле Лионнэ, использует фонологический принцип определения фонем. Фонема (A') может считаться антифонемой A, если определяется с помощью различительных признаков и образует с фонемой A бинарную оппозицию. При использовании этого принципа в стихосложении должны сочетаться две строчки, одна из которых оканчивается какой-либо фонемой, а другая — ее антифонемой. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Антерифмы (Antérime; *неолог.*) — прием, предложенный Альбером-Мари Шмидт. Рифмуются не конечные, а начальные элементы стихотворных строк. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Пересечение романов — прием, предложенный Жаком Дюшато, заключается в том, чтобы в двух совершенно разных романах найти одинаковые слова и сочинить из них третий роман; иными словами, в двух отдельно взятых множествах определить элементы их пересечения и объединить эти элементы в третье множество. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Касание сонетов. — Имеется в виду метод Франсуа Ле Лионнэ «Стихотворные края», который использует лишь «контур» стихотворения: первую и последнюю строки, а также набор первых и последних букв каждой строки. Если в контурах двух стихотворений, полученных таким образом, находятся одинаковые слова, то считается, что у стихотворений есть точка касания — это и есть найденное одинаковое слово. Эти положения позволяют составлять и разрешать разнообразные геометрические задачи. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

[*] Примечания: *

Возьмем сонет Малларме... — Мы взяли перевод этого сонета Малларме (перевод Р. Дубровкина, «Несколько сонетов, II» из книги «Сочинения в стихах и прозе», изд-во «Радуга», М., 1995) и попытались его хоккуизировать. Наш результат не совпадает с результатом хоккуизации Кено, поскольку во французском оригинале и русском переводе рифмуются разные элементы. Ср. с дословным переводом сонета, хоккуизированного по-французски:

Сегодня
Пьян,
иней

не сошел!

Он
освобождается
где жить?
Тоска...

Агония
отвергает
взят,

предписывает
презрение
Лебедь.

*

Звенящий зимний день, взломав безмолвье льда,
Взмахнешь ли ты крылом, победно отметая
Забвенье озера, где цепенеет стая
Видений, чей отлет сковали холода!

Там лебедь царственный остался навсегда,
Он помнит, как его манила даль пустая,
Но жизни не воспел в пустыне, где, не тая,
Тверда под инеем бесплодная вода.

Он шеей отряхнет искристый этот холод:
Грозящий смертью свод отвергнут и расколот,
Но не расколот лед, где перья пленены.

Отныне обречен сиять прозрачной льдиной,
Застыл, закутанный в презрительные сны,
Изгнанник призрачный гордыни лебединой.

*

Льда
отметая,
стая.
Холода...
Навсегда —
пустая,
не тая,
вода.

Холод —
расколот.
Пленены

льдиной
сны
лебединой.

(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)

Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui
Va-t-il nous déchirer avec un coup d'aile ivre
Ce lac dur oublié que hante sous le givre
Le transparent glacier des vols qui n'ont pas fui!

Un cygne d'autrefois se souvient que c'est lui
Magnifique, mais qui sans espoir se délivre
Pour n'avoir pas chanté la région où vivre
Quand du sterile hiver a resplendi l'ennui.

Tout son col secouera cette blanche agonie
Par l'espace infligé à l'oiseau qui le nie,
Mais non l'horreur du sol où le plumage est pris.

Fantôme qu'à ce lieu son pur éclat assigne,
II s'immobilise au songe froid de mépris
Que vêt parmi l'exil inutile le Cygne[56].

Я осуществляю хоккуизацию этого сонета, то есть стираю его, сохраняя лишь рифмующиеся

[56] Примечания: 56
Здесь и далее: переводы исходных текстов и примеры трансформаций на русском материале даются в примечаниях.

элементы; иными словами, используя математический язык, я рассматриваю сужение сонета до его рифмующихся элементов. (От себя я добавил субъективную пунктуацию.)

Aujourd'hui
Ivre,
le givre
pas fui!

Lui
se délivre...
où vivre?
L'ennui...

Agonie
le nie,
pris,

assigne
mépris,
Le Cygne.

И что это дает? Во-первых, получается новое стихотворение, которое, право, недурно; когда вам предлагают хорошие стихи, не стоит жаловаться. Во-вторых, возникает ощущение, что

и в урезанном виде в стихотворении остается ничуть не меньше, чем в целом; вот почему я говорил об избыточности. В-третьих, даже не достигая этого кощунственного предела, можно, по крайней мере, сказать, что сужение по-новому освещает изначальное стихотворение; оно не лишено истолковывающего смысла и способно внести определенный вклад в интерпретацию произведения.

Возможно, следующий пример еще нагляднее[*]:

Ses purs ongles tres haut dédiant leur onyx
L'Angoisse,
ce minuit, soutient, lampadophore
Maint rêve vespéral brûlé par le Phénix

---

[*] Примечания: *

Возможно, следующий пример еще нагляднее... — Мы взяли русский перевод этого сонета Малларме (перевод М. Талова, «Несколько сонетов, IV» из книги «Сочинения в стихах и прозе», изд-во «Радуга», М., 1995) и точно так же, как в предыдущем случае, попытались его хоккуизировать. Дословный перевод сонета, хоккуизированного по-французски:

Ониксс?
Лампадофор...
Феникс?
Амфор

Ни один Птикс
звуковой
в Стиксе

не гордится.

Золото?
декор...
Никса

опять
застывает:
септуор.

*

Высоко освятив ногтей своих оникс,
Сей ночью держит Грусть с душой ламладофора
Сожженных Фениксом грез уйму — сардоникс:
Пеплохранилище, их не хранит амфора

На алтарях, в пустой гостиной: там — не птикс,
Игрушка звончатой тщеты, просвет фарфора
(Ведь жрец слез зачерпнуть твоих пошел, о Стикс,
С сосудом, чем Ничто гордится без зазора).

Окно вакантное — на Норд, но кругозор
Агонизирует, быть может, как décor
Ликорнов, прянувших из пламени на никсу,

На ту, усопшую, в зерцале ню, с тех пор
Как в мраке, взятом в кадр, подобно сардониксу,
Застыл в забвении мерцаний септуор.

*

Оникс
Лампадофора?
Сардоникс?
Амфора.

Не птикс
фарфора.
О, Стикс
без зазора!

Кругозор —
как décor
на никсу.

С тех пор
подобно сардониксу
септуор.

(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)

Que ne recueille pas de cincraire amphore

Sur les crédences, au salon vide: nul ptyx,
Aboli bibelot d'inanité sonore
(Car le Maître est allé puiser des pleurs au Styx
Aves ce seul objet dont le Néant s'honore).

Mais proche la croisée au nord vacante, un or
Agonise selon peut-être le décor
Des licornes ruant du feu contre une nixe,

Elle, défunte nue en le miroir, encor
Que, dans l'oubli fermé par le cadre, se fixe,
De scintillations sitôt le septuor.

Получаем:

Onyx?
Lampadophore...
Phénix?
Amphore...

Nul Ptyx
sonore
au Styx

s’honore.

Un or?
le décor...
Une Nixe

encor
se fixe
septuor...

Грусть оказывается лампадоносной, как и оникс; амфора имеет форму Феникса. И наконец, можно догадаться, что такое септуор[57], в котором большинство толкователей видят семь звезд Большой Медведицы, но возможно, это еще и семь редких рифм в этом сонете.

Не все стихотворения хоккуизируемы, не всякое стихотворение позволяет себя перерабатывать и обрабатывать подобным образом. Не всякое стихотворение способно устоять перед такого рода обработкой. Думаю, это нетрудно объяснить: у Малларме вообще, а в его сонетах особенно, каждая строка — это маленький мир, цельная единица, смысл которой, так сказать, концентрируется в рифмованном элементе, тогда

---

[57] Примечания: 57
Септет *(фр.)*.

как у Расина или Виктора Гюго, а еще больше у Мольера и Ламартина, смысл, так сказать, перебегает через рифмы и на них не задерживается; зацепить его там невозможно. Тем не менее сон Аталии[*] вполне можно хоккуизировать:

Nuit
montrée...
Parée
fierté...
Emprunté
visage:
outrage.
Moi,
toi:
redoutables,
épouvantables.
Se baisser,
embrasser,
mélange
fange:

---

[*] Примечания: *

Сон Аталии... — Имеется в виду отрывок из последней трагедии Расина «Аталия» («Гофолия», 1691). *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

affreux.

Отметим, что если хоккуизация — сужение, то расширение таких «хокку» — не что иное, как буриме.

2. Метод S + 7

Метод заключается в том, что берется текст и каждое существительное в нем заменяется на седьмое по счету существительное, которое следует за ним в словаре. Разумеется, результат зависит от используемого словаря. Естественно, что цифра 7 — произвольна. Само собой разумеется, что, если взять словарь, скажем, из двух тысяч существительных и использовать метод S + 2000, мы получим изначальный текст. Можно также использовать методы V (глагол) + *n*, Adj (прилаг.) + *p* и т. п. и их комбинировать; кроме того, *n*, *p* не обязательно должны быть константами.

В № 17 «Досье Патафизического Коллежа» можно найти примеры. Результаты не всегда интересны, но порой просто поразительны. Похоже, что только *хорошие* тексты дают хорошие результаты. Причина (качественной) связи между исходным текстом и окончательным текстом остается загадочной; вопрос — открытым.

Заметим, что если обратный хоккуизации

прием, — буриме, то противоположность S + 7 — криптография (по крайней мере, один из ее разделов): имея текст, обработанный этим методом, требуется восстановить оригинал.

3. Изоморфизмы

Взять какой-либо текст и составить из него другой, используя те же самые фонемы (изовокализм, или изоконсонантизм, а еще лучше, изофонизм и изосимфонизм) или ту же самую грамматическую схему (изосинтаксизм). Видно, что метод S + 7 — один из цифровых и лексикографических вариантов изосинтаксизма.

Вот пример изовокализма[*]:

Le liège, le titane et le sel aujourd'hui
Vont-ils nous repiquer avec un bout d'aine

---

[*] Примечания: *

Вот пример изовокализма... — Кено препарирует приведенный выше сонет Малларме (Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...). Грубый подстрочник этого хокку может выглядеть так:

И пробка, и титан, и соль задумают ли вновь сегодня
Колоть нас острием хмельного вертела,
Забыв, что сутенера чистого под инеем прельщает,
Покрякивая, гравий петухов, что не сбежали.

Мне обезьяна в охре и законе заявляет — это он,
Сатирик, что без помощи отвала смог освободиться,
Поскольку не воткнул туда, где столь ущербно жить,
Когда от дятла несерьезного донесся стук тоски,

Сей свин оттатуирует масштаб агонии великой,
Ответный перевал, порей, который отвергает это,
Но не запах тела, где створожилась кураре.

Великий полюс этот шест, прыжок свой твердый, подтверждает.
Он выгибает о ракитник, бонза статный, презирает,
Что помещает в стиль туманного сознанья Лебедь.

Чтобы попробовать изовокализм на русском материале, за исходный текст мы взяли русский перевод этого сонета. По примеру Кено мы сохранили последнее слово каждой строки неизменным.

Звенящий зимний день, взломав безмолвье льда,
Взмахнешь ли ты крылом, победно отметая
Забвенье озера, где цепенеет стая
Видений, чей отлет сковали холода!

Там лебедь царственный остался навсегда,
Он помнит, как его манила даль пустая,
Но жизни не воспел в пустыне, где, не тая,
Тверда под инеем бесплодная вода.

Он шеей отряхнет искристый этот холод:
Грозящий смертью свод отвергнут и расколот,
Но не расколот лед, где перья пленены.

Отныне обречен сиять прозрачной льдиной,

Застыл, закутанный в презрительные сны,
Изгнанник призрачный гордыни лебединой.

*

Смердящий рыхлый грех, прорвав бескровье льда,
Растешь ли ты штыком, военно отметая
Владенье прочерка, где мертвенеет стая
Лишений, чей ответ пронзали холода!

Там стержень дарственный ковался навсегда,
Он гробит — так его завила сталь пустая,
Но мысли не прочел, пусть ныне здесь, не тая,
Свежа, — под литием червонная вода.
Он в песне опрядет испитый этот холод,
Сквозящий речью плод повергнут и расколот,
Но не размолот бред, где звенья пленены.

Отныне отрезвлен зиять охранной льдиной,
Заплыл, напуганный, в стремительные сны
Исправник избранный добычи лебединой.

(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)

ivre

Ce mac pur oublié que tente sous le givre
Le cancanant gravier des coqs qui n'ont pas fui

Un singe d'ocre loi me soutient que c'est lui
Satirique qui sans versoir se délivre
Pour n'avoir pas planté la lésion où vivre
Quand du puéril pivert a retenti l'ennui

Tout ce pore tatouera cette grande agonie
Par l'escale intimée au poireau qui le nie
Mais non l'odeur du corps où le curare est pris

Grand pôle qu'a ce pieu son dur ébat assigne
II cintre, ô cytise, un bonze droit de mépris
Que met parmi le style obnubilé le Cygne

Исходный текст вновь заимствован у Малларме[58]: как мы видим, сонеты Малларме — отборный материал, наподобие дрозофил в генетике.

---

[58] Примечания: 58

За исходный текст Кено берет вышеприведенный сонет «Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...».

Я сохранил последнее слово, чтобы вызвать в памяти исходный текст; так первые кубисты иногда рисовали в углу своей картины, например, гвоздь-обманку.

От изосинтаксизма мы плавно переходим к тому, что я назвал (возможно, ошибочно) матричным анализом языка. Здесь мы покидаем область чистой потенциальной литературы и подступаем к границам количественной лингвистики.

Образование фразы можно сравнить с произведением двух матриц, элементами которых являлись бы слова: одни (левая матрица) оказываются формантами, другие (правая матрица) — означающими. Я полагаю, что такие понятия, как *фраза*, *формант* и *означающее*, не нуждаются в пояснениях. Под *фразой* я понимаю то, что принято заключать знаком пунктуации, содержащим по меньшей мере одну точку. *Означающие* — существительные, прилагательные и глаголы, а *форманты* — все остальные слова, включая различные формы глаголов *быть* и *иметь*[59]. Итак, слова французского языка делятся на два непересекающихся множества. Произведение двух словесных матриц дает матрицу фраз в

[59] Примечания: 59

Во французском языке глаголы *быть* и *иметь* могут выполнять служебную функцию при образовании прошедших времен.

соответствии с классическими правилами умножения матриц.

Пример:

Le chat a mangé le poisson	le rat a dévoré le fromage	le lion a dégusté le touriste
un chat a mangé un poisson	un rat a dévoré un fromage	un lion a dégusté un touriste
le chat avait mangé un poisson	le rat avait dévoré un fromage	le lion avait dégusté un touriste. [*]

Для того чтобы это «сработало», две матрицы (слева от знака равенства) должны соответствовать друг другу, а именно:

1. В левой матрице:

а) элементы 1-й и 3-й строки — артикли или притяжательные местоимения мужского рода в единственном числе;

б) элементы 2-й строки — формы глагола *avoir* в третьем лице единственного числа.

2. В правой матрице:

а) элементы 1-й и 3-й строки — существительные мужского рода[60] единственного числа,

---

[*] Примечания: *

Le chat a mangé le poisson... — Le — определенный артикль (известный предмет); un — неопределенный артикль (неизвестный, какой-то предмет, либо количественное прилагательное один); a — служебная форма глагола avoir (иметь) для образования прошедшего времени; avait — служебная форма глагола avoir для образования давно прошедшего времени. Chat — кошка, rat — крыса, lion — лев; mangé — причастие прошедшего времени глагола manger (есть), dévoré — причастие прошедшего времени глагола dévorer (пожирать), dégusté — причастие прошедшего времени глагола déguster (пробовать); poisson — рыба, fromage — сыр, touriste — турист. В результате матрица русских фраз выглядит так:

Кошка съела рыбу,

Одна кошка съела одну рыбу,

Кошка съела одну рыбу.

Крыса сожрала сыр,
Одна крыса сожрала одну головку сыра,
Крыса сожрала одну головку сыра.

Лев попробовал туриста,
Один лев попробовал одного туриста,
Лев попробовал одного туриста.

(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)

[60] Примечания: 60

Во французском языке существительные *кошка, крыса, рыба* — мужского рода.

начинающиеся с согласной.

б) элементы 2-й строки — причастия прошедшего времени мужского рода единственного числа переходных глаголов.

К элементам пункта 1*а* можно добавить *этот, некий, какой-то* и т. д. (это *и так далее* явно ограниченно). Зато правую матрицу можно наращивать вправо до бесконечности, добавляя триплеты, удовлетворяющие правилам 2*а* и 2*б*.

Для простоты рассмотрим в качестве примера произведение матрицы из одной строки на матрицу из одного столбца.

$$\begin{Vmatrix} \text{le} & \text{gastronome} & \text{a} \end{Vmatrix} \times \begin{Vmatrix} \text{a} & \text{le} \\ \text{dégusté} & \text{caviar} \end{Vmatrix} = \begin{Vmatrix} \text{le} \times \text{gastronome} + \\ \text{a} \times \text{dégusté} + \text{le} \times \text{caviar} \end{Vmatrix} \quad [61]$$

Видно, что это «срабатывает» только тогда, когда форманты и означающие регулярно чередуются.

Для того чтобы наше матричное вычисление было применимо ко всем случаям, добавим к набору формантов (соотв. означаемых) единичный элемент, обозначив его как 1*f* (соотв. 1*s*), или просто — 1, когда мы можем не опасаться возможной путаницы.

Пример:

---

[61] Примечания: 61

Gastronome — гастроном, dégusté — причастие прошедшего времени глагола déguster (пробовать), caviar — икра.

$$\left\| \begin{matrix} \text{le} & 1 & \text{le} \end{matrix} \right\| \quad \left\| \begin{matrix} \text{gastronome} \\ \text{déguste} \\ \text{caviar} \end{matrix} \right\| \quad = \text{le} \times \text{gastronome} + 1 \times \text{déguste} + \text{le} \times \text{caviar}$$

Следуя предложению Ле Лионнэ, назовем двусловом произведение формант × означающее, где любой из членов может быть равным 1 (но не оба сразу, чтобы избежать избыточности обозначения).

Добавление единичных «элементов» позволяет нам сформулировать теперь уже очевидную теорему: *В любой фразе столько же формантов, сколько и означающих.*

Мы назовем *g-схемой* результат первой абстракции, рассматривающей лишь грамматические функции каждого слова во фразе. Во второй абстракции (*схеме*) мы будем рассматривать только количество и чередование формантов и означающих.

Нижеследующий пример будет записываться так (для большего удобства в одну строку):

$$\left\| \mathrm{X} \quad 1 \quad \mathrm{X} \right\| \times \left\| \mathrm{XXX} \right\|$$

(Заметим, кстати, что эта запись аналогична, с одной стороны, образованию фраз в некоторых индейских языках, например в шинуке, где все

форманты помещаются в начале, с другой стороны «польской» системе обозначений в логике.)

Для того чтобы схема была правильной, следует: во-первых, как я уже говорил, чтобы две единицы не соответствовали друг другу; во-вторых, по этой же причине, чтобы у нас не получилось

$$\| \ldots\ldots x_n\ 1 \ldots\ldots \| \times \| \ldots\ldots 1\ y_n + 1 \ldots\ldots \|$$

Принимая эти правила правильного построения, мы можем определить количество возможных схем из и элементов (равное (n + 2)-му члену последовательности Фибоначчи) или и слов (равное 2 в степени n); некоторые простые формулы постоянств и вариаций; различные типы схем и их соотношения. Затем мы сравним их с конкретными литературными (и иными) текстами, что наверняка предоставит нам интересные стилистические указания, которые ускользают от сознательного намерения писца и зависят от многих скрытых параметров.

Я вынужден лишь упомянуть об этих и других вопросах (например, соответствует ли какой-то схеме отдельно взятая фраза и... что такое фраза?). И все же отмечу «потенциальный» характер

лингвистических критериев, ускользающих от сознания писателей. Вслед за Флобером они смогут избежать повторений и белых стихов (в латыни они хотя бы могли искать метрические клаузулы), следить (или нет) за длиной своих фраз и выбором лексики; не нарушать закон Эступа–Зипфа[*] и использовать тот или иной тип схемы в нужном процентном соотношении.

До сих пор этим не занимались. Возможно, мы изменим ситуацию. Я хотел бы закончить дидактическим заключением; поскольку уже нет надежды возродить школьное задание по переводу на латынь, это чудесное упражнение и связующее звено между сочинением на французском языке и задачей по геометрии, быть может, эту функцию возьмут на себя исследования УЛИПО в области потенциальной литературы.

Р. Барт.

---

[*] Примечания: *

Закон Эступа–Зипфа. — Выведен в 1949 г. Описывает структуру текстов. Позволяет оценить значимость слов в зависимости от частоты их встречаемости в конкретном тексте. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

ЗАЗИ И ЛИТЕРАТУРА [*]

Кено — не первый писатель, который борется с литературой. С тех пор как существует «Литература» (то есть очень недолго, если судить по дате возникновения этого термина), можно сказать, что функция писателя — с ней воевать. Специальность Кено в том, что он бьется врукопашную: все его творчество *слипается* с литературным мифом, его протест — отчужден, он питается своим предметом, но всегда оставляет ему достаточно плотности в предвкушении следующих трапез: благородное здание письменной формы по-прежнему стоит, но источенное червями, отмеченное тысячами облупившихся проплешин; в этой сдержанной деструкции вырабатывается нечто новое, двусмысленное, что-то вроде взвешенного состояния свойств формы: это похоже на красоту руин. В этом движении нет ничего мстительного, деятельность Кено, собственно говоря, не *саркастична*, она исходит не от чистой совести, а скорее от умышленного соучастия.

Это поразительная смежность (эта идентичность) литературы и ее противника очень хорошо

---

[*] Примечания: *

ЗАЗИ И ЛИТЕРАТУРА (Zazie et la littérature). Эссе опубликовано в журнале «Критик» в 1959 г. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

просматривается в «Зази». С точки зрения литературной архитектуры, «Зази» — это *хорошо сделанный* роман. В нем можно найти все «качества», которые критика любит выявлять и превозносить: построение классического типа, поскольку речь идет об ограниченном временном эпизоде (забастовка); длительность эпического типа, поскольку речь идет о пути следования, о последовательности остановок; объективность (история рассказывается с точки зрения Кено); подбор персонажей (главных и второстепенных героев, статистов); единство социальной среды и декораций (Париж); разнообразие и уравновешенность приемов повествования (рассказ и диалог). Здесь — вся техника французского романа от Стендаля до Золя. Отсюда и ощущение *узнаваемости* произведения, которое, возможно, причастно к его успеху, так как нет уверенности, что все читатели потребили этот хороший роман исключительно отстраненным образом: в «Зази» присутствует удовольствие не только беглого чтения, но и удовольствие от прочерченного расстояния.

Однако при всей изворотливой старательности, с которой в романе устанавливается эта позитивность, Кено, не разрушая открыто, дуб-

лирует ее подспудным небытием. Каждый раз, когда элемент традиционного мира *схватывается* (как говорят о сгущающейся жидкости), Кено его отпускает, он подвергает надежность романа разочарованию: бытие Литературы бесконечно *сворачивается*, как скисающее молоко; здесь любой предмет двулик, не реализован, выбелен тем лунным светом, который является основной темой разочарования и темой, присущей Кено. Событие никогда не отрицается, то есть утверждается, а затем опровергается; оно постоянно разделено, подобно лунному диску, которому мифология приписывает два антагонистических лика.

Элементами разочарования здесь оказываются те же самые элементы, которые составляли славу традиционной риторики. Прежде всего, это фигуры мысли, — бесчисленные формы двойственности: антифраза (уже само название книги, поскольку Зази ни разу не едет на метро), неуверенность (идет ли речь о Пантеоне или о Лионском вокзале, Доме Инвалидов или казармах Рейи, Сент-Шапель или здании Коммерческого суда), смешение противоположных ролей (Педро-Остаточник одновременно сатир и легавый), смешение возрастов (Зази *старела*, старче-

ское слово), смешение полов, удвоенное, в свою очередь, дополнительной загадкой, поскольку перверсия Габриеля не подтверждена, оговорка, оказывающаяся правдой (в конце Марселина становится Марселем), негативное определение (кафе с табачной лавкой не то, которое на углу), тавтология (легавого забирают другие легавые), насмешка (ребенок грубо обращается со взрослым, вмешивается дама) и т. д.

Все эти фигуры вписаны в ткань рассказа, но не отмечены. Разумеется, словесные фигуры, которые хорошо известны читателям Кено, осуществляют куда более зрелищное разрушение. Прежде всего, это фигуры построения, которые атакуют литературную драпировку непрерывным огнем пародии. Под него попадают все виды письма: эпическое («Гибралтар с седыми камнями»), гомерическое (крылатые слова), латынь («представ с печальным сыра служанка вернувшаяся»), средневековое («на третий этаж поднявшись, звонит в дверь невеста новобранная»), психологическое («взволнованный хозяин»), повествовательное («можно, сказал Габриель, было бы ему дать»); а также грамматические времена, предпочтительные носители романного мифа, эпическое настоящее («она смы-

вается») и прошедшее простое из классических романов («Габриель извлек из рукава шелковый носовой платок цвета сирени и промокнул им рубильник»). Эти же примеры довольно хорошо показывают, что у Кено пародия имеет особенную структуру; она не выставляет напоказ знание пародируемой модели; в ней нет никаких следов от той элитарно-университетской причастности к великой Культуре, которой, к примеру, отмечена пародия Жироду и которая является лишь ложно небрежной манерой выразить глубокое почтение латино-национальным достоинствам; здесь пародийное выражение оказывается *легким*, оно бьет мимоходом, это всего лишь отслоение чешуйки от старой литературной кожи. Это пародия, заминированная изнутри, скрывающая в самой своей структуре возмутительную неуместность. Она является не имитацией (пусть даже предельно утонченной), а деформацией, опасным равновесием между схожестью и искажением, вербальной темой культуры, чьи формы приведены в состояние постоянного разочарования.

Что касается фигур «дикции» («Дефчонкадаластрикача»), они заходят намного дальше простой натурализации французской орфографии. Бережливо используемая фонетическая тран-

скрипция везде носит агрессивный характер, она появляется лишь в сопровождении определенного барочного эффекта («Тоштотысказал»); прежде всего, она — захват рубежа, сакрального по определению: орфографического ритуала (хорошо известны его социальные причины — классовая преграда). Но демонстрируется и высмеивается вовсе не иррациональность графического кода, почти все усечения Кено имеют один и тот же смысл: на смену слову, помпезно закутанному в свое орфографическое платье, дать вырваться слову новому, несдержанному, естественному, то есть варварскому. Здесь под сомнение ставится французскость письма, благородный франсуэзский язык, нежная речь Франции вдруг разрывается на серию вокабул-апатридов, так что от нашей Великой Литературы, уже после взрыва, могла бы остаться лишь коллекция отдаленно руссейских или куакиютльских осколков[*] (и если это не так, то лишь благодаря доброй воле Кено). Впрочем, нельзя сказать, что фонетизм Кено является чисто разрушительным (бывает ли в литературе однозначное разрушение?): вся работа Кено над нашим языком пронизана навяз-

---

[*] Примечания: *

...куакиютльских осколков. — Куакиютль — индейское племя, жившее в британской Колумбии. *(Прим. И. Волевич, А. Поповой, В. Кислова.)*

чивым желанием, стремлением к *расчленению*; это техника, начальный приём которой — загадывание ребуса (le vulge homme Pecusse[62]), а функция — изучение структур, поскольку шифровать и дешифровывать суть две стороны одного и того же акта проникновения, как об этом еще до Кено свидетельствует, например, вся раблезианская философия.

Все это составляет арсенал, хорошо знакомый читателям Кено. Новый прием высмеивания, который часто отмечается, — мощная клаузула, которой Зази щедро (то есть тиранически) поражает бóльшую часть утверждений, высказываемых окружающими ее взрослыми («в жопу Наполеона»); фраза попугая («Ты говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь») принадлежит к той же технике сдувания. Но здесь сдувается не весь язык; в соответствии с самыми научными определениями логистики Зази очень хорошо различает язык-предмет от метаязыка. Язык-предмет — это язык, который обосновывается в самом действии, который *движет* вещами; это первый промежуточный язык, тот, на котором можно говорить, но который сам больше транс-

[62] Примечания: 62

Дословно: «вульгарный мужчина Пекюс»; каламбур с *лат.* vulgum pecus (простой народ, чернь).

формирует, чем выражает. Зази живет именно в этом языке-предмете, и как раз его она никогда не отстраняет и не высмеивает. То, что говорит Зази, это промежуточный контакт с реальностью: Зази *хочет* свою какукалу, свои блуджинсы, свое метро, она говорит в повелительном или желательном наклонении, и поэтому ее язык защищен от любой насмешки.

И из этого языка Зази время от времени выходит для того, чтобы пригвоздить своей убийственной клаузулой метаязык взрослых. Метаязык — это язык, на котором говорят не с вещами, а *насчет* вещей (или насчет первого языка). Это паразитирующий, неподвижный, нравоучительный язык, который сопровождает действие, как муха рыдван; императиву и оптативу языка-предмета он противопоставляет свое принципиально изъявительное наклонение, подобие нулевой отметки действия, предназначенное не изменять реальность, а ее представлять. Этот метаязык развивает вокруг буквы речи дополнительный смысл, этический, или жалобный, или сентиментальный, или наставнический и т. п.; короче, это пение: в нем мы узнаем саму суть Литературы.

Итак, зазическая клаузула очень точно метит в этот литературный метаязык. Для Кено Литерату-

ра — категория речи, а значит, и существования, которая затрагивает все человечество. Как мы видим, бóльшая часть романа — несомненно профессиональная игра. Однако затронутыми оказываются не изготовители романов; таксист, танцор-обольститель, бистро, сапожник, толпа на улице, весь этот *реальный* мир (реальность языка влечет за собой точную социальность) погружает свою речь в большие литературные формы, проживает свои отношения и свои цели по доверенности Литературы. В глазах Кено утопической литературностью языка обладает не «народ», а Зази (возможно, отсюда — глубокий смысл этой роли), то есть ирреальное, волшебное, фаустовское существо, поскольку оно судорожно сцепляет детство и зрелость: «Я — молода, я — вне мира взрослых» и «Я много пережила». Невинность Зази — не свежесть, не хрупкая девственность, — свойства, которые могли бы принадлежать лишь романтическому или созидающему метаязыку: она — отказ от напевного языка, наука языка переходного; Зази кружит в своем романе подобно ангелу-распорядителю, ее функция — гигиеническая, анти-мифическая: она призывает к порядку.

Зазическая клаузула заключает в себе все прие-

мы антимифа, когда он отказывается от прямого объяснения и предательски сам набивается в литературу. Она подобна финальному взрыву, который поражает мифическую фразу («Зази, если тебе и вправду интересно посмотреть настоящую могилу настоящего Наполеона, я тебя туда отведу. — В жопу Наполеона»), задним числом, одним движением руки лишает ее *чистой совести*. Нетрудно представить себе эту операцию в семиологических терминах: сдутая фраза состоит из двух языков: буквальный смысл (посетить могилу Наполеона) и мифический смысл (благородный тон); неожиданно Зази осуществляет расчленение *двух* видов речи, она относит за мифическую линию очевидность *коннотации*. Но ее оружие не что иное, как вывих, которому литература подвергает ухваченную букву; своей непочтительной клаузулой Зази лишь коннотирует то, что уже и так было коннотацией; она *имеет* Литературу (в жаргонном смысле) точно так же, как Литература *имеет* воспеваемую ею реальность.

Здесь мы затрагиваем то, что можно было бы назвать неискренностью насмешки, которая сама есть не что иное, как ответ на неискренность серьезности: по очереди, одно обездвиживает

другое, *имеет* его, но так никогда и не добивается решающей победы: насмешка опустошает серьезность, зато серьезность *воспринимает* насмешку. По отношению к этой дилемме «Зази в метро» — настоящее произведение-свидетель: по своему призванию оно ставит серьезное и комичное спиной к спине. Вот чем объясняется смущение критиков перед этим произведением: одни серьезно увидели в нем серьезное произведение, предназначенное для экзегетической дешифровки; другие, находя первых гротескными, декретировали абсолютную ничтожность романа («здесь даже нечего сказать»); и наконец, третьи, не увидев в произведении ни комичного, ни серьезного, заявили, что *не поняли*. Но цель произведения как раз в том, чтобы разрушить любой диалог на его тему, раскрывая через абсурдность неуловимую природу языка. Между Кено, серьезностью и насмешкой над серьезностью существует одно и то же ловящее и увиливающее движение, которое регулирует очень известную игру — модель любой разговорной диалектики, — где бумага обворачивает камень, камень тупит ножницы, ножницы режут бумагу: кто-то всегда побивает другого — при условии, что и тот и другой являются мобильны-

ми терминами, формами. Антиязык никогда не бывает безапелляционным.

Зази — настоящий утопический персонаж, в той степени, в которой она сама представляет торжествующий антиязык: *никто ей не отвечает*. Но тем самым Зази оказывается вне человечества (персонаж создает определенную «неловкость»): в ней нет ничего от «маленькой девочки», ее молодость — это скорее форма абстракции, которая позволяет ей судить любой язык, не скрывая своей психологии[63]; она — точка, поставленная определенным образом, горизонт антиязыка, который может призвать к порядку вполне искренне: вне метаязыка ее функция заключается в том, чтобы показать нам одновременно опасность и фатальность. Это абстрагирование персонажа имеет основополагающее значение: роль — ирреальна, расплывчато позитивна, она есть в большей степени выражение отсылки, чем голос мудрости. Это означает, что для Кено процесс языка всегда двусмыслен, никогда не завершен, и что сам он выступает в нем не судьей,

[63] Примечания: 63

У Зази есть всего лишь одно мифическое слово: «Я старела». Это слово — финальное. *(Прим. автора.)*

а одной из сторон, нет чистой совести Кено[64]: речь идет не о том, чтобы преподать Литературе урок, а о том, чтобы жить с ней в состоянии небезопасности.

Именно поэтому Кено — на стороне современности: его Литература — не литература обладания и полноты; он знает, что «демистифицировать» во имя Чистоты извне невозможно, что нужно самому полностью окунуться в пустоту, которую показываешь; но он также знает, что этот компромисс потерял бы всякую силу, если бы он был *высказан*, использован прямым языком: Литература есть само наклонение невозможного, поскольку лишь она одна может высказать свою пустоту, и, высказывая ее, она вновь образует полноту. По-своему Кено устраивается в сердцевине этого противоречия, определяющего, возможно, нашу сегодняшнюю литературу: он стойко сносит литературную маску, но в то же время указывает на нее пальцем. В этом вся сложность операции, которая вызывает зависть;

---

[64] Примечания: 64

Проблему подобного рода ставит комичное у Ионеско. Вплоть до «Экспромта Альма» его творчество искренне, поскольку автор не исключает себя из террористической деятельности языка, которую сам же и развивает. «Бескорыстный убийца» отмечает регрессию, возвращение к чистой совести, то есть к неискренности, поскольку автор *жалуется* на язык других. *(Прим. автора.)*

возможно, из-за того, что она удалась, в «Зази» присутствует этот последний и ценнейший парадокс: взрывная комичность, очищенная тем не менее от любой агрессивности. Можно подумать, будто Кено сам себя психоанализирует, в то время как он психоанализирует литературу: все его творчество предполагает достаточно ужасающий первоначальный образ Литературы.

В. Кислов.

Послесловие

Невозможно рассказать все, приходится действовать избирательно, (...) каждый выявляет то, что ему кажется важным, но часто ошибается.[65]

Раймон Кено

Произведения Раймона Кено поражают своей удивительной готовностью оправдывать самые различные интерпретации. Наряду с наиболее очевидной, а посему общепринятой оценкой (виртуозная стилистика и остроумная игра с языком), существуют другие, никоим образом не противоречащие, а, наоборот, дополняющие первое представление. И действительно, тексты этого автора допускают множество прочтений, причем каждое предполагает выбор определенной точки зрения и соответствующего видения. Кено открывается не сразу и не всегда легко; читающему следует настроиться и подобрать нужный ключ. В зависимости от направленности, каждый подход вычленяет новый аспект

---

[65] Примечания: 65
Nouvelle Revue Française, 1966, № 196.

творчества: гуманизм и энциклопедизм, риторика и классицизм, абсурд и юмор, новаторство и формализм, комбинаторика и литературная машина, влияние традиционной китайской литературы и метафизический подтекст... На первый взгляд эта эклектичность кажется парадоксальной до невозможности, но, вероятно, для определения творчества Кено лучше всего подходит то, что можно назвать сознательной и осознанной парадоксальностью: «Я — яблоня. Я даю яблоки. А вы уж сами выбирайте, какие вам больше нравятся: круглые или вытянутые, сферические или грушевидные, гладкие или шероховатые, спелопрелые в пятнах или зелено-недозрелые. Неужели вам еще нужно, чтобы я обеспечил вас вилкой и ножом?» Каждый отдельно взятый плод необходим, но недостаточен для создания полного представления о дереве; только собрав воедино все элементы огромной живой мозаики, есть шанс составить общую картину причудливого растения.

Многоликость Кено-писателя с трудом поддается классификации, но становится понятнее, если обратиться к жизни Кено-человека.

Историю Венсана Тюкдена в «Последних днях» (1936) можно смело считать переписанной ав-

тобиографией самого Кено. Оба родились в 1903 году в Гавре, «откуда уходит столько кораблей», оба очутились в 1920-м в Париже, учились в Сорбонне, интересовались дадаизмом и кубистской поэзией, пытались заниматься литературой и философией (вплоть до предложения своей собственной философской системы), оба, зарабатывая близорукость, много читали (особенно Кено: в 1921 году он впервые прочел мистика Генона, что во многом предопределило характер всего его творчества). Оба студента часто бродили по городу, пересекали его с востока на запад, с севера на юг, вдоль, поперек, зигзагами, заранее разрабатывая «длинные маршруты, по которым следовали с предельной точностью». Эти прогулки сыграют свою роль, когда Кено будет вести рубрику «Знаете ли вы Париж?» в газете «Энтрансижан» (1936–1938) и опубликует около двух тысяч исторических и литературных анекдотов, любопытных и занятных случаев во всех областях городской жизни: топография, топонимика, архитектура, искусство.

В 1924 году Кено знакомится с Жераром Розенталем[66], Мишелем Лейрисом, Филиппом Супо и

---

[66] Примечания: 66

Он же Франсис Жерар, один из ближайших соратников Троцкого.

Пьером Навилем; последний представляет Кено Андре Бретону. Так на фоне студенческой философии вырисовывается сюрреализм — явление, с которым Кено оказывается надолго связан: сначала увлечение, затем отторжение и в конце концов — критическое осмысление. Кено посещает Центральное бюро сюрреалистических исследований, активно участвует в движении; его имя появляется на листовках и манифестах: «Декларация 27 января 1925 года», «Революция сначала и навсегда!»[67], «Hands off love»[68](текст в защиту Чарли Чаплина от пуританско-феминистского движения), «Позвольте!»[69]. В 1925 году в пятом номере журнала «Революсьон Сюрреалист» публикуется первое произведение Кено «Сюрреалистический текст», в № 9–10 — поэма «Башня из слоновой кости», в № 11 — критическая статья о выставке Де Кирико. Как позднее вспоминает писатель, эта деятельность казалась ему важной и вызывала «серьезное, хотя и сдержан-

[67] Примечания: 67
La Révolution Surréaliste, 1925, № 5.

[68] Примечания: 68
Ibid., 1927, № 9–10.

[69] Примечания: 69
Листовка против водружения памятника Рембо в городе Шарлевиле, который поэт ненавидел. Текст написан Кено в 1927 году.

ное» отношение. Мишель Лейрис отмечает, что рассказы Кено, написанные в разные периоды жизни и опубликованные отдельным сборником уже после его смерти, имеют одинаковую абсурдистскую окрашенность, одинаковый сюрреалистический налет. Но в середине двадцатых годов, во время первых литературных опытов, Кено еще не собирается становиться литератором; сюрреализм привлекает его как средство самовыражения и образ жизни.

В 1925 году он получает два университетских диплома: по истории философии и по социологии. Затем проводит два года в армии и участвует в военных действиях в Марокко вместе с героем еще одного частично автобиографического романа, «Одилия». Вернувшись с войны, оба они отходят от сюрреализма (их отталкивает одно и то же: отношение сюрреалистов к политике, морали и, конечно, интеллектуальной деятельности) и уходят в философию и математику. Если в Ролане Трави легко прочитывается сам Кено, то в остальных персонажах угадывается его сюрреалистическое окружение: Англарес — Андре Бретон, Саксель — Луи Арагон, Вашоль — Бенжамен Пере, Шенви — Поль Элюар, Эдуар Сальтон — Тристан Тцара. Отдаляясь от ортодоксальных

сюрреалистов, Кено сближается с группой «диссидентов с улицы Дюшато», которую составляют братья Превер, Ив Танги и Марсель Дюамель. Как пишет последний, начинается «эпоха, когда никто из нас не думал ни о чем другом, кроме продления невероятно приятного состояния свободы». Кено все еще вечный студент и эпизодический преподаватель французского языка американским «туристам-гангстерам»; он уже работает в Национальном комитете ценных бумаг и векселей, но продолжает много читать.

В 1928 году он женится на Жанине Кан, сестре первой жены Бретона, а через год окончательно расходится с Бретоном по «сугубо личным», как он часто повторяет, и отнюдь не «идеологическим» причинам. В 1930 году выходит коллективный памфлет «Труп» с яростным текстом Кено «Деде», направленным против тоталитарных методов «Папы» сюрреализма («Андре Бретон / сунул палец себе в ж..у [и] подписал пакт с дьяволом»). В «Одилии» Кено-Трави заявляет: «Если бы я продолжал все, как и раньше, это превратилось бы в любовный роман»[70]. Другими словами, оставаясь близок сюрреалистам, он был бы вы-

[70] Примечания: 70
Queneau R. Odile. P., 1993. P. 177.

нужден выбрать фиктивность, литературную условность. Путешествие в Грецию открывает глаза персонажу Ролану Трави и его создателю Кено: с этого момента они оба ощущают в себе «зерно» свободной и духовной жизни, начинают отличать жизнь от литературы. Они взрослеют, «путы разорваны, иллюзии рассеяны, больше нет страха перед болезнью»[71]. В 1930 году Кено напишет в поэтическом сборнике «Рассекать волны»: «Я слово конец напишу, как заходят в порт. / Но этот конец всего лишь начало. / Я не брошу стихи на волю волны за борт. / Я приму их и разберу по порядку». Парадоксально, что Кено помещает эту стихотворную декларацию грядущего Начала в конце книги. Читатель вынужден снова обращаться к первой странице. Так начиная с первых литературных опытов уже заявлена тема цикличности, которая будет преследовать Кено всю жизнь. Но тогда, в тридцатые годы, более значимым остается выход из секты Англареса и «освобождение» от сюрреалистических уз. Многие тексты (например, «Символизм солнца» и «Отец и сын», задуманные как части единого проекта «Энциклопедия неточных наук»,

[71] Примечания: 71
Ibid. P. 184.

так и не нашедшего издателя), опубликованные романы «Репейник» (1933), «Последние дни» (1936), «Одилия» (1937) и самое автобиографичное произведение, стихотворный роман «Дуб и собака» (1937), полемизируют с сюрреализмом, доходя порой до ироничной и яростной критики в адрес «дьявольского наваждения». Вспоминая о своих друзьях того периода, Жорж Батай отмечает, что «в 1929 году никто не знал ничего о Превере и почти ничего о Кено. Им обоим было необходимо *выйти*, чтобы оказаться в состоянии творить»[72]. Разрыв с Бретоном и детством, литературная независимость, избавление от дьявольского начала, которое позднее будут олицетворять персонажи «Детей Ила» Бэби Туту, Пюрпюлан и Шамбернак, и, наконец, ожидаемое метафизическое Очищение: последняя строчка романа красноречиво указывает на то, как Кено переживал этот выход: «В бассейне кровоточило освобождение»[73].

Кено признается, что чувствует себя «совершенно потерянным» и поставленным перед фактом полного отрицания всего: «больше нет

---

[72] Примечания: 72
Bataille G. Le révolutionnaire sans révolution. P. 210.

[73] Примечания: 73
Queneau R. Les enfants du limon. P., 1987. P. 316.

ни литературы, ни антилитературы, которой являлся сюрреализм»[74]. Кено перестает писать. Вне групп остается одиночество, от которого Кено спасается в занятиях философией (он посещает лекции Анри Клода и Жака Лакана), в чтении (открытие Джойса и изучение «литературных безумцев»[75]) и в рисовании акварелей. Математика — еще одна отдушина. Но и здесь персонаж «Одилии» понимает, что «все эти годы верил в иллюзии и жил ошибочно»[76], что бесконечные и бесцельные расчеты расчетов превратили его в «неисправную вычислительную машинку». В это время Кено начинает интересоваться пиктограммами («единственное, что мне оставалось делать, — это пиктограммы, т. е. [то, что оставалось] вне или поверх письма и литературы»[77]), как если бы эта деятельность на перекрестке живописи, литературного письма, энциклопедизма и ма-

[74] Примечания: 74
Les temps mêlés, № 50. P. 9–10.

[75] Примечания: 75
Рукопись этого большого проекта (700 страниц) так и не нашла издателя; ее куски позднее вошли в роман «Дети Ила» (1938) и эссе «Понять безумие» (опубл. в 1988 г.).

[76] Примечания: 76
Queneau R. Odile. P. 165.

[77] Примечания: 77
Les temps mêlés, № 50. P. 18.

тематической комбинаторики позволяла Кено обрести *голос* после молчания, последовавшего за разрывом. Ничего удивительного в том, что вход в литературу ассоциируется с другими *голосами*: психоаналитическим и мистическим. Любопытно, что начало интереса к психоанализу совпадает с началом литературной карьеры: в 1933 году был опубликован и отмечен премией «Дё Маго» первый роман Кено — «Репейник». Кено осмысливает эти события довольно неординарно, о чем свидетельствует парадоксальная запись в «Дневнике»: «неоднократно я пытался / старался / выйти из литературы / с помощью живописи / с помощью математики». Семилетний курс психоанализа окажет на Кено огромное влияние, которое писатель будет позднее отрицать с подозрительным постоянством и воодушевлением. Несмотря на иронию и сарказм поэмы «Дуб и собака», рассказывающей о психоаналитическом эксперименте, психоанализ имеет для Кено несомненное значение. Двойственная суть личности (дуб и собака — этимологически две составные части фамилии писателя), творчество, проблематика письма — все пронизано стремлением *выйти*, вырваться из породившего круга, все прочитывается под гнетом автобиографии. Призрак

Бретона (Папы сюрреализма) еще долго бродит по текстам Кено: но если в раннем эссе «Отец и сын» автор открыто рассуждает о комплексе Эдипа и комплексе кастрации, то в последующих текстах тема дается через целую серию скрытых указаний, ссылок и намеков. Так, в романе «Каменная глотка» (1934) психоаналитическая проблематика выражается через головокружительную и трагическую историю семьи Набонидов. В этом же году Кено становится отцом, в этом же году он порывает с Батаем. Стараясь выйти из литературы, Кено в нее входит через другую дверь: начинается новый этап творческого постижения действительности. На фоне социологии и философии проявляется интерес к марксизму.

Еще за три года до этого Кено становится членом Демократического Коммунистического кружка Бориса Суварина и начинает сотрудничать в его журнале «Социальная Критика». Среди сотрудников журнала фигурирует и Жорж Батай, вместе с которым Кено публикует «Критику основ гегельянской диалектики», статью, о которой он позднее напишет: «...мы намеревались прийти на помощь склеротичной материалистической диалектике и предполагали ее обогатить и обновить, оплодотворив лучшими семенами буржуазной

мысли: психоанализом (Фрейд) и социологией (Дюркгейм и Мосс), — в то время мы, конечно же, еще не знали о Леви-Стросе»[78]. В 1932 году Кено вступает в антисталинскую группу «Кружок Новой России» и в антифашистский «Единый Фронт». Стихотворения «Мюнхен» и «Для Других», равно как и отдельные части поэмы «Дуб и собака», являются, бесспорно, признаками ангажированности; при желании можно усмотреть определенную политизированность в «Детях Ила» и «Суровой зиме», в меньшей степени — в «Воскресенье жизни». Эту политическую ангажированность следует воспринимать — как всегда и все у Кено — всерьез, но с некоторыми оговорками; здесь, как и в других случаях политической мобилизации, Кено проявляет к догме «серьезное, но сдержанное отношение». Мы находим объяснение этой парадоксальной формулировки в «Одилии», наиболее полемичном из всех романов Кено. «Часть моих идей не очень хорошо сочетается с материализмом, даже диалектическим»[79], — заявляет Ролан Трави. И дальше добавляет, что верит во внутреннюю объ-

[78] Примечания: 78
Bataille G. Raymond Queneau // Critique, № 195–196. P. 1061.

[79] Примечания: 79
Queneau R. Odile. P. 94.

ективность математики и ощущает себя ближе к Платону, чем к Марксу. Три года сотрудничества в кружке Суварина (1931–1933) оказались действенным средством вытеснения остаточных явлений сюрреалистической групповщины, но малоэффективным для литературного развития. Намного позднее Кено назовет свои статьи этого периода «юношескими, довольно легкими, чтобы не сказать непродуманными». В кружке Суварина Кено сталкивается с теми же трудностями, с которыми Кено сталкивался в «рядах эстетствующих хулиганов», а Ролан Трави — в «секте» Англареса. Всем троим вновь приходится *выходить* из круга и взрослеть. Путешествие в Грецию не только излечивает тандем Кено–Трави от «злого хаоса и бессмысленности» сюрреализма, но и в значительной степени выводит на другой уровень миросозерцания. Открытие классической традиции влечет за собой стремление к традиционному универсализму. Кено читает Спинозу и Лейбница. Творчество все больше понимается как стремление к всеобщей и единой форме, выход из малых локальных кругов (политических и литературных кружков) в великий круг Традиции вне времени и мира. Чтобы основать новую литературу, нужно вычленить себя

из современного социально-политического контекста. Но, проходя через свой первый «духовный кризис», Кено по-прежнему пытается осознать реальность мира и развитие Истории, а также понять уготованную ему роль. В этих поисках, на фоне прогрессирующей астмы и продолжающегося психоанализа, возникает фигура Гегеля и тема гнозиса.

С 1933 по 1939 годы Кено посещает лекции Александра Кожева о философии Гегеля (в 1947 году он опубликует курс этих лекций в издательстве «Галлимар»), конференции Анри-Шарля Пюэха, посвященные гнозису, манихейству и святому Иринею Лионскому, собрания Социологического коллежа. Кено страдает от астмы, но, по собственному выражению, не случайно: «Астма — это яростное напоминание о существовании Зла». Впрочем, о Зле напоминает не только астма: война в Испании, фашистская угроза в Европе... Кено вновь обращается к теории «дезангажированности», которую излагает в статьях, написанных для журнала «Волонте» (1937–1940). В конце 30-х годов писатель устраивается работать в издательство «Галлимар» рецензентом английской литературы, а накануне Второй мировой войны становится его ответственным секретарем. Этот

год отмечен очередным разрывом, но на этот раз с мистицизмом; Кено возобновляет курс лечения с помощью психоанализа, который длится два года. Так начинается новый виток социальной и политической ангажированности.

В 1939 году Кено публикует «Лютую зиму» (роман, рассказывающий об излечении главного героя от ненависти к миру и к Истории — всеобщей и своей личной), призывается на фронт и проводит несколько месяцев на «странной войне», в которой французская армия почти не ведет боевых действий. После капитуляции Франции и демобилизации Кено возвращается в Париж. Он отказывается сотрудничать в «Галлимаре», лояльном к оккупационным властям, зато принимает участие в изданиях, близких к Сопротивлению: «Мессаж», «Фонтэн», «Л'Этернель Ревю».

После окончания войны Кено возобновляет свою работу в издательстве и входит в состав руководства Национального комитета писателей. Бурная общественная деятельность быстро уступает место «политическому скептицизму», который навеян — среди прочего — чтением «Греческих скептиков» Брошара и даосских «Анекдотов» Пиррона. Кено по-прежнему увле-

кается живописью, ходит на курсы рисунка и выставляет свои гуаши в галерее «Художник и Ремесленник». Живописные произведения самого Кено не привлекают внимания критиков, что не мешает ему интересоваться творчеством Шейсака, де Кирико, Дюбюффе, Лабисса, Миро, Пикассо... Свои размышления он излагает в двух текстах: «Миро, или Доисторический поэт» и «Вламинк, или Головокружение материи». Подход писателя к изобразительному искусству своеобразен; между письмом и живописью он усматривает определенную связь, видя не только графичность и образность письма (что принято отмечать в восточной традиции), но и определенный языковой, знаковый характер, присущий графике и живописи. Так, он отмечает, например, что Вламинк — «самый профессиональный писатель-живописец», Дюбюффе «рассказывает очень хорошо», а «живопись Миро не что иное, как особый язык».

Параллельно с живописью писатель интересуется кинематографом. В 1947 году вместе с Борисом Вианом и Мишелем Арно основывает киноассоциацию «Аркевит» и пишет сценарий

«Зоней»[80]. В 1953 году он пишет сценарий для «Господина Рипуа» Рене Клемана, озвучивает «Дорогу» Федерико Феллини (1955), «Улыбки летней ночи» (1956) и «Горькую победу» (1957) Никола Рея, сочиняет песни для «Жервез» Клемана (1955), пишет диалоги для фильма Луиса Бунюэля «Смерть в этом саду» (1955). Кено снимает короткометражные фильмы: «Завтра» (1950), «Арифметика» (1951), «Елисейские поля» (1955), «Банг Банг» (1957), «Употребление времени» (1967) и даже играет роль Клемансо в фильме Шаброля «Ландрю» (1962). И, разумеется, осмысливает кино через литературу. Письмо Кено переваривает чисто кинематографические приемы и термины (планы, травеллинг, рапид, панорама…). Нет ни одного произведения, в котором хотя бы раз не упоминался кинематограф; он играет особо важную роль в «Жди-не-Жди» и полностью захватывает все действие другого романа — «Вдали от Рюэля», снятого по всем законам жанра. Кино у Кено связано с народными корнями, уходящими в ярмарки и балаганы, с происхождением «вне “интеллектуальных” кругов» и развитием на задворках «без помощи образованных людей».

[80] Примечания: 80

От oneilles (*искаж.* oreilles — уши) — одного из самых расхожих неологизмов «Короля Юбю» А. Жарри.

Почти ни в одном романе Кено не отказывает себе в удовольствии пройтись по ярмарке или аттракционам, поучаствовать в массовых развлечениях. С другой стороны, внимание к кинематографу отражает постоянный интерес писателя к исключительно важной проблематике *времени*. Для «Употребления времени» Кено предлагает различные варианты одного и того же «жизненного случая»: ускоренный, замедленный, статичный, уходящий в затемнение... «Так можно располагать временем, — говорит Кено, — и даже больше, разбивать его на куски, комбинировать эти куски и по желанию возвращаться назад. Время может стать ритмом, и можно даже сделать одновременными два различных момента». Кино как погружение в грезы, позволяющее обуздать время? Задорная экранизация «Зази в метро» (1960, реж. Луи Малль) по-своему отвечает на эти вопросы.

Позднее интерес к живописи сменяется увлечением джазом, «символом утверждения современной молодежи». Вместе со своими друзьями Превером, Сартром, Вианом Кено «живет в ритме джаза»: в 1947-м он слушает Клода Лютера, в 1948-м — Дюка Эллингтона. В 1949 году на сцене «Красной Розы» Ив Робер ставит спектакль

«Упражнения в стиле», а Жюльет Греко поет самую популярную песню года на стихотворение Кено «Если ты думаешь». Кено работает на радио, организует театрально-поэтические проекты, ведет литературную хронику в газетах и журналах параллельно с интенсивной светской жизнью. Участвует во многих жюри (в частности на Каннском фестивале в 1952 году) и комитетах; в 1948-м становится членом Математического общества Франции, а в 1951-м избирается в Гонкуровскую академию. Кено руководит изданием коллекции «Знаменитые писатели» (первые два тома выходят в 1951-м, третий — в 1952-м), становится директором «Энциклопедии Плеяды» (первый том выходит в 1956-м). Под его руководством публикуются «История литератур», «Идеальная библиотека» и «Антология молодых авторов». В статье, представляющей новую Энциклопедию, он пишет: «Что угодно, но только не итог; эта энциклопедия должна быть инициацией, подготовкой, отправной точкой. ...В этом проекте не будут скрыты ни степень нашей неуверенности, ни вся глубина нашего незнания. Читатель будет учиться не знать, сомневаться. Энцикло-

педия — это еще и критическая работа»[81]. И это заявляет сам Директор Энциклопедии и сотрудник издательства, переводчик с английского, феноменальный читатель и эрудит, страстно увлекающийся математикой и иностранными языками (запись в «Дневнике» свидетельствует о том, что он изучал «латынь, греческий, английский, немецкий, испанский, итальянский, португальский, румынский, арабский, иврит, датский, коптский, египетский иероглифический, тибетский, китайский, бамбара, волоф и провансальский»[82])! Диссидентская позиция Кено по отношению к академическому энциклопедизму напоминает его сдержанное и критическое отношение к сюрреализму. В предисловии к роману Флобера «Бувар и Пекюше» Кено подчеркивает необходимость критического и скептического подхода к источнику знаний: неудача флоберовских «горе-энциклопедистов» проистекает из-за отсутствия метода и наивной веры в правду написанного. Задачей Энциклопедии является не только предоставление знаний: «Учить учиться

[81] Примечания: 81

Présentation de l'Encyclopédie de la Pléiade (1956) // Bords: mathématiciens, précurseurs, encyclopédistes. P., 1963.

[82] Примечания: 82

Queneau R. Oeuvres complètes. P., 1989. P. LXV.

— значит уметь не знать, не отрицать новое и не противиться поиску». Кено предлагает читателю надежные инструменты анализа и призывает его стать свободным и критическим гражданином в образованной демократии.

Бурная деятельность Кено затрагивает многие области, но уже в конце 50-х годов писатель выходит из всех жюри и комитетов, устраняется от публичной жизни. Остается работа в издательстве «Галлимар» и, конечно же, литература. В этот период его отношение к социальной и политической деятельности более чем критично: «Зло Запада и Современности: *действие*. И его последствия: насилие / пропаганда»[83]. Почти открыто цитируя Генона, Кено заявляет, что «свобода разума и духа» не оставляет существу, участвующему во Вселенском проекте, другого места, кроме позиции «на краю или поверх политических доводов». Подобная позиция в период властвования экзистенциализма в духе Сартра («литературная ангажированность — долг писателя») свидетельствует не только о смелости, но и о глубоком осмыслении и переживании проблемы. На коллоквиуме в Серизи Кено говорит

[83] Примечания: 83
Traité des vertus démocratiques. P., 1993. P. 129.

о возможности поставить под сомнение «левую идею вообще, [поскольку] срок ее годности уже истек». В середине 60-х годов, в эпоху крайней идеологизации и повального увлечения фрейдизмом и марксизмом, Кено, успев к этому времени отойти и от того и от другого, уклоняется от всех политических дискуссий. «Я думаю, что мне нечего сказать, поэтому предпочитаю молчать», — говорит он и ссылается на принцип отказа Пиррона и правило не-деяния Лао-цзы, скромно вуалируя источники под покровом ’патафизики. Начинается новый «рациональный» период, отмеченный «возвращением к письму» через Энциклопедию, ’Патафизику и УЛИПО, которым он останется верным до конца своих дней.

’Патафизический коллеж был образован 22 палотена 75 года ’патафизической эры[84] (11 мая 1948 года по обычному календарю) для изучения ’патафизики — «науки о воображаемых решениях, которая символически предоставляет очертаниям свойства предметов, описанных их

[84] Примечания: 84

Точкой отсчета в данном случае служит дата появления на свет Альфреда Жарри (8 сентября 1873 г.).

виртуальностью»[85], дисциплины, чьи основы изложил Альфред Жарри в книге «Деяния и мысли доктора Фостролля»[86]. Согласно другим определениям, это — «изнанка физики», «наука частного и несократимого» или «наука исключений», которая учитывает, что в мире существуют только исключения, а «правило» является исключением исключения. Впрочем, по мнению Доктора Фостролля (объявленного Несдвигаемым Куратором), и сама вселенная — не больше чем «самоисключение». Коллеж представляет собой научное общество, призванное исследовать все области человеческих (не-) знаний — 'Патафизика принимает все и не отказывается ни от чего, поскольку все патафизично — открывать, формулировать и закрывать Законы вселенной,

---

[85] Примечания: 85

Определение патафизики, содержащееся в восьмой главе романа Жарри «Деяния и мысли доктора Фостролля».

[86] Примечания: 86

В главе «Элементы патафизики» специально уточняется, что, согласно «реальной орфографии», термину должен предшествовать апостроф, дабы избежать «дешевого каламбура». Впрочем, ни один патафизик так и не сумел объяснить, какого именно каламбура удалось таким образом избежать. Любопытно, что сам Жарри никогда не следовал этому правилу. Что касается 'Патафизического коллежа, то он использует оба варианта (с апострофом и без него) для того, чтобы отличать осознанную 'Патафизику (ту, которую исповедуешь) от Патафизики неосознанной (той, которую сам собой представляешь). Критерий отбора определить не всегда легко, особенно если учесть, что «патафизично — все».

т. е. осуществлять «корреляцию исключений». Коллеж разрабатывает свой календарь, в котором канонизированы многие ’патафизические персонажи, предметы, явления (от св. Иеронима Босха (демонарха) до св. Лазара (вокзала)), и свою награду: знак Великого Жидуя девяти степеней. Научная деятельность Коллежа — серьезное мероприятие, которое некоторые (слишком поспешно и не всегда безошибочно) оценивают как театрализованную игру, чистую спекуляция разума, не предполагающую никакого действия и практических результатов; существование Коллежа основывается на философском скептицизме, который выражается, кроме всего прочего, в пародировании всевозможных академий и институтов. Эта идея материализуется в том, что является неоспоримым шедевром Коллежа: в его организационной структуре с многочисленными комиссиями, комитетами, отделами, с их фантасмагорическими правилами, обязанностями и должностями. Вступая в Коллеж в 1950 году, Кено становится Трансцендентальным Сатрапом (как и Марсель Дюшан, Макс Эрнст, Борис Виан, Мишель Лейрис, Рене Клер, Поль-Эмиль Виктор, Эжен Ионеско, Жак Превер, Жан Дюбюффе), вливается в корпус Оптиматов (который включает

в себя среди прочих Ман Рэя и Хуана Миро) и регулярно публикует свои тексты в периодических изданиях Коллежа: «Тетради», «Довольнонебыстинные Досье» и «Subsidia Pataphysica». Вероятно, в деятельности Коллежа писателя привлекает то, что привлекало всегда: дистанция между научностью и иронично-скептическим отношением, сочетание жесткой логики с абсурдностью, культивирование парадоксальности и незабываемая работа над «литературным безумием», но, возможно, Коллеж — это еще и интерес к масонству, мистике и мистификации. Для Кено это увлечение оказывается фактором равновесия; экстравагантная и шутливая «'патафизическая деятельность» противопоставлена слишком серьезной энциклопедической работе (если только не наоборот, добавил бы 'патафизик). Но Коллеж — это еще и уход от политических и гражданских «долгов» и «прав», пародия на всевозможные церемонии, награждения, привилегии. Это, в конце концов, пародия на демократию, когда в 1959 году Сатрап Кено назначается Великим (*единственным*) Избирателем его Великослепия (*бессменного при жизни*) Вице-Куратора Коллежа, голосует тайно за восьмидесятидвухлетнего барона Молле (легендарного секретаря Апол-

линера)[87], сам же подсчитывает свой голос и объявляет итоги голосования. ’Патафизический Диплом Кено как нельзя лучше отражает его обязанности и отношение к ним: «Великий Хранитель Предлога при Палате Незаметных Исполнений».

Подкомиссия Эпифаний и Итифаний, входящая в «Комиссию Непредвиденного» при ’Патафизическом Коллеже, принимает под свое крыло УЛИПО (Цех[88] Потенциальной Литературы[89]), который Кено основывает вместе с математиком Франсуа Ле Лионнэ в 1960 году. И здесь Кено оказывается не единственным ’патафизиком; его ближайшие соратники по УЛИПО также являются членами Коллежа: Ле Лионнэ — Регент Стратегии и Скашиальной Тактики Хронономии, Арно — Регент Общей ’Патафизики и Риториконозной Клиники, Дюшато — Регент Диежематики (науки интерпретации), Латис — Датарий. 22 песка 99 года п. э. (1961 год) № 17 «Довольнонебыстинных

[87] Примечания: 87

Злые языки утверждали, что Молле не был ни секретарем Аполлинера, ни бароном.

[88] Примечания: 88

Еще одна невольная ассоциация с «братством каменщиков».

[89] Примечания: 89

Для соответствия французской аббревиатуре название можно переводить как «Увеличение ЛИтературной ПОтенции».

Досье Коллежа» публикует первый отчет УЛИПО под названием: «Упражнения потенциальной литературы. Паталегомены к любой будущей поэтике, которая соизволит представиться как таковая». Разумеется, 'патафизический дух не мог не затронуть новую подкомиссию, по крайней мере в начале ее деятельности: УЛИПО также играет в секретность и структурированность (выборы, голосования, постановления, которые стенографирует однажды и навсегда назначенный Окончательно Временный Секретарь и т. п.), имеет свою хронологию (новый календарь), терминологию и даже эмблему, напоминающую масонский знак...

Создание УЛИПО может рассматриваться не только как возвращение Кено к коллективной творческой работе, но и как продолжение его полемики с сюрреалистами; позитивная и конструктивная реакция на «интуицию» и «иррациональность» в литературной деятельности. Кено высказывается недвусмысленно и довольно категорично: «Ошибочно ставить в один ряд вдохновение, исследование подсознательного и освобождение; случай, автоматизм и свободу. Эта свобода, заключающаяся в слепом следовании любому импульсу, на самом деле является

настоящим рабством. Классик, который пишет свою трагедию, соблюдая некоторое количество известных ему правил, более свободен, чем поэт, который пишет все, что приходит ему в голову, и который оказывается рабом других, неизвестных ему правил»[90]. Случайному и хаотичному творчеству улиписты противопоставляют сознательное и осознанное построение, серьезную научную работу над поэтической формой. Согласно своему определению, УЛИПО работает над потенциальными возможностями литературного текста, который не всегда исчерпывается своей «обманчивой видимостью». Кено отмечает, что «любая фраза содержит в себе бесконечное множество слов, из которых мы замечаем лишь очень ограниченное количество; другие так и остаются в своей бесконечности или в нашем воображении»[91]. Причем потенциальность не является случайной, но наоборот, это вероятность или множество вероятностей, запрограммированное автором в произведение. УЛИПО определяет два основных направления своей деятельности: ана-

[90] Примечания: 90

Queneau R. Le voyage en Grèce. P., 1973. P. 94.

[91] Примечания: 91

Queneau R. Les fondements de la littérature d'après David Guiibert / La Bibliotheque Oulipienne. Vol. 1. P., 1990. P. 12.

литическое (изучение литературного наследия для нахождения возможностей, неиспользованных и/или недооцененных самими авторами) и синтетическое (выработка новых литературных приемов). Другими словами, анализУЛИПизм призван открывать, а синтезУЛИПизм — изобретать, причем оба -улипизма тесно взаимосвязаны. Главной задачей определяется создание целого арсенала как старых, уже существующих, так и новых литературных приемов и структур, которыми «поэт сможет пользоваться по своему усмотрению, каждый раз, когда ему захочется обойти то, что принято называть вдохновением»[92]. Этот арсенал, или Институт Протезирования Литературы, должен постоянно обогащаться и модернизироваться, следуя изменениям самого языка. Приемы и структуры предполагают определенные правила пользования. Улиписты — «крысы, задавшиеся целью построить лабиринт и из него выбраться» — работают исходя из правил, которые сами же себе и навязывают: акростихи, липограммы, панграммы, палиндромы, количественная трансформация текста, использование определенных размеров в опре-

[92] Примечания: 92
Queneau R. Entretiens avec Georges Charbonnier. P., 1962. P. 154.

деленном порядке и т. д. Ограничение является не средством, а основополагающим принципом, при реализации которого неоценимую помощь оказывает инъекция математических законов в литературное творчество, идет ли речь об ограничениях в рамках той или иной игры (шахматы, го, таро...) или о пределах действия той или иной формулы. Эти эксперименты могут находить свое приложение во всех областях языка: так сочиняются поэмы по Булю, поэмы метаморфоз для ленты Мебиуса и т. д. По аналогии с Таблицей химических элементов Менделеева УЛИПО классифицирует ограничения и составляет таблицу «Кеноеева». Научный подход к этим исследованиям нисколько не противоречит их игровому характеру. Согласно определению Ж. Лесюора, УЛИПО — это «организм, целью которого является попытка рассмотреть, как и какими средствами можно ввести в язык, учитывая предположительно опекающую его научную теорию (т. е. антропологию), эстетическое удовольствие (эффективность и фантазию)»[93]. Кено отмечает, что топология, или теория чисел родились отчасти из того, что некогда именовалось «увлекательной

[93] Примечания: 93

Lescure J. Petite histoire de l'Oulipo / Oulipo. La littérature potentielle. P., 1973. P. 36.

математикой», а высчитывание вероятностей было всего лишь «сборником забав». Слияние математики и литературы в деятельности УЛИПО неудивительно, если учесть, что Кено всегда интересовался «Королевой наук». Но этот интерес не является исключительно потребительским: в результате своих исследований Кено предлагает такие новые понятия, как «S-аддитивная последовательность» и «гиперпростые числа», он пишет целый ряд математических работ, часть которых публикуется в виде статей или отдельных брошюр: «О кинематике игр» (1935), «Место математики в классификации наук» (1948), «Бурбаки и математика завтрашнего дня» (1962), «Меккано, или матричный анализ языка» (1966).

К середине 60-х годов интерес Кено к формальным структурам ослабевает; параллельно его участие в деятельности УЛИПО утрачивает былую восторженность и продуктивность. Кено сожалеет о «недостаточности» коллективных экспериментов и несколько отстраняется от руководства цехом. В 1970 году, отвечая на вопрос анкеты «Думаете ли вы по-прежнему о собственной работе в рамках УЛИПО?», Кено категорично отвечает: «Откровенно говоря, нет». В очередной раз Кено осознает, что «движется по кругу»,

и стремится это движение прекратить. Рациональные игры с цифрами и буквами отходят на второй план, начинается последний период, отмеченный исключительно метафизическими поисками. Может показаться парадоксальным, что отречение Кено от католицизма в 1918 году открывает ему путь к восточной метафизике, путь, которым он с большей или меньшей уверенностью следует всю жизнь. Влияние обратившегося в ислам Рене Генона было поистине ключевым и определяющим для творчества Кено: он перечитывает все работы этого автора, а к некоторым (например, «Множественное состояние Бытия» и «Символизм Креста») обращается неоднократно. Кено продолжает испытывать это влияние и в период сюрреализма, и в разные периоды «ангажированности». В «Мертвом эссе», тексте 1926 года, отмеченном индуистской метафизикой и чтением «Веданты», Кено пишет о трех периодах жизни для использования «всех возможностей индивидуального характера» и главном, четвертом, где должны свершиться «возможности универсального порядка». Путешествие в Грецию оказалось для Кено знаком и предвестием вселенской гармонии, другой, более высокой реальности: «Я ничего не ждал

[от Греции]; я вернулся оттуда другим»[94]. Другим вернулся из Греции и персонаж «Одилии» Ролан Трави, открывший для себя под «ничем не омрачаемым небом» неведомое ранее состояние возвышенности.

Многое в романах Кено объясняется поисками «Центра мира» (название еще одной книги Генона), света, гармонии, единства противоположностей, разрешения противоречий. Восточная метафизика является писателю «Альфой и Омегой», совокупностью воззрений, увековечивающих («отменяющих») время и раскрывающих «символ Слова». Кено пишет в «Дневнике», что «вступил на духовный путь летом 1935», и добавляет: «я пустился в путь с правильными принципами, думаю, благодаря Генону: ни визионерского экзотизма, ни стремления к фантастике и прочим тщеславностям». Многие персонажи Кено, подобно автору, «ищут мудрости», многие ее находят, что еще не гарантирует избавления от плотского «плоского существования»: обретает «индивидуальность» и «знание» Этьен Марсель в «Репейнике», приближаются к мудрости Ролан Трави из «Одилии» и Венсан Тюкден из

[94] Примечания: 94
Queneau R. Le voyage en Grèce. P. 55.

«Последних дней», избавляется от «мрака ненависти» Леамо в «Лютой зиме». Знание, мудрость и терпимость — первая стадия восхождения к гармонии и универсальному; Кено вступает на этот путь, обобщая разнообразный духовный опыт: индуизм, конфуцианство, суфизм... В «Дневнике» он признается: «Все же моя религиозная восприимчивость (хотя плевать все хотели на мою религиозную восприимчивость) совершенно не христианская. Я — мусульманин»[95]. К этому духовному синкретизму, вероятно, следует отнести ветхозаветный «стиль» и «тематику» отдельных глав «Каменной глотки». В конце 30-х Кено открывает для себя еще несколько «главных книг»: «Тайная Индия» Брунтона, «Греческие скептики» Брошара и «Даосские анекдоты о Пирроне». Вместе с автором на путь «философского озарения» встают персонажи; некоторые, как, например, Пьеро («Мой друг Пьеро»), Валантен Брю («Воскресенье жизни») или Жак Л'Омон («Вдали от Рюэля»), сами того не ведая, выбирают принципы дао. В начале 40-х годов Кено возвращается к католицизму, молится и ходит в церковь. В 1950-м публикует «Маленькую портативную

[95] Примечания: 95

Queneau R. Journal 1939—1940, suivi de Philosophes et voyous. P., 1986. P. 185.

космогонию», которая дает своеобразное научно-философское толкование Бытия и пытается определить место и предназначение человека. Кено читает греческих мыслителей, Генона, Лао-цзы и продолжает искать: «Где Дао? Здесь. Здесь. И еще тут. А в этом мусоре? И тут тоже. / Искать божественное даже здесь. / Принятие реальности»[96]. В 1956 году он совершает поездку в СССР и доезжает до Ташкента и Самарканда. Запад все больше разочаровывает, Восток продолжает притягивать. Отказываясь от всей «светской» оболочки, Кено все больше погружается в духовные поиски. «Я ищу свой путь, Учителя, Правду»[97], — пишет он в 1962 году. Это — путь восхождения от знания к мудрости, от прозрения к трансцендентности: «Подниматься. Подниматься постоянно. И еще: то, что наверху, подобно тому, что внизу. В центре трансцендентальное. Так что не надо хитрить»[98]. Кено продолжает перечитывать Генона, китайских мыслителей, внедряет математику в сферу метафизики и по-прежнему страдает от

[96] Примечания: 96
Ibid. P. 52.

[97] Примечания: 97
Ibid. P. 115.

[98] Примечания: 98
Ibid. P. 40.

астмы. В 1972-м умирает его жена. В 1975-м, за год до смерти самого Кено, выходит его последнее произведение — «Элементарная мораль», построенное по принципу китайской «Книги перемен».

* * *

«Человек недостаточно тонок, недомерно глубок,
слишком много скрученных мышц, слишком
много испитой слюны, (...)
покой вернется, когда он увидит,
как форма Храма бессмертье дает».

Р. Кено. «Объяснение Метафор»

«Сегодня для меня роль поэзии заключается скорее в изменении языка, чем в выражении чувств»[99], — пишет Кено в 30-е годы. Эта идея пересекает все творчество писателя и вписывается в проблематику «новофранцузского языка»; она формально отмечает расстояние, разделяющее письмо Кено — наследника Джойса — от письма Бретона, более близкого в поэтическом смысле к Малларме. Язык не может быть чем-то бесспорным и неизменным, он не дается человеку

[99] Примечания: 99
Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. P., 1965. P. 39.

одним единым, инертным блоком, это сложное переплетение подъязыков. Каждое слово языка — точка пересечения различных регистров, точка хрупкого равновесия между различными возможностями. Кено нарушает это равновесие постоянно. Чтобы текст думал, нужно, чтобы язык отвечал и подтверждал свою жизненность, а для этого язык следует провоцировать. Кено занимается этим всю жизнь. Писатель не сближает и не сталкивает слова, как это делают сюрреалисты; он работает со словами «изнутри», оперирует их значениями, их отношением к устной традиции, этимологии и истории... Помещая свою работу в сердцевину языка, он трансформирует не только сам язык, но и его соотношение с реальностью. Работая с языком, Кено изменяет отношение человека к миру и тем самым обусловливает его поведение. «Язык должен трансформировать поведение» — в этом смысле Кено никогда не переставал быть филологически ангажированным.

В 30-е и 40-е годы Кено неоднократно возвращается к проблеме соотношения письменного и устного языка. «Мы пишем на мертвом языке», — категорично заявляет он и добавляет, что читатель себя не узнает в написанном «диалекте», опосредствованном и отчужденном. «Мы гово-

рим на двух разных языках, совсем как греки: “кафаревуса” (чистый язык) и “димотика” (народный язык). Между ними образовался провал, который надо заполнить»[100], — рассуждает Кено. Новый язык предполагает новое мышление, а это неизбежно приводит к новой литературе: «Именно употребление итальянского породило поэтическую теологию Данте, употребление немецкого — экзистенциализм Лютера, употребление новофранцузского эпохи Возрождения заложило основы ощущения свободы у Рабле и Монтеня. Новая речь вызывает новые идеи, а новые мысли требуют свежего языка»[101]. Эти рассуждения позволяют Кено сделать вывод о необходимости выработки нового языка для современной литературы. Тем более что пример «Улисса» Джойса и «Путешествия на край ночи» Селина представляется ему очень убедительным. Важно отметить, что для Кено этот «новофранцузский язык» — не просто разговорный язык и просторечие, а новая манера литературного выражения, которая их перерабатывает. Кено не копирует разговорный язык; на его основе он

[100] Примечания: 100
Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. P. 51.

[101] Примечания: 101
Ibid. P. 63.

строит оригинальную манеру письма, глубоко индивидуальную и, как правило, легко узнаваемую. Почти все произведения Кено отражают устный аспект языка, то, «чего нет ни в грамматике, ни в лингвистике»: модуляции, интонации, заикания, спотыкания, повторения, оговорки и т. п.

Но Кено идет еще дальше: он целенаправленно нарушает строго фиксированный порядок фразы (что с точки зрения норм французского языка является серьезным преступлением), ломает традиционный синтаксис и морфологию. Кено так же мало верит в святую неизменность грамматики, как и его персонажи: Сидролен в «Голубых цветочках» или Салли Мара в своем «Интимном дневнике». Грамматические неправильности Кено почти всегда оправданны, отчего они кажутся совершенно естественными. Такими же естественными и органичными кажутся и неологизмы. В «Голубых цветочках» герцог д'Ож выдумывает слова, «чтобы обозначить вещи, которые он видит во сне», в «Репейнике» Этьен Марсель их выдумывает «по мере того, как по ходу. Я говорю, и это что-то означает. По крайней мере, для меня;

по крайней мере, я так полагаю»[102]. Ирландка Салли Мара образует двусмысленные кальки с английского, поскольку забывает французские слова, Зази неологизирует, выплескивая задорную подростковость, а персонажи «Жди-не-Жди» выстраивают целый список новообразований от существительного «существование», не иначе как для того, чтобы попытаться его осмыслить. Почти в каждом произведении по произвольному желанию автора и персонажей образуются новые термины, охватывающие все части речи и все области человеческих знаний: персонажность, мусормен, клер-жимен, парчово, ватно, гормонсенсуальный, ядренка, фифрыловка и т. д.

Но, вероятно, самым очевидным новаторством Кено является все-таки фонетическая транскрипция. Во многих текстах отдельные слова, фразы или даже целые куски пишутся как слышатся; для французского языка, в котором существует огромный разрыв между орфографией и произношением, это равносильно нормативному взрыву. Автор «переписывает на слух» не только иностранные слова: уотт, блуджинсы, ватер-пруф, фазер, дринк, капито, окей, бьютифул, инглиш,

[102] Примечания: 102
Queneau R. Le chiendent. P., 1997. P. 186.

но и французские, — что создает дополнительные трудности перевода на русский: што, чиво, чортишто,ептыть, насибяппасматрел, дактожэтотаквоняит и т. п. Для многих критиков все это послужило поводом зачислить Кено в раздел «весельчаков» и «разрушителей литературы». Однако, как говорит сам писатель, «исправлять орфографию языка не значит наносить ему ущерб. Это его избавляет от подтачивающей болезни». Подобно другим языкам, французский, — продолжает Кено, — страдает от своего наследия, «снобизма педантов и корпоративных привилегий типографий». Когда персонажи Кено говорят «гспадин» вместо «господин», «пажалыста» вместо «пожалуйста», это не только «снимает ржавчину» с устойчивых формулировок, но и заставляет задуматься об их изначальном значении. Подобная корявость придает фразе большую экспрессивность, моментально определяет ситуацию и характеризует героев. В этой связи функция писателя очень важна, поскольку он критически обосновывает, развивает и украшает язык тех, кто живет рядом. Так литературный эксперимент вписывается в социальную среду и получает идеологическое значение. Любопытно, что интерес Кено к новофранцузскому появляется

параллельно с интересом к политической ангажированности: довольно бурно в «Репейнике», спокойно в «Последних днях», «Одилии», «Детях Ила». Он полностью исчезает в «Лютой зиме», но постепенно возвращается в более поздних текстах, буквально взрывается в «Зази» и затихает к последнему роману. Кено убеждается, что его теория не подтверждается на практике, разрыв между устным и письменным выражением не так велик, как ему казалось раньше. Символично, что статья, в которой Кено признает «смерть» новофранцузского языка, помещается в конце последнего сборника эссе «Путешествие в Грецию». Так формально подтверждается завершение в творчестве Кено этапа, связанного с идеологией «нового языка».

Однако некоторые положения этой теории остаются актуальными и значимыми для последующей литературной деятельности. Писатель по-прежнему считает, что обращение к «новофранцузскому языку» подчеркивает важность звучания, произношения и проговаривания слов для их лучшего понимания. Фонетическая транскрипция учитывает «настоящие ритмы, верные звучания, истинную музыку языка». Музыкальность — один из основных принципов

творчества Кено; автор не мыслит «существование поэзии, написанной только для “глаза”, т. е. не читаемой вслух, другими словами, поэзии без слышимых свойств, без ритма»[103]. Подчеркивая музыкальность языка, ритмический характер речи, Кено ставит вопрос о значении ритма как конструктивного принципа в литературном повествовании вообще, в независимости от жанра. В «Последних днях» мы то и дело наталкиваемся на авторские «Через какое-то время. Через какое-то пространство», отмечающие смену декораций; в «Зази в метро» реакция персонажей часто выражена в двух словах: «Жест. Молчание». Подобные детали отмечают паузы, во время которых читатель может «перевести дыхание». Функцию паузы или, как говорит Кено, роль «хора в греческой трагедии» иногда выполняют целые главы; так, в «Последних днях» повествование перебивается размышлениями главного героя, официанта Альфреда.

Возможно, именно соблюдение определенного ритма придает прозе Кено поэтический характер: «Я никогда не видел большой разницы между романом — таким, как я хотел его написать, — и

[103] Примечания: 103
Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. P. 39.

поэзией»[104]. Вообще, всякое размышление о поэтике романов Кено может начинаться с одного постулата: сделать из романа поэму. В 1937 году Кено излагает принципы своего подхода в статье «Техника романа». Возмущаясь тем, что, в отличие от поэзии, которая «была землей обетованной для риториков и сочинителей правил (...), роман никогда не подчинялся никаким законам», Кено ищет средство для борьбы с подобным «попустительством». Этим средством оказывается ритмическая организация, которая берет за основу «проверенные временем стихотворные формы». Кено отбрасывает эмпирические и Подсознательные эксперименты сюрреалистов, его поэтизация прозы не имеет ничего общего ни с автоматическим письмом, ни с верлибром: «Если баллада и рондо скончались, то в ответ на это несчастье следует проявлять особенную точность в прозаических упражнениях»[105]. Точность зависит от степени формальной строгости поэтической формы; в романе Кено «установил для себя такие же строгие правила, как прави-

[104] Примечания: 104
Ibid. P. 43.

[105] Примечания: 105
Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. P. 27–33.

ла сонета»[106]. Обращение к жесткой форме, к правилам во многом связано с традицией античных авторов и великих риториков XIV–XV веков: новизна проявляется не в самих приемах, а в том, что они используются в прозе. Для Кено, так же как для Пруста, Джойса или Фолкнера, революция в романе XX века — это прежде всего сознательное построение текста на основе жесткой конструкции. «Роман должен найти органичную арматуру, стиль, ритм. Он должен ориентироваться на музыкальную условность, жесткую формальную необходимость. Короче, он должен стремиться к поэзии и, увеличивая свою собственную территорию, теряться в просторах поэзии. По той причине, что поэзия остается основной и изначальной формой всей литературы»[107]. В этом смысле Кено следует принципам Генона, который считает, что в традиционной концепции «основу всех искусств главным образом составляет приложение науки ритма к созданию различных форм; науки, которая автоматически связана с наукой чисел» (разумеется, речь идет не об арифметике, а о «Сакральной

[106] Примечания: 106
Ibid. P. 42.

[107] Примечания: 107
Le Figaro, 14.03.1940.

Науке»). Размышляя о пифагорейской концепции «созвучия сфер», Кено соглашается с Геноном, когда тот заявляет, что «ритмический характер поэзии объясняется тем, что изначально она служила ритуальным средством выражения на “языке Богов” или “сакральном языке”»[108]. Однако ни музыка, ни литература Кено не существуют в отрыве от реального мира; если верить Генону, «музыкальные ритмы тесно связаны одновременно с человеческим и социальным порядком и с порядком космическим и даже выражают существующие между ними отношения».

Таким образом, эксперимент Кено вписывается в классическую традицию; все его творчество, — как замечает Ролан Барт, — «слипается с литературным мифом», а его приемы, «бесчисленные формы раздвоения» являются «точками разочарования (...), которые составляли славу традиционной риторики»[109]. Слова «разочарование» и «раздвоение» как нельзя лучше определяют характер письма Кено: повторение и тщетное ожидание единения возведено в принцип. Искусство повтора затрагивает текст на всех уровнях.

---

[108] Примечания: 108
Guénon R. Symboles fondamentaux de la science sacrée. P., 1962. P. 75–76.

[109] Примечания: 109
Barthes R. Essais critiques. P., 1964. P. 126.

Репетитивная речь отличает многих персонажей Кено. «Есть фразы, которые повторяются по-дурацки»[110] — замечает персонаж «Воскресенья жизни», не замечая, что он говорит прежде всего о себе самом. Постоянно повторяющиеся слова и фразы — не только фон романов Кено: чаще всего повторение происходит в сценах, где эмоции персонажей достигают критической отметки. Но повтор еще и по-разному характеризует персонажей. Акцентирующие повторы активных персонажей разрушают стереотипы языка, чтобы его оживить, как, например, лейтмотив Зази: «В жопу [ее, их...]» и попугая Зеленца: «Ты говоришь, говоришь, и это все, что ты можешь» в «Зази в метро» или навязчивая реплика Каллинена «Мне на этих англичан насрать!» из «С ними по-хорошему нельзя». В «Интимном дневнике» постоянно появляется двусмысленная фраза «Держитесь покрепче за поручень», которая выражает растерянность и подчеркивает сексуальную озабоченность героини. С другой стороны, второстепенные персонажи поражены афазией, которая не дает им возможности полноправно участвовать в рассказываемой истории. Так, вос-

[110] Примечания: 110
Queneau R. Le dimanche de la vie. P., 1985. P. 172.

торженная приговорка блаженного консьержа г-на Шок «У меня все зашибибись, зашибибись вовсю!» («Вдали от Рюэля») оказывается настоящим тиком языка. Речь у Кено колеблется между двумя полюсами: полное слово, осознающее свои лакуны и не устающее ставить себя под сомнение, и слово пустое, немое, застывшее раз и навсегда. Диалектика «сказать и промолчать», в рамках которой разворачивается настоящая патология заикания.

В текстах Кено повтор удваивает не только имена: Габриэль / Габриэлла, Марсель / Марселина («Зази»), Сфен / Стеф («Голубые цветочки»), Никомед / Никодем («Жди-не-Жди»), удвоены персонажи и ситуации, как, например, в «Лютой зиме». Действие романа, написанного накануне Второй мировой войны, происходит во время Первой. Это не что иное, как безрадостное повторение Великой Истории через не менее печальные повторения в малой. Повторяются ситуации: пожар универмага и сгоревшая г-жа Леамо, крушение корабля и утонувший сын г-жи Дютертр... В многообразии ситуаций, происхождение или пересечение которых — смерть или неудача, просматривается определенная симметрия. Дата пожара универмага и смерти матери

— точка отсчета несчастий главного героя (одного из братьев Леамо, ставших вдовцами и сиротами в один день) и точка отсчета самого романа — совпадает с датой рождения самого автора. В «Голубых цветочках» двойственность уступает место тройственности: потерявшие мать три дочки герцога д'Ож и три дочки Сидролена, три канадские туристки... Если в романах Кено набирается немало тематических и ситуативных двойников, то находится не меньшее количество «раздвоенных» героев: фигура двойственности — это еще одно напоминание о расщеплении личности. «Внутренний голос» постоянно переговаривается с Зази, Салли Мара, Валантеном Брю; закрывшись в туалете, Герти Гердл выслушивает свой «поток сознания» протяженностью в целые главы. Сидролен тайком пишет гнусности в свой адрес на собственном заборе, Турандот «включает крохотный телек, находившийся у него в черепушке», и принимается «просматривать в персональных последних известиях событие, в котором он только что поучаствовал», Сатурнен «начинает страдать потому, что существует кто-то, кто думает сзади него. По крайней мере, он

так считает»[111]. Что касается Мартена-Мартена из «Последних дней», то он раздваивается в геометрической прогрессии, фактически множится, каждый раз меняя биографию и имя. Персонажи Кено, обращаясь к себе, обращаются к Другому: «Сидролен спросил у Сидролена», «Зази сказала Зази» и т. п. Но диалог между двумя половинами «я» не всегда удается, случается, что Другой не отвечает: «Всякий и каждый замолк, ожидая ответа. Дюсушель ожидал вместе с остальными. Ожидал ответа. Своего»[112].

Систематизируя принцип, Кено исследует все потенциальные возможности игры в двойственность. Принцип симметрии может быть заложен в саму структуру романа, так, например, строится повествование «Голубых цветочков», где прием — игра в симметрию и отражение — сознательно обнажается. В предисловии Кено вспоминает притчу, в которой «Чжуан-цзы снится, что он — мотылек, но, быть может, это, наоборот, мотыльку снится, что она — Чжуан-цзы? То же самое происходит и в этом романе: герцогу д'Ож снится, что он — Сидролен, но не Сидролену ли

---

[111] Примечания: 111
Queneau R. Le chiendent. P. 179.

[112] Примечания: 112
Queneau R. Saint Glinglin. P., 1997. P. 181.

снится, что он — герцог д'Ож?» Постоянные переходы из одного сна в другой позволяют автору «расщеплять» двойного героя на протяжении всего романа, сохранять временной и смысловой разрыв до финальной сцены. Встречу, которая символически происходит на барже «Ковчег» во время потопа, можно расценивать как пробуждение и соединение двух половинок одной личности, как новое рождение и своеобразное крещение водой. Повторение, которое персонаж «Голубых цветочков» называет одним из самых пахучих цветов риторики, приводит к началу новой истории. В романе «Последние дни» повтор оказывается симметричным отображением некоторых глав. Пьеса «Мимоходом», также построенная на принципе симметрии, является полным зеркальным отражением двух актов: подобно шахматной игре, отражаются фигуры-персонажи, повторяются детали декораций, ситуации, комбинации реплик и их количество, отдельные фразы и слова. Но здесь это не приводит к встрече и единению; фигуры «расходятся» и остаются на разных «точках разочарования».

Повтор может отменять время, как это показывает текст «Воскресенья жизни»: каждый взмах метлы Валантена Брю передвигает стрелки на

часах; задумываясь и автоматически оказываясь вне времени, герой ощущает себя свободным. Принцип повторения, связанный с цикличностью и круговым движением, которое обеспечивает сохранение тех же самых, постоянно отсылаемых и возвращаемых предметов, — выражает абсолютную неподвижность: состояние совершенное, а значит, максимально приближенное к самой вершине трансцендентальности. Так мы снова возвращаемся к круговой форме романа и ее гностической интерпретации. Мирча Элиаде пишет, что «предмет или акт становится реальным только в той мере, в которой он имитирует или повторяет архетип»[113]. Валантен Брю в «Воскресенье жизни» реализует себя в повторении ничегонеделания, многократное обращение к теме вшей делает из насекомых полноправных персонажей романа «Вдали от Рюэля». «Важно не говорить, а повторять, и в этом повторении каждый раз говорить опять в первый раз»[114] — это высказывание Мориса Бланшо позволяет сравнить репетитивность современного автора с ритуалом человека традиционной

[113] Примечания: 113
Eliade M. Le Mythe de l'éternel retour. P., 1975. P. 48–49.

[114] Примечания: 114
Blanchot M. L'Entretien infini, P., 1969. P. 37.

культуры. Чтобы обрести реальность и существовать в литературном мире, участвовать в мифе классицизма, т. е. приобщиться к сакральному измерению мира, автор должен вписаться в цикл повторения; это единственная возможность для участия. Явление переписывания Кено воспринимает как настоящий ритуал, переходящий в заклинание: «Любое заклинание, любая молитва — повторение»[115].

В романах Кено можно выделить два уровня: первый, «заклинательный» охватывает самые мелкие элементы текста (буквы, слова, фразы, параграфы), второй охватывает творчество целиком. Выходя на второй уровень, писатель словно бесконечно повторяет Идеальное произведение, вписываясь в парадигму абсолютного. В статье «Знаменитые писатели», говоря о Гертруде Стайн, Кено отмечает, что «повтором, склонением и спряжением фраз, их сложением Гертруда Стайн достигает той же цели, что и Флобер, приумножающий повторы и подчеркивающий общие места, — а именно, абсолютной объективности текста-предмета, где автор полностью отсутствует, текста, который оказывается формой выражения

[115] Примечания: 115
Queneau R. Journal 1939–1940. P. 134.

не человека, а конкретной и неопровержимой гальки, кристалла, цветка или фрукта»[116]. Абсолют — это то, что отличает «религиозный (и традиционный) мир повторения» от современного мира динамики и хаоса: «Бергсон, Гитлер — мир нового, стремящийся к броуновскому и беспричинному движению...»[117] Размышления о повторяемости как о свойстве сакрального часто встречаются в «Трактате о демократических ценностях»: Кено словно соединяет два уровня своего письма — микроскопический и макроскопический — в циклах Истории и повторяющейся человеческой деятельности.

В этом смысле все романы Кено могут условно различаться по принципу построения: цикличность и линейность. Отражение и круговое движение происходят в разных осях: пространственной и временной. В «Репейнике» круг замыкается в исходной точке. Первая фраза идентична последней. В «Каменной глотке» движение оказывается «круговым, но возвращается не к точке отсчета, а к похожей точке» и становится

[116] Примечания: 116

Queneau R. Quelques Maîtres du XX siècle / Les écrivains célèbres. Vol. III. P., 1953. P. 252.

[117] Примечания: 117

Queneau R. Journal 1939–1940. P. 134.

спиральным. В «Последних днях» цикл связан со временами года, но круг прерывается катастрофой, о чем главный герой говорит в последней главе. «“Репейник”, — поясняет Кено, — сравним с человеком, который долго шел и очутился на том же самом месте, откуда он вышел; “Каменная глотка” — с человеком, который, дойдя до вершины лестницы, считает, что есть еще одна ступенька, хотя на самом деле ее нет; “Последние дни” — с человеком, который балансирует на вершине пирамиды, составленной из стульев, которая в конце концов рухнет»[118]. Стоит отметить, что из трех упомянутых романов два сравниваются с подъемом по лестнице, т. е. восхождением. «Одилия» символически ограничена двойным «крещением водой» (переход реки вброд в начале романа и путешествие на корабле из Греции во Францию в конце). Круговое движение заметно в «Детях Ила», не только тематически, но и композиционно, с той разницей, что этот роман, по словам Кено, «воплощает квадратуру Истории», поскольку мифически сопрягает великие антагонистические формы — круг и прямая, цикличность и прогресс,

[118] Примечания: 118
Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. P. 31–32.

«циркулярные лабиринты» и «прямой путь» Блаженного Августина. Линейными и тем самым предопределенными Историей могут показаться другие романы: «Зази в метро» представляется типичным прямолинейным движением, которое в принципе должно приводить к оптимистическому финалу. «Я старела», — заявляет героиня, но сама сцена происходит на вокзале Аустерлиц, финальная ситуация рифмуется с тошнотворными запахами этого же вокзала в начале романа. Цикл завершается, хотя линия пришла в другую точку: Зази *поднимается* в вагон и оказывается на другом уровне. Точно так же Салли Мара начинает и заканчивает свой «Интимный дневник» в порту, держась за поручень, и точно так же финальная точка смещена: Салли в конце романа — замужем и на корабле. Примечательно, что в «Одилии», «Лютой зиме» и «Воскресенье жизни» героям удается разбить цикличность и трансформировать ее в линейность, но каждый раз эту трансформацию вызывают женщины. Женщина провоцирует переход от круга к прямой — другими словами, дает рождение герою. Если круг и прямая несовместимы в одной плоскости, они могут совмещаться в пространстве. Так, в спиральном варианте круг перестает противо-

стоять прямой.

В этой навязчивой идее цикличной структуры нет ничего удивительного, если вспомнить, что всю «западную литературу, начиная с рождения, т. е. с Гомера» Кено отсылает в «родословную Илиады или Одиссеи»[119]. Для него «фиктивность заключалась в том, чтобы поместить выдуманных персонажей в реальную историю (Илиада) или представить историю индивидуума так, чтобы она имела общеисторическую ценность (Одиссея)»[120]. Любая Одиссея — это история человека, который в результате личного опыта «обретает или подтверждает свою личностность, как Одиссей», другими словами, «любая жизнь — одиссея», а значит, любой автобиографический рассказ (т. е. всякое литературное письмо) — Одиссея. Ее структура циклична, следовательно, — делает заключение Кено — цикличность является преимущественной структурой любого письма. Все его романы так или иначе развивают идею цикличности: цикличности движения, пространства, времени... Почти все центральные персонажи живут по кругу, некоторым удается

[119] Примечания: 119
Queneau R. Entretiens avec Georges Charbonnier. P. 57.

[120] Примечания: 120
Ibidem.

подняться и попасть в другую плоскость: цикличность оказывается уходящей вверх спиралью, на каждом витке которой путника манит освобождение от повторения и обретение нового неделимого «я». Подобно своим героям, Кено пишет по кругу: первый персонаж первого романа — прозрачное и «плоское существо», которое обретает «объем», т. е. индивидуальность; Жак Л'Омон («Вдали от Рюэля»), возводя скромность в принцип, доходит до полного самоотрицания, становится «плоским и безвольным»; последний персонаж последнего романа, Икар, разбивается и оказывается в «плоском» состоянии.

Повторение одного и того же не может быть одинаковым: как сказал бы персонаж Кено, «два раза в одну лужу не плюнешь». Кено повторяет каждый раз по-разному; любой его роман использует не только определенный ритм, но и особенную «рифму». Роман разыгрывается как фуга, с вариациями и модуляциями. Рифмуются темы: в «Голубых цветочках» герцог д'Ож рисует фрески, а Сидролен пишет на стене граффити, в «Зази» Габриэль и Зази падают в обморок, Габриэль и Турандот танцуют «Умирающего лебедя». Рифмуются персонажи: лжекюре в «Репейнике» и фальшивый инспектор Бердан Пуаре, выдаю-

щий себя за сатира, в «Зази в метро». Рифмуются приемы: в «Репейнике», заметив Пьера, Нарцест «восклицательно употребляет форму второго лица единственного числа глагола *смотреть* в повелительном наклонении, затем произносит слоги, составляющие имя узнанной им личности. Завершая знаком, выражающим скорее вопросительность, нежели удивление»; через три страницы Бельотель, заметив Марселя, точно так же «восклицательно употребляет и т. д.».

Кено «повторяется» из книги в книгу, он постоянно отсылает читателя к своим собственным произведениям, словно пытаясь объединить их в один большой цикл. Так, из романа в роман переходят персонажи: фамилии Граммини («Дети Ила»), Агростис («Одиль»), Уидс («Лютая зима») на разных языках означают одно и то же слово — «репейник»; Бэби Туту рождается в «Репейнике» и появляется в «Детях Ила»; однофамилец Валантена Брю («Воскресенье жизни») мелькает в «Одилии»; у Альфреда из «Последних дней» существует одноименный коллега во «Вдали от Рюэля», главный герой «Воскресенья жизни» дублирует своего предшественника в «Репейни-

ке». В последнем романе «Полет Икара»[121] Кено собирает целую когорту старых персонажей: Винтер из «Лютой зимы», целая коллекция Жанов, когорта Дюпонов, Дюранов, Этьенов, которые становятся персонажами романиста Сюрже, который сам является персонажем. Рифма из персонажей и перевернутых ситуаций (персонаж романист становится романистом персонажем) замыкает круг и заключает романистический цикл: последний роман «Полет Икара» перекликается с первым романом «Репейник». Перед нами еще одна двойственная история без конца, цветник каламбуров и ироничных аллюзий, за которыми проглядывает все тот же замкнутый круг. «Столько истории! — сказал герцог д'Ож герцогу д'Ож. — История на истории — и все ради нескольких жалких каламбуров, ради пары анахронизмов! Какое убожество! Будет этому когда-нибудь конец или нет, хотел бы я знать!» Но если трудно выйти из Истории несчастий, то зато можно, каламбуря, развенчать или, как говорил Кено, «сдуть» колесо Истории и Литературы для того, чтобы прийти к некоей мудрости. Автор на-

[121] Примечания: 121

Игра, построенная на полисемии: название «Vol d'Icare» может прочитываться и как «Похищение Икара», тем более что в романе Икара действительно похищают.

поминает: «Не следует презирать каламбуры: они низводят фарисейство и претенциозность»[122]. Так, каламбуря и отшучиваясь, персонажи отвечают друг другу поверх рассказываемого случая, из книги в книгу, как если бы они были частью одной большой всеобщей Истории, истории Литературы. Герцог д'Ож из «Голубых цветочков» любуется «часовней Сент-Шапель, жемчужиной готического искусства», которой уже любовались Габриэль и Федор Балванович в «Зази». Дело душегуба Ландрю обсуждают в «Последних днях» и в «Интимном дневнике».

Используя подобные приемы, Кено не ограничивается своими произведениями: он часто использует произведения других авторов, причем в самых разных формах (прямое цитирование, искажение, перифраза, обращение, намек). Пародия на предшественников раздвигает границы произведения, помещает его в более общий творческий контекст, т. е. в литературу как таковую. Диалоги на похоронах в романах «Репейник» и «Вдали от Рюэля» включают реплики из «Гамлета», героиня романа «С ними по-хорошему нельзя» перефразирует Достоевского. Вот неполный список

[122] Примечания: 122
Queneau R. Journal 1939–1940. P. 101.

авторов, которых Кено цитирует или пародирует в «Голубых цветочках»: кроме Бодлера, на заднем плане проходят Борхес, Жорж Дю Морье, Уэллс, Кольридж, Льюис Кэрролл, Гюго, Киплинг, Грак, Вийон, Мольер, Роб-Грийе, Ронсар, Брехт, Флобер, Томас де Куинси, Рембо. Два романа, написанных под псевдонимом Салли Мара, можно вообще читать параллельно с «Улиссом» Джойса. Кено никогда не упускает возможности предоставить своим персонажам право пофилософствовать; они открыто заимствуют мысли или даже отдельные высказывания у Аристотеля, Гегеля, Канта, Лейбница и Хайдеггера. Происходит перекличка манифестов Малерба и Дю Белле, библейских источников и народных сказок.

Ритмический и рифмованный повтор у Кено — это еще и попытка реализовать все возможности литературного материала. Вспоминая искусство фуги Баха, автор берет все от риторического арсенала повторения: в различных сочетаниях обыгрываются слова, фразы, сюжеты. Так, Салли Мара в своем «Дневнике» в разной последовательности приводит список приглашенных к поэту Падреку Богалу, поэт де Сигаль из «Вдали от Рюэля» поочередно курит трубку, кальян, наргиле, чубук, носогрейку, хуку, коро-

лева из «Репейника» пробует разные языки, для того чтобы назвать себя: «Я есть... Же сюи... Йо сой... Зе суи... Ш'сюи... Их бин... Ай эм...»[123] Модуляция приемов оказывается до такой степени вписанной в дух романов, что «цветочки риторики» становятся цветами плоти. Вариации на заданную тему с заданной структурой отличаются особенным совершенством в «Упражнениях стиля», опубликованных в 1947 году. В этом «эссе» Кено повторяет девяносто девять раз один и тот же банальный, ничем не примечательный случай и каждый раз рассказывает его по-разному. В итоге темой оказывается не заурядная история, а невероятные приключения языка: виртуозная манипуляция различными стилями (от академического до арготического), жанрами (различные формы просодии и стихосложения), пластами языка, манерами повествования и точками зрения. Книга теряет свою банальность и превращается в абстрактную идею: некое подобие бесконечной «идеальной книги ни о чем», о которой мечтал еще Флобер, и вместе с тем конкретизированной квинтэссенцией всей литературы.

---

[123] Примечания: 123
Queneau R. Le chiendent. P. 427–428.

Вариация возможна только тогда, когда есть четко заданная основная тема. Кено, новатор и традиционалист, строит романы, строго соблюдая заданные самому себе правила. «Я всегда считал, — заявляет автор, — что литературное произведение должно иметь структуру и форму, и в первом романе, который я написал, я постарался сделать эту структуру чрезвычайно жесткой, к тому же многообразной, чтобы была не одна структура, а несколько»[124]. Кено и в самом деле выбирает не один прием, а несколько; бесконечные вариации подчиняются определенным структурам, структуры пересекаются и скрывают друг друга. Так, в «Репейнике» используются три фиксированные формы: триолет, секстина, пантун, а также различные виды повествования: описание, диалог, пересказанный диалог, внутренний, внешний или написанный монолог, дневник, сон, письмо, рассказ. Существует сложная система взаимосвязи между количеством глав и их объемом. Каждая из тринадцати глав включает в себя семь параграфов, из которых каждый имеет особенную форму, вид, стиль, наклонение времен или место действия. Число семь Кено выбирает не

[124] Примечания: 124
Queneau R. Entretiens avec Georges Charbonnier. P. 47.

случайно, это «цифровой образ» самого автора, чья фамилия и имя состоят из семи букв (Raymond Queneau). Каждая часть соблюдает закон трех единств, но еще и закон рекуррентности персонажей, которые на своем уровне участвуют в строительстве и рифмовке романа. «Персонажи появляются ритмично, в определенный момент и в определенном месте»[125], — признается Кено. В романе «Последние дни» мы находим ту же цифру семь, помноженную на семь. Каждая шестая глава — монолог центрального персонажа, официанта Альфреда, занимающегося подсчетом вероятностей и изучением планет, а также выполняющего функцию оси, вокруг которой сменяются («крутятся») посетители, рюмки и чашки с блюдцами. Если в опубликованном романе читатель найдет всего лишь тридцать восемь глав, то только потому, что Кено специально «убрал строительные леса и синкопировал ритм». Подобные отступления лишний раз доказывают гибкость конструкции. Соблюдение правил не обязательно влечет за собой слепое и бездумное следование выбранной схеме. Запрограммированная структура не означает механическое

[125] Примечания: 125
Queneau R. Entretiens avec Georges Charbonnier. P. 49.

заполнение; автор — «инженер», а не техник, и он может по своему желанию отступить от правил. Во всех романах Кено существует некий сознательный сдвиг схемы, сбой или погрешность расчетов; этот «клинамен» (термин, которым Демокрит и Лукреций определяют отклонение атомов[126]) — знак несовершенства — смягчает структуру и очеловечивает историю.

«Всякая обоснованная литература должна быть классической, и даже всякая литература, достойная этого имени, должна отказать себе в расхлябанности: автоматизм писарей, неконструктивное попустительство и т. д.»[127]. Поэтическое творчество — как часто любит повторять Кено — это прежде всего работа. Не удивительно, что УЛИПО, основанное Кено и Франсуа Ле Лионнэ, задумывается как цех для экспериментального производства литературных форм. Цель улипистов — «предлагать писателям новые “структуры” математического характера или изобретать новые искусственные или механические приемы, которые должны внести свой

[126] Примечания: 126

Этимологически атом означает «отклоняющийся от регулярного движения».

[127] Примечания: 127

Queneau R. Le voyage en Grèce. P. 11.

вклад в литературную деятельность: подпорки для вдохновения... помощь в творчестве»[128]. Но использование этих подпорок еще недостаточно для порождения литературных произведений. Кено настаивает на скромной, «технической» роли УЛИПО, упражнения и эксперименты членов которого — не литературное творчество, а лишь попытка реализовать свою потенциальность. УЛИПО открывает, разрабатывает и проверяет на практике новые структуры.

Тема приема как формального ограничения присутствует у Кено постоянно. Его тексты всегда определяются выбранной структурой, подчиняются определенным правилам и выстраиваются с математической точностью: «Обычно я знаю, что мне надо сказать и что я хочу сказать, просто я хочу это сказать определенным образом и в рамках определенной структуры, арматуры, которая, мне кажется, вносит большую точность в то, что я намереваюсь сказать, так чтобы это не растеклось кое-как, по сторонам, в бесформенном виде»[129]. Что это, попытка обуздать «растекающееся» время и победить «бесформен-

[128] Примечания: 128
Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. P. 321.

[129] Примечания: 129
Queneau R. Entretiens avec Georges Charbonnier. P. 53–54.

ное» пространство? Обращение к классической строгости как к последнему средству борьбы с Историей? Стремление четко ограничить предел («построить лабиринт», чтобы из него выйти)? Упорядочить хаос, заключая его в жесткие рамки? Парадоксально то, что под «гнетом» формального ограничения семантика текста может оказаться на удивление свободной и богатой: ограничение ничуть не ограничивает фантазию, а, наоборот, «стимулирует» ее. Кено часто подчеркивает значение аксиоматического метода: он — не что иное, как «искусство составлять тексты, формализация которых представляется легкой задачей». Ограничение становится аксиомой текста. От романа к роману происходит целенаправленный перенос законов математики на литературное творчество. Так постепенно риторика, стилистика и поэтика соединяются с логикой и математикой. «Отсутствие противопоставления между наукой и поэзией мне кажется одним из условий существования завтрашней цивилизации»[130], — заявляет Кено. Органичное слияние науки и литературы становится одной из тем «Маленькой портативной космого-

[130] Примечания: 130
«К столетию Эмиля Верхарна», с. 26.

нии» (1950). Эта поэма строится как настоящая энциклопедия со своим алфавитным и хронологическим порядком: в Первой Песне речь идет о рождении Земли и появлении жизни, во Второй — об эволюции, в Третьей — о «простых телах» и таблице Менделеева, в Четвертой — о животном и растительном мире, человек появляется в конце Пятой, Шестая посвящена механизмам и заканчивается вычислительными машинами.

Произведения 50-х годов отражают возрастающий интерес Кено к комбинаторике. Автор изучает фиксированные формы традиционной поэтики, в частности сонет и секстину, исследует возможности развития риторических приемов. В УЛИПО он предлагает целый ряд новых структур: «Отношение: X принимает Y за Z», «Ке-нина» (по аналогии с сикстиной), «определительная литература», «раздутость Фана Арме». Изучение и применение на литературной практике постулатов Бурбаки, Фибоначчи и Гилберта приводит к алгебраизации текстообразования с помощью матриц и алгоритмов. Кено задумывается о пределах запрограммированности литературного произведения и научном создании «бесконечно потенциальных» произведений: «...на смену эпохи ТВОРЕНИЙ ТВОРИМЫХ, т. е. всех извест-

ных нам литературных произведений, должна прийти эра ТВОРЕНИЙ ТВОРЯЩИХ, способных развиваться из самих себя и после себя, одновременно предусмотренным и неисчерпаемо непредсказуемым образом»[131].

В 1961 году Кено публикует книгу, которую можно смело окрестить «творящим творением». «Сто тысяч миллиардов поэм» состоит из десяти сонетов, каждая стихотворная строка одного сонета комбинируется с тринадцатью строками остальных девяти сонетов. В каждом вновь образованном сонете сохраняется связность и то, что называют поэтической образностью. Перебирая все комбинации, мы получаем 10^{14} сонетов, на чтение которых нам потребуется, как уточняет автор, «приблизительно двести миллионов лет». В инструкции к применению Кено объясняет правила составления стихов (просодия, рифмы, грамматические структуры, сложности сочетания) и цитирует фразу Лотреамона: «Поэзия должна делаться всеми, а не одним». В первом издании все страницы книги были специально разрезаны на полоски, что позволяло переворачивать полоски со строками, а не страницы с

[131] Примечания: 131

Dossiers du Collège 'Pataphysique, № 17, 22 sable 89 E. P. (22 декабря 1961 г. по обычному календарю).

сонетами. Поразительная книга-предмет стала не только материальной реализацией «литературной машины» Свифта, но и первым примером по-настоящему потенциальной литературы. Подобные опыты можно рассматривать не только как демонстрацию цикличности и обратимости бесконечного письма, но еще и как пример относительности всякой попытки определить и завершить литературное произведение. Это еще и образец автономного творения, в котором автор словно самоустраняется. В этой «бесконечно» открытой книге читатель получает возможность свободно выбирать и строить *свое* произведение. Кено использует подобный подход и в «Сказке на ваш вкус», где читателю постоянно приходится выбирать один из двух предлагаемых вариантов повествования. Читатель должен *действовать*, его роль становится активной: «Почему от него, читателя, не требуют хотя бы небольшого усилия? Ему, читателю, всегда все объясняют. В конце концов он, читатель, обижается на такое пренебрежительное к себе отношение»[132]. Рассказ продвигается при соучастии читателя, даже если само произведение предопределено автором.

[132] Примечания: 132

Аннотация к «Каменной глотке». — В кн.: Queneau R. Gueule de pierre. P., 1934.

Кено словно приглашает нас в царство чтения, предлагает нам поучаствовать в заговоре письма, которое доказывает, как пишет Жорж Перек, свое «движение по ходу движения»[133]. При этом изменяется статус читателя: тот может считать себя равноправным участником литературного процесса, даже если в финале это оказывается очередной иллюзией.

* * *

Возьмите первое словцо

Сварите круто, как яйцо

Немного смысла покрошите

И много простодушия вложите

Поставьте все на медленный огонь

На медленный огонь технического чуда

Полейте соусом загадочности блюдо

Посыпьте звездным порошком, что дали небеса

Добавьте перцу, распустите паруса

А дальше? Что хотели этим вы сказать?

---

[133] Примечания: 133
Perec G. Penser / Classer. P., 1992. P. 11.

А дальше следует писать

По-настоящему? писать?

Раймон Кено. «К поэтическому искусству»

Труднее всего определить, о чем Кено не пишет. Среди многообразия тем невозможно выделить главную; все выстраивается в цепь ровных и равных общих исторических событий и частных происшествий, что и составляет человеческую жизнь. Не случайно в «Последних днях» пережитая Первая мировая война, дело Ландрю (убийство десяти женщин и подростка) и случай из криминальных новостей (одноглазому человеку выкололи единственный глаз) оцениваются персонажами с одинаковым воодушевлением. Восточная метафизика и здесь оказывает влияние на мировоззрение Кено: великое оказывается в малом. Все может стать темой для переживания персонажей, все может стать сюжетом для литературы: сны, вши, селедка в имбире, дождь, аперитив, кинофильм, потные ноги, ирландское восстание… Иногда незначительность темы просто поражает; сюжет «Упражнений в стиле» сводится к толкучке в автобусе, перепалке двух пассажиров, шляпе с лентой и недостающей пуговице. На замечание Жака Л’Омона из «Вдали

от Рюэля»: «Вы можете сочинять поэмы на любые темы» — поэт Луфифи отвечает: «Даже о носках. Носки тоже нужно воспевать»[134]. В рассказе «Кафе Франции» персонаж Кено заявляет: «Я, простите, — поэт. Руины, блядство, глупость — это всегда согревает душу поэта». Все согревает душу поэта, важно соблюдать главное правило: избегать общих мест.

Для Кено единственный способ воспевать банальное, не впадая в досужую болтовню, заключается в выборе своей точки зрения. Писатель высказывает свое отношение, демонстрирует свое участие, другими словами, принимает участие в вещах. Если взгляд необычен, то предмет может быть банальным и вульгарным. Поэзия — средство увековечить ускользающую красоту предметов, даже если они тривиальны. Быть может, это особый вид трансформации, который позволяет человеку сделать приемлемым для себя мир, в котором он живет. Революция поэтического языка у Кено связана во многом с изменением взгляда не только на предмет (как это происходит у Жарри или Фолкнера), но и на язык и тем самым на мир. Кено блестяще упраж-

[134] Примечания: 134
Queneau R. Loin de Rueil. P., 1982. P. 30.

няется в описании привычного под необычным углом зрения: так происходит описание путешествия безумной родимогородки в Чужеземье («Жди-не-Жди») или похорон с точки зрения собаки («Репейник»). Отстранение трансформирует восприятие предмета, взрывает его банальность; Кено словно реализует на практике прием остранения русских формалистов, которых он, вероятно, никогда не читал.

Подвергая сомнению привычный взгляд на вещи и мир, Кено также ставит под вопрос видение и описание Истории. «Бытовые случаи, — замечает автор, — мелкие интимные проблемы вдохновили авторов на создание произведений, которые были неспособны породить самые серьезные социальные потрясения и самые жестокие войны. Таково правило литературной игры»[135]. Повествование — не эпопея, а обычный рассказ, мелкий индивидуальный случай, но индивидуум оказывается в самом сердце истории. Кено совершенно по-новому осмысливает их отношения: «“Илиада” — это частная жизнь людей, которой помешала история», а в «Одиссее» «интересен индивидуум и интересно стремление придать

[135] Примечания: 135
Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. P. 195.

ему историческое значение»[136]. Если литература рождается из бытового случая, то история может к нему сводиться: так, «по трем самым шумным инцидентам 1912 года (преступления банды Бонно, крушение “Титаника”, кража “Джоконды”), идеальным иллюстрациям “Последних новостей”, которые были и остаются [в 1930 году] тремя полюсами современного воображения, точками ориентации, можно классифицировать и переставлять последующие события так: русская революция — завершение первого, наводнение на юге Франции — отражение второго, мировая война [*Первая*], несомненно, относится к третьему»[137]. История сводится к случаю, а литературное повествование занято бытом. Выбирая этот минималистский подход, напоминающий принцип Рабле, писатель рассказывает жизнь деталей для того, чтобы произведение получило доступ к универсальности, к «гармонии сфер». Минимализм вписывается в вещественность и человечность мира. Не исключено, что именно это имел в виду Жорж Перек: «Быть может, стоит наконец основать нашу собственную антропо-

[136] Примечания: 136
Queneau R. Entretiens avec Georges Charbonnier. P. 64–65.

[137] Примечания: 137
Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. P. 295.

логию: науку, которая расскажет о нас, которая будет искать в нас то, что мы так долго грабили в других»[138].

Все персонажи Кено — простые «маленькие» люди, к которым легко привязаться и за маленькими приключениями которых следишь с улыбкой на устах. Редкий роман обходится без консьержек, бакалейщиц, трактирщиков, служанок, пенсионеров; часто встречаются пьяницы, поэты и проститутки, каждый третий — фантазер или мелкий мошенник. Отношение автора не имеет ничего общего с реализмом и психологизмом: герой Кено любит поесть, выпить и завести интрижку, то есть предельно выражает среднестатистическую и общечеловеческую мечту о счастье; он редко работает, часто мечтает: он — элемент конструкции и персонаж сказки. Подобно сказочному герою, созерцают и набираются мудрости Венсан Тюкден, Ролан Трави, Пьеро, Луи-Филипп де Сигаль, Валантен... Живя в конце гегельянской Истории, персонажам, ищущим свой путь в жизни книги, не остается ничего другого, как «перейти последний этап, отделяющий философское созерцание от Мудрости,

---

[138] Примечания: 138
Perec G. L'Infraordinaire. P., 1989. P. 12.

которая позволяет охватить одним рассудочным взглядом конкретную тотальность законченной Вселенной, этот последний этап, как водится, оказывается Святостью с большей или меньшей религиозной окрашенностью»[139]. Жак Л'Омон («Вдали от Рюэля»), быть может, — лучшая иллюстрация подобного восхождения: в поисках своего «я» он примеряет разные лики и судьбы, играя в своем внутреннем кинематографе самые удивительные роли, но в итоге выбирает работу статиста, параллельно следуя путем аскезы, самоуничижения и самоотрицания. «Способен ли я стать совсем ничем? — спрашивает он. — Я так хотел стать святым»[140]. Но продолжает двигаться по кругу, его восхождение — всего лишь еще один виток, еще одна роль, еще одна маска. Смена французского имени Л'Омон (милостыня или подаяние) на английское Чарити только подчеркивает тщетность проделанного пути.

Фамилии персонажей Кено заслуживают особенного внимания. Кроме прямых заимствований (актриса Элис Фэй, актер Уильям Харт, Икар, Турандот), очевидных смысловых харак-

---

[139] Примечания: 139
Kojève A. Les romans de la sagesse // Critique, № 8 (mars 1952). P. 396.

[140] Примечания: 140
Queneau R. Loin de Rueil. P. 144.

теристик (Шок, Хвощ, Сноха, Балда, Футлярчик, Бордейль...), автор создает целую плеяду причудливых полисемантических фамилий, составные элементы которых часто заимствованы из разных языков (Спиракуль и Квостоган, Нарцест и Крисс, Сидролен, Красношип, Штобсдел...). Официант в «Последних днях» замечает, что «с именем следует считаться»: имя в романах Кено — это знак причастности к истории и самоутверждения. На протяжении всего «Воскресенья жизни» Поль сменяет 52 фамилии; Болюкра (искаж. «хорошая нажива») последовательно трансформируется в Булингра, Ботюга, Брелюга, Ботега, Бредюга, Бретога, Братага, Батрага, Брюбагра... Целое ономастическое ожерелье заканчивается изначальным Болюкра, как если бы временной цикл года из пятидесяти двух недель завершился только для того, чтобы начаться заново.

Персонажи, средства автобиографического выражения Кено, поочередно заимствуют характерные для него черты: Пьеро оказывается близоруким («Мой друг Пьеро»), от астматического Зла страдает Луфифи («Вдали от Рюэля») и Даниэль («Дети Ила»); духовными поисками заняты Жак Л'Омон («Вдали от Рюэля») и Валантен («Воскресенье жизни»). Вместе с тем, по-своему

отражая каждую авторскую грань, они живут своей, часто непредсказуемой жизнью. В каждой фиктивной жизни Кено сознательно смешивает две различные функции: «Персонаж романа, даже если он не выразитель намерений автора, не может быть совершенно ему чужим, (...) но если автор решает сделать его своим глашатаем, персонаж от него ускользает»[141]. Трускайон, он же Арун ар-Рахис — полицейский и сатир в одном лице, — как нельзя лучше выражает отношение Кено к своим героям: «Я есть сущий, тот, которого вы знали, но порой не узнавали. Князь мира сего и окрестностей. Я люблю бродить по своим владениям в разных обличьях, облекаясь в одежды сомнительности и ложности, каковые, кстати сказать, присущи мне». И действительно, автор этого романа и многих смежных книг награждает своих персонажей неуверенностью и ошибочностью, присущими ему самому. «Я распыляюсь», — признается Кено в «Дневнике»; распыление происходит через множественность персонажей и соответственно точек зрения, которое благодаря различию каждого виртуально выявляет единое целое. Нет персонажа, который мог бы

[141] Примечания: 141
Cahiers des amis de Valentin Brû, № 16–17 (septembre 1981). P. 53.

претендовать на привилегированное положение и бóльшую «отражаемость» автора. Кено выбирает плюрализм высказываний и запрет на субъективную экспансию «я», которая была бы единственным голосом текста. Авторское «я» составляется из последовательных импрессионистических мазков; многоголосие образует сложный, но единый хор.

Отношение Кено к своим героям довольно противоречиво: «порой персонажи ускользают от воли автора: ведь человек выскользнул из рук Бога, своего Творца, чтобы грешить. Что на это говорит автор?»[142] На первый взгляд может показаться, что персонажи освобождены от авторской опеки и действуют самостоятельно, автор не вмешивается в их полемику и воздерживается от каких-либо оценок. Распыленные осколки личности автономны; каждый дает свою точку зрения. То, что Кено пишет о Джойсе и Гертруде Стайн, может быть приложимо и к его творчеству: он также «стремится к типизации, универсализации через индивидуализацию»[143]. Невозможно проиллюстрировать этот принцип

[142] Примечания: 142
Queneau R. Journal 1939–1940. P. 89.

[143] Примечания: 143
Queneau R. Quelques Mattres du XX siècle. P. 231.

более показательно, чем это сделано в «Упражнениях в стиле». В этом произведении индивидуум Кено устраняется или скорее прячется за множеством индивидуальных рассказчиков, из которых каждый предлагает собственное субъективное видение и описание, зачастую противоречащие другим. Лишь совокупность разных точек зрения (прочтения) дает обобщающий и обобщенный образ объективности, другими словами, тотальную объективность, к которой взывал Флобер.

Парадоксально то, что, стремясь к «распыляемости» и тотальной объективности, автор не перестает подчеркивать собственную писательскую деятельность. Так, осознавая значимость своей роли, он вплетает себя самого в ткань повествования и постоянно извещает о своем присутствии. По примеру Рабле Кено постоянно вмешивается в рассказываемую историю, используя различные и порой самые неожиданные приемы. «Репейник» является настоящей копилкой подобных отступлений: « — Это не я выдумала, — сказала королева. — Это в книге. / — В какой книге? — спросили два кузнеца. / — Ну, в этой. В той, где мы сейчас, которая повторяет то, что мы говорим, по мере того, как мы это говорим, и которая за нами следует и нас

рассказывает; настоящий бювар, что приклеили к нашим жизням»[144]. Прописывая персонажей, автор удерживает их в рамках повествования и навязывает им их несчастья: « — ...Ну, до чего же противно это все написано, вот, все, что только что написано. Черт! / — Ну, так надо вырезать этот эпизод, — доброжелательно обронил Этьен. — Надо его стереть. / — Листературеть, — добавил Сатурнен. / — Это невозможно, — сказала г-жа Клош. — Дело сделано. А сделанного не вернешь. Какое горе!»[145] Кено использует всю гамму стилистических находок, всячески подчеркивая свое участие. Так, например, он дополняет пунктуацию и создает возмутительный знак: «Oii — это возмутительный знак» — или прибегает к собственным оценкам и комментариям, заключая их в скобки: «(Черт-те что!)», «(Это же надо!)», «(Никогда бы не поверил!)»... Автор может отстраняться от философского, педантичного языка своих персонажей: «(Ну и формулировка!)», литературных клише: «(так пишут в романах)», «(как говорит приличная публика)» — и чрезмерно категорических заявлений: «(Это еще надо

[144] Примечания: 144
Queneau R. Le chiendent. P. 429.

[145] Примечания: 145
Queneau R. Le chiendent. P. 430.

проверить)». Перечисляя предметы, Кено может спросить читателя и себя самого, не упустил ли он чего-нибудь: «(Ах да! Вот еще что...)» — или поставить под сомнение только что написанное: «(Это неправда)». Кено постоянно подчеркивает фиктивный характер текста, разрыв между временем написания, повествования и чтения: «она научила их играть в (здесь название игры, которая была в моде три года назад)»; раскрывает принцип письма («Четыре, пять, шесть капель воды. Люди, беспокоясь за свою солому, поднимают лица к небу. Описание грозы в Париже. Летом»), обнажает литературную конструкцию («Наблюдатель встает и уходит, не заплатив (он еще вернется)»). Это позволяет Кено играть с читателем и даже входить с ним в писательско-читательский сговор («Это была, самые смышленые, конечно же, угадали, машина Пьера»), а также отсылать его к материальности читаемой книги («как мы только что видели», «как уже говорилось», «как это описано в предыдущей главе» и т. п.). Проявляясь по-разному, автор постоянно присутствует в произведении. Но дистанция, которую он соблюдает по отношению к мизансцене, развенчивает устоявшиеся представления о писательском назначении.

Таким образом, Кено предлагает по-новому относиться к литературному тексту: если произведение — продукт сознательной и осознанной работы писателя, то в свою очередь должен трудиться и читатель. Несмотря на культурные и исторические различия подходов, в этом своеобразном контракте ни одна сторона не оказывается обманутой. Писательская деятельность должна вовлекать в литературный процесс всех участников: автора, произведение и читателя. Достаточно послушать консьержа Сатурнена, рассказывающего о муках литературного творчества: «И все равно, кроме шуток, мое великое произведение продвигается. А? Посмотрите на номер страницы вверху справа и сравните с номером последней страницы, так вот, не так уж и много осталось прочесть, ведь правда? Одни будут довольны. Я даже отсюда их вижу, этих лодырей и лентяев. (...) Но есть и другие, те, что скажут: Как?! Уже все?! (...) Как представлю, что кто-то будет продолжать читать, что кто-то и сейчас продолжает читать. Нет, действительно. Идите сюда, я прижму вас, дети мои, к своему сердцу. Хотите продолжать? Так давайте! Про-

должайте! Вперед! Вперед!»[146] Юмористическое отстранение не довольствуется литературным процессом, но атакует само содержание литературы и заржавевший академизм «великих идей и чувств».

Соединение «распыляемости» с постоянным напоминанием о себе может показаться по меньшей мере парадоксальным. Но только на первый взгляд. Отказ от авторского диктата, уклонение от однозначной ответственности за повествование и вместе с тем нарочитые заигрывания, напоминающие читателю, кто есть кто, — суть две стороны одной медали. И то и другое вписывается в осознанную двойственность: «Когда я делаю какое-либо заявление, то сразу же замечаю, что обратное ему высказывание также интересно, до такой степени, что это становится суеверием»[147]. Что стоит за этим суеверным нежеланием высказаться определенно (ограничивая предел)? Гипертрофированная диалектика? Патафизика или философия дао? Кено готов всегда поставить под сомнение любое свое рассуждение: «Если я начинаю думать, то уже никак не могу из этого

[146] Примечания: 146
Queneau R. Le chiendent. P. 408–409.

[147] Примечания: 147
Queneau R. Entretiens avec Georges Charbonnier. P. 12–13.

выбраться. Так что я предпочитаю пинать язык по заднице»[148]. В статье «Несколько мастеров XX века», посвященной Джеймсу, Жиду, Прусту, Кафке и Гертруде Стайн, Кено констатирует, что «роман устал, и пора задумываться о выживании жанра». Размышляя о перспективах его развития, Кено отдает дань Флоберу — первому, хто смог «методическим образом практиковать сомнение в отношении своего искусства». Эта фраза Декарта заслуживает особого внимания, поскольку она передает отношение Кено не только к роману и литературному письму, но и вообще к знанию и познанию.

В каком-то смысле подход Кено (мы никогда не сумеем предвидеть, что может написать индивидуум) предвосхищает позицию Ролана Барта; начиная с 50-х годов тот также задается вопросом: «Как подступить к этой тонкой нити, связывающей произведение и его автора». Перед всяким анализом критический взгляд должен определить собственное «местоположение». Кено понимает, что писать о другом — это прежде всего писать о себе, а высказать всю правду невозможно. Автор, рассказывая о чем угодно, в итоге

[148] Примечания: 148
Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. P. 56.

рассказывает о тщетных попытках правдиво рассказать. Запись в «Дневнике» это подтверждает: «Можно ставить под сомнение внешность и обмануться, так как всякая вещь имеет множество видимостей, бесконечное количество видимостей». Письмо — зона сомнения — реальное пространство, заполненное видимостями, из которых читатель сможет построить свой собственный мир, отличный от мира, порожденного писателем. Романы Кено как раз и являются зоной смущения, территорией между-речья, где персонажу, как и автору, постоянно приходится выбирать между молчанием и изречением правды: «Зажатый в углу вагона каким-то жирняем, у которого воняло изо рта, он погрузился в целую серию размышлений о необходимости предварительного сомнения для любого философского размышления. (...) Всякое действие — разочарование, всякая мысль — заблуждение. И именно из-за наивности: мы допускаем искренность любой видимости, хотя в ней, наоборот, следует сомневаться»[149].

Кажется, будто Кено одновременно пытается себя вписать в свое творчество и себя стереть.

---

[149] Примечания: 149
Queneau R. Le chiendent. P. 222.

В мире литературности это стирание связано с утратой значения персонажа: «Одновременно с миром, он сам утрачивал всякую ценность и всякое значение. Он растворялся, он стирался, он изничтожался»[150]. Подобно своим героям, которые растворяются в финале романа: Пюрпюлан — в водах Сены, Пьер Набонид — в болоте, Кено пытается раствориться в письме, реализовать на практике принцип дао: добровольный отказ от значительности и самоустранение. Малларме уже отмечал этот парадокс, присущий современной литературе: обосновывая себя собственным письмом, автор заявляет о своей смерти, или, точнее, о стремлении заглушить свой голос. В «Дневнике» Кено признается: «Раньше я не смог бы вести такой “дневник”. На это мне не хватило бы откровенности. Тогда я хотел оставить о себе совершенный образ; и я себя перечеркивал. Здесь речь идет не о произведении искусства и не о документе, а об испытании, испытании моей посредственной, изменяющейся и тленной личности — короче, это должно быть свидетельство откровенности»[151].

---

[150] Примечания: 150
Ibid. P. 206.

[151] Примечания: 151
Queneau R. Journal 1939–1940. P. 67.

Чтение Кено должно учитывать эту откровенность, несовместимую с произведением искусства и образом, который писатель хочет о себе оставить. Быть может, этот двойной разлом — перечеркивание и стирание — один из самых главных ключей к пониманию его творчества. Письмо овеществляется, материализуется и в этом воплощении становится автономным; оно предсказывает молчание автора, который уступает место читателю. Этот отказ от себя принимает у Кено значение и смысл метафизического искания. *Я* есть лишь этап, от которого следует отказаться, который следует пройти, чтобы подойти к высшей Личности, к сверхиндивидуальному и универсальному. Так, в «Элементарной морали» исчезают все формы первого лица, автор теряет буквы Q и U, ограничивающие его фамилию. Пространство письма — пространство трансформации, в котором сознательно осуществляется исчезновение, которое позволит «перешагнуть через человеческое состояние».

Это последнее произведение Кено кажется наиболее парадоксальным: в нем сочетаются радикальные формальные поиски с обращением к древней традиции, здесь сильнее, чем обычно, проявляется стремление к универсаль-

ности и классической гармонии, здесь как нигде ощущается внутренний «разлом» и авторский разрыв между желанием сказать и смолчать. Первая часть «Элементарной морали» строится как фиксированная форма, которую Кено назвал липолепсой: ABC / D / EFG / H (не больше 5–6 пентасиллабических строк) A'B'C' / D' или IJKL. Каждая буква обозначает группу из существительного и прилагательного. Строфы от A до H должны отмеряться ударами гонга или большого барабана. Затем следует повторение по типу ритурнеля. Конец обычно использует вариации строф от A до H или же продолжается от I до L с неизменными ударами в гонг или большой барабан. Эта структура напоминает лю-ши — основную китайскую фиксированную форму, часто использовавшуюся поэтом Ли Бо, жившим в VIII в. Вторая и Третья части строятся по принципу математической комбинаторики 64 гексаграмм на подобии китайской «Книги перемен». «Элементарную мораль» Кено невозможно свести к формальным и комбинаторным спекуляциям, это не только математическое и стилистическое упражнение, но еще и серьезный духовный опыт. Как пишет Ален Калам, здесь «математика и литература сливаются, подчиняясь <...> высшей инстанции,

“настоящей цели”, цели Освобождения»[152].

Близость позднего Кено к китайским мыслителям неудивительна: обращение к традиционной поэтике, архетипу, матрице — не случайное отклонение на пути к математизации литературы. С самого начала, во времена близости к сюрреализму и почти безусловного принятия марксизма, забота о литературной технике уживается у писателя с метафизическими устремлениями: «Действительно существует то, что называется... я не очень люблю употреблять это слово, но действительно существует поэтическое таинство»[153]. Изучение античных и средневековых риториков, страстное увлечение «литературными безумцами», а позднее работа над утопическим проектом Энциклопедии и поиски абсолютной Науки также сочетаются с попытками найти свой путь и проникнуть в таинство «высшей, запредельной» истины. Стоит ли удивляться, что для Кено литературная работа так или иначе подчиняется этой цели: «Поэзия — средство помочь нашему ограниченному ра-

[152] Примечания: 152

Calame A. L’esprit farouche / Lecture de Raymond Queneau // Petite bibliothèque quenienne, № 2. Limoges, 1989. P. 15.

[153] Примечания: 153

Queneau R. Entretiens avec Georges Charbonnier. P. 17–18.

зуму научиться неприкрытой правде»[154]. Но это учение может принимать и сочетать различные формы, причем формализм не обязательно противоречит метафизике: в этих двух манерах отражения экзистенциального страха существует много общего. В обоих случаях поиск «порядка» происходит через приобщение к «классицизму», но в первом случае письмо вырабатывается на индивидуальном уровне и заявляет о своем «я», во втором — черты и признаки своего «я» стираются; отказ позволяет достичь порядка, на этот раз Вселенского. И выбор «классического» гармонично вписывается в «традицию»; подобно тому, как в даосской традиции низкое приравнивается к высокому, а правое — к левому, новаторство Кено оборачивается индивидуализированной формой классицизма. Только тот, кто обрел знание, может увидеть, только тот, кто увидел, сможет познать. С этой точки зрения гармония чисел становится для Кено символом и залогом вселенского озарения: «Жизнь — ужасная вещь. Нет настоящей радости, если мы сами не захотим ее *увидеть*»[155].

---

[154] Примечания: 154
Queneau R. Le voyage en Grèce. P. 128.

[155] Примечания: 155
Nouvelle Revue Française, № 309 (1939). P. 1036.

Одним может показаться, что литература для Кено — это веселая игра в то, как мы говорим; другим — серьезное осмысление того, что мы видим и называем; третьим — одна из человеческих попыток, изменяя, понять собственный язык, а через него постичь то, что ни один язык не способен выразить. Все по-своему правы. «Правила исчезают, когда они теряют свою ценность. Но формы существуют вечно. Существуют формы романа, которые навязывают предложенному материалу все свойства Числа, и, рождаясь из самого выражения и различных аспектов повествования, органически связанная с направляющей идеей, дочерью и матерью всех притягиваемых элементов, развивается структура, которая передает произведениям последние отражения Универсального Света и последние отзвуки Гармонии Миров»[156].

Валерий Кислов

---

[156] Примечания: 156
Queneau R. Bâtons, chiffres et lettres. P. 33.